

*Министерство природных ресурсов и экологии
Российской Федерации
Федеральное государственное учреждение
«Национальный парк «Кенозерский»*

КЕНОЗЕРСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2009

Этнокультурный ландшафт Кенозерья: междисциплинарное исследование на пересечении естественных и гуманитарных наук

Сборник материалов
IV Всероссийской научно-практической конференции

Архангельск
2011

УДК 502.4(470.11)+947(470.11)

ББК 28.088^64(2Рос-4Арх-5Плесецкий)я431+63.3(2Рос-4Арх-5Плесецкий)я431

К 35

Ответственный редактор – Е.Ф. Шатковская

Составитель – М.Н. Мелютина

*Печатается по решению научно-методического совета
ФГУ «Национальный парк «Кенозерский»*

К 35 Кенозерские чтения – 2009. Этнокультурный ландшафт Кенозерья: междисциплинарное исследование на пересечении естественных и гуманитарных наук: сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции / сост. М.Н. Мелютина; отв. ред. Е.Ф. Шатковская; ФГУ «Национальный парк «Кенозерский». – Архангельск, 2011. – 442 с.

Сборник содержит материалы IV Всероссийской научно-практической конференции «Кенозерские чтения – 2009», проходившей на территории Национального парка «Кенозерский» (Архангельская обл.) 19 – 24 августа 2009 года. Авторы из ведущих университетов, музеев, исследовательских центров Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Петрозаводска, Каргополя, Ростова-на Дону представляют новые исследования в сфере изучения и сохранения природного и историко-культурного наследия Русского Севера и уникальной его части – Кенозерья.

В сборнике впервые вводятся в научный оборот документы и памятники материальной культуры Кенозерья, хранящиеся в государственных и частных российских и зарубежных коллекциях.

Издание адресовано специалистам, занимающимся изучением и сохранением наследия Русского Севера, развитием заповедного дела в России.

УДК 502.4(470.11)+947(470.11)

ББК 28.088^64(2Рос-4Арх-5Плесецкий)я 431+63.3(2Рос-4Арх-5Плесецкий)

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации*

© ФГУ «Национальный парк «Кенозерский», 2011

© ЗАО «Партнер НП», 2011

© Мелютина М.Н., составление, 2011

**Междисциплинарный подход
в исследовании этнокультурного
ландшафта Русского Севера:
этапы, концепции, методы**

ЧАСОВНИ И КРЕСТЫ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ (ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ)

Часовни получили чрезвычайно широкое распространение на Русском Севере и играли важную роль в духовной и общественной жизни крестьянства. «Это было вызвано особыми условиями церковной жизни северного края, где церковью было крайне недостаточно для чрезвычайно обширной, хотя и скудно населенной территории»¹.

Так, даже в начале XIX века в Архангельской губернии, занимавшей площадь более, чем 709 тыс. верст, и насчитывавшей в то время 8 городов, 3 посада и 3633 деревни или села, было только 437 церквей². А в конце XVII века, когда в 1682 году была образована новая епархия – Холмогорская и Важская (охватывавшая практически всю территорию будущей Архангельской губернии), количество церквей доходило лишь до 218³.

Даже в конце XIX века расстояние от приходской церкви до входящих в состав прихода селений порой достигало 20 – 70 верст, а иногда и более 100 «при затруднительном сообщении весной и осенью»⁴: «от приходской церкви по зимнему пути около 39, а водою до 51 версты»⁵, «в 25 верстах от церкви, сообщение по морю в карбасах, грунтовой дороги нет»⁶.

Недостаток церквей, отдаленность от них приходских селений, плохие пути сообщения (бездорожье, леса, болота, озера, а также разливающиеся весной и осенью многочисленные реки) – все это вызвало появление так называемых часовенных приходов, характерных именно для северной Руси. «В старину на Севере каждый приход, группируясь около церкви, как своего центра, в то же время дробился на более мелкие единицы – часовенные приходы, сосредоточенные около местной часовни»⁷.

Часовенный приход, таким образом, был «самой меньшей церковною общиною, состоял из одного или нескольких близко расположенных одно от другого селений»⁸.

Часовня в данном случае заменяла прихожанам церковь, но построить ее было гораздо легче, так как требовалось значительно меньше затрат рабочей силы, времени, строительного материала и средств, чем при строительстве церкви (построить которую крестьянам небольших северных деревень часто было не под силу).

Многочисленные часовни возникали одновременно с деревнями и «были устроены теми же "складчиками", которые, расчистив при совокупных усилиях место под пашню, или осушив болото под пожню, селились деревней на росчисти или близ оной. В силу исконного обычая, часть лесной росчисти или осушенного

болота складчики обычно отделяли "на свечу" тому святому, имени которого посвящалась часовня»⁹.

Удаленность деревни от приходского храма (или плохое сообщение между деревнями) и желание крестьян иметь место для общественной молитвы были причинами постройки часовен как в XV–XVII веках, когда многие северные деревни только образовывались, так и в XIX веке. Это подтверждают и архивные документы: «построена та часовня в давних годах <...> а строили ея всеми соседми той своея деревни далнего ради расстояния от церкви, потому что в той нашей волости в то время церкви не было» (1692 г.)¹⁰, «жительство имеем в трех верстах от церквей нашего Ровдинского прихода за рекою Вагою, весной и осенью во время разлития большой воды и несении льда нередко случается по невозможности переправиться за реку остаемся со своими семействами в праздничные и воскресные дни при своих домах, не имея вблизи ни церкви, ни молитвенного дома, где бы можно и необходимо в такие дни содтися единодушно и принести господу богу молитву» (1878 г.)¹¹.

Очень часто новые церкви потом строились на месте таких удаленных от храма часовен и, как правило, освящались в честь тех же святых, во имя которых некогда были построены часовни¹².

Иногда, если размеры часовен это позволяли, церкви не просто устраивали на часовенном месте, а перестраивали сами часовни, «обращали» их в церкви «через постройку алтаря»¹³. Как правило, это было вызвано недостатком средств на строительство храма и было временной мерой, поскольку размеры часовен, рассчитанных на крестьян одной деревни, не могли долго удовлетворять потребности вновь образованных приходов.

Известны случаи, когда в конце XIX – начале XX века часовню из деревни, где устраивали приходскую церковь, перевозили в другую деревню того же прихода¹⁴.

Часовни обычно строились и после пожара церкви¹⁵ «за крайней скудностью прихожан»¹⁶. Деревянные церкви горели часто, а для возобновления их требовалось какое-то время, иногда значительное. В таких случаях часовни строились «ради хранения книг и церковной всякой утвари»¹⁷ и полностью выполняли функции церкви до построения новой.

Из-за суровых климатических условий Севера не во всех его регионах земледелие могло обеспечивать крестьянам средства существования, поэтому важным подспорьем в хозяйстве северян были животноводство, охота, морские и речные промыслы. Вынужденные длительное время проводить вне дома, в безлюдных местах, крестьяне ставили небольшую часовенку на дальних сенокосах¹⁸ и охотничьих угодьях¹⁹, на берегах озер и рек²⁰, на тонях²¹, в местах морских промыслов²²: «... мы, отправляясь с сего места в открытое море для звериных морских и рыбных промыслов, чувствуем потребность еще помолиться и просить у Господа помощи о благополучном плавании среди льдов, о промысле, как единственном

средстве добыть себе насущный хлеб при неимении хлебопашества и успешном возвращении к своей семье»²³.

Еще чаще ставились часовни в местах промыслов, принадлежащих северным монастырям: около соляных варниц, сенокосов, рыболовных тонь²⁴.

Можно предположить, что эти часовни устраивались не только для моления, но и для своеобразного освящения места промыслов, в расчете на помощь святых в тяжелом труде и борьбе с суровой природой. Для крестьян был характерен именно такой, практический, подход к святым, которые, в крестьянском понимании, несли «определенную функциональную нагрузку» при условии почтительного к ним отношения²⁵.

Непосредственным поводом к постройке часовни могло стать какое-либо общественное несчастье – падеж скота («скотский падеж», «конский падеж») ²⁶, пожар в деревне²⁷, наводнение²⁸, неурожай хлеба («градобойный хлебный недород», «хлебная скудость и недород», «сухость и хлебная скудость», «повреждение нив червями») ²⁹, повальная болезнь («моровое поветрие», «чревная немощ», «чревная скорбь», «моровая язва», «повальная болезнь») ³⁰ и т.д.

Н.Ф. Яницкий, один из первых исследователей северных часовен, проанализировав причины постройки часовен XVII века (по «Переписным книгам часовен в Важском уезде и Устьянских сохах» 1692 г.), сделал вывод, что падеж скота – главная причина возведения часовен на Севере, она названа в подавляющем большинстве случаев³¹. Доказательством важности этой причины является и то, что самыми популярными святыми, которым посвящались часовни, были Флор и Лавр (покровители лошадей), Георгий (покровитель земледелия и скотоводства) и Василий (покровитель животных, преимущественно домашнего скота)³². Только часовни, освященные в честь Николая Чудотворца, стоят по количеству на первом месте: из 433 часовен, описанных при переписи 1692 года, 118 посвящены этому святому³³. Никола – «заступник гонимых, покровитель бедных, сам "смердович" по рождению, закономерно стал самым чтимым святым в крестьянской среде Севера»³⁴.

Нередко случалось, что часовню устраивали не все жители селения (или нескольких селений, находящихся близко друг от друга), а лишь одно частное лицо. Поводом к постройке такого рода часовен тоже было какое-то несчастье – например, падеж скота³⁵, чаще – обещание, данное во время болезни крестьянина или его близких³⁶, во время службы крестьянина в солдатах³⁷, после спасения от смертельной опасности (например, увязания в болоте³⁸ или бури на море³⁹).

Одной из часто указываемых причин построения часовен было явление какой-либо иконы. На месте чудесного ее обретения и ставилась часовня⁴⁰.

Еще одна причина строительства часовен связана с их функцией как своеобразного «надгробного памятника»⁴¹. Можно выделить две группы северных часовен, связанных с этой функцией.

1. Часовни на местах общественных погребений – на деревенских кладбищах⁴²

(«куда и выносятся из домов умершие, до прибытия причта до погребения. Особых праздников здесь не бывает»⁴³) или на месте захоронения большой группы людей (например, часовня на Соловецком острове, на месте, «где погребены умершие или убитые из войска, присылаемого для осады монастыря по случаю запора в оном раскольствующих мятежников»⁴⁴). Со временем и часовни на кладбищах заменяли церквями⁴⁵.

2. Часовни над могилами, являющимися святынями для устроителей этих часовен. Так, часовни ставились на местах обретения нетленных святых останков северных угодников и чудотворцев, канонизированных русской церковью⁴⁶, а также в местах их временного⁴⁷ (до перенесения в церковь или в другую часовню) или постоянного захоронения⁴⁸.

Часовни ставились не только над телами «официально признанных» святых. В Поморье особенно широко бытуют легенды о строительстве часовен над обретенными останками утонувших в море: «Образ утонувшего в море – специфически поморский сюжет – являлся кому-либо во сне (обычно страдающему от неизлечимого недуга) и просил построить "на его косточках" часовню; последняя становилась местом поклонения и паломничества»⁴⁹.

Но гражданская и епархиальная власти строительство и почитание подобных местных святынь преследовали, эти часовни сжигали и уничтожали («... да приехал раз исправник с понятами и сжег часовню, и крепко-накрепко наказал не ходить к тому месту. Да народ-то не будь глуп: откопал девушку и перенес ее на другое место»⁵⁰), как и часовни раскольников, устраиваемые над телами чтимых ими праведников: «... и по наступлению удобного времени, раскольническая Филимоновская часовня, согласно положению Комитета господ министров, разобрана до основания, а материалы, по их ничтожности, истреблены»⁵¹.

Часовни на местах захоронений могли устраивать как группа крестьян, монастыри, так и частные лица. Так, знаменитая новгородская посадница Марфа Борецкая устроила в Николо-Корельском монастыре часовню над могилой своих сыновей Антония и Феликса, утонувших в Белом море⁵². Мог построить часовню на месте захоронения и один крестьянин: «... строение Верховажского стану и посаду жителя Ульяна Анфимова. В прошлые в давные годы во время морового поветрия, на том дресвище в горе кладены и погребены многие мертвые, и после на том месте погребаются и кладутся его Ульяновы усопшие сродцы, того де ради он Ульян тое часовню на том дресвище и для молебной службы и построил»⁵³.

С часовни часто начиналось существование северных монастырей: как крупных, получивших со временем широкую известность и ставших местом паломничества богомольцев (например, Соловецкий монастырь), так и небольших, мало кому в бытность свою известных «пустынек»⁵⁴.

Часовнями отмечали места, где ранее существовали монастыри, по какой-либо причине упраздненные и преобразованные в приходы⁵⁵; а также места, где когда-то стояли церкви, перенесенные на другое место или сгоревшие и не восстанов-

ленные после пожара – «на старом олтaрном месте»⁵⁶.

Принято было также ставить часовни у водоемов и колодцев со святой водой⁵⁷, к которым крестьяне «имеют веру»: их вода будто бы излечивала больных⁵⁸. В монастырях над колодцами всегда устанавливали небольшие надкладные часовенки⁵⁹.

Часовни на Севере были и своеобразными памятниками, которыми отмечали пребывание в том или ином месте реальных исторических лиц: например, часовни на месте первоначального пустынножительства основателей Соловецкого монастыря Зосимы и Германа⁶⁰ или преподобного Варлаама Важеского⁶¹, часовня в память посещения того же Соловецкого монастыря в 1694 году Петром I⁶².

В конце XIX века на Русском Севере появляется много часовен, посвященных памяти «в бозе почившего Государя Императора Александра II»⁶³, а также «в ознаменование особой милости Божией, явленной спасением Государя Императора Александра III и всего его Августейшего семейства от смертной опасности»⁶⁴.

Вряд ли стоит объяснять появление этих часовен только проявлением верно-подданнейших чувств северных крестьян. Дело в том, что часовни неоднократно запрещались (об этом будет сказано ниже), для строительства новых нужно было испрашивать разрешения Духовной консистории, такие разрешения даже в конце XIX столетия не всегда выдавались⁶⁵. Вот одна из мотивировок отказа: «... часовни издревле только построенные, могут быть сохраняемы или возобновляемы с разрешения Епархиального начальства, по планам и фасадам, рассмотренным, где следует; но построение часовен вновь может быть допускаемо не иначе, как по самым достойным уважения причинам...»⁶⁶.

В данном случае, когда речь шла об устройстве часовен в память особ царствующей фамилии, причина эта казалась Епархиальному начальству вполне «достойной уважения», и разрешения на строительство таких часовен выдавались беспрепятственно. И новые часовни строились: одна – в деревне Часовенской Шенкурского уезда⁶⁷ (само название деревни говорит о старом часовенном месте), другая – на месте погребения раскольников, о чем с возмущением писали священники: «Епархиальное начальство, вводимое в заблуждение сторонниками раскола, дает разрешение на постройку православных часовен на местах погребения лиц, чтимых раскольниками. Так, например, в городе Мезени, с разрешения Епархиального начальства, построена в память чудесного спасения их Императорских величеств часовня на месте погребения раскольников Федора и Луки, учеников протопопа Аввакума»⁶⁸.

Часовни можно рассматривать как первую ступень к образованию церковных приходов и монастырей. Самим же часовням часто предшествовали так называемые поклонные или обетные кресты – «самые крошечные культовые постройки»⁶⁹.

Церкви устраивались на часовенном месте (или часовни путем перестройки обращались в церкви), а часовни часто строились на месте, где раньше стоял крест⁷⁰: над крестом⁷¹ или около него⁷². Часовни, внутри которых находился крест,

на Севере часто так и называли «крест», «крѣст», «крестик».

Можно предположить, что большинство часовен, посвященных Честному и Животворящему Кресту, Воздвижению Честного Креста, Распятию Христову, Происхождению Честных древ Животворящего Креста, появились именно на месте крестов (или над ними).

Причины устройства крестов почти полностью совпадают с причинами возведения часовен.

Так же, как и часовни, поклонные кресты часто возникали одновременно с северными поселениями⁷³ (поставить крест было проще, чем срубить часовню). Постановкой креста рядом с домом освящали и «новоустроенный дом на новом месте»⁷⁴.

С крестов же часто начиналась история северных монастырей (Крестного на Кий-острове в Белом море, Спасо-Прилуцкого, Кирилло-Белозерского и многих других)⁷⁵.

Часто крестами обозначали и места бывших селений⁷⁶, монастырей⁷⁷, церквей⁷⁸ и часовен⁷⁹.

Как уже отмечалось выше, одной из самых распространенных причин строительства часовен на Севере было какое-то общественное несчастье. Несомненно, по этой же причине возникла и большая часть обетных (ставившихся по обещанию, обету) крестов: болезни или падеж скота⁸⁰, суровая зима⁸¹, неурожай⁸², весеннее половодье, грозившее гибелью деревне⁸³, и т.д.

Ставили кресты в благодарность Богу и по поводу, не столь значительному для всей деревни, но важному для крестьянской семьи, например, когда утерявшаяся корова нашлась через неделю отелившейся и со здоровым теленком⁸⁴.

Часто ставили кресты, как и часовни, по обещанию, данному в минуты смертельной опасности. Особенно много таких крестов на побережье Белого моря. «Часто подвергаясь опасности на море, весьма естественно, что помор ждет и надеется спасения только от Бога, ибо он один всемогущ. Справедливо говорит пословица: "Кто в море не бывал, тот Богу не маливался". Часто спасенные от верной гибели, поморы в знак благодарности к Богу ставят кресты на берегу какой-нибудь бухты, служащей убежищем»⁸⁵.

Иногда такие кресты, поставленные после спасения на море знаменитыми историческими деятелями, становились достопримечательностями. Так, например, крест, собственноручно срубленный и поставленный в 1694 году Петром I близ Пертоминского монастыря в память спасения от бури при возвращении из Соловецкой обители, в 1805 году «с подобающей честью и торжественностью» был перенесен в Архангельский кафедральный Свято-Троицкий собор⁸⁶.

Обетные кресты могли положить начало существованию монастыря (как и часовни, устроенные над мощами местных святых), с такого креста началась история Крестного монастыря на Кий-острове. В 1639 году Никон (будущий московский патриарх, а тогда еще иеромонах) водрузил деревянный крест на этом острове

в Белом море в память своего спасения; через 13 лет Никон (тогда уже митрополит Новгородский), возвращаясь из Соловецкого монастыря, куда он был послан за мощами св. Филиппа Митрополита, «пристал к тому же острову и, найдя в целости водруженный им крест», обещал построить здесь монастырь, что и исполнил⁸⁷.

Издrevле кресты служили надгробными памятниками. На Севере их ставили не только на кладбище, но также рядом с домом или гумном (даже близ города Архангельска, в Соломбале, до середины XVIII века умерших хоронили при своих домах⁸⁸), что, видимо, связано с древним обычаем славян хоронить умерших родственников, выкапывая могилу под самым порогом, чтобы дух предков охранял жилище от бед и напастей⁸⁹.

Ставили кресты и над «братскими могилами», например, над захоронениями павших в сражениях с «литовскими людьми» в XVII столетии⁹⁰; такие кресты-памятники в Олонецкой и Архангельской губерниях при их ветшании возобновлялись в память о погибших в этом месте⁹¹.

Но часто кресты-памятники о погибших ставили не над их могилами (когда таковых не было, как, например, у утонувших в море), а на берегу моря⁹² или у дома⁹³. Огромные кресты-памятники, стоящие на пустынных берегах, были далеко видны плывущим по морю. Кресты эти были одновременно и своеобразными «навигационными знаками» – перекладыны их всегда ориентированы «с ночи на полдень»⁹⁴ (с севера на юг).

С XVI века при подходах к Большому Соловецкому острову были возведены кресты «для указания стража, или фарватера, по которому судно может пройти, без опасения сесть на камни; вдоль него были насыпаны «кучи великие и высокие каменные», в каждую врыт бревенчатый сруб, верхние ряды его бревен выступали над камнями, в сруб опускалось основание креста, и он наполнялся камнями доверху. За сохранностью и починкой крестов следил монах-смотритель»⁹⁵.

Особенно много поклонных крестов ставили в северных монастырях – «в местах, почему-либо памятных братии или богомольцам»⁹⁶. Эти кресты, как страницы летописи, отмечали все важные для монастыря события: посещение царем или архиепископом, отъезд их обители архимандрита или «учинение обители Ставропигиею»⁹⁷.

Во время заточения в 1666–1676 годах в Ферапонтовом монастыре патриарха Никона по его указанию в самом монастыре и по дорогам около него были установлены кресты с вырезанной на них надписью: «Животворящий крест Христов поставил смиренный Никон, Божиею милостию патриарх, будучи в заточении за слово Божие и за святую церковь на Белоозере в Ферапонтове монастыре в тюрьме»⁹⁸ (своеобразная форма протеста «смиренного» патриарха).

Кресты, как и часовни, ставили в местах промыслов, рядом с промысловой избушкой⁹⁹.

Поводы устройства на Севере поклонных крестов чрезвычайно разнообразны. Их ставили и в память 900-летия крещения Руси¹⁰⁰ (такой крест был установлен,

например, напротив города Архангельска, на Кегострове) и на месте сожжения мятежного протопопы Аввакума в Пустозерске¹⁰¹, в память того, что преподобный Дионисий Глушицкий, останавливался у ручья, чтобы напиться из него (Кадниковский уезд Вологодской губернии)¹⁰², на месте обретения явленной иконы¹⁰³ и даже у глубокой расщелины на вараке (каменистой скале) в Кемии, «чтобы леший не таскал себе в щель людей»¹⁰⁴.

До 1843 года в деревне Григоровской Кехотского прихода Холмогорского уезда Архангельской губернии стоял крест «в память рождения св. Антония Сийского в Кехте и жительства в оной его родителей»¹⁰⁵. В Веркольском приходе Пинежского уезда крест был поставлен на месте гибели св. Артемия Веркольского, «на пашне крестьянской, от селения в 100 саженьях»¹⁰⁶.

Ставили кресты и на перекрестках дорог, у мостов, при въезде в деревни – «всюду, где считали почему-либо нужным осенить себя крестным знаменем»¹⁰⁷.

Строили часовню (или возводили крест), как правило, крестьянским «миром». Иногда часовню строил один человек, семье которой она служила чем-то вроде домашней церкви («... и священника призывают однажды годом... а свечи они покупают на свои денги, а людем сходу не бывает...»¹⁰⁸). Со временем, после смерти владельца часовни, она или пустела и ветшала («... и та часовня пуста, а запустела из давних лет... а построил ту часовню крестьянин Мартин Игнатъев по обещанию своему в давних летех, и он Мартин умре...»¹⁰⁹), или переходила в пользование всех жителей деревни. Иногда часовня, построенная частным лицом, сразу же становилась местом общественных молений¹¹⁰.

Часовенные приходы устраивались по типу церковных. Как и церкви, часовни содержались на пожертвования прихожан – деньгами и хлебом, реже – вещами и даже землями. Как правило, деньги и другие приношения собирались во время часовенных праздников. Собранное поступало в часовенную денежную и хлебную казну: «... а денежной наличной казны в зборе объявилось 6 алтын 4 денги... а наличной часовенской ржи, в зборе... под часовнею в онбаре объявилось три меры»¹¹¹; «на лицо суммы за прикащиком Ереминым 787 рублей, в долгах на разных крестьянах... 83 рубля 50 копеек, а всего 870 рублей 50 копеек, медных пивоварных больших котлов 6, свеч полфунта, шерсти и кудели в двух коробах без весу, овчина одна, холсту в лукошке без меры»¹¹². Для заведования часовенной казной крестьяне выбирали из своей среды старосту или приказчика, «из людей добрых и душою прямых, животом прожиточных и бога боящихся»¹¹³.

Некоторые часовни владели и земельным имуществом – пахотной или сенокосной землей: «... да у той же часовни есть земли сенного покосу, повыше тоя деревни вверх по Усье реке край берегу возле ручей, сена на одну копну, а положенье у той часовни тоя деревни прежних крестьян та земля, а с тоя часовенныя земли косят сено тоя Дмитриевская деревни крестьяне и продают то сено Богу на свечи»¹¹⁴. Правда, таких часовен было немного: по переписи конца XVII века из 433 часовен только 10 владели земельным имуществом¹¹⁵. Но и в XIX веке были

часовни, имеющие земли, рыбные тони: «при той же часовне имеется белая пожня за рекою Цыгломинкой, владеют погодно той же деревни крестьяне, на которой в поставе сена бывает на 20 копен, с той пожни платится в часовенную казну по 2 рубля в год»¹¹⁶; «при часовне находится сенокосной земли, приносящей ежегодно дохода около 20 рублей. Через несколько годов скопленную сумму употребляют на покупку лампад и другие случайности»¹¹⁷; «доход часовенной от пожни, называемой Лахта, которая отдается из празги на 2 года за 12 рублей и более»¹¹⁸; «в прежние времена, по достопамятству старожилов, принадлежала сей часовни в пользу рыбная тоня, называемая Никольская»¹¹⁹.

Даже кресты могли иметь земельное имущество: «при оном же кресте имеется празговая сенокосная пожня, званием Кротово репище, в поставе на оной бывает около 25 копен, оная отстоит от креста в полуверсте, которая отдается во владение крестьянам той Нальеостровской деревни из празги со взносом денег от 10 до 15 рублей в год»¹²⁰.

Часовенная казна предназначалась не только для содержания и украшения часовни (приобретение или заказ иконописцу икон, покупка свеч, плата священнику, приглашавшемуся на часовенные праздники и т.д.). Она, как и церковная казна, «служила своего рода ссудной кассой для прихожан известного часовенного прихода. При этом ссуда давалась обыкновенно без лихвы, большей частью – на неопределенный срок»¹²¹. Помимо денег крестьяне брали в часовне в долг рожь. («А часовенной наличной ржи не объявилось ничего... отдано тое часовенские ржи крестьянам в долг безкабально 10 мер, и в той рже заемных кабал он прикащик не объявил»¹²²). «Часовня севера Руси, наподобие монастырей и северных церквей, являлась кредитным учреждением (более мелким в сравнении с последними): ссуды ее невелики; обеспечиваются они, большей частью, кабалой или закладной; но попадают случаи и бескабальных ссуд. Таким образом часовня являлась на помощь населению, оказывая эту помощь подчас без обеспечения для себя»¹²³.

Далеко не все северные часовни имели денежную или хлебную казну. В этом случае и прикащика не было: «прикащика у часовни мирские люди, тоя Павловы Горы крестьяне, сказали нет и не бывал для того, что никакой казны збору и припасов нет»¹²⁴.

Редко, но бывало, что часовня не имела вообще никакого имущества, стояла пустою, даже без икон: «нет при оной часовни никакого имущества, даже ни одной иконы и стоит не запертою, без всякого надзора»¹²⁵; «... а в ней иконного строения никакого нет, а крестьяне на моление в тое часовню приходят и приносят иконы из домов своих»¹²⁶.

Часовенные приходы, хотя и входили в состав церковного прихода, тем не менее, в большинстве случаев имели относительную самостоятельность. В конце XVII века архиепископ Афанасий, проводя преобразования церковных приходов, стремился ограничить самостоятельность часовенных приходов – через подчинение их церкви. Он приказал отдавать часовенную казну «на строение» церкви

даже в тех случаях, когда часовни находились от нее на значительном расстоянии. Естественно, что подобные мероприятия должны были привести к упадку, а потом и к полному уничтожению часовенных приходов¹²⁷.

Вскоре «в виду тайного богослужения, которое раскольники совершали в часовнях»¹²⁸, часовни были запрещены. Указы 1707 и 1722 годов не только запрещали строительство новых часовен, но требовали разобрать все старые, «а находящиеся в часовнях иконы и книги, и прочее, описав, отдать в те монастыри и церкви, в чьих приходах они находились»¹²⁹.

Но эти указы не везде выполнялись, а Святейший Синод получил множество прошений о разрешении не разбирать часовни вследствие «крайней нужды» в них. И в 1727 году последовало определение Святейшего Синода: «Которые часовни еще не разобраны и находятся в приличных местах, таким для моления быть по-прежнему, а также которые и разобраны, и будут просители, чтобы их снова возобновить и взятые из часовни иконы отдать»¹³⁰.

Через семь лет указом от 19 июня 1734 года снова был подтвержден запрет на строительство новых часовен, но «старые часовни, которые ныне где имеются, оставить в прежнем состоянии»¹³¹.

Трудность и даже невозможность испросить позволения на строительство часовен привели к тому, что «во многих местах решились строить часовни без дозволения начальства, надеясь, вероятно, впоследствии доказать, что часовня существовала еще до 1734 года. Может быть, правительство знало о построении многих из них, но, сознавая нужду в них для селений, не преследовало строителей, когда убеждалось, что в данной часовне собираются православные, а не раскольники; в противном случае часовня разбиралась, несмотря ни на какие просьбы»¹³².

В 1853 году было дано общее позволение строить часовни «с тем, чтобы православные причты по временам отправляли в них славославия»; а указом 1865 года право решать вопросы о дозволении строительства часовен было предоставлено епархиальным архиереям¹³³.

Однако на Севере и в конце XIX века прошения о разрешении строительства часовен и даже ремонт обветшавших далеко не всегда удовлетворялись. Епархиальные власти боялись дальнейшего распространения раскола, которым были «заражены» не только отдельные деревни, но и целые уезды, а также того, что «ради часовень» будут «пренебрегаемы сами церкви»¹³⁴, а значит, и церковные доходы уменьшатся. Поэтому в любом крестьянском прошении с просьбой о разрешении постройки часовни всегда специально оговаривалось, что, даже имея часовню, крестьяне обязуются при этом «посещать своевременно и свою приходскую церковь»¹³⁵, а также «ежели дозволено будет... иметь часовню, то они одолжаются в оной производить продажу свеч от местной церкви, и какие бы не случились зборы денег и вклады, доставлять их в приходскую церковь»¹³⁶. Местные священники, ручаясь за крестьян своего прихода, со своей стороны добавляли к про-

шению, что «никакого поползновения... к старообрядчеству не предвидится и, по приверженности их к святой церкви... произойти впредь не может»¹³⁷.

Известны случаи, когда за «самовольно построенную» или поправленную часовню даже в XIX веке по решению уездных судов, штрафовали всех крестьян, принимавших в этом участие¹³⁸.

Как правило, богослужения в часовнях совершались в часовенный праздник (день памяти святого, которому была посвящена часовня); иногда несколько раз в год: «к которой часовне собрание бывает в праздники св. Георгия апреля 23-го и ноября 26-го и после посева ячменных семян молебствие о прощении плодов земных»¹³⁹. Для совершения молебной службы крестьяне приглашали священника ближайшей церкви («... и священникам за молебен за работу в тот праздник платят они крестьяне своими денгами складываючись»¹⁴⁰).

Более широким было назначение часовни в том случае, если она временно заменяла церковь, например, после пожара «за великую нужду до совершения церквей Божиих»¹⁴¹). В этом случае в часовнях исполняли «хотя малые мирские требы, как-то крещение младенцев и отпевание усопших»¹⁴², в праздничные и воскресные дни в часовне вычитывали церковные службы – утрени, часы, вечерни, повечерия¹⁴³ (кроме литургий¹⁴⁴). Эти же службы вычитывали и в часовнях, удаленных от церкви на значительное расстояние. «В виду той часовни 73 дома жителей. Все они за дальностью пятидесяти верст от приходской церкви в имеющуюся там часовню в воскресные и праздничные дни по звону ходят молиться, где грамотные читают вечерню, утреню и часы, нередко и местный священник отправляет таковое служение»¹⁴⁵.

«В случае надобности» в часовнях совершали обряд крещения младенцев¹⁴⁶, на что указывают и хранящиеся в некоторых часовнях купели¹⁴⁷. При участии священника совершали даже обряд венчания, что дозволялось и официальной церковной властью, в частности, указом Святейшего Синода от 18 августа 1769 года¹⁴⁸.

В часовнях же отпевали покойников приезжавшие священники¹⁴⁹ или сами крестьяне «от великой нужды».

Весной и летом в часовнях и у обетных крестов служили водосвятные молебны о даровании хорошего урожая и сохранении скота, после чего поля и скот окропляли святой водой¹⁵⁰: «18 августа празднуется в этой часовне иконе св. Флору и Лавру. С раннего утра этого дня собираются из неближних селений крестьяне других приходов к часовне с лошадьми; по окончании часовенных молебнов вне часовни совершается причтом водосвятный молебен, по окончании коего лошади окропляются святою водою, затем по приглашению домохозяев прибывшие к празднику отправляются в их дома и в конце концов отправляются домой на веселе»¹⁵¹; «в честь празнуемых святых апостол Петра и Павла издревле положено прадедами оной деревни крестное хождение по полям для молебствия о плодоношении хлебородия»¹⁵²; «20 июля из приходской церкви в эту часовню бывает крестный ход, во время которого у двух крестов, устроенных на выгонах, слу-

жатыся молебны; после молебна к часовне пригоняется скот и кропится святою водою»¹⁵³.

На Ладожском озере в конце XIX века был зафиксирован сохранившийся обычай принесения в жертву быка (а в древности – оленя или лося) у Ильинской часовни «в угоду Ильи Пророка, чтобы берег скот от болезней»¹⁵⁴.

На Севере до начала XX века сохранились общинные пиры («братчины», «кануны», «поварки»¹⁵⁵), совершаемые в церквях и часовнях. В описаниях церковного имущества часто упоминается «котел медной пивоварной»¹⁵⁶ (в Шенкурском уезде пивоварные котлы называли «братчинами»¹⁵⁷). Перед наступлением подобного праздника члены общины «ссыпались» хлебом и церковный или часовенный староста из того хлеба варил пиво. В зависимости от праздника, пиво называлось Никольским, Егорьевским и тому подобное. В день праздника «в часовнях служили молебен о здравии членов общины, освящались пиво или мед, а также пироги и прочее, и все это предлагалось для угощения всем членам общины, а также духовенству и приходящим богомольцам, остатки отдавались бедным»¹⁵⁸. «Августа 6 дня собираются в оную часовню обыватели того Шеговарскаго прихода и из других из Лецкаго, Ямскогорскаго, Устьюмскаго приходов, в которую для молебствия после литургии зван бывает и священник с причтом, по окончании онаго бывает стол, все пьют пиво, называемое кануном общее от всех ближних шести деревень собранное... жители для варения пива сбирают рожь и ячмень четверти по две и больше по их обычаю и по очереди варит оное одна деревня, в тот самый день привезут к ней оное для питья»¹⁵⁹.

В Карелии еще в XIX столетии устраивали такие пиры – «братчины» в честь св. Власия, покровителя коровьих стад. Их устраивали не только у Власьевских часовен, но и подле придорожных крестов и даже у священных сосен, на которые вешали горшки с молоком¹⁶⁰.

Таким образом, часовни, как и церкви, были общественными центрами северных поселений. Но, находясь сравнительно далеко от влияний и непосредственной опеки официальной церковной власти, часовни дольше, чем церкви, сохранили патриархальные черты своей жизни – хозяйственной и финансовой деятельности, функционирования и управления.

Часовни вплоть до начала XX века были подлинно демократическими учреждениями с широким кругом функций, порой весьма далеких от непосредственного назначения культовых построек.

Крестьяне были не только строителями часовен, но также содержали их и «строили». В последнее понятие входило не только возведение здания, но и приобретение предметов внутреннего убранства и необходимый ремонт. Крестьяне же при необходимости выполняли в своих «малых церквях» обязанности священников: вычитывали некоторые службы, не требовавшие наличия алтаря, а также от «великой нужды» крестили младенцев и отпевали покойников.

Видимо, именно этот демократический характер бытования северных часовен,

наряду с такими причинами, как распространение раскола и сокращение доходов церквей, имел определенное значение в решении вопроса о гонениях на часовни.

Часовни играли столь важную роль в общественной и духовной жизни Русского Севера, что крестьяне боролись за их существование, что отразилось даже в изменении правительственных указов о запрещении часовен.

Относительно архитектурной формы часовен никаких официальных указов никогда не было, в противоположность тому пристальному вниманию, которое проявляли со второй половины XVII века церковные власти к облику деревянных церквей. Поэтому в архитектуре часовен нашли воплощение подлинно народные вкусы и представления о красоте, о месте и роли культовой постройки в ансамбле как отдельных поселений, так и целых волостей.

Примечания

¹Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский: его жизнь и труды. СПб., 1908. С. 246.

²Пошман А. Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философическом, историческом, топографическом, статистическом, физическом и нравственном обозрении с полезными на все оныя части замечаниями. Т. 1. Архангельск, 1866. С. 1-6.

³Верюжский В. Указ. соч. С. 328.

⁴Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 1. Архангельск, 1894. С. 135, 369; Вып. 2. Архангельск, 1895. С. 296, 298, 346, 351; Вып. 3. Архангельск, 1896. С. 121, 127, 158, 166, 174, 177, 191.

⁵Государственный архив Архангельской области (далее ГААО). Ф. 29. Оп. 4. Т. 4. Д. 4192. Л. 107-об.

⁶Там же. Ф. 29. Оп. 4. Т. 7. Д. 9955. Л. 1.

⁷Верюжский В. Указ. соч. С. 246.

⁸Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 1 // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. 12. СПб., 1890. С. 2.

⁹Там же. С. 2.

¹⁰Там же. С. 735.

¹¹ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 1. Д. 765. Л. 1-об.

¹²Краткое историческое описание... Вып. 1. С. 159, 162, 183, 210 и др.; Вып. 2. С. 65, 116, 151, 195, 221 и др.; Вып. 3. С. 10, 24, 34, 117, 156, 162 и др.; ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 5. Д. 5914. Л. 18; Оп. 4. Т. 6. Д. 9590. Л. 52.

¹³Краткое историческое описание... Вып. 3. С. 117; ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 1141. Л. 13-13-об.; Д. 1970. Л. 2-об.

¹⁴ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 4. Д. 4192. Л. 74-об.; Т. 6. Д. 7932. Л. 8.

¹⁵ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 6. Д. 9729. Л. 1; Оп. 31. Д. 148. Л. 56, 316; Краткое историческое описание... Вып. 1. С. 128, 212; Вып. 2. С. 273; Вып. 3. С. 181, 57, 24.

¹⁶Кудрявцев П. Краткое историко-статистическое описание Масельско-Паданского прихода Повенецкого уезда Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1905. С. 2; ГААО. Ф. 29.

Оп. 4. Т. 6. Д. 9729. Л. 1.

¹⁷Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 3. С. 473; ГААО. Ф. 29. Оп. 7. Д. 109. Л. 1.

¹⁸ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 1154. Л. 99-об.

¹⁹Томский И.И. Малая Пинежка и Выя. Сольвычегодск, 1922. С. 4.

²⁰ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 2. Д. 3720. Л. 9; Т. 4. Д. 4192. Л. 105.

²¹Там же. Д. 4192. Л. 107.

²²Краткое историческое описание... Вып. 1. С. 150; Вып. 2. С. 303; ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 2. Д. 2166. Л. 1-об., 2; Оп. 4. Т. 4. Д. 4192. Л. 106-об, 107-об.; Т. 6. Д. 9068. Л. 10; Оп. 31. Д. 15. Л. 235; Д. 123. Л. 162; Д. 535. Л. 6.

²³ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 6. Д. 9068. Л. 10.

²⁴Краткое историческое описание... Вып. 1. С. 137; Досифей, архим. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836. С. 261, 262; ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 4. Д. 4192. Л. 105; Ф. 430. Оп. 3. Д. 35. Л. 2.

²⁵Островская Л.В. Христианство в понимании русских крестьян пореформенной Сибири: народный вариант православия // Общественный быт и культура русского населения Сибири XVIII – начала XX века. Новосибирск, 1983. С. 137.

²⁶Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 3. С. 368, 404, 439, 457 и др.; Томский И.И. Указ. соч. С. 7, 11; Краткое историческое описание... Вып. 2. С. 15; ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 1. Д. 763. Л. 1; Т. 2. Д. 2135. Л. 19; Оп. 3. Т. 1. Д. 985. Л. 67-67-об.; Оп. 31. Д. 230. Л. 193; Ф. 361. Оп. 1. Д. 1735. Л. 1; Национальный архив Республики Карелии (далее НАРК). Ф. 25. Оп. 16. Д. 16/24. Л. 1; Д. 18/62. Л. 1; Государственный архив Вологодской области (далее ГАВО). Ф. 496. Оп. 1. Д. 9053. Л. 6, 7, 8-об., 16, 17 и др.

²⁷Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 3. С. 740; ГААО. Ф. 29. Оп. 3. Т. 5. Д. 101. Л. 2.

²⁸ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 2. Д. 3124. Л. 5-5-об.

²⁹Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 3. С. 474, 565, 587, 616, 713 и др. ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 4. Д. 4192. Л. 51-об.; Оп. 31. Д. 109. Л. 66-об.; ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 9053. Л. 6-об., 7-об., 10, 11, 13-об., 14-об. и др.

³⁰Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 3. С. 451, 480, 598, 652 и др.; Краткое историческое описание... Вып. 1. С. 252; ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 2. Д. 2135. Л. 11; Оп. 3. Т. 1. Д. 985. Л. 67; Оп. 3. Т. 8. Д. 305. Л. 30-об.; Оп. 36. Д. 126. Л. 118-об.; Ф. 430. Оп. 3. Д. 34. Л. 7-об.

³¹Яницкий Н.Ф. Севернорусская часовня в конце XVII века (по переписи 1692 года) // Юбилейный сборник историко-этнографического кружка при Императорском университете св. Владимира. Киев, 1914. С. 131.

³²Там же. С. 133.

³³Там же. С. 132.

³⁴Смирнова Э.С. Живопись Обонежья XIV–XVI веков. М., 1967. С. 33.

³⁵Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 3. С. 338.

- ³⁶Там же. С. 425, 484, 557, 725 и др.; ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 1. Д. 255. Л. 15.
- ³⁷Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 3. С. 420.
- ³⁸ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 1. Д. 255. Л. 15; Неустоев А.Д. Из преданий и легенд крестьян Васьяновской волости Кадниковского уезда Вологодской губернии // Этнографическое обозрение. 1901. № 1. С. 168.
- ³⁹ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 1. Д. 884. Л. 1.
- ⁴⁰Краткое историческое описание... Вып. 1. С. 215; Вып. 2. С. 49, 70; Вып. 3. С. 89, 148; Епархиальная хроника // Архангельские епархиальные ведомости. 1904. № 13. С. 516; ГААО. Ф. 29. Оп. 2. Т. 3. Д. 183. Л. 88-об.; Оп. 4. Т. 4. Д. 3704. Л. 2-об.; Д. 4192. Л. 11; Оп. 31. Д. 429. Л. 11; Д. 1154. Л. 99-об.; Оп. 36. Д. 135. Л. 2.
- ⁴¹Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и А.И. Ефрона. СПб., 1896. Том. 38. С. 404.
- ⁴²Краткое историческое описание... Вып. 1. С. 315; Вып. 3. С. 18, 54, 87; ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 2. Д. 3640; Оп. 4. Т. 5. Д. 4257; Оп. 4. Т. 6. Д. 9753. Л. 8-об.; Оп. 31. Д. 474. Л. 19.
- ⁴³ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 4. Д. 4192. Л. 107.
- ⁴⁴Досифей, архим. Указ. соч. С. 261.
- ⁴⁵ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 7. Д. 10968. Л. 16.
- ⁴⁶Зосима, Савватий и Герман Соловецкие, Елеазар Анзерский, Варлаам Керетский, Сергей Малопинежский, Иоанн и Логин Яренгские, Вассиан и Иоанн Пертоминские и т.д.
- ⁴⁷ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 1. Д. 589. Л. 28-об.; Оп. 4. Т. 4. Д. 4192. Л. 114; Оп. 31. Д. 15. Л. 334-об.; Д. 85. Л. 249; Д. 734. Л. 9-об.; Д. 950. Л. 20-об.
- ⁴⁸Досифей, архим. Указ. соч. С. 244, 305, 309, 330; Краткое историческое описание... Вып. 1. С. 223; Вып. 2. С. 111, 126; Вып. 3. С. 153, 183; ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 4. Д. 4192. Л. 24.
- ⁴⁹Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX века. Л., 1983. С. 195, 194.
- ⁵⁰Максимов С.В. Год на Севере. М., 1890. С. 93.
- ⁵¹ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 577. Л. 44.
- ⁵²Ф.С. Путевые впечатления // Архангельские епархиальные ведомости. 1904. № 10. С. 413-414.
- ⁵³Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 3. С. 451.
- ⁵⁴ГААО. Ф. 29. Оп. 36. Д. 198. Л. 1-об.
- ⁵⁵Краткое историческое описание... Вып. 2. С. 183; Евгений, митроп. Список монастырей Вологодской епархии, прежде бывших и ныне существующих // Вологодский сборник статей церковно-историко-статистического содержания. Вологда, 1869. С. 12, 15.
- ⁵⁶Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 3. С. 476, 548; Краткое историческое описание... Вып. 3. С. 106; Евгений, митроп. Указ. соч. С. 12; ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 5. Д. 4295. Л. 15; Оп. 7. Д. 109. Л. 1; Оп. 31. Д. 148. Л. 56.
- ⁵⁷ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 2. Д. 2135. Л. 11; Ф. 510. Оп. 1. Д. 19. Л. 89-об.
- ⁵⁸Город Каргополь: Исторические сведения. Петрозаводск, 1892. С. 22; Краткое историческое описание... Вып. 2. С. 80.

-
- ⁵⁹Досифей, архим. Указ. соч. С. 261; Гунн Г.Н. Каргополье – Онега. М., 1974. С. 68.
- ⁶⁰Досифей, архим. Указ. соч. С. 261.
- ⁶¹ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 6. Д. 9232. Л. 1-об.
- ⁶²Досифей, архим. Указ. соч. С. 175.
- ⁶³ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 5. Д. 4310, 4340, 4367; Краткое историческое описание... Вып. 1. С. 138; Вып. 2. С. 138.
- ⁶⁴Краткое историческое описание... Вып. 2. С. 53; ЦГАК. Ф. 25. Оп. 4. Д. 51/20. Л. 17-об, 127, 150.
- ⁶⁵ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 1. Д. 763, 765; Оп. 4. Т. 1. Д. 884, 1065; Оп. 4. Т. 5. Д. 4463 и др.
- ⁶⁶Там же. Оп. 1. Т. 1. Д. 765. Л. 2-об.
- ⁶⁷Краткое историческое описание... Вып. 2. С. 53.
- ⁶⁸Акт суждений о.о. миссионеров Архангельской епархии // Архангельские епархиальные ведомости. 1904. № 15. С. 220-221.
- ⁶⁹Орфинский В.П. Деревянное зодчество Карелии: Генезис, эволюция, национальные особенности: автореф. дис. ... д-ра архитектуры. М., 1975. С. 109.
- ⁷⁰Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 3. С. 445; ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 1. Д. 763. Л. 2; Оп. 4. Т. 4. Д. 4192. Л. 27, 79-об-80, 107-об.; Оп. 4. Т. 6. Д. 7837. Л. 1.
- ⁷¹Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 3. С. 446; Краткое историческое описание... Вып. 2. С. 80, 153; Кудрявцев П. Указ. соч. С. 5; ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 2. Л. 3-3-об.
- ⁷²Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 3. С. 441.
- ⁷³Древнерусский приход и его пережитки в церковно-общественной жизни Архангельской епархии. Архангельск, 1916. С. 3.
- ⁷⁴ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 4. Д. 4192. Л. 105-об-106.
- ⁷⁵Глаголев А. О древних зданиях и святынях Крестного монастыря на о. Кий // Журнал министерства внутренних дел. 1841. № 7. С. 2 – 3; Попов А. Житие преподобного Дмитрия Прилуцкого Чудотворца // Вологодские епархиальные ведомости. 1865. № 3. С. 93; Бочаров Г.Н., Выголов В.П. Вологда, Кириллов, Феррапонтово, Белозерск. М., 1979. С. 162.
- ⁷⁶Краткое историческое описание... Вып. 3. С. 131.
- ⁷⁷Борисов А.А. У самоедов. От Пинеги до Карского моря: Путевые очерки. СПб., [б. г.] С. 61.
- ⁷⁸ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 4. Д. 4192. Л. 3; Краткое историческое описание... Вып. 1. С. 146, 289; Вып. 3. С. 167.
- ⁷⁹ГААО. Ф. 29. Оп. 3. Т. 1. Д. 985. Л. 297; Ф. 1555. Оп. 1. Д. 113. Л. 7; Краткое историческое описание... Вып. 2. С. 151.
- ⁸⁰ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 1. Д. 763. Л. 1; Оп. 2. Т. 2. Д. 1306. Л. 2; Оп. 4. Т. 2. Д. 2525. Л. 9-об.; Краткое историческое описание... Вып. 1. С. 299; О возникновении часовен и явлении местночтимых икон в некоторых местностях Кадниковского уезда Вологодской губернии, по народному преданию // Вологодские губернские ведомости. 1895. № 19. С. 5.
- ⁸¹Мильчик М.И. Обетные кресты Мезени // Декоративное искусство СССР. 1974. № 2. С. 50.
-

-
-
- ⁸²Мильчик М.И. По берегам Пинеги и Мезени. Л., 1971. С. 108.
- ⁸³Краткое историческое описание... Вып. 1. С. 299; Мильчик М.И. По берегам Пинеги... С. 108.
- ⁸⁴ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 4. Д. 4192. Л. 105-об.
- ⁸⁵Верещагин В. Очерки Архангельской губернии. СПб., 1849. С. 241-242.
- ⁸⁶Краткое историческое описание... Вып. 1. С. 21.
- ⁸⁷Глаголев А. Указ. соч. С. 1-2.
- ⁸⁸Краткое историческое описание... Вып. 1. С. 99.
- ⁸⁹Мильчик М.И. По берегам Пинеги и Мезени. С. 106.
- ⁹⁰Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 3. С. 445; Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 57. Пг., 1915. С. 143.
- ⁹¹Брюсова В. По Олонецкой земле. М., 1972. С. 113.
- ⁹²Мильчик М.И. По берегам Пинеги и Мезени. С. 94; Вереш С.В. Архитектурные сооружения на Соловецком архипелаге // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980. С. 151.
- ⁹³Мильчик М.И. По берегам Пинеги и Мезени. С. 148.
- ⁹⁴Гемп К. Сказ о Беломорье. Архангельск, 1983. С. 102.
- ⁹⁵Там же. С. 102.
- ⁹⁶Суслов В.В. Обзор древнерусских построек на Севере // Зодчий. 1883. № 2. С. 76.
- ⁹⁷Досифей, архим. Указ. соч. С. 175, 306-307.
- ⁹⁸Бочаров Г.Н., Выголов В.П. Указ. соч. С. 257-258.
- ⁹⁹ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 4. Д. 4192. Л. 105-об.
- ¹⁰⁰Краткое историческое описание... Вып. 1. С. 123.
- ¹⁰¹Борисов А.А. Указ. соч. С. 14-15.
- ¹⁰²О возникновении часовен... С. 5.
- ¹⁰³Суворов Н. Владимирская Заоникиевская пустыня // Вологодские епархиальные ведомости. 1865. № 11. С. 413.
- ¹⁰⁴Озаровская О.Э. Из дневника фольклориста // На Северной Двине. Архангельск, 1924. С. 6.
- ¹⁰⁵ГААО. Ф. 29. Оп. 3. Т. 3. Д. 3235. Л. 13, 29.
- ¹⁰⁶ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 1. Д. 1407. Л. 6.
- ¹⁰⁷Красовский М. Курс истории русской архитектуры. Пг., 1916. Ч. 1: Деревянное зодчество. С. 127, 131.
- ¹⁰⁸Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 3. С. 557, 595, 604 и др.
- ¹⁰⁹Там же. С. 545.
- ¹¹⁰ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 1. Д. 255. Л. 15; Ф. 430. Оп. 3. Д. 34. Л. 42-42-об.
- ¹¹¹Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 3. С. 658-659.
- ¹¹²ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 1. Д. 1448. Л. 23-23-об.
- ¹¹³Древнерусский приход... С. 7.
- ¹¹⁴Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 3. С. 685.
- ¹¹⁵Яницкий Н. Указ. соч. С. 140.

-
- ¹¹⁶ГАО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 123. Л. 96.
- ¹¹⁷ГАО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 4. Д. 4192. Л. 95.
- ¹¹⁸ГАО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 117. Л. 79.
- ¹¹⁹ГАО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 434. Л. 29.
- ¹²⁰ГАО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 485. Л. 22-об.
- ¹²¹Верюжский В. Указ. соч. С. 247.
- ¹²²Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 3. С. 669.
- ¹²³Яницкий Н. Указ. соч. С. 140.
- ¹²⁴Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 3. С. 454 – 455, 457, 460, 462, 475 и др.
- ¹²⁵ГАО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 728. Л. 37.
- ¹²⁶Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 3. С. 654.
- ¹²⁷Верюжский В. Указ. соч. С. 249-251.
- ¹²⁸Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 38. С. 404.
- ¹²⁹Никольский К. О часовнях // Церковные ведомости. 1889. № 10. С. 256-257; Древнерусский приход ... С. 4.
- ¹³⁰Никольский К. Указ. соч. С. 258; Древнерусский приход ... С. 4.
- ¹³¹ГАО. Ф. 430. Оп. 3. Д. 34. Л. 71-об.; Никольский К. Указ. соч. С. 258; Древнерусский приход ... С. 4.
- ¹³²Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 38. С. 404.
- ¹³³Там же. С. 404.
- ¹³⁴Древнерусский приход... С. 4.
- ¹³⁵ГАО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 1. Д. 765. Л. 1-об.
- ¹³⁶Там же. Оп. 4. Т. 1. Д. 1529. Л. 1-об.
- ¹³⁷Там же. Л. 2.
- ¹³⁸Там же. Ф. 29. Оп. 1. Т. 2. Д. 1551. Л. 16-16-об.; Оп. 4. Т. 2. Д. 3124. Л. 1-4.
- ¹³⁹Там же. Ф. 361. Оп. 2. Д. 1138. Л. 2.
- ¹⁴⁰Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 3. С. 455.
- ¹⁴¹Там же. С. 473.
- ¹⁴²НАРК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 12/67. Л. 1; ГАО. Ф. 29. Оп. 7. Д. 109. Л. 2.
- ¹⁴³Верюжский В. Указ. соч. С. 339; ГАО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 1. Д. 636. Л. 13.
- ¹⁴⁴О возникновении часовен... С. 5.
- ¹⁴⁵ГАО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 1. Д. 1405. Л. 9-об.
- ¹⁴⁶Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. Т. 45. С. 49; ГАО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 1. Д. 1405. Л. 9-об.
- ¹⁴⁷ГАО. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 1794. Л. 13-об.; Ф. 29. Оп. 31. Д. 429. Л. 43-об.; Д. 485. Л. 22.
- ¹⁴⁸О возникновении часовен... С. 5.
- ¹⁴⁹ГАО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 1. Д. 1405. Л. 9-об.; Т. 6. Д. 8767. Л. 2-об.
- ¹⁵⁰Краткое историческое описание... Вып. 1. С. 304; Вып. 2. С. 46; Томский И. Указ. соч. С. 7; Титов В. Из быта Островлянского прихода Архангельского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. 1904. № 6. С. 249-250; ГАО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 1. Д. 763; НАРК. Ф. 25. Оп. 4. Д. 51/20. Л. 150.
-

-
-
- ¹⁵¹ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 4. Д. 4192. Л. 95.
- ¹⁵²Там же. Оп. 3. Т. 8. Д. 292. Л. 2-об.
- ¹⁵³Там же. Оп. 4. Т. 4. Д. 4192. Л. 63-об.
- ¹⁵⁴Андреев А.Н. Ладожское озеро. СПб., 1878. С. 258.
- ¹⁵⁵Древнерусский приход.... С. 8.
- ¹⁵⁶Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн 3. С. 55, 60, 65, 72, 77, 184 и др.; ГААО. Ф. 29. Оп. 3. Т. 1. Д. 985. Л. 39-об., 43, 45, 48, 49 и др.; Оп. 4. Т. 1. Д. 1448. Л. 23, 23-об., 24 и др.; Оп. 31. Д. 109. Л. 77-об., 79-об. и др.; Д. 225. Л. 490, 718-об. и др.
- ¹⁵⁷ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 109. Л. 81-об.
- ¹⁵⁸Древнерусский приход... С. 8-9.
- ¹⁵⁹ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 109. Л. 73-об.
- ¹⁶⁰Смирнова Э.С. Указ. соч. С. 39.

ИЗ ОПЫТА ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕДИЦИЙ СЕВЕРОДВИНСКОГО МУЗЕЯ В БЫВШИЙ АМБУРСКИЙ СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ СКИТ

Северодвинский городской музей был основан в 1970 году как народный. В 1976 году он получил статус государственного и стал филиалом Архангельского областного краеведческого музея. Первые десятилетия своего существования это был музей истории социалистического города. Основной темой для изучения, комплектования музейных коллекций стала история молодого, в то время закрытого города. Тематика комплектования музейных коллекций не выходила за рамки городской среды. Главными задачами были сбор экспонатов, формирование фондовых коллекций, изучение истории города, построение экспозиций. Сотрудниками проводились также выезды и в окрестности города с целью сбора экспонатов для пополнения фондов музея, но такие поездки были редкими, нерегулярными. Специальная программа изучения окрестностей города не составлялась, да и опыта по организации больших серьезных этнографических экспедиций у небольшого тогда коллектива еще не было.

Тем не менее, в мае и июле 1970 года первый директор музея Питолина Тамара Александровна совершила выезды в Нёноксу – старинное поморское село. Результатами этих поездок стали поступления в фонды музея предметов церковной утвари и убранства, в том числе 20 старопечатных книг и книг гражданской печати. В 1972 году – новый поход, на Амбурские. Жившие там староверы доживали свои последние дни. Немощным людям требовался постоянный уход, и по решению местных властей их стали переселять – кого в город, а кого в дом престарелых. Хозяева продавали свои дома и многие из туристов, посещавших эти места с 1960-х годов, вскоре их купили. С того времени на карте «Северодвинск и его окрестности» поселение «Амбурские» было обозначено как нежилое. В тот год из бывшей старообрядческой молельни было вывезено более 60 предметов. Особый интерес из этого собрания представляют 35 старопечатных книг XVII – начала XX века, этнографические и культовые предметы.

Привезенные предметы рассматривались как этнографические и были одними из первых поступлений в фонды начинающего музея. Они и положили начало нёнокской и амбурской коллекциям. К сожалению, ни записей рассказов нёнокшан, ни записей последних жителей Амбурских, ни полной информации о предметах тогда собрано не было.

В 1967 и 1971 годах в бывшем Амбурском ските работали экспедиции ЛГУ под руководством Н.С. Демковой и археографическая экспедиция Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР¹ (ил. 1).

В 1990 году музей стал самостоятельным, получил статус краеведческого. Это позволило расширить рамки изучаемых тем. У Северодвинска было много «белых пятен» и запретных тем. История Ягринлага и судостроения, история завода и даже краеведческая тематика. С этого времени музей стал более активно обращаться к истории края и изучать окрестности Северодвинска (см. таблицу).

Этнографические экспедиции Северодвинского музея

Год	Населенные пункты	Участники экспедиций
1970	Архангельская область, Приморский район, д. Нёнокса (вывоз предметов)	Питолина Т.А.
1972	Архангельская область, Приморский район, Амбурские (вывоз предметов)	Питолина Т.А.
1991	Архангельская область, Приморский район, Княжестровье (д. Стражково, Славенское, Кузьмино)	Луцковская Е.Ф., Сусяева Е.Б.
1991	Архангельская область, Приморский район, д. Мечка	Луцковская Е.Ф., Капитолинина Т.М.
1992	Архангельская область, Приморский район, д. Никольское, Новоселово, Сухарево, Павлово, Суетино, Негино	Луцковская Е.Ф., Луцковский С.П.
1992	Архангельская область, Приморский район, д. Шихариха	Назарова Л.Н.
1992	г. Северодвинск (историко-бытовая экспедиция по изучению истории города 1930 – 1960 гг.)	Стурова В.И., Мочалова В.Т., Никулина Н.А., Сусяева Е.Б.
2002	Архангельская область, Приморский район, Амбурские	Луцковская Е.Ф., Поздеева Т.Н., Добрынин Л.Ф., Бербенец В.В.
2003	г. Северодвинск (историко-бытовая экспедиция, реализация проекта «Родом из детства»)	Попович Н.Н., Цветкова А.Ф., Карпова Л.В., Сусяева Е.Б.
2005	Архангельская область, Приморский район, Амбурские – Пёртозеро – д. Белое	Луцковская Е.Ф., Добрынин Л.Ф., Луцковский С.П.
2005	Городская экспедиция (сбор материалов по бывшим старообрядческим скитам в окрестностях Северодвинска)	Луцковская Е.Ф., Добрынин Л.Ф.
2006	Архангельская область, Приморский район, Амбурские	Луцковская Е.Ф., Кольцова Т.М., Добрынин Л.Ф., Власова А.И.
2006	Городская экспедиция (сбор материалов по бывшим старообрядческим скитам в окрестностях Северодвинска)	Луцковская Е.Ф., Добрынин Л.Ф.
2007	Архангельская область, Приморский район, Амбурские	Луцковская Е.Ф., Добрынин Л.Ф.
2007	Городская экспедиция (сбор материалов по бывшим старообрядческим скитам в окрестностях Северодвинска)	Луцковская Е.Ф., Добрынин Л.Ф.
2007	Архангельская область, Приморский район, д. Лая	Сусяева Е.Б., Васюкова А.В.
2008	Городская экспедиция (сбор материалов по бывшим старообрядческим скитам в окрестностях Северодвинска)	Луцковская Е.Ф., Добрынин Л.Ф.

В начале 1990-х годов полевые исследования, научные, этнографические экспедиции стали важной составной частью работы музея. В эти годы объектами изучения становятся бывшие вотчинные хозяйства Николо-Корельского монастыря. Музеем организуются первые этнографические экспедиции на Княжестровье и в куст деревень, объединенных под общим названием Мечка. Главными задачами этих экспедиций были изучение региона и сбор предметов материальной культуры. Результатом этих экспедиций стало поступление в фонды музея более 100 этнографических предметов.

Нёнокса, Куртяево, Шихариха, Лая, Большая и Малая Кудьма – это окрестности современного Северодвинска, которые существовали задолго до появления нашего города, известного центра атомного судостроения. Здесь веками жили, работали и обустривали свой быт люди. До сегодняшнего дня история многих северных деревень и поселений так и остается неизвестной или малоизученной.

Отдельное место в исследованиях Северодвинского музея в последние годы занимают поселения в районе бывших деревень Амбурские, Пёртозеро, Корода, Белое, где ранее располагались старообрядческие скиты. По этой теме нет специальных трудов, исследований², эти места никогда не изучались музеями. В советские атеистические времена изучением истории старообрядчества на Севере, духовной, хозяйственной, культурной жизни староверов не занимались. Не было публикаций и в прессе. С 2002 года Северодвинский музей стал заинтересованно и целенаправленно собирать информацию по данной тематике. Во многом этому способствовал пробудившийся интерес общества к неизвестным до сей поры страницам истории страны, а горожан – к истории родного города и окружающих его окрестностей.

Известно, что старообрядческие скиты на Русском Севере начали появляться в конце XVII века в связи с событиями, последовавшими после проведения патриархом Никоном церковной реформы. Вскоре на отдаленный Север началось переселение сторонников тех, кто протестовал против изменения богослужебных книг, порядков, церковного управления, обрядов в церковной службе. Раскольники основали многочисленные поселения – старообрядческие скиты, которые отличались особым укладом жизни, определяемым старыми воззрениями, обычаями и обрядами. На Русском Севере был 31 старообрядческий скит – в Подвинье, на Мезени, Печоре и по всему беломорскому побережью³. По официальным данным, в Архангельском уезде Архангельской епархии в 1891 году числились следующие скиты: Половой, Слободской, Малолахотский, Большегородский, Белозерский, Пёртозерский, Амбурский.

Среди этих скитов Амбурский (в некоторых документах встречаются другие названия – Амбургский, Анбургский) являлся духовным центром старообрядчества и пользовался большой известностью и популярностью. Он располагался в 50 км от Архангельска, за болотами с. Рикасиха и Кудьма. Скит был известен староверам не только в Архангельской губернии, но и в обеих столицах Российс-

кой империи, откуда поступали богатые дары от ревнителей старой веры. Добраться в эти скиты было трудно. Находились они в самых глухих местах, дорог к ним не было, а пройти можно было только по тропинкам, проложенным по болотам, да и то не во всякое время года. Летняя пешеходная дорога в скит проходила по проложенным для этой цели доскам (рыбинам); такое путешествие, не всегда было безопасным. Зимой можно было проехать по озерам, моховым болотам и тундрам на санях на одной лошади, да и то при малом выпадении снега⁴.

После первого посещения Амбурских Т.А. Питолиной прошло 30 лет. За эти десятилетия изменилось время и отношение к религии в том числе. Только сейчас понимаешь, как много мы упустили! На месте бывшего Большекородского скита теперь – садоводческое некоммерческое товарищество «Беломор», на Пёртозере сохранилась одна «старопрежняя» банька. И только на Амбурских осталось несколько старых построек, а также кое-какие предметы утвари и быта, сохраненные местными жителями.

В 2002 году была организована первая этнографическая экспедиция на Амбурские. Ее целью было: ознакомиться с местом, встретиться с проживающими там людьми, записать их рассказы и определить возможности комплектования музейных коллекций. У меня остались незабываемые впечатления от этой экспедиции. Погода в тот день явно не способствовала походу. Был сильный, почти шквалистый ветер, но решение было принято. Предстояло пройти 12 километров пути пешком, по болотам. Дорога показалась длинной и монотонной (ил. 2).

В Амбурских обратили на себя внимание оставшиеся старинные дома, сделанные из хорошего крупного леса, добротны, основательно, на века, вросшая в землю, перестроенная моленная, покосившаяся колокольня и старые кладбища с резными крестами.

В состав экспедиции был приглашен В.В. Бербенец, фотокорреспондент городской газеты «Северный рабочий», которым была проведена полная фотофиксация маршрута и работы экспедиции.

Через три года участники этнографической экспедиции музея расширили ареал исследований и прошли по более дальнему маршруту Амбурские – Пёртозеро – д. Белое и обратно. Основные задачи этой экспедиции: пройти по древней дороге, соединяющей эти старообрядческие скиты, ознакомиться с местом их расположения, посетить старые старообрядческие кладбища в Пёртозере, провести опрос населения в д. Белое (бывший Белозерский скит) (ил. 3). За три дня был пройден путь пешком по болотам протяженностью в 46 километров. Тогда особенно поразила дорога с Амбурских до Пёртозера, где ранее также располагался старообрядческий скит. На другой берег Амбурского озера переправились на лодке. Дорога проходила через жердинный бор, представляющий собой уникальную, небольшую по территории площадь, где растут высокие, прямые и тонкие ели. В свое время здесь амбуриане заготавливали жерди для хозяйственных нужд. Нигде в округе больше подобного места нет. Затем вышли на болото. Был жаркий

день, солнце, комары, присесть отдохнуть было негде. Вокруг безмолвие и тишина. Июнь, а клюквы видимо-невидимо – прошлогодней! Кругом простор и огромное бескрайнее болото. И в какую сторону пойти человеку, не знающему маршрута? Дорога давно потерялась среди густой болотной травы и мха, и неопытному взгляду она совсем не видна. Дорога, которая была проложена в давние времена, практически полностью ушла в болото, заросла. Для того, чтобы не оступиться, нужно было нащупать остатки бревна и перейти на следующее, если оно еще было. Шли практически на ощупь, по щиколотку в воде, в руках – слезы, опора на которые давала некое ощущение уверенности и безопасности. Несмотря на это, мне трижды пришлось искупаться в болоте.

Этнографические экспедиции музея по изучению этих мест стали традиционными. Они проводились как с выездом на место, так и в городе. За последние годы было организовано и проведено девять экспедиций. Основными задачами экспедиций являлись выявление и сбор фотодокументов и вещественных памятников по следующим темам: история заселения, хозяйственная деятельность, история поселения в 1950 – 1980-х годах, походы туристов выходного дня, быт, духовная культура.

В экспедициях наряду с научными сотрудниками музея участвовали и привлеченные специалисты. Несколько необычной по своему составу была этнографическая экспедиция 2006 года. Она проходила зимой, и кроме постоянных ее участников были приглашены доктор искусствоведения, заведующая отделом древнерусского искусства ГМО «Художественная культура Русского Севера» (г. Архангельск) Кольцова Татьяна Михайловна и жительница Северодвинска Власова Антонина Ивановна, отметившая в тот год свой 80-летний юбилей. В детстве ей не раз приходилось ходить с матерью в Амбурскую моленную, и поэтому побывать в этих местах и вспомнить свои детские годы было интересно не только героине похода, но и нам, слушавшим ее рассказы. Одним из активных помощников музея, участником всех экспедиций стал северодвинец Леонид Федорович Добрынин⁵.

Основой проводимых нами экспедиционных работ стали тематическое комплектование и комплексный подход к решению всех задач. Полученная информация, записи рассказов были зафиксированы в дневнике экспедиции, в полевых и коллекционных описях, актах приема, картотеках. В нашем случае отдаленность изучаемой местности, труднодоступность, закрытость города сыграли своеобразную положительную роль, ведь с небольшой по площади территории собрано более 500 различных предметов музейного значения, что само по себе в настоящее время уникально. Из них лишь отдельные предметы были закуплены. Основная же часть приобретенного поступила к нам в дар от самых разных людей, жителей Северодвинска. Среди них – Л.Ф. Добрынин, И.М. Мамонов, А.И. Власова, А.П. Кочергин, В.Т. Трошин, Н.А. Назарова и многие другие. Сложность в сборе информации состояла в том, что коренных жителей в этих поселениях уже

не осталось. Их потомки и туристы популярных в 1970-х годах походов выходного дня пришли им на смену.

В фондах музея был обнаружен интересный документ «Список членов Амбургского старообрядческого филипповского толка согласно протокола № 2 от 10 октября 1928 г.»⁶, на основе которого и была организована работа по выявлению будущих информаторов.

Были составлены шесть вариантов списков потенциальных информаторов:

1. Туристы походов выходного дня, постоянно ходившие на Амбургские и оста-навливающиеся у местной жительницы Веры Васильевны Корельской.

2. Жители Амбургских, пришедшие на жительство по воле судеб уже взрослыми.

3. Родственники жителей Амбургских.

4. Потенциальные информаторы по Амбургским.

5. Рыбаки, охотники, ягодники, останавливающиеся у жителей Амбургских.

6. Паломники, приходившие на Амбургские в разное время для поклонения.

Проводились встречи с информаторами, которые впоследствии становились и сдатчиками музея. В последнее время работа со сдатчиками стала сложнее. Не всегда люди охотно шли на контакт, некоторые общались только через посредников, и нужно было время, чтобы расположить их к себе. Для этого был создан экспертный совет – актив музея из числа горожан, которые добровольно помогали и помогают в работе. Не все из числа информаторов передали какие-либо предметы. У кого-то за давностью лет их просто не оказалось, другим было жаль расставаться с семейными реликвиями, но ведь ценность представляют собой и воспоминания, рассказы людей об истории этих мест.

Проходит время, организуются выставки, участниками которых становятся дари-тели предметов, меняется отношение людей. К примеру, только через четыре года благодаря систематической работе музея с одной из больших групп турист-ов походов выходного дня ими было принято решение о передаче на хранение в музей двухпудового медного колокола XIX века известного в прошлом «товари-щества Оловянишникова и сыновей». В 1970-х годах эта группа вскладчину купила здание бывшей моленной. В то время в ней еще оставались этнографические и культовые предметы бывших жителей религиозной общины. После кражи «лю-бителями» русской старины одного из колоколов с амбургской колокольни остав-шийся колокол они сняли и бережно хранили в течение почти 40 лет.

Одним из самых активных помощников Леонидом Федоровичем Добрыниным было передано в музей более 130 этнографических и культовых предметов, фото-графий, сделанных туристами походов выходного дня. Новые жители Амбургских, раскапывая огороды, находили монеты разного достоинства, самая старая из кото-рых датируется 1731 годом. Л.Ф. Добрынин составил список, в который вошло 118 найденных монет. Большая коллекция посуды – аптечных и винных буты-лок – была обнаружена в одном из заброшенных колодцев.

Анатолием Петровичем Кочергиным были переданы серебряные вотивные

подвески 2-й половины XIX – начала XX века, подаренные ему последними жительницами Амбурской моленной. Среди них фигурки людей (мужские и женские), домашних животных (кони, коровы), различные части человеческого тела (ухо, рука, нога, сердце).

Свои семейные реликвии подарил музею Иван Михайлович Мамонов. На Амбурских жили его предки по матери – старообрядцы Хвиюзовы. Им были переданы такие уникальные предметы, как Библия, изданная в 1581 году Иваном Федоровым, книга «Апостол» 1597 года, печатный гравированный лубок «Книга глаголемая Козмография» XVIII – XIX веков, рисованный лубок «Древо рода Андрея и Семена Дионисиевичев господ Вторушиных Выгорецких предводителей» XIX века, литография «Райские птицы Сири и Алконост» 1881 года и др.

Экспедициями были собраны интересные комплексы, касающиеся быта крестьянства: деревянная и плетеная посуда, утварь, предметы кузнечнойковки, одежда.

Благодаря добровольным помощникам значительно пополнился фотофонд по данной теме. Начинаясь он с 8 фотографий, сейчас их 133. Это и снимки уроженцев д. Белое XIX века, последних жителей и видовые снимки Амбурских в 1940–1980-х годах, переданные участниками походов выходного дня, значительную часть составляют фото туристических походов на Амбурские, Пёртозеро в 1950–1980-х годах, экспедиций музея разных лет.

Итоги работы экспедиций были представлены на выставках «Амбурские. По следам экспедиций» (2003 г.), «Амбурские: новые находки и открытия» (2008–2009 гг.) (ил. 4). Вторая выставка явилась результатом большой научной работы по теме «Старообрядчество на Севере: Амбурский, Белозерский, Пёртозерский скиты» с 2005 по 2008 год и привлечения большего количества людей в качестве сдатчиков и информаторов. Выставка была посвящена памяти первого директора музея Тамары Александровны Питолиной, положившей начало формированию амбурской коллекции, всем туристам походов выходного дня 1950–1970 годов, жителям и потомкам деревень, которые откликнулись и поделились воспоминаниями, предметами и фотографиями ушедшего времени.

Не все предметы дошли до нас в идеальном состоянии. Многие из них долгие годы хранились на поветях, в неотапливаемых помещениях, находились на улице, в земле. Большинству требуется реставрация. Музей организует работу по восстановлению собранных предметов, основная часть их проводится реставраторами Архангельского филиала Всероссийского художественного научно-реставрационного центра имени академика И.Э. Грабаря, привлекаются также и частные реставраторы. К сожалению, на сегодняшний день отреставрировано не так много предметов. Это связано с отсутствием должного финансирования.

Ведется работа по изучению документов в Государственном архиве Архангельской области, Северодвинском городском архиве и архиве Белозерского административного округа. Был выявлен большой пласт письменных источников,

не исследованный ранее.

Проводится работа по выявлению музейных предметов по данной теме и в других музеях Архангельской области. Так, Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник в 1982 году приобрел 13 икон XVII–XIX веков, ранее находившихся в амбурской моленной.

Кроме традиционных экскурсий и лекций, в рамках работы выставок проводились самые разнообразные мероприятия: золотая свадьба супругов Мамоновых Ивана Михайловича и Валентины Станиславовны; презентация «Библии» Ивана Федорова 1581 года издания с участием епископа Архангельского и Холмогорского Тихона; круглый стол «Амбуряна. Пертозёра. Белозёра – сдатчики Северодвинского городского краеведческого музея», на который были приглашены сдатчики и информаторы по данной теме; встречи групп туристов 1960–1970-х годов. Популярными стали и встречи в музейных гостиных. Одна из них была посвящена древу рода Денисовых из Выгорецкого монастыря, а также истории и реставрации предмета на основе рукописного лубка, переданного И.М. Мамоновым.

О работе экспедиций и новых поступлениях в фонды музея мы рассказываем на страницах местных газет, докладываем на научных конференциях.

Опыт, приобретенный в экспедициях, очень помогает в дальнейшей деятельности, вносит порядок в изучение темы. Ведение и оформление учетной документации, дневника экспедиций с записями рассказов, полевые описи, картотека предметов – все это является основой для проведения хорошо продуманной, качественной работы, способствует повышению квалификации научных сотрудников, а это в конечном итоге повышает их профессиональное мастерство.

Подготовка к экспедициям и работа в них постоянно стимулируют изучение различных источников – исследовательскую работу в библиотеках, архивах, поиск новых материалов, новых информаторов. На рубеже XX и XXI веков есть еще возможность отследить, зафиксировать воспоминания людей, живших в период грандиозных событий, происходивших в нашей стране в XX веке. Поколения людей, родившихся в 1900–1920-х годах, почти ушли от нас, сейчас важно не упустить воспоминания старожилов. Эти люди запечатлели в своей памяти прежний бытовой уклад. Именно они еще хранят в воспоминаниях старинные легенды и предания, названия местечек: болот, лесов. Здесь соседствуют такие названия, как Игровой Борок, Жердинный Бор, Шурино Бревно, Масляный Борок.

Возникают новые вопросы, которые трансформируются в новые задачи. Важным этапом в работе экспедиции, да и в целом при изучении научной темы, является фотофиксация всех происходящих событий. Открытие выставки, новое мероприятие, экспедиция, люди, предметы – все это должно стать фотолетописью, которая в будущем позволит намного ярче, интереснее донести собранный материал. При работе со сдатчиками, информаторами важно использовать индивидуальный подход к каждому человеку, учитывая его жизненный и профессиональный опыт, увлечения, взгляды на жизнь и т.д.

Для нас несомненна необходимость продолжения экспедиционной работы, расширения территории обследования, в частности, связи Амбурских с близлежащими селениями Кудьма, Лая, Пёртозеро, д. Белое и др. В перспективе планируется работа в архивах Москвы и Петербурга по выявлению новых документов, проведение археологических раскопок, реставрация и изучение предметов, создание каталога амбурской коллекции.

Примечания

¹Автор искренне благодарен Т.М. Кольцовой за предоставленную информацию.

²Есть лишь косвенные упоминания в исторической литературе по старообрядчеству и культуре Русского Севера см.: Бернштам Г.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Л., 1983. С. 96; Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. М.; Архангельск, 2004.

³Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. М.; Архангельск, 2004. С. 70.

⁴Государственный архив Архангельской области. Ф. 29. Оп. 3. Т. 5. Д. 816. Л. 25.

⁵Л.Ф. Добрынин в 1970 году купил дом на Амбурских. До настоящего времени регулярно посещает эти места.

⁶Северодвинский городской краеведческий музей. Ф. 1141.

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО СЕВЕРНОГО ПОМОРЬЯ

В отдельные периоды многовековой российской истории с названием Северное Поморье отождествлялась разная по размерам и климатическим условиям территория. В XIII – XVI веках, например, термин «Поморье» определял все земли, лежащие не только по берегам Белого моря и Мурманского побережья Ледовитого (Студеного) океана, но и в бассейнах рек Онеги, Северной Двины, Мезени, Печоры, вплоть до Урала на востоке и Белого озера на юго-западе. В деловых документах того времени: писцовых книгах, торговых и таможенных актах, летописях, к названиям Вологды, Каргополя, Устюга Великого, Холмогор, Архангельска и ряда других городов и сел, порой удаленных от побережий северных морей на сотни и тысячи верст, постоянно добавлялось слово «поморские». Иногда для определения названия обширной, не имевшей четких границ области, просто перечисляли под единым определением «поморские» крупные города и монастыри, сыгравшие в свое время роль форпостов новгородской и московской колонизации Севера. В воинских повестях, былинах, житийной литературе раннего периода – времени освоения и заселения русскими северных территорий – чаще всего использовался другой, фольклорный по истокам термин. Земли, лежащие к северу от Белого озера, здесь названы Страной Студеного моря. Разумеется, как официальный термин «Поморье», так и поэтический «Страна Студеного моря» никогда не определяли административную область Русского государства. Не были они и точным, прочно закрепленным географическим названием северной территории страны. Как известно, XVII и XVIII столетия внесли существенные поправки не только в территориальное деление страны, но и во многом изменили значение ряда географических названий и древних, казавшихся устойчивыми и верными, представлений об окраинных землях страны. В этот период, отмеченный возросшей ролью Северного морского пути, бурным развитием и обогащением северных городов и монастырей, термин «Северное Поморье» обретает более узкое и точное по своей сути значение. С середины XVII века Поморьем стали называть только районы севернее Холмогор, то есть земли, непосредственно примыкающие или лежащие на побережье северных морей и Ледовитого океана. Древним названием с этого времени стали определять только собственно приморскую область.

Кроме того, бурное развитие солеварения, рыбного и зверобойного промыслов, добычи слюды, речного жемчуга, железной руды, торговля с зарубежными странами на побережье Белого моря, Кольского полуострова, островах Ледовитого (Студеного моря) океана, а также кораблестроение, возникновение новых городов и их стремительный рост привели к изменениям жизненного уклада населения.

Огромные приморские пространства вышли из числа сельскохозяйственных районов Русского Севера. Термин «Поморье» обрел некую хозяйственную конкретность. Он стал названием промысловой области, тесно связанной с общероссийским рынком, международной торговлей, судостроением и мореходством.

Возвышение торговых центров, портовых городов в XVI–XVII веках, расцвет хозяйственной предприимчивости, оживление строительного дела, развитие иконописи и книжности в крупнейших монастырях Севера, особенно в тех которые находились в местности, «иже близ студеного моря акиана», таких как Соловецкий, Николо-Корельский, Пертоминский, Крестный Кийостровский, Трифонов Троицкий и Кольский Троицкий монастыри. Бурную хозяйственную деятельность, особенно в области солеварения, в XVII веке в Поморье развернули также Антониево-Сийский, Троице-Сергиев и Кирилло-Белозерский монастыри. Полупустынные в прошлом земли обрели множество ремесленных центров, кустарных промыслов. Местная художественная культура получила новые, широкие возможности для своего развития. Городские посады, торговые села и монастыри в Поморье стали играть исключительно важную роль. В отличие от других чисто сельскохозяйственных районов, таких как Заонежье, Подвинье, Важская земля, где создателями художественных ценностей в основном были крестьяне, здесь авторство произведений иконописи, изготовление церковной утвари, иных произведений декоративно-прикладного искусства большей частью перешло в руки иконописцев и ремесленников городских и сельских посадов, а также монастырей. Впрочем, следует заметить, что активность деревенских мастеров: резчиков, плотников, строителей церквей и морских промысловых судов, была также относительно высокой, а профессиональным уровнем, древними традициями искусства особенно выходцы из среды старообрядческого населения нередко превосходили городских ремесленников.

Районы северной окраины страны не богаты городами. Холмогоры, Архангельск, Кемь, Кола, Онега, и Мезень, разные по величине и исторической роли городские поселения, разумеется, всегда оказывали влияние, имели большое значение в жизни поморов. С городами их прочно связывала торговля и мореходство. Здесь продавалась выловленная в морских и речных тонях рыба и добытые во время весновального промысла в северных морях и на островах меха и жир морских зверей, сюда поступала с поморских варниц соль. На городские ярмарки и торжки свозились железная руда, слюда и речной жемчуг. Здесь же закупались необходимые для морских и соляных промыслов изделия, а также фабричные ткани, металлическая посуда, утварь и ружья охотников. Города обеспечивали поморских мореходов работой на корабельных верфях в зимнее время. Из Архангельска, Мезени, Колы и Кеми на поморских судах перевозились грузы в скандинавские страны, прежде всего в Норвегию.

Хорошо известна также роль в художественной культуре, четко определено место в многовековой истории Поморья Соловецкого, Николо-Корельского, Кий-

островского, Трифонова Троицкого монастырей и Выгорецкой старообрядческой обители. Варничные соляные места, рыбные тони и сами поморские деревни на протяжении многих столетий находились во владениях монастырей. Монахами многочисленных поморских монастырей и пустынь, строителям их храмов и крепостных укреплений большей частью становились жители местных сел и погостов. Монастырям же в свою очередь Поморье обязано высоким уровнем грамотности населения, широкими познаниями в морском деле, навыками в редких ремеслах, познаниями в книжности.

Следует при этом отметить, что прибрежные территории северных морей с их древними деревнями и погостами, рыбными ловищами, тонями и варничными местами были самобытны, имели свой выработанный веками, связанный с морскими промыслами уклад жизни. Волны городского влияния, общение с более высокой по уровню художественной культурой монастырей обогащали жизнь поморской деревни. При этом городская и монастырская культуры не вытесняли деревенский уклад жизни. Они почти не наносили разрушающего воздействия на традиционные деревенские ремесла и основные виды народного творчества. Все виды изобразительного и декоративно-прикладного искусства: иконопись, резьба и роспись по дереву, вышивка, узорное ткачество, вязка, низание жемчугом, а также переписка и иллюстрирование книг, развивались здесь параллельно с монастырскими и городскими ремеслами на протяжении нескольких столетий. В частности, основные, характерные для Поморья виды деревенского народного искусства: плоскорельефная и объемная резьба по дереву, керамика, узорная вышивка, низание жемчугом и перламутром, в доступный для изучения период XVIII – начала XX века не утратили также и присущей им стилевой самобытности. Они продолжали энергично развиваться в рамках традиций фольклорной культуры, по законам народного искусства с его обширным арсеналом языческих по истокам многофигурных композиций и орнаментальных мотивов.

Изучение истории и культуры Северного Поморья, его богатого художественного наследия отечественной наукой ведется уже более двух столетий. Пристальное внимание и интерес к памятникам истории, литературным произведениям и устному народному творчеству, отразилось в работах М.В. Ломоносова, в дневниках первых академических экспедиций ученых XVIII века И. Лепехина и О. Озерецкого. В XIX – начале XX века значительный вклад в освоение и изучение памятников деревянного и каменного зодчества, иконописи, археологических памятников внесли академик архитектуры В.В. Суслов, этнограф В.С. Максимов, археологи А.Я. Брюсов, В.И. Равдоникас, а также историки искусства и художники. С историей освоения художественного наследия Поморья связаны крупные открытия, ставшие не только выдающимся событием отечественной науки, но и ярким явлением мировой культуры. В ряду этих открытий, несомненно, одни из первых мест занимают записи былин и сказаний, сделанные в XIX – начале XX века, открытие, изучение неолитических стоянок на Онежском полуострове, петроглифов в Залав-

руге, коллекций книг и древнерусских икон монастырских собраний, а также древних грамот, архивных документов, мореходных книг – лоций, писцовых книг и летописей.

Произведения народного искусства поморских деревень долгое время не привлекали внимания ученых. Художественные изделия деревенских мастеров показывали на сельскохозяйственных, кустарных и промысловых выставках, упоминали в отчетах этнографических и морских экспедиций, изображали на видовых и жанровых рисунках и гравюрах художники¹. Одним из первых изделия поморских мастеров как самобытные произведения местного творчества отметил академик архитектуры В.В. Суслов. В 1886 – 1887 годах, в период проведения обмеров деревянных церквей в селе Ненокса он собрал небольшую коллекцию предметов поморского быта для музея Петербургской Академии художеств². Особенно понравились В.В. Суслову резные прялки и украшенные розеточными узорами вальки. Академик сделал несколько зарисовок найденных им под шатровым покрытием Троицкой церкви прялок. Лопастни их напоминали тонкое, изящных пропорций весло, а их плоскости были заполнены тончайшей мелкоузоровой геометрической резьбой. Одновременно архитектором совершенно неожиданно был сделан профессиональный, в полном соответствии с требованиями методики фиксации памятников деревянного зодчества архитектурный обмер лопастни прялки из села Ненокса. Академик тщательно выполнил точный ее чертеж в нескольких проекциях. В 1888 году в книге, посвященной памятникам деревянного зодчества, В.В. Суслов опубликовал краткие сведения о собранной им коллекции³. В книге он сделал также важное сообщение о своих наблюдениях в Норвегии, где побывал накануне. По мнению академика, мотивы геометрической резьбы, сходные по исполнению круги и розетки, которыми украшена поморская прялка, встречаются также на деревянной утвари прибрежных сел соседней страны. Безусловно, сравнение бытовой вещи с архитектурным памятником, метод исследования, предложенный академиком В.В. Сусловым, как и сравнение поморских резных изделий с норвежскими, не настолько убедительны, чтобы их можно было принять безоговорочно. Однако первая оценка искусства поморской народной резьбы в такой необычной, гротесковой форме, сыграла важную роль. Исполнительское мастерство резчиков из деревень и посадов беломорского побережья было известно и раньше. Резные изделия из беломорских сел в XIX веке, как предметы быта показывались на кустарных выставках. Кроме того, в период разрозненного собирательства произведений народного искусства на рубеже XIX и XX веков они стали поступать как предметы быта в краеведческие и исторические музеи и частные коллекции. Вместе с тем, В.В. Суслов был первым, кто обратил внимание на особый характер и художественную выразительность произведений поморской резьбы по дереву. В начале XX века деревни и села беломорского побережья, а также Кольского полуострова, особенно промысловые деревни мурманского побережья, пользуются повышенным вниманием исследователей, художников, писателей, па-

ломников и путешественников. Здесь одновременно работают экспедиционные группы этнографов, фольклористов, архитекторов и краеведов.

В 1904 году хранитель этнографического отдела Русского музея Е.А. Ляцкой и сотрудник историко-бытового отдела Л.А. Костиков побывали в Архангельском, Мезенском и Онежском уездах Архангельской губернии. Ими были собраны три крупных коллекции: предметов рыболовства, крестьянского и городского быта, а также редкое по художественной ценности собрание произведений народного искусства: резьбы и росписи по дереву, народного костюма, узорной вышивки и ткачества⁴.

Интерес к наследию поморского народного искусства проявили и другие музеи. В частности, в 1911–1913 годах в ряде мест беломорского побережья побывали сотрудники Архангельского публичного городского музея во главе с И.М. Починовским. Коллекция, им собранная, оказалась значительной. Особенно большую ценность ей придает не менее редкое по составу собрание произведений резчиков по дереву. Примечательно, что работу по сбору и приобретению резных изделий, бытовой утвари и предметов, главным образом, женского костюма Е.А. Ляцкой, Л.А. Костиков в 1904 году и И.М. Починовский в 1911–1913 годах проводили в одном и том же, небольшом по территории районе. В основном они работали в деревнях и селах, расположенных по соседству с селом Нёнокса, где вел в 1880-е годы архитектурные исследования академик В.В. Суслов. Экспедициями Е.А. Ляцкой, Л.А. Костикова и И.М. Починовского были обследованы поморские деревни и села: Солза, Уна, Луда, Нёнокса, Лопшеньга, Яреньга, а также отдельные селения на Кегострове и в дельте Северной Двины.

Экспедиционные находки принесли широкую известность поморскому искусству. Резные изделия, низанные речным жемчугом и перламутром праздничные женские головные уборы, деревянные детские игрушки: панки и коники с побережья Белого моря постепенно обретают известность, пользуются пристальным вниманием видных этнографов и исследователей народного искусства. Произведения из коллекций Русского музея, Архангельского публичного музея, из ряда частных коллекций публикуются в альбомах и книгах по народному искусству. В частности, большое число воспроизведений украшенных резьбой поморских прялок, деталей ткацких станов, вальков, рубелей и выразительных объемных резных детских игрушек было помещено в фундаментальных изданиях А.А. Бобринского⁵, В. Босерта⁶ и в роскошном альбоме Н. Сидамон-Эристовой и Н. Шабельской⁷. Отдельные предметы крестьянского быта из сел беломорского побережья были опубликованы учеными, главным образом В.С. Вороновым⁸, сотрудником Московского исторического музея. Наряду с изделиями резчиков, широко публиковались также расшитые золотом и золотной нитью, низанные речным жемчугом и перламутром девичьи головные уборы (перевязки), душегреи, парчовые сарафаны и другие предметы праздничного костюма поморских женщин. Однако названные исследователи в своих публикациях практически не использовали всего объе-

ма собранных первыми экспедициями материалов и внесенных в коллекционные описи сведений о деревенских мастерах и местах производства их изделий. Так, например, резные предметы: прялки, вальки, детали ткацких станов, детские игрушки, вывезенные в музей из деревень, размещенных в дельте Северной Двины, на побережье Онежского полуострова, а также из иных мест Поморья, публиковались в разделах книг и альбомных изданий с одинаковым, расплывчатым определением – «резьба северного района России». Стилистические, характерные особенности и розеточные мотивы их узорного украшения, как и неповторимо выразительной формы предметов, скульптурная резьба игрушек постоянно определялись обобщающим термином «архангельский тип». Игнорирование фактов и сведений, собранных первыми экспедициями, а также почти полное отсутствие в первой половине XX века значительных, точно аннотированных коллекций народной резьбы из других районов Архангельского Севера привело к тому, что с обликом изделий из Нёноксы, Уны, Луды, Лопшеньги и других деревень и сел Поморского Севера стали связывать общие представления об искусстве народной резьбы всей, громадной по территории Архангельской губернии. Следует, однако, отметить, что на первом этапе изучения названных музейных коллекций резьбы по дереву была сделана попытка отнести собранные в поморских деревнях памятники к более локальному художественному явлению. Так, в 1925 году составители путеводителя по Кустарному отделу ВСНХ резные прялки с побережья Белого моря выделили в особую группу «поморских»⁹. Однако, это верное научное определение, термин, наиболее точно характеризующий предметы народного искусства северного крайнего района России, остались незамеченными исследователями. В нескольких публикациях В.С. Воронова, кстати сказать, вероятного автора названного путеводителя ВСНХ, в монографии Н.Н. Соболева «Русская народная резьба», вышедшей из печати в 1934 году, по-прежнему использовался термин, предложенный в 1911 году А.А. Бобринским, – «архангельская резьба»¹⁰. В образах других видов народного творчества названного региона: двухсторонней вышивке, низании жемчугом, узорной вязке, ткачестве, исследователи имели и использовали более обстоятельные, точные сведения и ошибки при систематизации этнографических коллекций допускали редко.

Активная экспедиционная работа сотрудников Русского музея в районах Северного Поморья, издание собранных произведений в престижных книгах и роскошных альбомах, начатое не только в России, но и в Париже, Берлине, были неожиданно прерваны. Все экспонаты поморской коллекции, как уже упоминалось, в 1934 году были преданы в музей Этнографии народов СССР, где в силу разных обстоятельств, прежде всего из-за надвигающейся Великой Отечественной войны, все работы над собранием, как и экспедиционные поездки на беломорское побережье, были свернуты и больше не возобновлялись.

Между тем коллекции, собранные Е.А. Ляцким и Л.А. Костиковым для Русского музея и И.М. Починовским для Архангельского публичного музея, содержат

ценнейшие, в большинстве своем до настоящего времени неопубликованные памятники народного искусства окраинного северного района. Менее всего в полном объеме известна коллекция Е.А. Ляцкого и Л.А. Костикова, с 1904 по 1934 год хранившаяся в Русском музее.

Наиболее ранние произведения народной резьбы по дереву этой коллекции относятся к первой половине и середине XVIII века. Статичные формы предметов: прялок вальков, деревянной посуды и иной утвари, украшает четкий по ритму геометрический орнамент. Крупные выемки, резкие очертания граненых фигур резного узора подчеркивают и оформляют пластическую выразительность тяжелой формы предметов. Композиция резного декора строится на рапортном чередовании 2-3 геометрических фигур или состоит из цепи сложных клейм, заполненных разными по рисунку орнаментальными мотивами. Квадраты, ромбы, звездчатые розетки, являясь основной орнаментальной темой резного декора, придают произведениям характер суровой сдержанности, рационалистической целесообразности каждого элемента. На примере единичных, сохранившихся от XVIII века произведений трудно говорить о стилистическом своеобразии поморской резьбы архангельских деревень. Очевидно, искусству орнаментальной резьбы этого района были свойственны черты более широкой художественной традиции. Так на вальке 1720 года¹¹ в рапортном рисунке узора, в приемах выемчатой резьбы много общего с декором ларцов, сундуков и киотов, широко бытовавших на Русском Севере. Однако и здесь в графической четкости, узорчатой выразительности расчерченных квадратов и вихревых розеток, обведенных плоскими лентами зигзага, в равноценности и вместе с тем в контрастном сопоставлении каждого соседнего мотива: квадрата и розетки, острой грани и уплощенной ленты, ясно видны черты поморского стиля. Стиля, особенности которого так хорошо прослеживаются на памятниках древнерусской резьбы поморского круга: царские врата, киоты икон, церковная утварь.

Более самобытно по форме и рисунку узора другое произведение – подпоясная прялка 1754 года из собрания Российского музея этнографии, вывезенная экспедицией в 1904 году из упоминавшейся деревни Нёноксы¹². Узкая, вытянутая лопасть прялки имеет фигурное треугольное навершье с семью крупными городками. На лицевой стороне лопасти по вертикальной оси в отдельных клеймах размещены резные круги и розетки. Строгой симметрией пирамидального навершья, прямоугольными рамками клейм мастер как бы создает для размещения узора своеобразный, диктуемый формой прялки каркас. Его конструктивность оживлена обронными, рельефными буквами надписи «А.В. 1754». При богатстве вариантов розеточных мотивов все подчинено строгой логике композиционного построения. Сложно разработанная средняя розетка центрирует узор, объединяет его элементы и одновременно ритмизирует резную поверхность. Верхний круг с вписанным квадратом мелкого рисунка «шахматки» скрадывает монотонность розеточного узора навершья и служит естественным переходом к динамичным,

насыщенным резкими гранями и фигурными выемками розеткам лопастки. Тип этой прялки, система ее орнаментального декора является основным, наиболее характерным для деревень и сел Архангельского Поморья. Происхождение подобной формы прялки, истоки ее орнаментальной системы определить крайне трудно. Известный археологический и этнографический материал не дает аналогичных примеров. Возможно, форма поморской прялки сложилась путем длительной эволюции в поморском регионе весловидной (лепестковой) прялки Обонежья. Следует отметить, что близкие по форме составные прялки были широко распространены в северных районах скандинавских стран. В собрании музея Упсальского университета в Швеции имеется близкий вариант рассматриваемой прялки. Совпадает даже характер нанесения обронной надписи. Различаются только приемы нанесения орнаментальных мотивов резьбы. Орнаментика шведской прялки более усложнена, рисунок узора жесткий, орнаментальные фигуры имеют стреловидные завершения и все элементы декора предельно заострены.

Произведения народной резьбы XIX века представлены в коллекции Ляцкого и Костикова отдельными художественными предметами поморского быта. В большинстве своем они опубликованы. Хронологически в пределах столетия памятники искусства распределены крайне не равномерно. Имеются единичные предметы с врезными датами начала XIX века и точно датированные изделия 1875–1900 годов. Убедительной картины развития искусства резьбы по дереву даже на ограниченной территории беломорского побережья они дать не могут. Между тем в целом ряде северных и центральных музеев в последние десятилетия собраны значительные коллекции народной резьбы, в том числе и из деревень Летнего берега, где работали исследователи в 1904 году. В собраниях этих музеев имеются близкие аналогии произведениям первой коллекции Русского музея. Их изучение необходимо вести в комплексе, с учетом всех накопленных сведений и материалов о крупном художественном явлении, каким была народная резьба по дереву Северного Поморья.

В 1937 году в Государственном Русском музее был образован отдел народного искусства. Началось формирование его художественных коллекций. Великая Отечественная война прервала успешно начатую работу. Лишь после войны возобновилось пополнение собрания. Экспонаты, произведения народных мастеров и мастериц, поступали в Русский музей из разных мест: из частных коллекций, учреждений культуры, музеев, центров художественных промыслов, с выставок. Но самыми значительными и планомерными поступления в отдел народного искусства стали в период, когда в конце 1950-х годов Государственный Русский музей начал проводить ежегодно экспедиционные выезды в разные области страны. Первоначально сотрудники отдела вели экспедиционную работу в деревнях и селах Центральной России, Поволжья, Ярославской, Псковской и Новгородской областей. Затем маршруты экспедиционных поездок сместились в Ленинградскую и Вологодскую областей. После того, как был накоплен значительный опыт экспе-

диционной работы по сбору и приобретению произведений народного искусства в деревнях и селах названных областей, в 1960-е годы научные сотрудники музея стали осуществлять длительные поездки в труднодоступные места на реке Мезени и притоке реки Печоры, реке Пижме, с ее старообрядческими деревнями.

Экспедициями 1950 – 1960-х годов были собраны уникальные коллекции народного искусства, отражающие с убедительной полнотой все богатство и разнообразие сохранившихся произведений в разных регионах страны. Однако экспедиции не обследовали еще одну территорию страны, где народное искусство интенсивно развивалось в течение большого периода. Длительное существование и высокий уровень развития художественного ремесла в промысловых районах страны, в частности, в нескольких деревнях побережья Северного Поморья, все еще был окутан дымкой таинственности. К тому же, неоправданно замедлилось, по сути дела прекратилось изучение и публикация произведений из собранных в начале XX века коллекций.

В 1960 году вышла из печати книга В.М. Василенко «Русская народная резьба и роспись по дереву»¹³. Автор проделал большую работу по систематизации собранных исследователями XIX – начала XX века, хранящихся в музеях, произведений из разных областей страны, и связанных с ними сведений, в большинстве своем уже опубликованных в разных изданиях, и отдельных фактов о мастерах народной резьбы и росписи по дереву. Автором книги была предложена во многом новая система классификации хранящихся в музеях произведений, в соответствии с характерными особенностями формы изделий, стилистическими признаками орнаментального и плоскорельефного декора, а также по регионам и центрам их производства. В частности, говоря о деревянных изделиях мастеров беломорского побережья, В.М. Василенко значительно сузил границы предполагаемого района бытования мелкоузорной геометрической резьбы. По предположению В.М. Василенко все предметы, собранные в деревнях беломорского побережья и поступившие в Русский музей, были изготовлены на территории бывшего Архангельского уезда. Однако при этом исследователь сохранил, ставший уже традиционным термин «резьба архангельского типа». Этот термин по-прежнему использовался для обозначения и характеристики стилистических особенностей произведений народной резьбы из разных районов обширной Архангельской губернии. Следует отметить, что В.М. Василенко был ученым со сложной, драматической судьбой. Он, будучи репрессированным, на долгие годы был отлучен от библиотек и музеев и, безусловно, не принимал участия в каких-либо экспедиционных выездах. Вместе с тем, Василенко оставался человеком, сохранившим удивительную поэтичность натуры. Он был и в науке «нежным путешественником», постоянно в мыслях скитавшимся по необозримым просторам исторических эпох, древних мифов, волшебных сказок и народных легенд своей страны. Как ученый, романтик Василенко нередко вносил в исследования свое, особое отношение к «священным древностям», давал оценки, высказывал гипотезы, порой

провидческие, точные и убедительные, а временами ошибочные, не подтвержденные фактами. Так, говоря об авторах деревянных изделий беломорского побережья, В.М. Василенко явно преувеличил как их связи с Архангельском, так и меру влияния городской культуры на искусство народной резьбы.

Известного исследователя народного искусства, старшего научного сотрудника Государственного Русского музея Н.В. Тарановскую книга В.М. Василенко навела на мысль – собрать вновь в Русском музее, в отделе народного искусства коллекцию произведений народного искусства из района беломорского побережья. Прежде всего предполагалось побывать в местах, где в начале XX века работали Е.А. Ляцкой и Л.А. Костиков. В 1962 году Н.В. Тарановская и автор настоящего сообщения стали готовиться к поездке на беломорское побережье. Был разработан маршрут. По плану Н.В. Тарановской предполагалось повторить маршрут экспедиционных поездок Ляцкого и Костикова по деревням Онежского полуострова. Однако случилось так, что Н.В. Тарановская по состоянию здоровья принять участие в экспедиции не смогла. В экспедицию на Онежский полуостров отправились Н.В. Мальцев и художник-реставратор Н.А. Шапошникова. Вначале экспедицией, в полном соответствии с намеченным планом, были обследованы деревни на Летнем берегу Онежского полуострова: Уна, Луда, Лопшеньга, Яреньга. Затем план был кардинально изменен. Появилась дерзкая идея обследовать все села и деревни Онежского полуострова, побывать там, где не работала ни одна этнографическая экспедиция.

Экспедиционное обследование деревень Летнего берега принесло исследователям находки уникальных произведений народного искусства. Были приобретены нарядные расшитые золотыми нитями парчовые душегреи, праздничные, низанные речным жемчугом женские и девичьи головные уборы. Но главным открытием экспедиции стало большое количество редких по красоте и выразительных по форме, изысканных по узорному убранству резных, полихромно раскрашенных прялок с врезными датами 1800-х годов – начала XX века, деревянных предметов, связанных с ткачеством, детских игрушек, домашней утвари и посуды, датируемых тем же периодом. Поразительным был тот факт, что большинство резных изделий было исполнено в необычных условиях. Ранней весной все мужское население поморских деревень артелями на больших судах-кочах – уходило в море на «весновальный промысел» (охота на моржей и тюленей). В ожидании зверя судно обычно вытаскивали на льдину и на ней поморы дрейфовали по просторам Белого моря. Отдельные артели высаживались на острова, известные лежищами моржей и тюленей (остров Моржевец). На дрейфующих льдинах и на островах охотники неделями ожидали морских зверей. В свободное время поморы занимались ювелирной по технике исполнения, мелкоузорной резьбой по дереву. По старинному обычаю, каждый из них с весновального промысла в подарок жене, дочери должен был привезти редкой красоты разузоренную прялку и рубель (валек) (ил. 1-4). Детям дарились выразительные, массивные резные коники,

куклы-панки и шумящие игрушки-шоркунки (ил. 5, 6). Изделия создавались под взыскательным контролем всех зверобоев поморской артели. Очевидно, поэтому прялки, вальки, детали ткацких станов, приобретенные в той или иной деревне Летнего берега, сходны по форме и набору арабесковых мотивов орнамента. Однако исполнение каждого изделия разное. Одни прялки выделяются сложным ажурным рисунком исполненных резьбой на проем фигурных наверхий. При исполнении других лопасток прялок мастера-поморы настолько увлекались изощренностью исполнения мелких порезок, сложностью геометрического узора, что резной декор изысканных по форме предметов оказывался сходным с плетением тончайшей паутины. Побывав в деревнях Летняя Золотица и Летний Наволок, куда не доехали в начале XX века Ляцкой и Костиков, экспедиция продолжила путешествие.

Обогнув Онежский полуостров на уровне Орлова мыса, экспедиция приступила к работе в деревнях Лямецкого (Онежского) берега, морского побережья, обращенного к Онежскому заливу. Обследовав деревни Пушлахту, Лямцу, Пурнему и Нижмозеро, экспедиция собрала значительную коллекцию старинных изделий местных мастеров (ил. 7, 8). Набор предметов народного искусства оказался тем же, что и в деревнях Летнего берега, однако форма изделий, их декоративное убранство здесь оказалось иным. Так, например, прялки деревень Лямецкого берега были лишь внешне похожи на прялки Луды, Уны, Лопшеньги, Летней Золотицы и Летнего Наволока. Широкие лопасти этих прялок украшали розетки, расчерченные квадраты и ромбы, исполненные в более свободной живописной манере, в технике углубленной, пластичной, выемчатой резьбы. Графическая изощренность розеточного орнамента, предельная заполненность декором лицевой плоскости прялок Летнего берега здесь уступили место крупным, обособленным мотивам резного орнамента. Расчерченные квадраты, ромбы, круги и розетки обрели самодовлеющую выразительность. В форме предметов, их узорном резном убранстве просматривалось очевидное сходство с изделиями соседней Карелии. Лишь на предметах, изготовленных во время веснования в просторах Белого моря и на дальних островах, ощущалось явное влияние искусства мастеров Летнего берега. Отдельные предметы по форме и узорному убранству просто буквально повторяли изделия резчиков-зверобоев Летнего берега¹⁴.

В 1966 году в Архангельске состоялась представительная научная конференция, посвященная памятникам художественной культуры Русского Севера. На этой конференции был заслушан доклад о произведениях народного искусства Онежского полуострова и одобрен термин «искусство народной резьбы Северного Поморья»¹⁵. Новый термин не сразу вошел в научный оборот. Многие исследователи продолжали использовать распространенные и утвердившиеся в изданиях, связанных с предметами материальной культуры, понятия «архангельская резьба» и «резьба Архангельского Севера».

Интересную попытку внести ясность в изучение памятников народной резьбы,

собранных И.М. Починовским в деревнях беломорского побережья, сделала Т.А. Берштам. В статье, посвященной отдельным произведениям народной резьбы из собрания Архангельского краеведческого музея, ею были опубликованы коллекционные описи, сведения о местах бытования резных изделий, собранных в 1911–1913 годах экспедицией Починовского в деревнях устья Северной Двины и на побережье Онежского полуострова. Автором был также предложен еще один термин – «беломорская резьба» для определения памятников рассматриваемой группы¹⁶. И этот термин оказался неудачным. Разрозненные находки предметов народной резьбы, сделанные путешественниками, учеными разных специальностей в XIX–XX веках и поступавшие в музей, украшенные резьбой деревянные предметы с Мурманского побережья Кольского полуострова, из других мест побережья Северного Ледовитого океана указывали на более широкое распространение единой по приемам и мотивам орнамента народной резьбы по дереву¹⁷.

Экспедиции Государственного Русского музея, проведенные в конце 1960-х – начале 1970-х годов, на Зимний берег Белого моря (Н.В. Мальцев, Н.А. Шапошникова), Кольский полуостров (Н.В. Мальцев), Поморский (карельский) берег Белого моря (Н.В. Мальцев, А.А. Мальцева, С. Окунь) и в деревни дельты Северной Двины (Н.В. Мальцев, В.Ф. Загорская) подтвердили правильность выбора термина «Народное искусство Северного Поморья». Огромный регион побережья Белого моря и мурманского побережья Ледовитого океана на протяжении трех столетий (XVIII–XIX вв.) сохранял относительное стилистическое единство в разных видах народного искусства края, в произведениях, прежде всего в орнаментальной резьбе по дереву. Разумеется, отдельные его районы на протяжении многих столетий испытывали влияние соседних культурных центров, материковых областей, и это отразилось на укладе жизни сел, а также на стилистических особенностях произведений народного искусства, на мотивах узорочья разных видов изделий. Коллекция народного искусства Северного Поморья, собранная названными экспедициями, в Государственном Русском музее огромна по числу экспонатов, уникальна по художественной ценности и стилистическому многообразию произведений талантливых поморских мастеров. Однако и первая коллекция изделий, собранная для Русского музея в 1904 году в древнейших, известных с XIV века деревнях беломорского побережья Е.А. Ляцким и Л.А.Костиковым, не утратила своего важнейшего для истории художественной культуры страны, значения. В составе именно этой, хранящейся в Российском этнографическом музее коллекции находятся самые ранние из числа известных подписные, датируемые первой половиной и серединой XVIII века произведения народного искусства Северного Поморья.

Примечания

¹Лудмер Я. Архангельская сельскохозяйственная выставка 1884 г. Архангельск, 1885. С. 69; Соколов С., Томский И. Народное искусство Севера России. М., 1924. Ил. 19, 20.

²Суслов В.В. Заметки о севере России и Норвегии. СПб., 1888. С. 40, 70.

³Его же. Путевые заметки о севере России и Норвегии. СПб., 1889. С. 64.

⁴Государственный музей этнографии (далее ГМЭ). Инв. № 531-6. Монограмма «Ф.М.» 1875 года; Инв. № 2779-118; Инв. № 2344-10; Инв. № 5750-6; Инв. № 5750-17; Инв. № 2344-8; Инв. № 2344-11; Инв. № 2344, 6243; Инв. № 6759-84; Инв. № 6434-6; Инв. № 2343-496. Монограмма «П»; Инв. № 5750-10; Инв. № 2343-52. Монограмма «АС ЖА» 1815 года; Инв. № 2779-11. Монограмма «НЕС» 1862 г.

⁵Бобринский А.А. Народные русские деревянные изделия. М., 1913. Вып. VII. Табл. 99. Рис. 1-4, 6-8, 10, 11.

⁶Bossert H. Th. Volkskunst in Europa. Berlin, 1926. Taf. CXX, 1, 10, 26, 30.

⁷Sidamon-Eristoff A., Shabelskaja N. Peasant art in Russia // The Studio. London; Paris; New York. d. MCMXII.

⁸Воронов В.С. Бытовой жанр в росписи и резьбе крестьянского искусства // Среди коллег-лекционеров. М., 1923; Его же. Крестьянское искусство. М., 1924.

⁹Путеводитель по Кустарному музею ВСНХ. М., 1925. С. 1.

¹⁰Соболев Н.Н. Русская народная резьба по дереву. М., 1934. С. 346. Ил. 231, 233.

¹¹Чекалов А.К. Предметы обихода из дерева // Русское декоративное искусство. М., 1963. Т. II. С. 16, 17. Ил. 14, 15; 1965. Т. III. С. 203, 204.

¹²ГМЭ. Инв. № 5750-10.

¹³Василенко В.М. Русская народная резьба и роспись по дереву XVIII–XX вв. М., 1960. С. 71.

¹⁴Мальцев Н.В. Орнаментальная резьба по дереву Онежского полуострова // Тезисы докладов к научной конференции «Народное декоративно-прикладное искусство русского Севера». Л., 1965. С. 19-22; Его же. Орнаментальная резьба по дереву на Онежском полуострове // Русское народное искусство Севера. Л., 1968. С. 69-82; Мальцев Н.В., Тарановская Н.В. Русские прялки. Л., 1970. С. 39-43, 62, 63.

¹⁵Мальцев Н.В. Поморская резьба по дереву // Тезисы докладов и сообщений к научной конференции в г. Архангельске «Памятники культуры русского Севера». М., 1966. С. 32-36.

¹⁶Бернштам Т.А. Об одной художественной традиции на Архангельском севере в XVIII–XIX вв. // Советская этнография. 1965. № 3. С. 124-138. Ил. 1-4.

¹⁷Тарановская Н.В., Мальцев Н.В. Указ. соч.; Тарановская Н.В. Русские прялки. М., 2003; Денисова И.М. Вологодские прялки // Русский Север: этническая история и народная культура XII–XX вв. / отв. ред. И.В. Власова. М., 2004. С. 788-790, 792, 832-833.

**НИЖМОЗЕРО:
РОЛЬ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО КОМПОНЕНТА
В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА ВОЛОСТИ**

Освоение европейской части Русского Севера началось в XI–XII веках людьми Великого Новгорода, которые продвигались в основном по Кенозерскому и Белозерско-Онежским путям. Низовская колонизация шла из Ростово-Суздальского княжества, а позднее из Московских земель – в основном по Северной Двине, Вычегде и Выми. Первоначальными селениями, возникавшими на путях новгородского продвижения, были погосты – места остановок, а нередко и зимовок торговых людей – гостей, от наименования которых произошло и само слово. Несколько позднее так стали именовать обширные территории, на которых находилось несколько малодворных деревень, составлявших крестьянскую общину. В центральном же селении, которое также именовалось погостом, строили церковь, отдельно трапезную¹ (своего рода общинный дом), а поблизости – дома церковнослужителей. К XVI веку понятие «погост» в его первом значении постепенно было замещено волостью в тех случаях, когда речь шла об административном делении, или приходом – церковной округой, но при этом сохранилось во втором значении и стало обозначать храмовый комплекс, как правило, окруженный кладбищем и оградой.

Именно в этом смысле и упоминается в переписных книгах монастырских вотчин Петра Лопухина (1679 г.) Нижмозеро, о котором речь пойдет дальше: «В Нижмозерской волости погост, а на погосте церковь...»². И хотя обычно волость – это несколько сравнительно близко расположенных деревень, в данном случае, как и в большинстве других селений Онежского полуострова, – в Пурнеме, Лямце, Пушлахте волость (и соответственно приход) состояли всего из одного селения. Такая ситуация сохранилась вплоть до 1917 года.

Онежский полуостров, на котором расположена Нижмозерская волость, состоявшая, как уже было сказано, всего из одного села, далеко вдается в Белое море, образуя два его залива-губы – Онежскую и Двинскую – по имени впадающих в них рек (ил. 1). Его освоение начинается в XIII–XIV веках, когда сюда, переволакивая свои ушкуи-лодки через многочисленные волоки, направлялись выходцы как из Великого Новгорода, так и из Ростово-Суздальского княжества. Последние образовали на восточном Летнем берегу три Ростовские межи или волости с центрами в Нёноксе, Уне и Луде, вскоре превратившиеся в усолья – крупнейшие места солеварения на Белом море. Заселение полуострова активизируется после образования Московского государства: в XVI веке возникают селения на западном Онежском или Лямецком берегу – Тамица, Кянда, Пурнема, Пушлахта, а в глубине полу-

острова – Нижмозеро³. Отсюда по Онеге к Вологде и Москве везли семгу, навагу, сига, моржовые клыки, тюленьи шкуры, жир, ловчих птиц для царской охоты.

Крупные северные монастыри – прежде всего Соловецкий, а также Кирилло-Белозерский и Николо-Корельский – скупают деревни «со всеми угоды <...>, куда ходит топор и коса, и плуг», «ловища водяные», «варничные места». По лесным и некогда малолюдным берегам Онежского полуострова возникают новые соляные варницы, рыбацкие тони. Около них ставят монастырские дворы: «на тоне <...> келья с сенми <...>, да поварня, да анбар рыбной, где рыбу солят, да анбар неводной, где сети держат <...>, да банька»⁴, – читаем в старинной описи тони, принадлежавшей Соловецкому монастырю.

Однако в конце XVII и особенно в XVIII веке пришлые люди начинают уходить отсюда: в связи с открытием выхода в Балтийское море снижается значение Беломорья. Падают цены на соль. Замирает бурная хозяйственная деятельность монастырей, и Онежский полуостров постепенно становится «медвежьим углом», из которого кроме семги, вывозили разве что речной жемчуг.

Нижмозеро, в прошлом усолье Соловецкого монастыря, – единственное селение, находившееся сравнительно далеко от побережья, стоит у развилки дорог: одна идет от города Онеги к Летнему берегу через Уну, Луду и затем к Пертоминскому монастырю, другая – вдоль западного берега к Пурнеме, до которой около 30 километров. Село расположилось между несколькими холмами (горами – по местному) по обеим сторонам короткой и неширокой реки Средней Нижмы, соединявшей озера – Кяндское, Унское, Пурнемское и дальше, через Верхнюю Нижму Малое и Большое Верхние озера, а из них по Нижней Нижме, в прошлом судоходной реке, можно было выйти в море (ил. 2). Видимо, связь с ним, а также исключительные природные условия и привлекли сюда первых «насельников»: леса и достаточно высокие холмы вдоль Средней Нижмы – Сиверуха, Зягорье, Сосновка, Ёлковщина – закрывали село от северо-западных морских ветров. Озера были богаты рыбой, леса – зверем, а земля, в отличие от других селений полуострова, урожайна, или родима, как здесь говорили. Вот почему нижмозерские крестьяне с давних времен занимались хлебопашеством, причем не в пример другим соловецким владениям вся земля тут находилась под крестьянской, а не под монастырской запашкой.

Нижмозеро, по существу, – одно селение, разделенное лишь на околы, бывшие в прошлом малодворными деревнями и составлявшее волость, представляет большой интерес с точки зрения его планировки. В 60-х годах XVI века это была волостка, состоявшая из четырех деревень – Одроновской на Озерках, Ларионовской, Власовой Горы и Карповой горы, в которых насчитывалось всего 14 дворов (два двора пустые). Церкви тогда еще не было: молиться и на праздники ходили в Пурнему⁵. Ко второй половине XVII века здесь насчитывалось уже 35 крестьянских дворов. Это результат роста тех же четырех деревень⁶. Они располагались вдоль реки, в низине, оставляя горы под пашню.

К концу следующего столетия на правом берегу Средней Нижмы было уже два порядка домов и один на левом. Дома ориентированы запад-восток, т.е. «глазами» обращены к реке, по которой отправлялись на рыбную ловлю или охоту, выходили в море. Перед нами – типичный пример прибрежно-рядовой планировки, где в роли улицы – река, изгибам которой и вторили порядки домов⁷ (ил. 3, 4). У самой воды – ряд банек и рыболовецких амбаров, около которых – мостки для причаливания лодок и полоскания белья. В XIX веке, когда у реки все места были заняты, дома стали ставить уже вдоль дорог, ведущих в Пурнему и Кянду. Тогда село разрослось до 98 дворов, в которых жило более полутысячи человек⁸. Деление на деревни к этому времени стерлось.

Сразу за вторым порядком домов правого берега – пашня, а еще выше, на безлесном холме – погост – общественный и композиционный центр всей округи. Он состоял из шатровой Никольской церкви (1661 г.), шатровой же колокольни (1766 г.) и трапезной двухпрестольной церкви Уверения апостола Фомы (1798 г.) с пятишатровым (!) завершением⁹ (ил. 5). По всей видимости, последняя была близка к аналогичной Троицкой церкви в Нёнокском посаде (1727–1729 гг.)¹⁰, расположенном на Летнем берегу того же полуострова, примерно в ста с небольшим верстах от Нижмозера. Трапезный храм на самом деле был более старым, возможно даже ровесником нёнокской церкви, ибо в конце XVIII века его лишь передвинули на 50 м на нынешнее место (о причинах переноса можно лишь предполагать). Он-то и сгорел в 1871 году. В тот же год на его месте был срублен другой храм того же посвящения. О пяти шатрах на церкви-предшественнице теперь напоминали только пять глав, возвышавшихся над четырехскатной кровлей.

Итак, в XVIII столетии ансамбль Нижмозерского погоста представлял собой мощнейший аккорд из семи шатров, господствовавших над всей округой! Кстати, в Описании прихода за 1834 год особо отмечено, что вокруг храмов не было никакой ограды (забор в виде штакетника, который запечатлен на фотографии 1910 г., был поставлен только в 1880-х гг.). Сегодня, когда уже не существует ни одной постройки погоста, а некогда многолюдное село полностью заброшено, такое почти невозможно представить. И, тем не менее, дореволюционные фотографии (наиболее ранняя первая принадлежит В.В. Сулову) (ил. 6), на которых мы видим уже обшитые в 1886 году Никольскую церковь и колокольню, а также натурное обследование селения, проведенное автором в 1967 году и Ю.С. Ушаковым в 1969-м, позволили в основных чертах реконструировать пространственную композицию этой по своему замечательной волости, в которой природное и рукотворное начала слились в единое целое (ил. 8). Тридцатипятиметровая шатровая церковь служила ориентиром для всех, кто приближался к селу по трем дорогам – от Пурнемы, Кянды и Уны, а также для тех, кто подплывал по озерам: из-за холмов, скрывавших само селение, для них был виден только шатер, помогавший таким образом быстрее найти исток и устье Средней Нижмы. В середине села через реку был переброшен мост, по которому, огибая церковную гору, проходила кяндская до-

рога, соединявшая город Онегу с восточным берегом полуострова, – часть старинного почтового тракта Москва – Архангельск. Мост же, объединявший сухопутный тракт с рекой в единое целое, являлся вторым после погоста композиционным центром селения. Именно здесь в прошлом собиралась молодежь на гулянья. С моста, как и из окон любого дома, стоявшего по левому берегу Нижмы, всегда были видны силуэты церквей и колокольни на фоне неба.

Дополнительными ориентирами служили еще и две часовни: одна, Всех святых, стояла в кладбищенской рощице под горой Сосновкой, вторая, Ильи Пророка – на другом берегу реки, между Ёлковской и Сиверухой. К последней трижды каждое лето направлялся с погоста крестный ход. Поставленные на полях часовни, как верили крестьяне, оберегали посевы, а также маркировали границы окультуренной, обжитой территории. За ними – водная гладь озер, а дальше – лес. Итак, строения погоста вместе с часовнями усиливали доминантную роль холмов в открытом пространстве, река служила главной планировочной осью селения, а дополнительными осями – уже упоминавшиеся дороги. В результате здесь сложился удивительный по цельности и законченности архитектурно-природный ансамбль, в которой с предельной ясностью выявилась его семантическая иерархия.

Никольская церковь – главная составляющая этого ансамбля – относилась к распространенному типу шатровых церквей восьмерик на четверике, выделяясь особенно высоким шатром (21,6 м с крестом): достаточно сказать, что он был крыт не тремя, как обычно, а четырьмя уменьшающимися кверху рядами теса. Алтарная кровля – большая бочка с плавными очертаниями. Ей вторили кокошники по углам восьмерика (ил. 7).

В прошлом нижмозерский храм еще больше напоминал башню: с трех сторон его окружала тесовая галерея, опиравшаяся на выпуски бревен. В 1826 году, когда церковь обшивали и подводили новый фундамент, галерею с запада и севера зашили, а с южной стороны разобрали, устроив на месте двери в молитвенное помещение сдвоенное окно. Вероятно, тогда же было сломано и крыльцо, обращенное к селу, а вход сделан с внутренней лестницей в северной стене¹¹. В результате этих переделок глухая галерея-паперть охватывала четверик с двух сторон, а конек ее двускатной кровли оказался сдвинутым к северу от оси симметрии. Асимметрия проявилась и в расположении окон на южной стене (ил. 9). Сумма названных характеристик Никольской церкви сближает ее с рядом других памятников поморско-онежской группы

Треугольное расположение строений погоста, при котором в вершине треугольника и одновременно на самой высокой отметке оказывается самая высокая церковь, обеспечивало ансамблю возможность почти кругового, а если точнее, полуциркульного восприятия, ибо с востока, за погостом через несколько сотен метров начинался лес – своего рода кулисы для погоста. Ансамбль целиком или, в крайнем случае, только церковный шатер был виден почти со всех точек освоенного пространства, радиус которого едва ли превышал полтора километра, если,

впрочем, не считать противоположных берегов Пурнемского и Кяндского озер. Еще в начале прошлого столетия Нижмозеро являло собой яркий пример чрезвычайно компактной центрической композиции с полукруговым восприятием главной доминанты, во многом обусловленной особенностями ландшафта и суровостью природных условий. Ныне селение заброшено, а церкви сгорели еще в 1985 году теперь этот замечательный ансамбль существует лишь в графическо-умозрительной реконструкции.

Примечания

¹Уткин Н.Н. О формировании структуры деревянных приходских храмов и храмовых комплексов на Русском Севере // Народное зодчество: межвуз. сб. Петрозаводск, 1999. С. 95-96.

²Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 1201. Оп. 1. Д. 575. Л. 1.

³Подробнее о заселении русскими Онежского полуострова в XV–XVII веках, см.: Берншам Т.А. Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 43-45; 81-84.

⁴Российская историческая библиотека. Т. XIV. СПб., 1908. С. 276.

⁵Сотные на волости Каргопольского уезда 1561–1562 гг. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сб. Вологда, 1972. Вып. 2. С. 445-446.

⁶РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 575. Л. 1.

⁷Мильчик М.И. Пурнема. Нижмозеро. Архангельск, 1971. С. 10; Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера. Пространственная организация, композиционные приемы восприятия. Л., 1982. С. 62.

⁸Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1893. Вып. III. С. 35.

⁹Государственный архив Архангельской области. Ф. 463. Оп. 1. Д. 40 (Описание имущества и угодий церковью Нижмозерского прихода за 1834 г.). Л. 2 об.

¹⁰Красовский М.В. Курс истории русской архитектуры. Ч. II. Деревянное зодчество. Пг., 1916. С. 259-261; Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942. С. 134-135; Заручевская Е.Б. Троицкая церковь в Нёноксе: строительная история // Актуальные проблемы исследования и спасения уникальных памятников деревянного зодчества России. Доклады. СПб., 1999. С. 86-90; Ее же. Плотник Василий Корсаков и его храмы // Деревянное зодчество. Вып. I: Новые исследования и открытия. М.; СПб., 2010. С. 149-154.

¹¹Несколько слов о древней Николаевской церкви в Нижмозерском селении Онежского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. 1890. № 21. Об иконах и иконостасе церкви см.: Кольцова Т.М. Иконы северного Поонежья. М., 2005. С. 233-235.

РУССКИЙ ПЕЙЗАЖ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

Хотя первые природоохранные прецеденты историки относят к глубокой древности¹, для обеспеченного законом сохранения природных и архитектурных достопримечательностей современное человечество уже около 100–150 лет использует несколько основных форм – заповедники (первый природный заповедник в России – Баргузинский (1916 г.)); национальные парки (первый в мире – Йеллоустоунский парк в штате Вайоминг (1872 г.), первый в Европе – в швейцарском кантоне Граубюнден (1914 г.), первый в России – Сочинский (1983 г.), последний на сегодня – Русская Арктика в Архангельской области (2009 г.))²; заказники (один из первых природных заказников в России – Цейский в Северной Осетии (1958 г.)); скансены, или музеи под открытым небом (первый в Стокгольме (1891 г.), первый в России – в Коломенском (1920-е гг.), в Кижях (1966 г.), в Малых Корелах (1973 г.) и т.д.); музеи-заповедники и музеи-усадьбы (одна из первых – Маунт Вернон близ Вашингтона (1858 г.), в России первые музеи-усадьбы появились после революции, в 1920-х годах, но по существу они были созданы просвещенными владельцами, бережно сохранявшими культурное достояние предков, еще в конце XIX в.)³ и т.д. Со временем сформировалось понятие культурного ландшафта, то есть характеризуемого созидательной деятельностью человека. Формы сохранения таких ландшафтов в мире, в том числе городских, в последние годы заметно расширились, например англичане скрупулезно зафиксировали и бережно сохраняют исторические ландшафты вдоль Темзы. У нас эти формы, правда гораздо реже, также иногда применяются.

Однако все перечисленные формы сохранения культурного и природного наследия способствуют сохранению лишь отдельных достопримечательных мест, действительно уникальных и порой весьма значительных по площади (например, Байкал, Суздаль, Кижичи). В данной статье пойдет речь о другом виде наследия, который пока не имеет самостоятельного статуса и практически никак не учитывается в любой строительной или хозяйственной деятельности – о русском пейзаже, точнее о тех нередко очень гармоничных, но незащищенных пейзажах, которые чаще всего не являются частью каких-либо заповедников (где сохранять их проще, хотя и там существуют препятствия), но совокупность которых, в конечном счете, и создает в нашем сознании целостный художественный образ России.

Слово «пейзаж» по-французски означает местность, собственно то же, что по-немецки «ландшафт».

Однако в нашем языке, где существуют оба слова, они, как водится, приобрели дополнительные смысловые оттенки. Ландшафт – понятие комплексное геогра-

фическое, включающее множество взаимосвязанных компонентов (климат, рельеф, воды, почвы, растительность и животный мир), то есть более общее, чем пейзаж, и нейтральное в эмоциональном и оценочном смысле. Пейзаж – вид местности, априори подразумевает наличие места, откуда он виден, и наблюдателя, в частном случае – это особый жанр станковой живописи. Другими словами, любой пейзаж, пусть даже искаленный – это образ ландшафта, пропущенный через восприятие человека.

Страна наша удивительно красива. Каждый ее регион красив по-своему, и на первый взгляд проблема сохранения русского пейзажа не кажется острой. Слишком велики просторы России, и, слава Богу, на них осталось еще немало природных и архитектурных красот. Однако каждый из нас легко вспомнит множество еще недавно красивых мест, затем нарушенных или полностью утративших свою эстетическую ценность. Виной тому чаще всего бездумная и невежественная хозяйственная и строительная деятельность, в нашей стране почему-то изначально предполагающая эти утраты. Вот, к примеру, сетования московского журналиста 1910-х годов: «Уже вырубают тенистые рощи городские рабочие... И скоро аромат сосны и фиалки вытеснит ядовитая вонь городских канализационных труб. Прорубят пруды и канавки для нечистот и отравят гноем большого города благоуханный, полный кислорода воздух лесного местечка. Плохая, в сущности, вещь – соседство такого Вавилона, как Москва»⁴.

Действительно, плохая. Сколько великолепных природных мест скрыто и закатано в асфальт московских улиц в XX столетии! И не только в Москве. А ведь это совсем не обязательно было делать – во всем цивилизованном мире принято максимально приспособлять застройку к особенностям местности, к ее рельефу. Ведь все эти уничтоженные речки, рощицы, пруды, красивые сельские дома и храмы могли стать главными композиционными акцентами в застраиваемых территориях. Не стали... И это варварское отношение к природе и собственному прошлому, объясняемое обычно экономической целесообразностью, в которой напрочь отсутствовал фактор человеческого восприятия, стало образцом нового строительства для всей страны⁵.

Островки природной и рукотворной гармонии исчезают не только в Москве и Подмосковье. Как представляется, в последние годы масштабы бездумного уничтожения земной красоты России многократно увеличились. Кажется, что на смену ушедшим поколениям пришли люди, совсем утратившие чувство природной красоты, необходимости ее сбережения и умножения, которое некогда сделало многие русские деревни, села и города прекрасными архитектурными ансамблями в природе.

Для сохранения остатков этой красоты в исторических городах придуманы режимы охранных зон, секторы видимости и т.д. Однако, справедливости ради, надо сказать, что далеко не всегда с их помощью достигается сколько-нибудь эффективная защита исторически сложившихся панорам и видов.

Для сохранения природной и архитектурной красоты сельских ландшафтов с точки зрения законодательства сделано еще меньше. Крайне медленно и неохотно устанавливаются режимы охраны на участках морских побережий: первым и единственным в России морским резерватом является Дальневосточный государственный морской заповедник (1978 г.) в заливе Петра Великого в Японском море. Даже в природных заказниках и заповедниках красивые пейзажи, традиционные архитектурные виды и т.д., как правило, не зафиксированы и не осознаются как самоценный вид наследия, хотя именно там существует реальная возможность их сохранения на основе старых фотосъемок, произведений живописи и других документальных свидетельств.

К тому же в заповедниках или национальных парках (например, Кенозерский), в которые входят действующие населенные пункты, законодательно не установлен и практически отсутствует механизм сохранения традиционного облика сельской застройки, владельцы которой все более активно начинают применять новые строительные решения, материалы, красители и т.д. До сих пор не установлен мораторий на приватизацию земли внутри заповедников и национальных парков, что сулит большие проблемы для их нормального существования в будущем.

Хорошо известно, какими темпами в последние годы варварски истребляется лесное богатство страны, вблизи крупных городов законодательно сужены речные и озерные водоохранные зоны, многие сельскохозяйственные земли перестали возделывать, они частью зарастают (причем не только в средней полосе, но и в богатейшем Черноземье), частью выделяются под коммерческое строительство. Сейчас очень часто в качестве доводов в пользу таких мер приводятся разнообразные псевдоэкономические соображения – к примеру, лучше купить качественную продукцию в Канаде или Америке, чем вкладывать деньги в убыточные хозяйства, правда, о том, с чем остается местное население, лишенное традиционных занятий, и о том, что для покупок нужны средства, где-то заработанные, обычно умалчивают. Как правило, целью этих чиновничьих игр является обеспечение видимости развития любой ценой, то есть примитивная имитация разумной созидательной хозяйственной деятельности. Все это приводит к множественной и практически повсеместной визуальной деградации среды, в которой мы все живем, то есть, собственно, русского пейзажа.

Сейчас многим кажется, что выделение пригородных земель под коттеджную застройку – явление положительное: больше людей сможет приобщиться к загородной жизни, но у нас все, по обыкновению, доводится до абсурда. В ближнем Подмосковье дорогая коттеджная застройка во многих местах уже превратилась в ковровую, не оставляющую никаких природных промежутков, под застройку обращают и поля, и рощи, и лесные уголья – кругом одни заборы, которые теперь заметно выросли в высоту... А ведь еще Чехов в рассказе «Крыжовник» очень точно заметил: «Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли. Но ведь три аршина нужны трупу, а не человеку. И говорят также теперь, что

если наша интеллигенция имеет тяготение к земле и стремится в усадьбы, то это хорошо. Но ведь эти усадьбы те же три аршина земли... Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа». Вот почему рачительное хозяйствование на своей земле во всем мире предполагает, прежде всего, полное сбережение ее культурного и исторического потенциала, традиционных занятий жителей, сохранение ее природной красоты, простора, рукотворных и нерукотворных достопримечательностей.

К несчастью, мы чаще всего можем констатировать обратное. Рукотворные и природные пейзажи, причем наиболее совершенные, единственные в своем роде (значит, самые уязвимые), исчезают, как правило, быстрее всего и безвозвратно. Эти утраты нигде не фиксируются, их трудно подсчитать, они оставляют лишь след в душе людей, чутких к красоте. Как следствие, неукротимое глобальное умножение окружающей дисгармонии, порождающее у ныне живущих поколений определенную художественную глухоту, которая угрожает в недалеком будущем потерей комфортной визуальной среды и русского пейзажа во всех его ипостасях. Вот почему проблема его сохранения кажется весьма актуальной.

Каждый пейзаж – это фрагмент определенной части культурного ландшафта⁶, преобразование которого у каждого народа определяется традицией взаимоотношений человека с природой, трудовыми навыками, народной нравственностью и культурой⁷. Пейзажи бывают разных типов – природные и рукотворные. И те и другие обладают свойством непрерывной изменчивости, но имеют и определенные константы, по сути и определяющие их ценность.

Пейзажи можно классифицировать по их ценности. Можно выделить пейзажи национального значения, регионального и местного. Если бы такая скрупулезная инвентаризация пейзажей получила бы необходимую законодательную поддержку и была проведена на всех уровнях, хотя бы в пригородах больших городов, думается, можно было бы серьезно уменьшить масштабы дисгармоничных текущих преобразований и отчасти оптимизировать саму строительно-хозяйственную деятельность. Ведь, в конечном счете, гуманизация культурных ландшафтов заключается в стабилизации и консервации той земной природы, в которой живет человек⁸.

Природные пейзажи, подразделяемые на различные географические зоны, можно охарактеризовать по параметрам пространственной целостности, величины, масштаба, конфигурации барьеров, замкнутости (открытости), наличию зрительных фокусов⁹. Их составляющими являются небо, земля, река, деревья, травы и т.д. в том индивидуальном соотношении, которое определяет его ценность. К природным пейзажам относятся панорамы, наблюдаемые с каких-либо высоких точек местности. Важны не только видимые границы этого пространства, не только зрительные фокусы (горы, холмы, озера, отдельные деревья и т.д.), их иерархия и цветовая адекватность, но и зрительные барьеры, их масштаб и конфигурация. Например, так называемые кулисы на первом плане – нередко определяют глубину общей

картины, а потому играют важнейшую роль в восприятии. Все эти элементы должны быть зафиксированы и оберегаться в уникальных сохраняемых пейзажах.

Пейзажи рукотворные отличает от природных культурное наполнение пространства – это своего рода живые картины определенных этапов существования страны и народа. Их можно в свою очередь также подразделить на несколько основных типов.

Городской пейзаж. В этой категории особо ценными являются исторические пейзажи, сохраняющие облик города предшествующих исторических этапов. Зачастую такие пейзажи имеют не просто большую историко-культурную ценность, но ценность непреходящую. Нет нужды говорить, как много городских видов потеряно за прошедшее столетие. Потерян исторический облик многих русских исторических городов. Среди них – первый русский порт Архангельск – утрата непоправимая.

Очень остро эта проблема стоит в малых городах, в которых в последние годы оживилась строительная деятельность. Приведем наглядный пример – древний Городок в Звенигороде. Городок – это древний звенигородский кремль, основанный еще в XI веке. В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона так и написано: «Звенигород – уездный город Московской губернии, расположен в 50 верстах от Москвы к западу, на высокой крутой горе. Местоположение очень красивое. Составляя часть зародыша Московского княжества, Звенигород... считается по своей древности первым после Москвы». За последние два года над Городком, несмотря на протесты общественности, поднялись силуэты многоэтажных жилых домов. А ведь вид на Городок из-за Москвы-реки – это уникальный, более нигде уже не сохранившийся исторический пейзаж. Только здесь в соединении архитектуры и природы можно воочию представить себе Московскую Русь XV века, страну Рублева, расписавшего, как известно, Успенский собор на Городке. Совершенно очевидно, что при бережном отношении к наследию, этот пейзаж не был бы так бездарно, бессмысленно потерян.

Сельский пейзаж. В разных местах России существуют поразительные по красоте панорамные виды. К потрясающим по красоте пейзажам относится речная пойма в районе Трубчевска, виды на луговину из усадьбы Подвязье под Нижним Новгородом, панорама Солотчи и т.д. К историческим сельским пейзажам, которые, безусловно, входят в состав совокупного образа России и имеют общенациональное значение, относится Валаам. Вот его описание, данное Иваном Шмелевым: «Перед нами высокий темно-зеленый остров. Пенной кипит вокруг него озеро-море... Ближе – остров дробится на острова. Видно проливы, камни, леса. Древностью веет от темных лесов и камней. Из-за скалистого мыса открылся Монастырский пролив, великолепный. Слева, совсем на отлете, каменный островок, на нем белая церковка, крест гранитный, позади – темный бор. Это маяк и скит, страж Валаама и ограда – Никольский скит... Входим в пролив, двигаемся в отвесных скалах. На них, высоко, леса. Воздух смолистый, вязкий. И – тишина...»

Влево, на отвесной скале, высоко, – собор. На голубых куполах, без солнца, кресты сверкают – червонным золотом»¹⁰. Островное положение Валаама, конечно, способствует его сохранению, но и здесь нужно быть начеку, не допуская диссоциирующего строительства и иного разрушительного вмешательства в его облик.

Сельским пейзажем национального значения можно смело назвать и виды мезенского села Кимжа. Уникальность его не только в поразительной гармонии природы и архитектуры, но и в относительной сохранности всех составляющих природного и рукотворного пейзажа, которая уже сама по себе стала единственной в своем роде. Чтобы не допустить архитектурной и природной деградации, в этом селе необходимо вести постоянные поддерживающие работы. Кто может и должен их инициировать?

Гармоничные пейзажи регионального и местного значения можно проиллюстрировать уже упомянутым Звенигородом. Его окрестности издавна славились своей красотой, о которой неизменно писали мемуаристы и путешественники. «Из-за холмистого пересеченного рельефа эти края прозваны Саввинской Швейцарией ввиду их некоторого сходства с окрестностями Баден-Бадена в Шварцвальде»¹¹. Действительно, вплоть до конца XX века здесь сохранялась визуальная гармония природы и сельских поселений, перемежающихся пахотными землями, рощами и перелесками, соединенными неширокой извилистой Москвой-рекой с притоками. Здесь, как нигде, можно было бы почувствовать своеобразие подмосковной природы – «петлистых речек синий росчерк»¹², сосновые боры на их берегах, некогда заливные луга и распаханное поле. Н.М. Карамзин, описывая звенигородские земли, восхищенно заметил: «Нигде я не видал такого богатства растений: цветы, травы и деревья исполнены какой-то особенной силы и свежести; липы и дубы прекрасны, дорога отсюда в Москву есть самая приятная для глаз, гористая, но какие виды!»¹³ Позднее о том же писал А.П. Чехов: «...был в Звенигороде, там очень хорошо, чудесный звон, великолепный вид».

Казалось бы, надо сберечь эту красоту – нет более вблизи Москвы места, сравнимого со звенигородскими окрестностями, сочетающими природную и рукотворную красоту с уникальной исторической и мемориальной ценностью. Однако в планах городских властей и «хозяйственников» другое – в непомерно расширившихся границах этого крошечного города, прямо в чудесной пойме Москвы-реки уже в нескольких местах появились двадцатипятиэтажные комплексы, облепленные рекламой о продаже квартир. Они не предусмотрены в генеральном плане развития Звенигорода, их параметры – пример очередного безконтрольного самостроя нашего времени. Они стоят полупустыми, но пейзажи, которые рисовали В. Борисов-Мусатов и М. Якунчикова уже испорчены. Как остановить эти бессмысленные с градостроительной точки зрения и варварские по отношению к уникальному культурному ландшафту строительные инициативы?

Усадебный пейзаж. Усадебный пейзаж – едва ли не самый редкий, уходящий. Его полноценное сбережение сейчас под силу только крупным заповедникам, та-

ким как Пушкинские горы или Ясная Поляна. Как известно, и здесь в последнее время из-за агрессивного натиска состоятельных застройщиков возникают большие проблемы сохранения видов из усадьбы на окрестные поля и веся (недавние события в Михайловском – наглядный тому пример). Эти проблемы в разной степени актуальны и для других заповедников и национальных парков, красивые и экологически чистые земли которых рано или поздно окажутся в поле зрения потенциальных застройщиков. И это в охраняемых законом заповедниках! Пейзажи в остальных усадьбах-памятниках, пусть даже совершенно уникальных, защищены еще слабее, прочие не защищены вовсе. Вот почему про многие, некогда прелестные усадебные пейзажи (увы!) можно сказать: «Так на бывшем месте святе – стала ныне мерзость запустения!»¹⁴

Бесспорно, уникальным усадебным пейзажем национального значения является вид с верхней и нижней террас партера перед дворцом в Архангельском на луга и рощи противоположного берега реки. Это чудом сохранившаяся патриархальная усадебная Вселенная. Уничтожить этот пейзаж означает во многом обесценить сам усадебный ансамбль всемирного значения, лишив его того пейзажного Космоса, на который он был изначально рассчитан. Однако такие попытки последовательно предпринимаются в последние годы, причем порой не без помощи специалистов, призванных защищать наше архитектурное наследие.

Промышленный пейзаж. Несомненную историческую и эстетическую ценность имеют пейзажи плотин, старых текстильных фабрик, мельниц, старинных мануфактур, литейных и солевых промыслов и т.д., разбросанные по всей Центральной России. Их строители нередко заботились о красоте целого и о его органичном соединении с природой. Патриархальные промышленные пейзажи, – безусловно, яркая иллюстрация к истории развития нашей страны. Несомненную ценность имеют такие монументальные пейзажи, как виды речных плотин и т.д. Надо сказать, что в последние годы в Западной Европе именно этот тип архитектурного наследия и связанные с ним виды были в фокусе внимания специалистов и разнообразных органов охраны.

Мемориальные пейзажи и пейзажи-картины. Имеются в виду пейзажи, послужившие натурой для значимых произведений русской живописи или литературы. Непростительно было бы потерять вид Оки недалеко от Тарусы, воплощенный В.Д. Поленовым в его «Золотой осени»¹⁵, виды сосновых боров на острове Городомля на Селигере, где И.И. Шишкин написал «Корабельную рошу» и «Утро в сосновом лесу», или пейзажи вокруг подмосковного Абрамцева, ставшие фоном «Трех богатырей» В.М. Васнецова и «Видения отроку Варфоломею» М.В. Нестерова. Мы станем беднее, если исчезнут прекрасные пейзажи подмосковных усадеб Шахматово и Боблово, многократно отраженные в поэзии А.А. Блока, или побережье Москвы-реки и окрестные поля вокруг Дунина, воспетые М.М. Пришвиным. Этот ряд, конечно, может быть существенно расширен.

Представленный очерк разнообразных пейзажей, являющихся неотъемлемой

частью нашего образного представления о России, конечно, очень краток и неполон. Его цель – поставить вопрос о необходимости бережного отношения к красоте окружающей нас земли, чтобы в конце концов исключить бездарное, а значит, неэкономичное и бесхозяйственное использование ее территории и природных богатств. Конечно, до бережного учета, сохранения и умножения красоты нашей земли еще очень далеко, но, чтобы приблизить будущее, говорить об этом нужно уже сейчас. Как писал Альберт Швейцер: «Единственно возможный выход из хаоса – вновь обрести мировоззрение, уходящее своими корнями в культуру, и вновь подчиниться заключенным в нем идеям истинной культуры»¹⁶.

В заключение зададимся «детским» вопросом: а зачем будущим прагматичным поколениям лирика и гармония сохраненного русского пейзажа? Говоря научным языком, это необходимо для самоидентификации и для самоощущения в качестве культурной нации, для сохранения живой связи с родной землей, ведь история и красота России всегда способствовали чуду человеческого преображения – личному возрастанию путем постижения духовной глубины и силы человеческой личности, незримыми нитями связанной с историей своих предков, и, наконец, к обретению смысла жизни. Схимник когда-то сказал молодому Шмелеву, приветствуя его на Валааме: «Дай вам Господь получить то, за чем приехали». Тогда ему подумалось: «а за чем мы приехали? Так приехали, ни за чем... проехаться. И вот, определилось что – за чем-то, что было надо, что стало целью и содержанием всей жизни, что поглотило, закрыло жизнь – нашу жизнь»¹⁷. После этой поездки Шмелев стал писателем.

В нашей сегодняшней, меняющейся, но по-прежнему неустроенной жизни, в которой так часто верх берут корыстолюбие и стяжательство, агрессивные препятствующие осуществлению многих культурных инициатив, связанных с сохранением природного и архитектурного наследия, очень нужны островки стабильности, несмотря ни на что, сохраняющие красоту и память о прошлом страны. Ими должны стать не только музеи-усадьбы знаменитых писателей, поэтов, художников, ученых, не только архитектурные и природные заповедники (число и тех и других в новой России, разорвавшей идеологические путы, должно естественным образом постоянно и неуклонно расти), но и бережно охраняемые пейзажи, имеющие национальное, региональное или местное значение, – пейзажи, соприкосновение с которыми будет рождать гордость не только за прошлое, но и за настоящее, сумевшее, несмотря ни на что, сохранить их красоту.

Примечания

¹Считается, что первый в мире природный заповедник, а также закон по защите дикой природы был принят в Шри-Ланке в III в. до н. э. Первыми заповедными территориями Древней Руси в XIII в. стали Беловежская и Цуманская пуши; по указу князя Даниила Галицкого они составили «великий заповедник у межах сучасных». Это, конечно, не был заповедник в нашем понимании, но в княжеских пушах посторонним не разрешали рубить

лес и охотиться. Аналогично в XVII в. были заповеданы некоторые рощи вокруг Москвы для охотничьих забав царя Алексея Михайловича.

²Сейчас в России 101 государственный природный заповедник общей площадью около 33 млн. га занимает около 2% территории страны; 41 национальный парк (8 млн. га – 0,5%); 69 природных заказников федерального значения (19 млн. га – 1, 2%) и около 12 000 – регионального; 39 памятников природы федерального значения.

³Сейчас в России работает около 40 музеев-усадьб и около 30 усадебных музеев-заповедников.

⁴Дачник. 1912. № 2.

⁵Пренебрежение общественным мнением преобладает у нас и сегодня, что наглядно доказывают масштабы высотного жилого строительства (от 12-17 этажей до 30-40), приносящего сверхприбыли собственникам земли и строительным корпорациям. Мировое градостроительство давно от него отказалось, поскольку людям комфортнее жить в домах не выше 7-9 этажей, которые и строятся в большинстве европейских городов.

⁶В последние годы проблемам культурного ландшафта было посвящено немало публикаций, среди которых наибольшее значение имеет монография «Культурный ландшафт как объект наследия» (под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.; СПб., 2004).

⁷См.: Смолицкая Т.А. Художественный образ культурного ландшафта // Архитектура и культура России в XXI веке / под ред. И.А. Азизян. М., 2008. С. 92.

⁸См.: Там же. С. 90.

⁹См.: Курбатов Ю.И. Взаимодействие архитектурных форм с визуальными характеристиками природного ландшафта // Проблемы синтеза искусств и архитектуры. Вып. 10. Л., 1980.

¹⁰Шмелев И. Старый Валаам. М., 2007. С. 12-13.

¹¹А.С. [Станюкович] Забытое путешествие в Звенигород. М., 2006. С. 58.

¹²Строфа из стихотворения Д.Д. Жуковского (Цит. по: Таинства игры. Аделаида Герцык и ее дети. М., 2007. С. 327).

¹³Цит. по: А.С. [Станюкович] Указ. соч. С. 15.

¹⁴Шмелев И. Указ. соч. С. 117.

¹⁵Надо отметить, что именно знаменитые пейзажи В.Д. Поленова «Золотая осень», «Ранний снег», «Стынет» и «Старое Бёхово» определили границы музея-заповедника В.Д. Поленова на Оке (см: Грамолина Н. О проблемах соблюдения природоохранного режима в Государственном музее-заповеднике В.Д. Поленова // Культурное и природное наследие Европейского Севера. Архангельск, 2009. С. 37-39).

¹⁶Цит. по: Войтыла К. Основание этики // Вопросы философии. 1981. № 1. С. 32.

¹⁷Шмелев И. Указ. соч. С. 171.

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ РУССКОГО СЕВЕРА*

Данная работа – итог многолетних исследований автором Русского Севера, его сельских культурных ландшафтов, традиционной народной архитектуры. «Русский Север» – это устойчивое понятие, отражающее важные для отечественной культуры смыслы на протяжении почти двух столетий. С одной стороны, в нем фиксируется особая государственная значимость обширной территории на Севере европейской части страны. С другой, несмотря на полиэтничность региона, определение «русский» указывает на исторически сложившееся здесь доминирование славянского типа культуры. Культура Русского Севера – понятие, обретшее вид своеобразной формулы. Оно вызывает ряд устойчивых ассоциаций – просторы, полноводные реки, леса, болота, своеобразная народная деревянная архитектура, отражающая приемы приспособления человека к суровому климату¹, а также фольклор, народное искусство, местные говоры, которые продолжают традицию древнерусских диалектов, в основном древненовгородских и в меньшей степени – ростово-суздальских.

В этом ряду культурный ландшафт занимает ведущую позицию. Актуальность обращения к теме изучения культурного ландшафта Русского Севера связана с проблемами сохранения национального историко-культурного наследия. Автор рассматривает культурный ландшафт как реальное (физическое и материальное) воплощение культурного пространства, как совместное творение человека и природы, представляющего собой сложную систему материальных и духовных ценностей, обладающих высокой степенью экологической, исторической и культурологической информативности.

ЮНЕСКО в качестве наследия рассматривает три основные категории культурного ландшафта: рукотворные (целенаправленно созданные), естественно сформировавшиеся и ассоциативные. Рукотворные ландшафты – это созданные художником или инженером комплексы поселений, дворцово-парковые ансамбли, монастыри, являющиеся уникальными по своей идее и воплощению. К естественно сформировавшимся ландшафтам относятся сельские, этнические ландшафты, где население является носителем традиционной культуры. В категории ассоциа-

© Пермиловская А.Б., 2011

*Исследование осуществлено при поддержке грантов: Российской академии архитектуры и строительных наук (проект № АА-07-8/556), Российского гуманитарного научного фонда (проект № 05-01-15067з), конкурса по приоритетным направлениям развития науки в Архангельской области (проект № 12-10). Автор работал во взаимодействии с коллегами из СПГУ, АГМДЗиНИ «Малые Корель», АОКМ, сотрудниками местных региональных музеев области, МО «Мезенский район».

тивного ландшафта первостепенное значение имеет факт связи места с историческими событиями, личностями, художественными произведениями. Среди регионов России именно Русский Север во многом сохранил уникальность культуры и традиций русского народа. Выдающуюся значимость Русский Север как культурный ландшафт обретает в наши дни также и потому, что он представляет собой не заповедник, не музей под открытым небом, а регион живой традиционной культуры, территорию, сохраняющую культурное и природное наследие России.

Культурный ландшафт Русского Севера – это прежде всего крестьянский ландшафт сельских поселений. Изучение этнокультурного ландшафта – основная задача проекта «Уникальные исторические поселения Русского Севера», разработанного в Институте экологических проблем Севера УрО РАН в 2004 году. Цель проекта – проведение исследований, которые позволят выработать оценку сельских поселений как объектов культурного наследия, и включение их туристическую инфраструктуру региона. Сельские поселения Русского Севера – это уникальное историко-культурное наследие. Они имеют потенциал музейного и туристского развития, востребованный как внутри страны, так и за рубежом². «Между тем, мы должны констатировать, – как отмечал Д.С. Лихачев еще в 1984 году, – в Архангельской области, так богатой памятниками старины, сегодня нет ни одного охраняемого или заповедного селения...»³. Эти слова выдающегося исследователя и борца за сохранение русской культуры актуальны и в настоящее время.

Сельский культурный ландшафт – это система, которая включает в себя поселение, природный ландшафт, планировочную и топонимическую структуру, народную архитектуру, а также этнос, хозяйственную деятельность, язык, духовную культуру, фольклор. Начальный этап исследования культурного ландшафта связан с анализом внешнего геопространства, его материальной и духовной составляющими. Заключительный этап направлен на выявление внутреннего текстового (смыслового) содержания пространства.

С одной стороны, сельский ландшафт – наиболее распространенная типологическая категория. С другой стороны, в своей относительной неизменности он сохранился только в периферийных, удаленных от административно-хозяйственных центров регионах. К сожалению, сельский ландшафт центральных областей России подвергался коренным преобразованиям при трансформации в индустриальные сельскохозяйственные ландшафты⁴.

Особенно полноценно и зримо феномен культурного ландшафта проявляется в регионах с мощными этнокультурными традициями. Именно таким является Русский Север. Важной особенностью Севера является сохранность природных ландшафтов, естественность и красота культурно-ландшафтного окружения большинства поселений. Именно Русский Север во многом сохранил уникальность и самобытность истории и культуры русского народа⁵ и в настоящее время является особой территорией наследия⁶.

Модель культурного ландшафта удобна для организации и проведения меж-

дисциплинарных исследований в силу своей пластичности, поскольку позволяет по-разному расставлять акценты в зависимости от направленности самого исследования. Фиксация на одном из компонентов не исключает, а предполагает учет его связи с другими. Это означает, что концепция культурного ландшафта позволяет получать достаточно объективные научные результаты⁷.

Базой исследования стал ряд источников – полевые материалы, в период 1981–2009 годов⁸ автору довелось стать руководителем и участником более тридцати экспедиций по обследованию Русского Севера (Архангельская область, сопредельные районы Вологодской области, Карелии). В контексте научной темы были обследованы традиционные поселения, усадебные комплексы, народное жилище, культовые постройки. Проведена оценка их современного состояния как объектов культурного наследия Архангельской области. С 2004 года автором организовано восемь экспедиций, из них четыре – в село Кимжа Мезенского района. В настоящей работе представлены архивные источники: ГААО, АОКМ, АГМДЗиНИ «Малые Корелы», ГНИМА им. А.В. Щусева, РЭМ, ВМДПНИ. Автор работал с музейными коллекциями в фондах АГМДЗиНИ «Малые Корелы», АОКМ, ГНИМА им. А.В. Щусева, в восьми региональных музеях Архангельской области (г. Мезень, с. Лешуконское, с. Ошевенское, д. Веркола, с. Черевково, г. Красноборск, д. Кимжа, с. Ломоносово). Были проанализированы источники в отделах редкой краеведческой книги, в том числе дореволюционный фонд изданий (конец XVIII – начало XX в.) в научных библиотеках: АОНБ, БАН, РГБ, ГПИБ, ВМДПНИ, РГБИ. Использован опыт десяти стажировок автора по теме «Изучение и сохранение памятников народной архитектуры в музеях под открытым небом и «in situ» в странах Западной Европы⁹. Существенным позитивным моментом стало также то, что автор имела возможность представить и обсудить материалы работы на российских и зарубежных конференциях, выслушать предложения и замечания коллег, скорректировать направление исследований.

По социально-экономическим признакам на Русском Севере сложились три основных типа поселения: погост, деревня, село. Кроме этих основных типов получили распространение: «почин» («выставка», «окол»), «слобода» и «посад». Тип расселения отражает архитектурно-пространственную организацию групп селений. Для Русского Севера наиболее характерен гнездовый тип расселения, при котором поселения располагаются не в одиночку, а группами. Он сложился здесь в XVI–XVII веках, а к XVIII–XIX векам получил окончательное завершение и развитие.

У восточных славян был распространен обычай патронимии, где в ряде сел имеются группы семей, ведущих происхождение от общего предка, их усадьбы и дома были сконцентрированы в одном месте. Часто дома принадлежат однофамильцам. Эти родственные группы характеризуются совместным использованием земельными угодьями, коллективизмом в сельскохозяйственных работах и постройке жилища. Обычай патронимии был характерен для Русского Севера и на-

шел свое отражение в гнездовом типе расселения. Именно гнездовому типу свойственны: структурность, внутренняя организованность, подчиненность центру, что привело к созданию известных архитектурно-природных ансамблей.

На Севере именно природный ландшафт определил направление колониционных потоков, тип расселения, планировку поселений. Таежные, заболоченные и потому труднодоступные водоразделы («тайболы») были малопривлекательными для поселенцев. Предпочтение отдавалось рекам, игравшим роль основных транспортных артерий края и источников рыбного промысла. Кроме того, именно вдоль рек, располагались заливные луга, отведенные под сенокосные угодья и пашни¹⁰.

В Архангельской области до настоящего времени сохранился ряд традиционных поселений, являющихся объектами культурного наследия. Здесь сохраняются культурный ландшафт, живая архитектурная среда, культовые ансамбли, гражданская, хозяйственная и инженерная народная архитектура XVIII – начала XX века, традиционная культура. В то же время исследования в большинстве этих поселений не проводились, они не введены в научный оборот, соответственно не поставлен вопрос об охране множества памятников народного зодчества и сельских культурных ландшафтов. По проекту были проведены исследования в ряде поселений. Село Ошевенское Каргопольского района – одно из древнейших, основано в середине XV века. Это территория бывшей Ошевенской волости, состоявшей из 15 деревень. В культурном ландшафте представлены: культовый ансамбль деревни Погост с шатровой церковью (1787 г.) и колокольной XIX века, часовни в деревнях Низ, М. Халуй, Гарь, постройки Александро-Ошевенского монастыря, обетные кресты, святые источники, рощи, деревья, камни, курные избы, расписные дома. Неподалеку от монастыря находится уникальная сакральная святыня – камень Александра Ошевенского, по преданию, приносящий исцеление от глазных болезней. Здесь организован музей и гостевой дом для туристов.

Село Черевково Красноборского района с начала XVII века становится центром торгово-крестьянской жизни Подвинья, где существовали традиции ежегодных ярмарок. Поселение характеризует сохранившийся этнокультурный ландшафт, наличие семантической составляющей ландшафта поселения, выраженного в этнонимах и топонимах, корпусе местных легенд, сохранившихся биографических сведениях о местном святом – Петре Черевковском. Черевково имеет облик торгового двинского поселения. Комплекс лавок, амбаров, складских помещений, построенных в традициях русского деревянного зодчества XIX – начала XX века расположен на окраине села, как, например лавка-склад А.И. Пирогова. Здесь сохранилось гражданское деревянное зодчество, отразившееся в крестьянско-торговых домах и лавках. Значительный интерес представляют фамильные дома Гусевых, подлинники памятники деревянной архитектуры. В конце XIX – начале XX века семье принадлежало восемь домов. Резьба дома М.С. Гусева (1886 г.) выполнена на высоком профессиональном уровне, в традициях резных деревянных

барочных иконостасов Русского Севера. На окраине Черевково на берегу реки Лудонги, неподалеку, от деревни Мыс, сохранился памятник природы – кедровая роща (1883 г.) из 47 могучих кедров¹¹. В собрании Черевковского и Красноборского краеведческих музеев представлена традиционные предметы быта: расписная мебель, прялки, предметы интерьеров крестьянско-купеческих домов, крестьянские дневники – редкий предмет родовой памяти.

Деревня Веркола Пинежского района имеет древнюю патронимическую гнездовую структуру поселения из шести оков. Поселение сохраняет традиционную народную архитектуру и связано с именем русского писателя Федора Абрамова, здесь расположен его мемориальный литературный музей. На противоположном берегу реки Пинеги – Артемиево-Веркольский монастырь (1647 г.).

Но в качестве главного «case study» использована деревня Кимжа Мезенского района, которая послужила модельной территорией исследований по проекту. Кимжа – яркий пример сельского культурного ландшафта Русского Севера и его культурной традиции XIX – начала XX века, сохранившая свое наследие до настоящего времени (см. иллюстрацию).

Деревня Кимжа расположена на северо-востоке Архангельской области в 30 км от города Мезени, в 2 км от впадения Кимжи в реку Мезень (на полуострове). По археологическим данным, древнее поселение существовало здесь начиная от периода мезолита (VIII–VII тыс. до н. э.) – до эпохи раннего средневековья (X в.). Деревню Кимжу в современном ареале бытования основали выходцы с Пинеги в начале XVI века. Мезенская деревня Кимжа – это своеобразный естественный заповедник деревянного зодчества и один из наиболее архаичных архитектурных комплексов России. Для исследования культурного ландшафта кандидатом культурологи А.Б. Пермиловской и архитектором Н.А. Подобиной в 2004–2009 годах был выполнен историко-культурный опорный план деревни Кимжа, который используется как метод изучения и сохранения традиционных поселений Русского Севера. На плане отражены: планировка, топонимическая структура, местонахождение культовых (церковь, обетные кресты, сакральные места, часовни, кладбища), жилых, хозяйственных и инженерных построек. В поселении при общем количестве 220 построек выявлено 107 памятников деревянной архитектуры: церковь – 1, жилые дома – 81, мельницы – 3 (у мельницы П. Федоркова сохранился только фундамент), амбары – 11, бани – 7, места постановки крестов, сакральные места – 4. Установлена датировка памятников, имена владельцев, архитектурно-конструктивные особенности. Записаны устные рассказы о памятниках. Выполнены схематические обмеры и обследование 32 памятников деревянного зодчества деревни Кимжи. В ходе исследований выполнена реконструкция поселения, нанесены на историко-культурный опорный план не только существующие, но и утраченные объекты культурного ландшафта. Из утраченных, но подлежащих возможной реконструкции объектов, на план нанесено пять часовен, которые представляют собой разные типы культовых сооружений: старообрядчес-

кие, часовни-келейки, часовни-амбаронки, а также деревянные обетные и кладбищенские кресты.

Кимжа до настоящего времени сохранила облик старинного поморского поселения XIX – начала XX века с характерной для Русского Севера прибрежно-рядовой и уличной планировкой и архитектурной доминантой – Одигитриевской церковью. Первый порядок домов, обращенный к реке, фрагментарно укреплен подпорной стенкой.

Одигитриевская церковь – один из трех сохранившихся памятников культового деревянного зодчества редкого типа «шатер на крещатой бочке». Известен строитель храма, руководитель плотницкой артели из деревни Лампожня Иев Прокопьев. Архитектура Одигитриевской церкви сформировалась под влиянием знаменитой Михайло-Архангельской церкви Юромского погоста. Вероятно, многие из пинежско-мезенских храмов строила одна артель плотников, использовавшая общие приемы в строительстве культовых сооружений и передававшая свой опыт следующим поколениям.

В жилой застройке, которая ранее не обследовалась, встречаются дома двух типов – пятистенки и шестистенки. Почти на всех избах сохранилась безвоздевая самцовая кровля. Установлена их точная датировка, в том числе самый старый памятник жилого зодчества на Мезени – дом Федора Сафонова (1849 г.). Были обследованы хозяйственные и инженерные постройки: амбары, бани, ветряные мельницы.

Особое место в исследовании заняли кресты: кладбищенские и обетные. Были отмечены следующие сакральные места: в Заборе – известный, особо почитаемый обетный крест (1887 г.), уточнена его датировка. Другое место – многоствольная ель и крест на Чертовом ручье и крест с уникальной резьбой на семейных владениях Немнюгиных на кладбище в Белой Виске. Кресты в Кимже ставились: в усадьбе, на дороге, на «переду» дома. Здесь существовал обычай постановки фамильных крестов и их наследования. Традиция захоронения около земельных угодий, наличие родовых (фамильных) крестов, их передача по наследству свидетельствуют о сохранившемся культе предков в исторической памяти жителей деревни. Записан корпус легенд о крестах. Установлены ремесленные центры производства деревянных крестов на Мезени, которые существовали здесь в XIX веке в деревнях Нисогора и Кельчемгора бывшей Юромской волости Мезенского уезда. После изготовления кресты сплавливались по реке Мезень к местам назначения.

В Архангельской области работа по традиционным поселениям и сельским культурным ландшафтам выполнена впервые. На основе проведенных исследований даны рекомендации для определения категории охраны исторического поселения в целом (федеральная) и каждого памятника архитектуры в отдельности (федеральная, региональная, местная).

С 1968 года Одигитриевская церковь – памятник федерального подчинения. Реставрация церкви носила затяжной характер и прерывалась на десятилетия.

В конце 2008 года должен был быть выполнен проект реставрации церкви. Но без основательных причин, без разрешения Росохранкультуры, без проекта реставрации и мониторинга древесины в сентябре 2008 года церковь была разобрана, а точнее раскатана, что является серьезным нарушением методики реставрации памятника. В 2009 году из-за экономического кризиса финансирование реставрации Одигитриевской церкви было приостановлено. В настоящее время церковь разобрана, реставрационные работы идут крайне медленно. «Памятники неотделимы от общества – в обществе они возникают, обществом оцениваются, сохраняются или предаются забвению также обществом. Никакое письменное запрещение, никакая каменная ограда не защитит памятник, если общество останется молчаливым свидетелем его разрушения». Эти слова Алексея Сергеевича Уварова (1825–1884), известного археолога, основателя Московского археологического общества, создателя одного из первых усадебных музеев России «Поречский музей» в Поречье, усадьбе Уваровых, актуальны и в наше время¹². Охрана памятников не ограничивается только наукой. Это явление намного сложнее, в нем переплетаются экономические, правовые, политические, ведомственные процессы, которыми живет общество. В охране наследия, как в капле воды, отражается уровень культуры современного общества.

В настоящее время в Кимже поставлены на охрану четыре памятника архитектуры: церковь – федерального значения, три памятника (амбар, мельница, обетный крест) – регионального значения. Остальные постройки деревни не поставлены на охрану, но фактически по своим архитектурно-художественным характеристикам являются памятниками регионального/местного значения.

Современное обследование исторического поселения и его охрана невозможны без изучения современного социума. Поэтому отдельной задачей проекта стало исследование местного сообщества Кимжи, которое провела кандидат педагогических наук Г.В. Михайлова. Экологом В.Н. Мамонтовым сделано обследование биоразнообразия деревни и ее окрестностей.

В целом район Кимжи – экологически благоприятный и безопасный для развития туризма. Небольшая поморская деревня уже давно стала местом паломничества русских и иностранных представителей творческих профессий. В Кимже существуют условия для развития туризма. В международном сообществе Кимжа вызывает интерес как место постоянной научной экспедиции: российских и зарубежных исследователей по архитектуре, этнографии, фольклору, студенческих полевых практик. Работы по проекту «Кимжа» осуществляются с помощью международного сообщества ученых, входят в ряд научных программ, в ряде случаев проводятся как добровольная научная инициатива. Результаты исследования получили апробацию и поддержку на 20 конференциях в России, Финляндии, Голландии. Участники проекта опубликовали 26 статей¹³. Итог работы по проекту был подведен на научном семинаре – презентации проекта «Кимжа – уникальное историческое поселение Русского Севера. Изучение, сохранение, развитие»

в 2007 году. Результаты работы над научной темой в целом представлены в обобщающей монографии «Русский Север как особая территория исследования»¹⁴.

Кимжа – это целостный историко-культурный и природный комплекс, имеющий российское и международное значение. В ходе исследований установлено, что сельский культурный ландшафт деревни Кимжа – это уникальная территория Архангельской области и Российской Федерации, представляющая большую культурную, архитектурную, историческую, археологическую, экологическую ценность. Совокупность всех этих признаков дает возможность для принятия категории охраны – «достопримечательное место»¹⁵ федерального уровня. Полагаю, что созданием в Архангельской области «достопримечательного места» в Кимже будет создан прецедент по сохранению сельского поселения в нашей стране.

Несмотря на то, что Федеральный закон № 73 принят в 2002 году, в России существует крайне мало «достопримечательных мест». Это историческая часть города Нижний Новгород, природный и археологический заповедник «Аркаим» в Челябинской области, историческая застройка города Томска. В международной практике, например во Франции, функции «достопримечательных мест» берут на себя экомuzeи. Библиографических источников по организации «достопримечательных мест» в России нет, это новая работа. Но существует нормативно-правовая база, документы, законы о сохранении культурного наследия в России и международной практике, которые могут служить методической основой для научного обоснования «достопримечательного места – с. Кимжа»¹⁶. Для проведения дальнейших исследований необходимо: определение границы «достопримечательного места»; определение режима его использования; предложения по градостроительному регламенту «достопримечательного места», включающего историко-культурный раздел, обоснование принципов выявления и критерий оценки территорий, относящихся к «достопримечательному месту – с. Кимжа»; предложения по зонам охраны поселения; предложения по реставрации выявленных существующих памятников, по воссозданию утраченных памятников (часовен, крестов); предложения по видовым, панорамным площадкам и направлениям визуального восприятия памятников истории, культуры, природных ландшафтов; постановка на местную категорию охраны памятников архитектуры.

Автор рассматривает традиционные поселения Архангельской области как ресурс для социально-экономического развития региона, для возрождения сельских территорий, народной культуры, развития туризма, строительства объектов туристической инфраструктуры. Это возможно и необходимо осуществить без ущерба для историко-культурного наследия и памятников архитектуры. Развитие данного ресурса – возможность сформировать адекватную систему защиты традиционных поселений Русского Севера как объектов наследия, предложить пути их развития и освоения, вдохнуть жизнь в сельские территории, создать дополнительные рабочие места, увеличить ценность и значимость территории для ее жителей.

Проект по созданию «достопримечательного места» дает возможность форми-

ровать культурные бренды Архангельской области на примере конкретных территорий, обладающих высокой степенью насыщенности объектами культурного наследия и сохранением живой традиционной культуры. Проект позволяет определить приоритеты в региональной культурной политике по отношению к традиционным поселениям, согласовывать позиции развития региона с общероссийскими и международными тенденциями. Исследованием и организацией в Архангельской области «достопримечательного места – с. Кимжа» возможно создание прецедента по сохранению традиционных сельских поселений в России как особой территории наследия.

Примечания

¹ Система расселения как процесс освоения территории // Культура русских поморов / Э.Л. Базарова, Н.В. Бицадзе [и др.]. М., 2005. С. 90.

² Веденин Ю.А., Гудима Т.М., Шульгин П.М. Концептуальные положения формирования государственной целевой программы «Культура русского Севера // Наследие и современность: информ. сборник. М., 2004. Вып. 12. С. 22-40.

³ Лихачев Д.С. «Русский Север... Я зачарован им до конца моих дней»: из творческого наследия. Архангельск, 2006. С. 81.

⁴ Кулешова М.Е. Функционально-планировочная организация крестьянских культурных ландшафтов Кенозерья // Культурный ландшафт как объект наследия. М.; СПб., 2004. С. 248.

⁵ Веденин Ю.А., Гудима Т.М., Шульгин П.М. Указ. соч. С. 22-40.

⁶ Пермиловская А.Б. Русский Север как особая территория наследия. Архангельск; Екатеринбург, 2010.

⁷ Калуцков В.Н. Ландшафтная концепция в культурной географии: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М., 2009. С. 25.

⁸ Материалы хранятся в архивах АГМДЗиНИ «Малые Корелы» (1981–2002 гг.), ИЭПС УрО РАН (2002–2009 гг.). Архив АГМДЗиНИ «Малые Корелы»: Архивные дела экспедиционных и научных неопубликованных работ А.Б. Пермиловской: № 457, № 603, № 1767, № 1903, № 2377, № 2378, № 2379, № 2383, № 2389, № 2482, № 1623, № 2392, № 2437, № 1080, № 1083, № 1244, № 1263, № 1292, № 1451, № 1505, № 1134, Т. 1., № 1135, Т. 2., № 1136, Т. 3, № 1137, Т. 4, № 1138, Т. 5, № 1129, № 1130, № 1171, № 1172, № 1242, № 823 в 3-х частях, № 2805, № 960, № 1015, № 2291, № 2251, № 2458, № 2458, № 1459, № 2652 и др. (всего бол. 80 арх. дел). ИЭПС УрО РАН. Экспедиции в Красноборский (2005 г.), Каргопольский (2006 г.), Мезенский (2004–2007 гг.) Пинежский, Холмогорский (2008 г.), Плесецкий (2009 г.) районы.

⁹ Украина (1980 г.), Латвия (1985 г.), Литва (1988 г.), Польша (1991 г.), Нидерланды (1999 г.), Великобритания (2003 г.), Словакия (2004 г.), Германия (2002, 2006, 2009 гг.).

¹⁰ Иванова А.А., Калуцков В.Н. Светлое Пинежье. М.; Архангельск; Карпогоры, 2000. С. 61.

¹¹ Пермиловская А.Б. Торговое село Черевково – центр традиционной культуры Подви-

ня // Материалы V международной научной конференции «Рябининские чтения – 2007». Петрозаводск, 2007. С. 179-184.

¹²Цит. по: Полякова М.А. Охрана культурного наследия России : учеб. пособие для вузов. М., 2005. С. 165.

¹³Пермиловская А.Б. Кимжа – новые перспективы создания живого музея под открытым небом «in situ» на Русском Севере // Материалы VI международного научного конгресса этнографов и антропологов России. СПб., 2005. С. 412; Permilovskaya A. Kimzha – New Prospects for Creating the Open Air Museum «in situ» in the Russian North // Association of European Open Air Museums 22nd Conference. Finland, 2005. P. 88-93; Пермиловская А.Б. Проведение комплексных научных исследований по проекту «Уникальные исторические поселения Русского Севера как объект изучения, сохранения и использования (на примере с. Кимжа Мезенского района Архангельской области)» // Историко-культурное наследие Русского Севера: проблемы изучения, сохранения, использования: материалы науч.-практ. конф. Каргополь, 2006. С. 119-131; Ее же. Проект «Уникальные исторические поселения Русского Севера как объект изучения, сохранения и развития (на примере с. Кимжа Мезенского района Архангельской области)» // Народное зодчество: сб. материалов междунар. научн.-практ. конф. Петрозаводск. 2007. С. 119-133; Ее же. Кимжа. Архангельск, 2007; Permilovskaya A. Formation of Public Opinion for Creating Living Open Air Museum «Village of Kimzha» // Association of European Open Air Museums: 23rd Conference. Netherlands; Belgium, 2007; Пермиловская А.Б. Село Кимжа. Пространственная организация и памятники традиционного деревянного зодчества XVIII–нач. XX века // Архитектурное наследие. М., 2008. № 49. С. 169-180; и др.

¹⁴Пермиловская А.Б. Русский Север как особая территория наследия. Архангельск; Екатеринбург, 2010.

¹⁵Под «достопримечательными местами» понимаются «творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в т.ч. места бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории РФ, историческими (в т.ч. военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; культурные слои, остатки построек древних городов, городищ, селищ, стоянок; места совершения религиозных обрядов».

¹⁶Пермиловская А.Б. Русский Север как особая территория наследия. Архангельск; Екатеринбург, 2010. С. 464-473.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ЛОКАЛИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ АГРОЛАНДШАФТОВ РУССКОГО СЕВЕРА*

Интенсивное сельскохозяйственное освоение территории современной лесной зоны началось во 2-й половине 1-го тысячелетия н.э., и вплоть до конца XVIII века это была наиболее освоенная в сельскохозяйственном отношении зона в пределах Восточно-Европейской равнины (ВЕР). Это удивительно, так как природные условия, включая климатические и почвенно-геологические, не самые благоприятные для ведения сельского хозяйства на ВЕР. Напротив, самые плодородные почвы, знаменитые черноземы, расположены гораздо южнее, в степной зоне. С точки зрения климатических условий, степная и лесостепная зоны являются намного более благоприятными для земледелия. И действительно, становление пашенного земледелия в пределах ВЕР происходило не в лесной зоне, а в степной и лесостепной и существенно ранее, по крайней мере, в 1-й половине – середине 1-го тысячелетия н.э.¹ Уникально то, что затем племена, освоившие технологию пашенного земледелия в более благоприятных природных условиях, смогли применить ее в суровых условиях лесной зоны вплоть до Русского Севера, т.е. средней, а иногда даже северной тайги.

Другим очевидным противоречием аграрного развития лесной зоны Европы в средние века является удивительная однородность сельского хозяйства региона. Эта огромная по площади территория характеризуется большим разнообразием как климатических, так и других природных условий (табл. 1).

В то же время, начиная с момента внедрения пахотного земледелия во 2-й половине 1-го тысячелетия н.э. и в течение всего средневековья вся лесная зона Европы отличалась удивительной однородностью земледелия, монотонностью и однообразием хозяйствования². Как подчеркивается в «Аграрной истории Северо-Запада России», «по состоянию земледелия Северо-Западная (и, вероятно, Северо-Восточная) Россия XV века не отличалась сколько-нибудь существенно от других, расположенных в нечерноземной полосе Восточной и Центральной Европы, стран. То же господство трехполья в сочетании с огневым земледелием (играющим второстепенную роль и сохранившимся не повсеместно). Схожий набор культур. Схожие орудия труда. Наконец, та же неустойчивость и скачкообразность урожаяв и тот же их уровень»³. Средние урожаи основных хлебов держались еще в конце XV века во Франции на уровне сам–4,3, а в Германии, Скандинавии, Чехии, Польше, Литве, Латвии и Эстонии они составляли в XVI века сам–4,2–сам–4,1⁴, что не отличается от урожайности сельскохозяйственных культур Русского Севера.

© Трапезникова О.Н., 2011

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант №08-05-00755-а).

Таблица 1

Климат лесной зоны Восточно-Европейской равнины (1880 – 1960 гг.)

Зона	Местонахождение метеостанции	Средняя температура, °С			Сумма эффективных температур, °С (> 100С)	Кол-во осадков в год, мм	Продолжительность безморозного периода, дней
		Январь	Июль	Год			
Южная теплая зона	Рязань	-8	19	4,2	2200	500 – 575	140
Западная умеренная зона молодых ландшафтов	Великий Новгород	-8	18	4,0	1950	500 – 550	140
Центральная умеренная зона зрелых ландшафтов	Валдай	-10,5	16	2,5	1550	750 – 800	125
Северо-восточная холодная зона зрелых ландшафтов	Москва	-10	18	3,0	2000	550 – 600	130
Северо-западная зона молодых ландшафтов	Кудымкар	-15,7	17,4	1,0	1737	450 – 470	108

Данная статья посвящена анализу и объяснению отмеченных противоречий и вытекающих из них закономерностей.

Методика исследований. Многофакторность и связанные с этим сложные закономерности развития агроландшафтов требуют использования разнообразной информации и особых методических подходов к ее изучению.

Методическая основа проекта включает в себя как традиционные, так и новейшие методы исследований. К традиционным методам относятся:

- методики ландшафтного и ландшафтно-индикационного дешифрирования аэрокосмической информации;
- методы статистической обработки данных;
- диахронный и синхронный историко-географический анализ;

Среди используемых новых методических подходов:

- ГИС-технологии, дающие возможность сопоставления большого количества разнородных и разновременных данных (историко-картографических, материалов космической съемки, статистических, фондовых и др.);
- компьютерная обработка и компьютерное дешифрирование снимков;
- количественные приемы дешифрирования и анализа пространственной структуры геосистем.

Наиболее соответствующим поставленным задачам является применение ГИС-технологий (разработка исследовательской ГИС), позволяющих вести совместный анализ разнородных данных, включая космические снимки, топографические карты разных лет, карты землеустройства в течение всего периода существования

агрогеосистемы, результаты археологических и историко-географических исследований, статистические данные по сельскому хозяйству, системам расселения и демографии, а также ландшафтные карты, карты растительности, геологического строения, климатические и другие тематические карты. Тип используемых материалов обуславливает применяемые методы. Так, обработка космических снимков проводилась как с помощью традиционных методик ландшафтного и ландшафтно-индикационного дешифрирования, так и на базе компьютерных методов дешифрирования. Исторические и археологические данные использовались для синхронного и диахронного анализа развития агрогеосистем лесной зоны Восточно-Европейской равнины, в особенности в «докартографический период», для которого они являются единственным источником реконструкции агрогеосистем.

Исследовательская ГИС включает три уровня детализации:

I уровень – лесная зона Русской равнины;

II уровень – крупные агрогеосистемы (агроландшафты);

III уровень – элементарные агрогеосистемы, образующие пространственную структуру каждого агроландшафта.

В основе исследований лежит геоэкологическая концепция агроландшафта, утверждающая, что агроландшафт – это не модифицированный природный ландшафт, а совершенно иная геосистема, являющаяся составной частью культурного или, по другой терминологии, антропогенного ландшафта. При геоэкологическом подходе к изучению агроландшафтов природные факторы рассматриваются как условие, среда, потенциальная возможность (или невозможность) для возникновения агроландшафтов, тогда как типы, внутренняя структура и характер их организации определяются социально-экономическими факторами в рамках антропогенного ландшафта.

Поскольку природные условия при определенных социально-экономических условиях и уровне технологий являются своего рода ограничителями развития сельского хозяйства, от которых зависит его наличие или отсутствие, влияние природных условий на сельское хозяйство и структуру сельского расселения можно изучать, только принимая во внимание социальные, экономические и технологические аспекты развития сельского хозяйства.

Согласно Ю.П. Одуму, одному из основоположников современной геоэкологии, агроэкосистемы отличаются от природных экосистем по следующим основным характеристикам:

– возникает дополнительный источник энергии, включающий труд человека, тягловую силу животных и преобразованную энергию топлива;

– для агроэкосистем характерен сознательный отказ от биоразнообразия в пользу эффективности сельскохозяйственного производства;

– саморегуляция в системе заменяется на внешнее управление⁵.

Таким образом, изучая агроэкосистемы, мы всегда должны сравнивать результат развития агроэкосистемы с ее назначением, поскольку каждая агрогеосистема

создана, в отличие от природного ландшафта с определенной целью. В таблице 2 приводится сопоставление природных комплексов и агроландшафтов по основным параметрам их организации и функционирования, определяющим принципиальные различия между ними (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительная характеристика параметров организации и функционирования природных комплексов и агроландшафтов

Параметры	Природные комплексы	Агроландшафты
Источники энергии	Природные	Природные и антропогенные
Роль природных факторов	Организующая	Лимитирующая
Роль антропогенных факторов	Нарушающая	Управляющая
Границы	Природные, встречаются как дискретные, так и диффузные	Антропогенные, типичны дискретные; в частном случае совпадают с некоторыми природными
Пространственная организация	Закономерное сочетание морфологических единиц: урочища, фации и т.п.	Элементарные уголья – агроэкосистемы группируются вокруг поселения, которое играет роль управляющей подсистемы культурного ландшафта в целом
Иерархия	Определяется распределением вещества и естественными энергетическими потоками	Определяется иерархией системы расселения и инфраструктурой
Устойчивость	Основана на возможностях самоорганизации	Основана на эффективном управлении
Возраст	Разновозрастные компоненты: самая старая и устойчивая – литогенная основа	Исторический

В частности, внутренняя пространственная структура агроландшафтов определяется системой расселения, поэтому мы имеем принципиально отличную от природной пространственную организацию агроландшафтов. Существенен возраст агроландшафтов, он определяется временем сельскохозяйственного освоения. Следовательно, благодаря геоэкологическому подходу, мы можем выделить те исторически сложившиеся в процессе аграрного освоения лесной зоны агроландшафты, которые мы назвали историческими типами агроландшафтов.

Природные и социальные факторы аграрного освоения лесной зоны Восточно-Европейская равнины. С самого начала интенсивное аграрное освоение лесной зоны ВЕР происходило в рамках строгих природных ограничений, что привело к формированию конкретных исторических типов агроландшафтов, различающихся по их пространственной организации и системе расселения, а также длительности существования и исторической преемственности. Отмеченная выше однородность сельского хозяйства по всей лесной зоне Европы в средние века объясняется, по-видимому, тем, что оно в этот период существовало на грани сво-

ей рентабельности при жестких природных ограничениях, так что более высокие показатели, иные сельскохозяйственные культуры и т.п. были невозможны, а более низкие показатели не окупали вложенных затрат. Такая однородность сельского хозяйства достигалась крайней избирательностью угодий, которые для него использовались. Вследствие этого все исторические типы агроландшафта лесной зоны ВЕР, не отличаясь по многим существенным характеристикам, отличаются, прежде всего, по своей пространственной структуре и локализации. Каковы же главные факторы ограничения и развития агроландшафтов лесной зоны ВЕР?

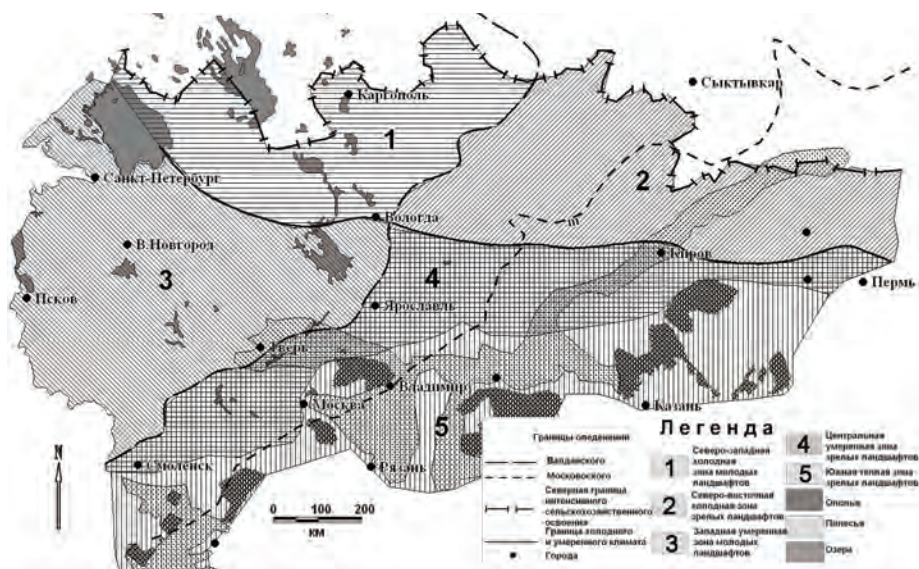
Лесная зона занимает огромную территорию. Вся северная половина ВЕР за исключением тонкой полоски тундры вдоль побережья Северного Ледовитого океана занята лесной зоной, причем ранее, в середине голоцена, леса простирались еще дальше на юг, возможно даже смыкаясь по речным долинам с лесами Кавказских гор. Причиной такого смещения зоны земледелия на север было Великое переселение народов, происходившее в Евразии в середине 1-го тысячелетия. До известной степени оно явилось следствием антропогенного, в том числе сельскохозяйственного освоения южной половины ВЕР, в результате чего в течение 3,5 тысяч лет бронзового века граница лесной зоны отступила на 500 км на север. В результате сформировался единый пояс евразийских степей, и воинственные кочевники стали регулярно проникать на запад, нападая на мирные земледельческие племена. Великое переселение народов – не первая и не последняя из таких захватнических миграционных волн, но именно она вызвала миграцию земледельцев (славян и угро-финнов) на север, под защиту лесов.

Природные ландшафты лесной зоны отличаются сравнительно молодым геологическим возрастом, большая их часть сформировалась в течение четвертичного периода по мере высвобождения территории из-под ледникового покрова 10 тысяч лет назад и ранее. В то же время территория севера ВЕР довольно разнообразна по природным условиям. Несколько оледенений, занимавших в той или иной степени большую часть лесной зоны, создали очень пестрый покров четвертичных отложений и значительное количество геоморфологических форм. Возраст ландшафтов увеличивается с северо-запада (самые молодые, отличающиеся наиболее разнообразным характером) на юго-восток, где лесная зона выходит за пределы области четвертичного оледенения, а современные ландшафты сформировались на эрозионно-расчлененных неогеновых-палеогеновых поверхностях размыва⁶. Кроме того, лесная зона отличается суровыми климатическими условиями, причем большое значение приобретают особенности местного климата, связанные с геолого-геоморфологическими условиями. Это показывает анализ климатических параметров (см. табл. 1).

В целом анализ природных условий лесной зоны ВЕР позволил выделить 2 основных тренда, определяющих особенности формирования структуры агроландшафтов: климатический и литогенный (геолого-геоморфологический). Особенность климатического тренда заключается в том, что общая суровость климата

усиливается в направлении с юго-запада на северо-восток, при этом в западной части региона относительно обширна зона умеренного климата, тогда как в восточной части зона умеренного климата резко сужена за счет увеличения холодной и теплой (засушливой) климатических зон.

Литогенный тренд, напротив, направлен с северо-востока на юго-запад региона. Его интегральным показателем является возраст природного ландшафта, который в данном случае определяет уровень их развития, включая дренированность долин, плодородие почв и т.п. Возраст ландшафтов увеличивается с северо-запада на юго-восток в соответствии со временем освобождения территории от оледенения. Исходя из сочетания этих двух трендов в лесной зоне ВЕР, можно выделить пять зон, отличающихся по природным параметрам, в то время как каждая из них характеризуется собственной пространственной организацией агрогеосистем, т.е. особым набором исторических типов агроландшафтов (см. рисунок).

Карта-схема природно обусловленного зонирования пространственной организации агрогеосистем

Исторические типы агроландшафтов лесной зоны Восточно-Европейской равнины (пространственная организация и локализация). Южная теплая зона зрелых ландшафтов (ополье-полесский пояс) – единственная в пределах Нечерноземья, где климатические условия не лимитируют сельскохозяйственное освоение территории. Совместно с полесьями ополья образуют «ополье-полесский структурно-морфологический ландшафтный пояс»⁷, протянувшийся в центре Восточно-Европейской равнины вдоль южной границы московского оледенения.

Несмотря на все нерешенные вопросы, связанные с происхождением лессов и лессовидных суглинков, слагающих ополья, неоспорим перигляциальный генезис всего ополье-полесского пояса в целом. В то же время современный облик ополий определяется длительным, многовековым периодом их развития как агрогеосистем. По мнению исследователей (Ф.Н. Мильков, В.К. Жучкова, Л.М. Ахромеев и др.), все ополья пояса отличаются генетическим и морфологическим единством. В частности, для них характерен возвышенный рельеф и лессовидные покровные суглинки в качестве материнской почвообразующей породы. Фактически ополья являются наиболее продуктивными и устойчивыми агрогеосистемами лесной зоны, своего рода эталоном агрогеосистемы в регионе.

Напротив, северо-восточная холодная зона зрелых перигляциальных ландшафтов – территория с более суровым климатом, чье воздействие проявляется в крайней выборочности угодий, пригодных для сельскохозяйственного использования. Короткий вегетационный период зоны делает возможным устойчивое земледелие только в долинах с их более теплым микроклиматом. Сельскохозяйственному освоению этого региона в значительной мере способствовало то, что древние перигляциальные ландшафты отличаются хорошей проработанностью речных долин и материнскими породами с довольно благоприятными для сельского хозяйства физико-химическими свойствами: покровными пылеватыми суглинками и элювием дочетвертичных отложений, часто карбонатным. Кроме того, широкое распространение пашни на склонах, особенно южных экспозиций, способствует ее скорейшему созреванию в условиях повсеместного распространения тяжелых глинистых и суглинистых почв. В результате здесь сформировался особый тип агрогеосистем: поречье. Поречья – это целостные агрогеосистемы, сформировавшиеся в долинах малых и средних рек, окруженные лесными междуречными ландшафтами. В силу приуроченности к долинам рек поречья, как правило, отличаются характерной морфологической (аглоландшафтной) структурой, образующей лопастно-дендритовый рисунок.

Западная умеренная зона молодых ландшафтов – самая молодая в природном, геологическом отношении. Здесь дольше всего длилось оледенение, и ландшафты все еще находятся в стадии становления. Долины рек не разработаны и плохо дренированы, поэтому основным природным фактором, определяющим пространственную организацию агрогеосистем, является дренированность территорий. В то же время расположение региона на транзитных путях между западом и востоком, севером и югом способствовало его раннему и быстрому сельскохозяйственному освоению. Если на северо-востоке рост поречий продолжался, по-видимому, до начала XIX века, то на северо-западе к концу XV века были освоены практически все сколько-нибудь пригодные для земледелия земли.

Первые агрогеосистемы, сформировавшиеся при внедрении пашенного земледелия на западе лесной зоны, – поозерья. Поозерья приурочены к обширным лимногляциальным равнинам с выровненным рельефом и супесчано-глинистым

материнским субстратом почв, причем в центре равнины расположено достаточно крупное озеро. Таких природных ландшафтов нет в зонах зрелых ландшафтов, так как там все ледниковые озера уже спущены, и на их месте, как правило, существуют крупные болотные системы. Несмотря на тенденцию к переувлажнению, сельскохозяйственный потенциал поозерий связан с теплым микроклиматом, плодородным субстратом почв и возможностью удобрения земель плодородным озерным илом – сапропелем. Наряду с опольями поозерья являются самыми древними агрогеосистемами, созданными славянским населением в лесной зоне ВЕР. Характерной приозерной агрогеосистемой является Ильменское поозерье, где расположен Новгород, самый древний славянский город в лесной зоне ВЕР.

Однако за исключением поозерий, занимающих относительно небольшую территорию, на западе в зоне распространения самых молодых ландшафтов валдайского ледникового происхождения долины плохо разработаны и заболочены, поэтому осваивались в основном междуречья, причем сельскохозяйственные угодья не образовывали крупных массивов, как на востоке или юге, а выглядели как отдельные небольшие «острова» или группы «островов». Так освоена, например, Валдайская возвышенность. Такой исторический тип агроландшафта мы назвали «западный моренный тип».

Центральная умеренная зона зрелых ландшафтов в силу своего расположения носит промежуточный характер. Развитые здесь ландшафты ледникового генезиса – более древние и довольно хорошо развитые, с лучшими почвенными условиями, чем на западе, и климатом, мягче и теплее, чем на севере и востоке. Здесь распространены характерные для западной зоны такие исторические типы агрогеосистем, как поозерья и островные междуречные агроландшафты «западного моренного типа». В то же время здесь встречаются и распаханые долины рек и междуречья, распашка которых носит почти сплошной характер.

Северо-западная холодная зона молодых ландшафтов – зона с наименее благоприятными условиями для сельского хозяйства, так как здесь молодые плохо дренированные ландшафты валдайского возраста сочетаются с холодным климатом. Это вся восточная часть Русского Севера. Фактически это зона очень выборочного земледелия, в большинстве своем носящем подсобный характер для жителей, занимавшихся промыслами, охотой, в том числе пушной, и рыболовством. Настоящие агрогеосистемы сформировались здесь только в интразональных, то есть нетипичных природных условиях. Это поозерья, например Онежское, и интразональные агрогеосистемы, такие как Каргопольская сушь, приуроченная к дочетвертичному карстовому плато, где благодаря маломощности четвертичных отложений развиты хорошо дренированные аномально плодородные дерново-карбонатные почвы.

Таким образом, локализация и пространственная организация агроландшафтов лесной зоны ВЕР и, в особенности Русского Севера, определили максимально возможный и экологически сбалансированный уровень традиционного сельского хозяйства. Это связано с тем, что аграрное освоение лесной зоны ВЕР проис-

ходило в жестком соответствии с природными условиями. Так сформировались первые крупные агрогеосистемы типа поречий, поозерий и ополей, и происходила колонизация Русского Севера с образованием других типов агроландшафтов, например Каргопольской суши. Характерно, что большинство наиболее древних агроландшафтов лесной зоны носят собственные названия, такие как «ополье», «поречье», «сушь».

В процессе развития агрогеосистем лесной зоны ВЕР климатический и геолого-геоморфологический факторы играли роль природных ограничителей, что проявилось в особенностях пространственной организации и местоположении сформировавшихся исторических типов агрогеосистем. В дальнейшем с ростом роли государства различные социальные процессы стали нарушать связь между доступными аграрными технологиями и природными условиями. Там, где природные ограничения были недостаточно жесткими, агрогеосистемы утратили экологическую устойчивость под воздействием более мощных, чем природные ограничения, социальных процессов, однако Русский Север вплоть до XX века противостоял этой тенденции, и здесь в значительной мере сохранились реликтовые экологически сбалансированные агроландшафты. Это один из аспектов признаваемой всеми особой ценности традиционных культурных ландшафтов Русского Севера.

Примечания

¹Седов В.В. Избранные труды: Славяне. Древнерусская народность. М., 2005.

²Дулов А.В. Географическая среда и история России, конец XV – середина XIX в. М., 1983.

³Аграрная история Северо-Запада России. XVI век. Общие итоги развития Северо-запада. Л., 1978.

⁴Slicher van Bath, В.Н. 1963. Yield ratios, 810-1820 // Afdeling Agrarische Geschiedenis. Bijdragen 1963. № 10.

⁵Одум Ю.П. Свойства агроэкосистем // Сельскохозяйственные экосистемы. М.: Агропромиздат, 1987. С. 12-18.

⁶Спирин А.Н. Морфоструктурное районирование Пермского Прикамья // Ученые записки Пермского университета: Вопросы физической географии Урала. Пермь, 1973. Вып. 1. № 308. С. 138-148.

⁷Мильков Ф.Н. Сельскохозяйственные ландшафты, их специфика и классификация // Вопросы географии. 1984. № 124. С. 78-86.

ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЙ ФАКТОР ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ (НА МАТЕРИАЛАХ РУССКОГО СЕВЕРА)

Согласно географическому детерминизму, определяющее значение в развитии культуры, социальных организаций, социально-политических институтов, а также само историческое развитие конкретного этноса в решающей степени определялись такими факторами, как климат, рельеф местности, природные ресурсы, территория и т. п. Анализируя основные концепции социального прогресса, известный социолог П. Штомпка отмечал, что влияние природной среды может выступать как негативный ограничитель (создающий барьеры, ограничения для социального и культурного развития) или позитивный поощритель (предоставляя населению удобства, ресурсы). «Поведение людей тоже может быть двояким: они либо овладевают природой, покоряют ее, укрощают ее стихию, приспособлявая к своим нуждам и чаяниям, либо сами приспособляются к ней, оставаясь в состоянии пассивного подчиненного слияния с природой»¹. В рамках концепции культурной экологии исследуется эволюционный характер адаптации общества к окружающей среде, под которой понимается не только природно-географические условия, но и влияние других общностей, с которых контактирует изучаемый этнос или социум; учитывается также, что общество, трансформируя в процессе адаптации ландшафт, вынуждено приспособляться к сложившимся изменениям².

Изучение организации социальной жизни русского населения Европейского Севера в связи со спецификой природно-климатических условий представляет особый интерес, поскольку в рамках Российского государства здесь произошло формирование особого культурно-хозяйственного типа.

«Русскоязычное население, расселяясь по северным территориям, оказалось в новых для него этнической и культурной среде, владеющей оптимальным для данного региона хозяйственно-культурным типом, не только не растворилось в ней, но напротив, становится постепенно культурно-доминирующим. Это пришлое население активно развивает, казалось бы, совершенно чуждые ему формы хозяйствования, основы которого заимствованы им у аборигенов, а последних либо втягивает в свою культурную среду, либо частью оттесняет на другие территории. И при этом по большинству маркирующих признаков остается собственно русским населением, как со своей точки зрения, так и при его культурно-этнической идентификации «со стороны». Эта культура, при всей своей внешней консервативности, оказалась достаточно гибкой, то есть способной к усвоению и даже прогрессивному развитию навыков ведения хозяйства в новой для себя ландшафтно-климатической ситуации»³.

Следует отметить, что русское население Европейского Севера изначально формировалось как социогенное общество, поскольку его происхождение было связано с различными территориями Русского государства. Колонизационные потоки устремлялись сюда в эпоху и Московского царства, и Империи, и Советского Союза. Природные условия и историко-культурные различия привели к тому, что население существовало в локальных условиях; здесь превалировали не экономические связи – важнее была роль государства, которое побуждало локальные группы северян вступать в различные отношения.

Население края было в значительной степени промысловым и первоначально вело полубродячий образ жизни. Этому способствовало и обилие лесов, которое позволяло человеку не привязываться к месту своего обитания, поскольку материал для строительства домов, изготовления домашней утвари и одежды был доступен в любом месте. С другой стороны, те же природные условия заставляли русского жителя Севера стремиться к более или менее оседлому существованию: холодный климат принуждал строить прочные дома, снабженные печами, а это было достаточно затратным занятием, чтобы часто им заниматься.

В.О. Ключевский, а вслед за ним и другие историки, занимавшиеся изучением психологии русского человека, отмечали особенность характера, сформировавшегося в условиях, когда большие трудовые затраты не приносили достойного вознаграждения. Такое объяснение особенно подходит для севернорусского населения. Вся сфера жизнеобеспечения здесь была излишне трудоемка по сравнению с получаемой отдачей; это вынуждало людей проявлять расточительность, которая вела «к громадной растрате сырьевых и людских ресурсов»⁴. Некоторые факты бытовой жизни населения можно рассматривать как отсталость, вызванную отсутствием диффузии культурных навыков. Например, упорное стремление северных крестьян «тесать» лес, вместо того, чтобы пользоваться пилами; или сохранявшиеся вплоть до 1930-х годов примитивные формы промысловой деятельности у поморов. Причина такой «отсталости», скорее всего, в том, что в условиях постоянных рисков у населения было стремление использовать проверенные временем, традиционные способы жизнеобеспечения, а не пытаться применять какие-то инновации. Известно, с каким упорством держались жители лесной полосы за свои архаичные формы хозяйственной деятельности и бытовых устоев, которые сначала консервировались как компенсационный механизм, а затем стали репродуцироваться, несмотря на цивилизационные усилия государства. Стремление русских «цепляться» за традиционность хозяйственной деятельности и социальных форм объяснял необходимостью сохранения наработанных навыков в условиях опасности ненадежных новаторств и академик Л.В. Милов.

Излишняя расточительность материальных ресурсов, дополненная высокой трудозатратностью при их получении, не способствовала формированию качеств трудолюбия и тщательности в производстве работ, на что обращали внимание многие наблюдатели. Пренебрежение к результатам своего труда, расточитель-

ность в отношении природных и людских ресурсов – особенность психологии северянина, живущего в экстремальных природных условиях, негодных для существования. «Приходится только удивляться, что категория равнодушных, не верящих в свои силы людей, да и просто опустившихся, была незначительной. Что в целом народ русский даже в годину жестоких и долгих голодных лет, когда люди приходили в состояние «совершенного изнеможения», находит в себе силы и мужество поднимать хозяйство и бороться за лучшую долю»⁵.

Этнографы XIX века, находившиеся под сильным влиянием славянофильства, а затем и их преемники стремились идеализировать традиционные устои русского народа. Однако и в свидетельствах наблюдателей, описывавших быт современного им народа, иногда встречаются жесткие характеристики этого быта. В изолированных селениях, не имеющих контактов не только с культурными центрами, но и с ближними соседями, «поражает ... необходимость; жители грубы, неопрятны и невежественны, не имеют соревнования в трудах, каждый день в их занятиях идет как заведенные часы; такой же отпечаток однообразия несут на себе в таких местностях и сельские удовольствия...»⁶. В то же время контакты заставляют население перенимать какие-то новые навыки. Так, в густонаселенных южных уездах Вологодской губернии «самый вид селений и образ жизней... напоминает о трудолюбии обитателей... предприимчивость, вызываемая всегда нуждой, заставила обитателей найти для себя занятия... чтобы искупить нужды края полезной работой»⁷.

Тяжелые климатические условия и связанные с ними высокие трудозатраты послужили причиной того, что у северного населения было стремление максимально использовать труд всех членов семьи, «утилизировав» неполноценный труд детей, стариков, инвалидов. В результате здесь долго существовала большая неразделенная семья и вызывавшее восхищение у интеллигентов-народников доброе отношение ко всем без исключения членам общества. Однако такая гуманность не была результатом удовлетворения первичных потребностей, а напротив – суровой необходимостью. С подъемом материального благополучия народа современники начинали фиксировать крайне пренебрежительное отношение к старикам, неприязнь к нетрудоспособным элементам общества.

Можно спорить, что было первичным – доминирование человека над природой, экстраполированное затем на социальные взаимоотношения, либо социальное доминирование, которое привело в конце концов к эксплуатации человеком природы, – но существование взаимосвязи здесь очевидно. Аграрная культура привела к быстрой «победе» человека над силами природы, и стала фундаментом подавляющего большинства современных цивилизаций. Территории с преобладающим развитием присваивающих форм хозяйства были втянуты в их орбиту позднее, причем цивилизующими силами были чаще всего завоевания и различные формы ассимиляции.

Европейский Север России в этом плане представляет собой уникальную тер-

риторию. Достаточно раннее проникновение сюда славян, принесших аграрную культуру – как материальную, так и духовную (в частности, христианство), – привело к тому, что формирование великорусского этноса происходило и на этой территории. С другой стороны, условия хозяйствования могли бы придать существованию этого этноса другой вектор, если бы не целенаправленная деятельность государства и его институтов (в частности, церкви и школы) по созданию здесь соответствующих социальных отношений.

Проникновение славян в северную тайгу связывают с достаточно теплым климатом и политической обстановкой средневековой эпохи. Сельскохозяйственное население вслед за своими «топором и сохой» внедрялось в лесные дебри, получая весьма высокие урожаи – впрочем, в течение крайне ограниченного срока, что не позволяло ему укорениться здесь естественным образом. Так называемое «подсечно-огневое земледелие» существовало в отдаленных уездах северных губерний и в начале XX века: напуская пожары, крестьянин боролся с владельцем лесных массивов – государством, которое с XVIII века юридически защищало свои права на лесные богатства, а крестьянин стремился любыми способами эти богатства обесценить, поскольку нуждался в площадях под пашню и сенокосы.

Либо похолодание, либо увеличение населения, «притекавшего» сюда в связи с неблагоприятной обстановкой в других русских землях, – но в XVI–XVII веках создалась ситуация, заставившая северян приспосабливаться к новым условиям жизни: прежде всего, стали развиваться промыслы, которые больше соответствовали местным условиям, а также давали возможность поддерживать привычный баланс питания, путем обмена плодов промысловой деятельности на хлебные товары. Можно предположить, что население в этих условиях было склонно вести свойственный носителям присваивающего хозяйственно-культурного типа бродячий образ жизни; отголоском этого является существовавшая и в начале XX века традиция «мурманских промыслов» – когда «ватаги» промышленников, имеющих постоянное проживание в отдаленных от моря селениях, направлялись на Кольский полуостров, проходя пешком весьма значительные расстояния.

Финский путешественник, побывавший на Мурманском берегу в 1839 году, отмечал, что «русские проникли в эти пустынные и бесплодные страны не войной и не большими массами, а отдельными семействами, завлеченными сюда нуждой, надеждой на легчайший способ прокормления, духом предприимчивого бродяжничества и другими случайными причинами»⁸. Малые по размерам поселения, отпочкование деревень от общего ствола, который когда-то тоже был маленькой деревушкой, указывают на случайный характер миграций на Север. Антропологические и этнографические характеристики населения также показывают, что переселение сюда происходило из различных мест: возможно, оно носило характер остаточного расселения славян по северо-восточной Европе⁹; вероятно, были случаи проникновения «маргиналов», заброшенных сюда неизвестными нам обстоятельствами. «Оригинальность историко-культурной ситуации Северного

Поморья состояла не только в том, что изначально различные микрорайоны этого огромного региона, происхождение их населения были связаны с разными землями Древней Руси, но и в том, что процессы первоначальной, а затем и внутренней колонизации здесь продолжались перманентно в течение очень длительного периода¹⁰. С конца XVII века сюда устремляются старообрядцы; эти «лесные, бездомовные бродяги»¹¹ вынуждены были селиться в самых отдаленных, дремучих местах, и их идеологически обоснованное стремление жить «по дедовским заветам» поддерживалось территориальной изоляцией.

Вероятно, различные «исторические корни» населения, разные природные условия существования и изолированность в течение длительного времени локальных групп населения и привели к тому, что на территории Архангельской губернии можно выделить несколько отличающихся как по экономическим, так и по социокультурным характеристикам районов. Различия, которые можно отметить и сейчас, несмотря на нивелирующее влияние «цивилизации», тем более замечались наблюдателями прошлого и позапрошлого столетий. Путешественник отмечал различие, которое «бросается в глаза каждому, едущему на пароходе» по Северной Двине, когда «низменные, болотистые пространства... с их низкорослым, некрасивым, бедно одетым населением» сменяется пейзажами, представляющими «значительную разницу как по своей природе, так и по наружному виду населения и его жилищ... «Плюгавые мужичонки», «лапотники», «чахлые» бабы и «дохлые» ребятишки, глазающие на проходящий пароход из серых, низеньких, крытых соломой изб и «келеек», сменяются рослыми, красивыми, бойкими устюжанами и солянами, живущими в «веселых», «красных» деревнях и одетых так, как вологжане не одеваются и по праздникам, звучит иная речь, – словом, ...это другой народ»¹².

Государственный чиновник в 1853 году отмечал, что русские, проживающие в Архангельской губернии, «во многом составляют свой особенный мир, имея мало сношения со внутренней Россией. Они живут своим бытом, имеют свои понятия и держатся их упорно и твердо»¹³. Член Российского географического общества, путешествуя по Северу в 1884 году, указывал на «совокупность главнейших условий, под воздействием которых слагалась и слагается жизнь обывателей Архангельского края», – географические и климатические условия, особая историческая судьба; а «разномастность этих влияний и различная их степень» «при обширности территории края» «породила у народа разнообразие особенностей быта, занятий и умовоззрений». Он также отмечал, что «почти каждая деревня, каждое село в своих обрядах и песнях отличается от соседних какими-нибудь характерными чертами...»¹⁴.

Изучение социально-экономической истории региона позволяет выделить три крупных области: северную, где промысловое хозяйство всегда превалировало над земледелием, имевшим вспомогательное значение; центральную, в которой сельское хозяйство стало развиваться только с начала (и даже с середины) XIX века,

в связи с изменением общей экономической конъюнктуры в регионе; южную и юго-западную, в которой сельское хозяйство, несмотря на климатические сложности, традиционно было ведущим. Наблюдение за обществами, различающимися по видам своей хозяйственной деятельности, позволило ученым выявить то воздействие, которое природное окружение оказывает на психологический тип личности человека, являющийся в данном обществе наиболее поощряемым. Так, в производящей экономике аграрных обществ ярко выражена тенденция к формированию у детей таких качеств, как послушание, ответственность, воспитанность. Образуется психологический тип личности, для которого характерны уступчивость, уживчивость, умение жить сообща. В обществах охотников и собирателей антропологи выявили установку на воспитание самоуверенности, стремления к индивидуальным достижениям и независимости, что влияет на формирование самоутверждающегося типа личности. Общий результат исследований антропологов состоял в отыскании устойчивой корреляции между деятельностью по поддержанию существования, которая во многом определяется природными условиями, и характерными чертами личности, формируемыми в процессе социализации¹⁵.

Однако жители Русского Севера проживали в Российском государстве, которое предъявляло свои требования к характеристикам населения. Несмотря на положительные личные качества носителей присваиваемой культуры, такие социальные образования, как государства, создаются более конформными, дисциплинированными, умеющими подчиняться авторитету (при этом абстрактному) носителями культуры аграрной. В результате государство тратило немало усилий, используя (в различные исторические периоды) и принудительные, и поощряющие способы воздействия – для «воспитания» нужных обществу членов. Эти усилия были направлены на увеличение плотности населения (что способствовало бы более тесным социальным, экономическим, культурным связям населения) и на развитие сельского хозяйства, что создавало бы необходимый «базис» для необходимой социализации. Земледельческие занятия обеспечивали особую ценность семейных отношений, а именно в семье происходило формирование авторитета по старшинству, которое впоследствии позволяло воспитать уважение к властям и государственному закону.

В XIX веке было широко распространено мнение, что благополучие общества зависит от демографических показателей; естественный рост населения воспринимался как самый прямой для этого путь. Выдающийся русский ученый Н.Я. Данилевский высказывал в 1868 году сомнение по поводу распространенной в то время «сентенции» о богатстве Северного края, обращая внимание, что «уже более 700 лет прошло с тех пор, как русская колонизация устремила в Двинский и Поморский край и все еще население Архангельской губернии не превышает 270 тыс. душ, между тем как позже начавшая заселяться и в пять раз меньшая по пространству, Вятская губерния достигла в восемь раз большего населения»¹⁶. В начале XX века плотность населения в Архангельской губернии составляла 0,5 человека

на квадратную версту, в Вологодской – 4,3¹⁷. В ранние периоды истории низкая плотность населения гарантировала от таких бедствий, как эпидемии, вражеские нашествия, а также голод. Не зависящие от сельскохозяйственных угодий, жители Севера селились на берегах рек и моря, а следовательно, имели лучшие транспортные сообщения, чем, например, вологжане, где поселения были отрезаны друг от друга, а также нередко от собственных полей в течение многих месяцев. В результате приморские территории долгое время были более населенными, чем земледельческие районы. Однако можно предположить, что если бы не усилия государства, прикрепляющего любыми способами население к местам проживания, поморские территории были бы покинуты населением еще в первой половине XIX века, когда оно не имело сил конкурировать с норвежскими промысловиками, находившимися благодаря Гольфстриму в лучшем положении, чем русские поморы. Но государственная власть действовала то кнутом (насильственно закрепляя население за местами проживания), то пряником (давая различные льготы, в частности, поддерживая норвежско-поморскую бартерную торговлю).

Многие наблюдатели отмечали удивительное равнодушие населения к своему здоровью, на «небрежение к себе»¹⁸, отмечая при этом его завидные физические качества, которые можно объяснить тем «естественным отбором», позволяющим через высочайшую детскую смертность выжить только действительно крепкому организму. Губернская статистика отмечала, что в губернии «менее половины родившихся доживает до пятилетнего рубежа»¹⁹. «Детей ... хотя рождается и много, но больших семейств очень мало. Обыкновенно из 12–16 родившихся ... в живых остается один-два»²⁰. Раньше, надо полагать, детская смертность была еще выше. По наблюдениям современников известно, что на детей до 5–7 летнего возраста крестьяне вообще обращали мало внимания. Пренебрежительное отношение к детям более характерно для обществ с присваивающей экономикой, вынужденных искусственно поддерживать ограниченную численность своего населения, чем для земледельческих культур.

Говоря о средней продолжительности жизни в современном понимании, мы должны иметь в виду, что ее низкие показатели определялись высокой младенческой смертностью, а также смертностью в трудоспособных возрастах. Доживший до преклонных лет человек имел все шансы умереть в глубокой старости.

В структуре смертности среди людей в возрасте 20–35 лет женская смертность превышала мужскую, что, очевидно, было связано с частыми беременностями и родами. Повышение мужской смертности приходится на возраст 30–40 лет – как правило, это смерти, связанные с травмами на промыслах («от болезней умирают мало; большей частью постигает их смерть на промыслах»²¹) и производстве, а также «от запоев» (последняя причина первоначально чаще встречалась в земледельческих районах, а с конца XIX века стала превалировать и в среде традиционно промыслового населения, переориентировавшегося на фабрично-заводской труд). Пренебрежение к собственному здоровью, отсутствие стремления дожить

до преклонных лет – это тоже черта, свойственная промысловому населению. Однако следует отметить, что процент старожилков среди промыслового русского населения был значительно выше, чем у земледельческого. Среди умерших жителей губернии в 1855 году лиц старше 60 лет было 14% (мужчин 12%, женщин 16%), при этом 2,5% от всего числа умерших мужчин и 4% женщин были старше 80 лет. Людей старше 80 лет было больше в промысловых районах; мужчин среди них было больше, чем женщин; в земледельческих районах картина была обратной²². Видимо, это связано и с большим сохранением архаичных форм социальной солидарности, и с ценностью стариков (прежде всего мужчин) как хранителей традиционного знания; в земледельческих же районах более затребованными были старики, которые могли присматривать за детьми, пока матери работали в поле.

Немалую роль в долгожительстве играл и образ жизни: северные уезды Архангельской губернии были населены в значительной степени староверами, в быту которых превалировало духовное начало над материальным, отсутствовали пьянство и табакокурение. Для северных, промысловых территорий характерны и более высокие показатели психического здоровья. Первые русские жители этого края, надо полагать, плохо переносили полярные ночи и дни, общую «угрюмость» природы. Механизм выживания также формировался методом естественного отбора и способами социализации. Известные характеристики поморов как «рослых, красивых» (в народном представлении красивый – это прежде всего здоровый) являются довольно неожиданными для жителей Крайнего Севера, которые, как правило, низкорослы. Можно предположить, что такая «телесность» была внешним воплощением спокойного нрава, здоровой психики, которые были необходимы северянину для относительно комфортного существования в местных климатических условиях и при невероятно тяжелом и опасном труде по добыванию пропитания. Спокойствие и невозмутимость поморов, которые поражают и сегодня, всегда обращали на себя внимание наблюдателей. Такое психическое заболевание, как «икота», было по преимуществу женским, и, по мнению некоторых ученых, являлось реакцией на тяжелый быт и изнурительный труд, которые выпадали на долю женского населения в полупомещичьих районах, и значительно реже встречались в земледельческих и промысловых, где женщины в первом случае были помощницами мужчин, выполнявших самую тяжелую работу, а во втором в связи с отсутствием земледельческого труда были менее загружены работой.

Немаловажным обстоятельством был и образ жизни, способ питания: промысловики чередовали подвижный, разнообразный труд с длительным и полноценным отдыхом; по сравнению с земледельцами, которые могли позволить себе мясную или рыбную пищу только по праздникам, рацион промысловиков был более разнообразным – мясо, рыба, дикорастущие растения, а также хлеб, без которого население, будучи культурно-русским, обойтись не могло (что, кстати, способствовало развитию товарности промыслов, поскольку население искало возможность приобрести недостающее количество хлебных продуктов на рынке).

Таким образом, русское население Севера было достаточно здоровым в физическом и психическом отношении и имело весьма высокий процент людей старших возрастов. Цивилизация принесла медицинское обслуживание населения, облегчение и улучшение труда и быта. Безусловно, это повлияло на рост продолжительности жизни, однако вместе с цивилизацией стали рушиться традиционные отношения между людьми. В Вологодской губернии население стало раньше, чем в Архангельской, осознавать «бесполезность стариков и старух», к которым стали относиться «без всякого уважения, в лучших случаях – с холодным равнодушием»²³. Подобная картина впоследствии стала наблюдаться и в Архангельской губернии – сначала в уездах с высоким процентом отходничества среди молодежи, затем повсеместно. Причина была не только в пренебрежении к «старине» под влиянием городской «культуры», но и в проявлении своего рода «конфликта поколений», когда борьба с младенческой смертностью стала приносить первые плоды, и наметился рост населения за счет большего выживания новорожденных. Когда новые поколения подросли, то явной стала проблема недостатка сельскохозяйственных угодий. Для традиционной культуры характерно спокойное отношение к естественной смерти, и люди преклонного возраста стремились жить, пока чувствовали свою нужность, то есть присутствовали и психологический фактор в виде воли к жизни, и социальный, исключающий эгоистические предпочтения. Этим, а не только более точными статистическими данными, возможно, и объясняется сокращение к началу XX века численности долгожителей, на фоне роста населения и средней продолжительности жизни. Элементы геронтократии постепенно исчезали из повседневной жизни. Молодежь получала новые знания уже не от стариков; на расширение их кругозора влияла «солдатчина», отход на заработки в города, позднее свой вклад в «конфликт поколений» стало вносить школьное образование и другие элементы культуры. «Пожилые поморы смотрят косо [на новшества]..., но молодые поморы мало считаются со взглядами своих отцов»²⁴.

Ряд причин, в частности, локальность и независимость проживания населения, а также «недопонимание» между населением и государством, стимулировали усиление здесь типичного для русского населения «правового нигилизма». Обилие лесов долгое время не ставило перед населением проблемы топлива, строительных материалов, добычи пищи. Например, правительство при этом принимало меры к сохранению лесов, являвшихся общенациональным богатством, что воспринималось населением как посягательство на их права, доставшиеся от предков. Это еще более усложняло отношение населения к властям, которое всегда отличалось удивительной внешней покорностью и внутренним протестом. В.О. Ключевский, а затем и американский «русист» Р. Пайпс объясняли эту свойственную русскому человеку черту влиянием климатических условий: как не мог он противостоять жестокой мачехе-природе и покорно терпел все неудачи своего труда, так воспринимал и другую «стихию» – начальников, чью деятельность рассматривал только как

стремление «навредить». «Поморы, столь честные, верные и бескорыстные даже на Севере (на Новой Земле) – делаются хитрыми и лукавыми в сношениях с полицейскими властями. Там они считают свои обычаи необходимостью, здесь же видят в законе только препоны, которые надобно обойти»²⁵. «Жители губернии проникнуты духом поруки и общежития, они охотно готовы повиноваться властям, крутых мер в отношении к ним никаких не нужно»²⁶. В Вельском уезде, по наблюдению современника, «народ умен, сметлив, но вследствие неразвития своего и ряда причин выработал в себе характер весьма скрытный: здешний крестьянин очень не сообщителен и говорит с посторонним не иначе, как сдерживая и затаивая свои чувства. Особенно резко проявляется эта скрытность в разговоре с чиновниками. Боязнь перед начальством неопишущая»²⁷. У вологодских крестьян «страх перед начальством ... доводит до сумасбродства. Мужики трясутся как осиновый лист. На душе у женщин еще тяжелее – они боятся и за себя, и за мужчин, чтобы с ними чего не приключилось»; при этом за «начальство» на всякий случай принимают любого приезжего, одетого в «господское платье»²⁸.

Из этих различных оценок можно сделать один вывод: население «делало вид», что боится начальства, считая, что таким образом «убережет» себя от его происков. Можно привести немало свидетельств чиновников о том, как при их появлении население нарочито разбегается по домам, прячется за углами и так далее. При этом стремились «тишком» вредить («враждебное отношение крестьян... проявляется чаще всего в поджогах домов, хлеба, сена, умышленной порче изгородей, в искалечении скота, собак и т.д., но случаи личных оскорблений ... крайне редки»²⁹). Иногда возникали и открытые протесты, как правило, «скопом», на основе «круговой поруки» – в расчете на то, что всех наказывать не будут. Подобные проявления коллективного протеста известны по всей России, случались они и на Севере. Малочисленность населения приводила к тому, что «сговаривались» нередко целой волостью. Например, если рубили без разрешения лес, то крестьяне всей волостью демонстративно вывозили его в количествах, превышающих их действительные потребности.

Под влиянием природно-климатических условий и обусловленных ими форм хозяйствования складывались на Севере особые формы социального контроля. Например, этнографы всегда фиксировали существование здесь относительного полового равноправия, что характерно для обществ с присваивающей экономикой; и действительно – такое равноправие больше проявлялось в промысловых районах, и заметно изменялось в процессе развития земледелия. При этом влияние «культурных операторов» (в лице православной церкви, других форм распространения официальной культуры) в известное нам время деформировало половое равноправие в том смысле, что женщина испытывала социальный дискомфорт, будучи вынужденной брать на себя мужские роли, поскольку навязанные стереотипы делали ее в глазах остальных социально несостоятельной, указывая на отсутствие или непутевость мужа, взрослых сыновей и так далее³⁰.

«Цивилизация» в форме отрицательных последствий урбанизации проникала в отдаленные территории этого региона очень медленно, и на тот момент, когда край и его население стали объектами пристального внимания большого количества равнодушных наблюдателей, здесь сохранились достаточно патриархальные обычаи, которые вызывали умиление народной интеллигенции и позволили академику Д.С. Лихачеву назвать Русский Север «гигантским музеем-заповедником». Нам представляется, что реальные социальные отношения здесь были достаточно жесткими, характерными для проживающего в экстремальных природных условиях населения, а «патриархальность» являлась в значительной степени навязанной государством системой социальных отношений. Свойственное локальным маргиналам стремление сохранять любые формы жизни, обеспечивающие общую стабильность, не позволило изменить навязанную модель даже в период относительной либерализации отношений государства и общества во второй половине XIX века. Таким образом, мы сталкиваемся с тем, что жизнь северно-русского населения регламентировалась и контролировалось не столько социально средой, сколько государством в лице его различных институтов и «культурных операторов».

Природные условия и историко-культурные различия привели к тому, что население существовало здесь в локальных нишах; только усилия государства заставляли локальные группы северян вступать между собой в различные отношения. Например, дорожная повинность, при которой крестьяне соседних и дальних волостей вынужденно контактировали между собой для разделения обязанностей по ее исполнению³¹. Введение оседлости для русского населения (в середине XVII века) мало затронуло население Севера, поскольку власти требовали присутствия «на дворе» хотя бы одного члена семьи, уплачивающего все подати. Со временем контроль за населением усилился введением подушной подати и натуральных повинностей, что заставляло крестьянское и городское население вводить систему круговой поруки. Изучение организации государством социальных институтов в северных губерниях создает представление, что сюда искусственно переносились такие формы общественного устройства, которые зарекомендовали себя в Центральной России; пока они медленно, но надежно укоренялись здесь, в Центре они устаревали и отмирали. Так, государство как основной владелец местных государственных крестьян, было озабочено имущественной дифференциацией среди них, что создавало сложности при распределении налогов и податей. В результате здесь «сверху» и только в 1831 году была введена поземельная община, а затем в рамках реформы Киселева самоуправление под жестким контролем властей. Формирование необходимого государству типа личности путем регуляции частной жизни людей проводилось усилиями приходского духовенства. Сформированное таким образом сознание местного населения было несовместимо с потребностями социальной и экономической жизни, которые требовала природная среда. В этом – основное социокультурное противоречие, которое фиксировалось

среди русского населения Севера.

Искусственное поддержание относительно высокой численности населения в этом районе постепенно привело к экономическим проблемам. На рубеже XX века распространение малоземелья принято было объяснять естественным ростом населения. Но нарастание здесь бедности отмечалось и прежде. В 1837 году командированный для изучения местного быта чиновник отмечает: «неоспоримой истиной остается, что север беден и допускает только известное, относительно умеренное число обитателей, которому обеспечивается пропитание; как скоро это число увеличивается ... то, что удовлетворяло необходимость потребностям известного числа жителей, должно разделиться на участки между гораздо большим общим числом. Необходимое следствие этого есть всеобщее обеднение и наступающий недостаток... Природа северного края допускает многообразные способы к приобретению, но ни одного не обеспечивает»³².

Можно предположить, что первоначально пришлое население (во всяком случае, продвинувшееся сюда в результате так называемой «верховской», сельскохозяйственной колонизации) занималось привычным земледелием, однако местные природные условия, а возможно, и климатические колебания сформировали у него потребность заниматься присваивающим хозяйством. А это значит, что с сокращением промысловой базы и обеднением вмещающего ландшафта часть населения должна была уходить – либо на юг, в сельскохозяйственные районы, либо на восток, вслед за уходящим зверем.

Косвенным свидетельством миграции на юг служат упоминания в документах об «убегании» населения в голодные годы³³, а также существовавшая длительное время традиция в некоторых, наиболее проблемных районах «ухода» населения целых волостей в неурожайные годы «христарадничать» в более благоприятные местности. В середине XIX века стали отмечать «сильно развившуюся [здесь] страсть выселяться в другие места»³⁴.

«Уход» на восток, вслед за мигрирующим зверем привел к расселению поморского населения вплоть до Аляски. Правительственные меры по ограничению миграции, выразившиеся в прикреплении населения к местам их проживания, на Севере не были такими жесткими; долгое время достаточно было того, чтобы во дворе проживала хотя бы часть членов домохозяйства, которые уплачивали подати и несли повинности. Поэтому и в XVIII, и в XIX веках «уход» населения на восток, в Сибирь было обычным явлением.

Одновременно с таким лояльным отношением к миграции северян (вызванным, кроме прочего, и тем, что в дореформенную эпоху именно этот регион был одним из основных поставщиков «вольного» труда) правительство принимало меры и к удержанию здесь населения. До середины XIX века в Архангельской губернии находились важнейшие предприятия по обеспечению материалами и строительству военных кораблей; стратегическая важность региона также ставила задачу сохранения на этих окраинных территориях постоянного населения.

Для удержания населения и поддержки его естественного воспроизводства правительство шло на введение определенных льгот. Например, Александр I предоставил право денежного взноса вместо «натурального» выполнения рекрутской повинности. Примечательно, что введение этой льготы объяснялось тем, «что Архангельская губерния, занимая в себе обширное пространство земли, имеет несоответственное оному население, ...[которое] быв произведено с большим трудом, время от времени чувствительно уменьшается...»³⁵. Льготы для переселенцев, особенно на Мурманский берег, включали в себя освобождение от рекрутской повинности на определенный срок, облегчение бремени по различного рода податям и повинностям, а также материальные привилегии. Надо отметить, что по сравнению с поразившим финского путешественника в 1839 году способностью приспособляться к различным условиям («по беспокойному духу, подвижности, в особенности же по сметливости и страшно расчетливому уму русский как бы создан для обитания в этих странах; ... в целом мире нет народа, который умел бы пользоваться так, как русские жители Архангельской губернии, всеми возможными обстоятельствами и даже случайностями, обращая каждую безделицу в свою пользу»³⁶), в начале XX века и сторонние наблюдатели, и чиновники отмечали, что никакие льготы не могут заставить русское население Крайнего Севера выйти из бедности. Что это – генетическая усталость, наступившая у потомков предприимчивых поморов, или пресловутая мобилизационная модель русского прогресса, когда наибольшие успехи достигаются в экстремальных условиях, а с облегчением жизни люди, «судеб покоряясь закону», впадают в «спячку», вполне довольствуясь малым?

Вынужденное проживание в определенных местах, при незначительном, но все же устойчивом приросте населения, создавало проблемы для занятий промыслами, что вынуждало заниматься земледелием. Позднее и земледелие не обеспечивало избыточное население питанием и занятостью. К тому же, в крае отсутствовала устойчивая земледельческая традиция. Так, жители центральных уездов (Холмогорского, Онежского, южных волостей Архангельского) стали заниматься земледелием только в XVII–XVIII веках, в связи с сокращением промыслов. Однако потребности кораблестроения в XVIII – первой половине XX века привели к высоким запросам на корабельный лес, смолу, что давало высокий и более легкий, по сравнению с землепашеством в местных условиях, заработок. В результате земледелие вновь было заброшено. Вынужденная потребность в нем возникла только во второй половине XIX века, когда прежние заработки иссякли. При этом тяжелый, изнурительный, не дающий должной отдачи земледельческий труд не привлекал мужское население, которое свое пристрастие к бродячей и веселой промысловой жизни вскоре смогло удовлетворить в виде «отхожих» промыслов на лесозаготовки и заводской работе. Отсюда – ранняя пролетаризация местного населения, которая смогла легко разрушить только-только установившиеся социальные связи.

Краткий экскурс в социокультурную историю населения Русского Севера приводит нас к выводу, что популяция, являвшаяся чуждой для данного ландшафта, испытывала сильное внешнее давление в виде природно-климатического фактора, что привело к стрессу, давшему дополнительный толчок для внутреннего развития населения и повлияло на его пассионарность. Однако к природно-климатическому фактору добавилось культурное давление в виде стереотипов, принесенных из «мест выхода» населения, не всегда приемлемых для новых мест обитания, которые создавали тем самым дополнительную психологическую нагрузку; а затем и давление в виде активной деятельности государства, которое, преследуя геополитические и экономические интересы, создало здесь излишнее население (сначала – путем искусственно привлечения сюда работников из территорий-доноров, затем – оказывая влияние на демографическое поведение) и сформировало, во многом искусственно, необходимые социальные отношения. Такое тройное давление оказалось слишком сложно компенсировать, что и привело к медленному, в течение нескольких поколений, угасанию пассионарности северян³⁷.

Примечания

¹Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 63.

²Белик А.А. Культурная (социальная) антропология: учебное пособие. М.: РГГУ, 2009. С. 412-422.

³Культура русских поморов: опыт системного исследования / под ред. П.Н Черновилова. М., 2005. С. 10.

⁴Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 547.

⁵Милов Л.В. Великорусский пахарь... С. 571.

⁶Скворцов Н. Взгляд на состояние промышленности и торговли Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. 1866. № 28. С. 266-268.

⁷Скворцов Н. Указ. соч. С. 33.

⁸Кастрен М.А. Лапландия. Карелия. Россия // Кастрен М.А. Сочинения. Тюмень, 1999. Т. 1. С. 129.

⁹Подробнее об этом см.: Пименов В.В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965.

¹⁰Ясински М.Э., Овсянников О.В. Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север: проблемы и источники. СПб., 1998. Т. II. С. 181.

¹¹Никольский И. Чем объяснить долговечие раскола? СПб., 1867. С. 16-17.

¹²Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии: сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1890. Вып. 2. С. 3.

¹³Циммерман. Архангельская губерния // Военно-статистический обзор Российской Империи. СПб., 1853. Ч. I. С. 140, 141, 143.

¹⁴Истомин Ф.М. Предварительный отчет о поездке 1884 г. в Архангельскую губер-

нию // Известия Имп. РГО. 1885. Т. XX. С. 3, 4, 8, 9.

¹⁵Белик А.А. Культурная (социальная) антропология: учебное пособие. М.: РГГУ, 2009. С. 412-422.

¹⁶Данилевский Н.Я. О мерах к обеспечению народного продовольствия на крайнем севере России // Сборник политических и экономических статей Н.Я. Данилевского. СПб., 1890.

¹⁷Кузницкий С. Финляндия: ее население и культура в цифрах. Известия АОИРС. 1911. № 17. С. 399-400.

¹⁸Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Тр. Географич. отделения Имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1877. Кн. V. Вып. I.

¹⁹Архангельские губернские ведомости. 1883. № 19, 20.

²⁰Государственный архив Архангельской области (далее ГААО). Ф. 1. Оп. 9. Д. 578. Л. 55об. Отчет Печорского уездного исправника за 1900 год.

²¹Максимов С. Поездка на Печору // Морской сборник. 1858. Январь-февраль. С. 65.

²²ГААО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 7. Губстатотдел (Подсчитано автором).

²³Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии ... С. 55.

²⁴У помор Сумского посада // Известия АОИРС. 1910. № 17. С. 14.

²⁵Цит. по: Заринский М. Кемский уезд в 1852 году // Архангельский сборник. Архангельск, 1865. Ч. 1. Кн. 2.

²⁶Циммерман. Архангельская губерния. С. 140.

²⁷Шустиков А. Тавреньга Вельского уезда. Этнографический очерк // Живая старина. СПб., 1895. Вып. 2. С. 171-181.

²⁸Шустиков А. Троицина Кадниковского уезда: Бытовой очерк // Живая старина. 1892. Вып. 2. С. 71-91; Вып. 3. С. 106-138. (Публ.: Вожега. Краеведческий альманах. Вологда, 1995. С. 128-129).

²⁹Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. С. 8.

³⁰Подробнее об этом см.: Трошина Т.И. Исторические предпосылки складывания социальных ролей северных женщин // Историко-культурное наследие Русского Севера: Проблемы изучения, сохранения и использования. Каргополь, 2006. С. 86-95.

³¹Подробнее об этом см.: Трошина Т.И. Дорожная повинность государственных крестьян Русского Севера // Двинская земля. Котлас, 2007. Вып. V. С. 28-33.

³²Шренк А. Путешествие к северо-востоку Европейской России в 1837 г. СПб., 1855. С. 120-121.

³³См.: Шульгин Н.В., Санакина Т.А. Окладникова слободка. Архангельск, 2004. С. 20-21.

³⁴Максимов С. Поездка на Печору. С. 57.

³⁵ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1. Л. 50-52. Губернское рекрутское присутствие.

³⁶Кастрен М.А. Лапландия. Карелия. Россия. С. 130-131.

³⁷Автором использована концепция академика В.П. Казначеева. См.: Очерки теории и практики экологии человека. М., 1983. С. 143.

СОВРЕМЕННЫЕ ГЕОДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ЗАПОВЕДНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ АРХАНГЕЛЬСКОГО РЕГИОНА

Особо охраняемые природные территории (ООПТ) Архангельской области занимают около 16% всей ее площади. Однако эти цифры включают и часть акватории Белого и Баренцева морей. Площадь ООПТ на континенте без полярных островов составляет около 7% территории области. Из них около 70% площади ООПТ (5 из 7%) расположены на границах Мезенской синеклизы с Балтийским щитом и Канино-Тиманским кряжем. Среди них – Онежский сектор Водлозерского национального парка, Кенозерский национальный парк, Соловецкий историко-культурный и природный музей-заповедник (входит в систему Министерства культуры РФ), включенные как объекты всемирного наследия в перечень ЮНЕСКО, Пинежский заповедник и многие заказники и памятники природы.

Организация ООПТ и приуроченность их преимущественно к пограничным ландшафтам закономерна. Здесь на малоизмененных человеческой деятельностью территориях сохранились уникальные озерные и болотные массивы, малозатронутые леса типичной северной и более теплолюбивой средней тайги (Соловки, Беломорско-Кулойское плато), реликтовые можжевельниковые рощи (Кенозерье). На Беломорско-Кулойском плато широко развит поверхностный таежный карст, в большинстве своем гипсо-ангидритовый, сопровождающийся сетью карстовых пещер и озер. В этих ландшафтах произрастают и обитают многие редкие и исчезающие, в настоящее время охраняемые виды флоры и фауны, в том числе птицы.

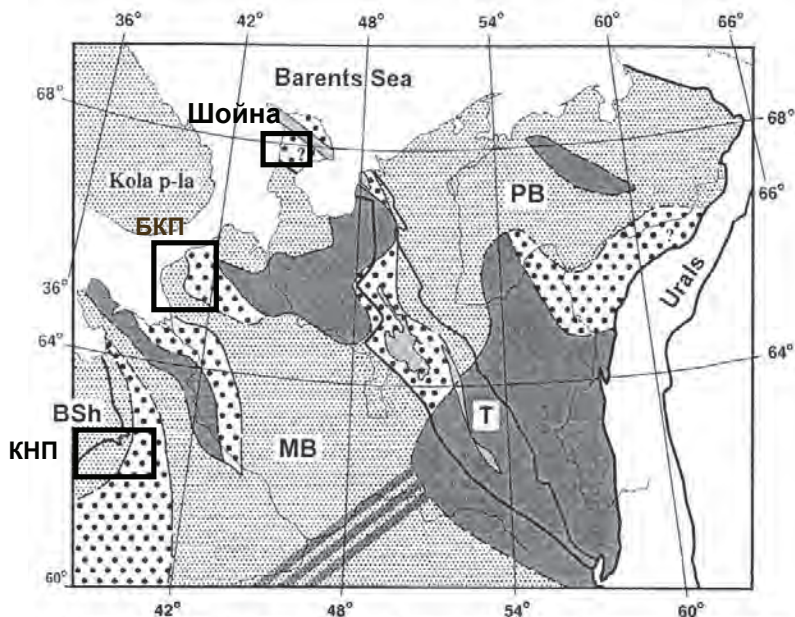
Богатство природы обусловило бережное отношение к ней со стороны коренного населения, рациональное природопользование в течение многих веков.

Многие природные объекты стали предметами охраны и поклонения («святые рощи», «святые деревья», «святые озера» и т.д.). На этих территориях создано много памятников истории, архитектуры, искусства, религии, инженерного и строительного мастерства. Только на Соловках их насчитывается около 200, а в Кенозерском национальном парке до 150. Наиболее значительные из них – это комплекс большого числа каменных строений Словецкого стравропигиального монастыря XVI–XIX веков, расположенный на нескольких островах одноименного архипелага, многочисленные деревянные церкви и часовни Кенозерья и Кожозерья XVIII–XIX веков и т.д.

В настоящее время накоплен значительный объем геолого-геофизических данных, позволяющих судить о новейших геодинамических процессах в литосфере в пределах синеклизы и особенно в ее пограничных районах, где имеются мате-

риалы изучения и синеклизы, и прилегающих территорий. Прежде всего, это данные ГСЗ и GMTЗ, неоднократно переинтерпретированные разными исследователями и наиболее достоверные в последней по времени редакции¹. Они дают сведения о мощности земной коры и литосферы в целом, а также о скоростях продольных волн в верхней мантии литосферы. Кроме того, имеются сведения о температурах осадков и плотности кондуктивного теплового потока (КТП) по данным глубоких скважин на суше и прилегающей акватории Баренцева моря², а также о конвективном тепловом потоке по данным съемок из космосам³. Накоплен некоторый объем информации о современной сейсмичности и движениях поверхности суши на ряде наблюдательных станций⁴. Особенно много новых геолого-геофизических данных получено в процессе изучения Зимнебережного алмазоносного района и прилегающих территорий.

Далее рассматриваются новейшие геодинамические процессы на границе синеклизы и Балтийского щита по районам Соловецких островов, Беломорско-Кулойского плато (Зимнебережный район), Кенозерья и на границе с Канинским поднятием Канино-Тиманского кряжа в районе Шойны (см. рисунок)⁵.

Распределение скоростей Р-волн в кровле верхней мантии и объекты исследований: МВ – Мезенский бассейн, Т – Тиманский кряж, РВ – Печорская плита. Области с различными скоростными параметрами (км/с): 7,8-8,0 – крупные точки, 8,1-8,3 – мелкие точки, 8,4 – темные участки. Темные полосы – район анизотропии скоростей: 8,4 км/с – вдоль полос, 8,1-8,3 км/с – поперек

Соловецкие острова. По всем имеющимся геофизическим данным, в этом районе существует поднятие подошвы земной коры и выступ⁶. С одной точки зрения, это мантийный диапир, а с другой – это поднятие блока коры по глубинному разлому в зоне сочленения Балтийского щита и Мезенской синеклизы. Скорее всего, здесь имеется и то, и другое: мантийный диапир, поднятие которого сопровождается разломами земной коры. Мощность земной коры под архипелагом оценивается от 30 до 40 км, а литосферы в 110–120 км. По материалам ГМТЗ, в нижней части земной коры и самых верхах мантии (сообщение А.А. Ковтун) отмечен слой пониженного до 700 Ом·м сопротивления в диапазоне глубин 30–40 км⁷.

Оценка плотности глубинного теплового потока (КТП), выполненная исходя из имеющихся данных о мощности земной коры и литосферы, тепловых свойствах горных пород региона, показывает, что ее значения должны быть в диапазоне 50–55 мВт/м², что существенно больше, чем на прилегающих территориях. Глубинное тепло верхней мантии доходит здесь до дневной поверхности и фиксируется тепловыми съемками из космоса в виде интенсивной температурной аномалии и, по данным В.И. Горного⁸, аномалии повышенного конвективного теплового потока по разломам в земной коре. Расчетные температуры на подошве земной коры – поверхности Мохоровичича – получены примерно в 450–510 °С при мощности земной коры в 30 км и 600–680 °С при мощности в 40 км.

На большинстве наблюдательных пунктов по побережью и островам Белого моря за период с 1921 по 1980 год определены скорости поднятий в результате вертикальных движений от 0,40 до 5,0 мм/год⁹. На Соловках в период 1924–1980 годов эта скорость в среднем составила 1,05 мм/год. Наибольшие скорости поднятий 3,14–5,05 мм/год зафиксированы западнее и северо-западнее Соловков по берегам Кандалакшского залива. Наименьшие, вплоть до опусканий, установлены восточнее по Зимнему берегу уже в пределах Мезенской синеклизы.

В акватории Белого моря, по имеющимся данным за 1467–1995 годы, зарегистрировано значительное количество ощущавшихся сильных землетрясений, однако район Соловецких островов свободен от эпицентров землетрясений. Практически все землетрясения с магнитудой 4,5–5,0 отмечены западнее и северо-западнее архипелага в Кандалакшском заливе. Все события здесь произошли с глубиной очагов 16–20 км и более. Восточнее островов в Двинской губе и на прилегающей суше зарегистрированы в основном землетрясения с магнитудой менее 4,5 при глубинах очагов до 15 км¹⁰. Очевидно, что архипелаг находится в зоне, разделяющей структуры с разными характеристиками сейсмичности. Возможно, что это связано с развитием мантийного диапира под архипелагом. Обычно в таких ситуациях сейсмичность приурочена к периферии мантийных и внутрикоровых крупных образований.

Приведенные данные показывают, что для территории Соловецких островов характерны уменьшение мощности литосферы и земной коры, развитие мантийного диапира и относительно повышенные значения глубинного теплового по-

тока. Архипелаг находится в зоне глубинных разломов на границе Балтийского щита и Мезенской синеклизы, разделяющей территории с разными скоростями современных движений земной поверхности и характеристиками сейсмичности. Это определяет высокую геодинамическую активность литосферы как в геологическом прошлом, так и в новейшее время.

Геодинамические особенности литосферы архипелага проявляются в развитии экстразональных биоценозов на Большом Соловецком острове, более южных, чем это следует из его широтного положения¹¹. Повышенный тепломассопоток из недр обеспечивает здесь существование ареалов среднетаежной растительности на фоне типичной северной тайги.

Зимнебережный алмазоносный район. Район расположен в западной части Беломорско-Кулойского плато, представляющего собой неотектонический свод с высотами рельефа до 217 м. По данным фото и спектрозональных съемок из космоса, свод выделяется как кольцевая структура диаметром до 150 км, в которую вложены малые кольцевые структуры и которая разбита глубинными разломами разного простирания. По данным В.Н. Широкова, кольцевая структура свода имеет плутоногенное происхождение¹². При этом в западной ее части преобладают вулcano-тектонические образования с алмазоносными диатремами (трубками взрыва), а в восточной – магматогенные эффузивные породы верхнедевонско-среднекарбонового возраста.

Значения теплового потока (КТП), определенные по скважинам глубиной до 700 м, пробуренным на месторождениях имени М.В. Ломоносова и В.П. Гриба, с учетом поправки за палеоклимат составляют 35,0–40,0 мВт/м². Такие значения типичны для древних платформ.

Рассмотрим особенности глубинного строения Зимнебережного алмазоносного района, которые влияют, а часто определяют плотность глубинного теплового потока. Мощность земной коры здесь близка к 40 км¹³, т.е. достаточно велика для платформенных территорий. Глубины до поверхности фундамента на его выступах, к которым приурочены трубки взрыва, – в пределах 0,5–1,2 км¹⁴. Соответственно мощность консолидированной коры около 39 км. Скорость продольных волн в верхней мантии составляет 7,8–8,0 км/с, что свидетельствует о наличии выступа астеносферы под Зимнебережным районом и возможном частичном плавлении пород ниже поверхности Мохоровичича¹⁵. Результаты магнитотеллурических зондирований ГМТЗ показывают¹⁶, что под выступами фундамента в верхней мантии и даже в нижних горизонтах земной коры имеются блоки пород с низкими значениями кажущегося сопротивления около 100 Ом·м, причем эти блоки прослеживаются до глубин 300 км. В соседних с выступами грабенах кажущееся сопротивление пород еще ниже, до 10 Ом·м.

Электрические сопротивления мантийных ультраосновных пород в диапазоне 100–200 Ом·м свидетельствуют о приближении состояния этих пород к солидусу¹⁷, а значения 10 Ом·м – соответствуют их частичному плавлению с долей

расплава до 15%. Этому состоянию отвечает аномалия скоростей в мантии 0,40–0,45 км/с. Близкие к этим значения скоростей и определены для Зимнебережного района на фоне нормальных для верхней мантии 8,1–8,3 км/с и более высоких до 8,4 км/с в восточной части плато. Малой степени плавления пород мантии соответствует и небольшая высота неотектонического поднятия плато чуть более 200 м, обусловленного разуплотнением мантии¹⁸. Для земной коры мощностью 40 км и аномальной мантии с температурой солидуса 1000–1200 °С в первые несколько миллионов лет изменения (рост) температуры происходят главным образом в нижней части коры, а в верхней она остается практически прежней. Только примерно через 15 млн. лет после подхода аномальной мантии к коре в ней достигается режим, близкий к стационарному¹⁹.

Судя по всему, приведенные данные свидетельствуют о развитии рифтового процесса в зоне древнего Кандалакшско-Двинского рифта в новейшее время. Кроме вышеуказанных геофизических данных по глубинному строению это показывает и структура современного рельефа Беломорско-Кулойского плато. В средней своей части оно разделено долиной рек Мегры и Котуги, в плане соответствующей более древней палеодолине, по которой проходит Мегра-Кепинская зона глубинных разломов субмеридионального простирания. Эта долина представляет собой значительное понижение рельефа с отметками 50–110 м на фоне 130–210 м, характерных для повышенных частей плато. Ширина долины составляет до 50 км на севере плато и 30–40 км на юге. В средней части долина сужена до 15 км. Мощность четвертичных отложений в долине превышает 100 м, хотя на прилегающей территории она не более 20–40 м. Именно к этой зоне приурочено сокращение мощности земной коры от 40 км на западе до 32–36 км на востоке, и здесь отмечена наименьшая скорость продольных волн в верхней мантии 7,8–8,0 км/с. При региональном сжатии, доминирующем на Европейском Севере России в результате спрединга в рифтовых долинах срединно-океанических хребтов Гаккеля-Нансена, Мона и Книповича, на самом Беломорско-Кулойском плато определены преобладающие неотектонические напряжения, определяющие условия растяжения в литосфере в направлении запад-восток.

Таким образом, можно считать, что на неотектоническом своде Беломорско-Кулойского плато в настоящее время уже развивается рифтовая долина, и процесс активизации литосферы и распада свода продолжается. Казалось бы, этим данным противоречат низкие значения теплового потока, определенные в западной части свода на месторождениях алмазов. Однако, по данным С.В. Лысак²⁰, на «плечах» современных континентальных рифтов, как правило, отмечаются значения КТП, не превышающие 40 мВт/м². Высокая плотность КТП характерна для рифтовых долин и впадин, зон глубинных разломов. К сожалению, в предполагаемой рифтовой долине Беломорско-Кулойского плато измерения ТП пока не выполнялись.

Кенозерье. По данным бурения, в Кенозерье кристаллические породы счита погружаются к востоку, и на них несогласно залегают осадочные породы протеро-

зоя, венда, девона и карбона. Явно выраженных разрывных нарушений бурением не установлено. Геологической съемкой установлены древние разрывные нарушения, существенно осложняющие строение района. Наиболее древние из них имеют северо-западное простирание. Далее по возрасту идут разломы северо-восточного простирания, а самые молодые – субмеридиональные, сформированные в конце верхнего протерозоя. Судя по конфигурации рукавов Кенозера, озер Свиного и Долгого, разломы северо-восточного и субмеридионального простираний омоложены в новейшее время, и по ним отмечаются значительные смещения рельефа местности и дна водоемов.

Мощность земной коры района – около 40 км. Скорости продольных волн в верхней мантии на щите – 8,1–8,2 км/с, а в прилегающей к нему западной части Мезенской синеклизы – понижены до 7,8–8,0 км/с²¹. Последнее свидетельствует об активизации геодинамических процессов в литосфере на границе щита и платформы.

Достоверные данные о тепловом состоянии литосферы территории в настоящее время отсутствуют. На прилегающих площадях значения кондуктивного теплового потока низкие – до 20 – 30 мВт/м². В то же время по данным интерпретации тепловых космических съемок, любезно предоставленных В.И. Горным, выделены линейные зоны повышенного конвективного теплового потока, продолжающиеся к северо-востоку от Андомской возвышенности с южного побережья Онежского озера. Судя по всему, это свидетельствует об активном выносе тепла из недр по зонам омоложенных глубинных разломов и обеспечивает повышенную теплообеспеченность ландшафтов Кенозерья.

Шойна. В геологическом отношении полуостров Канин представляет собой зону сочленения структур Мезенской синеклизы и самой северо-западной части Канино-Тиманской гряды, представленной здесь Канино-Северотиманским мегавалом. Фундамент перекрывают более молодые, вплоть до современных, осадочные породы мощностью до 2–2,5 км. Глубинный разлом северо-западного простирания, Западно-Тиманский краевой шов, отделяет Мезенскую синеклизу от структур Тимано-Печорской плиты в целом и, в частности, от Канино-Северотиманского мегавала с фундаментом, сформировавшимся в результате байкальской складчатости. Кайнозойский этап развития характеризуется значительными вертикальными перемещениями блоков, достигающими нескольких сотен метров²².

Мощность земной коры Канина, по данным глубинных сейсмических зондирований, находится в пределах 35–38 км. Толщина литосферы (глубина астеносферы), по геотермическим данным, возрастает с севера на юг от 100 до 150 км. Скорости продольных волн по поверхности верхней мантии составляют 7,8–8,0 км/сек²³.

Известно, что на территории севера Мезенской синеклизы, включая большую часть Канина, преобладают современные опускания земной коры. Однако за пе-

риод с 1949 по 1980 год на береговых пунктах наблюдений зафиксированы восходящие вертикальные движения со скоростью 0,19 мм/год на мысе Конушин и 0,51 мм/год в Шойне²⁴. Это свидетельствует об особенностях режима движений земной коры западной части Канина и об увеличении скорости поднятия в северной его части, включающей, очевидно, хребет Канин Камень. Скорее всего, прогибание Мезенской синеклизы идет не монотонно и однонаправлено, сменяясь периодически воздыманием отдельных ее частей, которое мы и наблюдаем в настоящее время. Преобладающее воздымание Канинской части Канинско-Северотиманского мегавала более очевидно в течение всего четвертичного времени²⁵.

Геотермических исследований в буровых скважинах до настоящего времени на Канине не проводилось. Сведения о тепловом состоянии его литосферы получены в результате интерполяции и обобщения данных по прилегающей с юга Мезенской синеклизы и акватории юго-восточной части Баренцева моря²⁶. Значения кондуктивного теплового потока на Канине оцениваются в 40–50 мВт/м² в южной его части, а севернее мыса Конушин в 50–60 мВт/м². По данным Л.В. Подгорных и М.Д. Хуторского²⁷, КТП в северной части Канина может достигать 60–80 мВт/м². Надо отметить, что эти высокие оценки значений КТП вполне вероятны, что подтверждается результатами геотермических исследований дна юго-восточной части Баренцева моря, омывающего северный берег полуострова. Термопрофилирование дна моря с помощью термоволочка²⁸ показало, что придонные температуры у побережья Канина самые высокие в регионе и превышают 5 °С, закономерно снижаясь по направлению к северу и Новой Земле до 0 °С и ниже.

В результате построения тепловой трехмерной модели Баренцевоморского региона, обобщающей материалы геотермических исследований в глубоких скважинах, пробуренных в дне акватории, выявлен «температурный купол»²⁹, характеризующийся максимальными температурами верхней части земной коры, превышающими фоновые до 20–40 °С на глубинах до 5 км. Его апикальная часть приурочена к северной части Канина, а сам купол охватывает, очевидно, весь полуостров и прилегающие части Горла Белого и Чешской губы Баренцева морей. Геотермические градиенты здесь превышают 30 °С/км, что значительно выше, чем на всей прилегающей суше, но характерно для литосферы южной части Баренцева моря.

Таким образом, на изученных на суше границах щита и гряды с синеклизой выделены линейные зоны пониженных скоростей $V_p = 7,8 - 8,0$ км/с в верхней мантии. Это свидетельствует о начавшейся ее активизации. Однако на разных территориях этот процесс охватил либо всю вышележащую земную кору, либо только еще начинается. Проявляется это в развитии сводовых поднятий (Соловки, Беломорско-Кулойское плато), понижении электрического сопротивления пород низов земной коры и верхней мантии в связи с повышением термического режима вплоть до начала плавления (Беломорско-Кулойское плато, Соловки), повышении

в первую очередь конвективного (Соловки, Кенозерье), а далее и кондуктивного теплового потока (Соловки, Шойна).

По проявлению на дневной поверхности, наиболее высокой степени активизации литосфера достигла на Соловках и Беломорско-Кулойского плато. Однако необходимо отметить значительно худшую изученность Кенозерья и Шойны, что требует продолжения исследований.

В последние 10 лет была проведена комплексная оценка экологического состояния ряда охраняемых территорий (Соловков, Кенозерья, Беломорско-Кулойского плато, Шойны и др.). В целом она показала наличие относительно удовлетворительной экологической ситуации на ООПТ. Представляется, что, несмотря на подверженность антропогенному воздействию в течение сотен лет, Соловецкий архипелаг может рассматриваться как эталон удовлетворительного экологического состояния для других территорий Европейского Севера России.

В то же время начало XXI века характеризуется ростом антропогенной нагрузки на ряд особо охраняемых и непосредственно примыкающих к ним территорий. В последние годы на Европейском Севере бурно развивается российский и международный туризм. Потоки туристов и паломников растут с каждым годом. При этом инфраструктура туризма значительно отстает от потребностей. Особенно высокие нагрузки испытывает Соловецкий архипелаг, причем в короткое лето и на ограниченном пространстве, которое занимает сам Соловецкий монастырь и поселок Соловецкий (не более 3% территории). Назрела насущная необходимость разработки и реализации дополнительных туристических маршрутов и удлинения туристического сезона на островах. На Беломорско-Кулойском плато начата разработка месторождений алмазов, а продолжающиеся поиски новых месторождений уже идут на территории Соянского заказника. Не трудно предположить, в чью пользу будет сделан выбор, если будет открыто еще одно месторождение алмазов. Заготовка леса вплотную подступает к границам ООПТ, хотя Пинежский заповедник изначально имеет экологически недостаточную площадь. Зарастает и видоизменяется ряд культурных ландшафтов Кенозерского национального парка.

Не подлежит сомнению необходимость дальнейшего развития сети ООПТ на границе Мезенской синеклизы с Канино-Тиманской грядой и усиления внимания и поддержки уже функционирующих особо ценных территорий региона.

Примечания

¹Костюченко С.Л. Глубинные модели севера Восточно-Европейской платформы и прилегающих районов // Строение литосферы российской части Баренц-региона. Петрозаводск, 2005. С. 80-96; Ширококов В.Н. Некоторые особенности глубинного строения Зимнебережного алмазоносного района // Разведка и охрана недр. 1997. № 5. С. 21-25.

²Цыбуля Л.А., Левашкевич В.Г. Тепловое поле Баренцевоморского региона. Апатиты, 1992; Подгорных Л.В., Хуторской М.Д. Тепловая трехмерная модель Баренцево-Карского региона // Российская Арктика: геологическая история, минерагения, геоэкология. СПб.,

2002. С. 184-192; Региональные геотермические исследования в юго-восточной части Баренцева моря / В.В. Суетнов [и др.] // Геотермические исследования на дне акваторий. М., 1988. С. 68-71.

³Горный В.И. Геодинамика Восточно-Европейской и Западно-Сибирской платформ (по данным дистанционного геотермического метода) // Региональная геология и металлогения. СПб., 2000. № 12. С. 76-86.

⁴Юдахин Ф.Н., Французова В.И. Сейсмичность Севера европейской части России // Поморье в Баренц-регионе на рубеже веков: экология, экономика, культура. Архангельск. 2000. С. 276-277; Гидрометеорология и гидрохимия морей СССР. Л., 1991. Т. II: Белое море. Вып. 1: Гидрометеорологические условия.

⁵Костюченко С.Л. Указ. соч.

⁶Природная среда Соловецкого архипелага в условиях меняющегося климата / под ред. Ю.Г. Шварцмана, И.Н. Болотова. Екатеринбург, 2007.

⁷Там же.

⁸Там же.

⁹Гидрометеорология и гидрохимия...

¹⁰Юдахин Ф.Н., Французова В.И. Указ. соч.

¹¹Природная среда...

¹²Широбоков В.Н. Указ. соч.

¹³Костюченко С.Л. Указ. соч.

¹⁴Широбоков В.Н. Указ. соч.

¹⁵Костюченко С.Л. Указ. соч.

¹⁶Широбоков В.Н. Указ. соч.

¹⁷Геофизическая модель тектоносферы Европы / В.Б. Бурьянов [и др.]. Киев, 1987.

¹⁸Артюшков Е.В. Физическая тектоника. М., 1993.

¹⁹Там же.

²⁰Лысак С.В. Тепловой поток континентальных рифтовых зон. Новосибирск, 1988.

²¹Костюченко С.Л. Указ. соч.

²²Гецен В.Г. Тектоника Тимана. Л., 1987.

²³Костюченко С.Л. Указ. соч.

²⁴Гидрометеорология и гидрохимия...

²⁵Гецен В.Г. Указ. соч.

²⁶Подгорных Л.В., Хуторской М.Д. Указ. соч.; Региональные геотермические исследования...; Геофизическая модель...

²⁷Подгорных Л.В., Хуторской М.Д. Указ. соч.

²⁸Региональные геотермические исследования...

²⁹Подгорных Л.В., Хуторской М.Д. Указ. соч.

**Историко-культурные и природные процессы
формирования этнокультурного ландшафта
Кенозерья: история и современные тенденции**

*Т.Я. Воробьёва, Л.С. Широкова, С.И. Климов,
О.Ю. Морева, С.А. Забелина, Е.И. Собко,
Н.В. Шорина, А.В. Чупаков, О.С. Покровский
(г. Архангельск)*

СОВРЕМЕННОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ОЗЕР ЮЖНОЙ ЧАСТИ КЕНОЗЕРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА*

Экологическое состояние водных экосистем Европейского Севера России в условиях возрастающего антропогенного воздействия характеризуется их повышенной уязвимостью и ограниченной способностью к самоочищению. Нарушение равновесия между биотическими и абиотическими составляющими озерных экосистем приводит к ухудшению качества воды, падению их продуктивности, а также снижению их рыбохозяйственного значения, что может повлечь за собой необратимые негативные процессы. Одним из подходов в изучении экосистем является изучение основных процессов в водоемах региональных фоновых районов, где влияние техногенных факторов не столь очевидно, однако их продолжительные воздействия могут повлечь за собой необратимые последствия.

Озера Кенозерского национального парка – представители относительно ненарушенных водных экосистем Архангельской области, которые могут служить индикаторами долговременных изменений водных объектов под влиянием изменения климата и антропогенной нагрузки.

Цель исследований – оценка экологического состояния экосистем озер Вильно, Масельгское и Лекшмозеро Кенозерского национального парка на основе данных комплексного гидролого-гидрохимического и гидробиологического анализов.

Кенозерский национальный парк (юго-западная часть Архангельской области, подзона средней тайги) охватывает территории, уникальные по-своему местоположению и природным характеристикам. Здесь проходит граница Балтийского кристаллического щита и Русской платформы, водораздел между бассейнами Белого и Балтийского морей, с чем связано своеобразие гидрологической сети. Территория парка имеет нетипичную для территорий водоразделов развитую гидрографическую сеть и насчитывает около 150 различных по площади озер¹.

Материалы и методы. В данной работе представлены результаты гидролого-гидрохимических исследований озер, проведенных в периоды зимней и летней стагнации 2007–2008 годов, находящихся в начале водосбора и относящихся к разным бассейнам. Бассейн озера Масельгского входит в водосборный бассейн Балтийского моря, озера Лекшмозеро и Вильно являются частью водосборных бассейнов левых притоков реки Онеги, впадающих в Онежский залив Белого моря².

© Воробьёва Т.Я., Широкова Л.С., Климов С.И. и др., 2011

*Исследования выполнены при финансовой поддержке РФФИ (грант № 08-05-98810).

Схема расположения станций представлена на рисунке 1.

Рис. 1. Схема расположения станций: • – постоянные комплексные; + – разовые

Пробы отбирались послойно в соответствии с вертикальной стратификацией гидролого-гидрохимических показателей. Морфометрические характеристики озер оценивались по батиметрической съемке с помощью эхолота с координатной привязкой по GPS. Площади водосбора озер оценивались по километровой карте, сток с водосбора – по среднегодовому расходу и площади водосбора реки Онеги³. Гидрологические исследования велись с применением погружного мультипараметрического зонда STD-90. В пробах воды проводили измерение pH, электропроводности, концентрации растворенного кислорода. Для определения содержания растворенного органического углерода ($C_{\text{орг}}$) использовали фильтрацию через ацетат-целлюлозные фильтры 0,22 микрон. Во всех фильтрованных пробах проводились измерения $C_{\text{орг}}$ с использованием Shimadzu TOC 5000 (погрешность измерений $\pm 2\%$, предел обнаружения 0,12 мг/л). Определение содержания (общего фосфора ($P_{\text{общ}}$) и азота ($N_{\text{общ}}$), минерального фосфора (PO_4^-), нитритного (NO_2^-), нитратного (NO_3^-) и аммонийного азота (NH_4^+), легко окисляемых органических веществ (BPK_5), железа (общего растворенного ($Fe_{\text{общ}}$), закисной (Fe^{+2}) и валовой форм ($Fe_{\text{вал}}$)) по реакции с орто-фенантролином проводились по стандартным методикам⁴.

Отбор проб воды для гидробиологических анализов проводился по стандарт-

ным методикам⁵ с разных горизонтов. Количественные пробы фитопланктона фиксировали раствором Люголя и концентрировали отстойным методом. Пробы зоопланктона отбирали сетью Апштейна (газ № 74) и фиксировали формалином. Определялся видовой состав фито- и зоопланктона, их численность и биомасса⁶. Определение фотосинтетических пигментов проводилось стандартным спектрофотометрическим методом (ГОСТ 17.1.04.02-90)⁷.

Микробиологические исследования включали: определение количества эвтрофных бактерий (ЭБ) на рыбопептонном агаре (РПА), факультативно-олиготрофных бактерий (ФОБ) на среде Горбенко (РПА:10), олиготрофных бактерий (ОБ) на голодном агаре⁸. Определение интенсивности продукционно-деструкционных процессов проводилось стандартным методом Винберга⁹. Особенности формирования гидролого-гидрохимических режимов озер обусловлены факторами, связанными с их морфометрическими и гидрографическими характеристиками. Исследуемые озера являются верховыми, относятся к сточным водоемам с низким коэффициентом условного водообмена и малым удельным водосбором (табл. 1)¹⁰. Масельгское и Вильно относятся к малым озерам.

Лекшмозеро – второй по величине водоем на территории Кенозерского национального парка и пятый на водосборе реки Онеги. Форма котловины близка к овальной. Береговая линия изрезана очень слабо. Дно ровное без резких перепадов глубин. Район больших глубин вытянут в виде борозды, смещенной к восточному берегу.

Таблица 1

Морфометрические и гидрографические характеристики озер Лекшмозеро, Масельгское, Вильно

Характеристика	Озеро		
	Лекшмозеро	Масельгское	Вильно
Длина, км	12,6	6,5	3,0
Наибольшая ширина, км	6	1,0	1,4
Средняя глубина, м	5,9	2,9	2,3
Максимальная глубина, м	25,0	20,0	6,0
Площадь зеркала озера, км ²	53,8	3,44	2,70
Длина береговой линии, м	31,2	18,4	11,2
Объем озера, км ³	0,316	0,01013	0,00577
Площадь водосбора, км ²	197	15,0	9,72
Среднегодовой сток с водосбора, км ³	0,05964	0,00454	0,00294
Удельный водосбор	3,7	4,4	3,8
Условный водообмен	0,19	0,45	0,49

Озеро Масельгское – узкий по форме водоем со слабо изрезанной береговой линией, вытянутый в северо-западном направлении. Южная часть озера мелко-

водна, наибольшие глубины расположены в северо-восточной и относительно изолированной северо-западной (на картах часто обозначаемая как озеро Пежихерье ст. П) частях озера. Для рельефа его дна характерно чередование отмелей и понижений. Зарастаемость высшей водной растительностью составляет менее 10% от общей площади. Высокие и сухие берега окаймляют озеро на севере и востоке, на западе они низкие, местами заболоченные.

Озеро Вильно примыкает к восточному берегу озера Масельгского на расстоянии около 300 м. Озера разделены узкой каменной грядой «Масельга», являющейся водоразделом между бассейнами Белого и Балтийского морей. Дно озера плоское без значительных понижений с постепенным свалом глубин. Береговая линия развита слабо. Зарастаемость акватории озера менее – 1%¹¹.

Исследуемые озера расположены в зоне избыточного увлажнения и преобладающая роль в их питании принадлежит атмосферным осадкам, что при малой площади водосбора делает их маломинерализованными. Вода относится к гидрокарбонатному классу кальциевой группы.

В периоды исследований значения электропроводности были в целом выровнены по всему водному слою: озеро Вильно – 51,5–67,8 мкСм/см; Масельгское – 44,4–56,3 мкСм/см, Лекшмозеро – 85,8–109,5 мкСм/см, кроме придонных горизонтов глубоководных станций озер Масельгского и Лекшмозеро, где показатели достигали 98,6 и 123,1 мкСм/см соответственно. Максимальные значения электропроводности до 244,1 мкСм/см зафиксированы на литорали в зарослях макрофитов. Невысокие концентрации гидрокарбонатных ионов для озер Масельгского и Вильно – 19,3–32,1 мг/л (только в придонных горизонтах наблюдается повышение до 96,2 мг/л) отражают влияние литологии подстилающих пород, т.к. воды, питающие озера, контактируют с силикатными породами (гранитной мореной). Для Лекшмозера концентрации гидрокарбонатных ионов были в пределах 63,1–74,8 мг/л, в зарослях макрофитов повышались до 135,1 мг/л. Повышение концентрации гидрокарбонатных ионов в Лекшмозере в сравнении с остальными исследуемыми озерами связано с тем, что подстилающие породы представлены в основном известняками и доломитами.

Изучение термического режима показало, что по летней стратификации вод озера Масельгское и Лекшмозеро относятся к метатермическому, Пежихерье – к гипотермическому, Вильно – к эпитермическому типам. В летний период поверхностный слой воды в озерах прогревается до 18–22 °С. В южной мелководной части озера Масельгского (ст. М2) и в озере Вильно воды перемешаны или слабо стратифицированы, но отмечался резкий скачок температуры в придонном слое, обусловленный охлаждающим действием донных осадков. В придонном слое глубоководной части озера Масельгского (ст. М1) температура воды в летний период исследований 2007–2008 годов изменялась в диапазоне 5,5–6,9 °С, в озере Пежихерье – 5,0–5,7 °С, в Лекшмозере – 10,6–13,5 °С. Слой температурного скачка отмечался в Масельгском на глубинах 4–11 м, в Пежихерье – 4–8 м, в Лекшмозе-

ро – 8–15 м. В зимний период в озере Вильно отмечается обратная, практически линейная стратификация с температурами у дна 4,1–4,9 °С, в Лекшмозере и Пежихерье воды также стратифицированы во всем слое с придонной температурой 3,2–4,8 °С и 3,7–4,2 °С соответственно. В Масельском стратификация выражена в подледном и придонном слоях с температурами у дна 2,9–3,5 °С, а в слое 5–17 м стратификация вод близка к нейтральной.

Активная реакция среды характеризуется в основном как нейтральная (в толще водного столба в июле на глубоководной части озера Масельского изменяется от 6,4 в придонном слое до 7,1 в поверхностном, зимой – от 6,4 до 6,7 соответственно, на мелководье рН среды в летнюю и зимнюю межени изменяется от 6,8 до 7,2). В Лекшмозере рН летом изменится от 7,2 в придонном слое до 8,2 в поверхностном, зимой – от 6,5 до 7,2 соответственно. Воды озер имеют достаточно высокую прозрачность (летом до 3,8 м – Масельское, до 2,8 м – Вильно и до 4,6 м – Лекшмозере).

В периоды зимней и летней стагнации наблюдаются выраженные послойные неоднородности в содержании растворенного кислорода на глубоководных станциях. В глубоководной части озера Масельского четко выражен придонный анаэробный слой, содержание растворенного кислорода уменьшается по профилю водной толщи летом от 8,90–9,20 мгО₂/л (92–104% насыщения) до 0,16 мгО₂/л (1%) и зимой от 9,62–12,13 мгО₂/л (68–86%) до 0,07–0,12 мгО₂/л (0,5–1%). Концентрации ниже 33–34% насыщения наблюдались зимой с 7–10 м и летом с 12 м. В озере Пежихерье анаэробный слой менее выражен: зимой содержание растворенного кислорода по профилю постепенно снижается и на глубине 14–18 м составляет 1,90–2,12 мгО₂/л (15–16%), летом только в придонном горизонте резко падает до 0,16 мгО₂/л (1%). Вероятно, это связано с меньшей долей мелководий в озере Пежихерье, а также меньшим влиянием донных осадков на гидрохимический режим вод. Летом в Лекшмозере анаэробный слой слабо выражен: содержание растворенного кислорода уменьшалось по вертикали от 10,56–4,66 мгО₂/л (от 117 до 42%) и только в придонном слое (0–0,5 м от дна) падает до 0,20 мгО₂/л (2%). Зимой анаэробный слой более выражен: на 20 м отмечено содержание растворенного кислорода 2,61 мгО₂/л (20%), а глубже 21–24 м – падает ниже 1 мгО₂/л (11–0,4%). Мелководные районы озер характеризуются благоприятным кислородным режимом: летом концентрация растворенного кислорода составила 6,38–9,57 мгО₂/л (66–108%), зимой 7,90–12,50 мгО₂/л (58–88%).

Содержание легкоокисляемых органических веществ (по БПК₅) в целом в исследуемых объектах незначительно (до 1 мгО₂/л), лишь в эпилимнионе озера Масельского в летнюю стагнацию отмечены значения БПК₅, превышающие 2 мгО₂/л.

Содержание биогенных элементов является одним из важных факторов для оценки состояния и функционирования водных экосистем, поскольку они входят в биогеохимические круговороты многих веществ и, с одной стороны, являются компонентами живых организмов, а с другой – присутствуют в среде обитания

и лимитируют интенсивность биосинтеза. Как известно, важнейшими биогенными элементами являются фосфор и азот, обуславливающие евтрофирование водоемов.

Воды исследуемых озер характеризуются низким содержанием PO_4^- , его концентрация в основном не превышала 14,0 мкг/л, за исключением придонных горизонтов глубоководных станций, где отмечены максимальные значения, достигающие до 42,0 мкг/л (табл. 2). Минимальному содержанию PO_4^- в поверхностном горизонте соответствуют минимальные концентрации $\text{Fe}_{\text{общ}}$ (до 0,05 мг/л в озерах Вильно и Пежихерье; до 0,10 мг/л в Масельском, до 0,03 мг/л в Лекшмозере). В озере Масельском резкое увеличение содержания железа до 5-6 мг/л в придонном слое в зимний период происходит в основном за счет закисной формы Fe^{+2} (до 3-4 мг/л). В озерах Вильно и Лекшмозере также наблюдается преобладание закисных форм железа в придонном анаэробном слое (в Лекшмозере – до 0,3–0,4 мг/л; в Вильно – до 0,05 мг/л). Преобладанию закисного железа и PO_4^- способствуют анаэробные условия придонного слоя и благоприятные условия выхода железа и фосфора из донных отложений. Летом во всех исследуемых озерах возрастает доля взвешенной формы железа от поверхности ко дну (в Масельском – до 2 мг/л; в Лекшмозере – до 0,5 мг/л; в Вильно – до 0,4 мг/л), что может быть связано с внутриводоемными процессами.

Таблица 2

**Содержание минеральных и общих форм фосфора и азота
в воде озер в 2007 – 2008 годах, мкг/л***

Озеро	PO_4^-	$\text{P}_{\text{общ}}$	$\text{N}_{\text{мин}}$	$\text{N}_{\text{общ}}$
Зимняя стагнация				
Лекшмозеро	<u>3,2–42,0</u> 9,6	<u>11,7–164,3</u> 29,4	<u>87,8–661,8</u> 203,9	–
Масельское	<u>0,9–28,9</u> 8,9	<u>9,0–37,3</u> 29,2	<u>224,2–837,3</u> 409,8	–
Пежихерье	<u>0,5–24,0</u> 5,6	<u>15,8–54,6</u> 33,9	<u>231,9–778,3</u> 429,3	–
Вильно	<u>0,0–6,3</u> 3,1	<u>12,2–22,0</u> 18,0	<u>190,6–279,0</u> 236,2	–
Летняя стагнация				
Лекшмозеро	<u>2,71–16,3</u> 7,7	<u>20,1–60,3</u> 32,6	<u>22,31–234,5</u> 88,9	<u>373,8–624,9</u> 457,7
Масельское	<u>2,7–24,0</u> 9,1	<u>13,5–52,6</u> 26,8	<u>41,2–592,4</u> 261,2	<u>372,0–925,8</u> 598,6
Пежихерье	<u>0,0–6,8</u> 2,7	<u>11,3–40,2</u> 21,5	<u>81,4–391,3</u> 216,6	<u>144,0–671,9</u> 452,4
Вильно	<u>2,3–5,9</u> 4,3	<u>10,8–37,3</u> 20,5	<u>34,9–142,9</u> 131,4	<u>441,2–480,9</u> 465,9

* В числителе – min–max, в знаменателе – среднее значение.

Концентрация $P_{\text{общ}}$ в основном колеблется от 9,0 до 54,6 мкг/л, а в зарослях макрофитов достигает значений 164,3 мкг/л, что свидетельствует о его достаточном количестве для протекания продукционных процессов в исследуемых водоемах. Однако в конце зимней межени в эпилимнионе на долю PO_4^- приходится не более 29% его валового количества. Невысокие концентрации фосфатов, преобладание органической формы фосфора свидетельствуют о незавершенности процессов минерализации органических веществ, что может приводить к их накоплению в донных осадках.

Из минеральных соединений азота почти всегда преобладают NO_3^- , а NO_2^- всегда очень мало. Только в конце зимней стагнации в придонном анаэробном слое концентрация NO_2^- возрастает, но не превышает 10,4 мкг N/л для Лекшмозера, 9,8 мкг N/л – для Масельгского и 7,8 мкг N/л – для Вильно. Аммонийный азот в озере Масельгском до 6 – 10 м по профилю водной толщи варьировал в пределах 17,7 – 72,3 мкг N/л, но в придонных слоях его концентрация увеличивалась до 784,6 мкг N/л зимой и до 382,3 мкг N/л летом. Содержание NH_4^+ в Лекшмозере до 15 м находилось в пределах 15,7 – 68,5 мкг N/л, в придонных горизонтах концентрация увеличивалась до 556,3 мкг N/л зимой и до 129,3 мкг N/л летом. В мелководном озере Вильно содержание NH_4^+ вне зависимости от сезона – 14,8 – 52,9 мкг N/л, содержание NO_3^- летом варьируется в пределах 11,8 – 110,7 мкг N/л, зимой содержание более стабильно – 106,7 – 275,0 мкг N/л. Динамика распределения биогенных элементов в озере Вильно сходна с их распределением в южной мелководной части озера Масельгского. На рисунке 2 представлено вертикальное распределение соотношения $N_{\text{мин}}$ на глубоководных станциях в 2008 году. Содержание $N_{\text{общ}}$ в исследуемых озерах в летнюю стагнацию достигало 925,8 мкг N/л. Количество $N_{\text{орг}}$ в эпилимнионе озер летом было достаточно высоким и составляло 61 – 75% от $N_{\text{общ}}$, уменьшаясь в гипolimнионе до 31%. Соотношение $N_{\text{мин}}/PO_4^-$ для исследованных озер в трофических слоях было в пределах от 6 до 141, что свидетельствует о лимитирующей роли фосфора в развитии фитопланктона. Трофический же статус водоемов определяется развитием фитопланктона, существенное воздействие на который может оказывать зоопланктон за счет его потребления.

Численность и биомасса фитопланктона в июле 2007 года в фотическом слое водного столба для Лекшмозера находилась в пределах 1228 – 3174 тыс. кл/л и 566 – 1655 мкг/л; для озера Масельгского – 13356 – 17314 тыс. кл/л и 659 – 1303 мкг/л; для озера Вильно – 8565 – 15535 тыс. кл/л и 1139 – 2775 мкг/л соответственно. В исследованных озерах по численности от 67 до 96% доминировали сине-зеленые водоросли; по биомассе преобладал комплекс таксонов сине-зеленых, пирифитовых, диатомовых и зеленых водорослей на глубине до 4 – 5 м, и увеличивалась биомасса до 40 – 73% диатомовых на глубинах 12 – 17 м. Таким образом, в летнем периоде большую роль играют сине-зеленые водоросли. Преобладающим видом в озерах Масельгском и Вильно являлась *Aphanocapsa delicatissima* W. et G.S. West, а в Лекшмозере доминировали *Gloeo-trichia echinulata* (J.E. Smith et Sowerby)

P. Richt и *Aphanocapsa delicatissima* W. et G.S. West¹². Средние концентрации хлорофилла «а» в исследуемых озерах в период летней стагнации находятся в пределах 1,85–2,53 мкг/л. Между численностью фитопланктона и содержанием хлорофилла «а» выявлена тесная корреляционная связь ($R=0,946$, $p<0,01$). Индексы видового разнообразия 430/664 и индекс физиологического состояния 480/664 по пигментным показателям находятся в свойственных для лимнических экосистем пределах.

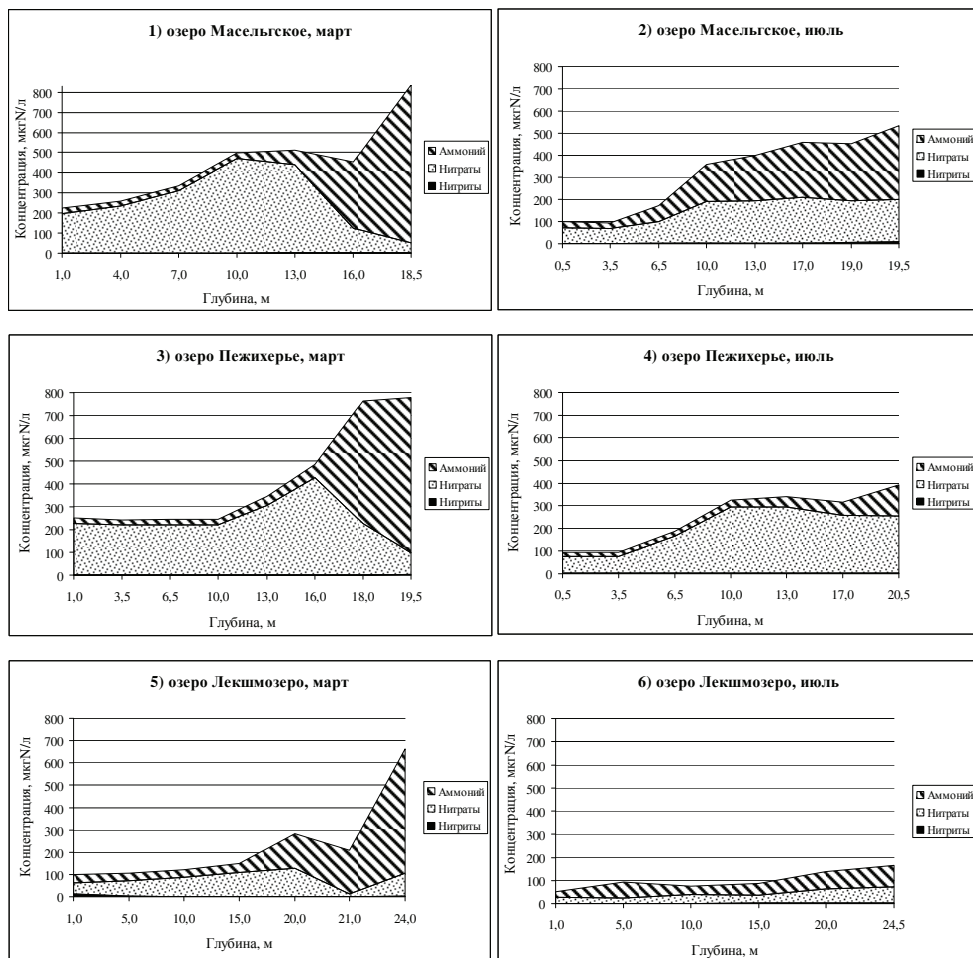

Рис. 2. Вертикальное распределение соотношения неорганических форм азота на глубоководных станциях в зимнюю и летнюю стагнацию в 2008 году

В зоопланктонных сообществах озер преобладают крупные фильтраторы, составляющие до 90% от общей численности. По биомассе преобладают ветвистые и веслоногие ракообразные: эвдиатомусы, мезоциклопы, дафнии, босмины, являющиеся кормовыми объектами для рыб-планктофагов. Соотношение групп в общей численности зоопланктона носит копеподно-клагоцерный характер с преобладанием копепод по всей акватории озер.

Важным показателем состояния экосистемы является соотношение продукционно-деструкционных процессов. Сезонные исследования интенсивности продукционно-деструкционных процессов (на примере зимней и летней межени 2008 г.) выявили интенсивное образование органического вещества в летний период. Так, на глубоководных станциях озер Масельского и Лекшмозеро в летний период образование органического вещества происходило со скоростью 486,8 и 124 мгС/м³ соответственно. Деструкция органического вещества протекала как в летний (122,7 мгС/м³ в Лекшмозере и 67,4 мгС/м³ в Масельском), так и в зимний периоды (51,6 мгС/м³ в Лекшмозере и 36,1 мгС/м³ в Масельском). В период зимней стагнации отмечено замедление продукционно-деструкционных процессов. Коэффициент самоочищения в летний период в озере Масельском составил 7, в то время как в Лекшмозере наблюдался баланс между образованием и деструкцией органического вещества (коэффициент самоочищения – 1).

Распределение показателей первичной продукции и деструкции органического вещества по вертикали в фотической зоне характеризуется усилением деструкционных и ослаблением продукционных процессов с глубиной. В озере Масельском, характеризующемся четко выраженным гипolimнионом с дефицитом кислорода, продукционные процессы ограничены глубиной фотического слоя, аэробная деструкция органического вещества играет незначительную роль. Соотношение продукционно-деструкционных процессов свидетельствует об идущих процессах самоочищения в озерах, однако не все экосистемы способны к полной деградации образованного органического вещества, в частности озеро Масельское, что указывает на процессы эвтрофирования озерных систем.

Изучение распределения растворенного органического углерода в озерах Кенозерского национального парка выявило его максимальные концентрации в озере Масельском; содержание $C_{орг}$ варьировалось по глубине столба в пределах 8,5–15,4 мг/л. Здесь отмечена тенденция накопления органического вещества с глубиной, что подтверждается интенсивностью и соотношением продукционно-деструкционных процессов, рассмотренных выше. В озере Вильно содержание данного показателя составило 8,9–9,1 мг/л. Лекшмозеро характеризуется минимальными концентрациями растворенного углерода, которые незначительно уменьшаются с глубиной от 5,6–5,8 мг/л в первых 6 м слоя до 5,2 мг/л в придонном горизонте. Очевидно, такое уменьшение содержания растворенного углерода с глубиной в Лекшмозере обусловлено его минерализацией в ходе бактериальной деструкции ниже фотического слоя и уменьшения концентрации фитопланктона

с глубиной¹³.

Сезонные вариации растворенного органического углерода (РОУ) свидетельствуют об его активном образовании в летний период, что подтверждается исследованиями активности фитопланктонного сообщества во всех озерах. Зимой показатели РОУ, как правило, ниже, чем летом. По средним концентрациям РОУ за период исследований изученные озера образуют следующий ряд: Лекшмозеро (5,7 мг/л) ≤ Вильно (9,1 мг/л) ≤ Масельгское (11,0 мг/л).

Исследование количественного содержания различных эколого-трофических групп гетеротрофных бактерий в воде озер показало их высокую сезонную и межгодовую вариабельность. В целом, их количество было невысоким. Так, в зимние периоды 2007 – 2008 годов средние по толщине водного столба показатели численности ЭБ варьировались от 5 до 170 КОЕ/мл, ФОБ – от 13 до 240 КОЕ/мл, ОБ – от 7 до 240 КОЕ/мл. В летний период колебания численности составили для ЭБ – 90–210 КОЕ/мл, ФОБ – 100–1730 КОЕ/мл, ОБ – 110–4040 КОЕ/мл. Максимальные концентрации гетеротрофного бактериопланктона наблюдались в июле 2007 года, минимальные – в марте 2008 года.

Итак, комплексная оценка состояния экосистем озер по содержанию биогенных элементов, хлорофилла «а», качественным и количественным характеристикам фито- и зоопланктона, численности гетеротрофного бактериопланктона показала, что в целом, экологическое состояние озер Масельгского, Вильно, Лекшмозера можно оценить как стабильное. Гидробионты находятся в активном состоянии, реагируя на изменения биотических и абиотических условий, тем самым поддерживая экосистемы в состоянии экологического равновесия. Основным лимитирующим фактором в развитии фитопланктона является фосфор.

Содержание биогенных веществ $P_{\text{общ}}$ и $N_{\text{общ}}$ в поверхностном слое озерных вод оказалось стабильным и в периоды стагнации соответствует мезотрофному статусу водоема, что согласуется с полученными нами биологическими характеристиками (величинам первичной продукции, содержанию хлорофилла «а» и общего органического углерода, данным по биомассе фитопланктона) исследуемых озер. По содержанию органического углерода исследуемые экосистемы можно отнести к верхней границе мезотрофного и нижней границе эвтрофного статуса.

Однако существуют локальные зоны в придонных горизонтах глубоководных частей озера Масельгского и Лекшмозера (период зимней стагнации), где в периоды стагнации формируются области дефицита кислорода, обусловленные его расходом на деструкционные процессы, что благоприятствует поступлению минеральных соединений фосфора, азота и закисных форм железа из донных отложений.

Примечания

¹³Филенко Р.А. Гидрологическое районирование Севера Европейской части СССР. Л., 1974.

²Там же.

³Гидрометеорология и гидрохимия морей СССР. Л., 1991. Т. 2: Белое море, вып. 1: Гидрометеорологические условия. С. 240.

⁴Руководство по химическому анализу морских и пресных вод при экологическом мониторинге рыбохозяйственных водоемов и перспективных для промысла районов Мирового океана. М., 2003; Методика выполнения измерений массовой концентрации нитрат-ионов в природных и сточных водах фотометрическим методом с салициловой кислотой. ПНД Ф 14.1:2.2.4-95. М., 1995.

⁵Руководство по гидробиологическому мониторингу пресноводных экосистем / под ред. В.А. Абакумова. СПб., 1992.

⁶Там же.

⁷ГОСТ 17.1.04.02-90. Вода. Методика спектрофотометрического определения хлорофилла «а». М., 1991.

⁸Кузнецов С.И., Дубинина Г.А. Методы изучения водных микроорганизмов. М., 1989.

⁹Руководство по гидробиологическому мониторингу пресноводных экосистем; Винберг Г.Г. Первичная продукция водоемов. Минск, 1960.

¹⁰Григорьев С.В. О некоторых определениях и показателях в озероведении // Труды Карельского филиала АН СССР. 1959. Вып. 18. С. 29-45.

¹¹Козьмин А.К., Шатова В.В. Озера Кенозерского национального парка. Архангельск, 1999.

¹²Морева О.Ю., Воробьева Т.Я. Взаимосвязь биогенных элементов с численностью фитопланктона озер южной части Кенозерского национального парка // Северные территории России: проблемы и перспективы развития. Архангельск, 2008. С. 922-925.

¹³Забелина С.А., Воробьева Т.Я., Широкова Л.С. Микробиологические аспекты процессов самоочищения озер южной части Кенозерского национального парка // Проблемы региональной экологии в условиях устойчивого развития. Киров, 2007. С. 192-195.

МОДУЛИРОВАНИЕ ПРИРОДНОГО ПРОСТРАНСТВА КЕНОЗЕРЬЯ

Когда речь идет о природном ландшафте, безусловно, имеют место и эмоции, и настроение, обусловленные состоянием зрителя, временем года, климатом, освещенностью местности и пр., но, прежде всего, важно понять, в чем заключаются объективные качества ландшафта и каковы допустимые вмешательства человека, исключающие разрушительные преобразования.

Существуют две группы характеристик ландшафта: 1) характеристики элементного (нюансного) разнообразия – цвет, текстура, тон, оказывающие психолого-эстетическое воздействие на человека; 2) характеристики компонентного (структурного) разнообразия – строение рельефа, плотность речной сети, размер и конфигурация поверхности вод, антропогенные компоненты (постройки, инфраструктура).

Для территории Кенозерского национального парка при развитии системы землепользования, размещении центров обслуживания туристов, баз отдыха, в других случаях взаимодействия человека и природы для целенаправленной эволюции ландшафта важно исследовать морфологию территории, такие ее свойства, как деление, присоединение, мутация.

Выявлению композиционных свойств природного пространства предшествует анализ его объемно-пространственной структуры, определение тектоники, масштабности, ритма и метра, контраста и нюанса, симметрии и асимметрии форм.

При восприятии конструктивных (рельефных) свойств ландшафта человек руководствуется характеристиками – размерность (сопоставимая с возможностями восприятия), конфигурация (влияющая на представление о «живописности»), ритмичность, тектоничность, композиционность (влияющие на понятие «масштаб», «индивидуальность»).

Перечисленные характеристики морфологических и композиционных свойств пространства нами предлагается принять за методическую основу графического анализа территории, когда разнообразие форм, четкость их конфигурации могут быть выявлены путем генерализации направлений осей и размеров форм рельефа; когда ограниченное число генерализованных направлений распространяется в виде планировочной сетки на характерные для этих направлений зоны; когда совокупность ячеек планировочной сетки приводится в соответствие с размерами форм рельефа и принимается за единицу измерения пространства. Метод анализа заключается в графическом обобщении форм рельефа, разложении направлений форм рельефа на основные и второстепенные; в последующих математических действиях с отобранными направлениями; в получении планировочной (модульной) сетки, ко-

торая и закладывает планировочно-пространственную (модульную) структуру. Впервые данный метод был разработан нами в 60-х годах прошлого века и апробирован при проектировании городов Тольятти, Находка и др.¹

Для условий Кенозерского национального парка, где очевидно преобладание природной среды над антропогенной, градостроительной, нами предлагается модификация упомянутого метода с детализацией ландшафтной составляющей процесса модулирования территории.

Как самостоятельный объект природно-пространственная среда в этом случае может быть представлена:

- системой обобщенных свойств, характеризующих территорию, на которую распространяется воздействие инженерно-коммуникационной инфраструктуры;

- системой более детальных свойств локальной пространственной зоны, с которой взаимодействует сеть поселений, а также физиологические возможности зрительного восприятия;

- системой свойств участка территории, с которой постройки, сооружения, а также пешеходная сеть вступают в непосредственный физический контакт.

На уровне анализа крупной территории (площадью более 5 км²) первостепенное значение приобретают пространственные оси, а также формы рельефа – водоразделы, подошвы гор, плотность сети рек, ручьев. На уровне ландшафтных зон (1-5 км²) большое значение имеет степень разнообразия элементов рельефа, пластика, т.е. все, что связано со зрительным восприятием. На уровне участка (до 1 км²) основное значение приобретает соотношение параметров (высота, длина) архитектурных сооружений с соседствующими вертикальными отметками рельефа, а также с его образными характеристиками, способными оказать воздействие на творческий процесс установления их взаимосвязи.

Соответственно трем уровням рассмотрения природного пространства и их характеристикам в науке о морфологии пространственного анализа используются три модели:

- модель планировочной структуры территории, которая может стать полем физического воздействия территории на сеть коммуникаций, инженерных сетей;

- модель визуальной структуры зоны природного пространства, в которой контактируют элементы ландшафта, а также элементы расселения, комплексы зданий;

- модель объемно-планировочной структуры участка, где тесно взаимодействуют естественные и искусственные элементы – ландшафта и застройки.

Каждая из трех моделей имеет специфику, обусловленную объектом и методом анализа. Однако, существует объединяющий их набор компонентов (оси, зоны, акценты), что позволяет, в конечном счете, унифицировать ряд операций по формализации характеристик рельефа.

Методика каждой модели включает один подготовительный и три основных этапа, которые мы проиллюстрируем на примере наиболее живописной части

плесецкого сектора Кенозерского национального парка – побережья Кенозера, включая озеро Свиное:

Подготовительный этап. На иллюстрации 1 приведен исходный анализируемый фрагмент карты Кенозерья, а на иллюстрациях 2а, 3а, 4а проведена разгрузка карты с сохранением характеристик рельефа.

Первый этап – генерализация, обобщение направлений осей отрицательных форм рельефа, таких как долины, акватории, тальвеги (ил. 2б, 3б, 4б).

Второй этап – генерализация направлений – осей водоразделов или положительных форм рельефа – подошв холмов, высот сопок, гор, плато (ил. 2в, 3в, 4в).

Третий этап – формирование модульной сетки и главного модуля природного пространства (ил. 2г, 3г, 4г).

Перечисленные этапы (подготовительный и три основных) анализа рельефа, представляют собой в нашем изложении законченный цикл – модулирование, начало которого характеризуется нахождением границ и форм природного пространства, а завершение включает типизацию и условное формализованное выражение в виде совокупного сочетания первичных ячеек – модулей.

Рассмотрим вкратце особенности каждой из трех моделей анализа природного пространств.

I цикл – модулирование территории (ил. 2). Как отмечалось выше, в итоге данного цикла модулирования необходимо определить факт наличия единого модуля и использовать его при трассировке основных коммуникаций, выборе границ землепользования, размещении крупных объектов.

Подготовительный этап – сохранение на карте масштаба 1:100000 только абриса береговой полосы Кенозера, его островов, а также размещение часовни Святого Николая в д. Вершинино.

Первый этап – геометризация и генерализация отрицательных форм рельефа (заливов, островов, проливов), выявление основных и дополнительных направлений форм. К числу основных относятся направления с румбом 30° размером от 6 до 9 км (на иллюстрации 2б они обозначены «а»), а также с румбом 90° («б») размером от 3,5 до 11 км. К числу дополнительных отнесем пять направлений («г») с румбом 180° , два из которых находятся в северной, а три в южной части рассматриваемой территории.

Второй этап – генерализация пространств. Данная операция позволила отметить иерархию пространств по убывающим размерам: 1) собственно Кенозеро; 2) озера Свиное и Долгое; 3) прочие проливы, заливы, лахты.

Согласно классификации типов визуальных пространственных единиц, предложенной Ю. Курбатовым², Кенозеро в целом следует отнести к диффузному типу – без ясно очерченных границ, поле видимости которой (единицы) от часовни Святого Николая частично прерывается объемными формами (визуальными барьерами) островов, полуостровов (ил. 2в).

Выявлены наиболее живописные (по количеству островов на 5 км^2 акватории)

места: на северо-западе – в радиусе 2 км от д. Глазово (залив Шуйлахта); на юге – Ряпусов Конец; на юго-западе – залив Тамбичлахта; При этом лишь последнее из названных мест (Тамбич-Лахта) находится в прямой видимости от принятого нами центра обзора озера (часовня Святого Николая).

Третий этап – установление пространственно-конфигурационной сетки и модульной структуры территории. Искомой сеткой явилась решетка из равносторонних треугольных ячеек длиной стороны 2 км. Генеральный модуль анализируемой территории (M_1) – шестигранник (гексагональная форма) с длиной стороны 6 км, внутренним радиусом также 6 км, внешним радиусом 7 км. Центр модуля размещен в д. Вершинино, точнее – под основанием колокольни часовни Никольской, являющейся, по нашему мнению, «точкой отсчета» всего Кенозерья.

II цикл – модулирование ландшафтных зон (ил. 3). Для данного цикла нами выбран один из живописных фрагментов главного территориального модуля (M_1) с центром в д. Глазово.

На подготовительном этапе кроме абриса береговой полосы (более детализированной, уже в масштабе 1:50 000) обязательно показываются горизонтали рельефа.

На первом этапе выявляются оси не только акваторий, но и водоразделов. Из иллюстрации 3б видно, что для первого типа осей (акваториальных) характерны направления «а» с румбом 30° и «в» – 60° , а для второго (водораздельного) – в основном только «а».

На втором этапе – определены три основные ландшафтные зоны – с панорамным восприятием от часовни Святого Духа (д. Глазово) на расстояние 0,5; 1,0; 1,5 км (ил. 3в).

На третьем этапе (ил. 3г) – установлена модульная сетка для данного фрагмента в форме параллелограмма размером 0,5x1,0 км. Один из углов модульной сетки совпадает с углом № 1.6 главного модуля, установленного на первом цикле модулирования. Для островной части анализируемой территории такая сетка является одновременно и модулем. Для полуостровной и береговой частей модуль ландшафтной зоны ($M_{лз}$) составляет 0,5x2 км.

III цикл – модулирование участка (ил. 4). Участок ландшафтной зоны обычно именуется пейзажем. Природный пейзаж, как первичная единица восприятия природной среды, по своим пространственным параметрам определяется физиологическими возможностями человека. Оптимальный угол зрения по вертикали составляет $27-30^\circ$, по горизонтали – $50-54^\circ$.

На иллюстрации 4 показан участок д. Глазово, размещенной на полуострове залива Серозеро. Панорама состоит из трех соседствующих пейзажей окрестности, центральный из которых охватывает композицию, включающую часовню Святого Духа. По мнению Ю.С. Ушакова⁴, удачность размещения часовни заключается как в функциональном отношении (защита от ветров), так и в художественном (место находится на пересечении двух природных осей – ось холмов и ось перешейка между заливами).

Третий цикл (этапы 1-3) модулирования (в границах территории полуострова и заливов у д. Глазово) позволил установить модульную сетку, ориентированную по направлению сопок, а также выявить два модуля квадратной формы: главный модуль участка (M_y) – 0,5х0,5 км и доборный 0,25х0,25 км. Примечательно, что размер участков деревень и характер застройки Глазово, Заволочек и Лепёхтино строго увязаны с параметрами выявленного нами модуля M_y .

Модули, полученные на втором и третьем циклах модулирования, в сочетании с главным модулем первого цикла составляют иерархическую структуру – систему модулей (M_r , $M_{лз}$, M_y). Отметим, что главный шестигранный модуль по площади составляет около 132 км² (т.е. почти вдвое больше чистой поверхности озера 68,8 км²). Для анализа всей (Плесецко-Каргопольской) территории Кенозерского национального парка потребуется провести дополнительный анализ с ответом на вопрос: имеется для парка единый гипермодуль.

Использование результатов модулирования природной среды на практике нам представляется в двух основных направлениях:

1. Формирование новых инженерно-транспортных коммуникаций, решение задач кадастрового плана, размещение центров обслуживания, функциональных зон национального парка в соответствии с модульностью территории, подчеркивающей своеобразие ландшафта. Самостоятельной задачей является выявление и утверждение в специальном планировочном документе всех композиционных узлов ландшафта с целью регламентации вблизи них строительной деятельности.

2. Организация туристических маршрутов, размещение коммуникационных арт-объектов (типа экспозиции «Ландшафтный театр») в увязке с системой модулей, визуальных панорам и акцентов природной среды. В частности, нами предлагается в центре главного модуля, а также по шести углам, а возможно и по периметру всего национального парка (в увязке с гипермодулем) разместить мощные светильники (своего рода театральные софиты), способные восприниматься на высоте десятков и сотен километров с воздуха и космоса.

В заключение отметим, что сохранение индивидуальности, «иррационального» по своей сути ландшафта становится возможно только после формализованного анализа, фиксирующего тектонические, ритмические, масштабные закономерности территории. К числу подобных анализов и относится метод графического модулирования природного пространства.

Примечания

¹Базилевич А.М. Природная среда и планировка города // Архитектура СССР. 1973. № 9; Его же. Модуль природного пространства и планировка города // ЦНТИ по гражданскому строительству и архитектуре, обзорная информация. 1983. № 2.

²Курбатов Ю.И. Архитектурная форма и природный ландшафт: композиционные связи. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та. 1988.

³Пурвинас М. Первичные единицы пространственной структуры краеобраза и возмож-

ные их характеристики // Архитектура и градостроительство. Вильнюс, 1975. № 4. С. 5-21.

⁴Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном зодчестве русского Севера (пространственная организация, композиционные приемы, восприятие). Л.: Стройиздат, 1982.

**АРХИТЕКТУРА ЖИЛЫХ И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ
ПОСТРОЕК КЕНОЗЕРЬЯ**
(по материалам полевых исследований 2008–2009 гг.)*

Первое и наиболее глубокое описание традиционного жилища Кенозерья представлено в работе М.А. Ильина¹, в которой анализ одного дома в деревне Вершинино дополнен авторскими гипотезами по поводу происхождения пятистенка «изба-горница», анализом специфики декора, приведенными народными строительными терминами. В дальнейшем это направление в изучении народного зодчества Кенозерья не было поддержано историками архитектуры, а ограничилось включением отдельных образцов жилища в обзорные историко-архитектурные и краеведческие описания территории. Весьма скудно освещены в литературе и хозяйственные постройки – сохраняющиеся до настоящего времени амбары и бани.

При планировании экспедиционного обследования Кенозерья нами учитывалось, что в условиях современной лавинообразной утраты массовых типов традиционных деревянных построек требуется оперативный сбор типологических и иных сведений по возможно большему числу сооружений². Результатам первого осмысления таких данных, собранных в 2008–2009 годах, и посвящена настоящая статья.

Особенности домов-комплексов. Новизна полученных в экспедиции данных о жилище связана с фиксацией деталей, отражающих особенности формирования местных типов домов-комплексов. Дом-комплекс (дом-двор), объединяющий под одной крышей или под системой крыш жилые и хозяйственные помещения, является традиционным типом жилища на обследуемой территории. Отсутствие отдельно стоящих жилых и хозяйственных блоков свидетельствует о достаточно длительном бытовании комплексного жилища в местной строительной культуре. Преобладающим типом дома-комплекса в Кенозерье является «брус» (с однорядной последовательной связью жилой и хозяйственной частей и общим направлением коньков крыши). Обращают на себя внимание встречающиеся дома-комплексы с поперечной связью (Т-образной или Г-образной), например дом Вахрамеевых в д. Карповой (в данном случае с Г-образной связью) (ил. 1). В некоторых других деревнях поперечная связь хорошо реконструируется по следам (д. Горбачиха, Тырышкино).

На более широкое и относительно недавнее распространение домов-комплексов с поперечной связью в Кенозерье указывает наличие в структуре домов-комплексов типа «брус» своеобразного планировочного элемента – вторых, чер-

ных, или дворовых, сеней. Как выяснилось в ходе наших предшествующих исследований, дворовые сени ведут свое начало от переходного шлюза-тамбура – необходимого скорее структурно-пространственно, чем функционально, при присоединении двора-сарая к «двухконечному жилищу» с образованием дома-комплекса с поперечной связью. Заметим, что при образовании дома-комплекса типа «кошель», который тоже формируется на основе «двухконечного жилища», такой элемент не нужен и закономерно отсутствует. Наиболее известные примеры домов с дворовыми сенями в Кенозерье: дом-комплекс с поперечной связью – уже упоминавшийся дом Вахрамеевых в деревне Карповой; дом-комплекс типа «брус» – описанный в 1927 году Ильиным дом Баженова в д. Вершинино³.

В Карелии в домах-«брусах» дворовые сени в своем полном виде (на уровне двора и на уровне сарая) ранее были зафиксированы нами лишь в домах-комплексах вепсов Прионежья⁴, в Водлозерье⁵ и в южном и юго-восточном Обонежье. Позднее они были обнаружены нами преимущественно в неполном виде (лишь на уровне сарая) в Беломорском Поморье и на Онежско-Беломорском водоразделе (Сумозерье, Выгозерье)⁶. Дополнение ареала распространения дворовых сеней территорией Кенозерья дает возможность, с одной стороны, детальнее исследовать этот планировочный элемент дома-комплекса, с другой – связать проявления строительной культуры Кенозерья с традициями сопредельных с ним земель – как северо-западных, так и юго-западных.

Как показали наши предшествующие исследования, важным признаком северного крестьянского жилища является конструктивное решение хозяйственной части дома-комплекса – двора-сарая. На территории Карелии этот признак является этнодифференцирующим и отличает дома-комплексы карел-ливвиков и собственно карел («сарай на срубе», или «на углах») от домов русского населения и карел-людииков («сарай на столбах» – полностью или в пределах озадка и даже только задней стены)⁷. В Карелии дома-комплексы с опиранием верхнего яруса двора-сарая на столбы, позволяющим заменять быстро гниющие хлева без разборки вышележащего сруба, абсолютно преобладают в Заонежье и Пудожье⁸. Последнее непосредственно примыкает к Кенозерью с запада, и мы ожидали, что столбовые конструкции дворов-сараев будут распространены и на обследуемой нами территории. Предположения оправдались, но серьезную конкуренцию столбовой конструкции двора-сарая в Кенозерье составили бесстолбные решения (62 против 38% при анализе 61 дома-комплекса) (ил. 2, 3).

Если сравнивать полученные соотношения между двумя конструктивными решениями двора-сарая с результатами подобного анализа, проведенного в Карелии, то такие же соотношения характерны для ныне русских территорий Водлозерья, Выгоречии и Выгозерья, в культуре которых достаточно выражены проявления прибалтийско-финских компонентов, а также в карельском Сегозерье, которое, напротив, испытало значительное влияние со стороны русского Заонежья.

Такие аналогии могли бы свидетельствовать, что строительная культура Кено-

зерья неоднородна и включает как русские, так и прибалтийско-финские элементы. Однако в ходе нашего исследования в Кенозерье зафиксирована и временная динамика смены двух конструктивных систем дворов-сараяв. На историческом отрезке, к которому принадлежат обследованные дома, более старым решением является столбовая конструкция двора-сарая. Это подтверждается также описанием и чертежами дома Баженова в д. Вершинино, сделанными в 1927 году М.А. Ильиным (дом датируется автором 1820-ми гг.)⁹. Однако, похоже, что старинное решение со столбами в обозримой ретроспекции активно заменяется «сараями на углах», что может свидетельствовать о недостаточной укорененности столбовой конструкции в местной строительной культуре и о возможности того, что столбовая конструкция в определенный период времени вытеснила в Кенозерье ранее бытовавшие «сарай на углах», которые затем вновь расширили свое бытование в субрегионе (подобные элементы цикличности известны в развитии деревянного зодчества Русского Севера)¹⁰. В любом случае, необходимы дополнительные натурные обследования для подтверждения этой или какой-либо другой гипотезы.

Из других особенностей дворов-сараяв в обследованных домах Кенозерья обращают на себя внимание разные варианты устройства бревенчатых связей над сараем для установки на них передвижных настилов для хранения сена.

Структура жилой части. По структуре жилой части наиболее старыми жилыми постройками в Кенозерье являются так называемые «двухконечные дома» (изба – сени – изба), которые служат основой домов-комплексов с поперечной связью. Как правило, избы в составе такой жилой части подразделяются на летнюю и зимнюю. На широкое распространение в недавнем прошлом «двухконечных» жилых частей косвенно указывает бытование до настоящего времени, но уже в рамках домов-комплексов типа «брус», пристроенных зимников (зимних изб), наличие которых сохраняет традицию сезонной дифференциации жилища, хотя и при другой пространственно-планировочной схеме дома.

Другим признаком, ведущим свое начало от «двухконечного дома», является встроенная в сени дома-«бруса» боковая изба (анализ генетической связи боковой избы и «двухконечного дома» выполнен нами ранее на материале Карелии)¹¹, представленная в Кенозерье в вариантах примыкания боковой избы к передней или расположения ее за сенями (ил. 4). Домов с такими избами в Кенозерье и ближайшем окружении зафиксировано немного: в д. Бухалово, Поромский Остров, Враниковской (на Кене), Кузьминской (за северной границей Кенозерья). С одной стороны, по этому признаку обследованный субрегион объединяется с обширной территорией восточных, ныне русских, районов средней и северной Карелии, некоторых карельских ареалов (Сегозерья, Беломорской Карелии), а кроме того с Каргопольем, в частности с южными окрестностями озера Лача. С другой стороны, расположение в отдельных кенозерских образцах под «боковым» жильем пространства двора (отсутствие самостоятельного подклета) и использование помещения в качестве горницы позволяет отнести происхождение такого жилья

к клетям, встроенным на сарае. Особенно отчетливо это прослеживается в «брусах» с уширенным сараем. Возможно, в Кенозерье представлены результаты обоих упомянутых направлений формирования «бокового» жилья в составе домов-комплексов.

Собственно жилые помещения в домах на обследованной территории представлены избами-четырёхстенками северно-среднерусского типа – с постановкой печи у входной стены и ориентацией устья к передней, лицевой стене (прямая ориентация) с тремя-четырьмя окнами по лицевому фасаду. Пространственное развитие и функциональное усложнение таких изб связано с разгораживанием их перегородками, часто шкафными, филенчатыми, устанавливаемыми в створе с боковыми гранями печи с устройством обширного бокового запечья – прилуба или с выгораживанием зоны перед устьем печи и отделением ее от чистой, входной части избы. Такие решения считаются переходными к переднему жилью дома в виде пятистенка с продольным перерубом – симметричным или несимметричным, включающим избу и горницу (распространенная в Карелии структура жилого передка дома). Однако такая эволюционная тенденция в целом оказалась в Кенозерье не реализованной (в виде единичных примеров зафиксированы только пятистенки с симметричным продольным перерубом, например дом в д. Семеново 1927 г. постройки). Хотя здесь зафиксированы другие варианты развития жилой части, относящиеся уже к первым десятилетиям XX века, оба они немногочисленны. Первый из них – увеличение камерности жилища путем перестановки печи на середину избы и ориентации ее устья к боковой стене в обратную сторону от входа (обратная боковая ориентация печи) с последующим разделением избы перегородками на 3 или 4 помещения, в одном из которых устраивалась кухня (ил. 5а). Такие переоборудования изб широко бытуют в южном Обонежье (Вытегорский, Вашкинский районы Вологодской области). Второй вариант – формирование пятистенков с поперечным перерубом, когда изба превращается в проходное помещение, а на лицевой фасад выходит горница (рис. 5б).

Следует отметить также преобладающее в обследованных нами домах продольное относительно входа в избу расположение матицы, которое не является распространенным в известных нам субрегионах Русского Севера. Из других особенностей избы отметим печи с практически открытым шестком (колпак имеет недостаточный вынос над шестком) и односторонним жаратком, выступающим из объема печи. Такие печи отмечались нами ранее на восточной окраине Пудожья и в Каргополье, в деревнях близ южных берегов озера Лача.

Декоративные детали жилища. Из декоративного убранства жилых домов на обследованной территории более всего привлекают внимание резные кронштейны – выпуски бревен, поддерживающие выносы крыши над главным фасадом дома. Эти элементы по праву относятся к наиболее самобытным конструктивно-декоративным деталям. Известно, что многие детали архитектурного декора выполнялись в деревнях пришлыми мастерами, специализировавшимися на приче-

линах, наличниках и прочем резном уборе домов. Подкрышные кронштейны относятся к архитектурно-декоративным деталям, которые выполняются во время рубки стен самими крестьянами – строителями дома, поэтому в большинстве случаев кронштейны могут служить исключительно точным индикатором этнолокальных традиций и художественных пристрастий местного населения.

Во время экспедиции зафиксировано около 130 кронштейнов. По композиции деталей и мотивам резьбы они представляют все известные в Карелии типы. Выполненные нами ранее ареальные исследования кронштейнов Карелии¹² позволили в первом приближении истолковать разнообразие этих деталей в Кенозерье.

Самым распространенным типом кронштейна (41% от всех зафиксированных деталей) является так называемый «модульон» – кронштейн с доминирующим крупным мотивом валика на конце консоли, в общих чертах напоминающий известную классицистическую архитектурную деталь. В Карелии такие кронштейны господствуют в Пудожье и распространяются по территории края в северо-западном направлении. Нами замечено, что в этом же направлении в Карелии распространяются и уже упоминаемые нами выше «сарай на столбах», что позволяет отнести оба явления к единому комплексу архитектурно-строительных традиций¹³ и, добавим, предположить то же самое применительно к Кенозерью.

Противоположными по композиции являются кронштейны с равномерной рельефной порезкой, включающей мотивы мелких валиков, треугольных зубцов и чередований валиков с зубцами. Подобные мотивы являются наиболее древними (в южном приграничье Карелии известны в памятниках XVII в.) и ныне фиксируются главным образом в ареалах прибалтийско-финского населения, однако не только на западе Карелии, но и в северо-восточном Пудожье. В связи с этим не выглядит неожиданным бытование таких мотивов в Кенозерье, хотя и в относительно небольшом количестве (9% от общего числа).

В Кенозерье, также как в Карелии, в зонах контактирования кронштейнов-«модульонов» и деталей с мелкой порезкой типа валики/зубцы в результате их контаминирования появляются кронштейны с мотивом «валик, вписанный в выкружку»¹⁴. Таких мотивов в Кенозерье 12%, в их числе совершенный по форме, старейший из датированных подписью кронштейнов – на доме 1861 года в д. Шишкино (ил. 6), что косвенно свидетельствует о значительно более раннем времени распространения в Кенозерье мотивов, послуживших исходными для интегрированного «валика, вписанного в выкружку».

В отличие от Карелии в Кенозерье относительно большую группу составляют кронштейны гибридные – с комбинацией крупных мотивов и распространенных здесь видов мелкой порезки (25%), причем в 80% из них присутствует «модульон», а в остальных 20% – крупный «валик, вписанный в выкружку». В Кенозерье также отмечаются нехарактерные для Карелии кронштейны, варьирующие тему «модульона» (косвенно эти вариации могут служить подтверждением более длительного существования, а следовательно, и более раннего появления «мо-

дульона» в Кенозерье). Первый из них можно назвать двойным «модульоном», имеющим валик не только на конце детали, но и в ее основании. Второй повторяет общую композицию «модульона», но крупный валик на конце детали заменяется компактной группой двух-трех элементов традиционной местной мелкой порезки – валиков или валиков, разделенных зубцом.

Из других особенностей кронштейнов, имеющих аналоги в Карелии, можно назвать прямолинейную геометризацию пластичных мотивов – превращение крупных валиков в треугольные или прямоугольные выступы. Явление зафиксировано в единичных примерах, но, судя по датировкам на кронштейнах, тенденция к такой геометризации существовала уже на рубеже XIX и XX веков. В Карелии эта тенденция проявляется главным образом в зодчестве карел.

Сопутствующая порезка (в виде «сухарики» на торцах кронштейнов), в Карелии распространенная в северном Прионежье, Заонежье, Пудожье, Выгозерье, встречается только за пределами парка, у его северной границы – в д. Першинской и Кузьминской.

Если говорить о сохранившихся комплексах декоративного убранства отдельных жилых домов, то наиболее впечатляющим представляется комплекс во многом архаичных деталей дома в д. Филипповской: балкон на фасадном бруске с низким ограждением из плоских дощатых балясин, кронштейн с порезкой валики / зубцы, двухъярусные причелины составного сечения с побегуном по нижнему контуру, коньковая кисть с солярной розеткой-крестом, сохранившаяся подвеска, закрывающая торец правого кронштейна (ил. 7). Дом, несомненно, требует сохранения. Уникальным является также волютный наличник дома в д. Видягино (ил. 8). То, что такой тип наличника в Кенозерье не случаен, подтверждается наличием фрагмента волютного наличника на доме в д. Рыжково, приспособленного для украшения пристройки-тамбура.

Хозяйственные постройки. Самым массовым типом хозяйственных построек на обследованной территории являются бани. В этноархитектуроведении бани рассматриваются как часть строительной культуры: фиксируется их объемно-планировочная структура, конструктивные решения, приемы группировки построек и их расположение на местности. Закономерности развития бань соотносятся с общими закономерностями развития народного зодчества и могут существенно уточнить последние. В этом плане особенно ценно выявление последовательных этапов эволюции общей структуры и конструктивных элементов бань, а также определение территорий распространения отдельных типологических признаков или их комплексов, как правило, достаточно точно маркирующих ареалы локальных строительных культур.

Традиционные северные бани являются также источником для изучения истории жилища, так как повторяют в своей структуре его древние черты: камерность, планировочный тип, определяемый постановкой и ориентацией устья печи, расположение окон, конструкции стен, покрытий, перекрытий. В первую очередь

к баням относится положение Н.Н. Харузина о том, что архаичные формы жилья, вытесняемые более прогрессивными формами, не исчезали, а лишь меняли свое назначение, используя в качестве хозяйственных построек¹⁵. Традиционность строения бань, как и всех хозяйственных построек, известна. Однако было бы неверно отождествлять ее с консервативностью, абсолютной неизменностью. По нашим изысканиям, баня, развиваясь, сохраняет традиционность своей связи с жилищем, архитектура бани постоянно «подпитывается» за счет переноса в нее архитектурно-строительных приемов, характерных уже для современного ей жилища, возможно, в связи с тем, что бани нередко использовались для жилья¹⁶.

Одним из важнейших признаков бани является ее планировочный тип, определяемый постановкой и ориентацией устья печи, позволяющий отнести баню к определенному этническому или региональному комплексу традиционной строительной культуры. В Кенозерье зафиксированы бани двух планировочных типов – «западно-русского» (по известной этнографической классификации типов изб – с постановкой печи в углу рядом со входом и ориентацией устья к боковой стене) и «южно-восточно-русского» (с печью в дальнем от входа углу и ориентацией устья ко входу). Бани обоих планировочных типов встречаются на всей обследованной территории, однако соотношение типов в разных ее частях неодинаково. Так, южная часть представляется зоной преобладания бань с постановкой печи в дальнем углу, в северо-западной части доля бань этого планировочного типа среди всех обследованных – чуть меньше, а в центральной зоне (Вершинино и окрестности) зафиксирована только одна такая баня.

Южно-восточно-русский планировочный тип выглядит в Кенозерье недостаточно устойчивым и соответственно недостаточно укорененным, т.е. не слишком древним. Нет выраженных различий и в соотношении этих типов в южной и северо-западной частях территории. Принимая во внимание, что, по нашим исследованиям в Карелии и юго-восточном Обонежье, постановка печи в дальнем углу бани является более архаичным приемом по сравнению с постановкой ее у входа, предварительно можно сделать следующий вывод: смена планировочных типов бань в Кенозерье, по крайней мере в обозримой ретроспекции, проходила от южно-восточно-русского к западно-русскому. Такое предположение подтверждается также сообщениями информаторов, которые утверждают, что в старых банях печи чаще ставили в дальнем углу. Отметим: активнее переход к западно-русскому типу бань происходил в деревнях, находящихся в зоне влияния местных административных центров – погостов, где архитектурное развитие всегда было более интенсивным. В этих же деревнях отмечаются и другие признаки модернизации бань – большее количество окон в торцовой стене (при абсолютном преобладании на обследованной территории расположения окна в боковой стене), а также примеры постановки бань с ориентацией торцовой стены с окном в сторону водоема, что читается как подражание прибрежно-рядовой планировочной структуре поселения (Вершинино, Погост).

В целом же следует подчеркнуть, что бани Кенозерья оставляют впечатление достаточно архаичных, о чем свидетельствует широкое бытование черных бань, которые абсолютно преобладают в небольших периферийных деревнях и составляют существенную конкуренцию белым в многолюдных развивающихся поселениях – Усть-Поче, Вершинино, Погосте.

Примечательно, что дымоудаление в черных банях Кенозерья, за исключением нескольких построек, где оно не организовано (дым выходит через дверь), производится через потолочный дымоволокон и дощатую дымницу, установленную на перекрытии (ил. 9а). И только в д. Семеново зафиксированы стенные дымоволокон (ил. 9б).

Если обратиться к Карелии, то разные виды дымоудаления имеют здесь не прямую, но все же отчетливо читаемую этническую окраску¹⁷. Ярво выраженный ареал ственных дымоволоконов отмечается только на юге края у олонецких карелливиов. У русских Заонежья, карел-людиов и собственно карел преобладают потолочные дымоволокон, однако в некоторых местностях они дополняются ственными дымоволоконами. В Северной Карелии такое дополнение становится правилом в ареале расселения собственно карел, и только в поморских русских деревнях сохраняются решения исключительно с потолочными дымоволоконами. Описанная картина может свидетельствовать о том, что в русских районах Карелии строительная культура испытала сильное влияние прибалтийско-финской традиции. Что же касается олонецкого юга Карелии, то в данном случае можно говорить об обратном процессе – о русских влияниях на зодчество прибалто-финнов¹⁸. Не проводя прямых параллелей с Карелией, отметим, что происхождение разных видов дымоудаления в черных банях Кенозерья требует дальнейшего более детального изучения, в том числе с подключением дополнительного материала из окружающих территорий.

Приходится констатировать, что к настоящему времени в Кенозерье почти полностью утрачены амбары. Все обследованные амбары являются однокамерными в плане постройками под двускатным самцово-слеговым покрытием, с торцовым входом, поземными или на низком опорном основании. Абсолютное большинство из них – хлебные, о чем свидетельствуют сусеки для зерна (или их следы) и отверстия для кошки в дверном полотне или в стене около двери. На примере сохранившихся построек можно описать их полярные типичные образцы – наиболее старый и относительно молодой. Первый представляет собой высокую двухэтажную постройку с внутренней стационарной лестницей в углу у входа, с отесанными изнутри стенами нижнего этажа (полностью или в пределах сусеков), использовавшегося для хранения зерна, и неотесанными стенами верхнего этажа для хранения домашних вещей (однако в Видягино зафиксирован амбар с сусеками и на верхнем этаже) с щелевыми продухами во фронтонах; покрытие – слегн со сплошным бревенчатым накатом между ними. Облик относительно новой постройки предопределен постепенно проходящими изменениями: уменьшается высота постройки за счет

превращения второго этажа в чердак; иногда чердачное перекрытие (стационарное или передвижное) устраивается только над частью помещения и превращается в используемую для складирования полку, а при отсутствии перекрытия амбар превращается в одноэтажный; не производится внутренняя отеска стен; исчезает бревенчатое заполнение между слегами, следи врубаются реже (увеличивается расстояние между ними). Так же как и в случае с банями, старые, наиболее выразительные амбары сохраняются в периферийных деревнях.

Во всех кенозерских амбарах сусеки (засеки), как правило, одноярусные не пересыпного типа (следы двухъярусных сусеков зафиксированы только в одном амбаре в Менино). Из локальных особенностей отмечены бревенчатые накаты сводчатой формы (Менино, Печихино) и опорные основания, рубленные «в реж» (Зихново, Семеново, Горбачиха). Многие кенозерские амбары сохраняют архаичные детали – элементы безгвоздевой кровли, трехкосячатые колоды дверей с гребнями, заплечиками, лучковой подтеской вершника.

Среди всех обследованных амбаров следует отметить наиболее выдающиеся: типичный «старый» двухэтажный амбар в д. Семеново (ил. 10); амбар рубленный с повалами в д. Кузьминской (используется в качестве хлева, пристроенного к двору дома-комплекса, но хорошо сохранил свой внешний облик); древний двухэтажный амбар в д. Менино (ил. 11), в настоящее время реконструированный до двухкамерного с закрытым предместьем, а в предшествующем виде представлявший собой тип амбара, больше не обнаруженный нами нигде в Кенозерье, – с широким навесом-антресолю («пятрами») над незакрытым предместьем и лестницей, ведущей с него на второй этаж. Кроме того, амбар имеет такую выразительную особенность, как сводчатый бревенчатый накат покрытия (ил. 12). Хотелось бы обратить внимание на необходимость сохранения этих построек.

В заключение отметим, что детальное обследование Кенозерья наряду с восточным Пудожем, Лекшмозерьем и побережьями реки Кена дает возможность выявить пути проникновения на территорию Карелии и достаточно продуктивного в ее пределах комплекса архитектурно-строительных традиций, наиболее яркими признаками которого являются столбовая конструкция двора-сарая в составе дома-комплекса, кронштейны-«модульоны», планировка бани с постановкой каменки в дальнем углу, конструкция самцовой крыши с бесперерубным фронтоном. В то же время результаты обследования свидетельствуют о существовании в Кенозерье иных, отличающихся от перечисленных признаков, которые в Карелии атрибутируются как прибалтийско-финские элементы строительной культуры населения. Являются они местными субстратными или привнесены с возможными переселенцами из западных прибалтийско-финских ареалов, могут показать дальнейшие исследования, в том числе междисциплинарные сопоставления.

Примечания

¹Ильин М.А. Крестьянская изба Кенозера // Институт археологии и искусствознания.

Труды секции археологии. Т. IV. М., 1928. С. 241-256.

²В натурном обследовании жилых и хозяйственных построек Кенозерья помимо автора участвовали В.П. Орфинский, А.Ю. Борисов, А.Ю. Косенков, А.В. Орлов.

³Ильин М.А. Указ. соч.

⁴Орфинский В.П., Гришина И.Е. Крестьянские поселения и постройки // Прибалтийско-финские народы России М., 2003. С. 384.

⁵Гришина И.Е. Традиционное жилище Водлозерья (типологический анализ по материалам натуральных исследований) // Национальный парк «Водлозерский»: природное разнообразие и культурное наследие. Петрозаводск, 2001. С. 262-266.

⁶Ее же. Отражение русско-карельского культурного взаимодействия в традиционном жилище Северной Карелии // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2008. Сер.: Естественные и технические науки. № 4 (96). С. 10-19.

⁷Орфинский В.П., Гришина И.Е. Генезис дома-двора в крестьянском зодчестве Карелии // Архитектурное наследие. 2001. № 44. С. 63-80.

⁸Гришина И.Е., Ляля Е.В. Научный потенциал массовых обследований архитектурного наследия // Народное зодчество: материалы международной научно-практической конференции «Забывтое наследие. Как спасти деревянное зодчество России». Петрозаводск, 2007. С. 494.

⁹Ильин М.А. Указ. соч.

¹⁰Орфинский В.П., Гришина И.Е. Элементы цикличности в развитии народного деревянного зодчества // Народное зодчество: межвуз. сб. Петрозаводск, 1999. С. 23-37.

¹¹Гришина И.Е. Отражение русско-карельского культурного взаимодействия...

¹²Ее же. Резные кронштейны в деревянном зодчестве южной Карелии: вопросы генезиса и этнических особенностей // Народное зодчество: межвузовский сб. Петрозаводск, 1998. С. 115-129; Гришина И.Е., Ляля Е.В. Указ. соч.

¹³Гришина И.Е., Ляля Е.В. Указ. соч. С. 495.

¹⁴Там же. С. 495-498.

¹⁵Харузин Н.Н. Очерки развития жилища у финнов: Этнографическое обозрение. М., 1895. С. 16 – 46.

¹⁶Орфинский В.П., Гришина И.Е. Простейшие деревянные постройки как источник для изучения крестьянского жилища // Народное зодчество: сб. науч. трудов. Петрозаводск, 1992. С. 21.

¹⁷Там же.

¹⁸Гришина И.Е., Романова М.Е., Ляля Е.В. Ареальные исследования традиционных бань Карелии и сопредельных территорий // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: материалы международной научной конференции. Петрозаводск, 2005. С. 264-265.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЫБНОЙ ЧАСТИ СООБЩЕСТВА КЕНОЗЕРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА И БИОЛОГИЯ ОСНОВНЫХ ПРОМЫСЛОВЫХ ВИДОВ РЫБ

Систематика. В современной ихтиофауне Кенозерского национального парка (далее – КНП) насчитывается два вида миног и 28 видов рыб, которые относятся к 11 семействам и 7 отрядам (номенклатура видов дана в соответствии с Атласом пресноводных рыб России, 2003).

Класс Круглоротые (Cyclostomata)

Отряд Миногообразные (Petromyzoniformes)

Семейство Миноговые (Petromyzontidae)

1. Минога тихоокеанская (*Lethenteron japonicum* Martens, 1868)
2. Минога сибирская (*Lethenteron kessleri* Anikin, 1905)

Класс Костные рыбы (Osteichthyes)

Отряд Лососеобразные (Salmoniformes)

Семейство лососевые (Salmonidae)

1. Семга (атлантический лосось) (*Salmo salar* Linnaeus, 1758)
2. Кумжа (*Salmo trutta* Linnaeus, 1758)

Семейство Сиговые (Coregonidae)

1. Сиг (*Coregonus lavaretus* Linnaeus, 1758)
2. Нельма (*Stenodus leucichthys nelma* Pallas, 1776)
3. Ряпушка европейская (*Coregonus albula* Linnaeus, 1758)

Семейство Хариусовые (Thymallidae)

1. Хариус европейский (*Thymallus thymallus* Linnaeus, 1758)

Семейство Корюшковые (Osmeridae)

1. Корюшка европейская (*Osmerus eperlanus*, Linnaeus, 1758)

Отряд Щуковые (Esociformes)

Семейство Щуковые (Esocidae)

1. Щука обыкновенная (*Esox lucius* Linnaeus, 1758)

Отряд Карпообразные (Cypriniformes)

Семейство Карповые (Cyprinidae)

1. Лещ (*Abramis brama* Linnaeus, 1758)
2. Уклея (*Alburnus alburnus* Linnaeus, 1758)
3. Густера (*Blicca bjoerna* Linnaeus, 1758)
4. Карась золотой (*Carassius carassius* Linnaeus, 1758)
5. Пескарь (*Gobio gobio* Linnaeus, 1758)
6. Верховка (*Leucaspicus delineatus* Heckel, 1836)

-
-
7. Язь (*Leuciscus idus* Linnaeus, 1758)
 8. Елец (*Leuciscus leuciscus* Linnaeus, 1758)
 9. Гольян речной (*Phoxinus phoxinus* Linnaeus, 1758)
 10. Гольян озерный (*Phoxinus perenurus* Pallas, 1776)
 11. Плотва (*Rutilus rutilus* Linnaeus, 1758)
 12. Красноперка (*Scardinius erythrophthalmus* Linnaeus, 1758)
 13. Синец (*Abramis ballerus* Linnaeus, 1758)

Семейство Балиториевые (*Balitoridae*)

1. Голец усатый (*Barbatula barbatula* Linnaeus, 1758)

Отряд Трескообразные (*Gadiformes*)

Семейство Налимовые (*Lotidae*)

1. Налим (*Lota lota* Linnaeus, 1758)

Отряд Окунеобразные (*Perciformes*)

Семейство Окуневые (*Percidae*)

1. Судак (*Stizostedion lucioperca* Linnaeus, 1758)
2. Окунь (*Perga fluviatilis* Linnaeus, 1758)
3. Ерш (*Gimnocephalus cernuus* Linnaeus, 1758)

Отряд Колюшкообразные (*Gasterosteiformes*)

Семейство Колюшковые (*Gasterosteidae*)

1. Колюшка трехиглая (*Gasterosteus aculeatus* Linnaeus, 1758)

Отряд Скорпенообразные (*Scorpaeniformes*)

Семейство Рогатковые (*Cottidae*)

1. Подкаменщик обыкновенный (*Cottus gobio* Linnaeus, 1758)

По сравнению с последней инвентаризацией ихтиофауны КНП, проведенной в 2000 году, в списке рыб национального парка появилось три новых вида – судак, синец и красноперка. Два вида из водоемов КНП (нельма и обыкновенный подкаменщик) включены в Красные книги Архангельской области, НАО и России. Наибольшим количеством видов представлено семейство карповых рыб – 13 видов. По три вида включают в себя семейства сиговых (сиг, нельма, ряпушка) и окуневых (окунь, судак, ерш); по два – лососевых (семга, кумжа). Одним видом представлены семейства хариусовых (европейский хариус), корюшковых (корюшка обыкновенная), щуковых (щука), вьюновых (голец усатый), налимовых (налим), колюшковых (колюшка трехиглая), рогатковых (обыкновенный подкаменщик).

Фаунистика. В зоогеографическом отношении ихтиофауна КНП достаточно гетерогенна. Критериями для отнесения вида к тому или иному комплексу послужили генезис фауны, характер ареала вида, его экологическая характеристика¹. Имеющиеся данные позволяют выделить в современной ихтиофауне Кенозерского национального парка представителей пяти пресноводных фаунистических комплексов: арктический пресноводный (7 видов), бореальный равнинный (8), бореальный предгорный (7), понто-каспийский пресноводный (7) и древний верх-

нетретичный (1) (рис. 1).

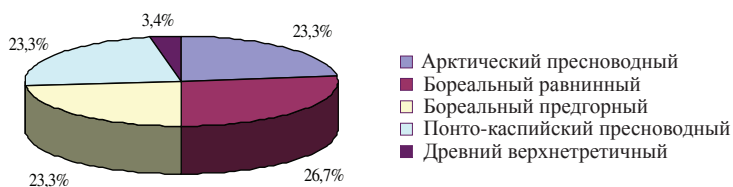

Рис. 1. Фаунистические комплексы рыб Кенозерского национального парка

Арктический пресноводный комплекс (23,3 % всех рыб КНП) объединяет сиговых рыб (нельму, сига, европейскую ряпушку), корюшку, налима и миног. Живут они, как правило, в холодной воде с высоким содержанием кислорода. Нерестятся, в основном, осенью или зимой, откладывая донную слабо клейкую или неклейкую икру с длительным периодом инкубации (кроме корюшек и миног, имеющих весенний нерест и достаточно быстрое развитие). По типу питания разнообразны – есть эврифаги, планктофаги, хищники, миногам свойственен хищно-паразитический тип питания.

Бореальный равнинный комплекс (26,7 %) представлен, в основном, карповыми рыбами (плотва, язь, елец, пескарь, золотой карась), приспособленными к жизни в стоячих и текучих водах равнин бореальной зоны. Также сюда входят окунь, ерш и щука.

Большинство представителей этого комплекса менее оксифильны и среди них есть виды, приспособившиеся к жизни в водоемах с малым содержанием кислорода (золотой карась). Рыбы, слагающие этот фаунистический комплекс, достаточно разнообразны по форме тела, его окраске и характеру размножения. Но большинство составляют фитофилы, откладывающие икру на подводную растительность. Нерест у них происходит весной или в начале лета. По характеру питания являются эврифагами, кроме щуки – засадного хищника.

Бореальный предгорный (23,3 %) комплекс объединяет лососевых рыб (атлантического лосося, кумжу), европейского хариуса, голянов, а также гольца и обыкновенного подкаменщика. Все они являются оксифильными видами, требовательными к содержанию в воде кислорода. Внутривидовая структура относительно проста, при этом дифференциация обусловлена главным образом не характером питания, а сроками и местами размножения. Нерест происходит как весной (кумжа, хариус), так и осенью (лосось, горбуша), икра откладывается на грунт или закапывается в него. По характеру питания являются главным образом хищниками и бентофагами.

К понто-каспийскому пресноводному комплексу (23,3 %) относится оставшаяся часть карповых рыб (лещ, густера, синец, красноперка, укляя, верховка) и трех-

иглая колюшка. Большинство представителей комплекса предпочитают медленно текущие и стоячие водоемы, достаточно насыщенные кислородом. Среди них преобладают виды с пелагической окраской и уплощенным с боков телом. По характеру размножения большинство из них являются фитофилами. Самцы колюшек активно охраняют гнезда с отложенной икрой. По характеру питания относятся, в основном, к бентофагам.

Древний верхнетретичный комплекс (3,4 %) включает судака, недавно появившегося в водоемах КНП. Это активный хищник, довольно требовательный к кислородному режиму и качеству воды. Характеризуется весенним нерестом, при этом откладывает икру на каменистый грунт, устраивая примитивные подобия гнезд.

Экологические группы. В исследованных нами водоемах Кенозерского национального парка присутствуют две экологические группировки рыб – пресноводные и проходные. К проходным рыбам относятся семга, кумжа и ледовитоморская минога (10 % видового состава). Это генеративно-пресноводные виды, которые нагуливаются в море, а для размножения совершают миграции в пресные воды. Подавляющая часть ихтиофауны парка представлена пресноводными рыбами. В свою очередь их можно разделить на три формы: реофильную (речную), лимнофильную (озерную) и лимно-реофильную (смешанное обитание). В группу реофилов входит 7 видов (или 23,3 % видового состава). Озерная группа представлена 6 видами (20 %). Самой многочисленной является лимно-реофильная группа – 14 видов (46,7 %).

Питание. По способу добывания пищи все рыбы, обитающие в водоемах Кенозерского национального парка, могут быть отнесены к планктофагам, бентофагам, хищникам (включая хищно-паразитический тип питания миног) и эврифагам. Доминируют эврифаги (46,7 % от общего количества). Меньшим количеством видов представлены бентофаги (23,3) и хищники (26,7 %). Единственным облигатным планктофагом среди рыб КНП является ряпушка (рис. 2). Следует иметь в виду, что подразделение рыб на указанные группы достаточно условно. В реальных природных условиях рыбы питаются тем видом корма, который наиболее доступен.

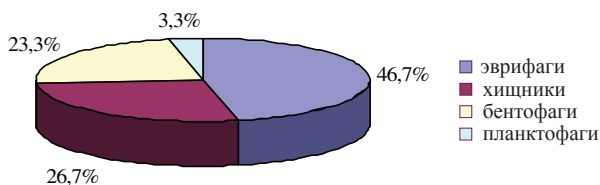

Рис. 2. Соотношение рыбообразных и рыб по характеру питания

Естественное воспроизводство. Практически все рыбы Кенозерского национального парка используют при размножении нерестовый субстрат. Около половины из них откладывают икру на каменисто-галечные (26,7 %) и песчаные (20 %) грунты. К литофилам относятся сиговые (ряпушка, сиг, нельма), хариус, речной голянь, усатый голец, ерш и обыкновенный подкаменщик. Псаммофилы представлены миногами, корюшкой, налимом и некоторыми видами карповых рыб (елец, пескарь). 40 % всех рыб откладывают клейкую икру на растительный субстрат. Это, в основном, весенне-нерестующие карповые виды рыб (лещ, синец, густера, уклея, верховка, язь, озерный голянь, плотва, золотой карась и красноперка), а также щука и окунь. Семга, кумжа, колюшка и судак строят гнезда (13,3 %) (рис. 3). Среди рыб КНП нет пелагофилов, остракофилов и живородящих видов.

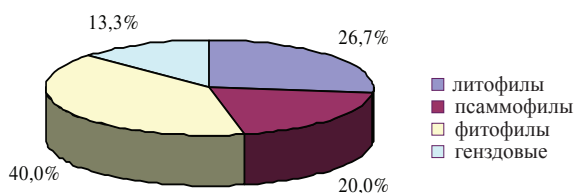

Рис. 3. Соотношение видов рыбообразных и рыб с разным характером размножения

Биологическая характеристика основных промысловых видов рыб.

К основным промысловым рыбам КНП относятся: ряпушка, сиг, щука, лещ, налим, плотва и окунь.

Ряпушка является основной промысловой рыбой КНП (от 15 до 20 % от всей рыбы, добываемой в парке). Этот вид в пределах Кенозерского национального парка образует 4 географически и репродуктивно изолированные (аллопатрические) популяции. Две из них – в озерах беломорского бассейна (Кенозеро и Лекшмозеро) представляют собой мелкие озерные формы схожие по темпам весового и линейного роста. В промысловых уловах преобладают рыбы длиной (AD) от 12 до 16 см, в возрасте 1–3 лет, которые составляют около 97 % от всего улова. Наибольшей численности ряпушка КНП достигает в озере Лекшмозеро. Здесь обитает самая большая в Архангельской области озерная популяция этого вида. На Лекшмозере добывают более 70 % всей ряпушки региона. В уловах, как правило, преобладают рыбы длиной от 12 до 14 см, в возрасте 1–2 лет которые составляют около 97 % от всего улова. Однако в отдельные годы возрастная структура лекшмозерской ряпушки существенно меняется. Так, в 2004 году более 50 % всего улова пришлось на рыбу в возрасте 1 года длиной менее 11 см, а в 2009 году 87 % добытой ряпушки имела возраст 3 года и длину 14–16 см (табл. 1). Причину столь значительных колебаний еще предстоит выяснить.

Таблица 1

Размерная характеристика ряпушки Лекшмозера из промысловых уловов

Год	Количество рыб, экз., по размерным классам (длина AD, см)											Средняя длина (AD), см	Средняя масса, г	Исследовано рыб, экз.
	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20			
1981	112	888	300	625	188	71	6	3	-	-	-	12,6	23,0	2190
1982	297	893	286	162	13	1	-	-	-	-	-	11,7	20,4	1650
1986	-	12	335	228	10	1	-	-	-	-	-	12,9	22,8	586
1995	55	295	300	92	15	-	-	-	-	-	-	11,9	20,7	757
2004	431	189	143	44	7	2	1	1	-	-	-	11,1	11,8	826
2005	4	238	289	142	82	19	5	2	1	1	-	12,2	20,3	783
2006	2	25	328	228	40	4	3	7	4	3		13,1	22,7	644
2007	-	38	465	519	65	3	3	-	-	-	-	13,2	23,2	1093
2008	-	22	584	449	13	-	-	-	-	-	-	12,9	21,0	1068
2009	-	-	-	105	522	236	7	-	-	-	-	14,7	33,2	870

Популяции ряпушки балтийского бассейна обитают в Наглимозере и озерной системе Масельгское – Вендозеро. Это крупные формы ряпушки с высокими показателями длины и массы тела. Средняя длина (AD) ряпушки из уловов колеблется от 20 см у трехлеток до 26 см у рыб в возрасте 5 лет, масса – от 100 до 300 г, соответственно. А в озере Масельгском была выловлена самка массой 490 г и длиной 31 см. Ряпушка таких размеров на территории Архангельской области исследована впервые. Мелкая ряпушка созревает на втором году жизни. Абсолютная плодовитость ее относительно небольшая и колеблется, в среднем, от 2,4 тыс. икринок у двухлеток до 6,1 тыс. у рыб в возрасте 4 лет. Крупная ряпушка созревает на год позже, а ее плодовитость достигает 55 тыс. икринок. В ходе генетических исследований установлена близкая связь крупной ряпушки Наглимозера и ряпушки Соловецких островов (рис. 4). Происхождение соловецкой ряпушки до сих является поводом для дискуссий. Наши данные, возможно, могут внести ясность в этот вопрос.

Сиг обитает в Кенозере и Лекшмозере и также образует внутривидовые формы. В Лекшмозере этот вид представлен малотычинковым сигом (21–24 тычинки), в Кенозере – среднетычинковым (32–33). По биологическим характеристикам обе формы похожи. В уловах на озере Лекшмозере сиг представлен особями от 3 до 7 лет. Доминируют рыбы в возрасте 3–4 лет, которые составляют 97 % всего добытого сига. Средняя длина (AD) промыслового сига составляет 27–28 см при среднем весе 250–300 г (табл. 2). Упитанность до 5 лет практически не меняется, затем увеличивается от 1,21 до 1,52 по Фультону и от 1,05 до 1,35 по Кларку.

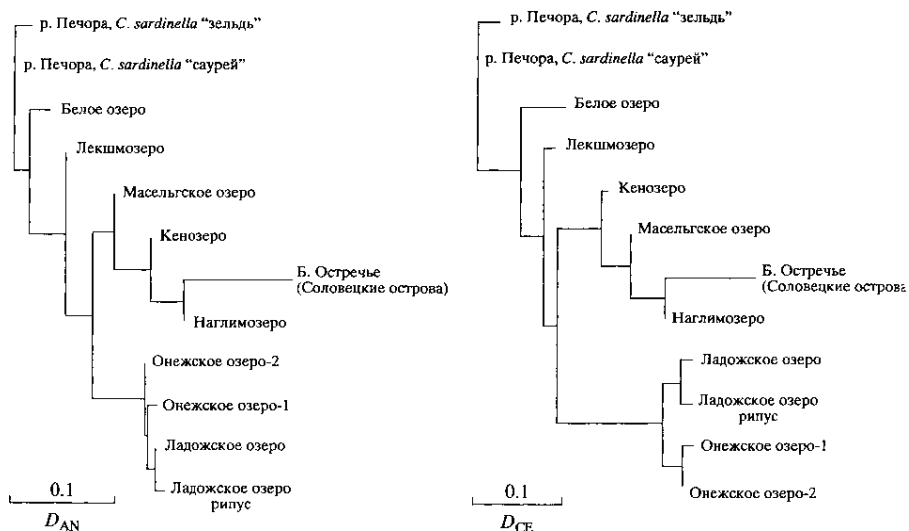

Рис. 4. Дендрограммы популяций ряпушки *Coregonus albula*, построенные по оценкам генетических дистанций (Nei, 1978, слева) и хорд-дистанций (Cavalli-Sforza, Edwards, 1967, справа), рассчитанные по частотам аллелей 10 аллозимных локусов

Таблица 2

Размерно-возрастная характеристика сига Лекшмозера

Возраст, лет	Средняя длина (AD), см	Средняя масса, г	Количество исследованных рыб	
			экз.	%
3	26,0	215	89	60,1
4	29,1	318	55	37,2
5	35,2	582	3	2,0
6	39	903	1	0,7
Всего			148	100

Сиг озера Кенозера имеет схожие размерно-возрастные характеристики. В наших пробах он был представлен рыбами двух возрастных групп. В возрасте 3 лет экземпляр сига имел длину 21,3 см и массу 131 г. Средние размеры особей в возрасте 4 лет составили 28 см длины и 315 г массы. Упитанность кенозерского сига примерно такая же, как у лекшмозерских особей. С возрастом она увеличивается от 1,36 до 1,43 по Фультону и от 1,27 до 1,34 по Кларку.

Созревает сиг на 4-м году, нерест проходит в ноябре. Его абсолютная плодовитость составляет в среднем 5 – 7 тыс. икринок. Сиг является ценной промысловой рыбой, но его рыбохозяйственное значение невелико из-за малочисленности.

В Кенозерском парке щука встречается во всех исследованных озерах и может быть отнесена к фоновым видам. В то же время, за исключением Кенозера, она везде немногочисленна. В любительских и контрольных уловах Лекшмозера этот вид представлен особями возрастом от 2 до 7 лет. В орудия лова щука начинает попадаться с 4 лет. Средние размеры добываемой щуки колеблются от 45,7 см длины и массы 944 г у 4-годовиков до 70 см и 3200 г у рыб в возрасте 7 лет. Однако, в водоеме встречаются экземпляры до 14–17 кг. Модальная группа в выборке выражена достаточно хорошо – около 80 % исследованной рыбы составляют половозрелые особи в возрасте 5–6 лет длиной 55–60 см и массой 1,5–2,5 кг (табл. 3). Упитанность лекшмозерской щуки по Фультону увеличивается с возрастом с 0,77 до 1,03. По Кларку упитанность растет до 4 лет с 0,69 до 0,84, затем снижается до 0,78.

Таблица 3

Размерно-возрастная характеристика щуки Лекшмозера

Возраст, лет	Средняя длина (AD), см	Средняя масса, г	Количество исследованных рыб	
			экз.	%
2	27,6	162	2	1,7
3	37,0	454	6	5,1
4	45,7	944	14	11,9
5	53,6	1461	41	34,7
6	60,8	2278	52	44,1
7	67,7	3200	3	2,5
Всего			118	100

Щука озера Кенозера показывает чуть меньшие линейные и весовые размеры. Нами проанализированы особи в возрасте от 3 до 11 лет длиной от 31 до 90 см и массой от 232 до 6300 г. Доминируют в уловах половозрелые щуки 4–6 лет длиной 40–60 см и массой 700–2000 г (табл. 4).

Таблица 4

Размерно-возрастная характеристика щуки Кенозера

Возраст, лет	Средняя длина (AD), см	Средняя масса, г	Количество исследованных рыб	
			экз.	%
3	35,2	411	18	16,5
4	42,7	724	26	23,9
5	51,0	1303	37	33,9
6	57,4	1896	21	19,3
7	64,0	2500	5	4,6
9	75,0	5000	1	0,9
11	90	6300	1	0,9
Всего			109	100

В Кенозере также попадаются крупные экземпляры массой до 15 кг. Упитанность кенозерской щуки с возрастом практически не коррелирует. По Фультону она выше, чем у лекшмозерской щуки (0,93–1,19 %), по Кларку – примерно такая же.

Половой зрелости щука в озерах КНП достигает в возрасте 3–5 лет (самки на 1–2 года позже) при длине тела 35–40 см. Нерестится она с конца апреля до середины мая. Абсолютная плодовитость щуки с возрастом увеличивается от 13,5 тыс. икринок в 4 года до 66,5 тыс. в 7 лет. Щука является одним из самых важных объектов лова в КНП – на нее приходится до 20 % всей добываемой рыбы.

Лещ также относится к основным промысловым видам (17–18 % ежегодного вылова рыбы). Он обитает в трех озерах КНП – Кенозере, Лекшмозере и системе Масельское – Вендозеро. Самая многочисленная популяция леща обитает в озере Кенозеро. В наших сборах он представлен 14 возрастными группами. Линейный и весовой рост кенозерского леща характеризуется достаточно низкими показателями по всем возрастным группам. Характерным для сетных уловов Кенозера является разновозрастная структура добываемого леща. В любительских уловах преобладают неполовозрелые особи в возрасте 6–10 лет средней длиной 23–31 см и массой 250–700 г (табл. 5). Упитанность кенозерского леща по Фультону и по Кларку увеличивается до 10–11 лет (до наступления половой зрелости) с 1,74 до 2,25 и с 1,6 до 2,1. С 12 лет упитанность начинает снижаться.

Таблица 5

Размерно-возрастная характеристика леща озера Кенозеро

Возраст, лет	Средняя длина (AD), см	Средняя масса, г	Количество исследованных рыб	
			экз.	%
1	8,8	12	2	1,1
2	11,6	29	1	0,6
3	12,5	37	2	1,1
4	16,6	93	3	1,7
5	20,1	171	11	6,1
6	23,1	257	29	16,2
7	25,8	369	36	20,1
8	27,8	476	34	19,0
9	27,9	489	21	11,7
10	30,4	631	21	11,7
11	31,3	707	10	5,6
12	35,0	952	4	2,2
13	38,2	1140	2	1,1
14	39,4	1290	3	1,7
Всего			179	100

Лещ озера Лекшмозеро имеет более высокие размерно-весовые характеристики. В уловах встречаются рыбы возрастом от 3 лет до 21 года. Размеры леща колеблются от 16,4 см длины и 93 г веса до 75 см и 6100 г. В любительских уловах

хорошо выражена модальная группа. Основу добычи представляют рыбы в возрасте 7 лет средней длиной 34 см и массой 882 г (табл. 6). Это лещ в возрасте массового созревания. Он составляет около 60 % всего улова. Упитанность лекшмозерского леща по Фультону выше, чем у кенозерских особей и колеблется с возрастом от 2,07 до 2,81. Упитанность по Кларку с возрастом увеличивается с 1,76 до 2,05.

Таблица 6

Размерно-возрастная характеристика леща озера Лекшмозеро

Возраст, лет	Средняя длина (AD), см	Средняя масса, г	Количество исследованных рыб	
			экз.	%
3	16,4	93	14	7,7
4	19,8	177	17	9,3
5	23,2	319	14	7,7
6	27,3	472	25	13,7
7	34,0	882	108	59,3
10	40,0	1800	1	0,6
16	50,5	2850	2	1,1
21	75,0	6100	1	0,6
Всего			182	100

В озерной системе Масельгское – Вендозеро (балтийский бассейн) лещ имеет размерно-возрастные характеристики промежуточные между кенозерскими и лекшмозерскими популяциями. В контрольных и любительских уловах он представлен особями от 2 до 12 лет длиной от 14,1 см и массой 58 г до 40,1 см и 1106 г (табл. 7). Модальная группа в пробе не выражена. Упитанность местного леща с возрастом практически не коррелирует и колеблется от 1,72 до 2,20 по Фультону и от 1,48 до 2,00 по Кларку.

Таблица 7

Размерно-возрастная характеристика леща озера Масельгское

Возраст, лет	Средняя длина (AD), см	Средняя масса, г	Количество исследованных рыб	
			экз.	%
2	14,1	58	3	3,9
3	17,0	100	14	18,4
4	19,7	161	17	22,4
5	22,0	227	10	13,2
6	25,7	364	13	17,1
7	27,1	426	13	17,1
8	29,0	537	5	6,6
12	40,1	1106	1	1,3
Всего			76	100

В отношении упитанности для всех популяций леща КНП характерна одна особенность – у самых старших возрастных групп она снижается и по Фультону и по Кларку.

Половой зрелости в разных водоемах КНП лещ достигает на 5–9 году жизни при длине от 26 до 33 см. Нерест происходит с середины мая до начала июня при температуре воды не ниже 14°C. Мелкая клейкая икра откладывается на залитую прошлогоднюю растительность. Раньше всех созревает лещ озера Масельгское – в 5–6 лет (самки на 1–2 года позже) при длине 23–26 см и массе 280–370 г. Его абсолютная плодовитость в этом возрасте составляет 23,3 тыс. икринок, коэффициент половой зрелости – 5,3 %. Лекшмозерский лещ созревает в массе в 7 лет при длине 27–31 см и массе 500–800 г. Его абсолютная плодовитость составляет в этом возрасте 68 тыс. икринок, коэффициент половой зрелости равен 4,9 %. Позже всех созревает лещ озера Кенозеро. Самки становятся половозрелыми только к 10–11 годам при длине более 32 см и массе более 800 г. Абсолютная плодовитость самок кенозерского леща в этом возрасте составляет 52,5 тыс. икринок, коэффициент половой зрелости – 6,1 %.

Налим обитает во всех мониторинговых озерах и является постоянным объектом промысла (8–9 % от всей добываемой в парке рыбы). Рост налима в разных водоемах КНП значительно варьирует. Это связано, на наш взгляд, с обеспеченностью пищей. В озере Лекшмозеро, питаясь ряпушкой, налим растет быстрее, чем в других водоемах парка. В наших сборах встречаются особи от 4 до 8 лет. Размеры налима колеблются от 32,5 до 62 см длины (AD) и от 289 до 2517 г массы. Модальную группу составляют половозрелые особи в возрасте 4–6 лет средней длиной 30–60 см и массой 300–1500 г (табл. 8). В то же время в Лекшмозере встречаются налимы массой 7–8 кг.

Таблица 8

Размерно-возрастная характеристика налима озера Лекшмозеро

Возраст, лет	Средняя длина (AD), см	Средняя масса, г	Количество исследованных рыб	
			экз.	%
4	32,5	289	18	33,3
5	49,1	1045	13	24,1
6	57,4	1390	15	27,8
7	57,9	1932	6	11,1
8	62,0	2517	2	3,7
Всего			54	100

Налим из других водоемов КНП имеет более низкие линейно-весовые характеристики. Наша выборка представлена особями 9 возрастных групп. Размеры рыб изменяются от 22,4 см и 91 г у 4-годовиков до 69 см и 2628 г у налима в возрасте 12 лет (табл. 9).

Таблица 9

Размерно-возрастная характеристика налима других водоемов КНП

Возраст, лет	Средняя длина (AD), см	Средняя масса, г	Количество исследованных рыб	
			экз.	%
4	22,4	91	1	2,2
5	25,3	120	1	2,2
6	29,5	187	4	8,9
7	33,6	312	9	20,0
8	37,0	344	3	6,7
9	47,6	826	12	26,7
10	50,7	1273	4	8,9
11	58	1730	9	20,0
12	69	2628	2	4,4
Всего			45	100

Плотва является одним из самых многочисленных видов рыб в озерах национального парка и обитает во всех мониторинговых водоемах. Самая крупная плотва отмечена в озере Лекшозеро. В уловах встречаются особи от 3 до 10 лет. Размеры плотвы колеблются от 9 до 28 см длины (AD) и от 13 до 380 г массы. Модальная группа выражена хорошо и состоит из половозрелых особей в возрасте 6–7 лет средней длиной 17–20 см и массой 90–130 г. Ее доля в уловах составляет 77 % (табл. 10). Упитанность лекшозерской плотвы с возрастом увеличивается 1,53 до 1,85 по Фультону и от 1,35 до 1,53 по Кларку.

Таблица 10

Размерно-возрастная характеристика плотвы озера Лекшозеро

Возраст, лет	Средняя длина (AD), см	Средняя масса, г	Количество исследованных рыб	
			экз.	%
3	10,9	20	8	2,5
4	12,3	30	16	4,9
5	15,8	65	36	11,1
6	17,9	97	138	42,6
7	19,6	123	112	34,6
8	23,1	208	12	3,7
9	25	289	1	0,3
10	27,5	380	1	0,3
Всего			324	100

Плотва озера Кенозеро имеет более низкие размерно-весовые характеристики. Модальная группа здесь растянута. В уловах доминируют рыбы в возрасте 5–7 лет средней длиной 13–18 см и массой 40–100 г (табл. 11). Упитанность кенозерской плотвы также увеличивается с возрастом от 1,5 до 1,99 по Фультону и от 1,32 до 1,67 по Кларку, и в целом она несколько выше, чем у лекшозерской плотвы.

Таблица 11

Размерно-возрастная характеристика плотвы озера Кенозеро

Возраст, лет	Средняя длина (AD), см	Средняя масса, г	Количество исследованных рыб	
			экз.	%
3	9,3	12	17	13,9
4	11,2	20	22	18,0
5	13,5	42	31	25,4
6	15,7	71	22	18,0
7	17,1	90	10	8,2
8	18,6	123	8	6,6
9	20,2	165	9	7,4
10	21,4	197	3	2,5
Всего			122	100

Плотва Наглимозера характеризуется еще более замедленным ростом. В контрольных уловах она представлена рыбами от 4 до 9 лет и размерами от 10,8 до 19,4 см длиной и массой от 18 до 136 г. Модальная группа в выборке выражена достаточно хорошо. Особи в возрасте 6-7 лет длиной 14–17 см составляют 67 % улова (табл. 12). Упитанность увеличивается с возрастом от 1,47 до 1,72 по Фультону и от 1,39 до 1,48 по Кларку.

Таблица 12

Размерно-возрастная характеристика плотвы Наглимозера

Возраст, лет	Средняя длина (AD), см	Средняя масса, г	Количество исследованных рыб	
			экз.	%
4	10,7	18	1	1,8
5	13,1	38	2	3,5
6	14,4	49	15	26,3
7	16,3	75	23	40,4
8	17,8	89	10	17,5
9	18,9	117	6	10,5
Всего			57	100

Самой тугорослой является плотва из озерной системы Масельгское – Вендозеро. В уловах доминируют рыбы средней длиной 15 – 18 см и массой 60 – 110 г в возрасте 7 – 10 лет (табл. 13). При этом упитанность местной плотвы сравнима с плотвой из других водоемов и с возрастом практически не коррелирует, колеблясь в пределах 1,60 – 1,98 по Фультону и 1,39 – 1,65 по Кларку.

Половой зрелости плотва в водоемах КНП достигает на 3-4 году жизни (самки на год позже). Нерест проходит во второй половине мая в прибрежной зоне озер и на разливах с прошлогодней растительностью. Популяции плотвы КНП отличаются друг от друга репродуктивными характеристиками. Так, абсолютная плодовитость лекшмозерской плотвы колеблется от 6,6 тыс. икринок у 5-годовиков до

21 тыс. у рыб в возрасте 8 лет. Плодовитость плотвы озера Кенозеро ниже и меняется от 4,7 до 12,3 тыс. икринок у особей того же возраста. В пробах везде преобладают самки. В связи с многочисленностью плотва является объектом любительского рыболовства на всех озерах КНП, несмотря на невысокую пищевую ценность. Ее доля в ежегодных уловах составляет 7–8 %. Плотва играет существенную роль и как объект питания хищных видов рыб – щуки, налима и крупного окуня.

Таблица 13

Размерно-возрастная характеристика плотвы оз. Масельгское-Вендозеро

Возраст, лет	Средняя длина (AD), см	Средняя масса, г	Количество исследованных рыб	
			экз.	%
4	11,2	24	4	4
5	14	45	3	3
6	15,1	65	4	4
7	15,5	61	16	16
8	17,0	86	29	29
9	17,3	96	21	21
10	17,9	101	12	12
11	19,0	131	7	7
12	19,5	136	2	2
13	21,0	170	1	1
16	25,5	328	1	1
Всего			100	100

Окунь входит в ядро ихтиоценоза почти всех озер КНП, в т.ч. и в мониторинговых водоемах. В крупных озерах он образует две экологические группы. В зарастаемых высшей водной растительностью мелководьях обитает тугорослый окунь, питающийся бентосом. Открытые и более глубокие места является экологической нишей крупного окуня-хищника. Вероятно, обе группы составляют одну исходную популяцию, но в течение первых 4–5 лет происходит постепенная дифференциация окуней по размерам. Затем более крупные окуни переходят на питание рыбой и резко увеличивают темп роста. Более мелкие особи остаются бентофагами и в течение своей жизни все больше отстают в размерах от хищников. Также в Лекшмозере обнаружены т.н. карликовые самцы окуня, которые в возрасте 7–8 лет имеют длину (AD) от 14,5 до 15,8 см и массу от 34 до 64 г. Для окуня КНП характерны значительные колебания длины и массы в каждой возрастной группе.

В контрольных и любительских уловах на озере Кенозеро тугорослый окунь представлен особями в возрасте от 1 до 8 лет. Его средние размеры варьируют от 8 до 23 см длины и от 8 до 219 г массы. В модальную группу входят особи 2–4 лет длиной 9–14 см и массой 10–50 г. Они составляют около 65 % всей выборки (табл. 14).

Таблица 14

Размерно-возрастная характеристика тугорослого окуня озера Кенозеро

Возраст, лет	Средняя длина (AD), см	Средняя масса, г	Количество исследованных рыб	
			экз.	%
1	8,4	8	8	6,8
2	9,8	13	29	24,8
3	12,0	26	16	13,7
4	13,7	44	29	24,8
5	15,9	69	17	14,5
6	16,9	86	12	10,3
7	20,6	154	5	4,3
8	22,8	219	1	0,8
Всего			117	100

Быстрорастущим окунь становится после 4 лет. Его средние размеры колеблются от 20 см длины и массы 143 г у 5-годовиков до 29 см и 464 г у рыб в возрасте 8 лет (табл. 15).

Таблица 15

Размерно-возрастная характеристика крупного окуня озера Кенозеро

Возраст, лет	Средняя длина (AD), см	Средняя масса, г	Количество исследованных рыб	
			экз.	%
5	19,8	143	3	15,8
6	23,4	237	3	15,8
7	25,6	331	5	26,3
8	29,0	464	8	42,1
Всего			19	100

В озере Лекшозеро средние размеры тугорослого окуня примерно такие же, как и в Кенозере. Его размеры варьируют от 10 см длины и 13 г массы у 2-годовиков до 26,5 см и 326 г у рыб в возрасте 10 лет. Модальная группа в выборке не выражена. Доминируют особи в возрасте от 3 до 6 лет. Их доля составляет около 70 % от численности всего мелкого окуня (табл. 16).

Быстрорастущим лекшозерский окунь также становится в 4–5 лет. В наших сборах его максимальный возраст составляет 8 лет. Крупный окунь активно облавливается в открытых частях водоема круглый год. Его размеры в уловах колеблются от 21,5 см длины и массы 170 г до 37,1 см и 1026 г (табл. 17). По данным сотрудников национального парка, максимальная масса окуня, добытого в Лекшозере, достигает 2,5 кг.

В озере Наглимозеро хорошо выраженных экологических форм окуня не обнаружено. Однако рыбы одного возраста также сильно варьируют по длине и массе. В наших сборах на Наглимозере этот вид представлен 7 возрастными группами

и средними размерами от 11,6 см длины (AD) и массы 25 г у 3-годовиков до 21,4 см и 179 г у рыб 9 лет. Модальная группа выражена достаточно хорошо – около 80 % выборки составляют особи в возрасте 5–7 лет длиной 14–19 см и массой 50–130 г (табл. 18).

Таблица 16
Размерно-возрастная характеристика тугорослого окуня озера Лекшмозеро

Возраст, лет	Средняя длина (AD), см	Средняя масса, г	Количество исследованных рыб	
			экз.	%
2	10,1	13	11	5,0
3	11,9	25	41	18,6
4	15,9	64	37	16,7
5	16,8	78	40	18,1
6	18,0	99	36	16,3
7	18,7	111	26	11,8
8	20,0	137	26	11,8
9	22,3	182	1	0,5
10	25,2	294	3	1,4
Всего			221	100

Таблица 17
Размерно-возрастная характеристика крупного окуня озера Лекшмозеро

Возраст, лет	Средняя длина (AD), см	Средняя масса, г	Количество исследованных рыб	
			экз.	%
4	21,5	170	27	64,3
5	23,8	265	8	19,0
6	28,8	506	5	11,9
8	37,1	1026	2	4,8
Всего			42	100

Таблица 18
Размерно-возрастная характеристика окуня озера Наглимозеро

Возраст, лет	Средняя длина (AD), см	Средняя масса, г	Количество исследованных рыб	
			экз.	%
3	11,6	25	3	4,3
4	12,9	35	5	7,3
5	14,9	57	27	39,1
6	16,6	79	15	21,7
7	17,9	102	12	17,4
8	20,2	159	6	8,7
9	21,4	179	1	1,5
Всего			69	100

Выборка окуня из озерной системы Масельгское – Вендозеро представлена особями от 3 до 9 лет. При этом, среди окуня с невысоким темпом роста выявлен экземпляр быстрорастущего окуня. Особи первой группы представлены рыбами 3–8 лет от 10,7 см длиной и массой 18 г у 3-годовиков до 23,3 см и 234 г у рыб 8 лет. Быстрорастущий окунь имел возраст 9 лет, длину 39,5 см и массу 1270 г (табл. 19).

Таблица 19

**Размерно-возрастная характеристика окуня
озерной системы Масельгское – Вендозеро**

Возраст, лет	Средняя длина (AD), см	Средняя масса, г	Количество исследованных рыб	
			экз.	%
тугорослый окунь				
3	10,7	18	8	28,6
4	12,0	24	9	32,1
5	14,0	38	2	7,1
6	19,2	129	2	7,1
7	21,0	176	5	17,9
8	23,3	234	1	3,6
быстрорастущий окунь				
9	39,5	1270	1	3,6
Всего			28	100

В озерах КНП окунь достигает половой зрелости на 3–4-м году жизни. У всех популяций окуня нерест очень растянут – начинается с середины мая при температуре воды 8–10 °С и длится до конца июня. Икра мелкая, бело-желтого цвета, откладывается на подводную растительность в виде лент. Соотношение самцов и самок равно, в целом 3 : 1, но в возрастных группах с 8 лет начинают преобладать самки. Абсолютная плодовитость колеблется у тугорослых окуней от 4–5 тыс. икринок у самок в возрасте 4–5 лет до 27 тыс. икринок в возрасте 8 лет. У быстрорастущих особей – от 13,6 до 166,4 тыс. икринок. Окунь является важным объектом любительского промысла и дает 13–14 % общего улова. Он также служит в качестве одного из главных компонентов питания щуки и налима.

Примечание

¹Никольский Г.В. О биологической специфике фаунистических комплексов и значении их анализа для зоогеографии // Очерки по общим вопросам ихтиологии. М.; Л., 1953. С. 65-76; Решетников Ю.С. Идеи Г.В. Никольского о фаунистических комплексах и их современное развитие // Современные проблемы ихтиологии. М., 1981. С. 75-96.

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ О РАЗРУШЕНИИ КЕНОЗЕРСКИХ СВЯТЫНЬ: К ВОПРОСУ ОБ УКАЗАТЕЛЕ СЮЖЕТОБРАЗУЮЩИХ МОТИВОВ

В устной истории Кенозерья¹ довольно ярко выделяется группа рассказов о разрушении местных святынь. Под словом «разрушение» мы обобщенно подразумеваем полное или частичное, намеренное или случайное повреждение почитаемых мест, святотатство в отношении культовых объектов. Целью нашего исследования является анализ и систематизация данных повествований, а также составление указателя их сюжетобразующих мотивов.

При подготовке статьи автором использованы собственные полевые записи, тексты из научного архива ФГУ НП «Кенозерский», фольклорного архива Центра изучения традиционной культуры Европейского Севера ПГУ им. М.В. Ломоносова, опубликованные экспедиционные материалы Г.Н. Мелеховой, Н.М. Ведерниковой, А.Б. Мороза². При изучении данной темы мы опирались на исследования Л.В. Фадеевой, В.Е. Добровольской, Ю.М. Шеваренковой, Е.Е. Левкиевской, Г.Н. Мелеховой³.

Кенозерье уникально по своему природному и культурному наследию, в т.ч. по степени концентрации культовых памятников архитектуры и других почитаемых мест. Здесь действовали 4 монастыря, сохранилось 11 церквей и колоколен, 39 (из 65) часовен, более 40 «святых» роц и 30 поклонных крестов. Можно сказать, что на этой территории сформировалась своеобразная система почитаемых мест, в которую включены монастыри, церкви, часовни, «святые» роци, поклонные кресты и камни. В задачи статьи не входит подробное описание всех элементов сакральной топографии Кенозерья, анализ связанных с ними обычаев и обрядов. Попытаемся дать лишь краткие характеристики с целью демонстрации значимости различных почитаемых мест в духовной жизни местного населения.

Часовни играли в приходской жизни Кенозерья значительную роль, зачастую даже более важную, чем церкви. Церкви стояли лишь в крупных селах, а часовни возводили повсюду – почти в каждой деревне, в лесной чаще, возле дорог. Строились и содержались они «усердием крестьян» и вопреки всем существовавшим запретам. Как известно, уже во времена правления Петра I начались массовые запреты на строительство и содержание часовен. Официальное мнение гласило, что они используются для совершения языческих обрядов и как старообрядческие молельни⁴. В течение XVIII – XIX веков требования в отношении ограничения их строительства постепенно смягчились. Все сохранившиеся на Кенозерье часовни датируются этим временем. По мнению исследователей, такое широкое распространение часовен на Русском Севере, в частности на исследуе-

мой территории, связано с тем, что для их строительства позже уже не требовалось специальное епархиальное разрешение⁵. XX век принес новую волну гонений уже и на православие в целом. Не стало исключением и Кенозерье, где храмы использовались под хозяйственные нужды или разрушались, уничтожалось церковное имущество, осквернялись святыни, местные священники подвергались арестам и высылались целыми семьями. Народная память сохранила немало воспоминаний об этих событиях. Стоит заметить, в рассказах местных жителей персонажи-«разрушители» обозначены как «молодые люди», «мужики», «председатель», «приезжие», то есть люди более молодого поколения, проводники новой идеологии или люди вовсе чуждые местным традициям, православной вере. При этом весь трагизм ситуации объясняется рассказчиками просто, но не без горечи: «Время было такое». По меткому высказыванию одного из старожилов, «век попорченный».

Широко распространенным элементом православной топографии Кенозерья являются поклонные кресты. По традиции ими отмечали места, имевшие какое-либо особенное значение. Их ставили на месте закладки церкви или часовни; там, где сгорела часовня или монастырь; где кто-то был убит молнией или внезапно, без покаяния умер; где случилось чудесное видение или исцеление. Поклонный крест нередко определял границу «нашего» и «чужого, иного» мира, например, на развилке дорог (росстани), на околице деревни, при входе в «святую» рошу или в лесной чаще у тропы. Кресты меньше подвергались официальному надзору, а потому их почитание было более устойчивым среди местного населения и сохраняется до сих пор. От жителей д. Морщихинской записано несколько рассказов о поклонном кресте Николая Угодника по дороге на Наглимозеро. Особо чтят этот крест деревенские рыбаки, сами следят за его состоянием, и если «прохудился» – ставят новый. Старый крест оставляют в сторонке у ближайших елей, не ломая его и не снимая оставленных «заветов» (платков, полотенец, одежды).

«Никто грех на душу не возьмет рушить его или жечь. Тогда ведь можно в лесу заблудиться или в озере утонуть»

(Т.А. Малюкова, м.р. д. Анфаловская⁶).

Не располагая на данный момент текстовым материалом по другим объектам, предположим, что подобные представления широко существовали на территории Кенозерья, поскольку и в других местах можно обнаружить рядом с новым ветхие кресты, прислоненные к деревьям.

Почитание «святых» рощ связано как с мифологическими, так и с религиозными представлениями жителей Кенозерья. В XIX веке Николай Харузин выделил две группы «святых» рощ по происхождению: рощи, посаженные при «отцах, дедах современных крестьян» (как правило, вокруг часовни) и древние рощи, возникновения которых уже никто не помнит. Сами кенозерские крестьяне – совре-

менники ученого – считали рощи «собственностью» того угодника, во имя которого построена часовня. Исследователь делает предположение, что вторая группа может являться остатком «священных языческих лесов, в которых приносились жертвы другим народом, народом-язычником, жившим здесь... до прихода русских, которые наряду со многими суевериями унаследовали и это почитание рощ». В качестве возможного доказательства он приводит тот факт, что далеко не каждая роща освящена присутствием храма⁷. Н.М. Ведерникова отмечает, что «в кенозерской традиции «святые» рощи стоят в одном смысловом ряду с церквами, часовнями, крестами – все они осознаются как православные святыни, наделяются едиными функциями – защиты человека»⁸. Традиции местного населения и суеверный страх перед неминуемым наказанием категорически запрещают любую хозяйственную деятельность или проявление непочтения к священному месту: сбор грибов, ягод, цветов, рубку деревьев, ломание ветвей, крик, пение и т.д. До сих пор старожилы считают, что «трогать» (пилить на дрова, выносить из рощи) даже упавшее от старости или урагана дерево – грех и наказание за него неминуемо.

На территории Кенозерья–Лекшмозерья менее распространен такой элемент сакральной топографии, как поклонный камень. В беседах жители д. Морщининской упоминают лишь Николин камень, находящийся неподалеку от дороги, ведущей на Наглимозеро. Нам не удалось зафиксировать ни одного повествования о каких-либо попытках или случаях осквернения этого почитаемого места.

Устные рассказы о разрушении святынь имеют ряд особенностей. До сих пор остается открытым вопрос о жанровой природе данных повествований. В нашем случае преимущественное количество анализируемых текстов можно отнести к легендам (произведениям, объединенным наличием в них элементов чудесного, фантастического, но воспринимаемым как достоверные), меморатам (фольклорным рассказам о событиях, воспринимающимся как достоверные и основанные на собственных воспоминаниях рассказчика или воспоминаниях людей из его окружения) и хроникам (устным рассказам, построенным большей частью с ориентацией на вопросы собирателя)⁹. Для обобщенного обозначения рассматриваемых текстов используется термин «устный рассказ». По определению В.Н. Морохина, «устные рассказы – это впервые сообщенные, еще очень слабо выраженные в художественном отношении прозаические повествования о реальных событиях и делах людей, современником или непосредственным участником которых был сам носитель их»¹⁰.

Согласимся с выводами Л.В. Фадеевой о несамостоятельности темы разрушения святынь в речевой практике и проблеме полноты текстов¹¹. Кенозерские материалы подтверждают, что рассказ о разрушении той или иной святыни озвучивается преимущественно в контексте повествования о самой святыне, о связанных с ней праздниках, обрядах. Ряд информантов довольно подробно сообщает о печальных событиях, наполняя свой рассказ яркими образами, сравнениями,

детально восстанавливая ход событий и круг их участников. Так, при анализе текстов мы неоднократно фиксировали сравнение горящей церкви или часовни со свечой по внешней схожести и по характеру горения:

«А у нас была тут еще деревянна. Дак спалили тожо по пьянки... А мы там на том бирёгу скотину кормили, пришли в четыре часа скотину справлять, а как буд-то свичка кверху, а мы тут с двоюродной сестрой кормили скотину-то. Я говорю: «Тонька, гли-ко там кака так как свичка к этому»... Один хлев управили, как вышли – а уж горит, четыре часа утра. Все сгорело. Все»

(П.Н. Ножкина, 1923 г., д. Вершино¹²).

«Убрали иконки, сожгли часовенку – она сгорела, как свечка, даже рядышком ни одного дерева, ни одного кусточка не сожгло. Ну, как свечка: вот сгорела, потухла и все»

(З.И. Кузнецова, 1935 г.р., д. Шишкино¹³).

Другие рассказчики ограничиваются лишь констатацией факта утраты или повреждения объекта почитания:

«В нашей деревне была часовня и приломали. А вот в Монино, рядом у нас две деревни есть, там две часовни. Одна хорошая, приезжают туда и о праздниках ходят»

(Ершова М.Г., г.р. неизв., д. Поварничино¹⁴).

На степень «оформленности» рассказа влияют различные факторы: мастерство рассказчика, его заинтересованность и информированность в данной теме, характер диалога с интервьюером.

По-прежнему не теряет актуальности вопрос о сюжетообразующих мотивах повествований о разрушении почитаемых мест. Варианты классификации сюжетов и мотивов данных рассказов представлены в работах В.Е. Добровольской, Ю.М. Шеваренковой, анализировавших тексты, записанные в Центральном регионе России (Ярославская, Курская, Владимирская, Нижегородская обл.)¹⁵.

Сюжетика нарративов строится в основном на мотивах с предикатами «разрушения», «перенесения», «ограбления» почитаемых мест. Первый устойчивый мотив, выделенный нами, – мотив святотатства в отношении почитаемого места. В современном понимании святотатство – это не только имущественное посягательство, направленное на священные или освященные предметы, но и шире – оскорбление, осквернение святыни¹⁶ (ил. 1). Точно так же, как святотатство существует в различных формах, так и мотив святотатства имеет различные версии (в зависимости от совершаемых акций).

Одна из них – «полное разрушение священного объекта» (монастыря, церкви, часовни, поклонного креста) – разворачивается в повествованиях о почитаемых местах, полностью утраченных к настоящему моменту. Субъект действия в рас-

смотренных текстах, как правило, неизвестен или обезличен: «приломали часовню», «сгорела часовня». Сюжет данных повествований нередко настолько прост и короток, что граница между ним и мотивом практически стирается. Эта особенность сюжетов и мотивов отмечена С.Ю. Неклюдовым¹⁷.

В анализируемых устных рассказах с версией «нарушение целостности священного объекта» сюжет, напротив, более развернут (ил. 2). Рассказчик извлекает из памяти детали события, называет действующих лиц. В этой группе можно выделить ряд вариантов, конкретизирующих характер и цель действия: разрушение куполов, главок храма; использование обшивки храма, половых досок для хозяйственных нужд (дрова, строительный материал); использование бревен из сруба храма, церковных кирпичей для строительства общественных или хозяйственных сооружений (школы, магазина, хлева, печей); рубка «святой рощи»:

«В церкви школа была Успенской, клуб потом был. Ограда ещё каменная была кругом. Нанял N рабочих, по указанию председателя райсполкома, ... надо было здание школы, мастерских. Рабочие подпилили купола, пять куполов и шестой – основная колокольня, где шпиль. Сдергивали купола, крышу прикрыли, жёсть использовали, колокола раньше сняли. Внутри люстры под потолком на цепях, сняли их, у оконца бросили, долго валялись. Икон уже не было»

(А.И. Лоскутова, 1941 г.р., д. Погост).

Традиции почитания священных мест предписывают определенные нормы поведения или запреты на некоторые действия. Еще в XIX веке Николай Харузин, изучая культурные и этнографические особенности Кенозерья, заметил, что «среди населения ходит целый ряд рассказов, что такой-то или такая-то хотели срубить дерево, но что либо неведомая сила воспрепятствовала им сделать это, либо, совершив святотатство, они были наказаны или слепотой, или отнятием рук и ног».

Большой интерес представляет такая версия мотива святотатства как «сбрасывание колоколов», в особенности ее вариант «колокол уходит в землю». Он присутствует в рассказах о разрушении Кенской Пахомиевой пустыни и о разрушении Успенской церкви в деревне Вершинино:

«Большой колокол сбросили – наполовину в землю ушел... Мы тянули тоню, так вода затряслась как его спустили»

(М.М. Поршнева, 1915 г. р., д. Вершинино¹⁸).

«Когда колокол в тридцатые годы сбросили с колокольни, были видны одни уши: весь ушел в землю»

(И.Ф. Вахрамеев, 1920 г.р., д. Карпово¹⁹).

Колокол – неотъемлемая часть храма, можно сказать, его «язык». Он возвещает, призывает, предупреждает. Для местных жителей, бывших в те годы детьми, сбрасывание колокола, казавшегося огромным (у большого колокола язык был де-

вать пудов), стало запоминающимся и даже шокирующим событием. Таким образом, реалистичные повествования приобретают фантастические, чудесные, маловероятные элементы. В данном случае мы наблюдаем сходство мотива «колокол уходит в землю» с легендарным мотивом «церковь под землю уходит».

Версия мотива святотатства «приспособление храма и храмовых построек для общественных или хозяйственных нужд», как и ряд других, основана на реальных фактах. Чаще всего, по рассказам старожилов, храмы, в том числе и часовни, использовались в качестве зернохранилищ (ил. 3). Жители д. Морщихинской вспоминают о том, что церковь в Кирилло-Челмогорском монастыре использовалась в качестве временного жилья для сенокосников, а церковь в Макарьевском монастыре – для лесорубов. Некоторые храмы (церковь на Плакиде, деревянная церковь на Кенозерском погосте) были обустроены под школы. 1940-е года стали роковыми для Предтеченской церкви в д. Филипповской, когда были разобраны главы, бочки и кровли, выпилены внутренние перегородки и в храме размещена школа²⁰. О достоверности этих воспоминаний свидетельствуют сохранившиеся записи в притворах часовен, фотографии, архивные документы.

Мотив «поругание икон и церковной утвари» реализуется в таких вариантах, как пропажа икон; раскалывание икон на части; использование иконописных холстов в качестве одежды; срывание люстр, паникадил (ил. 4). Описываемые в рассказах события происходили как в рамках антирелигиозной кампании, так и в ситуациях, когда в расселенных, иногда почти полностью опустевших деревнях храмы оставались без присмотра местных жителей:

«Колоколы-то те увезли. Рано все грабительство пошло. Кенозеро-то упустили. В моей-то часовенке двадцать восемь икон клали в котомку, увезли. Я ревила на россаднике, плакала, подойти-то не смела. Зоя, дочь, говорит: «Вы одни там с папой живете, вас убьют, не ходи близко». А которы были больши иконы, поставлены о стену, они приехали в байдарке на другой вечер и еще в байдарке сложили, увезли. Мы вдвоем с дедушкой ничего сделать не могли»

(А.А. Артемьева, 1909 г.р., д. Тарасово²¹).

В.Е. Добровольская выделяет также мотивы «танец с иконой», «игры детей с иконами». На территории Кенозерья и Лекшмозерья на данный момент нам не удалось записать ни одного текста с указанными мотивами.

Мотив нарушения сакрального пространства в определенной степени связан с мотивом нарушения целостности священного объекта, но описывает события, разворачивающиеся на территории, прилегающей непосредственно к почитаемому месту, также считавшейся священной. Любое посягательство на сакральное пространство считалось грехом и нашло свое отражение в рассказах-воспоминаниях местных жителей. Г.Н. Мелеховой был зафиксирован текст о попытке жителя д. Масельги распахать землю на Хижгоре вокруг церкви Александра Свирского, после чего погибли два его взрослых сына²².

Не менее распространен в устных рассказах мотив противостояния святотатств-ву. Он выражает явный или скрытый отказ местного населения предать веру, традиции.

«После разорения церкви – отец иконы не снял, многие снимали...»
(М.М. Поршнева, 1915 г.р., д. Вершинино²³).

«Не дал <папа> ключёв <от часовни> дак все сломали, двари сломали...»
(П.Н. Ножкина, 1923 г.р., д. Вершинино²⁴).

Указанный мотив получает более широкое толкование в нарративах, повествующих о том, как местные жители наперекор новой идеологии продолжали, иногда тайком, посещать церкви, часовни, проводить крестины:

«Папу-то первый раз забрали... да он вернулся, недели-то две еще, крестьяне-то попросили послужить, тут какие-то праздники были, да он остался. А уж на второй раз в Карогополь, там тюрьма была, и не вернулся больше»
(А.А. Тервинский, 1925 г.р., д. Погост²⁵).

«Мы в какой-то год после войны собрались в церковь все. Старички, тут еще дьякон был. Собрались Пасху Христову встретить. Молебен тут отслужил он. Был Н начальником, да как пришел, отстукал, стариков за бороду вытащил. Почему вот так запрещалось? Едва потом отпихались, там это ему повлияло. Года два он был здоров, а потом заболел и сразу помер»
(Н.Ф. Калитина, 1928 г.р., д. Усть-Поча²⁶).

В рассказах о разорении святынь, поругании предметов культа, оскорблении веры достаточно распространенным является мотив неминуемого наказания за святотатство. В народном сознании любые негативные происшествя, связанные с персонажем-«разрушителем» мыслятся именно как акт Божьего возмездия:

«Все время старики говорили: «Богу навредил, так немного и земли потоптал»
(Н.Ф. Калитина, 1928 г.р., д. Усть-Поча²⁷).

В.Е. Добровольская отмечает, что Бог карает не за аморальный, а за ритуально недопустимый поступок («посягательство на Богово»)²⁸.

В устных рассказах варианты мотива наказания за святотатство довольно разнообразны. Среди них на первом месте – смерть персонажа: без видимой причины, от тяжелой болезни или травмы. Наказание может проявляться в виде частичной недееспособности, травмы персонажа (рука отсохла, пальцы отрубил, оглох) или понижения его социального статуса (в тюрьму посадили). При этом наказание не воспринимается как случайность, оно может происходить, например, по принципу подобия: гибель храма – смерть разрушителя, разрубание бревен часовни – отрубание руки. Нередко вместе с мотивом наказания персонажа разво-

рачивается факультативный мотив ответственности его близких за совершенный грех («И у него дети все померли не своей смертью»). Наказание может распространяться и на «вторичный» объект:

«На Мызе часовню Александра Невского перевезли на ферму, и ферма сгорела, большая была, скотину весной выпустили и сразу ферма сгорела. Все подумали, что скотину позволило зиму продержаться»

(В.В. Калитина, д. Усть-Поча²⁹).

В ряде текстов вместе с мотивом наказания может присутствовать мотив искупления греха:

«Часовня в честь Кузьмы и Демьяна <...> А история такая: Х был председателем колхоза <...> И он решил эту часовню перевезти под сушилку для хомутов. Он тут поработал, его перевели в Озерки поработать председателем. Он там работал. Его оттуда в тюрьму взяли – десять лет сидел. С тюрьмы пришел домой в Челму, он жил на Ховаевой горе <...> он сразу перенес часовню обратно»

(Ф.А. Калитина, 1936 г. р., д. Усть-Поча³⁰).

Несколько выходит за рамки темы, но все-таки связан с ней мотив обиды, нанесенной священнослужителям³¹. Основной сюжет рассказов с указанным мотивом – арест и ссылка священников и их семей.

«На Пасху пошли в Лекшмозеро на всенощную. После крестного хода заходим в церковь и вдруг с одной стороны все свечки погасли. И это повторялось три раза. А у мамы уже пасха на столе. Мы угощались, а она рассказала, что когда солнышко садилось, на него три раза чернота находила. Мне было одиннадцать или двенадцать лет. В этом же году увезли священника»

(М.Д. Калинина, 1926 г.р., д. Орлово³²).

События, вероятно, разворачивались в 1937–1938 годах. Текст наполнен элементами чудесного, фантастического, что характерно для поэтики легенды: гаснут церковные свечи – в народном представлении – плохая примета, дважды упоминается троекратность явлений, необычные природные явления, «чернота» – темная туча как предсказание беды.

Показательно то, что в воспоминаниях информантов священнослужители, подверженные арестам и ссылкам, предстают не как «враги народа», а скорее как мученики. Они – «свои», крестят, венчают, провожают в последний путь, так же, как и все, работают:

«Отец Михаил Иванович Ухоцкий трудолюбивый был <...> Матушка понасадит всего <...> Всех поит-кормит в монастыре-то <...> Как он посажен на телегу поп-то и ево страж сидит! Господи ты, батюшки, преступника-то везут! Он всю жизнь для людей все делал!»

(А.Ф. Сивцева, 1918 г. р., д. Поромское³³).

«Они (отец А. Тервинский и отец В. Первенцев, д. Вершинино. – *А.И.*) хорошо к людям относились. Когда выслали – у нас все плакали. Жалели. Уважали их»
(М.М. Гулева, 1915 г. р., д. Погост³⁴).

Несомненно, что описываемые события вызвали переворот в сознании местных жителей – ломались веками соблюдавшиеся традиции, обрядовые практики: «Не венчались – священника не было. Приходил священник, так ребят крестили. Тайно ходил, его принимали. Нет, не отпевали, так стали хоронить»
(М.М. Гулева, 1915 г. р., д. Погост³⁵).

Подводя итог сказанному отметим, что воспоминания о событиях 1930–1950-х годов, связанных с практически повсеместным закрытием или разрушением храмов, арестами священнослужителей, о приходской жизни достаточно хорошо сохраняются в народной памяти. Среди записанных текстов преобладают мемуары, предания, реже – легенды. Наиболее активными информантами являются женщины. Они охотнее вступают в разговор, делятся воспоминаниями, восстанавливают детали событий. Эти рассказы, безусловно, выполняют важную информирующую функцию. Но, на наш взгляд, более весомой является дидактическая функция данных повествований. В ее основе лежит не только личное мнение информанта, но и апелляция к мудрости предков. Рассказчики цитируют слова «стариков», стремясь передать их наставления и взгляды современному поколению. Параллельно с этим рассказы с мотивом святотатства и наказания за святотатство представляют собой предостережение, суть которого сводится к формуле: «Все, что совершается против Бога – карается».

На основе имеющихся в нашем распоряжении текстовых материалов мы выделили пять основных мотивов: святотатство в отношении почитаемого места; противостояние святотатству; наказание за святотатство; искупление греха; обида, нанесенная священнослужителям (см. Приложение). Эти мотивы могут иметь версии. Каждый из рассмотренных нами компонентов может выступать в структуре устных рассказов как сюжетобразующий или как второстепенный, в зависимости от акцента, поставленного рассказчиком. Каждый из этих мотивов может образовывать самостоятельные сюжеты и выступать в сочетании с другими мотивами. Дальнейшую разработку указателя сюжетобразующих мотивов можно продолжать по мере выявления новых текстов, корректировать его структуру и формулировку мотивов.

**Указатель сюжетобразующих мотивов устных рассказов
о разрушении кенозерских святынь**

Римской цифрой обозначен мотив. Арабской цифрой обозначена его версия. Строчной буквой обозначен существенный элемент мотива или его вариант.

- I. Святотатство в отношении почитаемого места.
 1. Полное разрушение почитаемого места.
 2. Нарушение целостности почитаемого места:
 - a) разрушение куполов, главок храма;
 - b) использование обшивки храма, половых досок для хозяйственных нужд (дрова, строительный материал);
 - c) использование бревен из сруба храма, церковных кирпичей для строительства общественных или хозяйственных сооружений (магазина, школы, хлева, печей);
 - d) рубка «святой» рощи.
 3. Сбрасывание колоколов:
 - a) колокол уходит в землю.
 4. Приспособление храма и храмовых построек для общественных или хозяйственных нужд.
 5. Поругание икон и церковной утвари:
 - a) пропажа икон;
 - b) раскалывание икон на части;
 - c) использование иконописных холстов в качестве одежды;
 - d) срывание люстр, паникадил.
 6. Нарушение сакрального пространства.
- II. Противостояние святотатству.
- III. Наказание за святотатство.
 1. Смерть персонажа:
 - a) без видимых причин;
 - b) от болезни, травмы;
 2. Частичная недееспособность.
 3. Понижение социального статуса.
 4. Ответственность семьи за грех.
- IV. Искупление греха.
- V. Обида, нанесенная священнослужителям.

Примечания

¹Исследование проводится на территории Кенозерского национального парка, в состав которого входят населенные пункты Каргопольского и Плесецкого районов (бывших Каргопольского и Пудожского уездов).

²Опубликованы: Мелехова Г.Н. Традиционный уклад Лекшмозерья. М., 1994; Кенозер-

ские сказки, предания, былички / вступ. ст., сост., прим. Н.М. Ведерниковой. М., 2003; Каргополье: Фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни и присловья) / М.Д. Алексеевский [и др.]; под общ. ред. А.Б. Мороза. М., 2009.

³Фадеева Л.В. Рассказы о разорении святыни в современной устной традиции Пинежья (к проблеме специфики сюжета и жанра) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV научной конференции «Рябининские чтения – 2003»: сб. науч. докл. Петрозаводск, 2003; Добровольская В.Е. Несказочная проза о разрушении церковей // Славянская традиционная культура и современный мир: сб. материалов науч.-практ. конф. М., 1997. Вып. 2. С. 76-88; Нижегородские христианские легенды / сост., вступ. ст. и коммент. Ю.М. Шеваренковой. Нижний Новгород, 1998; Левкиевская Е.Е. Москва в зеркале современных православных легенд // Живая старина. 1997. №3. С. 15-17; Мелехова Г.Н. Традиционный уклад Лекшмозерья. М., 1994.

⁴Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб., 2005. С. 65.

⁵Камкин А.В. Православная церковь на Севере России. Вологда, 1992. С. 27-29.

⁶Личный архив А.В. Ивановой (далее ЛАИ). 2009.

⁷Харузин Н.Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудоожского уезда Олонецкой губернии. М., 1889. С. 55-57.

⁸Ведерникова Н.М. Фольклор как способ отражения культурного ландшафта (по материалам экспедиционных выездов 2000–2002 гг.) // Культурный ландшафт как объект наследия. М.; СПб., 2004. С. 288.

⁹Используются термины и уточнения к ним, предложенные Г.А. Левинтоном и И.А. Разумовой. Левинтон Г.А. Предания и мифы. URL: www.rutenia.ru; Легенды и мифы. URL: www.rutenia.ru; Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001. С. 10, 184.

¹⁰Прозаические жанры русского фольклора: Сказки. Предания. Легенды. Былички. Сказы. Устные рассказы: хрестоматия / сост. В.Н. Морохин. М.: Высшая школа, 1977. С. 243.

¹¹Фадеева Л.В. Рассказы о разорении святыни в современной устной традиции Пинежья (к проблеме специфики сюжета и жанра) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения – 2003»: сб. науч. докл. Петрозаводск, 2003.

¹²ЛАИ, 2009.

¹³Мелехова Г.Н. Православные часовни Русского Севера в XX веке (по полевым материалам Каргополья и Кенозерья 2000-х гг.): эл. рукопись // Научный архив ФГУ НП «Кенозерский» (далее НА КНП).

¹⁴НА КНП. Тетрадь № 4.

¹⁵Добровольская В.Е. Указ. соч.; Шеваренкова Ю.М. Указ. соч.

¹⁶Святотатство // Малый энциклопедический словарь: Репринтное воспроизведение издания Брокгауза – Ефрона: в 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 1390.

¹⁷Неклюдов С.Ю. Мотив и текст // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996) / отв. ред. С.М. Толстая.

М.: Индрик, 2004. С. 236-247.

¹⁸НА КНП. Паспортизация д. Вершинино, электронная запись (далее НА КНП, Паспортизация, эл. запись – обозначение принято автором в связи с отсутствием рукописного оригинала).

¹⁹НА КНП. Тетрадь 16.

²⁰Заручевская Е.Б. История формирования храмового комплекса Почозерского прихода // НА КНП. Ф. 1. Оп. 1. Д. 144.

²¹НА КНП. Паспортизация д. Тарасово, эл. запись.

²²Мелехова Г.Н. Традиционный уклад Лекшмозерья. М., 1994. Ч. II. С. 140.

²³НА КНП. Паспортизация д. Вершинино, эл. запись.

²⁴ЛАИ. 2009.

²⁵Там же.

²⁶НА КНП. Тетрадь 6.

²⁷Там же.

²⁸Добровольская В.Е. Несказочная проза о разрушении церквей // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб., 1999. Т. 30. С. 510.

²⁹НА КНП. Тетрадь 13.

³⁰Там же.

³¹Терминология В.Е. Добровольской.

³²НА КНП. Паспортизация д. Орлово, эл. запись.

³³НА КНП. Паспортизация д. Поромское, эл. запись.

³⁴НА КНП. Тетрадь 3.

³⁵Там же.

НОВЫЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ А.Ф. ГИЛЬФЕРДИНГА, ОБНАРУЖЕННЫЕ В АРХИВАХ И БИБЛИОТЕКАХ

Александр Федорович Гильфердинг (ил. 1) известен как выдающийся общественный деятель, литературовед, этнограф, собиратель русских былин, но сохранилось очень мало сведений о его личной жизни: родителях, крещении, семье, родственниках, местах жительства и, наконец, месте упокоения. Осветить некоторые из этих биографических данных и хотелось бы автору этой статьи.

Родители. Отец Александра в «Деле о дворянстве рода Гильфердингов за 1855–1857 гг.», хранящемся в Российском государственном историческом архиве, сообщает: «Я, Федор Гильфердинг, вступил 23 сентября 1830 года в законный брак с дочерью Инженер-Генерала де Витта, девицею Амалиею Яковлевною и прижил сына Александра, родившегося 2 июля 1831 года»¹.

В своей книге «Воспоминания об А.С. Пушкине» Лев Николаевич Павлищев так комментирует строки из письма С.Л. Пушкина к дочери Ольге Сергеевне от 23 июля 1834 года: «Сергей Львович, упоминая о малолетнем сыне варшавской приятельницы Ольги Сергеевны, г-жи Гильфердинг, – впоследствии незабвенном нашем ученом славянофиле, Александре Федоровиче, – шутит следующим образом: «Все, что говоришь нам о маленьком Саше Гильфердинге, наводит меня на мысль, что... он ... по крайней мере будущий Ньютон, Галилей или Меццофанти (первый хранитель Ватиканской библиотеки, впоследствии кардинал, владевший 57 иностранными языками. – В.К.). Да это маленький гений, если по своему умственному развитию страсти к изучению языков и естественным наукам приводит всех в изумление, превышая пятнадцатилетних юношей! Этот удивительный ребенок может стать вровень разве с маленькой девочкой из Гамбурга, о которой говорили в газетах. Ей два года, а знает астрономию и разрешила несколько математических задач... Верь этому журнальному анекдоту, если хочешь... От души желаю тебе иметь сына, подобного маленькому Гильфердингу»².

Мать Александра умерла 12 февраля 1841 года, когда сыну не было и 10 лет. Похоронена она на Вольском кладбище в Варшаве³.

В некрологе, посвященном Александру Федоровичу Гильфердингу, М.И. Севемский пишет: «Рано потеряв мать, нашел он в отце самый нежный, самый заботливый уход за его воспитанием и образованием. Трудно было встретить человека добрее и мягче Федора Ивановича. Все свойства своего доброго сердца старик, как бы целиком, передал единственному своему сыну и другу. Лучшие воспитатели и ученые, какие 20 лет тому назад были в Варшаве, окружали Александра

Федоровича, и мальчик, одаренный необыкновенными способностями, удивлял своими успехами, особенно в языках иностранных. Не говоря уже о славянских наречиях и о языках новейших: французском, немецком и английском: ими он владел как родным – А.Ф. в совершенстве и весьма рано усвоил себе языки древнегреческий, латинский и впоследствии ознакомился с языком санскритским»⁴.

Его отец – Федор Иванович Гильфердинг – был сенатором, управляющим Государственным архивом Министерства иностранных дел и членом Совета этого министерства, тайным советником. Родился он 26 июля 1798 года, умер 5 января 1864 года.

Ф.И. Гильфердинг был погребен на Выборгском католическом кладбище рядом с храмом Посещения Пресвятой Девой Марией Елисаветы (Санкт-Петербург, ул. Минеральная, д. 21, лит. Д). Его могила расположена слева от входа, в нескольких метрах от стены храма. Надгробье было выполнено из гранита в виде постамента в форме волны (так называемой петровской горки, похожей на пьедестал Медного всадника) с установленным на нем крестом⁵. Об этом свидетельствует сделанная в начале XX века фотография памятника, которая была обнаружена в фотоархиве Государственного музея истории Санкт-Петербурга (Петропавловская крепость, д. 3) в 2009 году⁶.

До настоящего времени надгробье на могиле Ф.И. Гильфердинга не сохранилось, т.к. в 1940–1950-х годах кладбище было полностью ликвидировано.

Православное крещение. В «Деле о дворянстве рода Гильфердингов» есть Свидетельство о присоединении к православной церкви Александра Гильфердинга от 19 июня 1848 года, в котором написано следующее: «По Указу Его Императорского Величества Варшавская Духовная Консисто́рия по выслушании и прошении Управляющего Дипломатической Канцелярией Главнокомандующего Действующей Армией Действительного Статского Советника Федора Гильфердинга о выдаче метрического свидетельства о присоединении к православной Церкви 2 апреля 1846 года сына его Александра, каковое свидетельство нужно при определении помянутого Александра в одно из учебных заведений Империи... в метрической книге Варшавского Кафедрального Собора за 1846 год акт присоединения Александра Федоровича Гильфердинга записан от слова до слова так: в счет родившихся мужеска пола, № 8. Время рождения – тысяча восемьсот тридцать первого года июля второго числа. Время присоединения – тысяча восемьсот сорок шестого года апреля второго числа. Имя присоединившегося – Александр. Родители. Начальника Дипломатической Канцелярии Главнокомандующего Действующей Армией Действительного Статского Советника и Кавалера Федора Иванова Гильфердинга и законной жены его Амалии-Софии Яковлевой дочери урожденной Де Витте сын Александр крещенный по обряду Латинской Веры, ко Православной церкви присоединен и Святым миром помазан. Восприемники Адъютант Начальника Главного Штаба Действующей Армии Ротмистр Клястицкого Гусарского полка Николай Иванов сын Гильфердинг (дядя

А.Ф. Гильфердинга. – В.К.) и Члена Правительствующей Комиссии Внутренних и Духовных Дел Варшавского Кафедрального Протоиерея Благодочинного и кавалера Феофила Новицкого жена Параскова Андреева дочь, присоединял Варшавский Кафедральный Протоиерей Благодочинный и Кавалер Феофил Новицкий с псаломщиком Иосифом Тосельским»⁷.

Таким образом, установлена дата принятия православной веры Александром Гильфердингом – 2 апреля 1846 года. Ему тогда было почти 15 лет.

Публиковавшиеся ранее данные о том, что «по желанию отца Александр Федорович Гильфердинг при самом рождении был крещен по обряду православного вероисповедания» не подтвердились⁸.

В 1848 году, когда было выдано свидетельство, сообщает М.И. Семевский, «явился 17-летний юноша в московский университет и здесь на самом трудном и серьезном факультете, каков историко-филологический, сразу занял он первое место»⁹.

Семья Гильфердинга. О семье самого Александра Гильфердинга М.И. Семевский повествует так: «Александр Федорович женился в конце 1858 года за границей на Варваре Францевне Ридель, московской уроженке. В 1859 году, пишущий эти строки, познакомился с семейством Гильфердинга и с полной искренностью должен сказать, что тринадцатилетнее знакомство с Гильфердингами навсегда пребудет самым дорогим, самым отрадным для меня воспоминанием» (ил. 2)¹⁰.

Были ли дети в семье Гильфердингов? Об этом скупо сообщает формулярный список о службе Помощника Статс-Секретаря Государственного Совета и Цензора Санкт-Петербургского Почтамта, Действительного Статского Советника Александра Гильфердинга¹¹. В прошении на имя Председателя Государственного Совета великого князя Константина Николаевича от 22 сентября 1865 года Государственный секретарь князь Урусов пишет, что Помощник Статс-Секретаря Государственного Совета Статский Советник Гильфердинг просит уволить его на две недели в отпуск за границу для сопровождения больной жены своей. В прошении от 14 марта 1866 года Помощник Статс-Секретаря Управляющего делами Главного Комитета об устройстве сельского состояния Действительный Статский Советник Гильфердинг просит о дозволении отправиться на предстоящие Страстную и Светлую недели за границу для свидания с находящимися там по болезни женой и малолетним сыном его. В прошении от 28 августа 1868 года Гильфердинг просит об увольнении в отпуск на 6 недель за границу с находящейся там по болезни женой и для поправления своего здоровья. Здесь сын не упомянут.

Узнать о его судьбе позволило письмо Александра Федоровича Гильфердинга от 20 мая 1867 года И.И. Срезневскому из Женевы. В нем он пишет: «До сих пор не было духу написать Вам, многоуважаемый Измаил Иванович. Великое горе постигло меня. Я уже не застал в живых своего сына. Болезнь, которая длилась долго, но считалась докторами простым катарральным состоянием, 26 апреля обратилась в meningitis (менингит. – В.К.), и 27 числа его не стало. Мое пребывание

за границу продлится еще несколько недель, потому что жена моя не в состоянии предпринять большого путешествия»¹².

Ближние и дальние родственники Гильфердинга. Краткие сведения о генеалогии рода Гильфердингов представлены в «Родословной книге дворянства Московско-кой губернии»¹³.

Дед Александра Федоровича – Иван Федорович – происходил из венгерских дворян¹⁴. Он был преподавателем немецкого языка и переводчиком, родился в Москве 28 марта 1771 года, умер 10 февраля 1836 года. Погребен в Москве на Введенских горах¹⁵. Вот что о нем пишет отец Александра Федоровича – Федор Иванович Гильфердинг – в Объяснении Московскому Дворянскому Депутатскому Собранию: «Покойный отец мой, Иван Гильфердинг, родился в Москве Российским подданным. Прадед его прибыл в Россию еще в Царствование Императрицы Елизаветы Петровны и вместе с сыном своим и моим дедом принял тогда же Российское подданство. Свидетельства о том, что ими исполнена была верноподданническая присяга, я не могу представить не только по давности времени, но и по пожару, истребившему около 1770 года и в 1812 году дом, принадлежащий им и отцу моему в Лефортовской части. Отец мой вступил в 1791 году в военную службу как Русский подданный, и мне совершенно известно, что при восшествии на Всероссийский Престол блаженной памяти Императоров Павла Петровича, Александра Павловича и ныне благополучно царствующего Императора Николая Павловича, он вместе со всеми Русскими подданными возобновил присягу на верноподданничество, независимо от присяги на верность службы. За пожертвования, сделанные им во время Отечественной войны 1812 года, он удостоился получить медаль, установленную Всемилостивейшим Манифестом 30 августа 1814 года для Российского благородного дворянства»¹⁶.

Коллежский асессор Иван Федорович Гильфердинг в «Списках пожертвованных, делаемых чиновниками Императорского Московского Университета» записан дважды: одновременно – 100 руб. и «пока война продолжится» – 300 руб.¹⁷

Иван Федорович был женат на Виктории Матвеевне Ге (Gay)¹⁸. Она была дочерью французского эмигранта. Виктория Матвеевна родилась 23 февраля 1775 года, а скончалась 14 сентября 1852 года¹⁹.

У Ивана Федоровича и Виктории Матвеевны было восемь детей: Федор, Анна, Александр, Варвара, Аделаида, Павел, Николай и Петр²⁰.

По данным справочника «Московский некрополь», Иван и Виктория Гильфердинг похоронены на Иновещерском кладбище на Введенских горах. Там же покоятся и пятеро их детей: Анна (26.07.1798–21.01.1834), Александр (03.07.1800–18.05.1816), Варвара (13.07.1802–11.02.1847), Ридель (Riedel), рожденная Гильфердинг, Аделаида (15.06.1804–22.12.1878) и Павел (06.10.1806–15.08.1816)²¹.

Николай Иванович Гильфердинг родился 10 сентября 1812 года²². Сначала он был юнкером Оренбургского Уланского полка. 23 апреля 1837 года переведен в 30-й Драгунский Ингерманландский полк. Корнет. В звании поручика 17 ноября

1841 года переведен в Клястицкий гусарский полк²³, в котором, будучи ротмистром, 31 августа 1849 года произведен в майоры²⁴.

Николай Иванович Гильфердинг закончил службу подполковником, умер 24 февраля 1862 года и был похоронен в Донском монастыре в Москве²⁵.

Его жена, Капитолина Михайловна Красильникова (Крашенинникова), – из почетных граждан (19.10.1833 – 16.07.1873)²⁶. Она похоронена вместе с Николаем Ивановичем в Донском монастыре²⁷.

Николай Иванович и Капитолина Михайловна имели двух дочерей (двоюродных сестер Александра)²⁸:

– Варвару Николаевну, родившуюся 4 декабря (в архивных документах есть также дата 14 декабря)²⁹ 1852 года, состоявшую в браке с Алексеевым;

– Капитолину Николаевну, вышедшую в 1882 году замуж за Юльяна (Юлиана) Юльяновича (Юлиановича) Рафальского (1852 г.р.).

Дед А.Ф. Гильфердинга по материнской линии – Яков (Петр-Эдуард) Яковлевич де Витте – родился 15 ноября 1739 года в Голландии. Вот его послужной список: военный инженер голландской службы в 1760–1772 годах, капитан, директор гидравлических работ в Голландии с 1773 года, принят из голландской службы в русскую инженер-майором 9 ноября 1783 года, подполковник инженерного корпуса с 23 февраля 1787 года, полковник с 12 декабря 1790 года, генерал-майор с 24 ноября 1794 года, генерал-лейтенант с 16 февраля 1798 года, инженер-генерал-аншеф с 3 декабря 1799 года. Принят с женой и детьми в вечное подданство России и внесен в список российских дворян 9 декабря 1806 года. 24 мая 1809 года он умер и погребен в Петрограде на Смоленском евангелическом кладбище³⁰.

Его жена Гертруда-Елизавета д'Овербек, дочь экипажмейстера голландских азиатских поселений (в Бенгале), умерла 15 июня 1815 года. Погребена с мужем³¹.

Дочь Якова и Гертруды де Витте – Амалия Яковлевна Гильфердинг – была «уроженкой острова Цейлон»³².

Места жительства Гильфердингов. Гильфердинг имел два имени: одно в Польше, другое в России.

В «Формулярном списке А. Гильфердинга» есть свидетельство № 172 от 27 января 1864 года. В нем написано следующее: «Государственная Канцелярия сим свидетельствует, что служащий в оной Помощник Статс-Секретаря Государственного совета Коллежский советник Александр Федорович Гильфердинг вероисповедания православного и есть законный и единственный сын умершего в Санкт-Петербурге 5 января сего 1864 года Сенатора Тайного советника Федора Ивановича Гильфердинга. Это Свидетельство с приложением печати Государственной канцелярии дано ему, Александру Гильфердингу, для предъявления прав на наследство, оставшееся после смерти отца его, Милостивейше пожалованного ему в 1838 году майората Пршитулы, в Августовской губернии Царства Польского»³³.

Майорат, согласно словарю русского языка С.И. Ожегова, – это система нас-

ледования, при которой недвижимое имущество, земельное владение переходят к старшему сыну или старшему в роде.

В настоящее время сельская гмина (волость) Пшитулы (Przytuly) входит как административная единица в Ломжинский повят (район) Подляского воеводства Польши.

В России, недалеко от Петербурга, Гильфердинг обладал имением, расположенным в селении Арефино Валдайского уезда Новгородской губернии. Об этом свидетельствует запись № 3257 «Дело о выкупе земли временно-обязанными крестьянами у помещика надворного советника Александра Федоровича Гильфердинг, начатое 9 сентября 1863 г. и законченное 2 марта 1864 г.». В этом документе сказано, что «общество крестьян, поселенных в имении Г<осподина> Гильфердинг, доставшемся ему по купчей крепости от дочери надворного советника девицы Екатерины Михайловны Петриковой (в 1862 г.) и состоящее в числе 6 ревизских душ, выкупают, по взаимному с помещиком соглашению, усадебную оседлость и полевые угодья, в полном по уставной грамоте наделе, с получением ссуды от Правительства с дополнительными платежами 180 р. в течение 10 лет. Количество всей выкупаемой земли (кроме неудобной) 33 дес. т.е. 5 ½ дес. на душу»³⁴.

Что же стало с имением Гильфердинга в Арефино, в котором он прожил 10 лет?

Сейчас Арефино территориально числится в Бологовском районе Тверской области.

Приведем некоторые сведения краеведов.

В.В. Сычев в 1996 году писал: «Есть в трех-четырех километрах от Бологого рядышком с Куженкинским шоссе (это которое на большую дорогу к двум столицам выводит) деревенька Арефино. Можно считать, что была, поскольку совсем в недавние по историческим меркам времена признали местные начальники деревню бесперспективной и – как водится – перекрыли деревеньке кислород. Теперь от нее осталось название, пара-тройка дворов и воспоминания знатоков, что в Арефине была усадьба самого Гильфердинга Александра Федоровича. Что это была за усадьба – давайте спросим первого бологовского бытописателя. В своих воспоминаниях в журнале «Русская старина» и в изданной в Петербурге брошюре археолог, палеонтолог князь П.А. Путятин пишет: «Гильфердингу я был обязан тем, что в деревне у него познакомился с некоторыми писателями того времени. Наш знаменитый, ныне уже покойный Аксаков Иван Сергеевич часто приезжал к Гильфердингу. Кроме того, познакомился у него с Николаем Васильевичем Калачовым – директором археологического института, Михайло Ивановичем Семевским, К.Н. Бестужевым-Рюминым, И.С. Тургеневым и другими»³⁵.

М.А. Иванов в 2006 году дополнил: «Разъехались жители села Арефино, их значительная часть перебралась в город. Сохранились лишь фундаменты отдельных усадеб»³⁶.

Директор Бологовского краеведческого музея Ирина Александровна Судакова

летом 2010 года сообщила о местонахождении усадьбы Арефино следующее: «С карты оно исчезло давно. Поэтому мало найдется людей, которые покажут точное место. Однако нам известно, что в семи верстах от станции Бологое (по дороге к трассе Москва – Питер) есть поворот направо, который ведет к озеру Осовец. На берегу этого озера и нужно искать останки знаменитого имения. Говорят, что там не один фундамент, а несколько, и какой из них принадлежал Гильфердингу – не известно».

Что касается местожительства А.Ф. Гильфердинга в Санкт-Петербурге, то в извещении о смерти своего мужа, опубликованном в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 22 июня 1872 года, Варвара Францевна писала, что «панихиды по усопшем будут совершаться ежедневно, в 1 час пополудни и в 8 часов вечера, на квартире на Сергиевской, № 81»³⁷. В настоящее время улица Сергиевская переименована в улицу Чайковского.

Автор данной статьи дважды обращался в Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга с запросами и получал сообщения о том, что сведений о проживании А.Ф. Гильфердинга по указанному адресу не имеется.

Прояснить эту ситуацию неожиданно помог Арсений Семенович Дубин – известный в Санкт-Петербурге историк, автор книги «Улица Чайковского», который и сообщил, что номер дома поменялся с 81 на 83. Вот некоторые выдержки из его труда: «Пятиэтажный дом № 83/7 на углу Потемкинской улицы, оформленный в чертах эклектики с лепкой и эркерами, пожалуй, наиболее богат интересными и знаменитыми именами... Можно предположить, что нанимателей квартир, жителей привлекала близость Таврического сада. В сторону сада выходил один из фасадов дома – восточный фасад, освещаемый по утрам солнцем. С 1860-х годов и до своей кончины снимал здесь квартиру из семи, потом из десяти комнат помощник секретаря Государственного совета Александр Федорович Гильфердинг»³⁸.

В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга было просмотрено дело с двумя «Ведомостями о доходах с домов, принадлежащих отставному Генерал-майору Павлу Родионовичу Алещеву, представляемого в залог С. Петербургского Городского Кредитного Общества, состоящего в Литейной части, 4 участка, по Сергиевской и Таврической (ныне Потемкинская) улицам, под № 81 и 7»³⁹.

В первой ведомости (год не указан, по-видимому, 1870-й) написано, что Гильфердинг снимал квартиру № 3 по Таврической (ныне Потемкинской) улице из семи комнат, передней и кухни, годовая плата 800 р.

Во второй ведомости за 1871 год написано: действительный статский советник Гильфердинг снимал квартиру № 1 из 10 чистых комнат, 2 служб по контракту, годовая плата 962 р., деньги хозяином получены по 25 декабря 1871 года».

Таким образом, проживание Гильфердинга в доме № 81 по улице Сергиевской в 1871–1872 годах документально подтвердилось, и есть все основания для установки на фасаде дома с новым № 83 по улице Чайковского мемориальной доски.

Сразу после смерти мужа 10 июля 1872 года из Государственной канцелярии Варваре Францевне Гильфердинг было дано свидетельство «для свободного жительства во всех городах Российской Империи»⁴⁰. Она уехала в Москву. Об этом стало известно из заказного письма, пришедшего в Петрозаводск 23 июля 1873 года, в котором было вложено «Прошение Его Превосходительству Господину Олонецкому Гражданскому Губернатору Григорию Григорьевичу Григорьеву» о высылке сообщения о смерти ее мужа в комиссию юстиции Царства Польского для решения вопроса о наследстве. На конверте вдова написала, что она живет в Москве, в Басманной части, 1-м квартале, в доме Рафальской⁴¹.

Кем приходилась Рафальская Варваре Францевне Гильфердинг, стало известно из письма Александра Федоровича Гильфердинга к Николаю Алексеевичу Милютину, в котором он пишет: «Несколько лет тому назад, когда я имел честь работать под вашим начальством в Варшаве, я воспользовался Вашим расположением ко мне, чтобы просить Вашего ходатайства в пользу моего свояка Рафальского, управляющего московским казенным аптечным магазином... Решаюсь теперь прибегнуть вторично с просьбой о том же моем родственнике... На этих днях открывается вакансия помощника медицинского инспектора по фармацевтической части Московского военного округа. Место это не выше того, которое занимает Рафальский, и оно ему уже однажды предлагалось... Но ныне работы по магазину становятся ему уже не по летам и силам, и он был бы счастлив, если бы его перевели на менее изнурительную для здоровья должность помощника инспектора... Вы этим премного обяжете и всю семью моей жены и меня»⁴².

Таким образом, Рафальская приходилась В.Ф. Гильфердинг родной сестрой. Установить точное ее имя и отчество, а также дом проживания помог выходивший уже в то время адрес-календарь города Москвы, позднее получивший название «Вся Москва».

В справочнике за 1873 год сообщается: «Рафальский Юлиан Иванович – помощник по фармацевтической части Военного медицинского инспектора Окружного военно-медицинского управления, статский советник, Разгуляй, у Богоявления, собственный дом»⁴³, а в справочнике за 1874 год уточнен адрес Рафальского: «Басманная часть, 2 квартал»⁴⁴. Здесь стоит сказать, что «Разгуляй – площадь между Старой и Новой Басманными улицами, Елоховскою и Доброю Слободкою»⁴⁵.

Юлиан Иванович Рафальский родился 18 сентября 1818 года, умер 11 июля 1881 года и похоронен на Иноверческом кладбище на Введенских горах⁴⁶.

В справочнике за 1885 год записана «Рафальская Екатерина Францевна, вдова действительного статского советника, Елоховская, Басманная часть, 1 участок, 356, 218, 4» (номера дома: новый, старый, уличный)⁴⁷.

А в адрес-календаре «Вся Москва» на 1903 год в «Табеле домов города Москвы» написано: «Елоховская улица, 4. Анисимовой Екатерины Юлиановны. 356/218»⁴⁸. По всей видимости, дочь Юлиана Ивановича и Екатерины Францевны

вышла замуж и взяла фамилию мужа.

Здесь стоит напомнить, что дочь Николая Ивановича Гильфердинга, Капитолина Николаевна, являвшаяся двоюродной сестрой А.Ф. Гильфердинга, была замужем за Юлианом Юлиановичем Рафальским, который был сыном Юлиана Ивановича и Екатерины Францевны и, вероятно, братом Екатерины Юлиановны⁴⁹.

Ю.Ю. Рафальский, действительный статский советник, камер-юнкер Двора Его Императорского Величества записан в адрес-календаре города Москвы на 1904 год по адресу: «Большой Власьевский переулок, дом Усовой. Телефон 493. Общество Верхних Торговых рядов; Российское общество Красного Креста, Московского местного управления»⁵⁰.

Сразу после смерти мужа Варвара Францевна жила в доме Рафальских, но не долго, т.к. в справочнике за 1873 год сообщается ее другой адрес: «Дамы 1-х четырех классов. Гильфердинг Варвара Францевна, жена действительного статского советника, Старая Басманная, д. Рожнова»⁵¹. В справочнике за 1885 год сказано, что домовладелец Степан Николаевич Рожнов имел дом на Старой Басманной, 1-й участок, № 510, 358.

Разобраться с нахождением домов на территории города помог «План Басманной части города Москвы с указанием крепостных номеров владений»⁵². На нем показан дом Рафальских, обозначенный как 356/218, – это дом № 4 по Елоховской улице, которая примыкает к Елоховской площади с расположенной на ней церковью Богоявления. В этом доме Варвара Францевна Гильфердинг жила в 1872 году у своей сестры сразу после смерти мужа. В 1919 году Елоховская улица была переименована в Спартаковскую. Дом Рафальской к настоящему времени не сохранился, на его месте выстроен другой дом.

А Богоявленский кафедральный собор известен тем, что в нем находится рака с мощами святителя Алексия Московского и похоронены патриархи Сергей и Алексей II. Здесь крестился А.С. Пушкин.

Также на плане показан дом, обозначенный как 510/358, – это дом № 17 по Старой Басманной улице, где в 1873 году жила В.Ф. Гильфердинг.

Сейчас по этому адресу находится Федеральная служба по техническому и экспортному контролю России. Таким образом, установлены некоторые адреса, по которым проживали Александр Федорович Гильфердинг, его жена Варвара Францевна и их родственники, у которых мог храниться семейный архив Гильфердингов.

Могила Гильфердингов. «Помощник Статс-Секретаря Действительный статский советник Гильфердинг прибыл в город Каргополь 15 июня, после пятидневной болезни брюшным тифом умер 20 июня»⁵³. Об этом сообщило рапортом Каргопольское уездное полицейское управление в Канцелярию Государственного Совета 21 июня 1872 года.

Александр Федорович Гильфердинг 23 июня 1872 года был отпет в Христовоздвиженском храме города Каргополя и похоронен на городском кладбище,

но по просьбе вдовы Варвары Францевны тело усопшего было перевезено для перезахоронения в Санкт-Петербург. Она разослала печатное извещение о том, что «покорнейше просит пожаловать во вторник 4 июля в 8 ½ часов на вынос тела его с Воскресенской пристани Северного Пароходства, что у Литейного моста и за тем на погребение в Новодевичий монастырь»⁵⁴.

Тело Гильфердинга «было встречено на пристани друзьями и почитателями и похоронено в Новодевичьем монастыре. Здесь тогдашний ректор семинарии, впоследствии епископ Нижегородский Хрисанф со свойственным ему глубокомыслием и красноречием произнес речь, из которой приведем следующие проникнутые глубоким чувством строки: «Это был деятель в полном и широком смысле слова... Не напрасно и не по имени только здесь, у нас, он был центром всех живых деятельных стремлений наших во имя славянства. Все мы знаем это, знают об этом и там – среди самих славянских племен. Словом, вся жизнь его была одним нераздельным, цельным служением одному делу – одной национальной идее... Но не то же ли говорит о нем и сама смерть его, так поразившая нас своей неожиданностью? Перед нами, братья, жертва любви к науке и своему призванию, жертва ревности к своему делу. Смерть застала его в глухом краю, куда стремился он единственно за тем, чтобы собрать дорогие для него предания из уст народа, среди которого еще уцелели следы первобытных времен, имеющие скоро и здесь исчезнуть... Конец, достойный жизни!»⁵⁵

Где же расположена могила Гильфердинга?

В книге «Санкт-Петербургский Воскресенский первоклассный общежительный монастырь» в «Списке лиц, погребенных» действительный статский советник Александр Гильфердинг записан на странице 22 под номером 635. Год погребения – 1872, 1-й разряд, 21-й участок, средняя часть⁵⁶.

В «Алфавитном списке с 1852 по 1881 всем лицам мирским погребенным на кладбище Санкт-Петербургского Воскресенского Первоклассного Девичьего Монастыря» действительный статский советник А.Ф. Гильфердинг записан на листе 47 под № 27⁵⁷.

В «Алфавите умерших с 1852 по 1885 на Новодевичьем кладбище» Гильфердинг Александр записан в 1872 году под № 644, разряд 1-й, местность на плане: участок 21, средняя часть. Указан лист № 13 в плановой книге⁵⁸. На этом листе показано точное место захоронения. Оно обозначено на плане в виде двух расположенных рядом прямоугольников (двух могил) с общей надписью – «Гильфердинг»⁵⁹.

В книге «Новодевичье кладбище» написано, что Варвара Францевна умерла 30 марта 1909 года в возрасте 76 лет⁶⁰, а план кладбища был составлен в 1885 году. Чья же вторая могила указана на плане?

Ответ на этот вопрос есть в «Книге захороненных на Новодевичьем кладбище, год 1852–1887». В ней записано, что квитанция № 76 выдана 24 июня 1872 года «Гильфердинг Варваре Францевне, вдове действительного статского советника на 1 место в 1 разряде»⁶¹. Ниже стоит приписка «Место занято 6-го июня 1909 г. при

погребении самой В.Ф. Гильфердинг». Следовательно, Варвара Францевна купила себе место на кладбище рядом со своим супругом на четвертый день после его кончины. Наверное, думала, что будет не в силах пережить смерть мужа. Однако судьба распорядилась по-своему. Она умерла позже него почти на 37 лет.

Здесь необходимо сделать одно уточнение по поводу неверно указанной даты смерти Варвары Францевны в книге «Новодевичье кладбище».

В декабре 2010 года автором был найден первоисточник, в котором написано, что «Гильфердинг Варвара Францовна, вдова Действительного Статского Советника, скончалась от незаразной болезни 76 лет от рождения 30 мая 1909 года. Местность на плане: 1 разряд, 21 участок, средняя часть. Перевезена из г. Севастополя по открытому листу»⁶².

Таким образом, стоит признать, что выдвигавшееся ранее предположение автора (в связи с двухмесячным сроком между датой смерти и погребения) о том, что «она умерла... в Севастополе, по всей видимости, была сначала похоронена там, а уже затем (как и он) перезахоронена в Санкт-Петербурге рядом с супругом»⁶³, было ошибочным.

Восстановление надгробия Гильфердинга. В настоящее время захоронение Гильфердинга по плану Новодевичьего кладбища 1992 года⁶⁴ зарегистрировано на участке № 8 под № 80⁶⁵. В справочнике-путеводителе по Новодевичьему кладбищу (Московский проспект, 100) по поводу надгробья А.Ф. Гильфердинга значится следующее: «Мраморный постамент в форме волны; крест утрачен»⁶⁶. В действительности же постамент выполнен не из мрамора, а из гранита серого цвета (ил. 3).

В статье «Любовь к отеческим гробам», посвященной Новодевичьему кладбищу, читаем: «После Октябрьского переворота и гражданской войны большинство родственников тех, кто погребен на Новодевичьем кладбище, вынуждены были покинуть Россию. Оставшиеся без присмотра могилы и склепы стали добычей грабителей и мародеров. Многие памятники были утрачены, некоторые частично пострадали. Так, например, с могилы знаменитого историка и фольклориста Александра Гильфердинга украли крест»⁶⁷.

В 1972 году производственная группа по охране и эксплуатации памятников истории и культуры Главного управления культуры исполкома Ленинградского городского совета депутатов трудящихся произвела приемку-сдачу работ по реставрации надгробия А.Ф. Гильфердинга, приуроченной к 100-летию со дня его смерти. В акте от 22 ноября 1972 года записано: «Произведены работы: наковка поребрика и плитки, гранитная часть промыта, текст полирован. Крест не восстановлен. Работа выполнена хорошо». Далее в документе предлагается «крест восстановить весной 1973 г.»⁶⁸, но крест не установлен до сих пор.

Что касается надгробья Варвары Францевны Гильфердинг (1833–1909), то оно полностью утрачено. Старых фотографий надгробий супругов А.Ф. и В.Ф. Гильфердинг пока не обнаружено.

В настоящее время на Новодевичьем кладбище по Постановлению Правительства Российской Федерации № 527 от 10 июля 2001 года под государственной охраной находятся 90 захоронений и надгробий в категории объектов культурного наследия федерального значения⁶⁹, но надгробие А.Ф. Гильфердинга в их число не входит⁷⁰.

В 2007 году директор Кенозерского национального парка Елена Флегонтова на Шатковская, ученый секретарь Русского географического общества Александр Олегович Брынкин, директор Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН Всеволод Евгеньевич Багно, заместитель начальника отдела фольклора этого института Александр Александрович Горелов, председатель Санкт-Петербургского союза ученых Андрей Леонидович Тимковский выразили поддержку в проведении историко-культурной экспертизы для включения надгробия А.Ф. Гильфердинга в состав вновь выявленных памятников⁷¹.

В июне – июле 2007 года к 135-летию со дня кончины Гильфердинга в Славянском зале Библиотеки Российской Академии наук ученый секретарь Ольга Владимировна Скворцова и работник музейно-выставочной группы Светлана Николаевна Федотова организовали выставку трудов ученого и книг с упоминанием об Александре Федоровиче, изданных в течение последних нескольких лет, в том числе и Кенозерским национальным парком⁷².

Международный благотворительный фонд имени Дмитрия Сергеевича Лихачева, возглавляет который писатель Даниил Александрович Гранин, а исполнительным директором является Александр Валерьевич Кобак, в 2008 году включил приведение в порядок надгробия А.Ф. Гильфердинга в программу «Петербургский некрополь», направленную на сохранение и благоустройство исторических кладбищ Петербурга⁷³. Это весьма символично, поскольку сам Д.С. Лихачев в 1938 году писал рецензию на третье издание «Онежских былин» Гильфердинга⁷⁴.

По распоряжению Правительства Российской Федерации № 950-р от 9 июня 2010 года Новодевичье кладбище было включено в перечень объектов культурного наследия федерального значения. В связи с этим появилась надежда на возможность постановки на государственный учет могилы А.Ф. Гильфердинга, а вслед за этим будет восстановлен и крест надгробного памятника великого собирателя народной поэзии.

Дом Шишкиных на Кенозере, где останавливался Гильфердинг. В 1927 году экспедиция под руководством братьев Бориса Матвеевича и Юрия Матвеевича Соколовых побывала на Кенозере «по следам Гильфердинга».

По результатам этой поездки спустя 20 лет в 1948 году вышла книга «Онежские былины». В ней была опубликована фотография с подписью: «Дер. Шишкино. Изба, в которой останавливался А.Ф. Гильфердинг в 1871 г.»⁷⁵.

Какова же судьба дома?

Оказывается, дом сохранился до сих пор на прежнем месте (ил. 4.)! Потомки проживавших в нем рода Шишкиных Ольга Анатольевна и Эдуард Владимирович

живут сейчас в Санкт-Петербурге на Пушкинской улице. По их воспоминаниям, родословная хозяев старинного дома Шишкиных выглядит так: Кузьма Павлович; Иван Кузьмич; Михаил Иванович (род. 1903 г.) и Мария Михайловна; Владимир Михайлович (1940–1991) и Ольга Анатольевна; Эдуард Владимирович (род. 1966 г.)

О.А. Шишкина рассказала, что Иван Кузьмич держал лошадей и занимался извозом, поэтому Гильфердинг и остановился у него или у его отца Кузьмы Павловича.

В семье Шишкиных до сих пор хранят как память поддужный бронзовый колокольчик, который широко использовался в прошлом в почтовых и курьерских повозках и привязывался под дугой лошади.

Дом был большой, двухэтажный, вместительный. Его построили в 1861 году из кондовой сосны. Лишь задняя часть дома еще до войны была продана. Дом пустует почти 19 лет – после смерти В.М. Шишкина. За это время он просел и сейчас ему необходим капитальный ремонт.

Поскольку дом является уникальной постройкой, где останавливался замечательный собиратель русского народного эпоса, семья Шишкиных приняла решение о передаче дома Кенозерскому национальному парку. Это поможет сохранить архитектурный памятник, а в последующем создать в нем музей русского былинного эпоса.

Нигде в России до сих пор нет музея по русскому былинному народному творчеству!⁷⁶

В музее разместится экспозиция обо всех известных сказителях Кенозера как во времена Гильфердинга и братьев Соколовых (с фотографиями и биографиями сказителей, которые хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве, а также в архиве Кенозерского национального парка), так и в более позднее время, с книжной выставкой, а также с фонотекой, где будут звучать былины в записях, которые были сделаны на фонографе братьями Соколовыми в 1927 году⁷⁷. Быть может, этот почин сможет восстановить и традицию пения русских былин на Кенозере.

В ближайшее время с помощью государства и добровольных помощников его надгробие и дом, где он останавливался на Кенозере, будут восстановлены.

Хочется верить, что со временем будет обнаружено все больше сведений о жизни и деятельности собирателя русского эпоса А.Ф. Гильфердинга (в 2011 году исполняется 180 лет со дня рождения и 140 лет со времени поездки по сбору былин), записавшего 318 былин от 70 певцов, из них 85 былин от 23 сказителей Кенозера, в том числе 7 былин от Ирины Денисовны Калитиной из деревни Суетин Остров (ныне Мыза), откуда идет род и автора данной статьи.

Примечания

¹Дело о дворянстве рода Гильфердингов. 1857 г. (Архив Москов. дворян. депутат. со-

брения); в Фонде Департамента Герольдии Сената // Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1343. Оп. 11. Д. 1685. Л. 19, 19 об., 20, 36, 37, 37 об.

²Павлицев Л.Н. Воспоминания об А.С. Пушкине: Из семейной хроники. М., 1890. С. 360.

³Шилов Д.Н. Неопубликованные материалы к «Русскому провинциальному некрополю» в фондах Российского государственного исторического архива. URL: <http://www.petergen.com/publ/shilovrpnrngia.shtml>

⁴Семевский М.И. Александр Федорович Гильфердинг // Русская старина. 1872. Т. VI. С. 453, 455.

⁵Калитин В.А. Могила Ф.И. Гильфердинга на римско-католическом кладбище при храме Посещения Пресвятой Девой Марией Елисаветы // Материалы к истории Римско-католического прихода во имя Посещения Пресвятой Девой Марией св. Елисаветы и к истории католического кладбища выборгской стороны в Санкт-Петербурге. СПб., 2010. Ч. II. С. 170-172, 186.

⁶Памятник Гильфердингу Федору Ивановичу (26.07.1798–05.01.1864). Фотография. Католическое (СПб.). Выборгская сторона // Государственный музей истории Санкт-Петербурга. КП № 237955///-осн. инв. № II-A-8163-ф.

⁷Дело о дворянстве рода Гильфердингов...

⁸Аксаков И.С. Речь о А.Ф. Гильфердинге, В.И. Дале и К.И. Новоструеве. Произнесена 25 февраля 1873 г. на заседании Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете // Сочинения И.С. Аксакова. М., 1887. Т. 7. С. 784–794.

⁹Семевский М.И. Указ. соч.

¹⁰Там же. Фоторграфия В.Ф. Гильфердинг см.: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее ЦГИФ СПб). Ф. 400. Оп.3. Д. 294. Л. 13 об.

¹¹Формулярный список о службе Помощника Статс-Секретаря Государственного Совета и Цензора Санкт-Петербургского Почтамта, Действительного Статского Советника Александра Гильфердинга. 1868 г. // РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 234. Л. 55, 71, 73, 80, 80 об., 83, 83а, 85.

¹²Срезневский Измаил Иванович. Гильфердинг Александр Федорович. Письма его к И.И. Срезневскому. Женева. 20 мая 1867 г. // Архив Российской академии наук. Санкт-Петербургский филиал. Ф. 216. Оп. 5. Ед. хр. 184. Л. 22.

¹³Родословная книга дворянства Московской Губернии. М., 1914. Т. 1: Дворянство жалованное и выслуженное. А – И. С. 349.

¹⁴Дело о дворянстве рода Гильфердингов...

¹⁵Русский биографический словарь. М., 1916. Т. 5. С. 197, 204, 205.

¹⁶Дело о дворянстве рода Гильфердингов...

¹⁷Московское дворянство в 1812 году. М., 1912. С. 443-445.

¹⁸Русский биографический словарь. Т. 5.

¹⁹Родословная книга...

²⁰Там же.

²¹Великий князь Николай Михайлович // Московский некрополь. СПб., 1907. Т. 1: А – I. С. 269.

²²Родословная книга...

²³Борисевич А.Т. История 30-го Драгунского Ингерманландского полка. СПб., 1904. Т. 1. С. 29.

²⁴Цехановецкий В.П. История 18 Драгунского Клястицкого его королевского высочества Великого Герцога Гессенского (б. Гродненский гусарский, с 1824 по 1882 г. Клястицкий гусарский) полка. Варшава, 1886. С. 97.

²⁵Великий князь...

²⁶Родословная книга...

²⁷Великий князь...

²⁸Родословная книга...

²⁹Дело о дворянстве рода Гильфердингов...

³⁰Чулков Н.П. Де-Витте. М., 1915. С. 3-4.

³¹Там же.

³²Аксаков И.С. Указ. соч.

³³Формулярный список о службе...

³⁴Дело о выкупе земли временно-обязанными крестьянами у помещика Гильфердинг // РГИА. Ф. 577. Оп. 22. Д. 1164. Л. 1-23.

³⁵Сычев В.В. Меж двух столиц. Стихотворения, графика, очерки. Славянофил из Бологого в Боснии и Герцеговине. Век XIX. Новгород, 1998. С. 95-97.

³⁶Иванов М.А. Земля Бологовская на карте истории: Статьи и очерки. Дачник из Арестино А.Ф. Гильфердинг (1831 – 1872). Вышний Волочек, 2006. С. 312-315.

³⁷Санкт-Петербургские ведомости. 1872. № 168. 22 июня (4 июля). С. 2.

³⁸Бройтман Л.И., Дубин А.С. Улица Чайковского. М., 2003. С. 7, 434-435.

³⁹Дело о выдаче ссуды под залог дома П.Р. Алещева. Литейной ч. 4 уч. Началось 1870. Окончено 1874 // ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2423. Л. 11 об., 50, 51 об.

⁴⁰Формулярный список о службе...

⁴¹Конверт с прошением вдовы действительного статского советника Гильфердинга А.Ф. Олонецкому губернатору Григорьеву Г.Г. 1873 г. 17 июля // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66/65. Л. 85А.

⁴²Гильфердинг Александр Федорович. Письмо к Николаю Алексеевичу Милютину. 10 января 1871 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ). Ф. 124. Ед. хр. 1115. Собрание П.Л. Векселя.

⁴³Адрес-календарь Москвы, изданный по официальным сведениям к 1 января 1873 г. М., 1873. С. 15, 97, 98.

⁴⁴Адрес-календарь Москвы, изданный по официальным сведениям к 1 января 1874 г. М., 1874. С. 20.

⁴⁵Вся Москва. Адрес-календарь города Москвы на 1903 г. М., 1903. С. 149, 406.

⁴⁶Великий князь Николай Михайлович // Московский некрополь. СПб., 1907. Т. 3. С. 8.

⁴⁷Адрес-календарь города Москвы на 1885 г. М., 1885. С. 777, 779.

-
- ⁴⁸Вся Москва. Адрес-календарь города Москвы на 1903 г.
- ⁴⁹Родословная книга...
- ⁵⁰Вся Москва. Адрес-календарь города Москвы на 1904 г. М., 1904. С. 368.
- ⁵¹Адрес-календарь Москвы, изданный по официальным сведениям к 1 января 1873 г.
- ⁵²Приложение к Адрес-календарю г. Москвы на 1903 г. «Вся Москва». М., 1901.
- ⁵³Формулярный список о службе...
- ⁵⁴Гильфердинг Варвара Францевна, жена писателя Александра Федоровича Гильфердинга. Письмо и печатное извещение о смерти А.Ф. Гильфердинга Ивану Петровичу Корнилову. 3 июля 1872 г. // ОР РНБ. Ф. 377. Ед. хр. 591. Л. 2; Санкт-Петербургские ведомости. 1872. № 179. 3 (15) июля. С. 4.
- ⁵⁵Письмо из Каргополя // Русская старина. 1872. № 10; Бестужев-Рюмин К. Александр Федорович Гильфердинг // Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 2-е. СПб., 1894. Т. 1. С. XXI, XXII.
- ⁵⁶С-Петербургский Воскресенский первоклассный общежительный монастырь. СПб., 1887. Ч. 3. С. 22.
- ⁵⁷Алфавитный список всем лицам мирским, погребенным на кладбище Санкт-Петербургского Воскресенского Первоклассного Девичьего Монастыря. 1852 – 1881 // ЦГИА СПб. Ф.1. Оп. 1. Д. 869. Л. 47.
- ⁵⁸Алфавит умерших с 1852 по 1885 на Новодевичьем кладбище // ЦГИА СПб. Ф. 639. Д. 1. Связка 1. Л. 27 об.
- ⁵⁹План кладбища 1885 г. // ЦГИА СПб. Ф. 639. Оп. 1. Д. 3. Л. 13.
- ⁶⁰Шмелева О.А., Маркина Н.Л., Рогулина Н.В., Савинская Л.П. Новодевичье кладбище. СПб., 2003. С. 5, 103, 520, 528.
- ⁶¹Книга захороненных на Новодевичьем кладбище. Год 1852 – 1887 // ЦГИА СПб. Ф. 639. Оп. 1. Д. 6. Л. 18 об.
- ⁶²Кладбище Петроградского Воскресенского женского монастыря. Алфавит погребенных на 1903–1912 годы. Начато 1903 г. Кончено 1919 г. // ЦГИА СПб. Ф. 639. Оп. 1. Д. 5. Л. 55 об.
- ⁶³Калитин В.А. Новые биографические данные об А.Ф. Гильфердинге // Русская литература. 2011. № 1. С. 137-142.
- ⁶⁴Научно-технические материалы, выполненные Северо-Западным отделением Всесоюзного общества геодезии, аэрокосмических съемок и картографии (СЗ ГАСК) (Планы, схемы, ведомости инвентаризации). СПб., 1991–1992.
- ⁶⁵Шмелева О.А., Маркина Н.Л., Рогулина Н.В., Савинская Л.П. Указ. соч.
- ⁶⁶Дубин А.С. Новодевичье кладбище // Исторические кладбища Петербурга: Справочник-путеводитель. СПб., 1993. С. 385, 389.
- ⁶⁷Любовь к отеческим гробам // Наша газета. Итака-недвижимость. 2006. № 26 (29). 28 февраля.
- ⁶⁸Акт от 22 ноября 1972 г. приемки-сдачи работ по реставрации надгробья Гильфердинга А.Ф. Производственная группа по охране и эксплуатации памятников истории и культуры. Главное управление культуры Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся // Ар-
-

хив Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры г. Санкт-Петербурга (КГИОП СПб.).

⁶⁹Шмелева О.А., Маркина Н.Л., Рогулина Н.В., Савинская Л.П. Новодевичье кладбище. Изд. 2-е. СПб., 2007. С. 5.

⁷⁰Долгошева А.Б. Доблестный и храбрый воин // Санкт-Петербургские ведомости. 2007. 2 июля. № 118 (3910). С. 4; Калитин В.А. Александр Гильфердинг. Собиратель Олонецких былин // Киж. 2007. № 8 (37). Сент. С. 3.

⁷¹Калитин В.А. Памяти Гильфердинга – собирателя былин на Кенозере // Плесецкие новости. 2008. 1 июля.

⁷²Его же. Сохранение памяти о Гильфердинге А.Ф. (1831–1872) и восстановление креста на его могиле // Наука и техника: Вопросы истории и теории: Тезисы XXVIII Международной конференции Санкт-Петербургского отделения национального комитета по истории и философии науки и техники РАН (26 – 30 ноября 2007 г.). СПб., 2007. Вып. XXIII. С. 135-137.

⁷³Реставрация могилы А.Ф. Гильфердинга. URL: <http://www.lfond.spb.ru/chronicle/261/>

⁷⁴Лихачев Д.С. [Рец. на кн.: Онежские былины / зап. А.Ф. Гильфердингом. М.; Л., 1938] // Книжные новости. 1938. № 19-20. С. 37.

⁷⁵Онежские былины. Летописи. М., 1948. Кн. 13. С. 3.

⁷⁶Калитин В.А. В Кенозерье найден дом, где останавливался известный русский фольклорист и этнограф А.Ф. Гильфердинг. URL: <http://www.kenozero-park.ru/cntnt/novosti/n493.html>

⁷⁷Неизданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых: 1926 – 1928. По следам Рыбникова и Гильфердинга. Сведения о фонографических записях. М., 2007. С. 547.

ДЕРЕВО КАК ПРООБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В МИФОЛОГИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ

В Кенозерском национальном парке существует множество священных рощ и деревьев. Вероятно, этот феномен следует рассматривать как наследие языческих верований славянских и неславянских народов, некогда заселивших эту территорию, и как элемент мифологического сознания, свойственного человечеству в раннюю эпоху его истории (мифосознание можно предложить определить как комплекс духовной деятельности в обществах бесписьменной культуры с кровнородственной системой общественных связей и традиционным способом хозяйствования).

Миграция славян в Заонежье происходила в XII веке из Новгородской республики. К неславянским народам относятся емь, вепсы, карелы. В этнографической науке XIX века именование «чудь» применяли к различным фино-угорским племенам, к коим относили емь и вепсов¹. В архивах этнографических исследований, организованных князем В.И. Тенишевым в различных губерниях Российской империи, сохранились описания религиозной жизни жителей Вытегорского уезда Олонецкой губернии. Прежде всего, стоит обратить внимание на факт удаленности церквей от селений на 1 версту и более, что могло быть одним из условий, при которых религиозное чувство побуждало местных жителей к сооружению часовни в своей деревне или ближайшем лесу или реализовывалось в поддержании культа деревьев и камней. Приводятся рассказы местных жителей, в которых фигурируют мифообразы низшей мифологии: оборотень, домовый, лесовой (праведный), водяной (решной барин), баянник (банник), лихорадка (трясуха)². Как известно, такие представления о нечистой силе бытовали и продолжают бытовать у всех народов, принявших монотеистическую религию, поэтому их нельзя считать особенностью мировоззрения жителей Заонежья.

Для нашей темы наиболее интересны этнографические свидетельства о роли деревьев в религиозной жизни, об обрядах, связанных с ними.

«Версты за две от селения (Исаево Чернослободской волости Вытегорского уезда. – О.К.) есть в лесу громадная сосна, начиная от земли, идет сквозное отверстие в виде свода; никто не помнит, как образовался этот ход»³. Информатор утверждает, что сам видел эту сосну, и не мог определить природу отверстия в стволе: выдолблен, выжжен? Одно ясно, что не «выгнил»: сосна выглядит свежей, и сквозь отверстие может свободно пролезть взрослый человек. Жители называют эту со-

сну «пронимательницей». Они приходят к ней весной, три раза пролезают в отверстие, веря, что таким способом избавятся на целый год от головной боли⁴.

Похожий обряд трехкратного пролезания, но уже под икону производится во время праздника в честь местной святыни – иконы «Троеручницы». Эти праздники установлены 12 октября и 26 июня, на них сходится, как указывает информатор, до тысячи человек. Икону несут крестным ходом к озеру, где устраивается из деревянных досок «Ёрдань». Каждый участник старается трижды пролезть под икону, окунают крест в «Ёрдань» и возвращаются назад. Смысл обряда не комментируется. Этот же информатор по Вытегорскому уезду отмечает довольно большое религиозное усердие местных жителей, у которых принято платить за молебен от трех до пяти копеек, а иные вместо денег навешивают на икону полотенца, ленточки, крестики⁵.

В Олонецкой губернии на берегу речки Саминой располагались несколько деревень под общим названием Куржексы. «В приходскую свою церковь жители Куржексы ходят редко, да и то немногие, а Богу молятся каждый воскресный и праздничный день очень усердно в своей кладбищенской часовне. Часовня эта расположена среди кладбища, в роще на обрывистом берегу маленькой речки. Она устроена во имя Нерукотворного образа и имеет вид церкви. При часовне есть и колокольня с несколькими небольшими колоколами. Этот скромный дом молитвы находится среди густой рощи, которая обнесена деревянной оградой. Много таинственного и поэтического в этой роще в летний день: шум вековых деревьев, как бы шепот невидимых теней, пенье, чириканье и щебетанье многих птичек; жужжание и стрекотание многих насекомых; журчание ключей под горой (это описание очень подходит к Почозерскому древнему кладбищу, сохранившемуся до наших дней в Кенозерском национальном парке. – *О.К.*). Наконец, таинственный полумрак – все это уносит человека куда-то в иной мир, заставляет сердце усиленно биться, производя в нем какой-то радостный трепет, на душе делается легко, светло – и человек невольно опускается на колени, прославляя Творца, его премудрость и величие»⁶.

В настоящее время ситуация взаимоотношения язычества и христианства в районе Кенозера, по крайней мере в пространственном выражении, выглядит следующим образом. В д. Вершинино вблизи озера расположена священная роща, и (примерно напротив) на вершине холма стоит Никольская часовня, сооруженная в XVIII веке. В д. Зехново на развилке дорог стоит поклонный крест и немного поодаль могучее дерево – священная сосна. Часовня Святой Параскевы Пятницы XIX века находится прямо в священной роще, и здесь же неподалеку стоит часовня-«крест» Успения Пресвятой Богородицы, известная как самая маленькая часовня в России. В действующих часовнях, где происходят богослужения, прихожане оставляют дары: платки и монеты, а в священных рощах не принято собирать грибы, ягоды.

Сформулируем проблему: являются ли священные, или, как принято говорить

на Кенозере, святые рощи свидетельством живучести язычества в современном мире, или почитание их есть только сохраняемая традиция, смысл которой позабыт и вытеснен церковью? И другой аспект проблемы: если священные рощи являются культовым местом не только у северных славян, но и у других народов, исповедующих различные теистические религии, то, вероятно, у этого явления есть более древние корни – не языческие, а мифологические? Может быть, проблема получит дополнительный импульс для разьяснения, если привлечь факты совершения культовых действий в рощах других регионов России? На Северном Кавказе осетины-иронцы и абхазы до настоящего времени имеют традицию приносить жертвы своим родовым божествам в святилищах, устроенных в реликтовых рощах или возле одиночно стоящих деревьев⁷. Посвящение Богоматери и изображение креста придают этим сооружениям черты христианской религиозности.

Имеется свидетельство, что еще в конце XIX века в Новгородской губернии существовали «заповедные рощи»: «Такие рощи состоят большею частью из сосновых больших деревьев величественного вида... Признаками почитания этих рощ служат, во-первых, их неприкосновенность... во-вторых, около многих рощ... выстроены в новейшее время часовни, причем, не нужно думать, что рощи насажены после устройства селения и получили свою святость от часовни, так как эти рощи состоят из вековых великанов, в сравнении с которыми настоящие леса кажутся молодцами; в-третьих, существует много рассказов о том, что если кто покушался срубить хоть одно дерево из этих рощ, то с ним вскоре же случилось какое-нибудь несчастье: либо ослепнет, либо захворает и умрет; в-четвертых, молодежь из уважения к этим рощам никогда не собирается под ними веселиться и водить хороводы в весеннее время»⁸.

Почитание деревьев известно с древнейших времен и, видимо, существовало у всех народов. Трактовки этого феномена культурной жизни, мыслительной и религиозной деятельности можно свести к следующим позициям:

- анимизм: дерево – живое существо, носитель души и духа (Э. Тайлор);
- фетишизм: дерево – только хранилище духа (Е.К. Кагаров, Дж. Фрэнгер);
- тотемизм: дерево-первопредок рода (Д.К. Зеленин);
- концепция мифосознания: дерево – модель мироустройства, прообраз человека (В.В. Иванов, В.Н. Топоров, К. Леви-Строс);
- концепция первобытного утилитаризма: дерево и лес – источник пропитания, место обитания, поставщик строительного материала (Л.Я. Штернберг)⁹.

Древние славяне в догосударственную и в дохристианскую эпоху своей истории обратили на природу все силы своего духовного творчества, что в принципе характерно для определенной стадии культуры, поэтому не удивительно, что элементы природы – камни, горы, деревья, леса, животные, сам человек – так или иначе оказались в системе творческих образов.

В работах отечественных фольклористов, этнографов, религиоведов собрано достаточное множество текстуально-историографических и предметно-

описательных свидетельств распространения культа деревьев у языческих славян. Холмогорская летопись (середина XVI в.) сообщает, что поляне были язычниками (древнерусское слово для обозначения язычника «поганин» происходит от латинского *paganus* – поселянин, сельский житель, приверженец местных верований, в отличие, вероятно, от горожанина, исповедующего официальные культы), поклоняющимися озерам, колодцам, рощам, подобно всем прочим язычникам¹⁰. Почти то же самое говорится в Густинской летописи (XVII в.): «иные кладезем, езе-ром, рощениям, жертвы приношаху»¹¹.

Исследуя культы фетишей, животных и растений в Древней Греции, Е.Г. Кагаров замечает, что все эти культы обнаруживались в горных областях, где «народная масса сохранила во всей первобытной чистоте патриархальную форму быта, старинные верования и обряды»¹². Очевидно, естественная изолированность способствует консервации культурной самобытности, что наблюдается и в современном мире. В России – это Северный Кавказ, Русский Север, где жизнь этносов проходит в относительной изоляции от центра. На Кенозере, может быть, действовала и направленная к изоляции сила, поскольку существует предание XVIII–первой половины XIX века, что заселялось оно беглыми солдатами¹³. Э.Б. Тайлор считает, что в культе деревьев не существует принципиальной «разницы между священным деревом и священной рощей. Дерево может служить чем-то вроде подмостков или алтаря, удобного и приличного для выставления приношений какому-либо духовному существу. Последним может быть древесный дух или местное божество, живущее там и владеющее подобно человеку своим жилищем и клочком земли вокруг него. Сень какого-нибудь уединенного дерева или торжественная тишина лесной дубравы представляют места, как будто отведенные самой природой для религиозного поклонения. Для некоторых племен они служат единственными храмами и, вероятно, для многих были первыми святилищами»¹⁴.

В истории отечественной науки был период, когда наличие священных рощ в ареале русской культуры замалчивалось или отрицалось, а их существование у других народов России относили к прошлым векам¹⁵.

Сакрализация деревьев сводилась к обозначению их обрядовой функции в народных календарных праздниках¹⁶. И.Ю. Винокурова в книге «Прибалтийско-финские народы» (М., 2003), говорит об обрядовой функции березы, ели, рябины в мировоззрении вепсов, о приписывании растениям и деревьям сверхъестественных свойств, принесении жертв, использовании их в качестве оберега. В то же время исследовательница заключает, что «у вепсов не отмечено традиции почитания священных рощ или отдельных деревьев, столь развитой у ряда прибалтийско-финских и волжско-финских народов. Скорее всего, эта традиция у вепсов слилась с православной: церкви и часовни в вепских деревнях было принято строить в еловых или сосновых рощах, где категорически запрещалось вырубать деревья, считавшиеся священными»¹⁷. На наш взгляд, здесь причина смешана со следствием. Скорее, церковные власти были заинтересованы в устройстве храма в привыч-

ном для общины сакральном месте, чтобы «переключить» (по терминологии О.М. Фрейденберг) в сознании верующих языческую семантику заповедной рощи на христианскую. И если на Кавказе кровавые жертвоприношения у подножия деревьев все еще сохраняются, то на Севере они, видимо, заменены деньгами, подарками, которые оставляются уже не в лесу, а в часовне или у поклонного креста. В часовнях Кенозера на протянутой меж стен веревке висят шали, шарфы, платки. Это дары прихожан¹⁸. Тогда кому? Святому, в честь которого устроена часовня? Но разве не в Духе святость? Народному массовому сознанию теологические доктрины неведомы, народ выражает свое ощущение святости доступным и вполне материальным средством.

Множество мифов о «древе жизни», «древе познания», «мировом дереве» наталкивают на мысль о специальной семантике дерева. Образ выходящего из недр земли растения/дерева в архаическом мифосознании ассоциировался с образом человека, рождающегося из чрева матери (или наоборот). Эта мифема еще недостаточно исследована в работах специалистов по мифологии.

В славянской мифологии имеется устойчивый мифообраз «матери-сырой земли». У славян «земля осмыслялась как всеобщий источник жизни, мать всего живого, в том числе и человека»¹⁹. «Земля воплощала в мировоззрении славян не только образ матери человека, но и весь род как единство живых и уже отошедших в мир иной. Поминальные обряды с их посещением могил и уходом за ними, трапезы на могилах и дома, сопровождающиеся приглашением предков, призваны поддержать единство рода и преемственность поколений. Лежащие в земле предки как бы сливались с нею, становились ее частью. От их благоволения к живым зависело плодородие земли и обилие осадков, к ним обращались за помощью в разнообразных случаях»²⁰. Здесь зафиксирована важнейшая особенность мифосознания, а именно – мышление по принципу «всё – во всем», как это называет А.Ф. Лосев²¹. Этот принцип проявляется в языческом отношении к растениям как детям земли, к деревьям как вместилищам душ живущих и умерших людей или как к божествам. Е.Г. Кагаров в статье 1928 года заметил, что более всего человека напоминает образ дерева, растущего корнями вверх, корни при этом соответствуют волосам. Он считает, что этот образ впервые возник в Индии, и приводит цитату из Бхагават-Гиты: «Корнями вверх, ветвями вниз, стоит вечная смоковница, листья которой – песнопения. Кто ее познал, тот знает Веды»²². По мысли Е.Г. Кагарова, в индийской мифологии и философии опрокинутое дерево является космическим образом, символизирующим порядок мироустройства. Корни помещены в воздушную стихию, а все дерево показывает трехуровневую структуру мира по вертикальной оси. обстоятельная статья Е.А. Крейнвича о жизни гиляков показывает, что ему были известны точки зрения Е.Г. Кагарова и Л.Я. Штернберга по поводу возникновения образа перевернутого дерева. Сам он пишет: «Образ такого дерева вне зависимости от Индии и Персии мог возникнуть всюду под влиянием наблюдений опрокинутого отражения дерева в воде

на берегах рек, озер, заливов. Несомненно, что дерево и его опрокинутое отражение в воде воспринималось первобытным человеком как нечто целое»²³. Это только визуальная константа образа, и довольно надуманная, возникшая из привычки всему давать объяснение в рамках чувственно-наглядного опыта. А когда этнограф Е.А. Крейнович осмысляет свой эмпирический материал, то он связывает расположенность корней дерева кверху или книзу с представлениями народа о загробной жизни или загробном мире. Он пытается воспроизвести ход мыслей гиляков. Гиляки видели, что птицы отдыхают в ветвях дерева, они, вероятно, могли думать, что и уставшая от жизни душа уходит по ветвям дерева в мир вечного покоя. Поскольку они верили, что такой мир находится под землей, то изготавливали деревянную фигурку покойника так, чтобы голова приходилась на прикорневую часть доски, иначе говоря, переворачивали дерево корнями вверх, а вершиной вниз. Если гиляк был убит по причине кровной мести, то в знак этого события ставили дерево корнями вверх. Шаман племени удехэ втыкал дерево вершиной в землю для своих обрядов. «Дерево, воткнутое вершиною в землю, служит средством проникновения души убитого у гиляков и шамана у удехэ в нижний загробный мир», – таков вывод Е.А. Крейновича²⁴.

У ученых структуралистской школы тема дерева как прообраза человека появляется при изучении структуры мифов (К. Леви-Строс), при изучении истории земледельческих, или «вегетативных» обществ (А.-Дж. Одрикур, П. Буато).

К. Леви-Строс рассматривает миф как инструмент для разрешения глобальных проблем – онтологических и гносеологических. Он производит структурный анализ древнегреческого мифа об Эдипе, где хтоническим существом²⁵ является сфинкс (Сфинга), и индейских мифов о «старой ведьме» и «женщине-роженице, ставшей Матерью зверей»²⁶. К. Леви-Строс видит, что в различных полушариях земли возникла общая проблема, решенная, но решенная мифологическим сознанием: «Вероятно, что общество, исповедующее идею автохтонности человека... не может перейти к мысли о том, что каждый из нас рожден от союза мужчины и женщины. Это непреодолимый барьер. Но миф об Эдипе дает логический инструмент, при помощи которого от первоначальной постановки вопроса – человек родится от одного существа или от двух? – можно перейти к производной проблеме, формулируемой приблизительно так: подобное рождается подобным или чем-то другим?»²⁷.

Поскольку брачный союз представителей различных родов стал одним из первых достижений культуры, то проблема автохтонности, «укорененности» рода очень скоро стала важной идеологической проблемой. На нее и работали мифы о дереве, выступающем в них в различных ипостасях: модели человеческой жизни, модели мироздания, первопредка или вообще порождающей модели. Эти модели получают не только вербальное, но и визуальное воплощение в древних орнаментах вышивки и резьбы, украшающих предметы быта. В частности, на Кенозерских прялках XIX века имеются композиции космогонического типа

с элементами древней символики, среди которых специалисты указывают Великую Богиню, Древо жизни, солярные элементы и др. Это говорит о том, что при всей своей относительной изолированности мир духовной культуры здесь формировался по тем же принципам, что и вся мировая культура.

Примечания

¹Кагаров Е. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб., 1918. Здесь указано, что на рубеже XIX–XX веков 78% населения Олонецкого края составляли русские, потомки Новгородских колонистов, пришедших сюда в XII веке, около 20% – карелы и чудь – коренные обитатели (район Кенозера населяли русские). Значит, чудь – это не только мифический народ северорусских преданий, но и реальный этнос Русского Севера.

²Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «этнографического бюро» князя В.И. Тенишева. Т. 6: Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. СПб., 2008. С. 134-137.

³Там же. С. 139.

⁴Там же. С. 140.

⁵Там же.

⁶Там же. С. 185.

⁷О создании осетинского святилища-дзуара в 1972–1983 годах путем переноса части родового святилища из Грузии в абхазское селение Пицунду см.: URL. <http://www.darial-online.ru/index.shtml>

⁸Агапкина Т.А., Топорков А.Л. Материалы по славянскому язычеству (древнерусские свидетельства о почитании деревьев) // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988. С. 224-335.

⁹Краткое изложение взглядов некоторых из указанных авторов см.: Токарев С.А., Филимонова Т.Д. Обряды и обычаи, связанные с растительностью // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 145-160.

¹⁰Ивакин Г.Ю. Священный дуб языческих славян // Советская этнография. 1979. № 2. С. 106-115.

¹¹Кагаров Е. Указ. соч. С. 316.

¹²Там же.

¹³«И вот первый житель появился там тогда, когда была в царской армии служба двадцать пять лет. И скрывались люди, от царской службы уходили, и вот началось поселение вот этого Кенозера. И в результате расселились, девяносто шесть деревень вокруг озера стало. А первая деревня... Мамоново, на острове поселился среди озера...» (Северные предания (беломорско-обонежский регион). М., 1978. С. 39, 169).

¹⁴Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 375.

¹⁵«В XIX–начале XX века в Восточной Европе такие рощи еще существовали у литовцев, народов Поволжья (удмуртов, марийцев, чувашей). В XIX веке у народов Кавказа...

встречались священные рощи, причем у каждого сельского общества своя. Вступать в нее посторонним строго запрещалось, а тем более ломать там ветки, рубить дерево и т.д.... В священных рощах совершались моления, жертвоприношения. Сейчас таких рощ не осталось, но кое-где сохранились отдельные так называемые священные деревья» (Токарев С.А., Филимонова Т.Д. Указ. соч. С. 147).

¹⁶Там же.

¹⁷Мифология и верования вепсов. URL: www.vottovaara.ru/karelia/drev/veps.html

¹⁸В книге «Сказки Кенского волочка» (Архангельск, 2004) имеется фотоснимок поклонного креста в д. Зехново с шалью и стоящей вблизи священной сосной. На другом снимке с подписью «Святая» роща» мы видим, что на дереве укреплен крест – символ христианства.

¹⁹Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 192.

²⁰Там же. С. 194.

²¹Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982. С. 261.

²²Кагаров Е. Г. Мифологический образ дерева, растущего корнями вверх // Доклады АН СССР. 1928. № 15. С. 331-335.

²³Крейнович Е.А. Рождение и смерть человека по воззрениям гиляков // Этнография. 1930. № 1-2. URL :[http://annals:\[legio.ru/sibir/smoll/gilyak.htm](http://annals:[legio.ru/sibir/smoll/gilyak.htm)

²⁴Там же.

²⁵К хтоническим существам мифологии относят змей, земноводных, чудовищ смешанного облика, вышедших из глубин земли, обитающих в корнях мирового дерева или в подземелье, связанных со стихиями земли и воды.

²⁶См.: Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 2001. С. 224-225.

²⁷Там же. С. 226.

НАСЕКОМЫЕ-ОПЫЛИТЕЛИ В ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТАХ КЕНОЗЕРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА*

В качестве культурных ландшафтов, расположенных на территории парка, рассматриваются исторически сформировавшиеся в результате гармоничного взаимодействия природы и культуры целостные комплексы, включающие группу или отдельные сельские поселения, систему прилегающих, преимущественно открытых угодий (озера, леса, луга), использовавшихся для разнообразных форм природопользования, сакральные места и сооружения (церкви, часовни, «святые» рощи, кресты), участки прилегающих лесных промысловых угодий¹.

Культурные ландшафты Кенозерского национального парка определяют его уникальную ценность как объекта культурного и природного наследия федерального и мирового значения.

В качестве объекта исследований нами были выбраны шмели (Hymenoptera, Apidae, *Bombus*). Насекомые этой группы многочисленны в таежной зоне Евразии, широко распространены и характеризуются значительным видовым разнообразием в условиях Севера. Обилие разнотравной цветущей растительности в совокупности с достаточно суровым климатом сформировало своеобразный комплекс опылителей, основным компонентом которого являются шмели. К примеру, в тундрах Евразии они составляют около 85–95% от общего числа особей Apoidea, в таежной зоне Европы и Западной Сибири – 55–70%².

Таким образом, на Севере шмели играют значимую роль в функционировании экосистем как основные опылители большинства дикорастущих и культурных видов энтомофильных растений³.

Велика значимость шмелей и в практическом аспекте. С одной стороны, широко известна их роль в опылении сельскохозяйственных культур, с другой – шмели выступают наглядными и доступными биологическими индикаторами антропогенного преобразования заселяемых территорий, под влиянием которого происходит трансформация видового состава и численности разных видов.

Все это позволяет рассматривать шмелей как вполне достоверный и наглядный объект современного состояния такой целостной структуры системы «общество природа», как этнокультурные ландшафты Кенозерья.

Комплексные экспедиционные работы сотрудников Института экологических проблем Севера УрО РАН и Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск), включающие энтомологические исследования

© Колосова Ю.С., Подболоцкая М.В., 2011

*Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 07-04-00313-а и 09-04-10054-к) и ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы».

культурных ландшафтов Кенозерского национального парка, осуществляются в летние месяцы в течение 9 лет. В 2000 году исследования проводились на территории Каргопольского сектора, в 2004–2008 годах – Плесецкого сектора национального парка. За период исследований 2000–2008 годов было собрано и определено 1378 экземпляров шмелей.

Полевые работы проводили преимущественно во второй половине лета и начале сентября, когда видовое разнообразие топических комплексов шмелей максимально в силу наибольшей численности семей.

Основным методом полевых работ был вылов всех встреченных особей шмелей без выбора в исследуемых местообитаниях с помощью энтомологического сачка⁴. Метод позволяет получить случайные выборки, по которым можно обоснованно судить о соотношениях видов в составе топических комплексов. Для достоверности последующих расчетов объем сборов с каждой точки должен составлять не менее 100 экземпляров.

Определение видовой принадлежности собранных шмелей проводили на основе работ А. Løken⁵ и Д.В. Панфилова⁶, в отдельных случаях использовали также таблицы В. Pittioni⁷. Идентификацию самцов проводили на основании анализа морфологии копулятивного аппарата⁸. Латинские названия видов и подродов шмелей и их порядок в тексте работы приведены по каталогу мировой фауны этой систематической группы⁹. Для оценки относительного обилия шмелей использовали долю особей вида в сборах (%) и пятибалльную логарифмическую шкалу¹⁰.

Принадлежность шмелей к различным экологическим группам проводили по их топической приуроченности. При этом обобщили собственные и литературные данные по топическому распределению разных видов¹¹. К группе лесных видов шмелей мы относим *V. schrencki*, *V. consobrinus*, *V. pratorum*, *V. sporadicus*, и, предположительно, *V. semenoviellus*. К луговым видам шмелей принадлежат *V. ruderarius*, *V. veteranus*, *V. soroeensis*, *V. sichelii*, *V. lapidarius* и *V. muscorum*. К данной группе можно отнести и *V. distinguendus* – вид явно луговой ориентации, но по сравнению с вышеперечисленными отличающийся большей холодоустойчивостью¹². Остальные виды шмелей региона: *V. pascuorum*, *V. hortorum*, *V. hypnorum*, *V. jonellus*, *V. lucorum* можно с определенной долей уверенности рассматривать как эвритопные.

Изучение видового состава и разнообразия шмелей Кенозерского национального парка проводилось в ходе экспедиционных работ на выбранных ключевых участках, представленных суходольными лугами с различным уровнем антропогенного воздействия, используемыми как лесные сенокосы и пастбища. Основная часть сборов получена в окрестностях д. Зехново, Спицыно (южная часть Плесецкого сектора парка), Першлахта (восточная часть), вблизи д. Вершинино (центральная часть) и Усть-Поча, озера Свиного (северная часть). Единичные экземпляры собраны вблизи д. Ведягино и Порженский Погост. Сборы насекомых в Каргопольском секторе Кенозерского национального парка проводились в окрест-

ностях д. Морщихинской.

В результате исследований установлено, что видовой состав шмелей Кенозерского национального парка представлен 18 видами (см. таблицу), кроме этого в сборах присутствует незначительное число шмелей-кукушек (подрод *Psithyrus*) (всего 23 экз.). Установление видов подрода *Psithyrus* проводится в настоящее время, поскольку определение осуществляют исключительно в камеральных условиях с применением оптики. Наибольшей численностью в составе большинства топических комплексов шмелей суходолов национального парка характеризуется южный вид луговой ориентации *B. ruderarius*. В 2004 году вид составлял около 20% от общей численности шмелей, в 2006 году – 36%, и в 2008 году на него приходится более половины всех собранных экземпляров – около 54%. Вид представлен 4–5-м баллом обилия (см. таблицу в приложении). На рисунках 1 и 2 показана доля видов шмелей разных экологических групп в составе комплексов (процентное соотношение экологических групп шмелей национального парка).

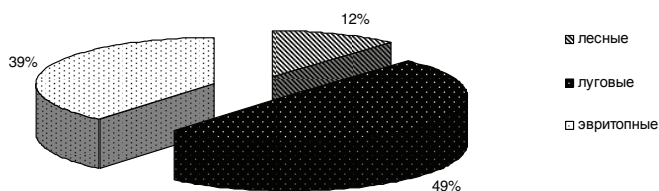

Рис. 1. Доля видов разных экологических групп шмелей в условиях культурных ландшафтов Кенозерского национального парка

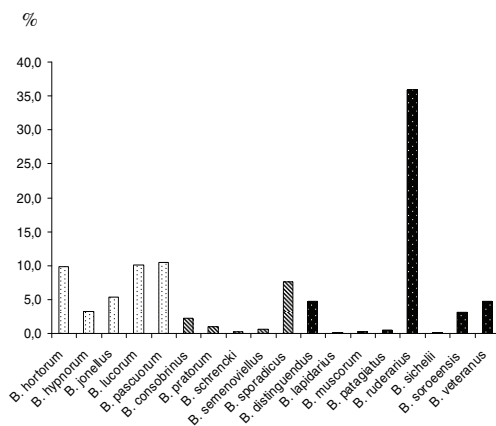

Рис. 2. Доля каждого вида шмелей звритопной, лесной и луговой экологических групп в условиях культурных ландшафтов Кенозерского национального парка

Фауна и относительное обилие шмелей (*Bombus Latr.*) Кенозерского национального парка

№	Виды шмелей	2000			2004			2006			2008			Всего экз.
		Кол-во	Id, %	B, баллы	Кол-во	Id, %	B, баллы	Кол-во	Id, %	B, баллы	Кол-во	Id, %	B, баллы	
1	<i>B. consobrinus</i>	25	0,0	4	5	1,1	2	-	-	-	-	-	30	
2	<i>B. distinguendus</i>	2	0,0	1	52	11,8	4	4	2,9	2	6	0,9	2	
3	<i>B. hortorum</i>	43	24,3	4	78	17,8	4	8	5,7	3	5	0,8	2	
4	<i>B. hypnorum</i>	-	-	-	2	0,5	1	-	-	-	42	6,6	3	
5	<i>B. jonellus</i>	4	2,3	2	38	8,7	3	19	13,6	3	12	1,9	2	
6	<i>B. lapidarius</i>	1	0,6	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	
7	<i>B. lucorum</i>	42	23,7	4	51	11,6	4	15	10,7	3	28	4,4	3	
8	<i>B. muscorum</i>	-	-	-	2	0,5	1	-	-	-	1	0,2	1	
9	<i>B. pascuorum</i>	44	24,9	4	61	13,9	4	6	4,3	2	30	4,7	3	
10	<i>B. patagiatus</i>	-	-	-	-	-	-	2	1,4	1	5	0,8	2	
11	<i>B. pratorum</i>	2	1,1	1	4	0,9	2	-	-	-	7	1,1	2	
12	<i>Psithyrus</i>	-	-	-	17	3,9	3	1	0,7	1	5	0,8	2	
13	<i>B. ruderarius</i>	2	1,1	1	87	19,8	4	51	36,4	4	346	54,5	5	
14	<i>B. schrencki</i>	2	1,1	1	-	-	-	-	-	-	2	0,3	1	
15	<i>B. semenoviellus</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8	1,3	2	
16	<i>B. sichelii</i>	-	-	-	-	-	-	1	0,7	1	-	-	1	
17	<i>B. soroeensis</i>	3	1,7	1	18	4,1	3	-	-	-	21	3,3	3	
18	<i>B. sporadicus</i>	2	1,1	1	8	1,8	2	20	14,3	3	73	11,5	4	
19	<i>B. veteranus</i>	5	2,8	2	16	3,6	3	13	9,3	3	31	4,9	3	
	Всего:	177	100,0	100,0	439	100,0	100,0	140	100,0	100,0	635	100,0	1378	

Наибольшим видовым богатством и разнообразием отличаются топические комплексы шмелей суходольных лугов с умеренной антропогенной нагрузкой д. Вершинино и Першлахта. Топический комплекс шмелей суходольного луга на склоне холма под Никольской часовней представлен 12 видами, из которых более 50% приходится на *V. ruderarius* (154 экземпляра из 265). Наличие большого числа видов обеспечивается богатой кормовой базой (луговой, шершавый, фригийский васильки) данного участка. В то же время, отмечено снижение видового разнообразия топического комплекса шмелей на ключевом участке, представленном суходольным злаково-разнотравным лугом на вершине холма около Никольской часовни. В 2004 году в составе комплекса насчитывалось 9 видов шмелей, в 2008 году – 7 видов. Из видового состава выпали лесной вид *V. pratorum*, луговые виды *V. distinguendus* и *V. veteranus*. В 2008 году здесь были отмечены *V. hynorum* и *V. jonellus*. Они отличаются значительной экологической толерантностью: высокой приспособляемостью к различным местообитаниям и широким спектром посещаемых растений. В целом отмечено снижение плотности и численности шмелей, связанное на сегодняшний день с зарастанием луга и значительным сокращением числа энтомофильных растений.

Высоким видовым разнообразием характеризуется топический комплекс шмелей суходольного разнотравного луга на склоне в окрестностях д. Першлахты. Это обуславливается умеренным антропогенным влиянием на луг (сенокосение) и расположением вблизи кустарниковой растительности, что обеспечивает подходящие условия для местообитаний всех трех экологических групп шмелей. Комплекс насчитывает 12 видов, наибольшей численностью характеризуются луговые *V. ruderarius* и *V. veteranus*, эвритоппные *V. pascuorum* и *V. lucorum* и лесной *V. sporadicus*.

По данным исследований 2009 года, значительное видовое разнообразие топических комплексов шмелей отмечено и на ключевых участках, выбранных в окрестностях д. Зехново. Участки представлены суходольным злаково-крупнотравным лугом, используемым как сенокос, на границе со смешанным лесом (10 видов) и опушкой смешанного леса вблизи д. Зехново (12 видов). С одной стороны, участки подвержены умеренному антропогенному преобразованию, формирующему оптимальные условия для обитания луговых видов. Вместе с тем, здесь отмечены широко распространенные в условиях таежных ландшафтов виды *V. schrencki*, *V. consobrinus* и *V. pratorum*.

Таким образом, сокращение площадей сельскохозяйственных угодий, ведущее к их зарастанию и замещению древесно-кустарниковой растительностью, является причиной снижения видового разнообразия шмелей. Вместе с тем, поддержание и сохранение исторических культурных ландшафтов, их восстановление способствуют оптимальному существованию насекомых-опылителей, сохранению видового разнообразия и богатства разных видов шмелей на территории Ке-

нозерского национального парка.

Примечания

¹Геоэкологическое состояние природных ландшафтов Кенозерья / Ю.Г. Шварцман, [и др.] // Культурное и природное наследие Европейского Севера: сборник. Архангельск, 2009. С. 319-334.

²Панфилов Д.В. Общий обзор населения Евразии // Исследования по фауне Советского союза: труды Зоологич. музея МГУ. М., 1968. Т. 11. С. 18-35.

³Колосова Ю.С. Фауна и экология шмелей (Hymenoptera, Apidae, Bombus) лесных экосистем северной тайги Русской равнины: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Сыктывкар, 2007.

⁴Песенко Ю.А. К методике количественных учетов насекомых-опылителей // Экология. 1972. Т. 3. № 1. С. 88-95; Его же. Принципы и методы количественного анализа в фаунистических исследованиях. М. 1982; Татаринов А.Г., Долгин М.М. Видовое разнообразие булавоусых чешуекрылых на европейском Северо-Востоке России. СПб., 2001; и др.

⁵Løken A. Scandinavian species of the genus *Psithyrus* Lepelletier (hymenoptera, Apidae) // *Entomol. Scandinavica*. 1984. V. 23. P. 1-45; Idem. Studies of Scandinavian bumble bees (Hymenoptera, Apidae) // *Norwegian J. Entomol.* 1973. V. 20. № 1. P. 1-218.

⁶Панфилов Д. В. Определительные таблицы видов семейства Apodae – Пчелиные // Определитель насекомых европейской части СССР. Л., 1978. Т. 3, ч. 1. С. 508-519.

⁷Pittioni B. Die Hummeln und der Schmarotzerhummeln der Balkan-Halbinsel. II. Spezieller Teil // *Mitteilungen aus den Koniglichen Naturwissenschaftlichen Inst. in Sofia*, 1939. Bd. 12. S. 49-122.

⁸Bumble Bees of the World, 2005. URL: <http://www.nhm.ac.uk/research-curation/projects/bombus/index.html>.

⁹Ibid; Williams P.H. An annotated checklist of the bumble bees with an analysis of patterns of description (Hymenoptera: Apidae, Bombini) // *Bull. of the Natural History Museum, Entomol. Ser.* 1998. V. 67. № 1. P. 79-152.

¹⁰Песенко Ю.А. Принципы и методы...

¹¹Болотов И.Н., Колосова Ю.С. Закономерности формирования топических комплексов шмелей (Hymenoptera: Apidae, Bombini) в условиях северотаежных карстовых ландшафтов на западе Русской равнины // *Экология*. 2006. № 3. С. 173-183.

¹²Løken A. Scandinavian Species...

¹³Геоэкологическое состояние...

ТРАДИЦИОННЫЕ СРУБНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В КЕНОЗЕРЬЕ И ЛЕКШМОЗЕРЬЕ*

В обозримой исторической ретроспекции на обследованной территории, как и на Русском Севере в целом, эволюция срубных конструкций проявлялась преимущественно в изменениях способов углового соединения и припазовки бревен в срубах¹. В настоящее время в Кенозерье и Лекшмозерье в традиционных крестьянских постройках преобладают врубки с остатком: «в чашу» («в обло») и ее модификации, «в полуторную чашу» и реже «в двойную чашу» («в охряпку»). Угловые соединения без остатка («в лапу») применялись реже.

Оказалось, что разнообразие врубок «в обло» обусловлено местными особенностями припазовки, обеспечивающей плотное прилегание бревен по высоте. На обследованных территориях автором зафиксировано два приема устройства продольного паза: в первом случае паз выбирается снизу бревна по всей длине; во втором – с двух сторон (сверху и снизу) преимущественно в комлевой части бревна (ил. 1). Рассмотрим второй прием, называемый «разнопазом»¹.

При использовании в строительстве сильно сбежистого леса (с резким изменением диаметра ствола от комля к вершине) ширина нижнего продольного паза, приближаясь к вершине, сильно уменьшается или полностью сходит на нет.

Таким образом, уменьшаются теплоизоляционные качества продольного паза и в целом сруба. Если же делать паз одинаковой ширины на протяжении всего бревна, то придется в вершине выбрать большую часть бревна и не удастся выдержать «застой» (превышение одного сопрягаемого бревна по отношению к другому в месте их углового соединения). Поэтому в таких случаях оказалось рациональнее выбирать пазы в комле с двух сторон.

При детальном знакомстве с таким приемом рубки стен выяснилось, что существуют его разновидности. Наиболее древний вариант «разнопаза», по мнению автора, связан с чисто утилитарной задачей – уложить в сруб сбежистые бревна. Так, в комле и примерно до середины длины бревна вырубался продольный паз снизу и сверху, а вторая половина бревна вообще не пазилась. В месте перехода верхнего паза на нижний паз между бревнами получалось зубчатое соединение, которое наряду с угловыми врубками дополнительно обеспечивало сруб пространственную жесткость. О древности этого приема можно судить по неоднократно упоминаемой исследователями мирской рядной записи на постройку деревянной церкви Николы Чудотворца и Страстотерпца Христова Георгия в 1666 году на Тавренском погосте Вельского уезда Вологодской губернии (ныне село Тав-

ренга Коношского района Архангельской области), в которой сказано: «А бревна пазити, комли сыподе и сверху до полубревна»². О том же свидетельствуют археологические данные по заполярному городу XVII века Мангазее³.

Визуальное обследование сохранившихся срубов и руинированных построек с двойной припазовкой позволило автору выявить различия, которые связаны с расположением места смены верхнего продольного паза на нижний.

В Кенозерье зафиксированы следующие варианты такой распазовки: на расстоянии около одного метра от конца бревна (ил. 2а), сразу после чаши (ил. 2б), непосредственно в самой чаше (ил. 2в) и в остатке перед чашей (ил. 2г). Причем место перехода припазовок в чашах также варьируется, что влияет на длину валика, устраиваемого в основании чаш.

Возникает закономерный вопрос: в перечисленных случаях устройство двойной припазовки предопределено только утилитарными соображениями, связанными со сбежистостью леса, или другими причинами? Скорее всего, только там, где длина верхнего продольного паза существенна, можно говорить о сбежистости леса, как о первопричине устройства двойной припазовки. Во всех остальных случаях прием больше похож на подражание изначальной идее «разнопаза». Однако в процессе исследований автор убедился, что вопрос не так однозначен.

И в самом деле, в ряде случаев «разнопаз» применен в крошечных постройках (например, амбарах), где он явно не мог быть предопределен сбежистостью древесины на относительно коротких бревнах. Такое предположение подтвердили массовые исследования в кенозерских поселениях с относительно хорошей сохранностью жилой застройки. Наиболее показательна в этом отношении деревня Кузьминская, детальное обследование которой выявило следующие данные: более 65% передков домов-комплексов рублены «в разнопаз», в то время как в возведенных преимущественно из сбежитого леса хозяйственных частях тех же домов такая припазовка составляет всего 13%. Напрашивается вывод, что в период с конца XIX века до первой половины XX века включительно характер припазовки определялся преимущественно эстетическими соображениями: закономерное чередование круглых и выпукло-вогнутых торцов остатков придавало регулярный характер обработке углов срубов.

Приоритет регулярности в оформлении фасадов традиционных крестьянских построек подчеркивался и другими технологическими приемами обработки бревенчатых стен – тщательным сомлением⁴, уравнивающим ширину остатков, и вертикальной «чертой», «организующей» наиболее репрезентативные углы срубов.

Однако в ходе экспедиций 2009 года автору представилась возможность убедиться в том, что для синкретичного мышления крестьян характерны представления о неразрывности красоты и прочности. Оказалось, что популярность разнопаза связана не только с эстетическими соображениями, но еще и с возможностью обеспечить большую пространственную жесткость сруба.

Регулярное чередование круглых и выпукло-вогнутых в поперечном сечении

остатков диктовало устройство соответствующих полукруглых чаш без валика и с валиком в основании. Если переход верхнего паза на нижний осуществляется в самой чаше, то в ней вырубается валик не на всю ширину (на половину, 2/3, 3/4 и т.д.) основания, и в чаше возникает зубчатое соединение, препятствующее смещению только в одном направлении. Возможное смещение в противоположную сторону могло устраняться на другом конце бревна за счет специальных угловых врубок. Преимущественно в жилых частях домов-комплексов такая задача возлагалась на угловое соединение «обло» с коренным шипом в основании⁵, а в хозяйственных частях, наряду с предыдущим, часто применялась менее плотное соединение «в полуторную чашу».

Такое явление, неоднократно зафиксированное автором в Лекшмозерье, Кенозерье, а также в Кеноречье, корреспондируется с отмеченным Л.Е. Красноречьевым в прошлом столетии приемом укрепления самцов фронтонов, когда «с обоих концов бревна примерно в треть его длины, паз вырубается в верхнем бревне, а к средней трети в нижнем»⁶.

В действительности такой конструктивный прием встречался в деревянном зодчестве не только во фронтонах, но и в стенах, уже в позднем средневековье и раннем новом времени. В частности, автор обнаружил его в реставрируемой методом полной переборки Успенской часовне конца XVII века в деревне Васильево на острове Кижи (ил. 4). О подобном же решении упоминает А. П. Мальцев на примере Ильинской церкви середины XVIII века на Цыпинском погосте и называет его «засеком»⁷.

«Засек» по принципу действия является аналогом коренных шипов, устраиваемых в чашах, и нагелей. Не случайно последние элементы практически отсутствовали или редко применялись в перечисленных выше постройках XVII–XVIII веков.

Особенностью нижнего продольного паза, вырубаемого в бревнах, является его форма, зависящая от будущего использования сруба как холодного или теплого. Теплый сруб собирается на мох и предполагает отопление внутреннего помещения, поэтому продольный паз вырубается широким и округлым (в сечении – дуга), облегающим нижнее бревно. Холодный, не отапливаемый сруб собирается без мха, и в нем зачастую продольный паз вырубается треугольным (в сечении – тупой угол) (ил. 3).

Как правило, выступ в основании чаши делается в виде валика или слегка геометризованного ломаного «валика», продолжающего верхнюю поверхность сопрягаемого бревна, независимо от формы паза бревна накрывающего. В деревне Илекинская (Орлово) автором зафиксировано исключение из этого правила: выступ в основании чаши имеет форму ярко выраженной треугольной призмы под соответствующую форму продольного паза (ил. 5).

Роль припазовки в срубных конструкциях наряду с угловыми врубками прослеживается на примере амбаров, сохранивших традиционные срубные конструк-

тивные приемы от архаичных, совмещающих стены и покрытие-перекрытие, до дифференцированных. Наиболее интересными на рассматриваемых территориях являются амбары в деревнях Монино, Печихино, Кузьминская и Гужево. Первый из них имеет сплошной накат в виде бревенчатого свода, нижние бревна которого чередуются со слегами и врублены с остатком в самцы щипца, а верхние, врубленные потайной врубкой в щипец, образуют лучковый свод, проходящий ниже коньковой слеги. Покрытие амбара в деревне Печихино решено в виде наката трапецевидной формы, а амбар в Гужево перекрыт двускатным накатом с выпуском редких слег. В процессе дальнейшего развития сплошные срубные покрытия превращаются в режевые из слег, врубленных в каждый шов между самцами.

При трансформации скатного наката в плоские совмещенные покрытия-перекрытия, сохранившиеся на других хозяйственных постройках, в частности хлевах, нижняя (а точнее наклонная) припазовка переходит в боковую (ил. 6). Любопытно, что в ходе эволюционных преобразований при замене совмещенных покрытий дифференцированными, а массивных бревен плахами и тесинами форма паза могла превращаться из округлой в треугольную. Причем этот процесс проходил уже в далекой древности. Так, А.В. Попов зафиксировал такую припазовку в тесовом перекрытии церкви Ризоположения XV века из села Бородава.

Во всех угловых соединениях бревен с остатком сам остаток является важным элементом врубки. В результате растрескивания торцов бревен он часто повреждается в процессе строительства и эксплуатации зданий. Любопытный способ укрепления остатков автор обнаружил в Лекшмозерье, где для этой цели использовались обычно хомуты из бересты в несколько слоев, которые надевались на ослабленные или поврежденные остатки (ил. 7).

В заключение вышесказанного с учетом литературных данных и материалов исследований НИИ историко-теоретических проблем народного зодчества Петрозаводского университета можно констатировать: двойная припазовка, кроме рассмотренных территорий Кенозерья и Лекшмозерья, встречается на относительно поздних срубных постройках XIX–XX веков в Кеноречье, в Поонежье, на востоке Карелии (Пудожский и Сегежский районы), в Вологодской области и даже в Подмосковье (Сергиев Посад)⁸. При этом во всех названных районах она сосуществует с нижней припазовкой. Создается впечатление, что последняя тяготеет к западным районам Русского Севера, а первая – к восточным. В любом случае, нельзя исключать, что предпочтение того или другого приема припазовки связано с активизацией древних традиций, приуроченной к вторичной этнизации культуры северно-российских крестьян в пореформенный период.

Примечания

¹По данным сотрудников Кенозерского национального парка, способ рубки углов «в обло» с двойной припазовкой местные плотники называют «чаша с противопазом».

²Суворов Н.И. Мирская рядная запись на построение деревянной церкви 1666 г. // Известия императорского Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. II. Вып. 5-6. С. 317.

³Овсянников О.В. Дом и усадьба в сибирском городе XVII века // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1973. Вып. 136. С. 44.

⁴Сомление – обработка топором и скобелем конца бревна.

⁵Другое название такого углового соединения – «чаша с полочкой» (в Заонежье), «в курдюк»⁶.

⁶Красноречьев Л.Е. Исследование и реставрация памятников деревянного зодчества. По опыту работ в Новгородской области. СПб., 1999. С. 13.

⁷Мальцев А.П. Реставрация церкви Пророка Ильи, что на Цыпинском погосте // Церковь Пророка Ильи на Цыпинском погосте 1755. Б.м., 2009. С. 30-31.

⁸Попов А.В. Конструкции русских деревянных сооружений XVII–XVIII веков: Материалы выставки. Ферапонтово, 2007. С. 13.

ОЗЕРО КЕНО: МОРФОЛОГИЯ И СЕМИОТИКА

В 1871 году Кенозеро посетили два выдающихся русских ученых – И.С. Поляков и А.Ф. Гильфердинг. Красочно и образно они описали свои впечатления. Вот как увидел Кенозеро И.С. Поляков: «Высокие холмы с определенными очертаниями, часто с крутыми впадинами и ложбинами, выступают здесь по всем направлениям и самое озеро Кенозеро, разлившись между холмами, представляется состоящим из ряда как бы отдельных озер, соединяющихся между собою множеством проливов, число которых во время половодья увеличивается, так как в таких случаях вода из озера поднимается на 1-2 сажени и многие из мысов, дробящих на отдельные части озеро, с половодьем становятся островами. Самые мысы всегда более или менее холмисты, чашевидно округлены или несколько столовидны, с обрывистыми крутыми скатами; среди окрестных холмов озеро представляется лежащим в узких, но глубоких впадинах»¹.

Обратим внимание на детали, характеризующие морфологию Кенозера:

- окрестные холмы имеют разную направленность – для кенозерского пространства типична ярко выраженная анизотропия;
- водная поверхность предстает мозаичной, дробной – иррегулярность и асимметрия получают здесь прекрасное поприще для своей игры;
- в зависимости от уровня воды картина озера варьирует, претерпевая удивительные метаморфозы – ей свойственна изменчивость. Бесценные строки А.Ф. Гильфердинга: «Прибрежья этого озера, в которое со всех сторон вдаются мысы и «наволоки», так что, несмотря на его значительную величину, озеро имеет в каждой точке вид залива либо пролива, – прибрежья Кенозера составляют как бы отдельный, довольно хлебородный, усеянный деревьями оазис среди громадного пустыря болот и лесов, и в этом оазисе цветет в настоящее время эпическая поэзия»².

Два свидетельства сходятся в очень существенном моменте – озеро как бы фрагментировано, разбито на множество локусов:

- И.С. Поляков воспринимает Кено как систему озер, соединенных множеством проливов;
- А.Ф. Гильфердинг с любой позиции видит Кено как залив или пролив.

Это своеобразная иллюзия Кенозера. Его волшебство, его сказка. Перед нами в высшей степени разнородный, будто нарочито запутанный, лабиринтообразный ландшафт. Он словно играет с нами в прятки, скрывая за различными завесами то одну, то другую свою часть. Целиком он показаться не хочет. Если и разворачивается в перспективу, то она никогда не бывает классической, являя нам разные

осложнения. Информационная насыщенность пространства тут является предельной. Взгляд на Кенозере не заскучает. Новизна нас подстерегает на каждом шагу.

Сравним Водло и Кено. У них разная морфология. И соответственно – разные характеры. Водлозеру задана четкая линейность – в Кенозере нет выделенного ракурса. Водлозеро мономорфно – Кенозеро полиморфно. Водлозеро – сама открытость, Кенозеро – сама закрытость. Первое – для экстравертов, второе – для интровертов. Конечно же, этот диалог двух озер мы строим на субъективной основе, но она не беспочвенна.

Ю.С. Ушаков показал, какую роль на Водлозере играет Ильинский погост – он стягивает к себе пространство, фокусирует его. Благодаря Ильинскому погосту можно говорить о центрической композиции Водлозера.

Вправе ли претендовать на роль такого центра кенозерское Вершинино? Естественно, что его изумительное всхолмление не может восприниматься иначе как алломорф Мирового Древа. Или Мировой Горы. Это Меру Кенозерья, пуп земли. Но если Ильинский погост предлагает нам разворот обзорных линий на все 360 градусов, то на высоте Вершинино мы находим их достаточно широкий, но все-таки ограниченный в раскрытии веер: композиционная асимметрия дает себя знать и здесь. Естественно, что наши сравнения не имеют оценочного характера – они призваны подчеркнуть своеобразие (и даже некоторую антистетичность) двух великолепнейших мест Русского Севера. Кенозерье хочется ассоциировать с «Белой Индией» Николая Клюева. Вот строки оттуда:

На дне всех миров, океанов и гор
Хоронится сказка – алмазный узор.

Где сказка может найти лучшую защиту, чем в Кенозере? Пространство тут многоядно перегорожено, многократно занавешено – есть куда уйти от недобрых поползновений бездушной цивилизации. Затаиться, захорониться! Кенозеро предоставляет для этого наилучшие возможности.

Вот еще строки из «Белой Индии»:
В потемки деревня – Христова брада,
Я в ней заблудиться готов навсегда.

Какая смелая метафора! Христова брада тут символизирует крайне причудливую топографию. Реперных точек нет. Какой смысл аукаться? Ведь это редкостная удача – забиться в кенозерский тайник. И переждать здесь времена, несущие распад и тление. И сберечь для нас живую, целехонькую, переливчатую сказку.

Кенозеро ацентрично. Оно избегает всяких правильностей – ему чужды любые повторности. Ориентация на нем затруднена. Но не благо ли это для тех, кто уходит от погони, затеянной Хроносом? Вечность находит здесь для себя наилучшую нишу. Подобные образования, где наше восприятие напрасно ищет привычную стройность, в постмодернизме называются ризомой. Вот признаки ризомы:

– вместо жестко фиксированных точек мы имеем так называемые линии ускользания: они не дают нашему взгляду закрепиться, обновляя восприятие при

самом малом сдвиге;

– перед нами композиции, которым свойственны ацентризм и аритмичность: эти признаки альтернативны нашим традиционным представлениям о прекрасной композиции;

– нам предстает несомненная целостность, но она асимметрична и нелинейна; ей присущи неравновесность и нестабильность – классическая эстетика тут пасует;

– внутри ризомы переживаешь ощущение, что у нее нет ни начала, ни конца, но есть только середина, которую нельзя признать единственной – она смещается вместе с нами;

– если осевые композиции ассоциируются с корнем или стержнем, то ризома есть нечто мочковатое – поэтому ее морфологию называют множественной, или плюральной.

Ризомы органичны. Они полны витальности. Но их красота выпадает из канона, восходящего к эстетике античности – это другая красота. Если говорить о красоте ландшафтных ризом, то здесь особо следует подчеркнуть качество, определяемое в постмодернизме как непредсказуемо пульсирующая конфигурация – на каждом шагу ризомы одаривают нас новизной. Кенозерье и есть такая ризома. Два одновременных фактора – тектоника и ледник – создали ее. С нивелиром и линейкой на Кенозере нечего делать. Фантастическая морфология Кенозерья благоприятствует уходу в себя, интроспекции. Тут не отвлекаешься на пустую даль, склоняющую тебя к утопиям разного рода. Кенозеро сосредоточивает на сущем. Да, оно ацентрично – но вместе с тем центростремительно: только центр этот находится в твоём духе. Внутренний покой человека охраняют со всех сторон. Ощущение визуальной изоляции: вот что тебе дает Кенозеро, везде похожее на залив или пролив. Холмы как ширмы. Отгородись от всего суетного! Кенозерье дарит шанс обрести под его эгидой подлинное, первосущее.

Фитосоциология показывает: растительное сообщество эволюционирует от состояния открытости к состоянию замкнутости – так себя организует, чтобы стать недоступным для инвазии новых видов, способных нарушить вековечный порядок. Северная община прошла схожее развитие. Замкнутость коррелирует с устойчивостью. И растительное сообщество, и северная община консервативны: потенциальная самовоспроизводимость тут может быть бесконечной. Но северная община рухнула. А.Ф. Гильфердинг провидел ее трагедию. Общинное в его сознании было едино с былинным.

Что содействовало угасанию былинной традиции? А.Ф. Гильфердинг называет две опасности, грозящие Кенозерью: это промышленное движение и это школа (т.е. просвещение, понятое в цивилизаторском духе). Замкнутое размыкается. Внутрь проникает чуждое. И где былая устойчивость? Ведь это чудо из чудес: трансляция былин от поколения к поколению – безэнтропийная работа в течение столетий одной и той же матрицы. Не дай Бог внести в нее какие-либо изменения! Если

певец что-то забыл, то он предпочтет сохранить лакуну – не станет заполнять ее отсебятиной. А.Ф. Гильфердинг раскрыл творческое начало в народных рапсодах. Но эта креативность касалась в основном, по терминологии А.Ф. Гильфердинга, так называемых переходных мест: тогда как типические места, несмотря на широкую вариативность, обнаруживали в своих главных чертах неколебимое постоянство. И вот фундамент дрогнул!

А.Ф. Гильфердинг застал Кенозерье в тот исторический момент, когда инвазия в его замкнутое сообщество только-только начиналась. Интересны в этом плане творческие судьбы отдельных певцов. Петр Андреевич Воинов из деревни Рыжково в молодости был работником у сказителя Павла Семеновича Сивцева, отца легендарного Ивана Поромского; репертуар его был обширен, поэтический дар – с явными лирическими обертонами – огромен. Вот строки из былины «Добрыни и Алеши», записанной от П.А. Воинова:

Из-под белыя березки кудреватя,
Из-под чудна креста Леванидова,
Из-под святых мощей из-под Борисовых,
Из-под белого латыря камня,
Тут повышла-повыбежала,
Выбегала-вылетала матка Волга река.

В изумительный игре словом предвосхищаются искания русского поэтического авангарда. Слышится то ли Велимир Хлебников, то ли Даниил Хармс, то ли Семен Кирсанов. Самовитое слово ведет игру само с собой. Эта игра самоценна. Хрустальная глубина архаики проступает в былинах П.А. Воинова. Ни одной соринки не уронил в эту чистоту его многосложный жизненный опыт. На долгие года отлучался П.А. Воинов от родных мест. Зарабатывал на жизнь артельщиком в Петербурге, ополченцем ушел на крымскую войну, удостоился чести быть знаменосцем. Потом вернулся домой. Ничего не забыл из ранних впечатлений – былины исполнял безукоризненно. Это пример устойчивой памяти, обладавшей иммунитетом против привнесенного, инородного.

Другой случай: Иван Михайлович Кропачёв с Мамонова острова. От теткимонастырки усвоил грамоту. Стал книгочеем. Пристрастился к духовному чтению. Библия – Четьи Минеи – Пролог – Златая цепь – Маргарит: вот что мы нашли бы в его библиотечном формуляре, если бы таковой завели на кенозёра-любовная. Девять лет Иван Михайлович служил целовальником в Каргополе – мог непосредственно сравнить городское и деревенское. Память у него давала сбои – А.Ф. Гильфердинг пытался понять этиологию ее провалов, оценить меру забытого. Интересно, что И.М. Кропачёв удержал наиболее архаические мотивы – пел он и про Вольгу, и про Щелкана.

Третий случай: Игнатий Григорьевич Третьяков из д. Росляково. Знал грамоту. Потому ли червь сомнения проникнул в его душу? Пел хорошо, но не верил в истинность событий, о которых рассказывала былина. Ее содержание было для него

условным. А это симптом, грозящий летальным исходом: былина умрет, если ее будут считать баснословием. Скепсис губителен. Из века в век северяне полагали, что былины абсолютно достоверны – они со всей полнотой сочувствия переживали их коллизии. А.Ф. Гильфердинг пишет: «эпическим песням нужна свободная память»³. Это означает, что ее не должны обременять наносы цивилизации – все мусорное, преходящее. Память сказителя – закрытая система. Кенозерье обеспечивало ее практически полную герметичность. Новшества отскакивали рикошетом. Работала система защитных фильтров. Внешняя изолированность Кенозерья как целого и его внутренние изолирующие экраны: все это работало на то, чтобы охранить память традиции от посторонних возмущений на всех уровнях вплоть до отдельных деревень, блюдущих свою самобытность.

Когда стали обнаруживаться первые признаки амнезии? Обычно этот недуг связывают с петровскими временами. Очень возможно, что Кенозерье сохранным прошло через них, ощутив касания тянущихся из центра шупальцев лишь в XIX веке. Поначалу хватка была не слишком крепкой. Но в XX столетии она стала мертвой. Кенозерье потеряло свою былинную память. Как и весь Русский Север. Причина однозначна: нарушение изоляции. Эпоха взломала кенозерский тайник.

Амнезия имеет свою историю. Возьмем для примера слово поляница. Так в былинах называется женщина-богатырша. Многие сказители уже не знали этой семантики. Уходя от объяснения смысла, они скупно говорили: «так поется». В.И. Даль раскрывает значение слова неадекватно: удалая голова, удалая шайка. А.Ф. Гильфердинг вынужден констатировать: и в Кижях, и на Кенозере слово «поляница» повторяется по инерции – оно «потеряло свою определенность»⁴. Тогда как водлозерский крестьянин Матвей Федорович Нигозеркин сказал А.Ф. Гильфердингу ясно и вразумительно: «А вот видишь досюль и женщины воевали»⁵. Картина амнезии выглядит рыхлой, разорванной, но однажды превратится в унылый сплошняк.

Волею судеб Кенозерью выпала миссия стать самым надежным сосудом для хранения народной памяти. Оно самой природой было предназначено для этого. Вот вопросы, которые ставит его топография:

1. Как разнообразие рельефа отразилось в планировках деревень? Архитектура резонирует на ландшафт – и деревня Семёново здесь является потрясающим примером.

2. Какова была сеть внутренних коммуникаций Кенозерья? Часто таковые получают мифопоэтическое осмысление. Кенозерье не могло здесь быть исключением.

3. Какое отражение объективный уют экотопов – их укромность, защищенность

4. Получил в психологии кенозёров? Как он сказался на их характерах?

У этих экотопов единый кенозерский дух. Но вместе с тем они ошеломительно разнообразны! В народной песне говорится так:

По Вершининой дорожка торна,
а Глушково-то кофейна сторона,

а по Сыскиной тропа проведена,
что Якимово на желтом на песку,
а Захарово повыстроено,
а Немыта на своем бережку,
а Карпово на самой на горы,
Черепановы капризны мужики...

Каждой деревне дана своя краткая и меткая характеристика. Амплитуда признаков широка – задействованы и ландшафт, и культура, и психология. Кенозерье плюралистично. И вместе с тем все оно – такое разнообразное и причудливое – сотворено как бы на одном выдохе.

Можно и должно говорить о географическом стиле. На Кенозере он уникален. Ему присуща своего рода прихотливость. Или затейливость. Неповторимый почерк! Геоморфология по цепочке ассоциаций переходит в мифологию и поэзию – для культуры этот метаморфоз очень существенен; ландшафт получает знаковое насыщение – в Кенозерье семиотика наполняет его всклень.

Примечания

¹Поляков И.С. Кено и Кумбас-озеро // Изв. ИРГО. 1871. Т. VII, № 71. С. 349-350.

²Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 45.

³Там же. С. 51.

⁴Там же. С. 56.

⁵Там же.

КЕНОЗЕРЬЕ – ВОДЛОЗЕРЬЕ: УНИСОН И КОНТРАПУНКТ

В локальных мифологиях отражаются универсальные архетипы. Среди них выделим Архетип Раздвоенного Единого – его манифестации разнообразны: от китайской эмблемы Ян – Инь до платоновского Андрогина. На одну сущностную схему накладывается многоликая образность. Так называемые близнецные мифы – особенно в случае антагонизма близнецов – являются развитием этой же схемы. Вспомним древнеиранский миф о Зерване: в результате внутренних сомнений и колебаний вместо единственного чаемого сына он рождает двух – Ормузда (воплощение добра) и Аримана (воплощение зла). На основе ключевого архетипа возникает миф, объясняющий дуализм бытия – его поляризованность на враждующие друг с другом противоположности.

Водлозерье знает свою проекцию данного архетипа – характерно, что она связана с образом водяного. Причем представлена в двух вариантах:

– в первом из них речь идет о двух водяных, владычествующих на одном озере – сферы влияния маркируются соответственно Пречистинским и Ильинским погостами; подобные представления мы встречаем только на Водлозере – они вне аналогий; возможно, в них отразилась гидрологическая ситуация, когда в результате пересыхания Водлозеро разделялось на два водоема, между которыми был барьер; такое случалось спорадически; целостность озера всегда восстанавливалась – однако своеобразный диполь двух водяных сохранился;

– во втором варианте ареал расширяется, охватывая Водлозерье и Кенозерье; коллизия здесь такая: к дочери водлозерского водяного (конкретно – Ильинского: он опекает северную часть озера) одновременно с водяным, обитающим в глубинах около Пречистинского погоста, сватается их кенозерский брат. Однако он терпит неудачу. Возвращаясь восвояси, отвергнутый жених осложняет путь на Кенозеро – ставит препятствия.

Семантика этого мифа трудна для прояснения. Самоочевидно, что за ним стоит что-то конфликтное – связанное с разрывом, бифуркацией. Единое, дружественное превращается в расколотое, противоборствующее. Преломились ли тут какие-либо конкретные исторические реалии? На этот вопрос нет ответа. Однако можно попытаться найти и другой ключ к семантике мифа: не могло ли коллективное бессознательное народа в такой форме запечатлеть ощущение нарастающего взаимоотноуждения между Водлозерьем и Кенозерьем? Нынешняя изоляция возникла не сразу. Медленно умирал некогда знаменитый кенский волок – жизнь пробивала другие дороги, налаживала другие коммуникации. Дивная речушка Мышьи Черева потеряла значение связующего звена между двумя очагами северной культуры.

Ну да, это было когда-то: водлозёры везли на продажу соседям свою рыбу, а возвращались с разным товаром, среди которого ярким пятном выделялись изумительные кенозерские прялки. Пудога была наводнена ими. Однако со временем широкие проселки превратились в еле заметные тропы. Зимники пробивались все реже – от случая к случаю, без постоянного ухода за ними. Долго держалась эта традиция: водлозёры идут к кенозёрам на день Макария, а кенозёры к водлозёрам – на день Ильи. Потом это стали делать только священники. Будто и впрямь препона, о которой говорит миф, становилась все ощутимей. Контакты продолжались. Но они стали спорадическими. И часто совершались в одиночку.

Об одном из таких контактов интересно рассказывает А.Ф. Гильфердинг. Крестьянин Матвей Федорович Нигозёркин жил на берегах Водлозера в деревне Чуяла. Постоялого двора он не держал, однако от природы был очень радушным человеком – охотно оказывал гостеприимство в своей просторной избе. И вот так вышло, что у него дважды – на прямом и обратном пути – переночевал старик из-за Кенозера. Случилось это осенью 1870 года – примерно за год до встречи с А.Ф. Гильфердингом. Кенозерский путник пел былины. Удивляет следующее: до общения со сказителем сорокалетний Матвей Нигозёркин не знал ни одной былины; более того: он их вообще не слыхивал (!!!). И что же? А.Ф. Гильфердинг записывает от Матвея Нигозёркина две полновесных былины – это «Добрыня и Алеша» и «Дюк» и начало третьей (о поездках Ильи Муромца). Весьма обширные тексты Матвей Нигозёркин запомнил (понял – как он сам выразился) с двух раз – в былине «Добрыня и Алеша» – 369, а в былине «Дюк» – 276 строк.

Об очень многом говорит это бесценное свидетельство:

– оно подтверждает мысль А.Ф. Гильфердинга (все же спорную), что былинный эпос только-только начинает проникать в Водлозерье – перед нами своего рода случайная выборка, показывающая, что по крайней мере в деревне Чуяла пение былин не являлось частью быта; иначе Матвей Нигозёркин имел бы о них представление;

– Матвей Нигозёркин был землепашцем; известно, что запрет лесных расчисток сильно ударил по водлозерскому крестьянству – оно стало переключаться на рыболовство; а это вызвало, по мнению А.Ф. Гильфердинга, глубокие изменения и в духовной культуре Водлозерья: «плетение сетей, как мы видели, есть занятие, особенно благоприятствующее былевой поэзии»¹;

– простой крестьянин поражает и своей памятью, и своей впечатлительностью – попав под очарование былин, он запоминает их сходу, без всякой зубрежки; мы видим, как осуществлялось перенимание традиции – это походило на эстафету: от исполнителей актуальных к исполнителям потенциальным тексты передавались один к одному как точные копии – если и были потери, то небольшие.

В былинах «Добрыня и Алеша» и «Дюк», записанных А.Ф. Гильфердингом от Матвея Нигозёркина, повторяются с незначительными вариациями следующие строки:

Ай конь реки ён озёра перескакивал,
А ён мхи-то да болота промеж ног пушал.

Это реалии Русского Севера. Они могут уживаться с пейзажем, в котором доминируют сырые дубравы и ковыль-трава – реалии Русского Юга. Как в организме сочетаются врожденные и приобретенные признаки, так и текст былины над исконным пластом порой несет вторичные напластования – с разной степенью прочности они привиты к исходной основе. По сути сейчас мы начали проводить биосоциальные аналогии. Они помогут нам в дальнейших рассуждениях.

Вернемся к проблеме изоляции. По аналогии: этот феномен играет важнейшую роль в биологической эволюции – содействует накоплению генетического разнообразия. Параллель к данному явлению мы имеем и в становлении культуры. Русский Север един – это своего рода духовный континуум. Но вместе с тем его пространство дискретно разделено на отдельные локусы – и каждый из них отмечен печатью сразу узнаваемого своеобычия. Заонежье – Водлозерье – Кенозерье: А.Ф. Гильфердинг рассматривает преимущественно именно эти три очага былинной традиции. Их связь понятна. Это звенья одной традиции. Но А.Ф. Гильфердинг тонко уловил метрическую, стилистическую, сюжетную неповторимость каждого звена! И он понял: усиление своеобразия – результат изоляции. Какова ее мера? Вернемся к аналогизированию.

В последней четверти XIX века поиск биосоциальных соответствий приобрел значимость если не методологии, то весьма популярной эвристики. Возникла наука фитосоциология: растительная формация и человеческий социум обнаружили неожиданные подобия – это позволяло делать широкие системные обобщения. Мы намерены пользоваться схожими приемами мышления. Дело в том, что в условиях Севера жизнь человека настолько тесно сплетена с природой, что будет оправданным их рассмотрение в одном неразрывном комплексе.

Что дала изоляция живой природе? Приведем несколько примеров – все они показывают, как в биосфере увеличивается разнородность:

– Галапагосские острова благодаря своей изоляции сохранили архаичную фауну; знаменитые дарвиновские вьюрки наглядно показали, как географические барьеры – даже и не столь уж фатальные – ведут к феерической вспышке изменчивости;

– в плейстоцене фауна Северной и Южной Америки была близкой по составу; нынче мы видим другую картину: обширное плоскогорье, пересекающее Мексику по 20-й параллели, стало неодолимым препятствием для многих животных: теперь только к югу можно встретить лам, ленинцев, броненосцев;

– считалось, что после схода ледника лес двигался с Юга на Север; но в Крыму нет белки и сони – и это индикатор, указывающий на то, что прародина у наших лесов другая: ее надо искать в широком диапазоне от Карпат до Саян выше степей – они изначально разделяют южные и северные леса, выступая как мощный изолирующий фактор.

На Севере таких факторов много: тайбола, отмеченная А.Ф. Гильфердингом; топистые аапа-болота; обширные водные пространства; задебренные и завалуненные сельги, кряжи, озы. Диалектика континуального и дискретного хорошо работает на этих просторах. Одновременно они цельные и мозаичные, единые и дробные. Природа словно специально озаботилась тем, что бы люди, пришедшие сюда, могли обособиться – никто до них не достанет, не помешает привычному укладу. Совокупность родовых ковчегов – или общинных убежищ: вот что такое Русский Север. В ретроспективе видишь, что спасались тут – и сознательно, и бессознательно – от обезличивающего влияния центра, который всегда был источником губительной энтропии. Север в целом стал замечательным изолятором, защитившим традицию от вторжения сомнительных новшеств. Так получилось, что он противопоставил себя метрополии – огородился от нее, ушел скитником – тысячеустым, соборным – в собственные глухие леса. И этим сохранил свой древний прекрасный лик.

Спросим условно: какой вклад в механизм обособления внесли заторы, содеянные кенозерским водяным? Надо сразу сказать, что он был прозрачным для искусства петь старины: А.Ф. Гильфердинг говорит об унисоне былинных навыков Водлозерья и Кенозерья, но подчеркивает их контрапункт с Заонежьем. Водлозерье и Кенозерье он часто берет совокупно. Как что-то одно. Как целое. Читаем у него: «нет никакого сомнения, что на Кенозере и Водлозере наш народный эпос еще совершенно живуч и может там долго-долго продержаться, если только в эту глушь не проникнет промышленное движение и школа»². В этом плане Северо-восток охваченной А.Ф. Гильфердингом территории (сюда исследователь присоединяет еще и Выгозерье) резко контрастирует с Заонежьем. На Юго-западе былинная традиция угасает. Вот показательные линии сравнения:

ЮГО-ЗАПАД (ЗАОНЕЖЬЕ)	СЕВЕРО-ВОСТОК (ВЫГОЗЕРЬЕ, ВОДЛОЗЕРЬЕ, КЕНОЗЕРЬЕ)
Былины помнят только старики	Былины поют и стар, и млад
Женский репертуар существенно отличается от мужского и по именам героев и по содержанию: популярны игривые и красивые богатыри – А.Ф. Гильфердинг называет их « <i>бабыми</i> »; ценятся сюжеты с эротическим оттенком	Незаметно каких-либо различий между женским и мужским репертуарами – А.Ф. Гильфердинг подчеркивает: « <i>В этом отношении особенно замечательно Кенозеро</i> » ³ .

Наше внимание должны привлечь попытки А.Ф. Гильфердинга найти количественные критерии, с помощью которых выявляются объективные различия двух былинных школ. Вот они: только в Заонежье поются длинные, до 1000 строк былинны – причем строки протяжные, иногда 9-стопные; тогда как на Северо-востоке для былин типична длина в 300–400 строк – размеры более короткие и энер-

гичные: чаще всего это 5–6-стопный стих.

Водлозерье и Кенозерье: А.Ф. Гильфердинг их и сближает, и различает. Отметив сходство в манере сказителей, он проводит дифференциацию по другому признаку: это сюжеты. Только на Кенозере сохранились былины о Щелкане – это его несомненная прерогатива в рамках исследуемого региона. Внутри него есть еще один барьер – уже не мифический, а вполне физический: это очень ясно и четко выраженный водораздел между Балтийским и Беломорским бассейнами. Природа с редкостной красотой провела эту линию – она идет по перешейку, разделяющему две зеркальных глади. Будто тут захотела проявиться идея симметрии. И сделала она это с предельной убедительностью. На водоразделе испытываешь чувство возвышенного – тебе явлена гармония в ее планетарном масштабе. Очевидно, А.Ф. Гильфердинг питал особый интерес к этому месту – желал увидеть в нём порубежье, значимое и для культуры. Вот одно из наблюдений ученого: западнее водораздела – в Водлозерье – звук «ц» произносится как «ч»; тогда как восточнее – в Лекшмозерье и Кенозерье – он звучит чисто.

Иногда создается ощущение, что А.Ф. Гильфердинг приближался к статистическому исследованию культурного разнообразия – очень подошел бы ему и метод картографирования. Заметим, что биология примерно в этот период стала осваивать оба метода, сразу же обнаруживших свою исключительную результативность. Гуманитарные науки еще долго будут отставать в этой сфере. Увы, теперь статистическое исследование стилистики былин – ее вариаций, отражающих местные особенности – можно делать только по старым записям. Давно составлены диалектологические карты. Но полтора века назад они получились бы гораздо более содержательными! Время упущено. А.Ф. Гильфердинг интересен еще и тем, что одним из первых в науке ощутил важность проблемы разнообразия, возникающего в сравнительно небольших, локальных масштабах. Аналогом тут будет популяционная изменчивость.

Читая А.Ф. Гильфердинга, мысленно видишь некую шкалу, движение вдоль которой помогает уловить и зафиксировать изменения в культуре исполнительства, являющиеся функцией такого перемещения в пространстве. *Genius loci* дает знать о себе постоянно, внося свой весомый вклад в накопление разнообразия. Другим его источником является личность певца. Она накладывает свою печать на текст. Раньше этого не замечали, считая исполнение былин чуть не механическим воспроизведением однажды заданного, в столетиях неизменного стереотипа. А.Ф. Гильфердинг заговорил о творческой индивидуальности исполнителей. Но столь же пристальный дифференцирующий взгляд он бросил на каждую семью, деревню, регион. Его интересовали инварианты. Но еще больше – неповторимости. Под этим двойным углом зрения – в диалектическом пересечении дополнительных подходов – он изучал Водлозерье и Кенозерье.

Сравнение двух очагов севернорусской культуры стало устойчивой традицией. Вот компаративистика И.С. Полякова:

-
-
- «бассейн Кенозера существенно отличается от бассейна Водлозерского»⁴;
 - «красота местоположения увеличивается здесь еще и тем оживленным видом, который приобретают холмы от пашен, одевающих их со всех сторон; вообще, сравнительно с Водлозером, хлебопашество здесь процветает»⁵;
 - «со стороны физиономии на кенозёрах меньше заметно иноземное влияние, чем у водлозёров»⁶.

В последнем сравнении подразумевается финно-угорский субстрат, который Пудога не смогла растворить до конца – иногда кажется, что глазами водлозёров на нас смотрят чужь, весь, саамы. Антропология в этих краях тоже могла бы набрать интересную статистику. Водлозёры и кенозёры – часть русского народа. Но русскость полиморфна – она широко варьирует. Это ее прекраснейшее качество на стыке Водлозерья и Кенозерья чувствуешь со всей непосредственностью. Мы – одно. И вместе с тем мы – разные. Диалектика единства в многообразии явлена на Русском Севере с впечатляющей яркостью. Перед нами множество локальных микрокосмов, таких как Заонежье, Водлозерье, Кенозерье. В каждом из них представлен Универсум. Но сколько тут преломлений, модификаций! Они-то и самоценны. Изоляция лежит в основе их проявления. Кенозерский водяной сделал благое дело: он помешал выравниваю двух самобытных несхожестей. Удивительный миф отрефлектировал бессознательно ощущавшийся факт этого несходства. Да, северяне общительны, им люб диалог, но вместе с тем ведома и ценность самозамыкания, самодовления. Границы Водлозерья – и границы Кенозерья: будто они обложены незримыми берегами. Посторонняя сила, несущая распад и деструкцию, не должна сюда проникать. Здесь осуществляется двойная страховка: надо несколько отстраниться и от большого государства, и от ближайших соседей. Начинает работать алгоритм изоляции. Благодаря ему мы имеем гораздо больше, чем в случае, когда границы открыты, а различия стерты.

Примечания

¹Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 49.

²Там же. С. 49.

³Там же. С. 45.

⁴Поляков. И.С. Кено и Кумбас-озеро // Изв. ИРГО. 1871 г. Т. VII. № 71. С. 349.

⁵Там же. С. 350.

⁶Там же.

Л.П. Михайлова
(г. Петрозаводск)
О.Н. Пономарёва-Рунова
(г. Мурманск)

ЖИВОЕ И ИСЧЕЗАЮЩЕЕ КЕНОЗЕРСКОЕ СЛОВО

В Кенозерье, как и на территории северной и средней полосы России, исчезли многие деревни, а вместе с ними исчезли и продолжают исчезать многие названия селений, уходят из употребления слова, в которых отражается картина мира человека, освоившего когда-то нелегкие для обитания и жизнедеятельности места, далекие от центра. Вокруг озера, с его загадочным наименованием, сложился своеобразный мир – мир красоты, величия природы, мир умного хозяйственного строя русской деревни, уважения к себе и своим предкам, истинной веры, бережного отношения к слову, как к бесценному дару.

Лексика говоров Кенозерья включается в «Архангельский областной словарь» по данным записей 1959–1961 годов, 1972 года в Каргопольском районе и 1958, 1960, 1974 годов в Плесецком районе¹. Надо полагать, что записи, ограниченные небольшим временным отрезком, не могут отражать полной картины состояния лексической системы говора, а следовательно, необходим дальнейший сбор материала.

В январе 2010 года ушла из жизни жительница д. Вершинино Екатерина Федоровна Евсеева, 1926 г.р. Как и многие ее односельчане, она прошла трудную жизненную дорогу. Нам посчастливилось встретиться с Екатериной Федоровной и побеседовать о дне сегодняшнем и прошедших годах. При первой же беседе, которая, к сожалению, оказалась единственной, удалось сделать записи. Мы приводим их без изменений, сохраняя основные произносительные особенности, редко отступая от морфологического принципа русской орфографии. При этом мы даем лишь некоторые пояснения, заключенные в скобки. Используем запись в упрощенной транскрипции, топонимы и антропонимы выделяем полужирным курсивом.

Запись сделана Л.П. Михайловой в августе 2009 г.

О родной земле и о себе

Два́дцать шесто́го го́да. Занима́лась се́льским хозя́йством. (Сеяли) жи́то, ячме́нь, горо́х, ове́с. *Уса́дьбы* нам отводи́лись, пше́ницу се́или, кле́вер. Поко́сы за два́дцать кило́метров. К весны́ уже́ ста́нут... На клевера́х ... коро́ф и ове́ц.

(О покосах) *УКа́меня* была́ очень больша́я у на́с (*поляна?*), у доро́ги *Попóвщина*, *Хлыно́вщина*. *Вила́новщина*, *Зимни́к* – то́же *поко́сы* бы́ли, и *поля́ны* бы́ли. *По́жня* ... *Поля́ны* – розде́лывали. У де́да бы́ло мно́го *розде́льни*, корчевáли, сжига́ли. По́ле ря́дом как подиле́но бы́ло. *Корова́к* – *поля́на* и *по́жня* была́, коси́ли. *Вила́новщина* – и *поко́сы*, и *поля́ны*. Под ре́пу корчевáл да се́ял ре́пу.

© Михайлова Л.П., Пономарёва-Рунова О.Н., 2011

Ріпище – роздѣлывают, дед и в лесу роздѣлывал *ріпища*. В *отхóжж*и *озѣ'ра* ходіли. *Ріпище* роздѣлат и репы нарóстит, для репы, репа... Окол óзера *ріпища* и дѣлал. ... Ну, да уж не берегите репу к весны'. Сучья в кучу валіли и сжигали. Где оні *ріпища* дѣлат, потóm опя'ть нóво роздѣлыват.

У *Сухрóнова*, к *Сохрóнову* мы сходіли поудили.

(О домашнем ткачестве) *Ставіны* – ткали, деревя'нны. *Бѣ'рдо*, *ніченки*... *Прихлáпывашь*. *Обнітить* на́до нóвыма нітками. Набирали *набóры* такі. (Ходили) в *портяны'х* наткáнных рубáхах, кúбичками, как *зáбрано*.

Мáму *запокóбла*, пáпу *запокóбла*. В *Мініно*, в *Пúстоиши*. *Пúстоиша* назывáется, как *горбышóк*. Пять клáдбищ здесь. На óстрове есть клáдбищó – *Боровó*, óстров *Боровó*. Они трóнулисe.... Какó клáдбищó хорóшо на *Боровóм*-то! Рвали лён, чтóбы кóрень, потóm кладáли в снопы'. У *Кáменя* óзеро бы'ло, росстилáли лён, часть егó *мочіли*, потóm опя'ть росстилáли. Мя'ть-то – *мя'лки* и *бросáлки*. На *бросалки* отколóтú. *Мя'лкой* кру'пно-то *отколóтишь*, *бросалкой* и тénешь крѣпче, чтоб *отбрасывалось*. *Щѣти* – *вычáсывать*. *Трепáли* *трепáлом* – до *щѣти*. Я на *мя'лки* розмина́ла. *Костіца* отхóдит. *Отрэпы* – на верѣ'вки ткали. На́до старúшкам рознести э'ты *отрэпы*, чтóбы на верѣ'вки. Лён хорóшо рос. Сémѣ-то льнянóѣ – и ангúну лечіли. Нóгу намозóлила... «Что Вы доведитѣ до такóго?!» Льяносémѣ запáривали в молоко́, *роскладут* на *пóртно* – быстрее на́ ногу. Улья'на Ивáновна Игúменова – врач. Этым сémем так (лечили). Пеклú *колобúшки* из сémя, пеклú. Толкѣ'шь *толкúшкой*. Что это такó? Рожь, ячмень. Чѣтвереть – кóлос, рожь росла.

Пять корóв сдáла на мясопóставку. Овѣчек три рáза стригúт. Стрижѣ'м веснóй – как вы'йти им на вóлю, óсенью и зимóй. Зúмняя шерсть – вáленки дед катáл. *Летніна* – лѣтняя шерсть. *Кáтальцики* – с Карéлии ходіли кáтали по деревня'м. К стены' бы'ла прибу́та *бить* шерсть – с кишкú, с овѣчек.

Оне́, конѣчно, видели. Брáлсы катáть мáленьки вáленки. Типѣрь никтó ни катáт. «*Кáтальцики* пришлú с Вóдлозера!». Нáши дѣлали *щѣти*, ходіли в Кóми (продавать).

Корóвушка – *нѣтель*. *Первотѣ'лок* – пѣрвый раз телúлась. Мы от *первотѣ'лка* телѣ'нка не держáли. В колхóз трѣх корóв и трѣх лошаде́й сдал (отец).

Порáньше *обѣхай* жеребѣ'ночка; в оглóбли не идѣ'т – нѣжат, чтоб шѣл. Онí *ссáли* (сосали – о жеребятáх), кобылúц не доили. Пѣчку-то затопítь на́до.

Дáже на фѣрмы навóз вы'вести (надо). Откчáм (навоз) со всѣй *сóлодью* и со всѣм. *Сóлодь* – корóвы да лóшадѣ писáют, сóлодь – жúдко.

Постúлки фактúчески овцáм на́до мнóго. Зачѣм овѣчка держáть (если не ухаживать за ней)? Пять-шѣсть *зáколин* накашивали. Всю жизнь овѣц держáла, а стричь боя'лась. Такóе *держáнье* (то есть хорóший уход) и на́до, овѣц держáть. По восемáдцать овѣц держáла, я в прóшлом году *яру́шку* купúла. Борáн – двáдцать пять килогрáмм. Без хлѣбного животновóдство не мóжет быть. Не сосчитáм, какóй удóй, битóнчики по три лúтры. Отруби (купили), травы' там (набито), какó там хлѣбно-то?

Ры́ба – плотва́, окуни, ерши́, на́лумы, щу́ки, язи́ – вся́ ка ры́ба (водится в Кенозере). *Мерё’жи*, *ку́рмы*, окуне́й в *ку́рмы* лови́ли весной. *Ку́рма* – де́лают обруча́, се́тку натя’гивают на э’ти обруча́. *Ку́рма* не така́ больша́, а *мерё’жи* бо́льше, с кры’льямы.

Нам про́звища, мы *Марака́сы* бы’ли. *Онóсковы* – *Марты’новы*, он приё’мыш, примако́м был. *Кондра́шины* – дед был (Кондрат?), те’тя Шу́ра – *Солда́това*. *Опресели́лсы ... Нью’хлы́й* – о скро́мном челове́ке (так скажут).

Ско́лько у ёго мо́жно записа́ть! *Баско́й* па́рень – краси́вый па́рень. На *По́ромской* совсе́м по-друго́му говори́ли: культу́ра – *кольту́ра*. Мой *бра́телко* – *Олекса́ндр Фе́дорович* – оди́н был в пе́рвом кла́ссе. Он учи́лсэ сра́зу хоро́шо.

Моро́шка, *голуби́ца* – голу́бика, черни́ка, бру́сника. *Комани́ка* – наподо́бие моро́шки, но вкусне́е. В си́нях за́пах *комани́цы*. Клю’ква – *жара́вица*.

В тексте беседы, как видно, содержится довольно много диалектных слов, отражающих быт старой деревни, названия мест хозяйственного значения, некоторые неофициальные имена людей.

Приведем также данные небольшого словарика, составленного одним из авторов данной статьи – О.Н. Пономаревой-Руновой, внучкой Е.Ф. Евсеевой, работающей в настоящее время в Мурманске в системе образования. Записи делались во время ее пребывания в д. Вершинино в гостях у бабушки Екатерины Федоровны. С одной стороны, лексика, представленная в нем, может служить дополнением к тому материалу, который хранится в картотеке «Архангельского областного словаря» в МГУ имени М.В. Ломоносова, с другой стороны, в словнике содержатся и такие лексемы, которые отсутствуют в «Обратном словаре архангельских говоров» и могут отражать своеобразие кенозерского говора, а также индивидуальной речи диалектоносителя². Представим тематические группы лексики, активно употребляемой в д. Вершинино и соседних деревнях – Захарово, Шишкино, Погост.

О человеке

Печельная – трудолюбивая, заботливая (от глагола *печеловать*): «Она́ бо́льно-то печельная, всё с огородом бьётся». Ср. *печельной* (ОСАГ: 224), *печеловать* (ОСАГ: 377).

Шку́рка с вы’делкой – экспр. нелестное название человека или животного. В словарях нет.

Скоморо́ха – (в некоторых деревнях) женщина. В ОСАГ нет. В СРНГ нет.

Сухó осино́во полéно – черствый человек. В СРНГ нет ни в одной словарной статье (сухой, осиновый, полено).

Хапéнь – человек, который быстро собирает ягоды, грибы: «Ну, ты и хапéнь!». В ОСАГ нет. В ИИ-СРНГ нет. Ср. *хан* – ‘о человеке, который работает быстро, в полную силу’ (СРГК 6: 703).

Кривору́чье – человек, который не может или не умеет что-то правильно, хоро-

шо сделать. В ОСАГ нет. В других словарях также отсутствует.

Ню'хлый – скромный.

Баско́й – красивый.

Лобі́на – лоб.

Лобя'тина – лоб: «В лобя'тину-то зачём дал?». В ОСАГ нет. В ИИ-СРНГ нет.

Лобазі́на – лоб.

Хозяйство

Полоса́ – участок, засаженный картошкой.

Стожа́р – жердь, которая устанавливается для стога или зарода, вокруг стожа-ра складывается сено.

Подпóра – палка, которая поддерживает стог или зарод, не позволяет упасть и способствует тому, что сено не начинает в стоге гнить.

Зарóд – форма укладки сена для длительного хранения.

Кóршать (картошку) – окучивать (картошку): «Пóлосу вчера́ кóршали». В ОСАГ нет. В СРНГ нет. Ср. *карчи́ть* ‘приподнимать вилами или лопатой картофельное гнездо при копке’ (СРНГ 13: 110).

Лаві́на – мостки в воде, обычно делается из 4-5 бревен, на которые набивают доски (для удобства): «Пойду́ на лаві́ну, выполощу бельё».

Быт

Корча́га – ведро с крышкой для углей, обычно на ножках.

Лáточка – небольшой глиняный сосуд для сметаны, сливок.

Ка́шник – сосуд из глины для замешивания теста.

Заблю'дник – небольшой стеллаж или шкафчик без дверки, на который ставят-ся тарелки, блюда, банки, блюда.

Гря'дка – жердь (длинная палка) вдоль дома или вдоль печки, на которой обычно сушится одежда.

Рукотё'рт – полотенце для рук.

Притоло́ка – балка, поддерживающая потолок: «Уда́риться о притоло́ку».

Лáтка – заплата: «Лáтка на штанáх».

Латáть – пришивать заплату.

Шлямпапéнь – шапка, шляпа, панамка. В ОСАГ не отмечено.

Цалё'к – чай: «Попьём-ко цалё́ка, Завару́-ко цалё́к». В ОСАГ не отмечено.

Цалё'вни́цать – пить чай. Вариант *цалё'вни́цать* в ОСАГ не отмечен.

Сахарі́на – кусок сахара.

Природа

Сі́верик – северный ветер: «Сі́верик засто́я'л – говоря'т тогда́, когда́ не́сколько дней ду́ет се́верный ве́тер».

Черё'мша – черемуха.

Голуби́ца – голубика.

Земляни́ца – земляника.

Кисли́ца – щавель: «Суп из кисли́цы».

Мошкá – мошкара.

Бакари́ца – неизвестное насекомое, чье название не знают: «Вот какá бакари́ца ползэ́т». Ср. *бакара́ка* ‘жук, букашка’ (СРГС 1: 46), *букари́ца* ‘насекомое’ (АОС 2: 169). Вариант *бакари́ца* в АОС отсутствует.

Действие, состояние

Ба́рдовать – понимать: «Я ничегóшеньки не ба́рдную».

Тре́скать – кушать: «Будешь тре́скать?».

Натре́скаться – напиться (пьяным): «Натре́скался яки сви́нья».

Копи́ться – чесаться: «Он весь прикопши́лся, комары покуса́ли».

Упе́таться – упорно работать: «Вчера́ вскопа́ли по́лосу, вот упе́тались».

Скопы́таться – упасть.

Гра́баться – идти (медленно).

Пригра́баться – прийти, приехать: «Дед едва́ пригра́бался». В ОСАГ нет. В СРНГ нет.

Кума́рить – дремать. В ОСАГ нет. В СРНГ нет.

Ля́бзать – разговаривать, сплетничать: «Мы два часа́ ля́бзали на скаме́йке».

Ко́мать, покóмать – 1) стирать белье; 2) бить, драться: «Ребя́та на́ко́мали Ва́ську».

То́рбать – ставят рыболовную сеть, на лодке (или с берега), бьют палками, веслами по воде вокруг сетки, чтобы рыба попала в сеть: «Нато́рбать ры́бы».

Ме́лейдать – мычать (о быке): «Бык ме́лейдат». В ОСАГ нет, но ср. *мелéйдать* ‘мычать’ (СРНГ 18: 87).

Хи́нить – ругать: «А он-то меня всё хи́нит».

Кольба́ть – качать в люльке, на качелях.

Мы не делали дополнений и замечаний в том случае, если слово является известным многим другим русским говорам, о чем свидетельствуют материалы «Словаря русских народных говоров». Сопоставление с лексикой, включенной в «Обратный словарь архангельских говоров», в «Инверсионный индекс к словарю русских народных говоров», а также с данными «Словаря русских народных говоров», дали возможность выделить в представленном списке слова, характерные исключительно для Кенозерья, а именно: *скоморо́ха, хапе́нь, кривору́чье, лобя́тина, бакари́ца, ко́ршать, ца́лэ'к, ца́лэ'вничать, пригра́баться, кума́рить*. Интересна и фразеология: *шкура́ с вы́делкой, сухо́ осино́во по́лено*. Даже эти скромные по объему материалы, несистемные, эпизодические записи содержат лексику и фразеологию, важную для исследования вопросов формирования кенозерского говора. Естественно, они должны служить дополнением к «Архангельс-

кому областному словарю».

Заметим также, что один из авторов данных записей вел разговор целенаправленно, стараясь склонить собеседника к воспоминаниям о прежней жизни, а второй записывал речь по ходу общения, в обычной, бытовой ситуации. В первом случае Е.Ф. Евсеева употребляла преимущественно лексику, которая уже ушла из речевого общения, неизвестна представителям молодого и даже среднего поколения. Во втором случае, надо полагать, некоторые слова из зафиксированных еще находятся в живом речевом обиходе.

В заключение подчеркнем мысль о настоятельной необходимости фиксировать речь жителей Кенозерья, особенно пожилых людей, которые, к сожалению, уходят от нас, унося в небытие мощный пласт народной культуры, выраженной в слове.

Примечания

¹Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой. М.: Изд-во Московского ун-та; Наука, 1980. Вып. 1. С. 59.

²Здесь и далее по тексту используются следующие сокращения: АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой. М.: Изд-во Московского ун-та; Наука. Вып. 1-12. 1980–2004; ИИ – СРНГ – Инверсионный индекс к словарю русских народных говоров / под ред. Ф. Гледни. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. – 574 с.; ОСАГ – Обратный словарь архангельских говоров / под ред. О.Г. Гецовой. М.: Наука, 2006. 559 с.; СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. Т. 1-4. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001–2009; СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. Вып. 1-6. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 1994 – 2005; СРНГ – Словарь русских народных говоров / сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. М.; Л.; СПб.: Наука. Вып. 1-41. 1965–2007.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧАСОВЕН: КЕНОЗЕРЬЕ И ЗАОНЕЖЬЕ*

К описанию архитектуры кенозерских часовен (безалтарных храмов) обращались многие исследователи деревянного зодчества, но главным образом – в работах общего характера. Из специальных же статей автору известна только одна – работа И.Н. Шургина¹. К сожалению, степень изученности безалтарных храмов Кенозерья пока нельзя назвать высокой. Так, например, отмечается разброс в их датировках, приведенных в разных изданиях.

Автору представилась возможность познакомиться с кенозерскими часовнями в 2008 – 2009 годах во время экспедиции НИИ историко-теоретических проблем народного зодчества ПетрГУ в Кенозерский национальный парк. С учетом натуральных изысканий, пополненных материалами из Научного архива Национального парка «Кенозерский», в типологическое исследование включено 22 храма.

В статье «Кенозерские часовни» И.Н. Шургин сделал заключение, что архитектурный импульс развития клетских часовен Кенозерья исходил из Заонежья. Ориентируясь на гипотезу Шургина, автор поставил задачу всесторонне рассмотреть возможность такого явления и провел сопоставительное изучение безалтарных храмов двух субрегионов. Несмотря на разобщенность Заонежья и Кенозерья, есть много оснований для проведения сравнительного изучения их деревянных безалтарных храмов.

Обе территории примечательны высокой концентрацией традиционных часовен, к тому же сопоставимых по своим архитектурным качествам. Одной из особенностей являются потолки – «небеса» с росписями, нигде больше так широко не представленные.

Рассматриваемые территории на протяжении длительного времени были административно связаны между собой: до 1919 года они входили в состав Олонецкой губернии. Помимо общей административной принадлежности Кенозерье с западными землями объединялось транспортными связями. Издавна существовало несколько водно-волоковых путей, ведущих из Онежского озера через Кенозеро к реке Онеге. Позднее был проложен почтовый тракт в Кенозерье из Пудожа². Кроме того обе территории испытывали влияние старообрядчества, известного особой приверженностью к часовням.

Изучение сведений, зафиксированных в списках населенных мест Олонецкой губернии за 1873 год, показало, что по абсолютным данным часовни в Заонежье

© Орлов А.В., 2011

*Натурные обследования часовен Кенозерья выполнены при финансовой поддержке РГНФ, грант № 09-04-18007е.

несомненно преобладали – 75 безалтарных храмов³ против 35 в Кенозерье. Однако относительные показатели свидетельствуют об обратном – о большей распространенности часовен в Кенозерье. Так, при совместном рассмотрении численности населения и количества деревень, приходящихся на одну часовню в сравниваемых субрегионах, выявлено, что в Кенозерье одна часовня приходится на 1,6 деревни и на 132 человека, тогда как аналогичные показатели в Заонежье составляют 4,7 деревни и 402 человека. По карте можно судить о плотности сети расселения: в Заонежье она больше, чем в Кенозерье (ил. 1). Наряду с плотностью к показателям освоенности территории относится и средняя людность деревни, в Заонежье она хотя и не намного, но так же как и плотность расселения превышает аналогичный кенозерский показатель (85,4 чел./дер. в первом случае и 82,5 чел./дер. во втором).

На основании вышеприведенных данных можно предположить, что на менее освоенной территории – в Кенозерье – часовни были более популярны, и это закономерно, так как в культуре таких территорий сохраняется больше архаических черт, к которым относится и приверженность к часовням. На территории же экономически более развитого Заонежья число часовен уменьшается за счет увеличения строительства церквей и организации большего числа церковных приходов. Это подтверждает показатель отношения числа часовен к числу церквей, который в Заонежье составляет 2,5, а в Кенозерье – 4,4.

Сопоставительное изучение кенозерских и заонежских часовен проводилось по двум направлениям. Первое из них связано с выполнением хронологической атрибуции часовен по единой методике – с использованием архитектурно-археологической шкалы для датировки часовен и церквей Карелии⁴. В нашем случае хронологическая атрибуция была нацелена на выявление синхронности или несинхронности бытования датирующих типологических признаков часовен на рассматриваемых территориях.

Полученные даты возведения храмов и их основных реконструкций (увеличение камерности, надстройка колоколен) сравнивались с официальными датировками, фигурирующими в официальных списках памятников и в их паспортах, а при отсутствии таковых – с известными по публикациям и предшествующим исследованиям. Для разных часовен выявленная с помощью шкалы датировка могла совпадать с официальной; уточнять ее с определением более узкого временного диапазона в рамках ранее установленного хронологического периода или наоборот расширять этот период; быть более поздней; быть более ранней (архаизированной), или иметь значительный сдвиг от нее в сторону архаизации.

Следует отметить, что имеющаяся шкала для хронологической атрибуции культурных построек при использовании за пределами Карелии требует корректировки из-за несинхронного развития народного зодчества на Русском Севере и прилегающих к нему землях⁵. Такая корректировка для Кенозерья может быть выполнена в ходе комплексной хронологической атрибуции памятников, включающей поми-

мо анализа по шкале учет архивных данных и проведение дендрохронологических исследований. Вместе с тем, при взаимосмещении на различных территориях хронологических ареалов архитектурных приемов, форм и деталей последовательность их чередования во времени остается в принципе неизменной, что дает возможность воспользоваться карельской шкалой для ориентировочной хронологической атрибуции культовых построек в других субрегионах⁶. Поэтому проведенное с помощью шкалы датирование кенозерских часовен если и не гарантирует точности абсолютных датировок, то обеспечивает установление их относительных значений для всех безалтарных храмов рассматриваемой территории.

При сравнении результатов хронологической атрибуции часовен Заонежья и Кенозерья возможны две интерпретации полученных данных.

Допуская корректность применения карельской шкалы в Кенозерье, можно утверждать, что почти треть рассмотренных местных часовен старше, чем их принято считать, поскольку для 27% часовен Кенозерья выявлены более ранние по сравнению с официальными данными датировки.

Если же считать, что используемая архитектурно-археологическая шкала для датировки часовен и церквей, созданная главным образом на материале Заонежья, не применима для Кенозерья, то возраст анализируемых кенозерских часовен может и не отличаться от официально известного, но это значит, что при их строительстве использовались приемы, архаизированные по сравнению с аналогичными, применяемыми в Карелии, т.е. они были наиболее распространены на территории Заонежья несколько раньше, чем в Кенозерье. Это свидетельствует о некотором отставании часовен Кенозерья в своем развитии от безалтарных храмов Заонежья, что подтверждает приведенную выше гипотезу И.Н. Шургина. Судя по карте (ил. 2), такое отставание особенно проявляется в северной части Кенозера, которая в свое время относилась к Пудожскому уезду Олонецкой губернии и где наиболее возможны влияния Заонежья. По-видимому, часовни именно этой части Кенозерья имеет смысл в первую очередь сравнивать с заонежскими.

Причиной выявленной архаизации наиболее вероятно является то, что Заонежье в Олонецкой губернии являлось центром распространения архитектурных новаций в области храмового строительства, своего рода законодателем архитектурной моды. Кенозерье же находилось на труднодоступной в транспортном отношении периферии и вследствие этого развитие субрегиона в целом и архитектуры в частности происходило медленнее, чем в Заонежье, что и сказалось на архаичности решения кенозерских часовен. Не противоречат этому выводу и приведенные выше результаты исследования зависимости распространения часовен от степени освоенности территории.

Вторым направлением сопоставительного изучения кенозерских и заонежских часовен стал их типологический анализ, выполненный с использованием классификации деревянных культовых построек Русского Севера⁷. Результаты типологи-

ческого анализ каждой часовни фиксируются в виде буквенно-цифровых формул. Разработанный в НИИНаЗ ПетрГУ электронный классификатор деревянного культового зодчества⁸ дает возможность формировать базу типологических формул и картографировать выборки отдельных признаков или их сочетаний.

На основании проведенного типологического анализа 22 часовен Кенозерья и 20 Заонежья был составлен ряд тематических карт. Следует отметить, что, несмотря на малую статистическую базу выборок, привлечение дополнительных сведений о часовнях двух субрегионов, не включенных в картографический анализ, позволило сделать хотя и требующие дальнейшей проверки, но достаточно корректные предварительные выводы. Тем более что для картографирования были выбраны признаки, отражающие ведущие тенденции развития часовен.

В качестве базовой карты, предворяющей картографирование типологических признаков, была составлена карта времени строительства часовен с использованием полученных с помощью шкалы датировок (ил. 3). Карта показывает, что наиболее ранние часовни главным образом расположены на севере Кенозерья, на территории бывших Вершининской и Почезерской волостей, но все они относительно молоды и не старше XVIII века. На юге Кенозерья, в бывшей Кенозерской волости, больше часовен XIX века.

Важным признаком, характеризующим архаичность часовни, является число помещений храма (камерность). Карта расположения одно- и двухкамерных часовен в Кенозерье показывает, что часовни, возведенные изначально двухкамерными, находятся в его северо-западной части (ил. 4). Такая локализация этого варианта безалтарных храмов может указывать на связь с храмостроительством Заонежья, где единовременное возведение двухкамерных часовен распространено широко. В Кенозерье же несравненно более популярна реконструкция, связанная с превращением однокамерных часовен в двухкамерные, чему также могло способствовать влияние заонежской «двухкамерности».

Сравнивая карту характеристик высотности часовен Кенозерья и Заонежья (ил. 5), можно заметить, что в Кенозерье повсеместно встречаются равновысокие часовни, а повышенные кафоликаны являются исключением. Отметим, что первое решение более позднее, второе – раннее. Это подчеркивает уже упоминавшуюся относительную молодость кенозерских часовен по сравнению с заонежскими. Косвенным подтверждением отставания развития кенозерских часовен является то, что здесь не получили такого распространения, как в Заонежье, реконструкции, связанные с уравниванием разновысоких храмов по высоте. В Заонежье разновысокие храмы встречаются достаточно широко и фиксируются случаи преобразования часовен в равновысокие, характерные для позднего этапа эволюции.

Карта времени надстройки колоколен (ил. 6), являющейся одним из ключевых этапов в эволюции часовен, предшествует картографированию типологических особенностей колоколен. Надстройка колоколен в Кенозерье происходила по всей территории и относится к XIX – началу XX века. В отличие от Заонежья здесь

не отмечено надстроек колоколен в XVIII веке, и в целом кенозерские колокольни также более молодые, чем заонежские. Активнее устройство колоколен велось в северной части субрегиона, принадлежащей раньше Вершининской и Почезерской волостям Пудожского уезда: здесь колокольни надстроены над 64% часовен, тогда как в Кенозерской волости – только над 38%.

Рассматривая типологические особенности колоколен Кенозерья, следует отметить, что здесь так же, как и в Заонежье, есть ярусы звона с одинарными и двойными угловыми столбами (ил. 7). В Заонежье двойные столбы фиксируются в колокольнях в период с конца XVIII до конца второй трети XIX века, а в Кенозерье – с конца XIX до начала XX века. Можно предположить, что решение яруса звона с двойными столбами в кенозерских часовнях является повторением заонежских образцов (есть примеры двойных столбов в Пудожье, на пути из Заонежья на Кенозеро, – в Пяльме в часовне второй половины XIX века и в Нижнем Падуне в часовне XIX века) или вызвано влиянием каргопольских церковных колоколен (колокольня в Саунино XVIII в.). В отличие от Заонежья в Кенозерье более разнообразны формы оснований колоколен – четверики, шестерики и восьмерики, представленные в равных долях, что необычно для такой небольшой территории и свидетельствует о том, что наиболее развитые восьмериковые колокольни здесь не преобладают.

В результате типологического сопоставления кенозерских и заонежских часовен подтверждается вывод о некотором отставании развития часовен в Кенозерье, сделанный выше при интерпретации данных их хронологической атрибуции. На этом основании можно предварительно ставить вопрос о необходимости создания и использования местной архитектурно-археологической шкалы для датировки часовен.

По особенностям картографирования основных типологических признаков часовен Кенозерье представляется достаточно целостной историко-архитектурной территорией. Но все же можно заметить, что северная его часть несколько отличается от южной. Количество часовен с надстроенными над ними колокольнями на севере больше, и по возрасту они несколько старше, чем южные храмы. Также в северной части преобладают четвериковые и шестериковые основания колоколен и одинарные угловые столбы яруса звона, а в южной – восьмериковые основания и двойные столбы. Вопросы историко-архитектурного зонирования территории Кенозерья требуют дальнейшего исследования, включая расширение набора картографируемых признаков кенозерских часовен, а также их изучения в сопоставлении с часовнями Поонежья, Каргополья и Заонежья.

Хронологическая атрибуция (см. таблицу) показала, что среди рассматриваемых часовен официальная⁹ датировка совпадает с выявленной с помощью шкалы для часовен в деревнях Бухалово и Кривцово. Для храма в деревне Федосово официальные данные уточнены с установлением зауженного временного диапазона в рамках известного хронологического периода. Датировки более архаичные, чем

официальные, но не вступающие с ними в противоречие (с «пересечением» выявленного и официального периодов датировки), получены автором для часовен в деревнях Тыр-Наволок, Медвежий остров, Карпово, Минино (Георгиевская часовня), Семенова, Тарасово.

**Результаты хронологической атрибуции часовен Кенозерья
с использованием архитектурно-археологической шкалы
для датировки культовых построек**

Часовня	Официальная датировка	Время постройки, выявленное с помощью шкалы
Часовня-«крест» Успения в д. Тырышкино	XVIII в.	Рубеж XVIII – XIX в. или вторая половина XIX – начало XX в.
Часовня Иоанна Богослова в д. Зехново	XVIII в.	Вторая половина XVIII – начало XIX в.
Часовня Архистратига Михаила в д. Федосово	XVIII в.	Последняя четверть XVIII в.
Часовня Кирика и Улиты в д. Филипповская	Вторая половина XIX в.	Вторая половина XVIII в.
Часовня Никольская в д. Вершинино	XVIII или начало XIX в.	Вторая половина XVIII – первая половина XIX в.
Часовня Сошествия св. Духа в д. Глазово	Начало XIX в.	Вторая половина XVII или середина XVIII в.
Часовня Афанасиевская в д. Тарасово	Середина XIX в.	Первая половина XIX в.
Часовня Флора и Лавра в д. Семеново	Середина XIX в.	Первая половина XIX в.
Часовня Макариевская в д. Осташевская	Конец XVIII – начало XIX в.	Первая половина XVIII в.
Часовня Анастасиевская в д. Косичино	Начало XX в.	Вторая половина XVIII в.
Часовня Дмитрия Солунского в д. Городское	XIX в.	Вторая половина XVIII в.
Часовня Георгиевская в д. Минино	Середина или конец XIX в.	Вторая половина XVIII – первая половина XIX в.
Часовня Никольская в д. Усть-Поча	Конец XVIII в.	Вторая четверть XVIII в.
Часовня Пахомиевская в д. Карпово	Конец XVIII – начало XIX в.	Вторая половина XVIII в.
Часовня св. Власия на о. Медвежий	Конец XVIII – начало XIX в.	Вторая половина XVIII в.
Часовня Пятницкая в д. Тырышкино	Начало XIX в.	Первая половина XIX в.
Часовня Иоанна Богослова в д. Шишкино	Начало XX в.	Первая половина XIX в.
Часовня св. Филиппа в д. Кривцово	Середина XIX в.	Середина XIX в.
Часовня Казанская в д. Минино	XIX в. или 1900-е гг.	Вторая половина XVIII в.
Часовня Николая Угодника в д. Бухалово	XIX в.	XIX в.
Часовня Введения Богородицы в д. Рыжково	Конец XIX в.	Вторая половина XIX в.
Часовня Диодора Юрьегорского в д. Тыр-Наволок	XIX в.	Вторая половина XVIII – первая половина XIX в.

Наиболее значительное отступление в сторону архаизации от официальной датировки выявлено у часовен в деревнях Городское, Усть-Поча, Осташевской, Филипповской, Шишкино, Косицино, Минино (Казанская часовня), Глазово.

Хронологическая атрибуция часовни Казанской Богоматери в деревне Минино вследствие недостаточной информации о храме проведена без учета особенностей оконных и дверных заполнений, которые являются основополагающими при определении итоговой датировки, поэтому ее нельзя рассматривать как достаточно корректную. В связи с этим вопрос о точном времени строительства этого храма остается открытым.

Для часовни в деревне Шишкино время строительства, записанное со слов местных жителей, уточнено, при этом данные паспорта памятника допускают уточненную датировку.

Часовня Святого духа в деревне Глазово, по данным паспорта, построена в 1805 году, но обоснования этой датировки не имеется. В паспорте также указано, что она упоминается в «Списке населенных мест Олонецкой губернии» за 1873 год. Поэтому, говоря об официальной датировке, в связи с отсутствием ее аргументации 1805 годом можно однозначно утверждать лишь то, что она была срублена до 1873 года. Особенности окон усложняют датировку, допуская два предположения: вторая половина XVII века (если окна появились при промежуточной реконструкции храма) или середина XVIII века (если окна первоначальные).

Часовня в деревне Косицино построена в 1923 году по аналогу на месте старого, сгоревшего храма. Время постройки, выявленное с помощью шкалы, указывает на время строительства первоначальной часовни.

Для часовен в деревнях Усть-Поча, Осташевской и Филипповской время постройки, выявленное с помощью шкалы, ставит вопрос о корректности официальных датировок, не имеющих достаточного обоснования.

Датировка более поздняя, чем официальная, но частично пересекающаяся с последней, также не противоречащей шкале, получена для часовен в деревнях Зехново, Вершинино, Тырышкино (Пятницкая часовня).

Часовня-«крест» в деревне Тырышкино, не имеющая полных данных для корректного хронологического заключения, допускает две датировки. Обе они более поздние, но первая частично накладывается на официально принятый временной интервал датировки, а вторая выходит за его пределы.

Определенная автором дата строительства часовни в деревне Рыжково хронологически расширена и включает в себя время возведения, принятое как официальное.

Примечания

¹Шургин И.Н. Кенозерские часовни // Живая старина. 1999. №2 (22). С. 18-21.

²Ильин М.А. Крестьянская изба Кенозера // Труды секции археологи РАН ИОН. М., 1928. Т. IV. С. 241.

³В анализ включено число часовен Заонежья, указанное в Списке населенных мест Олонецкой губернии за 1873 год (Список населенных мест Российской империи. Вып. XVII: Олонецкая губерния (По сведениям 1873 г.). СПб., 1879). По этому же списку произведены подсчеты, результаты которых представлены ниже.

⁴Орфинский В.П., Яскеляйнен А.Т. Хронологическая атрибуция сооружений народно-деревянного культового зодчества // Орфинский В.П., Гришина И.Е. Типология деревянного культового зодчества Русского Севера. Петрозаводск, 2004. С. 220-229.

⁵Орфинский В.П., Гришина И.Е. Элементы цикличности в развитии народного деревянного зодчества // Народное зодчество.: межвузовский сб. Петрозаводск, 1999. С. 23-37.

⁶Косенков А.Ю. Часовни климовских карел // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Естественные и технические науки. 2008. №2 (92). С. 15-26.

⁷Орфинский В.П., Гришина И.Е. Типология деревянного культового зодчества... С. 68-145, 167-190.

⁸Лялля Е.В., Гришина И.Е. Электронный классификатор «Деревянное культовое зодчество Русского Севера» // Там же. С. 268-275.

⁹Под официальной понимается, в первую очередь, датировка, фигурирующая в официальных списках памятников и их паспортах, а при отсутствии таковых – известная по публикациям, исследованиям.

*О.С. Покровский, Ж. Виерс, Б. Дюпре
(Франция, г. Тулуза),
Л.С. Широкова, С.И. Климов, О.Ю. Морева,
С.А. Забелина, Т.Я. Воробьёва
(г. Архангельск)*

**ЭВОЛЮЦИЯ СОСТАВА РАСТВОРЕННЫХ МАКРО-
И МИКРОКОМПОНЕНТОВ И ОРГАНИЧЕСКОГО УГЛЕРОДА
В ОЗЕРЕ ВИЛЬНО ВОДОСБОРНОГО БАССЕЙНА БЕЛОГО МОРЯ:
СВЯЗЬ С ЭКОЛОГО-ТРОФИЧЕСКИМИ
ГРУППАМИ БАКТЕРИОПЛАНКТОНА***

В настоящей работе впервые сделана попытка одновременного учета геохимических и микробиологических параметров водной толщи на примере малого озера Вильно Кенозерского национального парка, относящегося к водосборному бассейну Белого моря. Мы проанализировали суточную динамику около 40 растворенных макро- и микроэлементов и некоторых микробиологических параметров водной толщи. В ходе работы прослежена временная и пространственная динамика концентраций микро- и макрокомпонентов озерной воды в течение 4 суток непрерывных наблюдений и пробоотбора с интервалом в 6 часов. Обнаружено высокое постоянство концентраций большинства микроэлементов в поверхностном и придонном слоях, позволяющая рассматривать разовый пробоотбор с поверхности озера достаточно представительным для более широкого интервала пространственных и временных наблюдений, и показано, что некоторые биологически важные микроэлементы (молибден, марганец и кадмий) могут быть подвержены ритмам биологических параметров водной толщи в связи с вариациями содержаний эколого-трофических групп бактериопланктона.

Выявление функциональных связей между биологической активностью микроорганизмов водоемов и потоками и формами нахождения микроэлементов является одной из важнейших задач современной экологической геохимии природных вод. Количественная характеристика этих зависимостей предполагает проведение полного анализа природных объектов, который включает в себя как количественную и функциональную характеристики микробиоценоза, так и прецизионные измерения концентраций и форм нахождения растворенных микроэлементов и тяжелых металлов. Изменения режима освещенности в течение суток влекут за собой количественные и качественные изменения в гидробиоценозе озерной

© Покровский О.С., Виерс Ж., Дюпре Б. и др., 2011

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (№ 08-05-98810 «Биогеохимические процессы циклов углерода и серы в экосистемах малых озер таежной зоны северо-запада России (на примере Архангельской области)» и Европейской Ассоциированной Лаборатории (ЛЕАЖ).

экосистемы, которые проявляются в вертикальных миграциях зоо- и фитопланктона, изменения концентраций бактериопланктона и т.д. Миграция планктона связана с фототропизмом, зависящим от целого ряда факторов. Суточная вертикальная миграция планктона контролируется освещенностью, температурой, химическим составом и растворенными газами¹. Химическая и гидробиологическая характеристики вод достаточно четко отражают зональную специфику экологической структуры водоемов. Ученые D.A. Pearce, H.G. Butler², исследуя динамику структуры микробиоценоза антарктического озера, установили изменчивость определяющих групп с глубиной и взаимосвязь с физической и химической стратификацией водоема. Функционирование микробиоценоза, в частности, его суточная динамика, направление и характер которой определяются абиотическими и биотическими факторами и физиологической активностью бактерий, в определенной степени характеризует самоочистительную способность водоема.

Физиологические и дневные-ночные ритмы водных микроорганизмов способны оказать большое влияние на поведение растворенных компонентов, во-первых, в результате захвата/высвобождения элементов растущими/лизирующими клетками, и, во-вторых, с силу изменения физико-химических условий в локальных зонах, примыкающих к поверхности фотосинтезирующих клеток (например, pH вблизи фотосинтезирующих микроорганизмов может повышаться до 10–11 в зависимости от величины первичной продукции и начального содержания бикарбонат-иона)³. До настоящего времени, суточные и сезонные ритмы металлов, контролируемые процессами цветения фитопланктона, неоднократно изучались в морских и прибрежных системах⁴. В то время, как суточные ритмы содержания микроэлементов, вызванные вариациями физико-химических условий (температура, биологическая активность) и сорбционными процессами в осадках на реках, довольно хорошо изучены⁵, подобные связи в озерах высоких широт, не имеющих выраженной антропогенной нагрузки, практически не исследованы. По сравнению с реками, малые озера представляют собой лучший объект для выявления подобных связей в силу устойчиво функционирующих процессов продукции – декструкции, подверженных минимальному влиянию краткосрочных внешних возмущений (гидрологической обстановки, антропогенного влияния, аллохтонных почвенных и грунтовых процессов).

В настоящей работе впервые сделана попытка одновременного учета геохимических и микробиологических параметров водной толщи на примере малого озера Вильно Кенозерского национального парка, относящегося к водосборному бассейну Белого моря. Мы проанализировали суточную динамику около 40 растворенных макро- и микроэлементов и некоторых микробиологических параметров водной толщи и пытались ответить на два основных вопроса: 1) существуют ли суточные ритмы содержания микроэлементов в водной толще озера на разных глубинах; 2) имеется ли связь этих вариаций концентраций с микробиологическими параметрами водной толщи (численность различных эколого-трофических

групп бактериопланктона). Дополнительной задачей работы являлось выявление методологии пробоотбора воды озера на растворенные металлы и микроэлементы: является ли разовый пробоотбор с поверхности представительным для более продолжительного времени наблюдений. Мы ожидаем, что исследование вышеуказанных вопросов поможет выявить факторы, контролирующие миграцию химических элементов в водной толще и создаст строгую основу для количественного моделирования биогеохимических циклов микроэлементов и тяжелых металлов в озерных системах высоких широт.

Объектом исследования служило малое озеро Архангельской области Кенозерского национального парка (Вильно), водосбор которого дренирует осадочные (карбонаты) и ледниковые отложения (морена, породы продуктов выветривания гранито-гнейсов). Площадь водосбора этого водоема составляет 9,72 км², площадь водного зеркала – 2,57 км². Озеро вытянуто меридионально. Длина его большой и малой осей равны 2,9 и 1,4 км, соответственно. Дно плоское без значительных понижений. Преобладают глубины до 3 м, максимальная составляет 5 м, средняя – 2,3 м. Донные отложения в большинстве своем представлены илами, по берегам песок. Общий объем воды в озере – 5,77 млн. м³. Береговая линия озера Вильно развита слабо. На восточном берегу имеется небольшой мыс. Западный берег в средней своей части глубоко вдается в озеро, деля его на два примерно равных плеса. В южной и средней частях озера имеется по одному небольшому острову. Зарастаемость водоема менее 1 %. Озеро Вильно представляет собой верховой водоем, не имеющий притоков, но дающий начало реке Вилемке, ширина которой 2 м, глубина 60–80 см. Берега озера большей частью лесистые⁶.

В ходе полевых работ в июле 2007 года при существенно антициклональной стабильной погоде проводился отбор проб с измерением на месте температуры, рН, окислительно-восстановительного потенциала и концентрации растворенного кислорода. Пробы воды отбирались с поверхностного (0,5 м) и придонного горизонтов (4,0 м до иловых масс) с периодичностью в среднем 6 часов и фильтровались на месте через ацетат-целлюлозные фильтры (0,22 μm). Во всех фильтрованных пробах после фиксации бидистиллированной азотной кислотой ос.ч. (катионы, микроэлементы) или без фиксации (анионы, РОУ) проводились измерения основного солевого состава, растворенного органического углерода (РОУ) и около 40 микроэлементов (жидкостная хроматография HPLC Dionex, атомная абсорбция AAS Perkin Elemer 5000, каталитическое сжигание РОУ на платиновом катализаторе при 900°C с инфракрасным детектором CO₂ Shimadzu TOC 6000 и масс-спектрометрия с индуктивно-связанной плазмой ICP – MS Agilent 8000, соответственно). Пределы обнаружения для большинства микроэлементов составляли 0,01–0,001 мкг/л, погрешность анализа – от 5 до 10 %. Правильность анализов проверяли по международному стандарту SLRS – 4, представляющему собой сертифицированную озерную воду (Канада). Расхождение между измеренными и сертифицированными концентрациями 40 макро- и микро-

компонентов не превышало 20%.

Пробы воды для микробиологических анализов отбирали в стерильные 250-миллилитровые флаконы с соблюдением всех асептических правил отбора, время хранения проб не превышало 2 часов в переносном холодильнике. В посевах, инкубируемых при температуре 20 °С, проводился учет эвтрофных (ЭБ), олиготрофных (ОБ) бактерий. Численность эвтрофных бактерий определяли при посеве глубинным способом на стандартный питательный агар (ПА). Для определения олиготрофных бактерий использовали голодный агар Дифко. Озерную воду засеивали на чашки Петри от 0,1 мл до 1 мл в трех повторностях.

Хорошо известно, что величина рН является наиболее чувствительным индикатором продукционно-деструкционных процессов, демонстрирующих явно выраженную суточную периодичность, отмеченную в поверхностном и придонном слое (рис. 1).

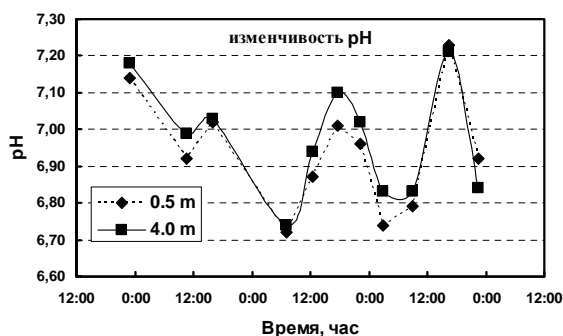

Рис. 1. Суточные вариации рН в поверхностном и придонном горизонтах озера Вильно

В то же время в течение 4 суток непрерывных наблюдений и пробоотбора не наблюдается существенных вариаций концентраций большинства макро- и микрокомпонентов раствора, таких как Fe, Al, Ba, Rb, As, Cu, Zr, Y, Sb, U, La и растворенный органический углерод – как в поверхностном горизонте водоема, так и на глубине 4 м (рис. 2).

Это предполагает высокую устойчивость химического состава озерной системы к внешним воздействиям, внутриводоемным процессам и отсутствие внешних источников (загрязняющих антропогенных и атмосферных источников в период наблюдений). Хотя и довольно очевидный сам по себе, этот результат методологически важен, так как позволяет с надежностью утверждать, что для подавляющего большинства микро- и макрокомпонентов, точечный пробоотбор в поверхностном горизонте малого озера в любое время суток является достаточно представительным для оценки уровней концентраций микроэлементов.

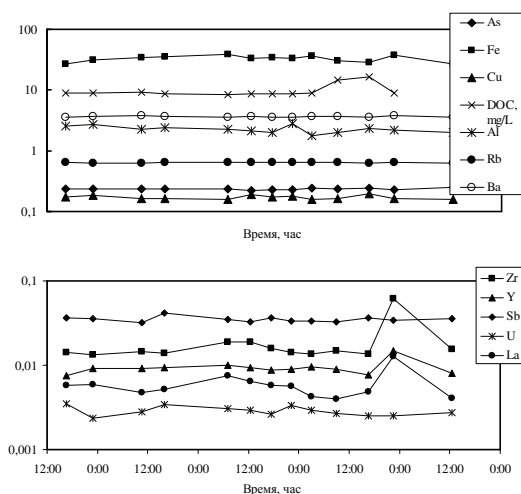

Рис. 2. Суточные вариации концентраций макро- и микрокомпонентов (мкг/л) и растворенного органического вещества (мкг/л) в поверхностном (0,5 м) слое озера Вильно в июле 2007 года

Для подавляющего числа макро- и микрокомпонентов, влияние внешних факторов (погодные метеоусловия, возможные антропогенные выбросы, ритмы фито- и бактериопланктона) на уровни концентраций в водной толще является незначительным. Отметим также, что не обнаруживаются явных связей содержания микроэлементов с рН, концентрацией растворенного кислорода, карбонатной щелочностью и концентрацией хлорофилла «а». Последние 4 компонента не показывают каких-либо систематических вариаций в течение всего 4-суточного периода наблюдений (ночь – день; облачно – ясно). Три типичных тяжелых металло-олигоэлемента (железо, цинк и медь) ведут себя достаточно контрастно в ходе суточного режима наблюдений. Если концентрации меди и железа остаются достаточно стабильными ($\pm 20 - 30\%$) в течение 4-суточного периода наблюдений, цинк подвержен существенным вариациям (рис. 3).

Это согласуется с измерениями вариаций концентраций металлов в прибрежной морской воде в ходе цветения фитопланктона: цинк следует вариации хлорофилла, в то время как медь ведет себя независимо от биологических и гидрохимических показателей⁷. Независимость поведения растворенной меди (в отличие от цинка) от концентрации хлорофилла «а» и биогенных компонентов в ходе цветения диатомовых водорослей также наблюдалась в озерах Англии⁸. Это может быть объяснено сильной закомплексованностью меди и железа (в форме органических комплексов – экзометаболитов фитопланктона и аллохтонных гуминовых и фульвовых комплексов, соответственно), что следует также из исследования форм нахождения микроэлементов методом диализа и ультрафильтрации

проводимых в озерах Архангельской области⁹.

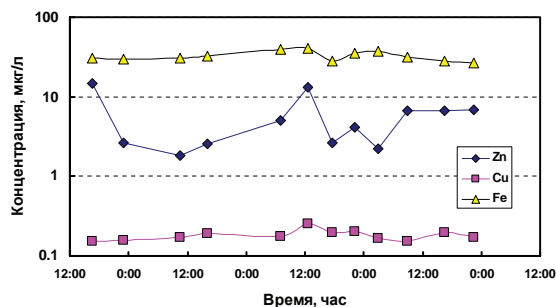

Рис. 3. Суточные вариации концентраций железа, цинка и меди (мкг/л) в придонном (4,0 м) слое озера Вильно в июле 2007 года

Имеется ряд и других элементов, для которых выявлены явные систематические вариации в ходе суток (рис. 4).

Это биологически важные (лимитирующие фотосинтез) элементы, такие как олигоэлементы – марганец и молибден, а также кадмий, который, как известно, входит в состав карбон-ангидразы диатомовых водорослей вместо цинка при условии лимитирования по последнему¹⁰. Интересно, что пик повышения концентраций этих элементов в ночь на вторые сутки после начала непрерывных наблюдений совпадает со снижением концентраций как эвтрофного, так и олиготрофного бактериопланктона (рис. 5), что может свидетельствовать о прямой зависимости концентраций этих элементов с активностью бактериопланктона.

Известно, что эколого-трофические группы бактериопланктона наиболее подвержены суточной ритмике, поскольку микробоценоз является быстро реагирующим компонентом трофической цепи водной экосистемы на изменения абиотических факторов среды. Результаты настоящей работы показали, что динамика микробиологических показателей проявляется одинаково как в поверхностном, так и в придонном горизонтах озера Вильно. Наблюдения за изменчивостью микробиологических показателей в течение суток в летний период 2004 года на станции стратифицированного озера Святого, относящегося также к водосборному бассейну Белого моря, показали, что структура бактериопланктона в гипolimнионе в течение суток изменялась в незначительной степени по сравнению с эпилимнионом. Таким образом, динамика компонентов в гипolimнионе стратифицированного биотопа носит более сглаженный характер¹¹.

На основании проведенных исследований авторами сделаны следующие выводы:

– прослежена временная и пространственная динамика концентраций микро- и макрокомпонентов озерной воды в течение 4 суток непрерывных наблюдений

и пробоотбора с интервалом в 6 часов;

– обнаружено высокое постоянство концентраций большинства микроэлементов в поверхностном и придонном слоях;

– молибден, марганец и кадмий могут быть подвержены ритмам биологических параметров водной толщи (вариаций эколого-трофических групп бактериопланктона).

В перспективе, требуется проведение дальнейших работ по систематизации полученных закономерностей и проверки связи между геохимическими и микробиологическими параметрами водной толщи на других объектах и в других сезонах, включая зимний период и период интенсивного цветения фитопланктона.

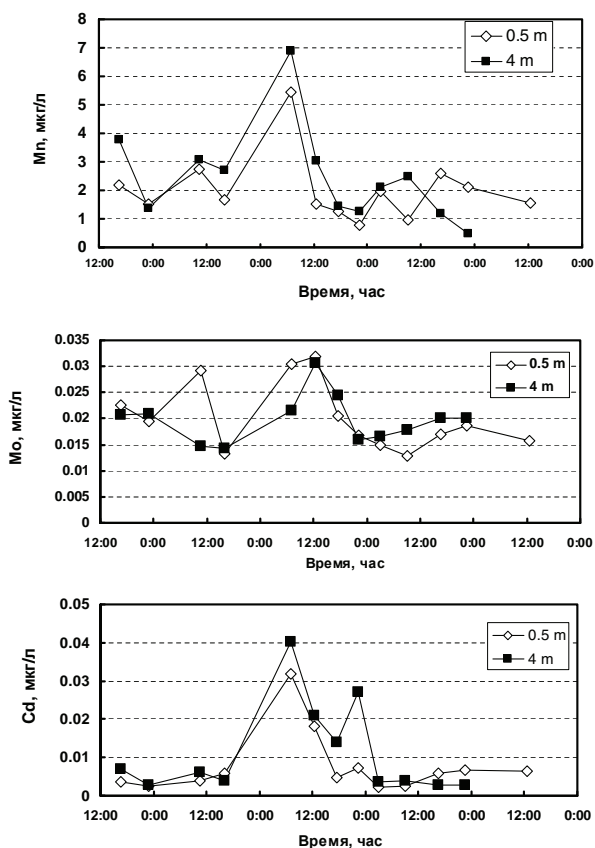

Рис. 4. Суточные вариации концентраций марганца, молибдена и кадмия, подверженных воздействию внешних (биологических) факторов

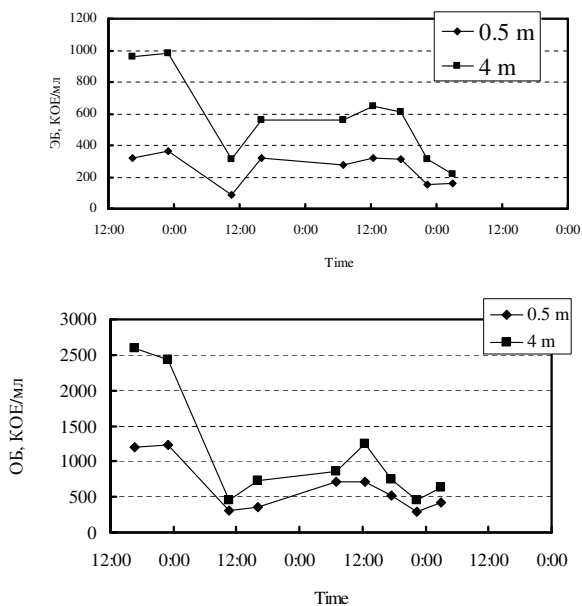

Рис. 5. Суточные вариации эвтрофного (ЭБ) и олиготрофного (ОБ) бактериопланктона озера Вильно (в колониеобразующих единицах на единицу объема (КОЕ/мл))

Примечания

¹Rose M. Contribution a l'etude de la biologie du plankton. Le probleme des migrations verticales journalles // Arch. Zool. Exper. 1925. V. 64. P. 387-542.

²Pearce D.A., Butler H.G. Short-term stability of the microbial community structure in a maritime Antarctic lake // Polar Biology. 2002. V. 25. No. 7. P. 479-487.

³Pokrovsky O.S., Savenko V.S. Experimental modeling of crystallization processes of carbonates near photosynthesizing organisms in seawater. Experiment in Geosciences. 1995. V. 4, N 4. P. 41-42.

⁴Luengen A.C., Raimondi P.T., Flegal A.R. Contrasting biogeochemistry of six trace metals during the rise and decay of a spring phytoplankton bloom in San Francisco Bay. Limnol. Oceanogr. 2007. 52(3). P. 1112-1130.

⁵Brick C.M., Moore J.N. Diel variation of trace metals in the Upper Clark Fork River, Montana. Environ. Sci. Technol. 1996. 30, 1953-1960; Gammons C.H., Wood S.A., Nimick D.A. Diel behavior of rare earth elements in a mountain stream with acidic to neutral pH. Geochim. Cosmochim. 2005. Acta 69, 3747-3758; Jones C.A., Nimick D.A., McCleskey R.B. Relative effect of temperature and pH on diel cycling of dissolved trace elements in Prickly Pear creek, Montana. 2004. Water Air Soil Pollution 153, 95-113; Nimick D.A., Cleasby Th.E., McCleskey R.B. Seasonality of diel cycles of dissolved trace-metal concentrations in a Rocky

Mountain stream. Environ. Geol. 2005. № 47. P. 603-614; Parker S.R., Gammons C.H., Jones C.A., Nimick D.A. Role of hydrous iron oxide formation in attenuation and diel cycling of dissolved trace metals in a stream affected by acid rock drainage. Water Air Soil Pollut 2007. 181, 247-263.

⁶Козьмин А.К., Шатова В.В. Рыбохозяйственная характеристика озер Архангельской области. Архангельск, 1997.

⁷Luengen A.C., Raimondi P.T., Flegal A.R. Contrasting biogeochemistry of six trace metals during the rise and decay of a spring phytoplankton bloom in San Francisco Bay. Limnol. Oceanogr. 2007. 52(3), 1112-1130.

⁸Reynolds G.L., Hamilton-Taylor J. The role of planktonic algae in the cycling of Zn and Cu in a productive soft-water lake. Limnol. Oceanogr. 1992. 37(8), 1759-1769.

⁹O.S. Pokrovsky, L.S. Shirokova, J. Viers, O.Yu. Moreva, E.E. Vasukova, Yu. V. Alekhin, S.A. Lapitsky // Проблемы экологической геохимии в XXI веке. Geochemistry of organic carbon and trace elements in stratified lakes of Arkhangelsk region. Минск, 2008.

¹⁰Lane T.W., Saito M.A., George G.N., Pickering I.J., Prince R.C., Morel F.M.M. A cadmium enzyme from a marine diatom // Nature. 2005, 435, 42.

¹¹Широкова Л.С., Воробьева Т.Я., Забелина С.А. Структура бактериопланктона озера Святое Ротковецкой озерно-речной системы // Экологическое состояние континентальных водоемов Арктической зоны в связи с промышленным освоением северных территорий: тезисы докладов на Международной научной конференции (г. Архангельск, 21 – 25 июня 2005 г.). СПб., 2005. С. 117.

СВЯЗИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И КЕНОЗЕРЬЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Челмогорская (Челменская) мужская пустынь была основана преподобным Кириллом Челмогорским в начале XIV века. Самое цветущее время Челменской обители – вторая половина XVI века. В это время пустынь является местом ссылки. Сюда были сосланы князь Дмитрий Курлятев с женой и дочерьми. По сведениям Е. Барсова, здесь в обители жила одна из жен Ивана Грозного. Иваном Грозным была пожалована монастырю несудимая грамота, согласно которой за монастырем закреплялись «озерко Челмо, да речка Челма и всяких угодий около монастыря на все четыре стороны по три версты, да еще давать из каргопольских доходов по 6 рублей, по 20 алтын на год». Судя по всему, цветущее положение продолжалось недолго. За всю историю своего существования пустынь всегда отличало практически нищенское существование. Познала она и частые пожары, нашествия врагов, притеснения и обиды от окрестных поселян.

В 1764 году в связи с указом Екатерины II о секуляризации монастырских земель Челмогорская пустынь в числе других обителей была назначена к упразднению. По упразднении здесь образовалось что-то вроде бесприходного причта со священником и клиром. Так было до 1845 года. В 1845 году пустынь была приписана к Ошевенскому монастырю, однако богослужения проходили только по воскресеньям и праздникам¹. В 1917 году монастырь получает в дар в Петрограде участок земли со строениями на набережной Обводного канала² и начинает хлопоты по устройству храма. Из документов следует, что прошение об устройстве храма Пресвятой Богородицы, Споручницы грешных с приделами во имя преподобного Кирилла Челмогорского и Архангела Гавриила и святой преподобномученицы Евгении исходило от жены потомственного почетного гражданина Марии Гавриловны Ильиной. Родители просительницы, завещая ей перед смертью недвижимое имущество, состоявшее из участка земли с домом № 23/65 на углу Воронежской улицы и Обводного канала, выразили желание, чтобы имущество перешло под устройство церкви. Вполне разделяя желание родителей, М.Г. Ильина просит о разрешении построить церковь на указанном земельном участке и передать ее вместе с недвижимым имуществом Кирилло-Челмогорской пустыни Олонецкой епархии³.

Прожение было отдано на рассмотрение в I экспедицию Петроградской духовной консистории⁴. В связи с этим Петроградская духовная консистория запросила мнение причта Крестовоздвиженской церкви, которая находилась рядом с местом предполагаемого строительства. Как следует из его рапорта⁵, мнение было следующее: «... нет никакой надобности в постройке церкви на указанном месте:

менее чем в полуверсте от этого места в разные стороны, существуют три церкви, открытые для всех:

- а) Крестовоздвиженская приходская на Лиговской улице,
 - б) церковь Покрова Божьей Матери, Братства во имя Пресвятыя Богородицы, на Боровой ул. 52,
 - в) церковь преп. Александра Свирского монастыря (угол Боровой и Разъезжей).
2. Петроград, шумный и многолюдный город, место очень неудобное для монашеских подвигов.

3. Существующие в Петрограде монастырские подворья (в приходе Крестовоздвиженской церкви их два) постоянно вмешиваются в дела приходского духовенства. Посему умножение монастырских подворий нежелательно».

Местный благочинный, протоиерей Владимирский на рапорт причта Крестовоздвиженской церкви пишет, что с отзывом последнего согласен, особенно в направлении воли жертвовательницы на просветительное или благотворительное дело. Петроградская духовная консистория от 16 октября 1917 года вынесла решение, что, «имея в виду отзыв причта Крестовоздвиженской церкви, согласие с сим отзывом местного благочинного, то, что покойные родители и сестра просительницы Марии Гавриловны Ильиной, завещая ей недвижимое имущество, выражали желание, чтобы впоследствии оно перешло под устройство православного храма, но не предначали его под устройство непременно храма подворского, просьбу г. Ильиной отклонить, предложив ей, при желании, иначе выполнить волю покойных родителей и сестры, устройством приюта для сирот воинов или приюта для инвалидов, при каковых условиях без ущерба для местного приходского дела могла бы быть устроена и церковь».

В архиве⁶ находится письмо М.Г. Ильиной от 12 января 1918 года, обращенное к настоятелю Кирилло-Челмогорской пустыни иеромонаху Трифону. «Ваше высокопреподобие отец иеромонах Трифон! По завету родителей моих и сестры моей выражаю желание передать в полное владение Кирилло-Челмогорской пустыни принадлежащий мне дом № 40 по Боровой улице в Петрограде, а временно принять на себя управление означенным недвижимым имуществом и заведывайте работами по устройству в нем часовни, для каковой цели поручаю собрать Вам Строительный Комитет». Далее следует протокол образованного для этой цели строительного комитета, датированный 14 января 1918 года: «На основании письма гражданки жены потомственного гражданина Марии Гавриловны Ильиной, урожденной Дегтяревой, жительствующей в д. № 40 по Боровой ул., в Петрограде, на имя Кирилло-Челмогорской пустыни, Олонецкой епархии, в лице настоятеля иеромонаха Трифона, в мире Пилюга, о том, что она, Ильина, поручает ему, иеромонаху Трифону, переделать полуподвальное угловое помещение в доме № 40 по Боровой улице в часовню с жилым помещением для служащих и живущих при часовне и составить для означенной цели Строительный Комитет. Мы, нижеподписавшиеся, были приглашены упомянутым иеромонахом Трифоном для

образования названного Комитета и выбрали из присутствующих председателем полковника Николая Александровича Гончарова, а секретарем военного чиновника Владимира Борисовича Шкловского, членами же комитета Марию Гавриловну Ильину, Ивана Ивановича Ильина, Григория Михайловича Евсеева, Василия Павловича Крутова, Филиппа Павловича Иванова, Александра Васильевича Михайлова, иеромонаха Кирилло-Челмогорской пустыни Серафима, Ивана Ивановича Иванова, Павла Александровича Изотова, а ведение строительных работ поручили подрядчику Павлу Ивановичу Лебедеву, проживающему в Петрограде по Садовой улице в доме № 117, кв. 23, на основании представленной Лебедевым сметы. В случае отъезда из Петрограда иеромонаха Трифона заступающим его место остается иеромонах Кирилло-Челмогорской пустыни Серафим. В силу вышесказанного мы, нижеподписавшиеся, поручили подрядчику Лебедеву немедленно приступить к строительным работам и вести их самым ускоренным образом».

Из справочника «Весь Петербург» за 1911 – 1917 годы и осмотра местности следует, что М.Г. Ильиной принадлежал участок вдоль набережной Обводного канала от улицы Боровой до улицы Воронежской и два дома по Воронежской улице (от Обводного канала до Воздвиженской улице) (ил.1). До 1915 года владелицей участка была Евгения Григорьевна Дегтярёва, вдова купца и мать М.Г. Ильиной. Позднее домовладельцами были Татьяна Гавриловна и Мария Гавриловна Дегтярёвы (Мария Гавриловна названа по фамилии родителей). Впрочем при внимательном изучении документов видны явные противоречия. Так, в прошении указано, что под постройку церкви предназначается участок земли с каменным домом, находящийся в Петрограде на 2-м участке Александро-Невской части на углу Воронежской улицы и Обводного канала под № 23/65 (в справочнике – 21/65). «Средствами для устройства церкви, по заявлению просительницы, могут служить доходы с дома, равно как и могущие поступить пожертвования лиц, известных настоятелю пустыни, изъявивших уже на то свое желание, а также и доходы часовни, расположенной в помещении жертвуемого дома, на освещение которой просительница испрашивает разрешение Епархиального начальства».

Итак, уже осенью 1917 года в каменном доме на углу Воронежской и Обводного канала существовала часовня. Однако в рапорте от 27 мая 1918 года, написанном, вероятнее всего, настоятелем Кирилло-Челмогорской пустыни, читаем:

«В исполнение резолюции Вашего Высокопреосвященства, от 12 мая с.г. № 2856, долг имею донести следующее:

Бедной Кирилло-Челмогорской пустыни Олонецкой епархии Господь послал великое утешение: некая М.Г. Ильина письменно выразила желание пожертвовать пустыни свой дом, находящийся на углу Боровой и Обводного канала № 40. Дом каменный, в 4 этажа, место прекрасное. Письменно желание было выражено еще 12 января с.г., но по нынешним порядкам оформить дареное пока невозможно. Так как управление означенным имуществом перешло к настоятелю пустыни и так как неременным условием дарения являлось устройство часовни, то уже

14 января с.г. образовался Строительный комитет во главе с церковным старостою Суворовской (при Академии Генерального штаба) церкви полковником Н.А. Гончаровым. Не откладывая дела, Комитет приступил к работе, где раньше была мелочная лавка, стало отделяться для будущей часовни. Помещение это имеет 12 аршин в длину и 10 в ширину, выход из него на срезанный угол между Боровой и Обводным каналом, вход во дворе на 2 порожка ниже уровня тротуара. Света вполне достаточно. Потолок ко времени моего осмотра, был выкрашен, как и стены, и пол готов. Готовы и двери с крестами и рамы. Рядом с этим помещением устроены уже келии для братии с выходом на улицу через часовню и во двор. Заказан и к 1 июня должен быть уже готов иконостас, который, по мысли комитета, должен отделить часть часовни для совершения литургии на антиминсе. Все уже подготовлено и рассчитано так, что остается лишь пожалеть – зачем приступлено к работам без предварительного разрешения и осмотра помещения. Но если не разрешить открытие часовни, то получится соблазн, и Кирилло-Челмогорская пустынь потеряет этот Богом посланный дар, столь нужный ей для существования. Не останутся в своем благочестивом намерении и те люди, которые живут около и жадно ждут, когда их мечты осуществятся. Предполагает Комитет соединить указанное помещение и с следующим этажом по окончании срока найма там помещения. Отсутствие по близости храмов и часовен (Храм Покрова Пр. Богородицы на другой стороне канала, больше квартала расстоянием), населенность этой местности, горячее желание объединившихся верующих людей, воля жертвователей, благо Кирилло-Челмогорской пустыни и переживаемое время колебаний, когда нужно поддерживать всячески подобные волеизъявления верующих, побуждают меня высказаться в пользу открытия часовни в указанном помещении хоть бы даже с выдачей антиминса, но с тем, чтобы, при лучших условиях жизни, Комитет позаботился проявить свою ревность устройством храма на углу Воронежской ул. и Обводного канала, куда простираются владения г. Ильиной и где в данное время находится лесной склад».

Текст резолюции не известен, по крайней мере в данных документах его нет. В рапорте достаточно подробно описано сооружение часовни в доме № 40 на углу улицы Боровой и Обводного канала. О часовне в доме по улице Воронежской не сказано ни слова. 10 мая 1918 года подается прошение на имя Его Высокопреосвященства Вениамина, митрополита Петроградского и Гдовского: «Почитатели Преподобного Кирилла Челмогорского и Его, лично известной Вашему Высокопреосвященству, 600-летней пустыни Олонецкой епархии, нуждающейся и не имеющей никаких средств к дальнейшему существованию обители, Всепокорнейше ходатайствуют перед Вашим Высокопреосвященством о скорейшем разрешении открыть и освятить часовню с Антиминсом устроенную их почитателями, иждивением, в доме № 40 по Боровой улице, в Петрограде, во имя святых Угодников Божиих: Небесного покровителя обители, Преподобного Кирилла Челмогорского, и Молитвенника земли Русской в годы лихолетья и в наши тяжкие

дни Священномученика Ермогена, Патриарха Московского и всея Руси». Прощение подписано председателем комитета – полковником Н.А. Гончаровым, секретарем В. Б. Шкловским и еще 50 подписей. К началу июня 1918 года последовал Указ из Первой экспедиции Петроградской духовной консистории временно исполняющему обязанности благочинного иноепархиальных подворий архимандриту Иерофею: «На рапорте Вашем от 19 мая с.г. за № 48 о разрешении открыть и освятить часовню, устроенную в помещении, принадлежащем Кирилло-Челмогорской пустыни, Олонецкой епархии, в доме № 40 по Боровой улице в Петрограде, последовала нижеследующая резолюция Его Высокопреосвященства, от 27 мая с.г. за № 3259. «Словесное благословение на начало этого дела было дано раньше. Благословляется, освятить часовню и совершать в ней, по приведении ее в надлежащий вид, литургии на переносном Св. Антиминсе. Кирилло-Челмогорский монастырь должен начать дело об открытии подворья».

Этим документы архива исчерпаны. В справочниках «Весь Петербург» за 1911–1917 года упоминаний о часовне или домовой церкви по данным адресам нет. По данным В.В. Антонова и А.В. Кобака⁷, в 1919 году часовня, расположенная в доме по адресу ул. Боровая, 40, становится приходской церковью под управлением настоятеля иеромонаха Серафима (Проценко). Закрыт домовый храм 14 января 1924 года, его имущество передано в церковь Священномученика Мирона, а помещение переделано под жилье. Ныне дом по адресу Боровая, 40/65 существует (ил. 2). Территория соседнего участка по набережной Обводного канала, 63 занят домом, построенным в советский период. Церковь священномученика Мирона была построена по проекту архитектора К.А. Тона в 1849–1855 годах для лейб-гвардии Егерского полка. В 1930 году она была закрыта, а в 1934 году взорвана и разобрана на кирпичи⁸. В настоящее время на ее месте – пустырь с временными постройками мастерских.

Примечания

¹Бергаш А.В., Жирихина Е.И., Талалай М.Г. Справочник-путеводитель. СПб., 1992. С. 35.

²Там же.

³Центральный государственный исторический архив (далее ЦГИА). Ф. 678. Оп. 2. Д. 6.

⁴ЦГИА. Ф. 19. Оп. 120, Д. 394. Об открытии часовни в доме жены почетного гражданина на М.Г. Ильиной в Петрограде. Начато 22 августа 1917 г. Окончено 4 июня 1918 г.

⁵Там же.

⁶Там же.

⁷Антонов В.В., Кобак А.В. Святые Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 310.

⁸Шульц С.С. Храмы Санкт-Петербурга. История и современность / под ред. М.В. Шкаровского. СПб., 1994.

БРЮХОНОГИЕ МОЛЛЮСКИ ОЗЕР КЕНОЗЕРО И ДОЛГОЕ*

Озера всегда присутствовали в самых разных проявлениях человеческой жизни: в хозяйстве и промыслах, в строительстве и архитектуре, культуре и религии, искусстве и поэзии. Рождались легенды о возникновении и происхождении озер, о загадочном мире озерных глубин¹.

Институт экологических проблем Севера (ИЭПС УрО РАН) на протяжении нескольких лет занимается изучением живого мира Кенозерского национального парка. Одним из объектов изучения являются моллюски Кенозерской группы озер. В настоящей статье представлены результаты научных исследований, проведенных в августе 2008 года.

Брюхоногие моллюски – это беспозвоночные животные, характеризующиеся цельной раковиной в форме конуса или спирали, с хорошо обособленной головой, имеющие плоскую подошву ноги. Они могут быть детритофагами, фитофагами или хищниками². Это важное звено в трофических цепях, кормовой объект для многих рыб Кенозерья³.

В 2008 году на территории Кенозерского национального парка в озерах Кенозеро и Долгом было отобрано около 200 проб в разных биотопах (см. карту).

Нашей задачей был максимальный разброс точек отбора проб и широкий охват различных биотопов изучаемых озер, а значит, исследование различных экологических условий местообитания пресноводных моллюсков.

Следует отметить, что полноценного изучения малакофауны озер Кенозерского национального парка до настоящего времени не проводилось. Можно отметить исследования в 70-х годах прошлого столетия Г.Е. Новосельцева⁴, исследования Карельского научного центра под руководством Н.М. Калинкиной⁵, а также периодические наблюдения, проводившиеся Северным филиалом ПИНРО⁶.

Территория, на которой расположен Кенозерский национальный парк, находится на западе Онего-Двинско-Мезенской равнины, на юго-западе Архангельской области.

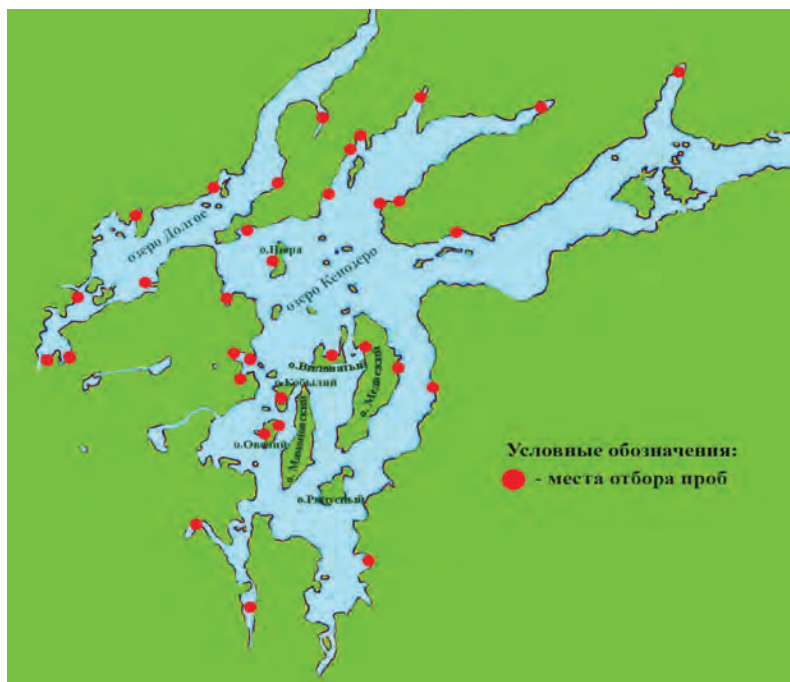
Кенозеро располагается в водосборном бассейне реки Кены, левого притока реки Онеги в среднем ее течении. Кенозеро является проточным водоемом, поскольку главный его приток – река Поча, впадающая в озеро Свиное, которое через озеро Долгое соединяется в единую систему с озером Кенозеро.

Для озера характерна прямая стратификация температур. Глубины не превы-

© Соколова С.Е., 2011

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 07-04-00313-а и 09-04-10054-к) и ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы».

шают 100 м, причем наиболее глубоководные районы расположены в восточной и южной части центрального бассейна озера.

Карта-схема точек отбора проб

Территория парка расположена на границе Балтийского щита и Мезенской синеклизы, что обуславливает сложный рельеф дна Кенозера. Глубоководные районы перемежаются отмелями с глубиной до 1 м. Воды озер характеризуются олиготрофностью и низким содержанием кислорода, насыщенностью органическими веществами гумусной природы, что обуславливает высокую цветность воды⁷.

Учитывая все особенности изучаемых водоемов, пробы отбирали гидробиологическим сачком со скребком в зарослях водной растительности и на открытой литорали до глубины 2 м на разных грунтах, для исследования больших глубин использовали дночерпатель Экмана-Берджи. В Кенозерских озерах преобладают песчаные, каменисто-песчаные грунты с различной степенью заиления и илы. Для озер характерна узкая литоральная зона, занятая макрофитами – камышом озерным (*Scirpus lacustris*), кубышкой желтой (*Nuphar lutea*), хвощом (*Equisetum fluviatile*), стрелолистом обыкновенным (*Sagittaria sagittifolia*), различными видами рдестов (*Potamogeton* sp.) и др.

Пробы промываются в сите от ила и мелкого песка, моллюсков выбирают вручную либо вместе с грунтом складывают в zipper-пакеты, этикетируют и фиксируют 90-процентным спиртом, а через сутки переводят в 70-процентный спирт, что сохраняет экземпляры до камеральной обработки и определения видовой принадлежности⁸. Для определения видовой принадлежности отобранных моллюсков мы использовали «Определитель пресноводных беспозвоночных России и сопредельных территорий»⁹. В результате исследования фауны моллюсков в озерах Долгом и Кенозеро обнаружено 18 видов брюхоногих моллюсков, которые принадлежат к пяти семействам: Planorbidae, Bithyniidae, Valvatidae, Lymnaeidae, Physidae.

Наибольшим видовым богатством характеризуются семейства Planorbidae – катушки и Lymnaeidae – прудовики, представленные 6 видами каждое семейство; также в малакофауне хорошо представлено семейство Valvatidae – затворки (см. таблицу).

Видовой состав и относительное обилие брюхоногих моллюсков озер Кенозеро и Долгого

№	Вид	N, шт.	I _d , %
Семейство Planorbidae			
1	<i>Anisus albus</i> (Mueller, 1774)	11	3,17
2	<i>Anisus contortus</i> (Linnaeus, 1758)	9	2,59
3	<i>Anisus laevis</i> (Alder, 1838)	3	0,86
4	<i>Anisus stelmachotius</i> (Bourguignat, 1860)	18	5,19
5	<i>Anisus vortex</i> (Linnaeus, 1758)	39	11,24
6	<i>Armiger crista</i> (Linnaeus, 1758)	2	0,58
Семейство Bithyniidae			
7	<i>Bithynia tentaculata</i> (Linnaeus, 1758)	36	10,37
Семейство Valvatidae			
8	<i>Cincinna depressa</i> (C. Pfeiffer, 1828)	48	13,83
9	<i>Cincinna frigida</i> (Westerlund, 1873)	13	3,75
10	<i>Cincinna piscinalis</i> (Mueller, 1774)	26	7,49
11	<i>Valvata cristata</i> Mueller, 1774	2	0,58
Семейство Physidae			
12	<i>Physa adversa</i> (Costa, 1778)	2	0,58
Семейство Lymnaeidae			
13	<i>Lymnaea auricularia</i> (Linnaeus, 1758)	26	7,49
14	<i>Lymnaea fragilis</i> (Linnaeus, 1758)	17	4,90
15	<i>Lymnaea glutinosa</i> (Mueller, 1774)	37	10,66
16	<i>Lymnaea intermedia</i> Lamarck, 1822	48	13,83
17	<i>Lymnaea ovata</i> (Draparnaud, 1805)	8	2,31
18	<i>Lymnaea stagnalis</i> (Linnaeus, 1758)	2	0,58
Итого		347	100

По численности лидируют виды: *Lymnaea intermedia* (Lamarck, 1822), *Lymnaea glutinosa* (Mueller, 1774), *Bithynia tentaculata* (Linnaeus, 1758), *Cincinna depressa* (C. Pfeiffer, 1828) и *Anisus vortex* (Linnaeus, 1758).

Lymnaea intermedia Lamarck, 1822 (ил. 1), *Lymnaea glutinosa* (Mueller, 1774) (ил. 2) и *Anisus vortex* (Linnaeus, 1758) (ил. 3) являются вторичноводными моллюсками: они живут в воде, а дышат кислородом воздуха. У вторичноводных моллюсков имеется орган воздушного дыхания – легкое. Для нормальной жизнедеятельности этим живым организмам необходимо периодически всплывать на поверхность воды за очередной порцией воздуха. Катушки и прудовики тяготеют к высшей водной растительности, которой и питаются¹⁰.

Bithynia tentaculata (Linnaeus, 1758) (ил. 4) и *Cincinna depressa* (C. Pfeiffer, 1828) (ил. 5) имеют крышечку, которая при неблагоприятных условиях закрывает устье раковины. Это весьма важное приспособление, повышающее выживаемость моллюсков в меняющейся агрессивной среде. Эти моллюски часто встречаются в зарослях водной растительности.

Среди 18 видов брюхоногих моллюсков в озерах Кенозеро и Долгом доминируют представители семейств *Lymnaeidae* и *Planorbidae*, заметное место в структуре сообществ занимают представители семейства *Valvatidae*.

По численности лидируют виды: *Lymnaea intermedia* Lamarck, 1822, *Lymnaea glutinosa* (Mueller, 1774), *Bithynia tentaculata* (Linnaeus, 1758), *Cincinna depressa* (C. Pfeiffer, 1828) и *Anisus vortex* (Linnaeus, 1758).

Примечания

¹Критский Ю.М. Кенозерье: история и культура (очерки, материалы, исследования). Архангельск, 2005. С. 9.

²Об этом см.: Шарова И.Н. Зоология беспозвоночных: учебник. М.: ВЛАДОС, 1999.

³Козьмин А.К., Шатова В.В. Рыбохозяйственная характеристика озер Архангельской области. Архангельск, 1997. С. 17-20.

⁴Новосельцев Г.Е. Основные биоценозы Кенозера // Природные ресурсы Карелии и пути их рационального использования: тезисы докладов молодежной научной конференции. Петрозаводск, 1973. С. 103-104.

⁵Проведение комплексного мониторинга водоемов Кенозерского национального парка: Заключительный отчет по хозяйственной теме № 32-03: Научный руководитель Н.М. Калинкина. Петрозаводск, 2005; Экологическая оценка современного состояния озер Кенозерского национального парка: Заключительный отчет по хозяйственной теме № 4: Научный руководитель Н.М. Калинкина. Петрозаводск, 1999.

⁶Рыбоводно-биологическое обоснование рационального использования рыбных ресурсов водоемов Кенозерского национального парка: Научный руководитель А.К. Козьмин. Петрозаводск, 1993; Гидробиологическая характеристика озер Кенозерского национального парка по материалам мая 2009 г.: Научный руководитель Г.А. Дворянkin. Архангельск, 2008.

⁷Геоэкологическое состояние ландшафтов Кенозерья / Ю.Г. Шварцман [и др.] // Культурное и природное наследие Европейского Севера: сборник. Архангельск: Поморский университет, 2009. С. 319-334; Козьмин А.К., Шатова В.В. Указ. соч.

⁸Методика изучения биогеоценозов внутренних водоемов. М.: Наука, 1975.

¹⁹Определитель пресноводных беспозвоночных России и сопредельных территорий / под общ. ред. С. Я. Цаллохина. СПб.: Наука, 2004. Т. 6: Моллюски, полихеты, немертины.

¹⁰Лешко Ю.В. Моллюски. Фауна Европейского Северо-востока России. СПб.: Наука, 1998. Т. 5, ч. 1.

ЕВТРОФНЫЕ БОЛОТА ОКРЕСТНОСТЕЙ ГУЖОВСКОЙ МЕЛЬНИЦЫ И ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИХ РАСТИТЕЛЬНОСТИ

Часть Кенозерского национального парка, примыкающая к границе с Карелией, характеризуется расчлененным рельефом с высокими моренными грядами и глубоко врезаемыми понижениями между ними, часть из которых занята болотами, по большей части евтрофными, богатого напорного грунтового питания. Для многих из них характерна наклонная поверхность, повторяющая уклон дна занимаемой болотом ложбины. К болотам этого типа относятся и те, что находятся вблизи Гужовской мельницы, к северо-западу от нее.

В 2008 году наряду с изучением растительности нами было проведено исследование строения и состава торфяной залежи прилегающих к мельнице трех безымянных болот. Все они являются отдельными массивами, но, будучи расположены вблизи друг от друга, несомненно, соединены потоками подземных грунтовых вод, перетекающих из одного болота в другое. Все они покрыты схожей растительностью, однако каждое из них имеет свою специфику, как в составе растительных сообществ, так и в морфометрических признаках и ландшафтной структуре. Различаются болота и по происхождению.

Рис. 1. Болота окрестностей Гужовской мельницы

Наиболее удаленным от мельницы является наименьшее по площади болото № 1, имеющее похожую на полумесяц форму (рис. 1). Оно представляет собой типичный пример ключевого болота этой местности. На нем имеется два склоновых участка, сходящиеся в нижней, северной части болота, представляющей собой

ключевую топь. Видимого стока она не имеет. Но за низким участком гряды начинается другое болото, несомненно, получающее часть фильтрующихся с соседнего массива вод. Это болото № 2 имеет стрелообразную треугольную форму (рис. 1). Три «языка» болота сходятся в центре, занятом участком, имеющем несколько более сухую поверхность со сплошным моховым покровом из сфагнома варнсторфа (*Sphagnum warnstorffii*) и с сосной, образующей разреженный древесный ярус. Один из языков отходит от участка минеральной гряды, разделяющей его с предыдущим болотом, и вытянут с северо-запада на юго-восток, имея незначительный уклон поверхности. Другой «язык» отходит от центра в северо-восточном направлении. Еще один «язык» представляет собой склоновый участок, спускающийся к центру болота с юга, но со значительно меньшим уклоном, чем тот, что имеется на первом болоте. Болото № 3 визуально имеет ровную, слегка вогнутую к центру поверхность и занимает западину с мало изрезанными, на большей части периметра высокими и крутыми берегами (рис. 1). На значительной части площади оно является лесным болотом.

Исследование торфяной залежи проводилось методом профилей пересекающих болото от окраинных частей к центру. Бурение выполнялось в разных частях профиля. Образцы торфа брались через 25 см, в случае визуального обнаружения разностей торфа меньшего масштаба или границ в залегании его слоев, не соответствующих принятым грациям забора проб, образцы отбирались более детально, в соответствии с обнаруженными разностями. Определение растительных остатков в торфе проводилось до вида для сосудистых растений и, по большей части, до рода для мхов.

Наиболее удаленное от мельницы болото полностью покрыто травяно-гипновой и травяно-сфагновой растительностью, характерной для болот ключевого питания внутренних областей России. Спецификой их сообществ является совместное произрастание как типично болотных, так и лесных и луговых видов. Большинство из них редкими не являются, но образуемые ими сообщества нигде кроме болот ключевого питания не встречаются. Из числа болотных растений в эту группу входят вахта трехлистная, осоки вздутая (*Carex rostrata*), двутычинковая (*C. diandra*), двудомная (*C. dioica*) и своеобразная (*C. appropinquata*), кипрей болотный (*Epilobium palustre*), хвощ болотный (*Equisetum palustre*), дремлик болотный (*Epipactis palustris*), калужница болотная (*Caltha palustris*), звездчатка толстолистная (*Stellaria crassifolia*), подмаренник длиннолистный (*Galium uliginosum*), камнеломка «царские очи» (*Saxifraga hirculus*), а также в лесной зоне являющиеся типично болотными мхи аулякомниум (*Aulacomnium palustre*), томентгипнум (*Tomentypnum nitens*), плагиомниум (*Plagiomnium ellipticum*), каллиергонелла (*Calliergonella cuspidata*), хаматокаулис (*Hamatocaulis vernicosus*), сфагнум варнсторфа (*Sphagnum warnstorffii*). Впрочем, на этом болоте камнеломки отмечено не было. Луговые виды в этой группе представлены щавелем (*Rumex acetosa*), раковой шейкой (*Bistorta major*), мятликом луговым (*Poa pratensis*), а лесные – дудником лесным (*Angelica*

sylvestris), скердой болотной (*Crepis paludosa*), грушанкой круглолистной (*Pyrola rotundifolia*). Для ключевых болот типичными являются и водно-болотные виды широкой экологической амплитуды, такие как хвощ топяной (*Equisetum fluviatile*) и тростник (*Phragmites australis*). Типичным склоновым участком ключевого болота является «язык» болота, спускающийся с юга на север. В его наиболее высокой южной части, с трех сторон окруженной лесом, отмечен наиболее густой травяной покров, в котором доминирует вахта трехлистная. Однако наряду с ней здесь представлены и лесные и луговые виды, не входящие во флористическое ядро постоянно встречающихся на ключевых болотах сообществ. Здесь заметны таволга вязолистная (*Filipendula ulmaria*), гравилат речной (*Geum rivale*), герань болотная (*Geranium palustre*). Отмечены и редкие виды бузульник сибирский (*Ligularia sibirica*), «венерин башмачок» (*Cypripedium calceolus*), дремлик широколистный (*Epipactis helleborine*). На этом участке произрастают высокие, до 8 метров, не образующие древесного яруса березы и ели. Моховой ярус в равном соотношении сложен сфагнумом варнсторфа и гипновыми мхами. Далее вниз по склону наблюдается сплошной моховой покров из этого вида сфагнума, травяной ярус становится менее сомкнутым, в нем преобладает горец «раковая шейка». Еще ниже поверхность болота перестает быть однородной и приобретает комплексный характер. Сфагновый ковер пересекается руслами стока с открытой водой или покрытыми гипновыми мхами. По составу травяного яруса сообщества топей и ковров имеют небольшие отличия, но различаются доминантами. В топях густой осоковый ярус образует осока топяная (*Carex limosa*), тогда как на коврах разреженный ярус состоит из осоки двутычинковой (*Carex diandra*). В нижней части склона уровень поверхности болота сглаживается, моховой покров становится сфагново-гипновым, поверх густого осокового яруса из осоки двутычинковой появляется разреженный ярус тростника (*Phragmites australis*). Участок подножья склона сильно обводнен и занят осоково-гипновым сообществом, где осоковый ярус разделен на два подъяруса из осок двутычинковой и топяной. Здесь обилён щавель. «Язык» болота, подходящий к этому участку с запада, занят тростниково-осоково-сфагново-гипновым сообществом. Уклон его поверхности заметно меньший, чем у того, что простирается в северном направлении.

Бурение торфяной залежи проводилось именно на участке с выраженным уклоном. В верхней части склона мощность торфяной залежи достигает трех с половиной метров. Нижний полуметровый слой сложен древесным сильно разложенным (степень разложения 50%) торфом, в котором преобладают остатки коры ели. Из травяных растений наиболее заметны остатки вахты и хвоща. Далее наверх, до глубины 2,25 м залегает травяно-древесный торф, отличающийся от нижележащего меньшим процентом остатков древесной коры, среди которых по-прежнему преобладает ель, и появлением остатков осок и гипновых мхов. Выше, вся верхняя половина залежи состоит из низинного осокового торфа, в котором наиболее заметны остатки осок двутычинковой и двудомной и вахты. Сте-

пень разложения этого торфа по всей глубине залежи 30–35% (рис. 2).

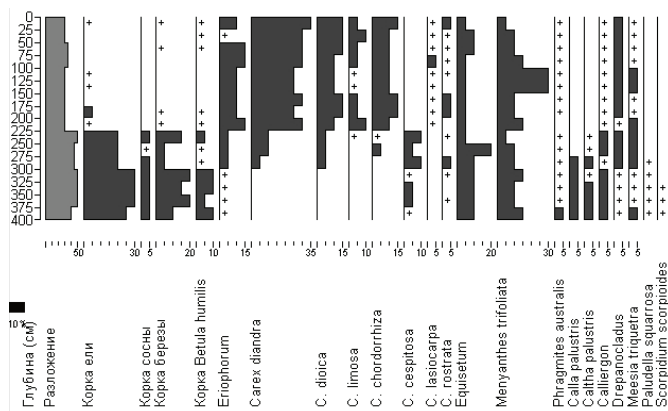

Рис. 2. Ботанический состав торфяной залежи в верхней части склона болота №1

В средней части склона, где растительный покров имеет комплексный характер, мощность торфяной залежи достигает 5 м. Нижние слои сложены гипновым и гипново-осоковым низинными торфами, в которых преобладают остатки мхов рода *Drepanocladus* в старой, широкой трактовке этого рода и нескольких видов осок, среди которых обращают на себя внимание остатки осоки дернистой. Степень разложения этих торфов – 25%. Слои залежи, залегающие с глубины 3,0 м до глубины 4,25 м, состоят из древесно-осокового и древесного низинного торфов, имеющих степень разложения 40%. В них преобладают остатки коры березы и ели и осок, среди которых постоянно присутствуют остатки осоки двутычинковой. Начиная с глубины 2,75 м и до верхнего полуметрового слоя торфяная залежь образована осоковым низинным торфом с прослойкой осоково-гипнового. Степень разложения его 30%. Преобладают остатки все той же осоки двутычинковой. Их также много обнаруживается в верхнем полуметровом слое залежи, состоящем из пушицево-осокового низинного торфа. Пушица широколистная присутствует в современном растительном покрове болота, но в очень небольшом количестве. В верхнем же слое торфа на долю пушицы приходится 30% от всех растительных остатков.

На топяном участке подножья склона торфяная залежь имеет мощность 4,6 м. Нижние слои залежи, начиная с глубины 3 м, слагает гипновый низинный торф, средние слои (1,25–3,0 м) – осоково-гипновый. Верхний метровый слой залежи состоит из осокового низинного торфа. Степень разложения торфа по всей глубине залежи 25–30%. По всей глубине залежи встречаются остатки вахты, хвоща, и гипновых мхов, относящихся к родам *Drepanocladus* и *Calliergon*. Во всех слоях отмечены и остатки осоки двутычинковой, доля которых заметно увеличивается

в верхних слоях. С глубины 1,75 м становятся заметны остатки осоки топяной. Для нижней половины залежи свойственны остатки гипновых мхов *Meesia triquetra* и *Paludella squarrosa*. Только в придонном десятисантиметровом слое заметны остатки *Scorpidium scorpioides*.

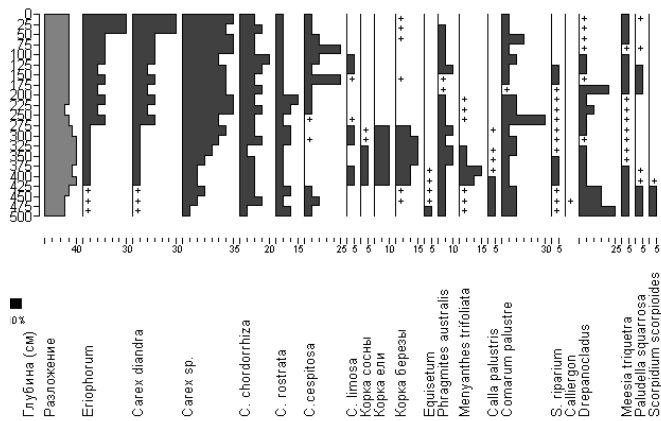

Рис. 3. Ботанический состав торфяной залежи в средней части склона болота №1

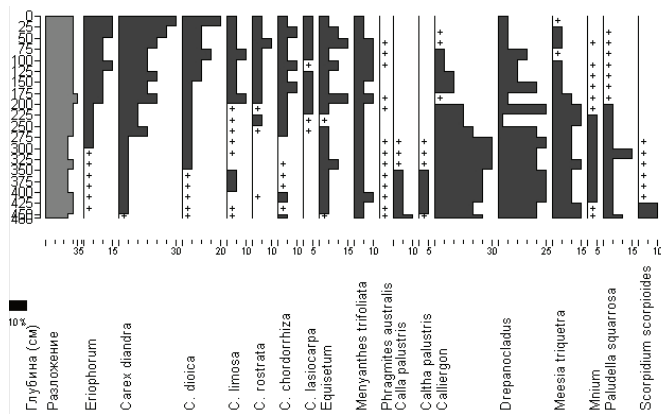

Рис. 4. Ботанический состав торфяной залежи в нижней части склона болота №1

Такое строение и состав торфяной залежи позволяют сделать вывод о том, что это болото имеет суходольное происхождение. Оно образовалось в наклонной ложбине в месте выклинивания на поверхность грунтовых вод. Первоначально оно было травяно-гипновым с луговыми травами, остатки которых не сохранились. Участок подножья склона на протяжении всего существования болота был

покрыт травяно-гипновой растительностью. Из состава травяных растений периода образования болота в торфе сохранились остатки хвоща, вахты, белокрыльника и сабельника. Далее, по мере развития болота, в его растительном покрове все большую роль стали играть осоки и прежде всего осока двутычинковая. Склоновый участок болота на длительный период становился лесным болотом с древесным ярусом из ели и березы. Верхняя часть склона болота ранее была занята сырым лесом, заболотившимся и превратившимся в лесное болото по мере накопления торфа на нижней части склона, нарастания на нем торфяной залежи и подъема уровня внутризалежных вод. Стадия существования лесного болота на этом участке была длительной, и лишь много позднее оно уступило место открытому осоково-гипновому болоту. Образовавшийся во многих местах склона сфагновый моховой ярус никак не отражен в составе торфяной залежи, что может быть объяснено самым недавним его возникновением.

Ближайшее к мельнице болото является наибольшим по площади и отличается самым разнообразным растительным покровом. Здесь наряду с растительностью, типичной для евтрофного болота ключевого питания, имеются участки с олиготрофной растительностью свойственной верховому болоту. Центральная часть болота обводнена и занята растительностью, типичной для ключевой топи – осоково-гипновым сообществом с доминированием осоки двутычинковой и упоминающимся набором видов ключевых болот, включающим здесь камнеломку. Посреди этой топи имеются гряды-островки, также покрытые сообществами с доминированием осоки двутычинковой, но со сплошным моховым ярусом из сфагнума варнсторфа и длиннолистного (*Sphagnum angustifolium*). На грядах обильна карликовая березка (*Betula nana*). Такая структура растительного покрова делает данное болото похожим на те, что относятся к типу аапа. Западная часть болота более обводнена, и доля островков в ней ничтожна, над ярусом осоки здесь возвышается разреженный ярус рогоза (*Typha latifolia*). К западному краю болота заметен подъем его поверхности, прибрежный участок имеет вид пологого склона. Доминантом травяного яруса на нем является пушица широколистная (*Eriophorum latifolium*). По направлению к южному краю болота происходит смена растительности. Растительность евтрофной топи уступает место растительности кустарничково-сфагнового мезотрофного болота с низким и разреженным древесным ярусом из сосны. С соседними евтрофными сообществами ее сближает присутствие сфагнума варнсторфа, гимноденнии (*Gymnadenia conopsea*) и грушанки. В кустарничковом ярусе доминируют кассандра (*Chamaedaphne calyculata*) и карликовая березка, в моховом ярусе – сфагнум длиннолистный. Прибрежная полоса и вовсе покрыта олиготрофной растительностью сосново-кустарничково-пушицево-сфагнуовой. Северная часть массива тоже является лесным болотом, но евтрофным, на большей части площади сосново-травяно-сфагновым с доминированием сфагнума варнсторфа. Ближе к западному краю в этой части болота имеется участок, вероятно, являющийся ключевым бугром диаметром более 100 м.

Он также покрыт сосново-травяно-сфагновой растительностью, но сфагновый покров здесь не сплошной. Развит кочковато-западинный микрорельеф, межкочья залиты водой или покрыты гипновыми мхами. Имеется сомкнутый ярус из тростника. Присутствует береза приземистая (*Betula humilis*). Полоса вдоль северо-западного края болота занята сообществом лесного болота с высоким (10–12 м), но разреженным (сомкнутость крон 0,2) древесным ярусом из ели с примесью березы. Кочковато-западинный микрорельеф особенно хорошо выражен. Кочки высокие и на них произрастают несвойственные болотам лесные виды, как например ландыш (*Convallaria majalis*), майник двулистный (*Majanthemum bifolium*), линнея (*Linnea borealis*). В травяном ярусе доминируют тростник, вейник (*Calamagrostis canescens*) и вахта, но заметную роль играют и осока дернистая (*Carex cespitosa*) и таволга (*Filipendula ulmaria*).

Бурение проводилось на профиле, заложенном от южного берега к центру, посреди участка лесного болота в северной части массива и вблизи западного края, там, где просматривался склон с обильной пушицей и посреди болотного ельника. Мощность торфяной залежи в центре болота достигает 5 м, далее залегает сапропель. Состоит она исключительно из низинных видов торфа. Нижние (40 см) залежи состоят из осоково-гипнового торфа. Слои на глубине 3,5–4,5 м слагают гипновый торф, сменяемый выше по скважине бурения сначала прослойками осоково-гипнового и березово-гипнового торфа, древесно-осоковым торфом с преобладанием остатков березы. Из него состоит средняя часть залежи с глубины 2 до 2,75 м. Верхняя часть залежи сложена осоковым торфом, лишь на глубине 0,75–1,1 м залегает сфагново-осоковый торф. Остатки сфагнума варнсторфа начинают встречаться с глубины 2,75 м, в заметном количестве – 1,5 м. По всей глубине залежи значительным числом представлены остатки осоки двутычинковой, вахты, дрепаноклада, которые и образовали нижние слои залежи. В средних слоях залежи, состоящих из березово-осокового торфа, заметны остатки тростника. Степень разложения торфа по всей глубине залежи – 25–30%.

В прибрежной полосе торфяная залежь мощностью 3 м состоит из низинного, переходного и верхового торфа. Эта часть болота давно перешла на верховую стадию развития, слои верхового торфа слагают верхние 1,25 м. Поверхностный полуметровый слой состоит из комплексного верхового торфа, в котором преобладают остатки видов сфагновых мхов, предпочитающих различный режим увлажнения (*Sphagnum cuspidatum*, *S. majus*, *S. magellanicum*) и пушицы. Далее вниз следуют слои магелланикум торфа, пушицево-сфагнового (с преобладанием остатков *Sphagnum magellanicum*), пушицевого. С глубины 1,25 м пушицевый верховой торф сменяется пушицевым переходным, в котором имеются уже остатки хвоща, вахты, осоки двутычинковой. Под ним лежит 25-сантиметровый слой переходного древесно-травяного торфа с преобладанием остатков березы. Он подстилается полуметровым слоем (1,75–2,25 м) древесно-травяного низинного торфа, в котором, наряду с остатками березы становятся заметными остатки ели.

С глубины 2,25 м до 2,8 м залегают слои осоково-вахтового, вахтово-осокового и вахтового низинного торфов. Придонный слой состоит из водно-травяного низинного торфа, в котором преобладают остатки белокрыльника и рогоза.

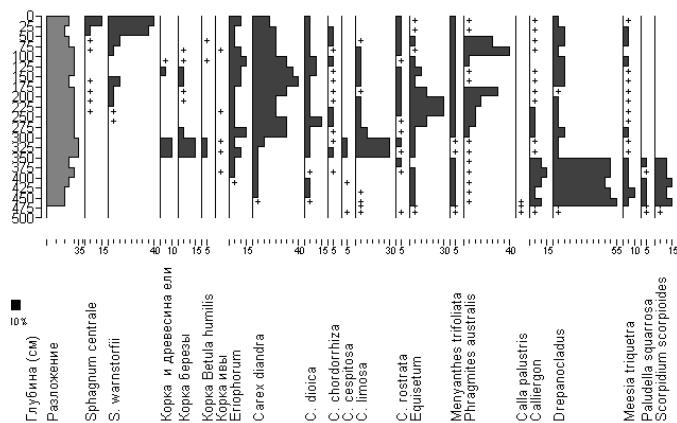

Рис. 5. Ботанический состав торфяной залежи в центральной части склона болота №3

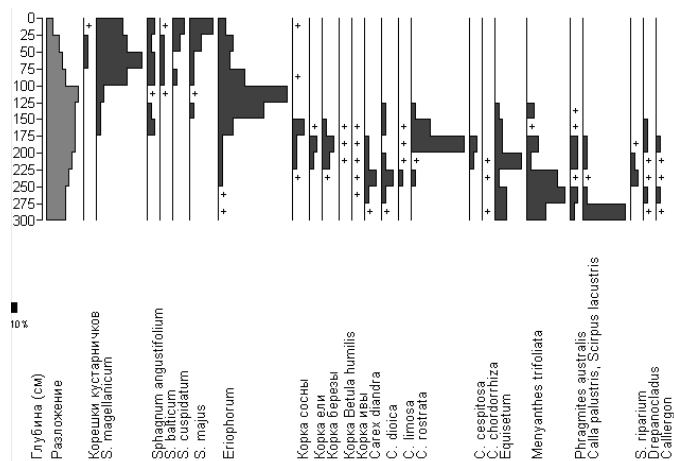

Рис. 6. Ботанический состав торфяной залежи в окраинной олиготрофной части склона болота №3

На участке переходного болота, разделяющем евтрофную и олиготрофную части, мощность торфяной залежи достигает 4,25 м. Она подстилается слоем сапропеля с остатками водорослей. Верхняя треть залежи до глубины 1,75 м состоит

из переходного торфа. Верхние полметра сложены пушицево-сфагновым переходным торфом. Нижняя часть залежи с глубины 2,5 м образована низинным осоково-тростниковым торфом. Торфяная залежь на участке вблизи западного берега болота имеет мощность 4,5 м и состоит исключительно из низинных торфов. Нижние слои образованы вахтовым и осоково-вахтовым торфом. На глубине 2,25–3,25 м залегают слои гипнового и осоково-гипнового торфа. На глубине 2 м отмечен слой тростниково-осокового торфа, который перекрывается метровым слоем осокового. На глубине 0,25–0,75 м располагается древесно-осоковый торф, и лишь верхние 25 см залежи образует сфагнуно-осоковый торф.

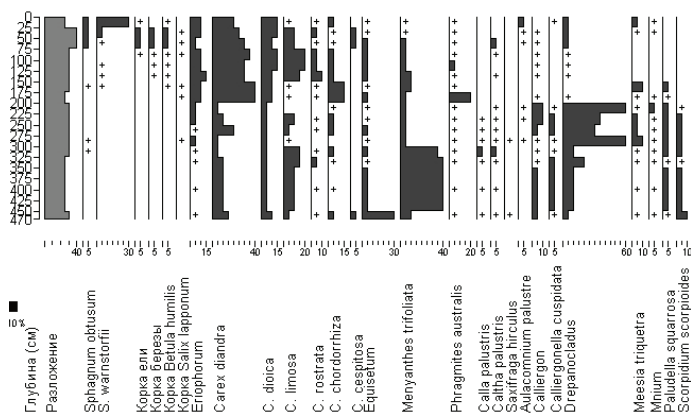

Рис. 7. Ботанический состав торфяной залежи вблизи западного края болота №3

В северной, облесенной части болота, строение торфяной залежи в общих чертах такое же. Осоково-сфагновый торф слагает верхние полметра. Далее попеременно следуют слои осокового и тростниково-осокового торфа. Древесно-осоковый торф отмечен только на глубине 3–3,5 м. Нижний метровый слой состоит из гипнового торфа. Мощность торфяной залежи на участке, занятом заболоченным ельником, также равна 4,5 м. С верхнего слоя до глубины 3,5 м она состоит из древесного низинного торфа с преобладанием остатков ели. Осоково-гипновый торф слагает нижние полметра залежи, отделяемые от древесного 25-сантиметровой прослойкой сфагнового низинного торфа, состоящего из остатков сфагнуна берегового.

Это болото, по крайней мере на большей части площади своей котловины, образовалось на месте водоема.

Ключевое болото образовалось у подножья западного склона котловины. Здесь же образовалась надильовая сплавина, в растительном покрове которой преобладали вахта, *Equisetum fluviatile* и гипновые мхи. Водоем дольше всего сохранялся в южной части котловины. Заболачивание здесь началось позже. Остатки при-

режно-водной растительности здесь располагаются на той глубине, где в остальных частях болота уже отложился значительный слой гипнового торфа. Растительность лесного евтрофного, елового или елово-березового болота отмечена практически по всей площади массива. В северо-западной части она сохраняется в течение очень длительного времени. В центральной части массива длительной по времени была стадия осоковой растительности. Сфагновый покров здесь и на большей части болота образовался очень недавно. По мере заполнения торфом болотной котловины поступление богатого минерального питания в удаленные от его источников участки в южной части прекратилось, и на них произошла смена растительности евтрофного низинного болота растительностью переходного, а затем и верхового болота.

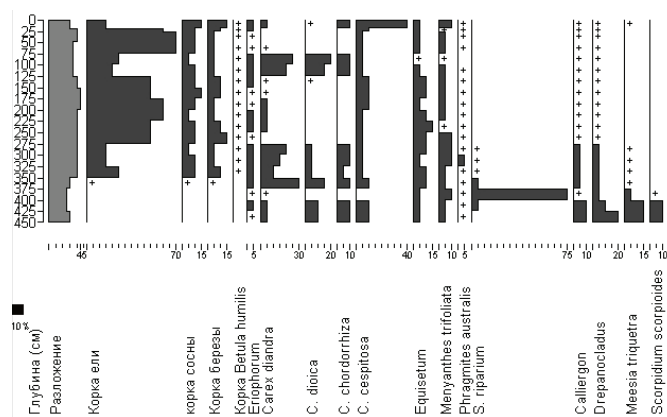

Рис. 8. Ботанический состав торфяной залежи на участке прибрежного болотного ельника (болото №3)

Болото, находящееся между двумя вышерассмотренными, имеет изрезанные очертания. В целом, будучи низинным, оно не по всей поверхности покрыто растительностью, характерной для евтрофных болот ключевого питания. Более того, имеются отдельные участки с олиготрофной растительностью. Собственно ключевым болотом является языкообразный вытянутый с юга на север участок, имеющий заметный уклон поверхности. Верхняя часть его отделена от ближайшего к мельнице болота узкой моренной грядой, у основания которой выходят грунтовые воды. В этой части располагается сообщество, почти аналогичное по видовому составу, отмеченному наверху склона первого болота, с рядом лесных видов. Отличием от растительности склонового участка первого болота служит то, что оно отделено от других сообществ евтрофной растительности, располагающихся ниже по склону, сообществом верхового болота с редкой высокой сосной. Ниже занятого им участка находится сообщество с обильной пушицей широколистной

(евтрофным видом). В июле здесь можно наблюдать белый ковер из чередующихся полос пушиц влагалищной (*Eriophorum vaginatum*) (мезоолиготрофный вид) и широколистной и пухоноса альпийского (*Trichophorum alpinum*). «Язык» болота, вытянутый с северо-запада на юго-восток, заметного уклона поверхности не имеет и покрыт обычной растительностью низинного осокового болота. Центральная часть болота занята разреженным болотным сосняком, травяно-сфагновым с доминированием сфагнума варнсторфа. Это сообщество утрачивает евтрофные черты, в его составе отмечен ряд видов переходных и даже верховых болот. Восточная часть болота, откуда вытекает ручей, покрыта евтрофной осоково-гипновой растительностью, представленной сообществами с доминированием осоки двутычинковой, над которой возвышается ярус тростника. Вдоль юго-восточного берега в проточной топи очень обилен редкий вид – ситник стигийский (*Juncus stygius*).

Торфяная залежь на этом болоте исследовалась с меньшей детальностью. Было пробурено лишь две скважины – в центральной части и в верхней части склона на участке, занимаемом олиготрофным сообществом. В центральной части болота мощность торфяной залежи достигает 5 м. В основном она состоит из низинного торфа и лишь верхние 0,75 м слагает переходный торф, сфагновый (до 0,25 м) и осоково-сфагновый (0,25–0,75 м). Далее до глубины 4,25 м следует низинный осоковый торф с преобладанием осоки двутычинковой. Ниже лежит 25-сантиметровая прослойка осоково-гипнового торфа, за которой следует слой придонного гипнового торфа.

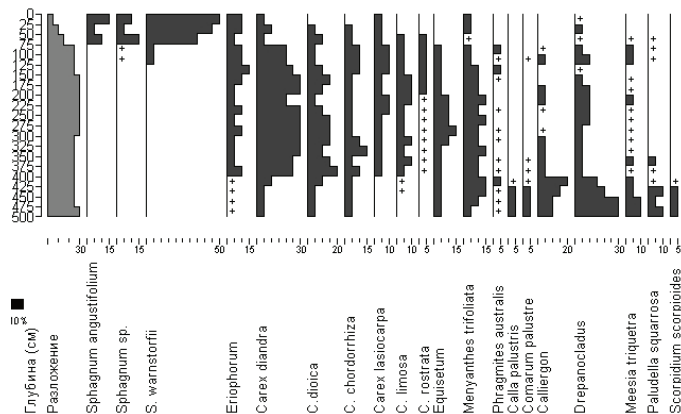

Рис. 9. Ботанический состав торфяной залежи в центральной части склона болота №2

Под участком, занятым кустарничково-сфагновым олиготрофным сообществом с редкой сосной мощность торфяной залежи также достигает 5 м. Верховой торф образует верхние 0,75 см залежи. В нем преобладают остатки пушицы и сфагнума магелланского. Он подстиляется 25-сантиметровым слоем пушицево-

го переходного торфа, ниже которого лежит мощный слой осокового низинного торфа, достигающий глубины 3,25 м. Нижние слои залежи состоят из осоково-гипнового, тростниково-гипнового и гипнового торфов.

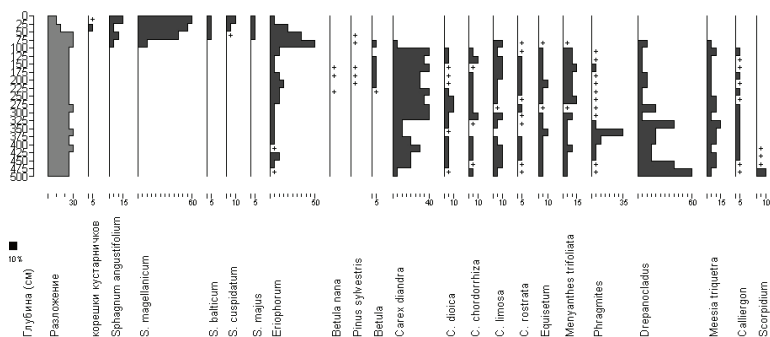

Рис. 10. Ботанический состав торфяной залежи в олиготрофной части склона болота № 2

Однозначно судить о происхождении этого болота полученные данные не позволяют. На его примере можно видеть, как растительность евтрофного болота сменяется растительностью переходного и даже верхового болота по мере ухудшения минерального питания и по мере нарастания торфяной залежи. При этом здесь наблюдается пестрота в чередовании участков разной трофности, занятых растительными сообществами, резко контрастными по видовому составу. Это свойственно и многим другим болотам, встреченным на территории национального парка, что можно объяснить сложной гидрогеологической структурой местности.

Исследование ботанического состава торфяной залежи трех евтрофных болот богатого грунтового питания показало, что видовой состав их сообществ стабилен во времени и свойственный им набор видов сохраняется со времени образования болот. Растительных остатков видов, свойственных евтрофным болотам других регионов, не обнаружено. Выявленный состав палеоценозов соответствует составу современных сообществ евтрофных болот данного региона, находящихся на разных стадиях развития. В частности, на «молодых» ключевых болотах парка широко распространены гипновые сообщества с обильной вахтой и хвощом в травяном составе.

Проведенные исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Евтрофные болота богатого минерального питания, так же как и болота других типов, могут образоваться как путем суходольного заболачивания, так и путем зарастания малых озер.

2. Растительность евтрофных болот отличается стабильностью во времени. Характерные для них травяные сообщества с преобладанием осоки двутычинко-

вой, судя по составу торфяной залежи, произрастали на протяжении длительного времени их существования. Наблюдалась лишь их обратимая динамика с сообществами лесных болот. Видовой состав растительных остатков в торфяной залежи по большей части совпадает с составом современной растительности.

3. Гипновые торфы характерны для ранних стадий развития болот. На начальных стадиях развития ключевых болот в травяном ярусе часто присутствуют виды, остатки которых не сохраняются в торфе.

4. Появление характерной для многих современных евтрофных болот травяно-сфагновой и древесно-сфагновой растительности произошло лишь в недавнее время.

ЛЕКШМОЗЕРСКАЯ И КЕНОЗЕРСКАЯ ВОЛОСТИ: ИСТОРИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

К концу XV века в пределах Каргопольского уезда, или, как писалось на картах XVI – XVII веков, в Каргополии, сформировалось две волости – Лекшмозерская и Кенозерская. Они располагались на западной окраине уезда, на естественной границе между Поонежьем и Обонежьем. Лекшмозерская волость заняла территорию, прилегающую к озеру Лекшмозеро, в 80 км к западу от Каргополя. Кенозерская волость охватила обширную территорию вокруг озера Кено, в более чем 100 км к северо-западу от уездного центра. Обе волости входили в Окологородный стан.

Лекшмозерская волость в документах XVI–XVII веков писалась с двойным названием, а приход именовался по названию церкви: «Волостка Лекшмоозерская и Долгоозерская в Петровском приходе». В состав волости входило около двух десятков деревень (1562 г.): «...а в ней тяглых 14 деревень. А сошные пашни 11 обеж, а в них 3 сошки и 2 обжи. В Лекшмоозерской ж и в Долгоозерской волости тяглых ж 4 деревни, что вышли из лготы 68-го»¹. Лекшмозерские деревни группировались в четыре куста селений. Три из них прилегают непосредственно к озеру Лекшмозеро, и часть деревень была при озерах к северу от него. Что примечательно, два куста поселений имели свои самоназвания, которые фиксируются документально уже в XVI веке: «В той же волосте деревни тяглые на Труфанове стороне, ...на Орлове стороне...»². Из описания середины XVII века: «Волость Лекшмозерская и Долгоозерская. На погосте церковь Петра и Павла, 3 двора церковного причта. Деревень 19, выставка 1, дворов крестьянских 93, людей 319»³. Кенозерская волость охватывала территорию по всему побережью озера Кено и прилегающих к нему малых озер.

В Платежной книге 1555 года она описана следующим образом: «волость Кенозерская на Кене озере, а в ней тяглых 35 деревень с полудеревнею и пол трети деревни, а сошные пашни 35 обеж с четью обжи, а в них 11 сошек. В той же волости Кенозерской тяглых ж 39 деревень да трет деревни да полчети деревни, что вышли из лготы 68-го. В той же Кенозерской волости на Кено озере на острове погост, а к погосту поповы и дяковы и Пономаревы трет обжи»⁴. Из описания XVII века: «волость Кенозерская. На погосте церковь Успение, церковь Петра и Павла, 4 двора церковного причта – 6 чел., 5 дв. боб., 2 кельи боб. – 15 чел., 2 кельи нищих. Деревень 54, выставка 1, дворов крест. 252, людей 890»⁵.

К концу XVIII века основной состав деревень сформировался и до середины

XX века практически не изменялся. В Лекшмозерской волости в 1790 году числилось 15 деревень, в Кенозерской – 57 и 4 деревни Першлахты⁶. Через столетие, в 1892 году в первой волости число поселений увеличилось до 18, а в Кенозерье – до 64⁷. Как видно из вышесказанного, Кенозерье значительно превосходило Лекшмозерье по заселенности территории. Далее мы подробнее остановимся на одном аспекте истории этих двух традиционных волостей – на административно-территориальных преобразованиях, которые начались в конце XVIII столетия.

В середине XVIII века, с 1727 до 1780-х годов, Каргопольский уезд находился в составе Новгородской губернии. В 1784 году в ходе административных реформ эпохи Екатерины II была создана Олонецкая губерния, в которую вошли 8 уездов, в том числе и Каргопольский. При этом произошли очень важные изменения. В числе вновь созданных уездов Олонецкой губернии был Пудожский, впервые появившийся на административной карте. Значительная часть его территории была составлена из волостей Каргопольского уезда. Шесть каргопольских волостей, занимавших территорию от Кенозера до устья реки Моши: Кенозерская, Почезерская, Плесская, Бережнодубровская, Красновская и Устьмошская были искусственно разделены. Граница между уездами прошла по озеру Кенозеро, рекам Кене и Онеге. Левобережье вошло в состав Пудожского уезда, а правобережье осталось в пределах Каргопольского. Впервые была нарушена территориальная целостность волостной структуры. Северное Кенозерье оказалось в пределах Пудожского уезда, а южное – осталось в Каргопольском уезде. Правда, необходимо отметить, что до начала XIX века четкого и окончательного разделения проведено не было. Например, в документе 1790 года Кенозерская волость описывается в полном своем составе как принадлежащая Каргопольскому уезду. А в 1797 году, когда Павлом I были отменены все нововведения Екатерины II и упразднен Пудожский уезд, Кенозерье и Лекшмозерье были объединены в одну Кенозерскую вотчину.

Что же такое вотчина? Это нововведение Павла I, просуществовавшее до конца первой четверти XIX века. Впервые традиционные волости как самостоятельные административные единицы были ликвидированы. Суть реформирования состояла в том, чтобы привести волости к определенному единообразию: число ревизских душ в каждой волости не должно было превышать 3000 человек. Новообразованные волости являлись чисто административными единицами и стали называться вотчинами. Каждая вотчина состояла из приходов (или приказов), которые не имели ничего общего с церковными приходами. Именно эти территориальные приходы в основном совпадали с существовавшими ранее традиционными волостями. В процессе преобразования из некоторых волостей выделялись новые приходы. В итоге в некоторых случаях вместо давно известной устоявшейся волости появлялись два, а иногда и три новых прихода новой вотчины. Так, Кенозерская вотчина на рубеже XVIII и XIX веков состояла из приходов Лекшмозерского, Долгозерского, Тайбольского, Ржелахтинского, Тамецко-Лахтинского,

Почезерского, Кривопоясского и бывшей экономической деревни Першлахты⁸. Таким образом, в границы этой вотчины была включена территория от Янгор до Лекшмозера, или весь Озерный край на западе Каргополья. Называться она стала Кенозерской, но административный центр расположился в лекшмозерской д. Морщихинской. Это можно объяснить более близким расположением Лекшмозерской округи к Каргополю.

Просуществовала эта вотчина недолго. Уже в 1801 году, когда Олонецкая губерния была восстановлена и граница между Пудожским и Каргопольскими уездами определилась на 1784 год, к Пудожскому уезду вновь отошла часть Каргопольской территории. Кенозерская вотчина была ликвидирована, т.к. северное Кенозерье в составе четырех приходов: Кенозерского, Кривопоясского, Почезерского и д. Першлахты, отошло к Пудожу. Какой административный статус получило в начале XIX века северное Кенозерье, пока не уточнено.

А вот Лекшмозерье и южное Кенозерье первые 30 лет XIX века входят в состав Ошевенской вотчины Каргопольского уезда. В качестве иллюстрации приведем выдержки «Из отчета по Ошевенской вотчине за 1824 г.»: «Долгозерского десятка крестьяне вырабатывают из руды железо до 225 пудов для домашних своих обстоятельств и продажи его»⁹. Еще один документ за 1824 год озаглавлен следующим образом: «Ручательная записка, составленная сельским старшиной Ошевенской вотчины Лекшмозерской волости»: «...ныне никого желающих вступить в звание винопродавца в состоящей в нашей Лекшмозерской волости, что при деревне Кондратовской питейной дом с распродажею вина положенной правительством пропорции и по соглашению крестьянина той же волости деревни Анфаловской Ивана Иванова Попова быть при продаже казенного вина сидельцом без ограничения количества продажи, дали по нем сию ручательскую подписку, что он по известному нам поведению и состоянию своему в исправлении должности сей есть благонадежен, и посему верим ему получать для распродажи из казенного магазейна безденежно вина...»¹⁰.

В 1837 году было создано Министерство государственных имуществ, к которому перешло управление государственными крестьянами. В губерниях вводились палаты государственных имуществ, в сельской местности – выборные сельские и волостные учреждения. В Олонецкой губернии новая система законодательно была введена в 1839 году. Если не углубляться в систему введенного крестьянского самоуправления, а остановится только на территориальном делении, то можно отметить следующее. Было введено деление на станы, а вотчины были переименованы в волости с разделением их на сельские общества. Таким образом, в конце 1830-х годов в Каргопольском уезде была введена следующая схема сельской административно-территориальной структуры: уезд – стан – волость – сельское общество. По новому закону число ревизских душ на каждую волость должно было составлять до 6000 человек и новые волости стали еще более крупными образованиями, чем вотчины.

В Каргопольском уезде в начале 1840-х годов было образовано 5 волостей. Все волости получили новые наименования по названиям деревень, в которых расположились волостные правления. Последний аспект очень важен. Впервые в практике административно-территориального устройства сложившиеся исторически волостные самоназвания были заменены на искусственные. Надо отметить, что в целом период 1840–1850-х годов в плане административных реформ еще мало изучен (по крайней мере, на территории Каргопольского уезда), поэтому полную картину происходивших изменений показать пока нет возможности.

По сведениям архивных документов и Олонецких губернских ведомостей, в начале 1840-х годов Лекшмозеро и южное Кенозерье оказались в составе следующих административных волостей I стана Каргопольского уезда: Лекшмозеро – в Воробьевской волости, а южное Кенозеро – в Никольской волости¹¹. Воробьевская волость состояла из трех сельских обществ и охватывала весь Пудожский тракт, большую часть Ошевенского и часть Архангельского трактов. Волости по Пудожскому тракту от Печниково до Лекшмозера были объединены в Илекинское сельское общество, получившее свое название по д. Илекинской, которая находится в лекшмозерском кусту деревень Орлово. Никольская волость была составлена из традиционных волостей: Троицкой, Ошевенской, Кенорецкой и южного Кенозерья. Деревни южного Кенозера и Кены были объединены в Ряпусовское сельское общество. Главная деревня, соответственно, была Ряпусово. Данная ситуация сохранялась около 20 лет, до начала 1860-х.

Манифест 1861 года дал толчок новым преобразованиям в области административно-территориального устройства. Основные положения манифеста были направлены на введение принципов самоуправления для крестьян, освобожденных от крепостной зависимости, но эти преобразования не могли не коснуться и остальной части населения. Для государственных крестьян начался очередной период преобразования волостных границ, который привел к разукрупнению волостей.

Процесс организации новых волостей проходил сложно. Ярким примером этого является история Лекшмозерской и Кенозерской волостей. В 1860-х – начале 1870-х годов они переживали этап оформления самостоятельного административного статуса. В начале 1860-х из лекшмозерских деревень составляется Лекшмозерское сельское общество Лекшморецкой волости (Лекшма – это традиционная волость в устье р. Лекшмы по Санкт-Петербургскому тракту). Лекшморецкая волость с центром в лекшморецкой д. Осташевской занимала территорию от Ловзанги и Лекшмы до Лекшмозера. В конце 1860-х – начале 1870-х годов Лекшмозеро объединяется с Колодозером (Пудожский уезд) в Пирзаковскую волость, вскоре переименованную в Колодозерскую. Через пару лет Лекшмозеро уже числится в Панфиловской волости. В это же десятилетие на Кенозере происходили следующие события. Южная и северная его части были объединены в одну Вершининскую волость, уездную подчиненность которой пока не удалось уточнить.

В начале 1870-х годов волость вновь разделяется и южное Кенозерье включается в состав Нифантовской волости Каргопольского уезда с центром в Верхней Чурыге (Поздышево).

Например, в Олонецких губернских ведомостях за 1870 год читаем: «Каргопольского уезда, Колодозерской волости, в деревнях Орловского, Лекшмозерского и Долгозерского обществ истреблено червем, в настоящую осень, считая по посеvu 38 четвертей, на сумму 266 р., и Вершининской волости, в деревнях Хергозерского прихода – 7 четвертей на 49 р.»¹².

Наконец, в 1874 году Лекшмозеро в своих естественных границах и южная часть Кенозерья получили статус самостоятельных волостей: «Вследствие разрешения Олонецкого Губернского по крестьянским делам Присутствия от 14 февраля 1874 г. мною открыты Волостные правления 27 февраля Лекшмозерское и 2 марта Кенозерское. В составе первого входят общества Орловское, Долгозерское и Лекшмозерское, и второго Ряпусовское и Климовское <...> Лекшмозерское волостное правление в деревне Морщихинской возле Лекшмозерскаго погоста и Кенозерское волостное правление в деревне Ряпусовой. Для приема и сдачи корреспонденции означенные правления будут высылать от себя в каждую пятницу нарочного, Кенозерское на Архангельскую станцию [с. Архангело], а Лекшмозерское в г. Каргополь. Мировой посредник 1 участка Мудров»¹³.

В целом волость второй половины XIX века получила новый статус, часто новые границы и новое название по сравнению с волостью первой половины XIX столетия. Многим волостям были возвращены исторические самоназвания. Границы некоторых волостей даже вернулись к традиционным, т.е. к границам XVI – XVIII веков. Примером этого является Лекшмозерская волость. Кенозерье же продолжало оставаться административно разделенным. Его южная часть, получив историческое наименование «Кенозерская волость», входила в состав Каргопольского уезда. Северная территория, именуемая Вершининской волостью, относилась к Пудожу. Состав этих волостей: деление на сельские общества, статистические данные о числе деревень и количестве жителей на 1892 год представлены в таблице¹⁴.

В XX веке произошли кардинальные изменения в административно-территориальной структуре Каргополя. После 1917 года началось перекраивание границ губерний и уездов, а в конце 1920-х – ликвидация этих административных единиц. Еще более серьезные изменения произошли в волостной структуре, которая в итоге также перестала существовать в том виде, в каком она была в предыдущие столетия.

Революционные события в России, начавшиеся с февраля 1917 года, вызвали перемены во многих сферах жизни общества. Для крестьян одним из важнейших вопросов всегда был вопрос о местном самоуправлении, который напрямую был связан с формами организации крестьянского общества – с сельским обществом и волостью. В деревне началась широкая инициатива по изменению сложившейся

территориальной структуры. 25 мая 1917 года было введено «Временное Положение о Волостном Земском управлении», призванное упорядочить широко развернувшийся на местах стихийный процесс изменения территориального устройства. Надо отметить, что в первую очередь это касалось искусственно созданных волостей во второй половине XIX века. Лекшмозерская волость была образована в своих исторических границах, поэтому бурный процесс распада волостей ее не коснулся. На Кенозерье произошел ряд изменений. Из Кенозерской волости выделилась Климовская волость (западная часть южного Кенозера). Вершининская волость была переименована в Захаровскую.

Волость	Сельское общество	Число деревень	Количество жителей
Кенозерская Каргопольского уезда (южное Кенозеро)	Ряпусовское	9	1212
	Климовское	13	1082
	Поржинское	3	198
Всего 25 деревень, 347 дворов, 2492 человека			
Вершининская Пудожского уезда (северное Кенозеро)	Трихновское	20	1626
	Рыжковское	15	1287
	Кумбас-Озерское	2	272
	Першлахтинское	2	353
Всего 39 деревень, 517 дворов, 3538 человек			
Лекшмозерская Каргопольского уезда	Лекшмозерское	6	1038
	Орловское	5	478
	Труфановское	3	397
	Долгозерское	4 + пустынь	423
Всего 18 деревень, 319 дворов, 2336 человек			

Важной вехой в истории Кенозерья стал 1922 год. Захаровская волость в числе других волостей Пудожского уезда вошла в состав Каргопольского уезда Вологодской губернии¹⁵. В 1924 году произошло укрупнение волостей и вся территория Кенозерья была объединена в границах одной Кенозерской волости. Таким образом, произошло объединение исторической территории Кенозерья. В это же время Лекшмозерская волость, получив статус укрупненной, была одна из немногих в Каргопольском уезде, которая осталась в своих прежних границах¹⁶.

Цель создания укрупненных волостей объяснялась следующим образом: «Укрупненные волости организуются по принципу объединения таких смежных волостей в одну, которые по своей территории незначительны или по количеству населения малы; которые по экономическим условиям родственны и тяготеют к одному общему торговому или промышленному центру, удобному для всего населения укрупненной волости.

Образованием укрупненных волостей, во-первых, достигается возникновение самостоятельных первичных единиц, обладающих собственным бюджетом для удовлетворения ближайших экономических и культурных потребностей местнос-

ти, и, во-вторых, с сокращением числа волостей сокращается и сложность административного организма и расходов по управлению»¹⁷.

Внутри Кенозерской волости уже в 1924 году образуются Кумбас-Озерский, Ряпусовский и Климовский сельсоветы; в 1927 году – Рыжковский, и в 1929 году – Першлахтинский. Внутри Лекшмозерской волости в 1927 году создается три сельсовета – Долгозерский, Орловский и Труфановский.

Новое административно-территориальное устройство, при котором ликвидируются губернии, уезды и волости и учреждаются районы и сельсоветы, в нашем крае, как и в целом на Севере, установилось 80 лет назад – в 1929 году. На территории ликвидированного Каргопольского уезда создано три района: Каргопольский, Приозерный и Няндомский. Лекшмозерье остается в пределах Каргопольского района. Здесь создается 4 сельсовета в границах бывших сельских обществ. Состав сельсоветов: Лекшмозерский с/с – деревни бывшего Лекшмозерского сельского общества; Долгозерский с/с – деревни бывшего Долгоозерского сельского общества; Орловский с/с – деревни бывшего Орловского сельского общества; Труфановский с/с – деревни бывшего Труфановского сельского общества. В 1954 году в связи с уменьшением численности населения произошла ликвидация этих сельсоветов и создан объединенный Лекшмозерский сельсовет¹⁸, просуществовавший до начала XXI века. С 2006 года Лекшмозеро входит в состав Муниципального объединения «Печниковское». Таким образом, можно отметить, что Лекшмозерская округа на протяжении более 130 лет сохраняла административную самостоятельность.

На Кенозерье события развивались следующим образом. На территории бывшей Кенозерской волости в 1929 году было образовано 5 сельских советов: Климовский (Климовское сельское общество), Ряпусовский (Ряпусовское сельское общество), Кумбасозерский (Кумбас-Озерское сельское общество), Першлахтинский (Першлахтинское сельское общество), Рыжковский (Рыжковское и Трихновское сельские общества). Все кенозерские сельсоветы оказались в составе Приозерного района, центр которого был в с. Конево¹⁹. Ликвидация этих сельсоветов произошла чуть позднее, чем у южных соседей. Первым, в 1958 году был упразднен Кумбасозерский сельсовет, деревни которого вошли в Рыжковский сельсовет. В 1960 году Першлахта отнесена к Кенорецкому сельсовету, а все остальные сельсоветы упразднены и создан один Кенозерский сельский совет²⁰, также, как и Лекшмозерский, просуществовавший до начала XXI века.

Необходимо отметить, что границы обоих сельских советов соответствовали территориям традиционных волостей – Лекшмозерской и Кенозерской, сложившимся к XVI веку. Данный факт является редким примером существования в административных границах традиционной территории на протяжении второй половины XX века.

Что же касается внешней административной подчиненности, то в 1962 году, после упразднения Приозерного района Кенозерский сельсовет ненадолго входит

в Каргопольский сельский район, а с 1963 года он вошел в состав Плесецкого района. Таким образом, две исторически взаимосвязанных территории, имеющие много общего в природных и экономических условиях, с 1929 года по настоящее время административно разделены. В 1991 году произошло очень важное событие для рассматриваемых волостей: они были объединены в границах Кенозерского национального парка.

Примечания

¹Цит. по: Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1972. Вып. 2. С. 378-382.

²Там же.

³Цит. по: Богословский М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. С. 12.

⁴Цит. по: Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вып. 2. С. 264.

⁵Цит. по: Богословский М. Указ. соч. С. 13.

⁶Государственный архив Архангельской области (далее ГААО.) Ф. 1367. Оп. 2. Д. 1134. Л. 5-6.

⁷Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1894. Вып. III. С. 66-67, 80.

⁸Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII – XX веках: справочник. Архангельск, 1997. С. 72-73.

⁹ГААО. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 118. Л. 53.

¹⁰Там же. Д. 122. Л. 1-1об.

¹¹Там же. Д. 168. Л. 27-30 об., 52-53, 117-118.

¹²Олонецкие губернские ведомости. 1870. № 83. С. 909.

¹³ГААО. Ф. 1957. Оп. 1. Д. 155. Л. 20-20 об.

¹⁴См.: Олонецкий сборник. Вып. III.

¹⁵Административное районирование РСФСР. М., 1923. С. 56.

¹⁶Новое административное деление Вологодской губернии. Вологда, 1924. С. 12-13.

¹⁷Там же. С. 2.

¹⁸Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII – XX веках. С. 144.

¹⁹Там же. С. 183.

²⁰Там же.

ДВУСТВОРЧАТЫЕ МОЛЛЮСКИ ОЗЕРА КЕНОЗЕРО КАК НЕОТЪЕМЛИМЫЙ КОМПОНЕНТ ПРИРОДНОГО ЛАНДШАФТА КЕНОЗЕРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА*

Кенозеро по праву можно считать уникальным, начиная с его необыкновенной формы и заканчивая сложными процессами, протекающими внутри озера. Это неотъемлемая часть не только культурного ландшафта Кенозерского национального парка, но и в первую очередь элемент природного ландшафта. Уникальный исторический объект природного и культурного наследия с давних пор привлекает ученых самых различных направлений исследований: ландшафтоведов, этнографов, культурологов, геологов, лимнологов, ихтиологов, гидробиологов и многих других.

Нас как малакологов заинтересовала малакофауна (фауна моллюсков) озера, их распределение внутри водоема, приуроченность к определенным биотопам и видовой состав.

Моллюски (от греч. malakion – мягкотелый) являются основным компонентом биоценозов и важным звеном в цепях питания не только в водных, но и наземных экосистемах. В природе насчитывается более 150 тысяч видов моллюсков. По разным оценкам, от 7,5 до 10 тысяч современных и около 20 тысяч ископаемых видов относятся к двустворчатым моллюскам.

Двустворчатые (лат. Bivalvia) – исключительно водная группа – живут как в соленых, так и в пресных водах. Моллюски обладают широким спектром питания и приурочены преимущественно к прибрежной зоне, которая в первую очередь и в наибольшей степени подвержена различного рода загрязнениям. Среди них много фильтраторов, илоедов, которые имеют большое значение в биологической очистке вод и деструкции органики. Обитая на дне водоема полупогруженными в грунт, живя за счет взвесей выше лежащей толщи воды, двустворчатые моллюски благодаря непрерывной деятельности ресничек мерцательного эпителия пропускают через свою мантийную полость около 40 литров воды в сутки¹. Фильтрационные способности моллюсков приводят к снижению уровня загрязнения воды тяжелыми металлами, радиоактивными элементами и другими вредными веществами. Также моллюски играют большую роль в преобразовании илов:

© Усачёва О.В., 2011

*Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 07-04-00313-а и 09-04-10054-к) и ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009 – 2013 годы», а также междисциплинарного проекта УрО РАН «Ландшафтно-зональные условия и видовое разнообразие беспозвоночных животных на Европейском Севере: оценка роли природных и антропогенных факторов».

выделяя огромное количество слизи, они связывают и уплотняют илы.

Двустворчатые моллюски обычно либо зарываются в толще грунта с помощью ноги или раковины, либо прикрепляются к твердому субстрату и ведут неподвижный или малоподвижный образ жизни. Дышат двустворчатые моллюски растворенным в воде кислородом с помощью жабр.

Человек использует некоторые виды двустворчатых в пищу (например, мидий и устриц). В Древнем Риме врачи рекомендовали употреблять вареное и тушеное мясо моллюсков при водянке, заболеваниях опорно-двигательного аппарата, женщинам в период беременности, а также подросткам во время интенсивного роста, когда идет формирование скелета. Это связано с высоким содержанием в их мясе солей кальция и магния, а также других минеральных соединений в легко усвояемой человеком форме².

В качестве сырья для производства различных украшений применяется перламутр и жемчуг, которые являются продуктами жизнедеятельности двустворчатых моллюсков.

Для изготовления перламутровых пуговиц раньше чаще всего использовали пресноводные виды рода *Unio* – Перловиц (от англ. pearl – «жемчуг»). Представители этого рода довольно часто встречаются в заливах озера Кенозеро и реки Кены.

Древние люди отождествляли моллюсков с символами божественной силы, а также использовали их в качестве сувениров, денег, скребков, ножей, необходимых в быту. Из них изготавливали также всевозможные рыболовные крючки, блесна, сверла и кухонную утварь. В некоторых городах раковинами моллюсков мостили улицы. Выделяемый некоторыми двустворчатыми моллюсками биссус используют для изготовления особой ткани – виссона.

Раковины моллюсков являются предметом сбора многих коллекционеров. Еще в XVII – XVIII веках коллекционирование считалось престижным среди европейских аристократов.

Наиболее известными представителями пресноводных двустворчатых моллюсков являются: беззубка (*Anodonta*), перловица (*Unio*) и жемчужница (*Margaritifera*idae).

Кенозеро отличается от других озер Архангельской области большой глубиной, сложной формой зеркала и котловины, извилистостью и изрезанностью береговой линии и множеством островов, мысов, мелких плесов и заливов. Вместе с озерами Долгое и Свиное, соединяющимися между собой короткими проливами и реками, впадающими и вытекающими из них, Кенозеро образует озерно-речную систему (рис. 1). Основным притоком системы озер Свиное – Долгое – Кенозеро является река Поча.

Озерная котловина Кенозера характеризуется пересеченным рельефом, что связано с особенностями ее формирования. Дно озера покрыто отложениями тонкоструктурного серо-зеленого ила с различным количеством растительных остат-

Карельского отделения ГосНИОРХ летом 1967–1968 годов, в ходе которой в озере обнаружены как двустворчатые (пизидиумы), так и брюхоногие моллюски (гастроподы).

По данным проведенных ГосНИОРХ исследований, пизидиумы составляют от 1 до 42% биомассы бентоса⁶. Средняя величина биомассы пизидиумов озера Долгого, по тем же данным, составляет 22%. Однако более подробно видовой состав моллюсков, обитающих в данных озерах, в литературных источниках, к сожалению, до сих пор отражен не был.

Характерным местообитанием двустворчатых моллюсков являются песчаные грунты мелководной профундали и отчасти sublitorали. Особи, обитающие на чистом песке прибрежной зоны, отличаются сильной разреженностью населения.

Наиболее богата моллюсками литоральная зона озера с зарослями водной растительности (кувшинка, тростник и др.). Заросли высшей водной растительности занимают около 4% поверхности озера⁷. Местами они достигают значительного развития и в основном состоят из тростника, камыша, осоки, кубышки, горца, рдестов, ситника, хвоща и ежеголовника.

В ходе проведенных исследований было отобрано 200 гидробиологических проб с 34 точек (рис. 2). Двустворчатые моллюски были обнаружены лишь в 126 отобранных пробах на 20 точках. Всего объем собранного материала составил 188 экземпляров моллюсков.

Рис. 2. Отбор проб двустворчатых моллюсков в оз. Кенозеро в августе 2008 года

Двустворчатые моллюски составляют 35% от общего числа обнаруженных во-

дных моллюсков. Наибольшую численность составляют крупные двустворчатые моллюски семейства Unionidae (перловицы). На их долю приходится 49% (рис. 3).

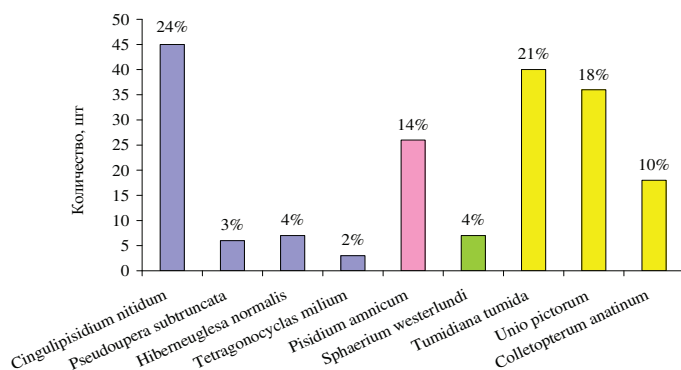

Рис. 3. Видовой состав малакофауны оз. Кенозеро

Перловицы (Unionidae) большинства видов раздельнополы. Оплодотворение яиц у них происходит в мантийной полости самки. Из оплодотворенных яиц развиваются личинки, которые выталкиваются перловицей через сифон наружу, когда мимо нее проплывает какая-либо рыба. Личинки прикрепляются к коже и жабрам рыбы и развиваются на ее теле 1-2 месяца. Такая приспособленность перловиц и беззубок способствует расселению их в природе в фазе личинки. Это связано с малоподвижным образом жизни взрослых особей.

В Кенозере семейство Unionidae представлено 3 родами (*Tumidiana*, *Unio* и *Colletopterum*) и 3 видами: *Tumidiana tumida*, *Colletopterum anatinum* и *Unio pictorum* (рис. 4).

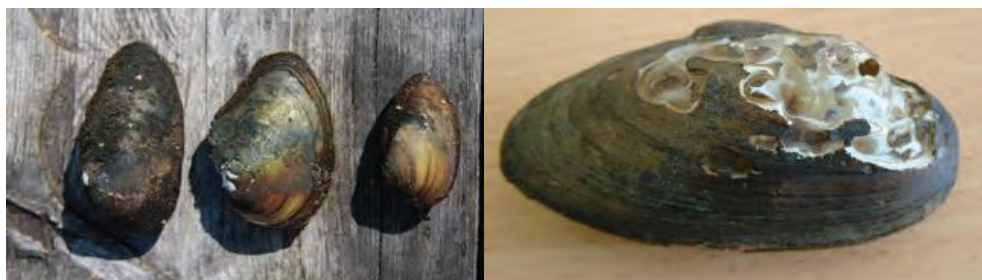

Рис. 4. Моллюски семейства Unionidae, найденные в оз. Кенозеро (слева направо): *T. tumida*, *C. Anatinum*, *U. pictorum*, *Tumidiana tumida*

Доминирование моллюсков *T. tumida* (21%), скорее всего, связано с благо-

приятными условиями для их размножения и дальнейшего расселения. На рисунке 5 представлен календарь размножения моллюсков семейства Unionidae, на котором видно, что вид *T. tumida* наиболее приспособлен к обитанию в прохладной воде (+10°C) по сравнению с остальными представителями этого семейства⁸.

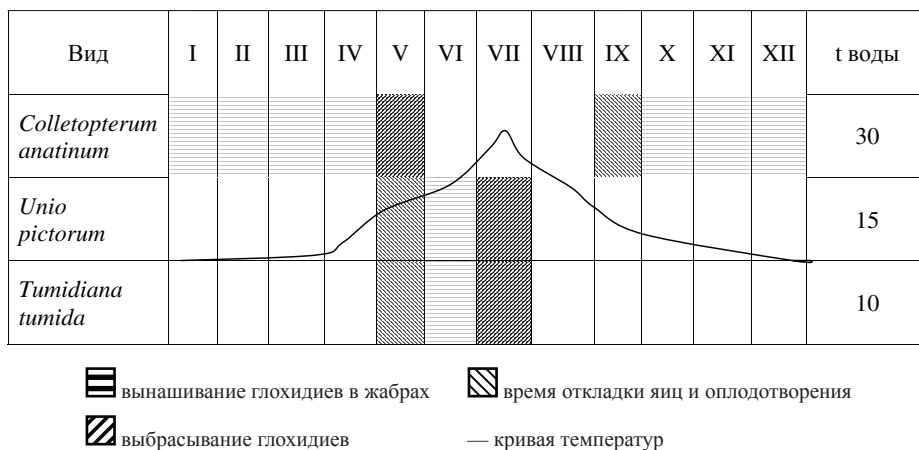

Рис. 5. Календарь размножения сем: Unionidae *U. pictorum* и *C. anatinum* предпочитают более теплые условия для размножения

Будучи обитателями зоны дна, где обычно живут организмы с умеренной требовательностью к кислороду, моллюски семейства Unionidae, являются организмами довольно высоко оксифильными, и кислородный режим в обитаемых ими водоемах должен быть более-менее стабильным. Морфологическое строение их своеобразно и соответствует условиям обитания: у них отсутствуют глаза, настоящие щупальца, глотка, нет никаких органов размельчения пищи и копулятивных органов. Количество выбрасываемых половых продуктов при необеспеченности их дальнейшей судьбы огромно. Развитие и распространение потомства у двустворок биоценотически связано с организмами, ведущими подвижную жизнь, а именно с рыбами⁹.

Семейство Euglesidae в видовом составе Кенозера занимает 33% от общей численности. Оно представлено 2 родами (*Euglesa* и *Tetragonocyclus*) и 4 видами. Самым многочисленным и наиболее широко распространенным является вид *Cingulipisidium nitidum*. Его доля составляет 24% (рис. 3). Реже всего встречаются моллюски семейств *Pisidiidae* (горошинки) и *Sphaeriidae* (шаровки). На их долю приходится 14% и 4%, соответственно (рис. 6).

Эти мелкие двустворчатые моллюски обитают на участках с заиленным дном и зарослями водной растительности. Размеры их не превышают 10–11 мм у горо-

шинок и 20–25 мм у шаровок. Названные роды легко отличить по положению и форме верхушек их раковины: у горошинки (*Pisidium*) верхушка более или менее смещена от середины раковины к ее заднему концу; у шаровки (*Sphaerium*) верхушка расположена посередине, причем она широко округлая, мало выдающаяся; раковины крупных видов шаровок имеют в длину 15–20 мм, в то время как раковины горошинок обычно не достигают 10 мм¹⁰.

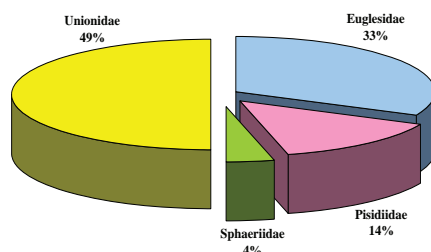

Рис. 6. Таксономическая структура малакофауны оз. Кенозеро

В Кенозере из шаровок среди зарослей встречается лишь *Sphaerium westerlundii*, причем этот моллюск может ползать по поверхности растений, удерживаясь за них с помощью выделяемой его ногой слизи. Шаровка может зарываться в иловатый или песчаный грунт, но неглубоко. Подобно всем *Sphaeriidae* шаровка является гермафродитом. Оплодотворенные яйца вынашиваются в особом предназначенном для этого пространстве на внутренней стороне жаберных листков, где находятся зародыши; проходят все свое развитие и из раковины матери выходят достигшие значительной величины и уже половозрелые маленькие моллюски; число их, особенно у молодых особей, невелико, а размеры относительно большие, иногда они достигают 1/5 размера материнского организма¹¹.

Род горошинки (*Pisidium*) богат видами, трудно различимыми один от другого; это самые мелкие из двустворчатых моллюсков. Молодь вынашивается на жабрах и достигает значительных размеров.

Одним из наиболее крупных видов горошинок, встречаемых в озере Кенозеро, является горошинка речная (*Pisidium amnicum*) с длиной раковины, достигающей 10–11 мм. Этот моллюск часто встречается на илисто-песчаном дне у берегов.

Как уже упоминалось выше, моллюски являются ценным кормовым объектом для многих видов позвоночных животных. Рыбы потребляют как брюхоногих, так и двустворчатых моллюсков, количественное соотношение которых в составе пищи рыб варьирует в зависимости от места их обитания.

По материалам СевПИПРО за 2007 год, моллюски озера Кенозеро являются второстепенным пищевым компонентом в рационе частиковых рыб. Их доля в пищевом спектре составляет 36,4% у леща, 32,1% у плотвы и 11,7% у язя.

Озеро Кенозеро служит местом массового гнездования в основном для около-

водных птиц, многие из которых питаются не только рыбой, но и бентосными организмами, в том числе и моллюсками. Моллюски также входят в пищевой рацион некоторых околородных млекопитающих.

Таким образом, в результате рекогносцировочного обследования Кенозера в 2008 году нами было зарегистрировано 9 видов двусторчатых моллюсков, относящихся к 7 родам и 4 семействам.

Наиболее широко распространены моллюски семейства Unionidae (рис. 6), которые преимущественно располагаются широкой полосой на глубине от 0,7 до 2 м.

Доминирующим по численности видом является *C. nitidum* из семейства Euglesidae (рис. 3), что в целом характерно для фауны моллюсков Европейского Севера России¹².

Примечания

¹Павловский Е.Н., Лепнева С.Г. Очерки из жизни пресноводных животных. Л., 1948; Жадин В.И. Пресноводные моллюски СССР. Л., 1933.

²Фирсов Л.В. Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического. Новосибирск, 1976; Леонов С.В. К истории использования наземных улиток человеком в Крыму // Крымский малакологический сайт Сергея Леонова. URL: <http://malacology.crimea.edu/>

³Новосельцев Г.Е. Бентос больших озер Архангельской области (Лача, Лекшмозеро и Кенозерская группа) «Основные биоценозы Кенозера» // Природные ресурсы Карелии и пути их рационального использования: тезисы докладов молодежной научной конференции. Петрозаводск, 1973.

⁴Там же.

⁵Чертопруд М.В. Фауна и экология брюхоногих моллюсков пресных вод Подмосковья. М., 1998.

⁶Новосельцев Г.Е. Указ. соч.

⁷Его же. Донная фауна Кенозера // Материалы XVI конференции по изучению внутренних водоемов Прибалтики. Петрозаводск, 1971. Ч. I.

⁸Жадин В.И. Пресноводные моллюски СССР. Л., 1933.

⁹Павловский Е.Н., Лепнева С.Г. Указ. соч.; Жадин В.И. Семейство Unionidae // Фауна СССР. Моллюски. М.; Л., 1938. Т. IV, вып. 1.

¹⁰Жадин В.И. Пресноводные моллюски СССР. Л., 1933.

¹¹Павловский Е.Н., Лепнева С.Г. Указ. соч.

¹²Беспалая Ю.В., Болотов И.Н. Водные моллюски // Природная среда Соловецкого архипелага в условиях меняющегося климата / под ред. Ю.Г. Шварцмана, И.Н. Болотова. Екатеринбург. 2007. С. 110-120.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОДЗЕМНОГО ПРОСТРАНСТВА ПАМЯТНИКОВ КЕНОЗЕРЬЯ

Для задач восстановления утраченных и реставрации существующих деревянных памятников зодчества необходимо выявлять максимум факторов, снижающих ресурс постройки, являющихся причиной ее разрушения.

Кроме «человеческого» и «экономического», следует учитывать в первую очередь неблагоприятные факторы окружающей среды, в том числе и геологические.

Опыт обследования методом естественного импульсивного электро-магнитного поля Земли (далее – ЕИЭМПЗ) различных зданий и сооружений (бетонных, кирпичных, деревянных) показал, что наибольшие разрушения возникают в местах, приуроченных к неоднородностям грунтового массива и кристаллического фундамента литосферы. Как правило, это контакты блоков матрицы грунтов, трещиноватости и разломы, в которых концентрируются очаги напряжения и повышенные уровни фильтрации подземных вод. Движение самих блоков относительно друг друга и относительно постройки, так же создают очаги разрушений в конструкциях здания.

Матрица грунтов в зоне аэрации представляет блоковую пространственную иерархическую систему (в идеале ортогональную), состоящую из отдельных объемных блоков. В зонах контактов (более разряженное состояние геологической среды) происходит фильтрация водных масс.

В результате антропогенной нагрузки и естественных геологических процессов структура матрицы грунтов может постепенно деградировать (разрушаться и размываться). В грунтах возникают подземные русла и вертикальные депрессионные воронки со значительным дебетом подземных вод. Переобводнение грунтов в таких зонах приводит к ускоренному гниению и разрушению конструкций здания.

Опыт проектирования и строительства гражданских зданий показал, что фиксируемая на проектной стадии и при разбивке осей матрица трансформируется (деформируется) в результате постепенной пригрузки грунтов конструкциями здания в процессе строительства и эксплуатации. В результате матрица грунтов структурируется в пятне застройки либо в древовидный (церкви), либо в линейный, сетчатый (часовни) фрактал.

Метод измерений ЕИЭМПЗ дает возможность опосредованно оценить интегральное состояние среды и дифференцированно оценить напряженно-деформированное состояние грунтового массива, оснований и конструкций, уровень техногенных полей на обследуемых участках и помещениях.

Задачами настоящих исследований первоначально являлось:

1. Выявление факторов гидрогеологической среды, снижающих ресурс зданий.
2. Подтверждение или опровержение предположения, что архитектурная форма и тектоника здания могут формировать гидрогеологическую среду.

В процессе исследования и обработки полевых данных возникла третья задача – выявление топологической связи размещения существующих часовен и «священных мест» – рош, камней, деревьев, родников и пр.

В культовых зданиях христианских и буддийских конфессий наблюдается распределение основных зон фильтрации вдоль основного нэфа и зон простираанием в крест с пересечением в основных сакральных зонах – в алтаре, оси купола и зоне отпевания – притворе.

В ходе обследования деревянных храмов Прионежья в июне 2008 года (А.М. Базилевич, А.И. Цыганов) выявлена схожая структура матрицы рыхлых грунтов и распределение путей подземного стока.

Самая древняя из обследованных – Никольская церковь в с. Лявля под Архангельском – имеет выраженную систему путей подземного стока, характерную для «корабельных» каменных христианских храмов с протяженным центральным нэфом, апсидной частью, притворами и папертью.

Для ответа на вопрос, существуют ли логичные фрактальные структуры грунтов под храмами, внедренными искусственно в новую геологическую среду, были обследованы деревянные храмы в музее Малые Корелы под Архангельском, простоявшие там 30–35 лет.

Привезенная из с. Вершина Георгиевская шатровая церковь – аналог Никольской церкви в Лявле. Гульбище и крыльца церкви в Лявле утрачены, однако фракталы грунтов под этими церквями схожи. Достаточно явно просматривается упаковка матрицы грунтов в церкви Вознесения из с. Кушерека.

Хуже читаются структуры грунтов в часовнях. Еще меньше случаев наблюдения логических фракталов в колокольнях, ориентированных не по сторонам света, а на входной узел основного храма.

Кроме того, структурированные логические фракталы сохраняются в памяти грунтов как отпечаток здания довольно длительное время после его утраты. На вопрос «сколь долго?» предстоит еще ответить.

Анализ динамических структур в основаниях кенозерских храмов показал значительное отличие от их аналогов в Поонежье. Отличия заключаются как в визуализированном графическом образе фрактала, так и в его генезисе. В основаниях онежских и поморских храмов структуры имеют, как правило, выраженный древовидный характер (исключая часовни и отдельно стоящие колокольни).

В основаниях кенозерских часовен каналы фильтрации обычно параллельны или имеют ортогональный сетчатый рисунок. Параллельные каналы фильтрации в большинстве случаев разбиты некими твердыми включениями в грунтовом массиве. Это могут быть выходы кристаллического фундамента, валуны, дайки.

Онежские храмы ставились с разрешения и по указанию церковного и светского начальства, места посадки выбирались в соответствии с градостроительными, фортификационными, хозяйственно-бытовыми условиями, плотностью и составом населения.

Онежские церкви имеют развитую структуру со всеми элементами официального «парадного» храма: многолавие, апсиды, кокошники, сочитание различных объемов – клетстких, кубоватых, шатровых и пр. Внушительная тектоника онежских храмов создавала сложный и неповторимый фрактал матрицы рыхлых грунтов.

Кенозерские часовни ставились спонтанно, иногда вопреки воле церковного начальства. Ввиду относительной разобщенности насельников Кенозерья и малочисленности паствы отсутствовала необходимость возведения полноценных и вместительных храмов, а сам уклад жизни поселений Кенозерья (сакральный и индивидуализированный) делал необязательным наличие священника – жители тяготели к старой вере или же просто были староверами. Человек общался с богом (или с богами) лично, а не опосредованно через священника. Кроме того и язычество было не до конца забыто народом. Поклонялись деревьям, камням, родникам и рощам.

Как известно, Кенозерье осваивалось новгородцами параллельно с финно-угорскими племенами. Новгородцы и принесли на Кенозеро традицию возведения храмов на местах древних святилищ. Современные раскопки показали, что практически все ранние храмы Великого Новгорода стоят на местах бывших языческих капищ.

В Перыньском скиту под Новгородом раскопано святилище IX – XX веков. Известно, что в 989 году Добрыня учредил в Новгороде культ Перуна и установил идола на месте бывшего капища Рода и Рожаниц у Юрьева городка. Раскопки показали, что центральное святилище состояло из 8 костровых ям и ямы с остатками столба (идола). Сам идол стоял в обширной яме с уплотненными стенками и дном. Вероятно, здесь когда-то лежал валун – священный камень.

Возможно, с таким же явлением мы столкнулись при исследовании оснований кенозерских часовен. Под некоторыми из них (Рыжково, Минино, Вершинино, Глазово) в рыхлых грунтах обнаруживаются некие твердые включения, которые огибают подземные водные потоки.

Применение методов ЕИЭМПЗ и ГПЗ, несомненно, имеют перспективы для решения задач восстановления и реставрации зданий и сооружений вообще и памятников деревянного зодчества в частности.

Целесообразно использовать данную методику при уточнении места нахождения утраченного здания, когда отсутствуют привязки и ориентиры на местности.

Памятники культуры как часть культурного ландшафта

КЕНОЗЕРЬЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАСЕЛЕНИЯ

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне – величайшая страница отечественной и мировой истории. В исторической памяти война с фашистской Германией сохранилась как символ горя и бедствий, взлета человеческого духа и патриотизма, мужества и победы, доставшейся нашим соотечественникам ценой огромных потерь.

Прошло уже 65 лет с того момента, когда залпы артиллерийских орудий возвестили миру о Победе, но до сих пор точка в книге под названием «История Великой Отечественной войны» не поставлена. Данное исследование, посвященное истории Кенозерья в 1941–1945 годах, это попытка изучения еще одного эпизода войны, из которых и складывалась Великая Победа.

В настоящее время на территории Кенозерского национального парка проживают 4 ветерана Великой Отечественной войны, 1 вдова участника войны, 25 участников оборонных работ (ил. 1). В 2009 году сотрудниками Кенозерского национального парка собирался материал, отражающий боевой и трудовой подвиг жителей Кенозерья. Было опрошено 16 местных жителей 1914–1937 годов рождения. Собранный материал позволил выявить характерные черты, присущие Кенозерью в период Великой Отечественной войны.

Особое место в воспоминаниях всех информантов занимают сведения о начале Великой Отечественной войны. Удаленность Кенозерья от центральных дорог и крупных населенных пунктов, локальность, замкнутость территории, отсутствие радио и телефонов, способствовали продлению состояния мира в озерном крае на несколько часов. О начале войны, как и о Победе жители д. Кумбасозеро, расположенной в 18 км от оз. Кенозеро, узнали через несколько дней. «Почтальон новость принес с Кенозера, но почта-то не каждый день ходила» (Поспелова Зинаида Александровна, 1934 г.р., м.р. – д. Кумбасозеро)¹. В воспоминаниях жителей деревень, расположенных по берегам южной части оз. Кенозеро, начало войны ассоциируется с секретарем Ряпусовского сельского совета Павлом Петровичем Спицыным, который в течение 22 июня 1941 года объехал на лодке все южные кенозерские деревни. «Было воскресенье. Меня мать с отцом за мануфактурой в магазин отправили. Пришел в магазин Спицын Павел Петрович и говорит: «Товарищи, началась война. Сегодня ночью немцы бомбили наши города». На другой день уж принесли повестки...» (Капустина Александра Александровна, 1928 г.р., м. р. – д. Зехново). Анне Михайловне Лукиной начало войны запомнилось следующим образом: «Уполномоченный из Конёво на лошади прискакал,

сообщил, что война началась. Всех мужиков вместе собрали, на телегах в Конёво повезли. Мужики пляшут, на гармошках играют, а бабы плачут, детей у всех по пять, а то и больше осталось. Папу (Михаил Фёдорович Еремеев. – А.А.) тоже забрали, больше мы его и не видели» (Лукина Анна Михайловна, 1933 г.р., м.п. – д. Горы).

В первые дни войны женское трудоспособное население по нарядам от колхозов было направлено на оборонные работы. Клавдия Александровна Тишинина, уроженка д. Печихино, рассказывает: «Нас в казарме 150 женщин жило, все с Приозёрного района. Недалеко фронт был, разведчики к нам приходили. А потом наши отступать начали, нас и отпустили домой» (Тишинина Клавдия Александровна, 1923 г.р., м. п. – д. Усть-Поча). «А я пошла в 41-м на оборонительные так пятнадцатигодова, 15 годов было. Да как идешь с котомкой по деревням, говорят: «А этого маленького ребёночка-то куда гонят?» Копали окопы да блиндажи. Нас много. Такая длинная конюшня, по одну сторону – двое нары, по центру и по другую сторону – двое нары. Не разувались, не раздевались, в байну (баня. – А.А.) редко ходили. Окопы копали цепью. Такие глубокие блиндажи были, через пятеры руки лопатка пройдет кверху. А были штаны даны, да обмотки, да портянку обовьешь кругом ноги, да в лапти обуешь, да привяжешь чтобы не упали. Вот так и ходили. А как вышла с оборонительных, то какой ветер большой, меня с ног сшибало, така худа была, что одни кости. Ой, вспомнишь дак, что пережито в войну...» (Колобова Анна Михайловна, 1925 г.р., м. р. – д. Тыр-Наволоок). В основном оборонительные сооружения, в строительстве которых принимали участие жители кенозерских и лекшмозерских деревень, находились в Карелии. «Мобилизованные строили противотанковые рвы, артиллерийские капониры и полукапониры, полевые аэродромы, дзоты, окопы, траншеи, землянки, лесные завалы на танкопроходимых участках. Работы были тяжелейшие, грунт – каменистый, с валунами, орудие труда – поперечная пила да топор, лом, кирка да лопата»². Непосильная работа, очень скудное питание, состоявшее из 500 грамм хлеба и супа из крапивы, отсутствие теплой одежды, невыносимые бытовые условия, частые обстрелы немецкой авиацией способствовали росту смертности мирного населения, принимавшего участие в оборонных работах. «Ходило много на оборонные работы в Карелию. Женщин вот, у которых ребят не было, забирали. Девочек таких взрослых, молодых забирали всех. Какие вернулись, а какие и не вернулись» (Поспелова Зинаида Александровна, 1934 г.р., м. р. – д. Кумбасозеро). Важность и значимость строительства оборонительных сооружений подчеркивает Анна Григорьевна Шишкина: «Бывало говорю Ивану Федоровичу Вахрамееву: «Ой, Ванька – Ванька, ты с автоматом, а я с лопатой, а все равно Родину защищаем» (Шишкина Анна Григорьевна, 1921 г.р., м. п. – д. Качикова Горка).

Общим делом в жизни всех опрошенных нами информантов стало участие в лесозаготовках и лесосплаве в 1940-х годах (ил. 2): «А на лесозаготовки всех от колхоза отправляли с 16 лет. Кто мог шевелиться, так всех брали. Там не спра-

шивали, ни парней, ни девок. Всех подряд. Даже матерей от детей брали» (Капустина Александра Александровна, 1928 г.р., м. р. – д. Зехново). Информанты оценивают свой труд в лесной отрасли как очень тяжелый, непосильный: «Я на катере в сплавной во время войны работал, а было мне 13 лет. Кошли с лесом через Кенозеро водили. Как закончилась навигация, в кузницу ремонтировать, а кузнеца-то нет. Нас четыре пацана, мы были и кузнецы, и мы и слесаря, мы и все тут делали. А еще надо зимой березовых чурок на все лето заготовить, первые катера на дровах ведь ходили. Отремонтим катера, да в феврале месяце нас на Киндишу, поселок по Поче (река. – А.А.), лес возить на лошадях» (Баев Яков Митрофанович, 1929 г.р., м. п. – д. Поча).

В 1940-х годах средства производства кенозерских и лекшмозерских колхозов практически не отличались от тех, которыми пользовались крестьяне в традиционном семейном производстве, большая часть колхозов работала только на живой «двигательной» силе (ил. 3). Самыми распространенными в колхозах орудиями труда и в 1940-х годах оставались конные плуги и конные сеялки, однако в связи с мобилизацией колхозных лошадей в соответствии с нарядами на поставку конского состава, обоза и упряжи для нужд армии основной производительной силой в Кенозерье в период Великой Отечественной войны становится крупный рогатый скот. «Пахали тогда на лошадях, тракторов тут не было, дак все на лошадях. А то и пахали, ездили на быках, да на коровах» (Поспелова Зинаида Александровна, 1934 г.р., м. р. – д. Кумбасозеро).

В 1940-х годах ситуация в СССР в целом и в Кенозерье в частности усугублялась обязательной выработкой определенного количества трудодней, установлением погектарных норм налогообложения, включая не только пахотные земли, но и лесные угодья и заболоченные участки. «На трудодень давали, а смотря по урожаю, как, часть урожая ведь надо было на хлебопоставки сдать. А раньше брали хлебопоставку с земли, а земли-то у председателя было набрано того больше, так у нас хлебопоставка в Зехновой очень больша была. А потом уж семена засыплют, что останется колхозникам-то там» (Капустина Александра Александровна, 1928 г.р., м.р. – д. Зехново). От информанта Михаила Васильевича Глушевского были получены следующие данные: «У кого не много взято лесу, то у тех уже налоги совсем меньше. Леса много набрано, значит плати больше, а платили мясом, молоком, зерном, картошкой. Надо отдавать, а отдавать нечего. В хозяйственной книге записано "колхозник". А раз ты колхозник, и хоть скота у тебя нету, ты плати 40 кг мяса и 30 яиц» (Глушевский Михаил Васильевич, 1928 г.р., м. р. – д. Глущёво). Особо тяжелая ситуация с уплатой налогов складывалась в больших многодетных семьях. Частыми в период Великой Отечественной войны были случаи описывания имущества и его изъятия в счет погашения налоговой задолженности. «Отец ушел на войну, дак нас у матери семеро осталось. А пришли к нам описывать, поглядели, а лавки деревянные кругом только, да стол деревянный. Поглядели, поглядели, да говорят: «Нечего описывать, один самовар». А ма-

тушка говорит: «Описывайте ребят, они все на печи сидят. Семеро – один одного меньше». А они поглядели, да так и оставили, ничего не забрали» (Головкова Зоя Ивановна, 1937 г.р., м. р. – д. Кумбасозеро). Подобные свидетельства, встречающиеся у всех информантов, подтверждают существование в СССР во время Великой Отечественной войны системы государственных повинностей, включавших отработочную, продуктовую и денежную формы.

Сведения об участии детей в общей колхозной работе подтверждают все информанты. «Вместе со стариками приходилось уже работать: боронить, сушить и сгребать сено, убирать овощи» (Белошеев Сергей Васильевич, 1930 г.р., м. п. – д. Морщихинская). У детей, принимавших участие в колхозной работе, было много различных обязанностей: «Все лето работали в колхозе: собирали колоски, вязали веники, сено сгребали, на стогах стояли, косили, жали, осенью молотили прилузами, лен рвали, стелили, горох убирали» (Виноградова Мария Александровна, 1927 г.р., м. п. – д. Анфаловская). Александра Александровна Капустина подтверждает: «Матери нас, конечно, прижимали, но председатель распоряжался. Мужиков-то нет в деревне, а работу делать надо, вот и работали там, куда председатель направит» (Капустина Александра Александровна, 1928 г.р., м. р. – д. Зехново).

Массовая мобилизация мужского трудоспособного населения, высокая степень налогообложения, обязательные военные государственные займы негативно сказались на обеспечении мирного населения продовольствием. Все информанты характеризуют военные годы как самые голодные в своей жизни. По свидетельству Михаила Васильевича Глушецкого, продовольственные нормы на один трудодень составляли: «400 грамм зерна. В лесопункте по 500 грамм, 600 грамм хлеба. В 45-м году, помню, придешь в столовую, суп, а в нем чего: крапива, да чайная ложка растительного масла. Да кашка. Вот какое питание. Что ел, что не ел. А надо работать на бревнах» (Глушецкий Михаил Васильевич, 1928 г.р., м. р. – д. Глушёво). «Ой, в войну худо жили люди-то. Солому ели, нарежешь, руками натолкеш и ешь. Скотину-то хоть и растили, а мясины себе нету, надо было сдать 40 кг, а нас семеро у маменьки было, а сама восьмая» (Гусева Татьяна Григорьевна, 1933 г.р., м. р. – д. Чёлма). «Жили-то, ни пить, ни есть. А 43-й-то год не урожайный, все дождем залило. Вот натерпелись. Откроет мать шкаф, а там ничего нет. Хорошо еще корову держали. Так это была хоть молочина. Пятеро ведь нас у матери было, а один братик все-таки помер» (Лукина Анна Михайловна, 1933 г.р., м. п. – д. Горы). Александра Александровна Капустина подчеркивает значение озерной рыбы в период голодного военного времени: «Председатель-то в Зехновой строгий был, но он уж разрешал рыбу ловить для себя, потому что надо как-то жить-то, детей-то подымать надо. Детей у всех наоставалось по пятеро, да по семеро. Шесть женщин каждый день ездили на рыбалку, ловили рыбу на всех. А ведь не во всех колхозах так было, страда придет, так некогда о рыбе думать» (Капустина Александра Александровна, 1928 г.р., м. р. – д. Зехново).

В отдельных кенозерских деревнях были зафиксированы случаи смерти от голода среди мирного населения.

Самые тяжелые испытания выпали на долю эвакуированных в Кенозерье жителей Ленинграда, Карелии и других оккупированных врагом территорий (ил. 4). По свидетельству всех информантов, среди эвакуированных в Кенозерье жителей Карелии и Ленинграда была высока доля смертности от голода. «Эвакуированных с Петрозаводска, с той стороны, все по нашей деревне (д. Кумбасозеро Кумбасозерского сельского совета Приозёрного района. – А.А.) возили. У нас с голода много померло, все опухали. Поселят к нам, дак накормишь их. Жалко голодных, рыбы дашь. Детишко тоже плачет, молока дадут, покормят. А на утро опять на лошадей да в Кенозеро. На Кумбасозеро худо жили, дак их на Кенозеро отправляли – там лучше жили, в Кенозере» (Поспелова Зинаида Александровна, 1934 г.р., м. р. – д. Кумбасозеро). По воспоминаниям учительницы Орловской начальной школы Надежды Акакиевны Макаровой: «В декабре 1941 года начали через Орлово вывозить эвакуированных из Карелии. Все дома заполнялись людьми. Наша дорога военного назначения была. А на Карельский фронт через нашу деревню шли солдаты, много было сибиряков, партизаны шли из Каргополя в Карелию» (Макарова Надежда Акакиевна, 1921 г.р., м. п. – д. Орлово).

Случались бомбардировки кенозерских деревень. «Во время войны в первый год произошел такой случай: пролетал через нашу деревню вражеский самолет. Я как раз на ручье полоскала белье. Вдруг слышу такой шум, я обернулась, а самолет уж надо мной летит. Низко летел, такие большие кресты, видно было, как летчики сидели в кабине, смеялись. Дальше там, в стороне Каргополя кого-то обстреляли, убили, а на меня маленькую, видать, патрона пожалели» (Боголепова Анастасия Ивановна, 1929 г.р., м. п. – д. Морщихинская). Свидетельство жительницы д. Зехново Александры Александровны Капустиной: «В Спицыной во время войны самолет бросил зажигалки, сгорело три дома да часовня (часовня Святого великомученика Георгия Победоносца. – А.А.). Хлеба много повредило. А вот от Зехново отнесло. И вот потом говорили, что видели, летели зажигалки. На саму середину деревни было брошено, а в озеро отнесло и не загорелось. Иоанна Богослова у нас почитали, он и защитил деревню-то» (Капустина Александра Александровна, 1928 г.р., м. р. – д. Зехново).

В конце 1930 – 1940-х годов большая часть кенозерских часовен была приспособлена под зернохранилища. В годы Великой Отечественной войны двери часовни Введения Богородицы во Храм и Рождества Иоанна Предтечи д. Рыжково использовались для записей, связанных с учетом сельскохозяйственной продукции: «5/VII 41 рыбы/солить.../сушить...», «27/VII 44 овса 3 цт», «Тишинина Анна Николаевна 11/IX 42 года привозила рожь в сельпо», «Тишину должны 17 кг ржи 13/VII 43»³. Часовня апостола Иоанна Богослова д. Зехново в 1940-х годах использовалась в качестве склада удобрений. «В часовенку-то золу заставляли школьников носить, да куриный помет. А потом старухи восстали, да кое-как выг-

ребли все» (Капустина Александра Александровна, 1928 г.р., м. р. – д. Зехново). Некоторые часовни, впрочем, оставались действующими. Большая часть женщин, получивших в годы войны похоронки, совершали в часовнях молебны.

Оценивая количественный состав вернувшихся с войны кенозеров, все информанты подчеркивают большие людские потери, которые понесло Кенозерье в период Великой Отечественной войны. Из Лекшмозерского, Труфановского, Орловского, Долгозерского, Климовского, Ряпусовского и Почозерского сельских советов в 1941 – 1945 годах было призвано свыше 1300 человек, из которых погибло больше 1000. «Много мужиков в деревне (д. Кумбасозеро. – А.А.) забрали, да и много не вернулось. Кто без вести, а на кого похоронка пришла. Мало кто живы остались. А вернулись, дак ранены все: какой без глаза, какой без ноги» (Поспелова Зинаида Александровна, 1934 г.р., м. р. – д. Кумбасозеро) (ил. 5). Подтверждением являются и слова Александры Александровны Капустиной: «Мужиков тридцать из деревни забрали, восемь только и вернулось назад. Остатки все положили головы. Папа-то мой вернулся, но на фронте был тяжело ранен. Война-то 9 мая закончилась, а он после госпиталя только 7 августа пришел. Так недолго пожил, помер в 1947 году. А в Спицыной около тридцати мужиков забрано, да два мужика только вернулось по ранению» (Капустина Александра Александровна, 1928 г.р., м. р. – д. Зехново). «С войны из одиннадцати родственников вернулись только двое, да и то один сильно контужен, а второй – с ранением в ногу. Недолго и пожили-то» (Попова Лидия Ивановна, 1914 г.р., м. п. – д. Морщининская).

Как святыни хранятся в семьях участников Великой Отечественной войны письма с фронта, похоронки. Анна Михайловна Лукина вспоминает последнее письмо от отца, Еремеева Михаила Федоровича: «До свиданья, жена и детушки, может пишу последнее письмо. Все товарищи погибли на поле боя. Один я вернулся с пулеметом "Максимком"». И потом больше письма-то не было, а потом уж пришла похоронная, что папа был ранен и умер от раны» (Лукина Анна Михайловна, 1933 г.р., м. п. – д. Горы). Похожее по содержанию письмо, письмо-прощание, письмо-напутствие пришло жене и детям от Андрея Ивановича Макарова, призванного в армию из д. Труфаново: «Милая, если поразит меня вражеская пуля, мина или снаряд, то будь добрая, приласкай детушек ласковым словом».

Известие о Победе Советского Союза над фашистской Германией пришло в кенозерские и лекшмозерские деревни по-разному: «Мы были в лесу на заготовке дров. Прибегают девка одна, руками махат: "Ребята кинайте пилы, война прозвонилась, кинайте. Все подте домой. Там все флаги висят по деревне". Пошли все домой, пришли, тут уж все поют и пляшут. Бабы голосом ревят, у кого мужья-то сгнули. Бабам не до песен, как у баб пятеро за юбку дёржатся» (Капустина Александра Александровна, 1928 г.р., м. р. – д. Зехново). «О Победе узнали, дак мало веселились. У всех мужья погибли. Так тут и в Победу они веселились немного. Так что веселья-то не было большого» (Лукина Анна Михайловна, 1933 г.р., м. п. – д. Горы). Мария Ивановна Малютина 9 мая 1945 года вместе с матерью де-

лала забор, а «подъехал на лошади мужик, говорит: “Кончайте работать, война кончилась”. Пошли домой, посере́дке деревни столы поставили, кое чё собрали, супу наварили. Взяли чайник такой большой, да заварили чаю. Пили да плясали, а кто пляшет, а кто плачет, кто чё делат» (Малютина Мария Ивановна, 1932 г.р., м. р. – д. Тырышкино).

На вопрос «А какие песни пели в годы войны?» большая часть опрошенных информантов поясняет: «Мы ведь детьми были, так нам всё песни про войну подавай. Кака любовь, мы такого и не знали. А вот матери наши да девки, что постарше, всё частушки пели такие грустные. Плакать от них хотелось». Действительно, большая часть информантов, находившихся в годы войны в детском возрасте, упоминает песни военных лет: «Катюшу», «Про медсестру Анюту», «Служили погеройски, по-русски два друга в пехоте морской», а частушки, сложенные местными женщинами во время войны, в настоящее время оказались утрачены людской памятью. Однако участниками комплексной фольклорной экспедиции Архангельского государственного педагогического института имени М.В. Ломоносова в 1982 году на территории Кенозерья были зафиксированы уникальные примеры устного народного творчества. Совершенно особое место (не только среди частушек, но и среди всего собранного фольклорного материала) занимают частушки о Великой Отечественной войне. Они были записаны у тех, чья молодость пришла на годы войны, это военные невесты, солдатки, вдовы. Война обездолила очень многих из них.

Ты война, война, война,

Что же ты наделала?

Ты подругу и меня

Сиротою сделала.

Мово милого убили,

Да и мне бы умереть.

Ни который ни которого

Не стали бы жалеть

(Тряпицына Мария Михайловна, д. Семёново).

Зачастую военные частушки сочинялись циклами, связывались единым сквозным образом или одинаковой начальной строкой.

Окаянная Германия

Не хочет мира дать.

Скоро девушек молоденьких

Погонят воевать.

Окаянная Германия

Когда даешь конец?

18 лет залёточке,

Какой же он боец?⁴

Несмотря на все трудности военного времени, в крупных кенозерских и лекш-

мозерских деревнях работали школы, однако большая часть детей школьного возраста школу не посещала. «Кака тут учеба?! Мы вот только 4 класса кончили, надо было в 5 класс идти, а война-то началася. Куды? У матери пятеро осталось, отца забрали, дак кака учеба. Вот мы все и остались не ученыма» (Капустина Александра Александровна, 1928 г.р., м. р. – д. Зехново). «Мы в школе на церковных книжках писали. Ребята залезут в церкву (Церковь Успения Пресвятой Богородицы, д. Вершинино. – А.А.), да книжек накрадут, а нам дают, таким девкам, которы бедные. Я всего три класса кончила во время войны» (Лукина Анна Михайловна, 1933 г.р., м. п. – д. Горы). По воспоминаниям учительницы Орловской начальной школы Надежды Акакиевны Макаровой, «с учениками школы собрали посылки на фронт, собирали деньги на строительство танка» (Макарова Надежда Акакиевна, 1921 г.р., м. п. – д. Орлово) (ил. 6).

Все информанты подчеркивают высокий уровень состояния духа, необыкновенный душевный подъем всех земляков. «Ой, сколько поработано-то в войну! Тяжело, но такой порыв был! Вот что значит во время войны, все для победы. Всем это было надо, всем, кто и уставал, да ничего, все для победы. И никто не заставлял нас» (Баев Яков Митрофанович, 1929 г.р., м. п. – д. Поча).

В результате исследований, проведенных на территории Кенозерского национального парка по теме «Кенозерье в годы Великой Отечественной войны», был собран богатый информационный, документальный, фотографический материал, который получит отражение в выставках, посвященных боевому и трудовому подвигу кенозеров в то суровое время.

Примечания

¹Здесь и далее воспоминания жителей Кенозерья приводятся по записям, сделанным в рамках реализации программы паспортизации деревень и хранящимся в электронном научном архиве ФГУ НП «Кенозерский» (в скобках указано место рождения (м. р.) или место проживания (м. п.) информанта).

²Макаров Н.А. «...Война народная, священная война...». Земля Плесецкая Архангельской области в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945). Архангельск, 2010. С. 29.

³Небеса и окрестности Кенозерья. Расписные потолки, иконы, деревенские часовни и церкви, составляющие историко-культурный ландшафт Национального парка «Кенозерский». М., 2009. С. 378.

⁴Фёдорова Л.В. Современное состояние фольклора в районе Кенозерья: отчет комплексной фольклорной экспедиции Архангельского государственного педагогического института им. М.В. Ломоносова, 1982 г. // Научный архив ФГУ НП «Кенозерский».

ИКОНЫ И ИКОНОСТАСЫ ХРАМОВ ПАХОМИЕВА КЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Пахомиев Кенский монастырь, являвшийся духовным центром Кенозерья на протяжении XVI – XVIII веков, в настоящее время привлекает к себе все большее внимание ученых¹. При этом в руках исследователей в основном только материалы исторических источников, опубликованных в конце XIX – начале XX века, так как большинство источников, как и монастырский архитектурный ансамбль, не дошли до наших дней. Тем большее значение приобретают сохранившиеся памятники иконописи, связанные с Пахомиевым монастырем.

В 1968 году во время поездки на Кенозеро мною была обнаружена в одном из заброшенных амбаров села Коровино, стоящего в 4 км от Кенозера на левом берегу реки Кены, икона «Спаса в силах», а на поветях в домах деревни Коровий Двор на другом берегу Кены были найдены еще 11 икон с изображением Богоматери, апостолов, пророков и праздников, явно принадлежащих одному церковному комплексу. По свидетельству местных жителей эти иконы были взяты ими из местной приходской церкви после ее закрытия в 1950-е годы, закончившегося полным разрушением церковного здания. При явно поздней живописи икон, относящейся к XIX веку, их доски свидетельствовали о большой древности. Все найденные иконы были вывезены мною в Москву, в Музей имени Андрея Рублева.

Разрушенная церковь была возведена в XIX веке на месте Спасо-Преображенского Пахомиева Кенского монастыря, основанного в конце XV века или начале XVI века на левом берегу реки Кены, в 4 км от Кенозера². В 1764 году решением Синода монастырь упраздняют и в следующем 1765 году монастырская соборная церковь становится приходской. В 1800 году, как считалось, монастырский комплекс полностью выгорел, и в 1804 году начинается строительство каменной церкви, освященной в честь Преображения Господня в 1842 году. В 1867 году на деньги каргопольской купчихи Насоновой в церкви был устроен придел, посвященный Антонию Сийскому и Пахомию Кенскому, на ее же вклад был перестроен иконостас в основном храме³. Иконы именно этого иконостаса были унесены по домам из разрушенной в 1950-е годы церкви.

Изучение найденных в Коровино и деревне на противоположном берегу Кены икон подтверждает их соответствие сведениям об иконостасе местной приходской церкви. Исполненная темперой живопись икон грамотно подражает академической; ее можно датировать третьей четвертью XIX века и 1867 годом, известное время переделки иконостаса, вполне отвечают ее стилю.

При этом все материальные признаки этих произведений соответствуют сред-

невековой технологии изготовления икон. Эти признаки также свидетельствуют о принадлежности обнаруженных памятников иконописи одному древнему иконостасу. Основы икон однотипны: доски изготовлены из сосны и ели, ковчег их мелкие, ширина полей одинакова, сходны по форме и первоначальные узкие врезные шпонки на оборотах. На лицевой части икон наклеена одинаковая паволока: рельефная, плотная, типа мешковины.

Обороты всех иконных досок несут следы серьезного пожара. Пострадала вся тыльная сторона, после чего обгорелая поверхность была счищена скребком, однако остались видны как темные пятна, так и обуглившиеся места на торцах и в пазах шпонок. Кроме того, иконные доски по торцам в основном опилены, в некоторые врезаны новые широкие шпонки. Состояние деревянных иконных щитов свидетельствует, что, во-первых, они побывали в пожаре, а во-вторых, подверглись переделке.

В реставрационной мастерской Музея имени Андрея Рублева на предварительно укрепленной лицевой стороне икон были расчищены небольшие участки, которые показали наличие под живописью XIX века двух более древних живописных слоев. Промежуточную запись, т.е. лежащую непосредственно под живописным слоем XIX века, предположительно можно отнести к концу XVI–XVIII веков, она точно повторяет первоначальное изображение, в то время как поновители XIX века в основном писали поверх потемневшей олифы иные сюжеты. В настоящее время все сюжеты первоначальной живописи в общих чертах идентифицированы.

Сохранившиеся иконы принадлежали четырем чинам древнего иконостаса, при этом каждая фигура святого из Деисуса имела над собой, на той же доске, изображение праздника.

1. «Спас в силах. Преполовление. Беседа Христа с самаритянкой», средник деисусного чина (размер 120,5 x 71 см, МиАР КП 942). Поле снизу опилено наполовину, также справа (первоначальный размер приблизительно 125 x 73 см). Запись 1867 года довольно точно повторяет авторский рисунок. Раскрыты небольшие фрагменты первоначальной живописи: на изображении небесных сил в композиции «Спас в силах» и на храме в «Преполовлении» (ил. 1).

2. «Архангел Михаил», икона из деисусного чина – на записи 1867 года изображение Богоматери (размер 95 x 35,5 см, МиАР КП 639). Верх иконы опилен, как и левое поле, первоначальный размер по ширине около 40 см (ил. 2). В настоящее время раскрыта большая часть живописи XVI века (реставратор М.В. Козлов) (ил. 3).

3. «Апостол Петр», икона из деисусного чина – на записи 1867 года изображение апостола Филиппа и часть фигуры неизвестного апостола (размер 94x41 см, МиАР КП 641). Поле иконы слева незначительно опилено. Реставрационные пробы небольшие, однако видно охристое одеяние святого, соответствующее цвету гиматия апостола Петра. На обороте иконы имеются три насечки, свидетельству-

ющие о том, что икона стояла третьей слева в деисусном ряду – обычное место иконы апостола Петра в 11-фигурном деисусном чине (ил. 6).

4. «Неизвестный святитель. Рождество Христово», икона из деисусного чина – на записи 1867 год. «Пророк Исая» (размер 125 x 50,5 см, МиАР КП 640). Раскрыты фрагменты первоначальной живописи: на празднике – фигуры двух пастухов и ангела над ними (ил. 4а, б); на изображении святителя – часть крестчатой белой фелони, а также фрагмент промежуточной записи конца XVII – XVIII веков на омофоре.

5. «Неизвестный святитель», икона из деисусного чина – на записи 1867 год. «Апостол Павел» (размер 95 x 29,5 см, МиАР КП 641). Верх иконы опилен, справа часть доски утрачена. Открыты фрагменты первоначальной живописи: верхняя часть головы, у плеча справа край белой фелони с крестами, составленными из небольших черных квадратов.

6. «Пророк» (размер 52,5 x 40,5 см, МиАР КП 638). Полуфигурное изображение из пророческого чина. Открыты фрагменты первоначальной живописи: правая рука, часть одежд.

7. «Пророк» (размер 52 x 37,5 см, МиАР КП 637). Полуфигурное изображение из пророческого чина. Доска опилена слева. Открыты небольшие фрагменты первоначальной живописи по контуру фигуры, которая развернута в другую сторону относительно изображению на записи.

8. «Пророк». Полуфигурное изображение из пророческого чина. Запись 1867 года (размер 52,5 x 44,5 см, МиАР КП 636).

9. «Пророк». Полуфигурное изображение из пророческого чина. Запись 1867 года (размер 52 x 34 см. КП 633). Боковые поля опилены.

10. «Пророк». Полуфигурное изображение из пророческого чина. На записи 1867 год. «Пророк Моисей» (размер 52,3 x 29 см, МиАР КП 631). Боковые поля опилены. Частично раскрыт лик святого, более крупный по размеру, чем на записи.

11. «Пророк Аарон» – на записи 1867 год. «Пророк Илия» (размер 52,5 x 40,5 см, МиАР КП 635). Левое поле иконы опилено. Раскрыты фрагменты первоначальной живописи: на свитке (слово «Жезль») и по контуру фигуры, более крупной, чем в поновительской живописи.

12. «Распятие», икона местного ряда – на записи 1867 год. «Преображение» (размер 53,55 x 43,5 см, МиАР КП 634). Левое поле частично опилено. Раскрыты фрагменты первоначальной живописи: часть розовой стены Иерусалима слева и рука Богоматери (ил. 5). Икона является самостоятельным произведением, а не спилком двухрядной иконы деисусного чина: верхнее и нижнее ее поля сохранны, не опилены, одинаковы по размерам. К тому же «Распятие» по высоте примерно на 15 см больше праздничных композиций на иконах деисусного чина (высота той части икон Деисуса, которая отведена праздникам, меньше 40 см).

Фрагментарно раскрытая живопись икон позволяет реконструировать общую схему иконостаса, которому они принадлежали. Это был иконостас традиционно-

го типа, каким он сложился в русском искусстве в конце XIV – начале XV века. Деисусный чин включал многие чины святости, праздники располагались над деисусным чином, изображения пророков даны полуфигурными. В этот деисусный чин входили четыре иконы святителей: обе сохранившиеся принадлежали северной части чина, и, вероятней всего, им соответствовали еще два святительских изображения в его южной части. Можно с уверенностью сказать, что в деисусном чине присутствовали иконы апостолов Петра и Павла, которые обычно предшествуют святительским⁴, к тому же одна из этих парных икон сохранилась. Следовательно, деисусный чин включал, вместе со «Спасом в силах», не менее 11 икон, при этом праздничный ряд состоял не менее чем из 12 композиций (10 – над моленными фигурами и две над «Спасом в силах»). Вероятнее всего, это были «Благовещение», «Рождество Христово», «Сретение», «Богоявление», «Преображение», «Преполовление», «Беседа Христа с самаритянкой», «Вход в Иерусалим», «Воскресение», «Вознесение», «Сошествие Святого Духа», «Успение». Икона «Распятия» могла отсутствовать, так как данный образ находился в местном ряду.

Все сюжеты праздничного ряда были расположены в основном по хронологии земной жизни Христа, при этом можно отметить чрезвычайную редкость присутствие в чине сюжета «Беседа Христа с самаритянкой».

Пророческий чин, по всей вероятности, состоял из 10 икон пророков (ширина сохранившихся икон практически равна ширине икон Деисуса: около 40 см). Средник этого чина был равен по ширине иконе «Спас в силах», т.е. имел горизонтальный формат – его размер примерно 52 x 73 см. Наиболее вероятно, что было изображение Богоматери Знамение, традиционной иконографии средника пророческого чина, которое могло быть вписано в два наложенных друг на друга цветных ромба (знак вечности). По сторонам этой символической композиции могли располагаться крупные изображения серафимов, размах крыльев которых был равным поясному изображению Богоматери⁵. Подобную вытянутую по горизонтали композицию имеет средник пророческого ряда иконостаса собора Соновецкого Глушицкого монастыря (конец XV века, Вологодский краеведческий музей)⁶. Местный ряд выявленного иконостаса включал икону «Распятие», ширина которой также близка ширине деисусных икон.

Возможно, подобная организация иконостаса, при которой средники деисусного и пророческого рядов равны по ширине, как и, в свою очередь, чиновые иконы этих чинов и образа в местном ряду, была распространена в северных храмах, так как такая схема давала простое мерное построение целого⁷. Это не исключает возможности помещать в иконостасе отдельные иконы местного ряда, равные по ширине двум (или полутора) иконам деисусного чина.

Попытаемся установить связь выявленного древнего иконостаса с церквями Пахомиева Кенского монастыря. Эту возможность предоставляют нам описи Пахомиевой пустыни. Их сохранилось несколько: 1676, 1755, 1765, 1766 годов. Опись 1755 года самая полная⁸ и во многом совпадает с описью 1676 года. Иконо-

стас Преображенского монастырского храма указан в описи 1755 года «в трех таблах (т.е. трехрядный. – Л.Е.) образ Спасителей, в Деисусе, на престоле сидящий со многими святыми; двенадцатые праздники и пророки, писаны красками...»⁹. В местном ряду названы «подле Царских врат образ распятие Христово, писан краски» и «настоящий образ Преображения Господня». По всей видимости, они стояли в южной части ряда, где полагалось быть храмовой иконе, то есть образу праздника или святого, которому посвящен храм. Слева от Царских врат указаны «... образ Богородицы Тихвинския с предвечным младенцем... Пономарские двери: на них образ Даниила пророка, писан краски»¹⁰. Также в церкви отмечены иконы Николая Чудотворца, Ильи Пророка и Антония Сийского, место их нахождения в храме не совсем ясно (возможно, что в местном ряду или на клиросах). Состав икон отмеченного в описи иконостаса в целом типичен для XVI – первой половины XVII века, однако включение в этот ряд «Распятия» является большей редкостью.

Особенности состава иконного комплекса, обнаруженного в Коровине и деревне на противоположном берегу Кены, совпадают с описанием иконостаса главной церкви Преображения Кенского монастыря: он трехрядный, в его деисусном чине – святые разных ликов, в местном ряду икона «Распятие». Эти совпадения, как и отмеченные выше нарушения состояния сохранности найденных икон (следы пожара и переделки иконных досок), а также само место находки позволяют утверждать, что нами обнаружены части древнего иконостаса Преображенской церкви Пахомиева Кенского монастыря. На основе данных описи 1755 года, а также сюжетов и размеров сохранившихся икон возможно составление графической схемы иконостаса Преображенской церкви (см. Приложение).

Относительно сведений о полном уничтожении огнем строений Пахомиевой пустыни в 1800 году можно заметить, что документальные свидетельства о послепожарном состоянии монастырских построек отсутствуют. К тому же, до освящения в 1807–1810 годах одного из приделов новой каменной церкви и освящения основного алтаря в 1842 году приходское богослужение где-то совершалось, так как приход все это время имел священника. Это обстоятельство вызывает некоторое недоумение историка монастыря Докучаева-Баскова¹¹. Показательно и сообщение о том, что в 1867 году иконостас каменного храма «переделывали» – следовательно, он был более ранним. При этом сомнительно, что была необходимость менять иконостас, изготовленный к моменту освящения храма в 1841–1842 годы, т.е. 25 лет тому назад.

Иконография икон обретенного иконостаса, насколько ее можно определить на сегодняшний день, принадлежит традиции московской и, шире, среднерусской живописи. Во-первых, это изображение «Спаса в силах», не характерное для Новгорода или Пскова. Во-вторых, белые крестчатые одеяния святителей, которые утвердились в деисусных чинах московских и среднерусских иконостасов с конца XV века. Что касается праздников, то присутствующая среди них композиция

«Беседа Христа с самаритянкой» известна в близком изводе по строгановским аналойным иконам. Сам сюжет крайне редок в праздничных чинах иконостасов.

Стиль живописи икон в раскрытых фрагментах позволяет сделать достаточно определенные выводы о мастерах иконостаса и времени его исполнения. Наиболее доказательны эти выводы на примере икон «Архангел Михаил» и «Рождество Христово».

В настоящее время раскрыты верхняя часть фигуры архангела, части плаща в нижней части, очерк его головы и нимба. Небесный вестник изображен с опущенной правой рукой, поддерживающей мерило, и присогнутой у пояса левой, в которой – зеркало. Фигура архангела узкая, вытянутая, очерк головы касается верхней лужги, а нимб выходит на верхнее поле. У него зеленый хитон травянистого оттенка, красный гиматий, написанный киноварью теплого рыжеватого оттенка. Крылья архангела серо-сизые, с обильной темной и светлой разделкой этого тона. Линии, обрисовывающие складки одеяния, лаконичны, очерк волос каллиграфичен. Все эти признаки – вытянутость пропорций, преимущественная роль линии в обозначении форм, а также теплый тон киновари и сизоватая вибрирующая живопись крыльев – характерны для ростовской живописи. Теплый тон киновари и сизые крылья близкой манеры письма можно указать в таких ростовских изображениях архангелов из деисусного чина, как иконы последней четверти XV века из церкви села Чернокулово (Музей имени Андрея Рублева)¹², конца XV – начала XVI века из Никольской церкви Астафьевского погоста на Каргопольщине (Архангельский музей изобразительного искусства)¹³, первой трети XVI века в собрании Частного музея «Русская икона»¹⁴. На всех названных иконах архангелы изображены с опущенной левой (архангел Гавриил) или правой рукой (архангел Михаил), поддерживающей мерило, и приподнятой у пояса другой рукой, в которой сфера – как и на раскрываемом памятнике. При этом наиболее близким по иконографии ему оказывается образ из Астафьевского погоста.

Вытянутость фигуры, выразительная графика в очерке головы могут быть отмечены и на иконах святителей выявленного иконостаса. Бесспорно, в его исполнении участвовал ростовский мастер. Приемы его письма характерны для XVI века.

Атрибуция иконостаса может быть уточнена по фрагментам «Рождества Христа»: раскрыты фигуры стоящих на горках пастухов, старца и юноши, благовествующего ангела над ними. Лики с крупными чертами и широко раскрытыми глазами написаны охрами, в санкире они очень темные. Черты ликов четко оконтурены широкой линией с притенением, редкие белильные движки длинные и тонкие. Все живописные приемы создают конструктивные объемы ликов. Эта живопись, бесспорно, принадлежит еще XVI столетию, но уже его последней его фазе, о чем свидетельствует и охристый, чуть зеленоватый фон икон, и написание горок с мелкими лещадками, откосы которых обозначены ударами кисти, почти точками. Подобные фоны и приемы написания горок характерны для живописи последней четверти XVI – начала XVII века.

Сходные по типологии и приемам письма лики мы находим на иконах мастеров, работавших в провинциальной мастерской Строгановых в Сольвычегодске. Сюда приходит изошренный стиль московской живописи последней четверти XVI века, который здесь опрощается и огрубляется, но сохраняет при этом многие свои приметы. В качестве аналогии живописи «Рождества» нашего комплекса можем назвать икону сольвычегодской строгановской мастерской «Великомученик Никита с клеймами жития» конца XVI века из Благовещенского собора Сольвычегодска¹⁵. Сходны как написание ликов и охристых глинистых горok с мелкими лещадками, так и цвет фона, охристого с зеленым холодным оттенком. Близкое написание лика наблюдается и в иконе «Богоматерь Одигитрия» конца XVI века со створками XVII века в Архангельском музее изобразительных искусств, исполнение которой связывают со Строгановскими мастерами¹⁶. Подобные темновидные лики с их четкой конструктивной формой стали характерны для живописи Севера конца XVI века, в том числе для памятников иконописи, происходящих из Каргополя¹⁷. С живописью иконы великомученика Никиты из Сольвычегодска, где все постройки изображены вытянутыми и многие имеют сложные многоглавые завершения, сопоставимо также изображение архитектуры в «Преполовлении» нашего комплекса: трехглавый храм с повышенной центральной частью и щипцовыми завершениями барабанов.

Близкую форму храма можно наблюдать и на житийной иконе святого Стефана (клеймо «Погребение святого»), написанной около 1658 года для стефановского придела Христорождественской церкви Сольвычегодска¹⁸. Для нашей темы важно, что в живописи иконы святого Стефана, написанной в стиле провинциальных строгановских мастерских, установлено присутствие ростовской традиции¹⁹ – и это значит, что мастер иконы был, скорее всего, выходцем из Ростова. Таким образом, ростовские художники в середине XVII века, а, скорее всего и раньше, работали в сольвычегодских «иконных горницах» Строгановых, приобретая там новые навыки²⁰.

Иконостас Преображенской церкви Пахомиева монастыря, по моему мнению, также был написан мастерами, связанными с провинциальной мастерской Строгановых. Среди мастеров был выходец из Ростова. Время исполнения иконостаса до его полного раскрытия можно предположительно определить как последняя четверть – конец XVI века.

Всего вероятней, что и сама Преображенская церковь была заново возведена в это время на месте более древней, возможно, поставленной еще основателем монастыря Пахомием. Согласно описи 1755 года, церковь «Преображения Господня, ветхая, пятиглавая, в пределе преподобного Антония Сийского»²¹, т.е. она имела форму пятиглавого храма, весьма популярную как во второй половине XVI века, так и в последние годы столетия. История не сохранила нам пятиглавого деревянного храма XVI века, но согласно мнению специалиста по древнерусскому деревянному зодчеству И.Н. Шургина, такой тип храма мог уже существовать

во второй половине века среди деревянных культовых построек Севера²². К тому же подчеркнем, что в описи 1755 года церковь Пахомиевой обители отмечена как «ветхая».

Нашей гипотезе о построении Преображенского храма в последней четверти – конце XVI века на первый взгляд противоречат другие данные описи, которая указывает на престоле храма «антиминс печатной, при благоверных государех царех, и великих князех Иоанне Алексеевиче, Петре Алексеевиче»²³ (1682 – 1698 годы). Текст антиминса на престоле придела Антония Сийского, входившего в основной объем Преображенской церкви, сообщает о его освящении между 1664 и 1672 годами, при царе Алексее Михайловиче и новгородском архиепископе Питириме²⁴. Однако оба эти освящения, видимо, связаны с какими-то ремонтными работами, проходившими в церкви и ее приделе, что требовало в дальнейшем переосвящения престолов. Отнести построение Преображенской церкви ко второй половине – концу XVII века почти невозможно, так как иконостасы в основном храме и в его приделе (в местном ряду по сторонам Царских дверей – иконы Одигитрии и Антония Сийского, в небольшом Деисусе – «образ Спасителей и Богородицы и Предтечи со архангелами»²⁵) поставлены явно до середины этого столетия: состав обоих не несет признаков никоновской реформы, как иконостасы других храмов монастыря (см. ниже). При этом необходимо учитывать, что во второй половине – конце XVII века не принято было ставить во вновь возведенные храмы старые иконостасы, из более ранних храмов – наоборот, активно шел процесс замены в церквях иконостасов, поставленных до середины XVII века, на новые, организованные согласно нововведениям патриарха Никона²⁶. Этот процесс объясняется господствующим в это время мнением о необходимости обновления иконографии и художественного языка русского церковного искусства. Вероятней всего иконостасы Преображенского храма и его придела одновременны самим церковным строениям.

Постройка нового главного храма обители и исполнение для него иконостаса в последней четверти – конце XVI века совпадает с экономическим подъемом в жизни Пахомиевой пустыни, который начинается во второй половине этого столетия, видимо в связи с новым положением центра этих северных земель, Каргополя, в царствование Ивана Грозного и расцветом всех сторон его жизни. В 1555 или 1565 годах у царя Ивана Васильевича была испрошена и монастырем жалованная грамота «на белые три общие земли под монастырем и в Кенской волости». Еще большего благосостояния монастырь достигает в последние два десятилетия XVI века при игумене Дионисии (1581 – 1582 годы) и позднее, когда в 1584 году Кенскому монастырю была дана владетельная грамота царем Феодором Иоанновичем²⁷.

Известно, что около 1569 года в монастыре была выстроена вторая церковь, Никольская²⁸. Она охарактеризована в описи 1755 года: «...об одной главе, теплая, с трапезою и келарскою в одной связи, а над келарскою наверху колокольня»²⁹. По

всей видимости, это была церковь клеткового типа с одной главкой, прирубленной большой трапезой (служившей монастырю, по всей видимости, трапезной палатой) и колокольней над ней. Этот тип храма наиболее распространен в северном деревянном зодчестве XIV – XVII веков. Можно видеть достаточное количество примеров подобных клетских церквей и часовен на островах Онежского озера и его восточном побережье, географически близких Кенозеру³⁰.

Иконостас Никольской церкви Пахомиевой обители включал, согласно описи, апостольский деисусный чин («В тябле Деисус Спасителя, и Богоматери, и Предтечи со Апостолы, на 10-ти дсках»³¹), который явно был поставлен гораздо позже времени строительства церкви, а именно во второй половине XVII века³², так как апостольский Деисус был введен во всеобщую русскую церковную практику патриархом Никоном.

Апостольский Деисус присутствовал и в иконостасе Рождественской церкви Кенского монастыря. Названная в описи 1755 года второй после Преображенской, видимо, по причине своей величины, церковь «Рождества Пресвятыя Богородицы, о трех главах, с трапезою»³³ впервые упомянута в документах 1676 года³⁴. Ее антиминс, «на холсте, печатный, при благоверном государе царе и великом князе Алексее Михайловиче и преосвященном Питириме митрополите новгородском»³⁵, свидетельствует об освящении храма между 1664 и 1672 годами. Здесь мы можем с большой долей вероятности утверждать, что это было первое освящение церкви после ее постройки, которая падает на те же годы. Трехглавые церкви пользуются популярностью в XVII веке, как на близкую по времени строительства можно указать на Георгиевскую церковь в Пермогорье в верховьях Северной Двины (1665 год).

Иконостас Рождественской церкви также свидетельствует о создании всего комплекса храма во второй половине XVII века: «... в тяблах двенадцатых праздников 11, осьмугольных. В другом тябле образ Спасителей, на престоле сидящий; по обе стороны образы Богоматери и Иоанна Предтечи, с прочими Апостолы, в восьми лицах, писаны красками... На правой стороне [от Царских врат] образ Спасителей поясной... По другую сторону царских дверей образ Пресв. Богородицы Одигитрии»³⁶. Иконостас представляет в полном виде программу предалтарного иконного ансамбля, оформившегося при патриархе Никоне: в его деисусный чин входит 8 икон апостолов (изображения святителей и мучеников отсутствуют), 11 восьмиугольных икон праздничного ряда размещены под Деисусом (в описи они названы первыми, как расположенные ниже описанного далее Деисуса), по сторонам Царских врат стоят иконы Богоматери с Младенцем и Спаса.

Впервые деисусный апостольский чин появился в московских храмах в 1649 году – в соборе Новоспасского монастыря, где был установлен над праздниками³⁷. В 1653 году подобный Деисус был поставлен в Успенском соборе Московского Кремля, здесь он был размещен традиционно под праздничным рядом³⁸ (однако постановка праздничного чина под Деисусом зафиксирована в несколь-

ких церковных иконостасах 1650–1660-х годов). Оба названных иконостаса связаны с деятельностью Никона, сначала настоятеля Новоспасского монастыря, а затем и патриарха, который стремился и богослужебные книги, и церковный обряд, и церковный обиход исправить по греческому образцу. Именно в греческих храмах в XVII веке почти повсеместно было принято на темплонах располагать апостольский Деисус. Ставить симметрично Царским вратам образы Богоматери и Спаса по греческому образцу посоветовал Никону в 1655 году антиохийский патриарх Макарий в бытность свою в Москве, после чего такая расстановка икон в местном ряду была осуществлена в Успенском соборе Московского Кремля³⁹. Она стала обязательной для московских храмов и вскоре распространилась по всей России.

Характерен для второй половины XVII века праздничный ряд иконостаса Рождественской церкви, состоявший из 11 икон восьмиугольной формы. В это время праздничный ряд в иконостасе чаще всего имел четное число икон, их количество было равно числу деисусных икон плюс еще две иконы над (или под) средником Деисуса. Но в том случае, если праздники размещались под Деисусом, число икон в праздничном ряду могло быть нечетным, и в центре ряда над царскими вратами ставилась «Тайная Вечеря», прообраз Евхаристии. Источником подобных композиций являются греческие темплоны⁴⁰. В русской практике икона «Тайная Вечеря» имела, как и греческие иконы на этот сюжет, горизонтальный формат и в большинстве случаев устанавливалась в резном обрамлении, образуя вместе с Царскими вратами, также украшенными резьбой, единый комплекс. Подобным образом был организован своеобразный ансамбль Царских врат в иконостасе Преображенского собора Новоспасского монастыря, где в 1665 году, согласно вкладной монастырской книге, были устроены резные Царские врата с такой же сенью над ними⁴¹. Опись 1755 года Кенского монастыря описывает Царские врата в иконостасе Рождественской церкви с резными украшениями: «з дрожниками флямоватыми»⁴², что делает вероятным и помещение над ними «Тайной Вечери» в резном обрамлении.

На время написания иконостаса Рождественской церкви Кенского монастыря около 1676 года указывает и охарактеризованная в описи, видимо как редкая, живопись двух икон местного ряда: «... образ Рождества Богородицы, писан пробельным золотом твореным», и «живоначальные Троицы, пробел золотой»⁴³. Техника золотопробельного письма широко распространилась с середины XVII века, источник ее московский.

В местном ряду иконостаса Рождественской церкви также присутствовали, согласно описи 1755 года, «Богоматерь Знамение», образ Пахомия Чудотворца, совместное изображение Александра Свирского и Антония Сийского, трех московских святителей. И если иконография трех московских святителей, без сомнения, связана с Москвой, где в 1598 году была установлена одновременная память московским митрополитам Петру, Алексею и Ионе, то образ «Богоматери Знамение»

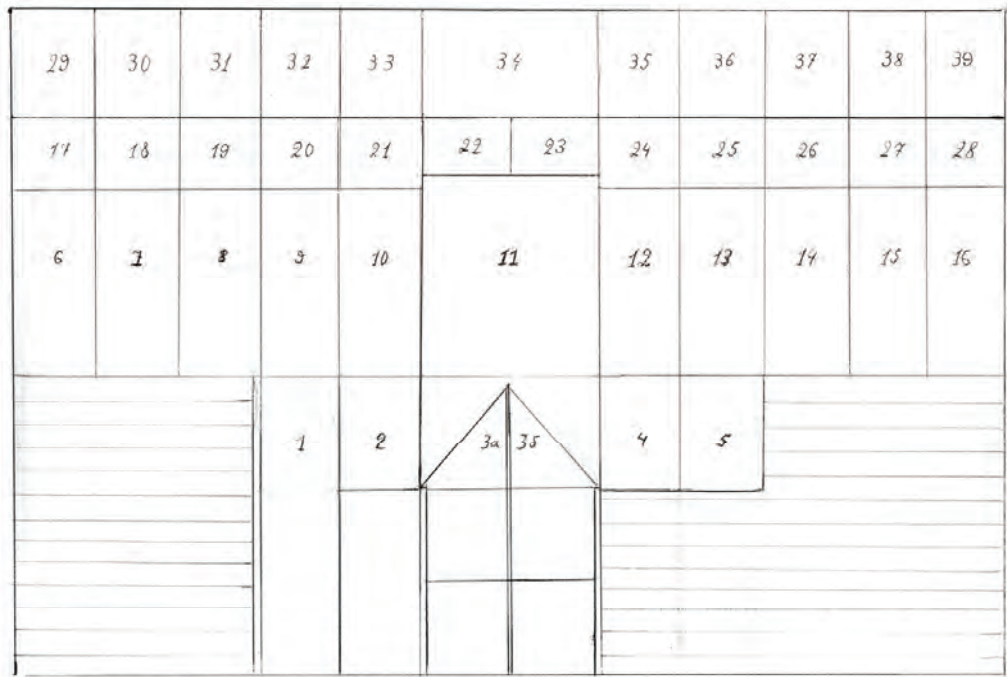
свидетельствует о связях монастыря с Новгородом.

Время создания Рождественской церкви совпадает со вторым периодом хозяйственного благополучия монастыря, который относится к 1670 – 1690-м годам, при настоятелях Каллинике, Никифоре и Филарете (последний управлял монастырем 16 лет). Филарет неоднократно обращался с прошениями о даровании новых земель и ряда привилегий (на беспошлинную торговлю хлебом, на освобождение от воинской повинности крестьян из его деревень) к царю Феодору Алексеевичу (1681 год), соправителям Иоанну и Петру (1684, 1697), а позже к царю Петру – и всегда получал положительные ответы. Число братии в это время доходило до 30⁴⁴.

Как видим, во второй период хозяйственного благополучия монастыря, падающий на последнюю четверть XVII века, в монастыре строят новый храм и переустраивают иконостас одного из ранее существовавших. Причем можно отметить в это время, как и в последней четверти XVI века, прямые контакты монастыря с Москвой, о чем свидетельствуют подачи прошений царям и получение грамот из столицы. Эти контакты отразились на устройстве иконостасов в храмах Пахомиева Кенского монастыря по новейшим образцам. Вместе с тем иконография отдельных икон местных рядов иконостасов в храмах обители говорит о связях монастыря с новгородской епархией, к которой они относились за все время своего существования.

Исследование икон и комплексов иконостасов, когда-то находившихся в церквях Пахомиевой обители, отдельные из которых реально сохранились, а другие указаны в монастырской описи 1755 года, показывает нам, что, несмотря на удаленность обители от центров церковной и художественной жизни, здесь в XVI – XVII веках имели достаточно полное представление об иконографических и художественных новшествах столичного искусства. Сюда также приглашались для написания икон в местные храмы художники из крупных художественных центров, таких как поднявшийся в конце XVI века Сольвычегодск и древний Ростов.

**Схема иконостаса XVI века Преображенской церкви
Пахомиева Кенского монастыря (реконструкция)**

Местный ряд: 1. «Даниил пророк» (пономарская дверь). 2. «Богоматерь Тихвинская». 3 а, б. Царские врата («Благовещение» и «Евангелисты»). 4. «Распятие». 5. «Преображение».

Деисусный ряд: 6. «Святитель». 7. «Святитель». 8. «Апостол Петр». 9. «Архангел Михаил». 10. «Богоматерь». 11. «Спас в силах». 12. «Иоанн Предтеча». 13. «Архангел Гавриил». 14. «Апостол Павел». 15. «Святитель». 16. «Святитель».

Праздничный ряд: 17. «Благовещение». 18. «Рождество Христово». 19. «Сретение». 20. «Богоявление». 21. «Преображение». 22. «Преполовение». 23. «Беседа Христа с самаритянкой». 24. «Вход во Иерусалим». 25. «Воскресение – Сошествие во ад». 26. «Вознесение».

27. «Сошествие Св. Духа». 28. «Успение».

Пророческий ряд: 29-33, 35-39 – иконы пророков. 34 – «Богоматерь Знамение».

Примечания

¹Критский Ю.М. Кенозерье: история и культура. Архангельск, 2005. С. 31-32; Макаров Н.А. Церковные приходы и монастыри Кенозерья и Среднего Поонежья. Архангельск, 2007. С. 74-86; Мелюткина М.Н. Монастырский ландшафт Кенозерья: сакрально-предметные комплексы церковных интерьеров (по письменным, литературным и изобразительным материалам // Культурное и природное наследие Европейского Севера.: сб. ст. Архангельск, 2009. С. 261-265; Пигин А.В. Материалы для истории Пахомиевой Кенской пустыни // Там же. С. 386-394.

²Здесь и далее сведения по истории Пахомиева Кенского монастыря даны по исследованию К.А. Докучаева-Баскова: Докучаев-Басков К.А. Подвижники и монастыри русского севера: Кенский монастырь. Пахомиева пустынь // Христианское чтение. 1887. Ч. 2. С. 254-298, 447-515.

³Там же. С. 514-515.

⁴При сокращении числа деисусных фигур в иконостасе их состав уменьшают, как правило, последовательно: сначала отказываются от изображения преподобных и мучеников, стоящих по краям ряда, затем святителей и апостолов.

⁵Мало вероятно, что в центре пророческого ряда представляемого иконостаса находились иконы пророков, как это имело место в иконостасе 1497 года Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря и где, тем не менее, выделена как центральная фигура пророка Давида (Лелекова О.В. Иконостас Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря 1497 год. М., 1988. С. 316-318. Ил. 62. Рис. 55). В данном случае две пророческие иконы, шириной по 40 см каждая, не умещаются в проеме средника ряда, имевшего ширину 73 см, а для одной поле иконы в ширину проема оказывается неоправданно широким.

⁶Размер иконы 75 x 130 см. См.: Живопись Вологодских земель XIV – XVIII веков: Каталог выставки. М., 1976. № 13. С. 20-21.

⁷Подобная организация иконостаса известна и в московском искусстве конца XVI века – иконостас этого времени (в 1680-е годы часть икон в иконостасе была заменена), первоначально тябловый (в настоящее время имеет рамочную конструкцию), в соборе Богоматери Смоленской Новодевичьего монастыря (Борисенко И.Г. Новодевичий монастырь. М., 2003. С. 46-48). В столичных и повторяющих их иконостасах середины – третьей четверти XVII века, также тябловых, подобное соответствие размеров средников и чиновиков икон распространено. В качестве примера приведем исполненный по заказу патриарха Никона иконостас 1653 года в Успенском соборе Московского Кремля (Толстая Т.В. Успенский собор Московского Кремля. М., 1979. С. 38-39. Ил. 12).

⁸Докучаев-Басков К.А. Указ. соч. С. 485-509.

⁹Там же. С. 487.

¹⁰Там же. С. 486-487.

¹¹Там же. С. 515.

¹²Иконы XIII – XVI в. в собрании Музея имени Андрея Рублева. М., 2007. № 25. С. 175.

¹³Дурасов Г. Каргополье: Художественные сокровища. М., 1984. С. 74, 75. Ил. 55, 58.

¹⁴Шедевры русской иконописи XIV–XVI веков из частных собраний. М., 2009. № 57.

С. 290-292.

¹⁵Искусство строгановских мастеров: Реставрация. Исследования. Проблемы. М., 1991. № 21. С. 56-58.

¹⁶Иконы русского Севера. Шедевры древней иконописи Архангельского музея изобразительных искусств. М., 2007. № 105.

¹⁷Например, иконы «Богородица Тихвинская» и «Илья Пророк в житии» конца XVI века в Архангельском музее изобразительных искусств (см.: Иконы русского Севера. № 104, 105).

¹⁸Иконы Строгановских вотчин XVI – XVII веков. М., 2003. Кат. № 60. С. 68.

¹⁹Там же. Для строгановских мастерских Сольвычегодска в целом характерно обращение к художественным традициям не только Москвы, но и Ростова, а в определенный период – Пскова.

²⁰Это в определенной мере доказывают и выводы исследователя художественного серебра В.В. Игошева: «В конце XVI – начале XVII в. сольвычегодские чеканные предметы церковной утвари изготовлялись в русле традиций Ростова и Ярославля... Многие предметы ... были изготовлены местными мастерами, которые перенимали опыт, обучаясь у высокопрофессиональных серебряников, являющихся выходцами из крупнейших художественных центров России, которых Строгановы призывали на длительную работу в Сольвычегодск» (Игошев В.В. Драгоценная церковная утварь XVI – XVII веков. Великий Новгород. Ярославль. Сольвычегодск. М., 2009. С. 311-312). Если серебряных дел мастера приходили на работы в Сольвычегодск из Ростова, то приходили, вероятней всего, и иконописцы.

²¹Докучаев-Басков К.А. Указ. соч. С. 486.

²²Приношу искреннюю благодарность Игорю Николаевичу Шургину за консультацию по данному вопросу.

²³Докучаев-Басков К.А. Указ. соч. С. 486.

²⁴Там же.

²⁵Там же.

²⁶Переустройства иконостасов на новый лад были характерны для второй половины XVII века. В качестве примера можем назвать замену в Преображенском соборе суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря иконостаса второй половины (или последней четверти) XVI века на новый, с апостольским Деисусом, в 1660-е годы (Салтыков А.А. Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева. Л., 1981. Ил. 178. С. 251; Комашко Н.И. Иконостас собора Спасо-Евфимиевского монастыря в контексте художественной жизни Москвы в третьей четверти XVII в. // Суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь в истории и культуре России (к 650-летию основания монастыря). Владимир; Суздаль, 2003. С. 72-81).

²⁷Докучаев-Басков К.А. Указ. соч. С. 262-263.

²⁸Там же.

²⁹Там же. С. 486.

³⁰Можно назвать часовни клетского типа с колокольней над трапезной в деревнях Ле-

ликостров, Волкостров, Усть-Яндома, Вигово (Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество. М., 1986. С. 158-163, 170-175, 183-185). Все они XVII века, но, по всей видимости, следовали более древнему типу. Об этом свидетельствует соответствие их форм древнейшим церквям клетского типа: конца XIV века в Муромском монастыре в Заонежье и 1485 году в селе Бородава близ Ферапонтова Рождественского монастыря, обе еще без колоколен. Но и в отдельных названных церквях XVII века колокольни, как доказано, были поставлены позднее основного строительства.

³¹Докучаев-Басков К.А. Указ, соч. С. 491.

³²Текст антиминса этого храма, который мог бы уточнить время ее переосвящения и, таким образом, время установки нового иконостаса, опись 1755 года не приводит.

³³Докучаев-Басков К.А. Указ, соч. С. 486.

³⁴Там же. С. 276.

³⁵Там же. С. 487.

³⁶Там же. С. 487-488.

³⁷Качурин Г.Л. Иконостас Новоспасского монастыря и его роль в художественной жизни XVII в. // РГБ. Информкультуры. Материальная база сферы культуры. Монастырь – культурные центры отечества. М., 1997. С. 66-77.

³⁸См.: Толстая Т.В. Успенский собор московского Кремля. М., 1979. С. 38-39. Ил. 12.

³⁹Там же. С. 38.

⁴⁰См., например, икону середины XVI века «Тайная Вечеря» горизонтального формата (размер 37 x 77,5 см), которая стояла на темплоне над Царскими вратами в церкви Христа Демархеса в Хора на о. Патмос (Chatzidakis M. Icons of Patmos. Athens, 1985. Cat. 50. Pl. 109).

⁴¹Качурин Г.Л. Указ. соч. В XIX веке сень и Царские врата в Преображенском соборе Новоспасского монастыря были переделаны, икона «Тайная Вечеря» над вратами находится в настоящее время под записью.

⁴²Докучаев-Басков К.А. Указ. соч. С. 488.

⁴³Там же.

⁴⁴Там же. С. 276-297.

СЕРП ИЗ КЕНОЗЕРЬЯ (К ПРОБЛЕМЕ ОРНАМЕНТА НА СЕРПАХ)

Это «открытие» было, как озарение. Я (в то время учитель сельской школы) просматривал иконы в своем маленьком школьном музее. К этому времени в коллекции их было более 200. Одна из них – «Пророк Захария», старообрядческая икона XVIII века из Выгореции: молодой святой, без бороды, с серпом в поднятой руке. Серп в руках пророка был необычным – орнаментированным (ил. 1).

«Жития святых» были в нашем школьном музее (Жития всех святых. М., 1911). Житие пророка Захарии было совсем небольшим. Он принадлежал к числу 12 малых, или меньших, пророков (Осия, Иоиль, Амос, Аггей и др.). Малых, потому что книги их были небольшими по объему, и в Ветхом Завете они помещались после великих, или больших, пророков (Исаий, Иеремия, Иезикииль)¹. Жил он за 500 лет до рождения Христа, во времена персидского царя Дария Великого: «...во второй год Дария, было слово Господне к Захарии, сыну Варахиину, сыну Адову, пророку...» (Зах. 1:1). Одновременно с ним жил и пророчествовал пророк Аггей. Оба пророка зывали к Господу и народу о восстановлении Иерусалимского храма. Житие Захарии насчитывало всего 9 строк. В нем Захария называется Серповидцем, т.к., якобы, в одном из пророческих снов он увидел огромный свиток, летящий по воздуху, изогнутый в виде серпа². «Полный церковно-славянский словарь» Г. Дьяченко сообщает, что Захария видел знамение серпа³. Беру Библию, открываю книгу пророка Захарии: «И опять поднял я глаза мои и увидел: вот, летит свиток... длина его двадцать локтей, а ширина десять локтей» (Зах. 5:1-2). И все! Нет никакого упоминания о серпе и даже об изогнутом свитке в виде серпа. В чем дело? Известный толкователь Священного писания профессор А.П. Лопухин в комментарии к этим стихам пишет о том, что Септуагинта (перевод Ветхого Завета на греческий язык в III в. до н. э., сделанный за 72 дня) переводит еврейское слово *meghilla* – свиток, как *maggal* – серп, «отсюда и пророк получил наименование «серповидца»»⁴. Вряд ли наш иконописец читал «Толковую Библию» Лопухина, но Житие, в котором Захария назван «Серповидцем», знал, потому и изобразил пророка с серпом.

Почему же серп с орнаментом? Фантазия художника? Такая, например, как у художника из Медвежьегорска Владимира Попова, оживлявшего свои рисунки серпов разными цветочками и насекомыми. А может быть, все серпы раньше орнаментировались?

В нашем музее было несколько десятков серпов – от старых, ломанных, ржавых, с деревянными и берестяными ручками до современных. Все не доходило руки, чтобы привести их в надлежащее состояние. Музей все-таки был школьным

и времени у меня, учителя географии, работавшего в школе на полторы ставки, естественно, не хватало. Тем не менее, с помощью учеников я привел эти орудия крестьянского труда в порядок. И тут нас ожидало открытие! Часть старых серпов была с орнаментами. В литературе я об этом ничего не читал. Известно, что икона как исторический или художественный источник нередко может содержать важную информацию о персоналиях, культовых сооружениях, художественных явлениях. Например, на иконе XII века «Дмитрий Солунский» (Третьяковская галерея) святой изображен держащим на коленях полуобнаженный меч. На клинке хорошо заметно клеймо мастера, повторенное несколько раз. Икона помогла узнать имя кузнеца-мечника.

Сейчас, перечитывая свои старые полевые записи наших походов, обнаружил небольшую программу по сбору этнографических материалов о серпах в Карелии. Она включала вопросы:

1. Где покупали серпы?
2. Кто ковал серпы в Заонежье? Фамилии мастеров.
3. Какие обряды были в связи с первой жатвой?
4. Какие были запреты в использовании серпов?
5. Была ли обрядовая одежда у жницы?
6. Использовали ли рукавицу при жатве? и т.д.

Мой энтузиазм в освоении этнографии был наивной попыткой как-то разнообразить уроки географии и далеко не всегда находил понимание у суровых методистов из Петрозаводска. Да я и не думал тогда, что этнография – это серьезная наука, требующая специальной подготовки. Сейчас понимаю, как много упущено, какие большие возможности для этнографических исследований открывались в то время. Большинство деревень, в которых мы побывали, уже не существует. И даже наша простенькая программа была лишь частично реализована: мы собрали тогда большую коллекцию серпов, записали имена кузнецов, ковавших косы и серпы, попутно собрали сведения об иконописцах, столярах. Почти в каждой деревне жили отменные мастера по бересте, дереву, делали сани, кибитки, кирпичи, гончарную посуду, лодки. Были даже изобретатели деревянных велосипедов и самолетов...

Карельский городок Медвежьегорск – совсем небольшой. Как и я, сюда по распределению приехал выпускник Ленинградского художественного института имени И. Репина – Владимир Попов. К нему я и обратился с просьбой скопировать орнаменты серпов. Мир вещи самодостаточен. Это были не просто копии. Удивительная этнографическая точность выполненных рисунков покоряет теплотой чувства, какой-то тонкой, болезненной связью вещи с миром природы. Серп из обыкновенного орудия труда превращался в художественный символ, произведение искусства. Художник любовался работой кузнеца, в котором он, вероятно, чувствовал собрата по художественному постижению мира. С тех пор Володя много и охотно рисовал для музея – прялки, металл, предметы культа.

Вероятно, надо сказать и об этнографической стороне дела. Серп – древнейшее сельскохозяйственное орудие труда. У одних народов он появился раньше, у других – позже, но в новом тысячелетии он практически был у всех народов. На миниатюре Лицевого летописного свода XVI века (Государственный исторический музей, г. Москва) мы видим крестьян с серпами, убирающих урожай (ил. 2).

Были серпы кремневые, из рога горного барана, меди, бронзы и железа. Серпы имели разную форму лезвия, были гладкие, без зубцов, детские и взрослые. Уборка урожая зерновых издревле считалась женским делом, потому при раскопках древнекарельских могильников в женских захоронениях часто находят серпы⁵.

Серп в качестве символа изобилия был атрибутом у царей и вождей (Приап, Кронос и др.). Серпом Персей отсек голову горгоне Медузе...

Серпы в древности, видимо, представляли большую ценность: они часто встречаются в археологических раскопках, находки кладов из серпов не редкость, причем прятали их наряду с монетами, золотом и украшениями. Некоторые клады насчитывают десятки и сотни серпов. В 1914 году в Румынии в уезде Прахова найден клад из 315 этих древних орудий труда, а в 1974 году в этом же уезде обнаружили клад из 37 бронзовых серпов. Связано это, по-видимому, с тем, что серп являлся одним из сложнейших кузнечных изделий, требовал большого опыта и искусства в закаливании стали или наварки лезвия, потому кузнецы-серповики и косники имели узкую специализацию. Вероятно, у них существовали определенные магические представления и ритуалы при изготовлении серпов. Это отмечено в руне «Кование золотой девы и других предметов»:

Разные ковал он вещи,
Сошники для всей округи,
Топоры ковал он миру,
.....
И серпы ковал общине.
И в общине все хвалили
Те серпы для всей общины...⁶

Известный карельский этнограф К.К. Логинов полагает, что знаки на серпах имеют магический характер и отражают иррациональные представления кузнецов при производстве этих орудий труда. При этом отмечается «украшение обратной (нерабочей) стороны серпов орнаментом в виде сплошного ряда колосьев (чтобы жать только густые злаки?), или орнаментов из косых крестиков»⁷. Известно, что кузнецы еще в далекой древности клеймили свои изделия, это были их автографы, своего рода визитная карточка для покупателя.

Специальных публикаций об орнаментированных серпах нет. Есть исследования по истории, технологии изготовления серпов, типологии, реставрации, методике классификации, бытованию серпов у разных народов⁸, но ничего – об орнаментах. Правда, М.Р. Рахимов, описывая земледельческие орудия таджиков, упоминает серп из Самарканда со штампованным орнаментом в виде цепочки

перемежающихся горизонтальных линий и овалов: одно звено этой цепочки – две горизонтальные линии и между ними овал. Это на одной стороне серпа, а на другой – одна горизонтальная и две пересекающих ее линии в виде косоугольного креста⁹. Другой «серп-урак» также из Самарканда описывает Л.А. Фирнштейн. Он орнаментирован выпуклыми овалами на лицевой стороне (ил. 3)¹⁰.

Магия серпа в Олонецкой губернии – часть общей финно-угорской культуры (коми, карелов, вепсов, финнов), с которой мы были связаны на протяжении многих тысячелетий. У приуральской чуди существовали легенды, в которых отразилась эпоха появления железных сельскохозяйственных орудий труда, но чуждому серпа долго не знала, пользовались какими-то острыми орудиями – шильями, долотами. Серп для них был новым, неизвестным предметом. В одной из легенд рассказывается, как появились коми. Однажды представители чуди увидели серп, воткнувший острым концом в землю, горбом вверх. Заинтересовались, что это за вещь такая... Пошел один под серп, чтобы его получше рассмотреть, а серп упал и отрезал голову ему (напомню, что серпом Кронос отрезал голову Горгоне). Хлынула кровь и с ней разная нечисть, гады, змеи и последним вышел человек¹¹. Другая легенда о серпе, наоборот, рассказывает, как погибла чужд¹².

У населения Олонецкой губернии, как и у других народов, серп был основным орудием уборки урожая: им жали рожь, пшеницу, овес. От урожая зависела жизнь и благополучие семьи, поэтому с серпом было связано много легенд, обрядов, поверий, пословиц, примет, поговорок. Известна поговорка: «Пока серпом не порежешься – жать не научишься». Карельские загадки о серпе обыгрывают своеобразную форму серпа и его функцию: «Спереди изогнуто, сзади изогнуто, так изогнуто, что и не отгадаешь», «Горбатый волк поле очищает» или «Кривой, изогнутый все поля очищает»¹³. Уборка зерновых серпом нашла отражение в карельской частушке:

Жито жала, жито жала,
Не дожала полосы,
Рядом миленький похаживал,
Поглаживал усы¹⁴.

Уборка урожая – важнейший этап сельскохозяйственных работ. У карелов летом перед жатвой пекли «пирог серпа», а во время жатвы серп оставляли на поле, т.к. считалось, что от этого будет легче жать на следующий день¹⁵. У вепсов в честь окончания уборки каждой зерновой культуры проводился праздник: пекли «пряженные пироги», самая большая икона в красном углу украшалась пучком первых сжатых колосьев, ставили перед ней серп и один из испеченных пирогов с заговором: «В нашем доме, в нашей семье, чтоб хлеб всегда был здесь – около икон»¹⁶. У шимозерских вепсов возвращение семьи с жатвы сопровождалось ритуалом: хозяйке на шею вешали серп со словами: «Или пироги делай, или голову отрубим»¹⁷. Известный исследователь культуры вепсов В.В. Пименов отмечает, что «серповые» блюда («пирог серпа») пекли после окончания жатвы вепсы и ка-

релы, а коми варили «кашу серпа»¹⁸.

У южных карелов пришедший с поля жнец клал хозяйке серп на спину и спрашивал ее: «Пироги даешь или шею отрезать?» или «Хозяйка, ты от шеи отказываешься или пироги делаешь?» Слова могли быть и такими: «Если не дадут пирогов, то шею долой!» или: «Эй, хозяйка, видишь серп, давай угощения, не то голову долой!»¹⁹. Есть даже поговорка: «Как серпом по шее»²⁰. Здесь слышатся отголоски чудской легенды о происхождении серпов. Этот ритуал с серпами на шее был распространен и у финнов. И.Ю. Винокурова приводит многочисленные примеры финских подобных ритуалов. В Каави крестьянин подвешивал серп к поясу крестьянки с помощью прута, срезанного этим же серпом в лесу²¹. В Йоутса «когда рожь и яровые были сжаты, крестьянка вешала все серпы себе на шею и говорила: «Ну, теперь все серпы на шею», затем, не снимая их, варила кашу, и говорила, что теперь каша стала «серповая»»²². В день окончания жатвы все праздничные блюда готовили с серпом на шее: обрядовые блюда носили названия «серповый пирог», «серповая каша», «серповый сыр» и т.д.

Как у русских, так и у карелов, к окончанию жатвы были приурочены гадания с серпом: жницы бросали серпы через голову и наблюдали, куда они упадут. У карелов: если серп втыкался в землю, то жница проживет долго, если втыкался боком, то она скоро умрет или заболит²³. У русских: серп, упавший дальше других, сулил молодой жнице скорый брак, а старой – смерть. Все это говорит о том, что серпу приписывалась магическая сила: соблюдение этих ритуалов должно было способствовать хорошему урожаю в грядущем году²⁴.

В Заонежье серпы использовали во время предохранительных мер при эпизодах: две или три обнаженные вдовы с иконами и серпами на заре обходили деревню (т.е. замыкали деревню в магический круг, серпы же служили орудиями устрашения болезни²⁵).

Жать можно не только на земле. Глагол «жать», т.е. «срезать на корню» имеет прямой и переносный смысл: убирать урожаем и убирать жизнь. В связи с этим символика серпов имела амбивалентный характер: серп, связанный с жизнью благополучной, богатой, и серп смертный, пожинаящий человеческие жизни. Не зря говорят: «Смерть собрала свою жатву», и изображается она с косой или серпом. С серпом изображается Кронос, оскопивший своего отца – Урана. Так родилась неприличная поговорка: «Как серпом по яйцам». Серп – орудие устрашения болезней, злых духов и даже самой смерти. В Карелии при затяжной болезни умирающего, чтобы ускорить конец или отогнать смерть, под солому, на которой лежал больной, подкладывали две косы или два серпа крест-на-крест. Чудские захоронения на поверхности выкладывались намеренно согнутыми или сломанными серпами, косами, ножами²⁶. Не удивительно, что мотив серпа присутствует в орнаментах на одежде, орудиях труда, пуговицах, использовался в геральдике (герб Австрии, гербы городов Серпейска, Красноярска, в СССР серп и молот на гербе символизировали союз крестьян и рабочих).

Орнаментирование служит одним из проявлений значимости серпов. Орнамент – своего рода заговор, обращение к матери-Земле, к предкам за помощью и покровительством, заклинание хорошего урожая, чтобы серпу и на следующий год была работа.

Жатва в значительной мере – мистический акт: Земля породила урожай, серп его пожинает. Рождение и смерть хлеба сливаются в едином циклическом процессе, в основе которого лежат мужское (серп) и женское (Земля) начала. Считалось, что живая душа поля прячется в последнем несжатом снопе, поэтому стремление побыстрее закончить жатву было связано и с тем, чтобы душа долго не мучилась, потому основным мотивом орнаментов на серпах являются знаки аграрной магии – ромбы, зерно, зерно-штрих, зерно-проросток, поле, засеянное зерном, веревочка из зернышек... Есть серп с косыми крестами. Косые кресты на серпе могли иметь разное значение: как знак принадлежности серпа хозяину или выполнять функцию оберега. Косые кресты часто можно было видеть на бытовых предметах, на срубах домов, кладбищенских оградах, в орнаментах вышивок. Знаки аграрной магии встречаются на предметах крестьянского быта, на женских головных уборах, на вышивках и на иконах святых-молитвенников, к которым крестьяне обращались со всякими нуждами, в том числе и о хорошем урожае. Удивительная закономерность: чем сложнее, интереснее орнамент, тем больше вероятность, что лезвие его гладкое, без зубцов. Это, как правило, серпы старые, «досюльные». Видимо, орнаментированные серпы сохраняли архаические черты древних: гладкие лезвия, берестяные рукоятки.

Наиболее сложный орнамент мы видим на серпе с берестяной ручкой № 234 из Кенозерья Архангельской области, найденный в 60-х годах XX века (ил. 4). Серп кузнечной работы необычен и по форме и по орнаменту. Он сохраняет архаические черты: лезвие его гладкое, конец витой, колено почти под прямым углом. Аналогов подобных серпов и орнаментов мы не знаем, поэтому его расшифровка предварительная и, возможно, субъективная. Орнамент расположен на верхней, нерабочей поверхности серпа. Делится на две части – верхнюю и нижнюю. Вверху, на спинке серпа (небо?) идет зигзагообразная линия, в нижней части (лезвие) – елка, вершиной к лунарным знакам, похожим на прорастающие семена, за ними – шестилучевая звезда. Можно предположить, что ель, как мировая ось, соединяет небесную влагу (зигзагообразная линия) и прорастающие семена нижнего мира. Она выступает как символ плодородия, богатства и благополучия. Можно предполагать, что это заклинание влаги и тепла (шестилучевая розетка – солнце) как необходимых условий для хорошего урожая. Ель – известный символ – дерево смерти, предков, плодородия, благополучия семьи. Об этом мной написано несколько статей²⁷. Таким образом, в целом символика орнамента этого серпа соединяет через мировую ось (ель) верх и низ, Небо и Землю. Магические знаки есть обращение к матери-Земле, предкам с мольбой о хорошем урожае.

И все же я не склонен видеть в этих орнаментах одну только магию. Чувство

красоты присуще всякому большому мастеру – вышивальщице, резчику, плотнику, кузнецу. Стремление сделать свое детище совершенным, гармоничным, удобным и красивым – извечный зов души рукодельца. Деревянная ручка серпа обматывалась берестяной лентой, чтобы удобно было руке, чтобы серп сидел в ладошке плотно, не скользил. Да и смотрится такой серп лучше. Конец серпа завивался веревочкой. А вот серп с берестяной наборной рукояткой делался, скорее всего, для любимой, потому что делал это кузнец, не считаясь со временем.

Не знаю, сохранились ли замечательные кузнечные произведения в Медвежьегорском музее, где в 1970-х годах было грандиозное списание материалов. Возможно, старые и ломаные серпы попали под эту акцию. Известный исследователь декоративно-прикладного искусства В.М. Вишневецкая, с которой мы много в то время сотрудничали, в письме ко мне писала: «Мне говорили, что многие экспонаты намечены на списание и в том числе серпы – наверное, это те серпы, про орнаментку которых вы готовили публикацию? В таком случае, их надо забрать!»

События в моей жизни да и в стране помешали этому. С тех пор прошло более 40 лет. Сейчас близится 50-летие Медвежьегорского музея: некогда небольшой школьный музей стал муниципальным учреждением культуры с большим штатом сотрудников. Пусть эта публикация будет ему подарком.

Уже работая в Петрозаводске в Педагогическом университете, я стал собирать материалы для университетского музея «Духовная культура Карелии». И снова в поле зрения попали серпы с орнаментами. Один из них я нашел в антикварном магазине. Зерна, связанные веревочкой, наглядно иллюстрируют идею магического воздействия на будущий урожай. Два других серпа, найденных студентами, были современными, фабричной работы со знаком качества и указанием цены на алюминиевом кольце (1 руб. 20 коп.). Они интересны хотя бы потому, что идея орнаментации не умерла, хотя и в рудиментарной форме она просматривается в виде гравированных штриховых линий, имитирующих колосья на рабочей поверхности серпов. Вероятно, в музейных фондах республики обнаружится еще немало этих замечательных произведений кузнечной работы.

Примечания

¹Большой путеводитель по Библии. М., 1993. С. 279.

²Жития всех святых. М., 1911. С. 85.

³Полный церковно-славянский словарь / сост. Г. Дьяченко, прот. М., 2001. С. 593.

⁴Толковая Библия или комментарий на все священные писания Ветхого и Нового Завета А.П. Лопухина. 2-е изд. Стокгольм, 1987. Кн. 2, т. 7. С. 400.

⁵Кочуркина С.И. Древняя корела. Петрозаводск, 1982. С. 148-149.

⁶Карело-финский народный эпос. М.; Л., 1994. С. 48-49.

⁷Логинов К.К. Трудовые обычаи, обряды, запреты и приметы русских Заонежья // Культурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 48.

⁸Арциховский А.В. К методике изучения серпов // Труды секции археологии РАН ИИ-

ОН. М., 1928. Т. IV; Фирнштейн Л.А. Земледельческие орудия таджиков и узбеков // Сборник музея антропологии и этнографии. Л. 1970. Т. XXVI; Колчин В.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период). М., 1953. С. 89-90; Рахимов М.Р. Земледелие таджиков бассейна реки Хингу в дореволюционный период (Историко-этнографический очерк). Сталинабад, 1957. С. 39; Мухиддинов И. Жатва и связанные с нею обряды в Вахане и Ишкашимае (XIX – XX века) // Советская этнография. 1971. № 5.

⁹Рахимов М.Р. Указ. соч. С. 39.

¹⁰Фирнштейн Л.А. Указ. соч. С. 175-176.

¹¹Грибова Л.С. Пермский звериный стиль. М., 1975. С. 94.

¹²«Когда-то нашли они серп. 12 чуждей подняли его с земли, а что делать с ним – не знают. Решили утопить. Потащили к реке, сели в лодку, повезли на середину реки, привязали к серпу камень и бросили в воду. А серп-то кривой, зацепился за борт лодки и перевернул ее. Все 12 чуждей утонули» (Там же. С. 94).

¹³Лаванен Н.А. Карельская загадка. Л., 1977. С. 60.

¹⁴Карельские частушки / сост. Т. Коски. Петрозаводск, 1985. С. 101.

¹⁵Тароева Р.Ф. Материальная культура карел. М.; Л., 1965. С. 27, 138.

¹⁶Винокурова И.Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья. Петрозаводск, 1996. С. 105.

¹⁷Ее же. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов. Конец XIX – начало XX в. СПб., 1994. С. 100.

¹⁸Пименов В.В. Вепсы. М.; Л., 1965. С. 112.

¹⁹Там же. С. 100.

²⁰Подобный обычай у таджиков описывает И. Мухиддинов (см.: Мухиддинов И. Указ. соч. С. 126).

²¹Винокурова И.Ю. Календарные обычаи... С. 101.

²²Там же. С. 100.

²³Тароева Р.Ф. Указ. соч. С. 27.

²⁴Винокурова И.Ю. Календарные обычаи... С. 101.

²⁵Логинов К.К. Указ. соч. С. 41.

²⁶Кочкуркина С.И. Народы Карелии. История и культура. Петрозаводск, 2004. С. 48.

²⁷См.: Ершов В.П. Ель – древо мертвых // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения – 2003». Петрозаводск, 2003; Еро же. Вечнозеленые – вечноживущие (Ель – дерево предков) // Кенозерские чтения: сборник. Архангельск, 2004; Еро же. Вечнозеленые маркеры // Актуальные проблемы развития музеев – заповедников: сборник. Петрозаводск, 2006; Еро же. Я – полесник хвойных слов... (Ель и сосна в творчестве Н.А. Клюева: тема смерти) // XXI век на пути к Клюеву: сборник. Петрозаводск, 2006; Еро же. Ель – мировое Древо (Корни, вершина) // Культурное и природное наследие Европейского Севера: сборник. Архангельск, 2008. С. 349-359.

УНИКАЛЬНЫЕ ИКОНЫ СОБОРА КАРЕЛЬСКИХ СВЯТЫХ ИЗ ФИНЛЯНДИИ*

В Финляндии в Нововалаамском монастыре, Музее Православной Церкви в Куопио и домовом храме Церковного управления Финляндской Православной Церкви хранятся три иконы Собора Карельских святых, датированные 1876 годом. Одна из них храмового размера из иконостаса домового церкви выполнена в известной столичной иконописной мастерской Пешехоновых, имевших звание Поставщика двора Его Императорского Величества (ил. 1). Две другие, аналоиного размера, подписаны как «Труд валаамских иноков» — именно так нередко подписывал свои работы иеромонах Алипий (Константинов), ведущий художник Валаама, член монастырского братства, обучавшийся в Академии художеств (ил. 2, 3). Эти иконы уникальны, поскольку других образцов подобной иконографии в настоящее время не выявлено. Наличие трех созданных одновременно памятников, принадлежащих к эпохе историзма в русском церковном искусстве, композиционное сходство, изображение местных святых, других образцов иконографии, которые практически не известны, наводит на мысль, что иконографическая программа этих произведений была задумана и разработана именно в это время — в 1876 году на Валааме.

Какими принципами пользовались авторы и их духовные руководители — поскольку заказ был, безусловно, новаторским — при создании этого извода? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим некоторые иконографические особенности и тенденции развития такого типа изображений — Соборов святых разных земель — в русской иконописи. Подобные изводы именно групп святых, объединенных, как правило, по географическому принципу, известны в основном в период позднего средневековья и нового времени. Во-первых, стало уже довольно много канонизированных святых, и в том числе местночтимых, которые тоже включались в «региональные» иконографии. Во-вторых, активизируется местное иконографическое творчество в целом — создаются изводы, становящиеся своего рода «визитной карточкой» того или иного духовного центра (преимущественно на епархиальном уровне). Святых покровителей и заступников разных земель стало возможным объединить в целые «сонмы», которые нередко возникали как оригинальные решения, связанные с особенностями развития местной иконописи, агиографии и агиологии. В-третьих, развитие художественных особенностей русской иконописи в новое время, композиционных принципов, иерархического

© Зеленина Я.Э., 2011

* Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 07-04-00041а).

и пространственного мышления также способствовало появлению таких «соборных» изводов. Приведем примеры некоторых иконографий.

Один из ранних примеров – икона «Собор Радонежских святых» конца XVII века из Сергиево-Посадского музея-заповедника. Слово «Собор» здесь условно, наименование образа – «Преподобный Сергий с учениками». Отметим, что иконография строится еще по средневековому принципу – по регистрам, хотя фигуры святых расположены не фронтально, а вполоборота к центру. Фигуры преподобного Сергия, выделенного в наименовании образа, и его ученика и преемника преподобного Никона находятся в центре верхнего ряда, ближе всех к изображению Святой Троицы. За их спиной – ученики, облеченные в сан епископа (более значимые по средневековой субординации). Место расположения других святых в чине преподобных, на наш взгляд, достаточно случайно, фигуры более почитаемых соседствуют с малоизвестными, о которых сохранилось немного сведений. Совершенно иной композиционный вариант имеется на иконе «Собор святых учеников преподобного Сергия» из Успенского собора Троице-Сергиевой лавры, которая датируется второй половиной XIX века. Этот принцип прослеживается в большинстве поздних изображений «Соборов»: это ярусная композиция, главные образы — в данном случае преподобных Сергия и Никона – помещены в центре нижнего ряда, с образом Святой Троицы в руках. За ними – наиболее чтимые лаврские святые, в том числе в святительском сане, выше – Сергиевы ученики, основавшие другие обители, в самом верху – наименее известные, только упомянутые в Житии основателя лавры.

Радонежские святые, несмотря на близость к столичному искусству, все-таки мало распространенный извод, связанный исключительно с монастырским творчеством. Более популярным и, вероятно, эталонным являлся сюжет «Собор Киево-Печерских святых». Предположительно можно рассматривать его как едва ли не первый по времени возникновения, несомненно, повлиявший на развитие «соборной» иконографии. Икона такого извода третьей четверти XIX века хранится в алтаре домового храма Церковного управления Финляндской Православной Церкви и малодоступна для изучения. Это классический, наиболее распространенный вариант иконографии: две ярусных группы чудотворцев Ближних и Дальних пещер, их возглавляют в первом ряду, соответственно, преподобные Антоний и Феодосий Киево-Печерские. Здесь святые тоже расположены в определенном иерархическом порядке. Святители находятся в первых рядах, в самом центре – фигуры равноапостольного князя Владимира и князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, в верхних рядах нередко помещены безымянные преподобные и мироточивые главы.

Более ранним, первоначальным вариантом иконографии является образ «Древо Киево-Печерских святых», как на иконе 1660-х годов из Угличского музея и на некоторых гравюрах в старопечатных книгах этого времени. В данном случае распределение святых по группам другое: слева – святители, вышедшие из стен Киево-Печерской лавры, справа – наиболее известные преподобные, без разделе-

ния по месту пребывания мощей, на пещеры. Однако внизу, как и в предыдущем произведении, основатели лавры — преподобные Антоний и Феодосий. Этот извод, за исключением единичных образцов, не получил последующего развития, в то время как первый известен во множестве повторений. К их числу относятся, например, икона 1771 года из Иркутского художественного музея – один из ранних сохранившихся памятников, образ первой половины XIX века из Музея имени Андрея Рублева, соотносимый с художественными традициями Киево-Печерской лавры, редчайшая по размерам и проработке эмаль третьей четверти XIX века из музея Нововалаамского монастыря. Первый и последний памятники в этом ряду важны еще и тем, что происходят с Валаама и созданы в одно время с Соборами Карельских чудотворцев, то есть на них могли ориентироваться валаамские мастера или заказчики.

Образ Киево-Печерских чудотворцев важен для развития «соборной» иконографии, поскольку лавра всегда осмыслялась как первоисточник русского монашества, духовный эталон и прославленный центр паломничества. Сохранившиеся образцы другого подобного извода – «Собор Новгородских чудотворцев» – принадлежат приблизительно к той же эпохе. Эта композиция, особенно в расширенном ее варианте, имеет непосредственное отношение к нашей теме, поскольку именно сюда традиционно включались многие северные святые, например, праведные Иоанн и Лонгин Яренгские, преподобные Никифор и Геннадий Важеозерские, Александр Ошевенский, Арсений Коневский, праведный Артемий Веркольский и другие. Интересно, что этот северный вариант «соборной» иконографии развивался по аналогичным направлениям. Первая композиция – в виде «древа», вырастающего из Новгородского детинца, как на иконах 1726 и 1728 годов письма священника Георгия Алексева (собрания Исторического музея и Третьяковской галереи), причем святители изображены в верхнем ряду, ниже – князья и преподобные, то есть по субординации, противоположной киевским памятникам. Второй, более распространенный композиционный вариант – в виде двух групп святых, выстроенных в виде своеобразных «горок».

Так, на ранней иконе Новгородских святых конца XVII века из Сергиево-Посадского музея-заповедника иерархическое построение композиции тоже своеобразное: святители показаны слева, а преподобные справа, группы завершают фигуры благоверного князя и праведного отрока. В центре помещены главные новгородские святые – от образа Святой Софии и Спаса из купола Софийского собора до чудотворной «круглой» иконы святителя Николая Дворишенского. Образ «Чудотворные иконы и Новгородские святые» 1721 года из собрания Успенских (Государственный Эрмитаж) имеет близкую, но развернутую программу, где представлены многие северные чудотворцы. Святители занимают первый ряд, князья и отроки – верхний, преподобные – центральное место. К этому же типу изображения относится эмаль 1866 года из Сергиево-Посадского музея-заповедника. Наиболее близок по композиционному построению к изучаемым иконам Собора Ка-

рельских святых образ конца XIX – начала XX века из церкви апостола Филиппа в Новгороде. Здесь иерархия значимости персонажей тоже выстраивается снизу вверх, в первых рядах преобладают фронтальные позы, вверху намечены две группы, и фигуры развернуты вполборота к центру. Однако данная икона, несомненно, более поздняя, никак не могла повлиять на разработку валаамской иконографии.

Еще одним художественным центром, граничащим с землями Русского Севера, являлась Вологда. Там сложился собственный изобразительный вариант Собора, вышедший из извода «Спас Смоленский». В разных регионах на иконах Спаса Смоленского в число припадающих и молящихся иногда включались местные чудотворцы. В Вологде они образовали большие группы, расположенные рядами справа и слева от центральной фигуры Иисуса Христа, восходящей к чудотворной вологодской святыне XVII века из Всеградского собора Вологды, как, например, на иконе начала XIX века из семинарской церкви преподобного Кирилла Белозерского (Вологодский музей-заповедник). Таких икон в Вологде было очень много – практически во всех храмах, но подбор святых ограничивался в основном местным регионом. Существовали и другие иконографические варианты – икона третьей четверти XVII века с фигурой восседающего на престоле Христа Великого Архиерея из собрания того же музея. На иконе начала XIX века из собрания Дома иконы на Спиридоновке в Москве можно увидеть редкий пример иной композиции: чудотворный образ Спасителя изображен вверху над несколькими ярусами «лика святых вологодских чудотворцев».

Известна также икона «Собор Белозерских святых», ростовские изводы «Моление Ростовских чудотворцев» и «Собор Ростовских святых», в более позднее время – «Собор Московских святых» и т. п. Эти произведения разнообразны по времени, стилистике, композиции, составу изображенных. Преобладающим, как можно наблюдать, является принцип ярусного расположения фигур, объединенных двумя группами под чтимым образом Спасителя или Богоматери. Иерархия чинов святых строится, как правило, снизу вверх, святители занимают первый ряд, выше – преподобные, князья, праведники и юродивые. В центре написаны ключевые образы основателей традиций святости в историческом центре – для Москвы, например, это благоверный князь Даниил Московский.

Для полноты общей картины развития «соборных» изводов следует упомянуть еще об одном из них, появившемся на территории Русского Севера, – это «Собор русских святых», известный в памятниках старообрядческого иконописания Выга и в сфере влияния этой культуры. Он близок рассматриваемым иконам не только территориально, но и по самому характеру возникновения. Несомненно, программа этого образа была специально разработана старообрядцами-поморцами в связи с их деятельностью по собиранию древних рукописей, сведений о русских святых, по составлению иконописных подлинников – воссозданию традиционной иконографии святых Древней Руси. Таких икон известно немного, самая ранняя датируется концом XVIII – началом XIX века (Музей изобразительных искусств

Карелии), существует список первой половины XIX века, происходящий из деревни Чаженьга (Третьяковская галерея), икона того же времени из собрания музея Реклингхаузен в Германии, образ Петра Тимофеева 1814 года (Русский музей), там же еще две иконы такого типа, напрямую не связанные с Выгом.

Эта иконография была очень распространена в Поморье, но имела свои точные и творческие варианты в других старообрядческих центрах, например, на иконе начала столетия из Черновицкой области (Киево-Печерский заповедник) или на иконе первой половины XIX века из старообрядческой моленной на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге (Музей истории религии). Эти иконы имеют свои иконографические загадки, но в той или иной степени они связаны со старообрядческими традициями почитания всех русских святых. Кроме того, эти произведения исполнены в канонической иконописной стилистике, без учета живописных новаций своего времени.

Подводя итог краткому обзору икон Соборов русских святых разных земель, следует отметить, что они относятся преимущественно к новому времени, хотя появились в более ранний период. Иконографическая программа подобных икон, смысловые и композиционные принципы расположения фигур, дополнительные образы местных святых варьируются. Центром композиции, как правило, являются первые просветители, родоначальники святости и духовного делания в регионе. В такие иконы вводятся изображения многих местночтимых святых, устойчивая иконография которых не сформировалась или не была распространена. С наступлением века историзма наблюдаются попытки более научной, основанной на первоисточниках разработки изводов Соборов местных святых. Северные и, в частности, Карельские чудотворцы традиционно включались в Собор Новгородских святых, и с конца XVIII века в композицию «Собор русских святых», созданную в Выголексинской обители.

Три иконы «Собор Карельских святых» из Финляндии принадлежат к образцам «ученого» (церковно-археологического) направления в русской иконописи второй половины XIX столетия. Первая из них, большого размера, написана в Санкт-Петербурге в мастерской Василия Макаровича Пешехонова в 1876 году. Как и другие иконы из иконостаса домового церкви управления Финляндской Православной Церкви, она помещалась изначально, согласно описям Валаамского монастыря, в церкви Всех преподобных отцов, в poste просиявших, на Игуменском кладбище обители.

Храм был освящен 12 сентября 1876 года – это было одно из последних строительных деяний выдающегося настоятеля игумена Дамаскина (Кононова), известного своей многообразной и подвижнической деятельностью в разных сферах монастырской жизни. Одна из ее граней – изучение древней монашеской истории и святых Карельской земли. Так, он является автором книги о Сяндемской Успенской пустыни (СПб., 1856), включившей рассказ о ее основателе преподобном Афанасии, составленный на основе монастырских архивов и преданий Олонецко-

го края. Именно при игумене Дамаскине Валаамский монастырь занимался изучением истории Православия в Карельской земле, выявлением местных и общепочитаемых святых – просветителей Карелии, собиранием древних валаамских икон и рукописей, исторических свидетельств.

Храмовый «Образ вселенских преподобных отцов, в посте просиявших» (память в субботу Сыропустной недели) находился справа в местном ряду, именно на нем сохранилась подпись В.М. Пешехонова. Изображение греческих столпов монашества, таких как Антоний, Евфимий и Феодосий Великие в центре первого ряда, сопоставлялось в общей программе иконостаса с иконой Собора Карельских святых, расположенной с противоположной стороны. Она была надписана по аналогии с престольной иконой как «Образ преподобных отцов, в посте просиявших в стране Карельской» (сейчас иконы поставлены иначе). Надо заметить, что праздник Собора Карельских святых в Русской Церкви в то время еще не был установлен, он официально утвержден только спустя столетие, в 1970-х годах (сначала в Финляндии, затем в России). Эта художественная программа была разработана специально для этого иконостаса, став своего рода венцом деятельности игумена Дамаскина, погребенного через пять лет в 1881 году у алтаря церкви.

Перечислим представленных на этой иконе святых, общим числом сорок восемь. В первом ряду изображены слева направо: преподобный Авраамий Ростовский, святитель Филипп Московский, преподобный Сергей Валаамский, апостол Андрей Первозванный, преподобный Герман Валаамский, благоверный князь Александр Невский, преподобный Макарий Высокоезерский. Во втором ряду: преподобные Александр Ошевенский, Авраамий и Корнилий Палеостровские, Кирилл Челмский, Лазарь Муромский, Александр Свирский. В третьем ряду: преподобные Антоний Кенский, Адриан Ондрусовский, Герман и Зосима Соловецкие, Арсений Коневский, Савватий Соловецкий, Макарий Оредежский (наименован учеником Александра Свирского), Пахомий Кенский, Иона Клименецкий. В четвертом ряду: преподобные Леонид и Игнатий Островские, Геннадий и Никифор Важеозерские, Антоний Сийский, Корнилий, Дионисий и Афанасий Островские. В пятом ряду: преподобные Киприан Сторожевский, Вассиан Соловецкий, Евфросин Синоезерский, Афанасий Сяндемский, Феодор и Ферапонт Островские. В шестом ряду: преподобные Кириак Сыринский, Геннадий Новгородский, Иона Пертоминский, праведный Иоанн Яренгский. В седьмом ряду: преподобные Иона Яшезерский, Трифон Печенгский, Вассиан Пертоминский, Елеazar Анзерский. В восьмом ряду: преподобный Варлаам Важский, праведные Артемий Веркольский и Лонгин Яренгский, преподобный Афанасий Наволоцкий.

В иконе много необычных деталей, иконографических находок. Иерархия святых выстраивается снизу вверх, от прославленных подвижников к местночтимым, в композиции чрезвычайно важна центральная вертикаль. Фигура апостола Андрея Первозванного, который, согласно преданию, достиг Валаамского архипелага и просветил Карелию светом христианской веры, помещена в центре первого ряда

и на иконе Пешехоновых немного выдвинута вперед. По сторонам от апостола – основатели монастыря преподобные Сергей и Герман Валаамские, святитель Филипп Московский (не в митре, а в белом клобуке) и благоверный князь Александр Невский – в схимнических, а не в княжеских одеждах, как было распространено в столичной иконописи. Крайний слева – преподобный Авраамий Ростовский в одеждах архимандрита (в отличие от древней традиции), который, по одной из редакций жития, крестился и принял монашеский постриг на Валааме. Вызывает недоумение правая фигура преподобного Макария Высокоезерского в святительском облачении, поскольку он, по скудным агиографическим сведениям, не имел архиерейского сана. В верхней части в середине третьего ряда выделен образ преподобного Арсения Коневского с чудотворной Коневской иконой Богоматери на покровенных руках, устроителя ближайшей к Валааму обители. В осознании значимости этого святого опять-таки усматривается «валаамская» программа произведения.

Остается неизвестным, где все-таки была создана изучаемая иконография – Пешехоновыми в Санкт-Петербурге по предложенному монастырскому списку или на самом Валааме как «труд иноков», на что указывают две другие сохранившиеся иконы аналогичного размера. На одной из них имеется дата: «1876 июля 15 д.[ня]» (на другой, как и у Пешехонова, поставлен только год), то есть если учитывать подготовительный период к освящению храма на Игуменском кладбище, иконы могли быть выполнены почти одновременно. Они практически (но не полностью) идентичны по составу и композиции, существенно отличаются пропорции доски. На облаках помещен поддерживаемый ангелами образ Святой Троицы Ветхозаветной, вероятно, потому, что до первого разорения Валаам назывался обителью Пресвятой Троицы. Интересно, что знаковый образ Валаама – «Преображение Господне» – показан сверху на храмовой иконе Всех преподобных отцов, в poste просиявших. Закономерно предположить, что одна из этих пядниц предназначалась для постоянного пребывания на аналое в том же храме, другая написана лично для игумена.

В пользу иконографического авторства столичной Пешехоновской мастерской может свидетельствовать ее авторитетность, в частности, в исполнении ответственных заказов и в разработке новых художественных программ. В пользу Валаамской мастерской – разница во многих деталях изображения, исключая возможность прямого копирования, и новаторский, с духовной точки зрения, характер предложенной темы и программы, более соответствующий духу монашеского творчества. Кроме того, в расположении фигур есть некоторые отличия, которые косвенно подтверждают первичность монастырской иконы. Так, на пядницах крайним справа написан святитель Геннадий Новгородский, а на пешехоновской иконе его образ «спрятан» в верхнюю часть левой группы и одет по-монашески, в черный клобук. Не причисленный в то время к лику святых, святитель Геннадий, предположительно выходец из Валаамского монастыря, особен-

но почитался в обители. Он изображен также в одном из клейм иконы «Собор русских святителей» 1860-х годов (собор равноапостольного князя Владимира в Санкт-Петербурге), которую по стилистическим признакам тоже можно отнести к произведениям Пешехоновской мастерской.

На монастырской иконе можно усмотреть несколько иконографических неточностей. Преподобный Авраамий Ростовский написан в совершенно непривычных для него священнических одеждах, с панагией, его жезл осмысляется как атрибут сана, а не историческая принадлежность именно его жития. Святитель Филипп Московский облачен по образцу древних Московских святителей в белый куколь, и одновременно в архиерейскую мантию, получившую распространение в поздней иконописи. На иконе Пешехоновых многие иконографические нюансы были скорректированы, ошибки исправлены. Вместе с тем, на монашеской иконе преподобный Арсений Коневский, например, показан в соответствии с древней традицией с непокрытой головой, а на пешехоновской иконе – в куколе, как и в других произведениях нового времени.

На трех иконах из Финляндии изображены некоторые святые, иконография которых практически отсутствует, по-видимому, во второй половине XIX века она создавалась заново. Можно упомянуть, например, введенные в икону образы Островских святых – Афанасия, Игнатия, Дионисия, Ферапонта и др., которые были учениками преподобного Александра Свирского. В соответствии с единичными житийными сведениями, как ученики они представлены фактически средневеками. Интересно, что в пешехоновском варианте Островские преподобные, тем не менее, не только отличаются по внешнему облику, но и довольно портретны. В этих иконах все-таки преобладает академический принцип трактовки внешности, который не всегда соответствовал канонической иконописной традиции.

В заключение можно отметить, что вне зависимости от того, какая из трех сохранившихся икон была создана первой, они представляют образцы авторского иконографического творчества Валаамского монастыря. Это примеры, по сути, «ученых» изводов, составленных с использованием агиографической литературы и отчасти на основе иконографической традиции. Они отражают, безусловно, очень хорошее знание северных святых, в том числе местночтимых и малоизвестных, подвизавшихся в разное время на Валааме, в близлежащих землях, на территории Карелии. Свидетельствуют они и о познаниях или о сознательном изучении традиции иконографии Соборов местных и русских святых как соседней новгородской, так и общероссийской. Композиция новосозданных икон отличается продуманностью, строгой иерархичностью персоналий. Однако этот извод не получил дальнейшего развития и не имел повторений вне локальной валаамской культуры, поскольку, очевидно, не вполне соответствовал современным ему синодальным представлениям в сфере церковного искусства. И все-таки эти редкие уцелевшие иконы так или иначе оказали влияние на установление праздника Собора Карельских святых в следующем XX столетии, особенно в Финляндии.

*В.А. Калитин
(г. Санкт-Петербург)
М.С. Гусева
(Архангельская обл.)*

ИСТОРИЯ ПОЧЕЗЕРСКОГО ПРИХОДА В XIX – XX ВЕКАХ (ПО АРХИВНЫМ И ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Почезерский (Почозерский) храмовый комплекс, состоящий из двух церквей, соединенных крытым переходом, и колокольни, представляет не только художественный, архитектурный, но и исторический интерес, поскольку был некогда центром обширного Почезерского прихода.

Появление славян на берегах Почезера (Погозера) происходит в XII–XV веках. XII–XV века – период политического и экономического расцвета Великого Новгорода. В это время новгородцами начинается активное освоение северо-восточных земель. Один из путей в Заволочье, знаменитый Новгородский волок, проходил по территории Кенозерья и Почезерья. По мнению историка Н.А. Макарова, «изрезанные берега спокойного озера с его тихими бухтами создавали удобные условия для стоянки ушкуев, их ремонта и оснащения»¹, поэтому и основание Почезерского погоста можно относить к новгородскому периоду.

Поскольку «погост размещался примерно на половине Новгородского Волока – длинного и трудного пути, в местности с огромными сырьевыми ресурсами»², то территория активно развивается в экономическом плане. Уже в середине XVII века здесь значится «волость Почезеро по озеру Почозеро, к северу от Кенозера... на погосте церковь Происхождения Креста Господня... в деревне Филипповской на церковной земле 1 двор попов»³.

В XVIII веке Почезерский погост уже зафиксирован в документах Новгородской духовной консистории, и в частности в документах за 1758 год упомянута церковь деревянная Происхождения Честных Древ⁴. Праздник Происхождения (Произнесения) Честных Древ Креста Господня в народе именуется как Медовый Спас, поэтому и Почезерский храм чаще всего именовали Спасским. В середине XVIII века его приход составляли всего 82 двора, где жили государственные крестьяне⁵. В 1783 году на месте старой церкви возвели новую, но с тем же посвящением. Новый Спасский храм завершался шатром и имел теплый придел во имя Обретения Честных Глав Иоанна Предтечи. В 80-х годах XIX века церкви Почезерского храмового комплекса подверглись перестройке, после чего сложился совершенно новый облик Почезерского Погоста⁶. Именно этот облик полностью был восстановлен в 2001–2009 годах и в настоящее время является доступным для обозрения.

Историю Почезерского прихода в конце XIX века можно проследить по архив-

ным документам Национального архива Республики Карелия (НАРК). Архивные изыскания были осуществлены кандидатом технических наук В.А. Калитиным, (Санкт-Петербург). В «Ведомостях о церкви Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Олонецкой Епархии Пудожского уезда, в погосте Почезерском» за 1883 и 1890 годы приводятся данные о церкви, причте и прихожанах. Причем в данных о церкви почти нет изменений, а в данных о причте и прихожанах изменения есть по численности населения.

Помимо этих документов В.А. Калитиным были выявлены в Российском государственном историческом архиве (РГИА) «Страховая оценка строений, принадлежащих Спасской церкви в селе Почезерском, от 18 июня 1910 года» и «Страховая оценка приписной Сретенской Кузьминско-Борисовской церкви от 31 июля 1913 года». В Страховых оценках перечисляются все строения, принадлежащие Почезерскому приходу, приводятся их описание и оценка в рублях. Ранее эти документы, представляющие историческую ценность, не публиковались. Впервые здесь приводятся и полевые материалы, по которым можно проследить историю прихода в XX веке. Полевые материалы собраны старшим научным сотрудником национального парка «Кенозерский» М.С. Гусевой.

XIX век. Описание церквей и причта. В «Ведомости о церкви Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Олонецкой Епархии Пудожского уезда [Второго благочинного округа], в погосте Почезерском» за 1883 год и за 1890 год вначале идет описание церквей Почезерского комплекса: «Главная церковь построена в 1883 году на пожертвования разных благодетелей и прихожан, при ней придел перестроен в 1882 году на сумму, пожертвованную местным прихожанином Иваном Николаевичем Красковым <...> Зданием церковь деревянная с таковою же крышей и колокольнею, снаружи и внутри обшита тесом и окрашена масляною краской. Ограда вокруг церкви деревянная, крепка <...> Престолов два: 1-й во имя Честных Древ Животворящего Креста Господня <...> 2-й во имя Обретения Честной Главы Пророка и Предтечи, Крестителя Господня Иоанна <...> Утварью и ризницей церковь достаточна <...> Причта при оной церкви по Высочайшему указу Святейшего Синода от 4 марта 1885 года, как имеющей в составе прихода менее 700 душ мужского пола, положено священник один, псаломщик один <...> У священника дом собственный, у псаломщика – общественный. На содержание получают жалование: настоятель – 140 руб., псаломщик – 60 руб.»⁷. В описании церквей и причта указываются и размеры земельных владений: «Земли при оной церкви: усадебной 95 кв. сажень, пашенной 7 десятин 2299 кв. саж., лесопорослой 30 десятин 306 кв. саж., сенокосной 1520 кв. саж.»⁸. Указаны также дома, принадлежащие церкви: «1-й приобретенный в 1886 году <...>, в 1887 году перестроенный на церковную и пожертвованную местным крестьянином Красковым сумму, стоимостью в 190 руб., в нем помещается церковно-приходская школа; 2-й приобретенный в 1899 году <...> на средства прихожан и церкви, стоимостью в 475 руб. В нем помещается местный священник» (данные из Ведомости

за 1890 г.⁹, в Ведомости за 1883 г. указано (в п. 9): «зданий, принадлежащих церкви, нет»¹⁰. Указано и местоположение церковей прихода: «расстоянием церковей от Консистории в 410 верстах и от местного Благочинного в 17 верстах. Ближайшая к ней церковь Кенозерская Успенская в 17 вер. и Кенского упраздненного монастыря Преображенская в 30 верстах»¹¹. Приписной и домовый церкви у Почезерского прихода в конце XIX века еще нет, но в 1913 году была построена Сретенская Кузьминско-Борисовская церковь в селе Кузьминском, которая и была приписана к Почезерскому Погосту (страховая оценка церкви приведена ниже).

Документация прихода. В Ведомостях перечисляются и документы прихода: опись церковному имуществу, составленная в 1870 году, приходо-расходные книги, копии с метрических книг, исповедные росписи, обыскная книга (от 5 августа 1880 г.)¹².

Часовни, закрепленные за приходом. «Часовен или молитвенных домов, состоящих в 1890 году в ведении сей церкви – 10, все деревянные, время постройки их неизвестно»¹³, – указывается в Ведомости. Из 10 часовен, перечисленных в ней, на сегодняшний день сохранилось лишь пять, причем две из них восстановлены заново (д. Мыза (во имя Святого Благоверного князя Александра Невского) и Осташевская (во имя Преподобного Макария Египетского)); две находятся в аварийном состоянии (д. Кузьминка (Святителя Николая) и Свиное (Пророка Божия Илии)); в одной – завершена реставрация (д. Усть-Поча (Святителя Николая)). Не сохранились часовни в д. Першенской (Святого великомученика Георгия Победоносца), Пехтусовской (Вознесения Господня), Преснецевской (Пророка Божия Илии), Будылгиной (Воздвижения Честного Креста), Коковиченской (Иконы Божией Матери Казанской). Последняя была разрушена при строительстве автомобильной дороги и нового моста.

Образование. В Ведомостях отмечено наличие церковно-приходской школы: «Церковно-приходская школа в Почезерском приходе открыта 30 марта 1886 года. Помещается бесплатно в церковном доме, устроенном в 1887 году. Получает пособие на содержание от Земской Управы 180 руб. в год и процентов с капитала в 200 руб., пожертвованного попечителем училища крестьянином Красковым – 10 руб.»¹⁴. Закрыли школу в 1916 год¹⁵. Вне богослужений в Почезерской церкви производились собеседования «в Великий пост между утренней и обедней и состояли, по преимуществу, из объяснения чтения дневного Евангелия»¹⁶.

Статистика населения. В Ведомостях в качестве приложения приведены статистические данные о прихожанах означенной церкви. Под прихожанами здесь подразумевается население деревень, составляющих Почезерский приход в конце XIX века. Это 23 деревни, в них жителей: в 1883 году – 172 двора, в них мужчин – 741, женщин – 687 (всего – 1428 чел.)¹⁷; в 1890 г. дворов – 224 двора, в них мужчин – 722, женщин – 703 (всего – 1425 чел.)¹⁸. Помимо этого приводятся данные о раскольниках Филипповского толка. Они имелись в д. Большая Сондала, Малая Сондала, Шипечное озеро. Итого: 5 мужчин, 8 женщин¹⁹.

О клире. В Ведомости о церкви 1890 года есть данные о клире²⁰. Здесь мы узнаем, что священник Василий Константинович Любимский – священнический сын – окончил курс наук в Олонецкой духовной семинарии. «Сентября 14 дня 1888 года Его Преосвященством Преосвященнейшим Павлом Епископом Олонецким и Петрозаводским, по прошению, рукоположен священником к Почезерской Спасской церкви, Пудожского уезда». В 1890 году ему было 24 года, в семье у него было два человека: «жена Клавдия Аполлосьевна – грамотная, 22 лет; дочь их Вера 1 года от рождения». При этом «из недвижимой собственности не имеет ничего». Псаломщик Михаил Федотович Велеславов – пономарский сын. В 1890 году ему было 42 года, и в семье у него было 7 человек: жена, Анна Ивановна, грамотная, 41 года, и шестеро детей в возрасте от 3 до 15 лет. Псаломщик также не имел недвижимой собственности и проживал в общественном доме.

Учительница Почезерской церковно-приходской школы Любовь Ильинична Кенорецкая – священническая дочь. По окончании курса наук в Олонецком епархиальном женском училище в 1887 году была утверждена учительницей в Почезерской церковно-приходской школе. От Пудожского земства получала вознаграждение за обучение детей 180 руб. в год. Лет от рождения 19.

Затем перечисляются сиротствующие, которые находились на государственном и приходском попечении. Это дочь умершего священника Петра Федоровича Кудряшева – Параскева Петровна Кудряшева (42 года) – исправляет должность просфорни; Анастасия Егоровна Фомина (вдова пономаря Ивана Фомина, 72 года) и ее дочь Степанида Ивановна Фомина (52 года), проживавшие при погосте в собственном доме и получавшие пособие из Епархиального попечительства.

XX век. И.Я. Билибин. Летом 1903 года по заданию этнографического отдела Русского музея здесь побывал известный русский художник, иллюстратор сказок Иван Яковлевич Билибин (1876 – 1942) и сделал многочисленные фотоснимки Почезерского погоста. Им же был выполнен датированный 1904 годом цветной рисунок «Почозеро Олоонец. г. Пудожск. у.». Этот рисунок, вошедший в серию открыток многотысячным тиражом, был выпущен в виде «открытого письма» (почтовой открытки) издательством Общины Святой Евгении.

Страховые оценки. 18 июня 1910 года Благочинным, священником Николаем Тихомировым, местным священником, диаконом, псаломщиком и церковным старостой была проведена Страховая оценка строений, принадлежащих Спасской церкви в селе Почезерском. При осмотре строений оказалось, что церкви принадлежат 9 объектов общей страховой суммой 2410 руб. В их числе: «Спасская церковь деревянная на каменном фундаменте, снаружи и внутри обшита тесом и окрашена масляною краскою. Строение хорошо сохранилось. Оценка с иконостасом 1000 р. Церковь в честь Обретения главы св. Иоанна Предтечи Господня, деревянная на каменном фундаменте, снаружи и внутри обшита тесом и покрыта масляною краскою. Церковь отапливается двумя кирпичными печами, соединена с главным храмом узким коридором. Построена в 1882 г. Оценка с иконостасом 750 р.».

Церкви принадлежали также: «Колокольня деревянная шестигранная, шатровая в один ярус, на каменном фундаменте; высотой до верха карниза 7 саж, окружности 10 саж. 2 арш. Оценка 300 р. Церковно-причтовый дом для священника, деревянный, одноэтажный <...>. Дом построен в 1885 г., требуется ремонт». Вместе с ним оценен «сарай бревенчатый» внизу у него «скотский двор». Оценка вместе с домом – 200 руб. «Церковно-причтовый дом для диакона, деревянный, одноэтажный <...>. Дом построен в 1897 г., сохранился хорошо». Вместе с ним также оценен «сарай бревенчатый», внизу «скотский двор». Оценка с домом – 100 руб. «Сторожка деревянная, одноэтажная <...> Построена в 1887 г., ветхая. Оценка 30 р.» <...>. Часовня во имя Святых мучеников Кирика и Иулиты, деревянная, покрыта и обшита тесом, окрашена масляною краской <...> Здание сохранилось хорошо. Оценка 30 р.»²¹.

Кроме Спасской церкви Почезерскому приходу принадлежала и Сретенская Кузьминско-Борисовская церковь. 31 июля 1913 года была проведена и ее страховая оценка. По страховой оценке можно выделить особенность данной церкви. Это то, что она была на каменном фундаменте и покрыта: «алтарь, средняя часть и колокольня железом, а паперть тесом; крыша железная окрашена медянкой и деревянная охрой <...>. Начата постройкой в 1912 году, а окончена в 1913 году». Оценка с иконостасом – 1000 руб., с колокольней – 5000 руб.»²².

Земельные владения. Политические перемены в стране после событий 1917 года не могли не отразиться на Почезерском приходе. Изъятие земель у церкви началось с первых же дней Октябрьской революции. К середине 1920-х годов часть церковных земель была передана сельским обществам. За церковь оставались лишь усадебные участки при храмах и домах священнослужителей²³. В д. Филипповской (центр Почезерского прихода) факт владения землей церковнослужителями сохранился в местной топонимике. Например, поле за храмовым комплексом (в сторону кладбища) называлось Поповым²⁴.

О клире. В начале XX века на приходе продолжал служить священник Василий Любимский. Известно, что в 1911 году он был назначен благочинным второго округа Пудожского уезда, а в 1916 году избран депутатом XXIII Олонецкого епархиального съезда²⁵. Когда ему было запрещено служить на приходе – не известно, но по рассказам местных жителей, в 1930-х годах он совершал некоторые требы тайно, из опасения преследования со стороны властей. Об этом свидетельствует рассказ Татьяны Григорьевны Гусевой, уроженки д. Будылгино: «был батюшко Василий <...> дак вот его возили по ночам. По началу привезен был к нам, у нас изба-то большая, котел был в избы – воды нагрют, вот так крестили. Меня крестили, Верку Масорину, Вальку Анны Николаевны, Мишку Семеновского (?), да Мишку <фамилия неразборчиво>. Вот сколько нас крестилось, батюшко крестил». Дальнейшая судьба отца Василия не известна. Кроме того, из рассказов местных жителей узнаем, что дочь отца Василия, Мария, в советское время учила местных детей. Та же Т.Г. Гусева вспоминала: «... у церкви <школа была>, рабо-

тала попу дочь – Мария Васильевна. 1, 2, 3, 4-й классы вела. Не знаю где, наверно, у отца научилась. Во время войны уж работала». По словам А.А. Пименовой, «хорошая была учительница».

Разрушение церковью Погоста. 40-е годы XX века стали роковыми для храмового ансамбля Почезерского Погоста. Приспосабливая Предтеченскую церковь под школу, почезерцы разобрали главы бочки и кровли и перекрыли сруб на два ската. Выпилив внутренние перегородки, они расширили площадь помещений²⁶. Об этом факте есть свидетельства и местных жителей, Н.П. Серкова (1928 г. р., м. р. – д. Потеряева): «А там Погост-от за озером, там ведь церковь была красивая, хорошая церковь. Ну, потом какая тут лихорадка им пришла – стали <разрушать>. Федор Алексеевич Шевелёв был – учитель, приехал... и давай эту церкву-то разокрывать – что не надо эту церковь. Не удалось всю-то церковь разокрывать, но кумполы-то сняли – что это красиво-то. Сняли кумпол, второй пал, стали разокрывать церковь, крышу, но потом прекратили. Кто-то видно шепнул им, что нельзя разрушать-то». В.Н. Привалихина добавляет: «Был там колокол, звонили. Но потом война-то началась, она внезапно, дак надо было, это, не хватало снарядов, да колокол и сронили. Учитель тутовка Федор Алексеевич Шевелёв жил, его заставили, он был партийный. Сронили колокол – вся земля содрогнулася, увезли на снаряды ли куды, я не знаю <...>. А эта колокольня пала от ветра». Шатер колокольни, действительно, был поврежден бурей в 1949 году, в дальнейшем его разобрали и частично сняли обшивку с колоколенного сруба²⁷. В 1948 году Почезерский комплекс был взят под государственную охрану, это спасло его от дальнейшего разрушения и уничтожения по инициативе представителей местной власти²⁸.

Филюшка. Собственно на закрытии церковью, их разрушении можно было бы закончить рассказ о Почезерском приходе. Однако народная поговорка «свято место пусто не бывает» вполне применима к Филипповскому погосту. После революционных преобразований и прекращения деятельности местных священнослужителей начинается подвижническая деятельность некоего «Филюшки Слепого» – Филиппа Антоновича Ликотова, жителя д. Потеряева, некогда входившей в Почезерский приход. Пока еще действовал храм, Филипп Антонович в силу своего физического недостатка (был «подслепый») просил милостыню: как вспоминала Т.Г. Гусева, «работал на паперти – там собирал деньги», при этом, видимо, имел какое-то церковное послушание, т.к., по словам Н.П. Серковой, «прислуживал это, по религии». Когда храм закрыли, а погост разорили, Филипп Антонович взял на себя некоторые функции священника. В.П. Привалихина: «Когда умирал кто – молитву читал, отпевал, крестил детей-да». Родившиеся в 1950-х годах нередко рассказывали, что они крещены Филюшкой. Самой же важной функцией у Филиппа Антоновича было паломничество в Макарьевскую Хергозерскую пустынь. Это паломничество он совершал от лица почезёр и кенозёр с врученными ему заветами. Рассказывает Т.Г. Гусева: «Он ходил к Дальнему Макарию [и] в Ошевенск, седьмого-то августа там Макарий ведь есть, дак кладали люди завет

на этот праздник <...> Ты вот, например, завет кладешь этому Макарию, что кладешь чего-то туды, вот отдаешь этому Филюшке. А этот Филюшка собирает все, собирает, да и перед праздником-то и пойдет туды, перед праздником-то унесет все заветы – кто чего: кто платок, кто рукавицы свяжет – делёнки, кто чё». Как правило, за паломничество с Филюшкой рассчитывались хлебом: «Ак давали ему тоже, рассчитывались – давали на дорогу тогда не деньги, а хлеб. Кто сухарями, а кто хлебом. Сходит». Племянница Филиппа Антоновича Нина Петровна Серкова вспоминала: «Надавают кусков-то много. Он как сходит к Макарью-то, где-то праздник был, он кусков-то нанесет. Все-таки мы ведь племянницы ему, дак этих кусков-то нам надават: «Нинка, давай подол-от». Я эти куски в подол, а хлеб-от такой вкусный, Господи. Дак еще по куску даем дитям другим-то, что хлеб-от с Ошевенска принесен». У Филиппа Антоновича была и своя семья – жена Дуня и дочь Анна. Жена «умерла рано», дочь Анна выросла и уехала в город, а его самого забрали в престарелый дом, где он и умер²⁹. По выражению Н.П. Серовой, Поскольку Филипп Антонович «больше ничё не мог делать, но ходил <...> молился», то «он от себя тут прославился». Жители Почезерья считали Филюшку «святым, негреховодным», поэтому его вполне можно назвать блаженным, подвижником XX века.

Население. Местные жители начали покидать почезерские деревни, составлявшие некогда обширный Почезерский приход, сразу же после войны, поскольку колхозы довели людей до нищеты. Н.П. Серкова рассказывает: «Мы ведь обнищали в колхозе-то – на трудодень копейка не падала. Трудодней бы, сколько ни работать, а копейка не падет дак, а надо на копейку чё-нить купить-то». «Много тут остарели, умерли, разъехались по городам. Кто тут за пайку хлеба будет жить да работать, за трудодень?», – добавляет В.П. Привалихина. В полученных в муниципальных объединениях «Почезерское» и «Кенозерское» справках о численности населения по деревням на 2009 год значится, что д. Доронежской, Ларионовской, Пехтусовской, Медведовской, Борисовской, Кипозеро, Вонанской, Шипичное, Большая Сондола, Малая Сондола в настоящее время нет, д. Коковиченская, Будылгино, Потеряево, Мыза, Свиное списаны, т.к. постоянно проживающих жителей нет. В д. Кузминке численность постоянного населения – 55 человек, Преснецовской – 4 человека, Першинской – 1 человек. Самой населенной на настоящий момент является Усть-Поча. В ней проживает 359 человек. Деревни Почезерского куста, центром которого является д. Филипповская, опустели в начале XXI века. Например, последней жительницей д. Дедова Горка была Марфа Дмитриевна Богданова. Удивительный человек, она оставалась жить в своей деревне даже тогда, когда вокруг в деревнях Филипповского куста не было ни одной живой души. При этом она в свои 80 с лишним лет обеспечивала себя сама: зимой заготавливала дрова, летом на озере ловила рыбу, причем не только на удочку, но сама ставила сети, сама пекла хлеб, за 8 км ходила в магазин за продуктами. Поразительным фактом является то, что Марфа Дмитриевна вела дневник на протяжении всей сво-

ей жизни, она фиксировала каждый день прожитой жизни, какая в этот день была погода и какие основные дела успела сделать за текущий день. Когда тетрадь с такими, на первый взгляд, скудными записями попадает в руки, начинаешь ощущать, что за ними кроется целая человеческая жизнь. Но и это еще не все. Марфа Дмитриевна писала замечательные стихи, но, к сожалению, сразу же после ее смерти дом, где жила старейшая жительница Почезерья, подвергся варварскому разграблению и тетрадь со стихами исчезла. До нас дошло лишь два стихотворения Марфы Дмитриевны и в одном из них она пишет про себя, про свою судьбу:

«86 лет, рыбку ловлю и в лес хожу.

Дрова покупаю, сама колю.

Сынки приезжают, когда летом, когда зимой,

Проведают старую, помогут во всем.

И опять уедут. Живу одна.

Зиму зимую, в доме – холода.

А зимой морозы, вьюги, снега.

Дороги заносит, снег надо отрыть,

Дров занесу и за водою сходить.

На день Господень все заготовлю,

На печку залезу и ноги нагрёю.

Порой поболею, лежать не приходится,

Много делов у старухи находится».

Умерла Марфа Дмитриевна после продолжительной болезни в мае 2004 года, не дожив до своего 90-летия всего два месяца.

Подводя итог данному исследованию, нужно отметить, что, согласно архивным документам, Почезерский приход активно развивался: периодически осуществлялись ремонты и даже перестройки церквей, их украшали, приобретали дополнительные помещения. К 1917 году границы прихода доходили до д. Вонанское Озеро и Шипечное Озеро (территория современного МО «Ундозерское»).

С переменой в стране политического режима в начале XX века Почезерский приход официально перестал существовать, однако, как показывают полевые материалы, сохранялась духовная жизнь среди местного населения. Примером здесь являются деятельность Филюшки Слепого и духовная сила одной из последних жительниц Почезерья Марфы Дмитриевны Богдановой.

В настоящее время в национальном парке «Кенозерский» разрабатывается проект экспозиции по истории Почезерского прихода. Экспозиция расположится в трапезной Предтеченской церкви и в помещении колокольни. При этом хочется, чтобы и жители деревень помнили, что Почезерский погост – это их древний православный приход, которому более 300 лет; что он был построен и содержался их предками, которые, судя по документам, часто бывали в храме на крещениях, исповедях, – предками, что покоятся на Почезерском погосте – кладбище при церкви. Хочется надеяться, что в будущем жители близлежащих деревень органи-

зуют церковную жизнь Почезерского прихода так, чтобы он мог послужить людям еще многие лета.

Примечания

¹Макаров Н.А. Церковные приходы и монастыри Кенозерья и Среднего Поонежья. Архангельск, 2007. С. 32.

²Там же.

³Критский Ю.М. Кенозерье: история и культура: очерки, материалы, исследования. Архангельск, 2005. С. 41.

⁴Заручевская Е.Б. Историческая записка. Научно-проектная документация // Научный архив ФГУ НП «Кенозерский».

⁵Там же.

⁶Там же. С. 13-14.

⁷Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. 501. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 25; Ведомость о церкви Главной Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Олонецкой Епархии Пудожского уезда, в погосте Почезерском за 1883 год // Там же. Д. 1/8. Л. 27.

⁸Там же.

⁹Ведомость о церкви... за 1890 год // НАРК. Ф. 501. Оп. 1. Д. 1/8. Л. 27, 27 об.

¹⁰Там же. Д. 1/7, Л. 25.

¹¹Там же. Л. 25, 25 об; Там же. Д. 1/8. Л. 27 об.

¹²Там же.

¹³Ведомость о церкви... за 1883 год // НАРК. Ф. 501. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 25 об., 26; Там же. Д. 1/8, Л. 27 об., 28; Ведомость о церкви... за 1890 год // НАРК. Ф. 501. Оп. 1.

¹⁴Ведомость о церкви... за 1890 год // НАРК. Ф. 501. Оп. 1. Д. 1/8. Л. 28.

¹⁵Критский Ю.М. Указ соч. С. 92.

¹⁶Ведомость о церкви... за 1890 год // НАРК. Ф. 501. Оп. 1. Д. 1/8. Л. 28.

¹⁷Ведомость о церкви... за 1883 год // Там же. Д. 1/7. Л. 28 об.

¹⁸Ведомость о церкви... за 1890 год // Там же. Д. 1/8. Л. 30 об.

¹⁹Ведомость о церкви... за 1883 год // НАРК. Ф. 501. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 28 об; Ведомость о церкви... за 1890 год // Там же. Д. 1/8. Л. 30 об.

²⁰Ведомость о церкви... за 1890 год // НАРК. Ф. 501. Оп. 1. Д. 1/8. Л. 30.

²¹Российский государственный исторический архив. Ф. 799. Оп. 33. Д.1094. Л. 25-27.

²²Там же. Л. 28-30.

²³Критский Ю.М. Указ. соч. С. 97.

²⁴По информации В.П. Привалихиной, 1933 г. р., м. р. – д. Потеряева, А.А. Пименовой, 1930 г. р., м. р. – д. Коковиченская.

²⁵Макаров Н.А. Указ. соч. С. 34.

²⁶Заручевская Е.Б. Указ. соч. С. 17.

²⁷Там же.

²⁸Там же.

²⁹По информации В.П. Привалихиной.

СВЯЩЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ КЕНОЗЕРЬЯ

В каноническом и народно-православном контексте священный календарь представляет собой череду религиозных праздников и связанных с ними ритуалов, повторяющихся бесчисленное количество раз. «Праздник – это не церемония «в память» о каком-либо мифическом (следовательно, и религиозном) событии, а его восстановление в настоящем», – пишет Мирча Элиаде¹. С помощью ритуалов человек имеет возможность «переходить» от обычного времени к священному. Священное время соотносится с понятием «очеловеченное время», переживаемое человеком по событиям, его заполняющим, а не по принятым физическим параметрам. Осознание священного времени человеком обусловлено традицией, структурой православного календаря. Священное время имеет соответствующий ритм, благодаря которому оно «мерцает в пространстве», имеет локусы-сгустки, где происходит его концентрация, и перекрестки, где возможно как прямое, так и обратное течение времени².

Для территории Кенозерья характерны установки на сакральность и даже гиперсакральность всех аспектов мирского устройства. Православная вера, пронизывающая все сферы жизненного цикла и концентрируемая человеком в период священного календаря, являлась глубинной основой существования человека: «раньше ведь жили и лечились Господом Богом» (Е.М. Мелехова, д. Тырышкино)³. В условиях господства традиций местного (земского) самоуправления и самодостаточности здесь сохранялось мировоззрение, основанное на синтезе дохристианских и христианских верований. Этому сопутствовали особые историко-географические причины. Кенозерье являлось частью важной частью важной транспортной магистрали Северной Руси. В связи с открытием «окна в Европу» на Балтике торговые волоковые пути приходят в упадок и Кенский волок сохраняет значение только для локальной территории. Географическая изолированность от светских инновляций способствовала сохранению Кенозерья как уникального этнокультурного ареала с устойчивыми архетипами сознания.

«Человек не рождается с «чувством времени», его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит»⁴. Особенностью кенозерского религиозного уклада является концентрация часовенных приходов (на территории Кенозерского национального парка сохранилось 35 часовен). Мироустройство кенозерского сообщества, важнейшим компонентом которого было единение ритмов крестьянского бытия (прежде всего, связанного с сельскохозяйственными работами) с чередой часовенных праздников, дает основание полагать, что важнейшей составляющей священного календаря является

«часовенный месящеслов».

Часовенный миротворный круг – «народный кенозерский месящеслов» включал около 50 часовенных посвящений, которые от праздника «Рождества Христова» к «Ивану Купале» и от «Ивана Купала» до «Рождества Христова» органично объединяли полный годичный праздничный круг. Доминирующим циклом календаря являются Богородичные праздники – «Рождество Пресвятой Богородицы», «Введение во Храм Пресвятой Богородицы», «Сретение Господне», «Успение Пресвятой Богородицы», «Собор Пресвятой Богородицы», а также дни памяти чудотворных икон Божией Матери Казанской, Тихвинской, Владимирской, Знамения, «Нечаянная радость».

В народном сознании Богоматерь пребывала не только заступницей за все человечество, но и играла важную роль в повседневных крестьянских заботах. Связанные с ней праздники являлись вехами тех или иных жизненных и хозяйственных событий. «Не жди Пречисту, а собирай все дочиста», – говорили в деревне Тамбич-Лахта, где особо чтили праздник Рождества Пресвятой Богородицы. «За непослушание Богородица могла испустить с неба на землю «молнии огненное, и лед, и мороз лютый <...> на страдное время, на скот и на хлеб <...> и на все живущее и хлеб и травы озябнут, и скоты <...> голодом погибнут»⁵. В устной традиции Богоматерь представлялась распорядительницею огненной стихии. В общепринятом понимании охранительницею от пожара и молнии является образ Пресвятой Богородицы «Неопалимая Купина», однако в локальной традиции Кенозерья особая молитва в этих случаях назначалась «Тихвинской Матушке». В религиозном крестьянском укладе Богородицу почитали также как покровительницу рыбного промысла, а также назначали ей в Кенозерье особую молитву на выгон скота⁶.

Богородичный (а также святых угодниц) праздничный цикл занимал особое место в крестьянском миропонимании еще и потому, что был связан с важнейшим событием крестьянского уклада – браком, который считался обязательным для всех. Супружеские пары соединялись Богом, поэтому обращение к Богородице и святым угодницам как пособницам брака было естественным. Чудотворную Казанскую икону Божией Матери считали охранительницей браков, «бабьей заступницей». Этой иконой благословляли на брак. В праздник иконы Казанской Божией Матери и после нее справлялись свадьбы. Примечательно, что праздник был установлен по случаю «избавления Москвы от Литвы» в 1612 году. Возможно, историческая память способствовала распространению праздника иконы Пресвятой Богородицы Казанской на территории Кенозерья, подвергшейся разорению во время польско-литовской интервенции.

По народным приметам на Казанскую устанавливался санный путь, а с праздником Введения во Храм Пресвятой Богородицы связывали зимние гуляния, катания на санях и обряд «казать молодую»⁷. По воспоминаниям старожилов, в деревне Рыжковой, где располагается часовня с посвящением Введению, традиционными

были большие молодежные гуляния. По старому обычаю, в праздник Собора Пресвятой Богородицы женщины ходили к родильницам с пирогами. В часовню во имя Богородицы и Жен Мироносиц (местное название) в деревню Глушеву приходили будущие матери с молитвой Богородице о помощи: «Жена Мироносица, всему миру помощница, помоги»⁸. Часовни, посвященные святым угодницам – святой великомученице Параскеве Пятнице, святой великомученице Варваре, преподобной Анастасии – также являлись важными составляющими священной топографии Кенозерья.

Фольклористы и этнографы отмечают слияние образа святой великомученицы Параскевы Пятницы и Пресвятой Богородицы. В девичьих заговорах прослеживается связь праздничных дней Параскевы Пятницы и Покрова Пресвятой Богородицы как времени предугадывания брака: «Батюшка покров, мою голову покрой, матушка Пятница Параскева, покрой меня скорее». По мнению ряда исследователей, великомученица Параскева функцию охранительницы брачных союзов унаследовала от языческой богини Мокоши – покровительницы беременных женщин и хранительницы семейного лада⁹. Красноречивым свидетельством соединения образов Богоматери и Параскевы являются духовные стихи, записанные в Кенозерье:

«Стояла милостлива жена да милосердна
Во край пути да край дорози.
Во сне ей Пятница явилась
Сама Пресвятая Богородица»¹⁰.

По русскому верованию святая великомученица Параскева и Пресвятая Богородица признавались охранительницами полей и скота. В языческие времена в честь богини – покровительницы полей и границ – ставились столбы «на росстани» дорог. С введением христианства эти памятники были заменены часовнями в честь святой великомученицы Параскевы Пятницы¹¹. Часовня в деревне Тырышкино, посвященная культуре святой, также расположена на границе деревни и дороги, ведущей в поле. Известно, что в Древней Руси в честь святой великомученицы Параскевы в течение года соблюдалось 12 особых именных «постовых» пятниц¹². В Кенозерье сохранились древние традиции почитания «постной Параскевы»: «Парасковия – это для скотинки праздник. Парасковию будем праздновать только постную <...> Если я намазала сливочным маслом что-то или молоко применила в пироги, обязательно случалось, что скотина или заболевает, или, может, змея укусит, или захромает» (Л.В. Сидорова, д. Тырышкино)¹³.

Высокий священный статус в Кенозерье имели часовни, посвящения которых были связаны со скотоводческой обрядностью. «Скотьи боги» – святой великомученик Георгий Победоносец, святой великомученик Власий, святые мученики Флор и Лавр, преподобный Макарий – исстари глубоко уважались в русском народе. Власий, вероятно, заменил языческого Волоса, бога нижнего хтонического мира. В древнем Новгороде строили храмы в честь великомученика Власия,

и в праздничный день святому назначалась молитва от падежа скота. В день памяти угодника существовала традиция приносить коровье масло и класть его перед образом святого, окроплять водой скот, чтобы он был здоров и благополучен. Кенозерье сохранило эту новгородскую обрядовую практику, и часовня святого великомученика Власия на самом большом острове Кенозера Медвежьем считается охранительницей от «скотского падежа». Здесь долгое время бытовал обычай сгонять скот к часовне и окроплять его святой водой.

Посвящение часовен святому великомученику Георгию Победоносцу также связано с новгородской традицией. Новгородцы видели в угоднике покровителя Земли Русской, относились к нему с большим почтением, считая хранителем полей и плодов земных. День Егория Храброго в православном календаре отмечается дважды: осенний Егорий был днем сделок, весенний – днем первого выгона скота на пастбище. В Кенозерье это был подлинно «пастуший праздник», сохранивший обряд кропления скота «святой водушкой» для обеспечения его плодovitости и сохранения животных от болезней и падежа. В первый день выгона скота женщины обращались к Егорию с мольбой: «Егорий Храбрый, выйди на высокую гору, протруби в золотые трубы, призови всех хищных зверей, отруби им когти-когтищи, зубы-зубищи, дай моей скотинке ход, а им от ворот поворот» (В.Н. Болознева, д. Зехнова). В этот день проводился особый очистительный обряд: «до солнышка надо было стричь коням хвосты и гривы»¹⁴. Забота о плодovitости скота отразилась и в ритуальной еде. На кенозерской земле исстари пекли «тетерки» («витушки»), которые клали в сени над проходными воротами во внутренний хозяйственный двор, чтобы скот летом лучше плодился. Данная традиция является трансформацией древнеславянских жертвенных обрядов, предназначенных для предохранения скота от гибели. Печенье, изображающее животных и птиц, было широко распространено у славян. По заведенному обычаю в Кенозерье это был постный праздник, хозяйки пекли угощение только на растительном масле.

Для «конной мольбы» предназначались часовни во имя святых мучеников Флора и Лавра. Обрядом стала практика «на зиму святить коней» (М.П. Онучина, д. Морщихинская), в день Флора и Лавра – «Хлоры» – не работали на лошадях, давали им отдохнуть во избежание падежа. Примечательно, что народный культ Флора и Лавра как покровителей коней, не отраженный в христианской традиции, был настолько устойчив и общепризнан, что определил собой иконописное изображение этих святых¹⁵.

Устные предания о преподобном Макарии связаны с почитанием святого как покровителя животных. Паломничество «к Макарию» (в Макарьевскую Хергозерскую пустынь, которая с конца XVIII в. являлась центром Хергозерского прихода) было неотъемлемой частью жизненного уклада Кенозерья. В благодарность преподобному Макарию, а также для сохранения своего хозяйства, в престольный праздник церкви жертвовали живую скотину. В качестве даров в «Макарье» несли «даньку»: яйца, масло и шерсть. По народным представлениям, покровительни-

цей овец является преподобная Анастасия. Она защищает от волков и избавляет от различных болезней.

Значительным событием аграрного календаря были Господские праздники. Празднование Вознесения Господня приходится на период, когда «земля открывается на сеянье». Августовский Господский цикл двенадцатых праздников называли Спасом. Праздник Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня известен в народе как первый Спас, медовый, Преображение Господне – второй Спас, яблочный. Перенесение Нерукотворного образа Иисуса Христа – третий Спас, хлебный. Медовый Спас, когда в церквях освящают первый мед, именуется еще «мокрым», возможно, от совершаемого в этот день чина водоосвящения, для которого люди отправляются на источники, озера и реки. Ко времени второго Спаса заканчивалась жатва на полях, поэтому было принято приходить в храм с колосьями нового хлеба, над которыми совершалась молитва и окропление святою водою. Старинная русская поговорка гласит: «Пришел Спас – всему час». В Спас третий совершалось засеивание озимой ржи. В Кенозерье преимущественно выращивали озимый хлеб.

Особое отношение крестьян к земле способствовало почитанию святых, связанных с земледельческой обрядностью. Святого пророка Илию, унаследовавшего функции языческого бога-громовержца Перуна, «величали на плодородие хлеба», именно к нему обращались с мольбой о дожде. «Илья в гости к Макарию поехал – время гроз», – говорили старожилы¹⁶ (Ильин день отмечали 20 июля по старому стилю, день преподобного Макария Унженского – 25-го). В Кенозерье с этим праздником связывали период сбора урожая, до сих пор на территории бытует поговорка «Придет Илья – жить дивья» (М.Н. Канцедаль, пос. Усть-Поча). Урожай начинали собирать с Ильи. Приходилось торопиться, т.к. становились темными ночи и «со 2 августа (по новому стилю. – М.М.) белого коня на поле не видно» (А.Ф. Пономарёва, деревня Морщихинская). В пяти деревнях Кенозерья Ильин день был особо чтимым праздником, ведь именно здесь были поставлены часовни в честь этого святого.

Главным событием крестьянского аграрного календаря был праздник Успения Пресвятой Богородицы, сопоставившийся со временем сбора урожая. Посвящение этому празднику имел приходской собор Кенозерского прихода в деревне Погост, слившейся сейчас с деревней Вершинино, а также часовни в деревнях Тырышкино и Херново. Знаком, символизирующим завершение крестьянского труда, был первый «именинный» сноп, который украшали лентами и ставили в церкви, часовне или под домашнюю божницу. По его зернам гадали о будущем лете и урожае. В праздничный день обязательно варили особую кашу «пожинаху». С последней уборкой урожая с полей и наступлением холодов связывали постный праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, который в Кенозерье называли «Здвиженье Господне». В Кенозерье цикл аграрного календаря маркирован «двумя Николами» – Николиными днями, «Никола Угодник был

начинателем, а был и отсевателем» (В.Н. Болознева, д. Зехнова). Кенозёры замечали, «на осенну Николу скоко снегу, то на вешну Николу травы стоко будет». На территории Кенозерья зафиксировано пять Никольских часовен. Святому Николаю как покровителю странствующих и путешествующих в Кенозерье посвящена придорожная часовня в деревне Горбачихе. Особая молитва святителю полагалась и как спасителю на водах¹⁷.

Покровителями рыбного промысла кенозёры почитали апостолов Андрея Первозванного, Петра и Павла. Андрею Первозванному посвящена прибрежная часовня и церковь в деревне Ведягино. День памяти святых апостолов Петра и Павла был престольным праздником в деревне Морщихинской, крупнейшем селении на берегах Лекшмозера; в кенозерском Вершинино во имя первоверховных апостолов освящен теплый придел приходского собора Успения Пресвятой Богородицы. День Петра и Павла связан с тремя важнейшими функциями «северного мира» (духовно-религиозная – приход, властная (юридическая) – волость и хозяйственная община). В Древней Руси Петров день служил сроком суда и выплаты дани и пошлин. Петровские торги, известные с XVI века, в былое время составляли особенные местные ярмарки по селам. В Кенозерье с «Петрова дня в поле пожня (покос)». В день памяти апостолов заканчивался Петров пост, который в старину называли «Петрово говейно». Во многих деревнях Петровщина известна как время гуляний, качаний на качелях и игр. В кенозерской деревне Роймова отмечали редкий праздник «Поклонение веригам святого апостола Петра». Возможно, этот день был связан с зимним рыболовным промыслом.

Святой апостол и евангелист Иоанн Богослов в центральной России почитался как наставник живописного иконного дела. Своеобразие кенозерского праздника, посвященного Иоанну Богослову, связано с его охранительной функцией от стихийных бедствий и пожаров. По словам старожилов, «Богослов вешний и осенний» (8 мая и 26 сентября по старому стилю) оберегает деревни от огненной беды. В миротворном круге Кенозерья значимое место занимал культ святых бессребреников Космы и Дамиана. Традиционно Православная Церковь почитала их целителями и чудотворцами. В Кенозерье крестьяне признавали святых «Божьими кузнецами», покровителями всех ремесленников. В день памяти угодников кузнецы считали грехом работать в мастерских. Часовня во имя святых Космы и Дамиана была поставлена в деревне Челме, которая являлась центром кузнечного ремесла Кенозерья.

В деревнях Росляково, Вильно, Ожегово отмечался праздник, посвященный преподобным Зосиме и Савватию. Зосиму в России повсеместно называют Пчельником и почитают как покровителя пчеловодства («Попаси Зосим Соловецкий пчелок стаями, роями, густыми медами»). В день памяти «Изосимы» пчеловоды выпускают пчел на весенний облет.

Одним из центральных праздников летнего цикла был день Рождества Иоанна Крестителя. Этот день, практически совпадающий со временем летнего солнцеза-

стояния, слился в народном сознании с языческим праздником Купалы (Купало) – славянского бога плодородия. С дохристианских времен это был великий день очищения огнем и водой. Об Иоанне Предтече, крестившем Христа в Иордане, в народных песнях поется, что он «купал Христа». В этот день девушки собирали 12 видов трав, плели из них венки и спускали на воду. Также было принято собирать целебные травы и запасать на год березовые веники. В Кенозерье существовала традиция бросать их на крышу бани: куда комлем упадет, в тот дом девушка и замуж выйдет.

На рубеже XIX – XX веков на территории Кенозерья существовало более 80 деревень, и почти в каждой из них была своя часовня. По сравнению с севернорусскими губерниями, где часовенная культура была также распространена, пантеон святых Кенозерья представляет уникальное явление. Часовенный ономастикон является важным механизмом памяти культуры, запечатлевшим основные религиозные и этнокультурные измерения кенозерского ландшафта. С появлением здесь новгородских и московских первопроходцев связаны традиции почитания преподобных, основателей монастырей на северных территориях: Пахомия Кенского, Александра Свирского, Диодора Юрьегорского, Антония Сийского, Зосимы и Савватия Соловецких. Глубоко личностное отношение крестьян к часовне способствовало тому, что «малые храмы», воссозданные на месте утраченных, редко переименовывали. Оберегая «пантеон» святых и традиции почитания, крестьяне сохраняли свой часовенный календарь веками.

Несмотря на то, что в великие и средние праздники богослужение совершалось в Приходском соборе (в конце XIX – начале XX в. на территории Кенозерья и Лекшмозерья было учреждено 7 церковных приходов), часовенный миротворный круг оставался важнейшей частью священного календаря. В завершение богослужения в главном соборе верующие переезжали в часовню и совершали в ней «частные молебствия»: «каждый, кто пришел по обещанию, старается отслужить молебен особо от других... такие молебствия продолжаются нередко до вечера»¹⁸. В контексте «частных молебствий» раскрывается острота переживания священного времени как личностного времени, что составляет существенную часть «часовенного богомолья». Личностное начало, согласно мысли Н.О. Лосского, «есть идеальное бытие <...> оно находится вне потока времени»¹⁹.

Богослужение только в часовнях, как правило, совершалось в часовенный праздник. В Кенозерье распространенным правилом было приглашение священника для совершения праздничной службы в часовне. Батюшка вычитывал церковные службы, кроме литургий. Традиционно и сами крестьяне по благословению священника вычитывали церковные службы. В частности, в часовне святого пророка Илии в деревне Першлахте (ил. 1) праздничный молебен совершался три раза в год – в день великомученика Георгия, пророка Илии и Макария Унженского; в часовне во имя Тихвинской Божией Матери в деревне Горы служение совершалось во имя престольного праздника²⁰ (ил. 2).

Приготовление к «престолу» (так называли часовенный праздник) предполагало соблюдение определенного чина. В домах подготовка начиналась с ритуального омовения – наведения порядка и чистоты в доме, деревне, часовне, обязательного посещения бани. В праздник был строгий запрет на работу. Даже в советское время, когда происходил процесс утраты традиций, в этот день работали только до обеда. Священное время защищено табу-предписаниями, что делает его неоднородным и непрерывным. День памяти святого, которому была посвящена часовня, являлся праздником деревни, на который собирались не только ее жители, но и многочисленные родственники и гости. Щедрости, гостеприимству придавали огромное значение, с ними связывали благополучие дома и семьи. «Людей как наедет, на берегу места нету, столько лодок», – вспоминает П.Н. Ножкина (д. Мамонова)²¹.

Часовенные службы маркировалось колокольными звонами. Исследователями отмечено не только исключительное разнообразие звонниц кенозерских часовен, но и устройство храмов на местах, откуда звук имеет наибольшее распространение. В частности, часовня святого апостола Иоанна Богослова в деревне Зехново поставлена на высоком холме, с трех сторон которого открывается панорама Кенозера. Водная гладь озера служит прекрасным зеркалом, отражающим звук.

Традиция «часовенного богомолья» – «перегашивания», «переезда на веслах» крестьян от деревни к деревне, от одного праздника к другому, была необычайно важна для сохранения общинного уклада Кенозерья. По окончании молитвенной части весь причт приглашался к общему столу – начиналась общественная трапеза, на которую сходилась вся деревня и прибывшие на праздник гости. «За столы садились – не один стол поставлен <...> приехали первые гости, садятся кушать. Затем приезжали вторые гости, эти откушали – садятся там чай пить уже за другие столы» (Л.В. Сидорова, д. Зехнова)²².

Ритуал праздничного пира наделялся священным смыслом. Обряд гостеприимства и общественной трапезы имеет глубокие языческие корни. По мнению Б.А. Рыбакова, трапеза символизировала совместную коллективную жертву определенному божеству. Г. Виденгрелю принадлежит мысль о том, что понятия «святость» и «жертва» имели общее первоначальное значение, от которого они позднее эмансипировались. «Святое – это то, что освящено божеством, а жертва есть акт, посредством которого произошло подобное освящение»²³.

По записи этнографа Н.Н. Харузина, у часовни преподобного Макария Унженского и Желтоводского на Купецком озере также устраивался пир по обету отдельных семейств, напоминающий о жертвоприношении языческого характера. Обряд «завечанья» на праздник преподобного Макария устойчиво бытовал в Кенозерье до середины XX века. «На праздник Макария, – вспоминают кенозёры, – отец всегда забивал барана, будто завет клал. Один год не забил, так у нас волк всех овец перелатал, мясо брезговали есть, всё собакам вышибли»²⁴. Отметим, что в связи с распространением «скотских жертв» существовали легенды об оленях

или лосях, «которые якобы убивались прежде, и лишь в последствии вместо них стали резать в жертву быков, овец и баранов»²⁵. Исследователь обрядовой практики жертвоприношения Г.А. Никитин выявил элементы легенды об олене, отображенные на чудотворной иконе Макарьевской Хергозерской пустыни, с изображением святого Макария Унженского и Желтоводского²⁶. Обряд жертвоприношения бытовал и по отношению к другим святым, например к преподобному Пахомию Кенскому, основателю монастыря на реке Кене²⁷.

Традиции общественной трапезы, посвященной святым Косме и Дамиану, также долго сохранялись в Кенозерье. По воспоминаниям жителей, трапезу организовывали прямо на лугу – варили кашу в общем котле, чтобы есть всем «соброром», а затем призывали святых: «Кузьма-Демьян, идите ести к нам!» «На “утреннюю беседу” – общий завтрак с пирогами – собирались на праздник Трех Святителей в деревне Нямята» (К.Н. Кожевникова, д. Вершинино)²⁸. В зависимости от праздника готовились постные или скоромные блюда. В первую очередь на стол ставили сакральную пищу – хлеб, соль, ендову с пивом, являющуюся древним символом плодородия. В Кенозерье во время трапезы, не связанной с постом, за обедом сначала подавали мясной суп, жаркое, затем рыбник, калитки, «к чаю пироги – белые творушки, ягодники» (М.А. Коренева, д. Качикова Горка) и «блинчата». Напоследок ставили обрядовый напиток – кисель ягодный, ржаной или овсяный на выжимках. В состав святочного стола обязательно входили «свинки» – пирожки с начинкой из толокна²⁹. Возможно, название пирога связано со свиньей, т.к. по православной традиции свинья – ритуальное животное рождественского стола. В «постовые праздники» – на Параскеву Пятницу, Иванов день, Егория Храброго – всё пекли на растительном масле. Существовала традиция в часовой праздник готовить «перепечи» (маленькие хлеба) и одаривать детей гостинцами (О.Ф. Худякова, д. Рыжково)³⁰.

Вслед за трапезой вечером в центре деревни начинались народные гуляния – «сельские веселости». По заповеданному ритуалу семейные пары и молодежь праздновали отдельно. Молодежные гуляния, во время которых водили хороводы, играли, исполняли песни и частушки, продолжались всю ночь и следующий день. Истоки деревенских игровых обрядов коренятся, по мнению этнографов, в глубокой языческой древности. «Хороводные игрища, – пишет П.С. Ефименко, – это остатки языческих игрищ, на которых наши предки выбирали себе пары»³¹. Одним из самых популярных хороводных танцев была кадрили – общий веселый, подвижный танец с участием пар (девушка с парнем). В кадрили заправляли мужчины. Это довольно сложный танец продолжался иногда по часу. В общем рисунке танца существовали фигуры, в каждой из которых были «свои коленца». В одной из фигур происходил обмен частушками между парнем и девушкой:

«По задворкам каменных палат
К тебе, милушка, ходить не велят.
Не одну я зиму к милушке ходил,

Три кафтана голубые износил,
Шубу новую навыволочил,
Все тебе, моя хороша, докучал»³².

Этнографы отмечают, что на территории Кенозерья сохранилось уникальное количество фигур кадрили. Кроме этого танца плясали ланча (или ланцей), вьюн, крохаль, портянку, кижя, футы-нуты, обману (или обманку). Традиционно водили хороводы в Петров день. Среди забав и развлечений этого праздника – качели. Качание – это празднество в честь солнца, одна из распространенных у многих народов ритуальных практик, символизирующих воскрешение, рост, подъем растений³³. В народе Петровщину называли праздником солнца. Качели – «голубень на столбах», на которые «по семь человек вставало» (П.Н. Ножкина, д. Мамонова), имели широкое распространение на территории Кенозерья.

Богатая православно-праздничная культура была неотъемлемой частью жизни крестьян. Часовенный месящеслов – пример гармоничного устройства севернорусского бытия – не исчез и сегодня, давая уникальную возможность соприкоснуться с культурой, следы которой на многих других территориях практически утрачены.

Важной частью священного календаря Кенозерья являлись периоды праздничного монастырского богомолья. Священные пути расходились по всему православному миру. Религиозный человек не удовлетворяется созерцанием святого в пространстве, он хочет соприкоснуться с ним, почувствовать свое с ним единство, чтобы стать сопричастным его силе.

К «духовным светильникам» в «дальние богомолья» на встречу с чудом крестьяне отправлялись в одиночку и группами (доминировало женское население, мужчины были редкими «дорожниками»). Для того, чтобы паломники могли достичь желаемого и возвратиться «преображенными» людьми, их путь должен был быть связан с определенным преодолением. По мнению С.П. Гурина, «в паломничестве происходит как бы малый Апокалипсис, личный Страшный Суд, персональное прощение грехов, единичное воскрешение, частное спасение, индивидуальное преобразование»³⁴. Преодоление преграды в странническом пути являлось одновременно источником исцеления как души, так и тела. Русское слово «исцеление» имеет общий корень со словами «целый», «цельный», что предполагает собирание человека к тому, что в нем самое главное, к его центру, к образу Божию в нем. Странствие к святым местам «предполагало некое условное «лечение пространством» – лечение в первую очередь, конечно, «души», однако, и человека, в целом – в его нерасторжимом уникальном душевно-телесном единстве», – отмечает Д.Н. Замятин³⁵. Путь на лошадях в летнее время считался крестьянами предосудительным. Отправляясь на поклонения святыням, они понимали паломничество как труженичество в дороге. «Босиком сходила к Макарию <...> в ту сторону семнадцать (километров. – М.М.), в другую – семнадцать», – свидетельствует паломница в Макарьевский монастырь³⁶.

В путевых заметках, где зафиксированы впечатления богомольцев, большое

внимание уделяется природным объектам, дающим силу в пути, – солнцу, воде, земле. Природа в религиозном понимании является носителем божественного, или, по выражению И. Гете, «Бог — в природе, природа — в Боге». Возвышенные строки русского писателя И.С. Шмелева посвящены странствию в Троице-Сергиеву Лавру: «Мы – на святой дороге, и теперь мы другие, богомольцы. И все кажется особенным. Небо – как на святых картинах, чудесного голубого цвета, такое радостное. Мягкая, пыльная дорога, с травкой по сторонам, не простая дорога, а святая: называется – Троицкая. И люди <...> все поминают Господа: «Довел бы Господь к Угоднику»»³⁷. Паломничество в Кирилло-Челмогорский монастырь, древнейшую обитель Кенозерья, описано И. Мардарьевым. Текст автора необычайно эмоционален: «Озеро, скованное льдом, покрытое белоснежным покровом и освященное нежным светом месяца, – за озером лес опушенный инеем, – все поражало величием, таинственностью и удивительным спокойствием»³⁸.

Маршруты странствий кенозерских богомольцев представляют собой «образ лабиринта... означая проникновение в пространство труднодоступное, содержащее главный символ сакрального»³⁹, под которым мы понимаем Святую землю Палестины, общерусские и локальные монастыри. Благодаря основанному Александром III в 1882 году Императорскому Православному Палестинскому Обществу в крестьянской среде получило распространение паломничество к Мекке христианского мира – Храму Гроба Господня в Иерусалим. В российских губерниях были учреждены отделы Общества, существовал и Олонецкий отдел Императорского Православного Императорского общества⁴⁰. Крестьянское паломничество в Святую землю Палестину составило особую страницу в православной истории и культуре. «Россию в Палестине создал серый русский крестьянин», – писал знаток русского паломничества А.В. Елисеев⁴¹. На рубеже XIX и XX веков официальная пресса писала об огромной массе богомольцев из крестьян, доходившей почти до 10 тысяч человек⁴². «Пешеходцы» привозили со Святой земли паломнические реликвии, предметный ряд которых отличался большим разнообразием. Среди памятных предметов были иконы, печатные книги, фотографии, карты и панорамы Иерусалима и остановок Страстного пути. Существовала практика распространения странниками по деревням предметов со Святой земли⁴³.

В среде русских паломников сокровенной реликвией пребывали иконы Богородицы, земной путь которой от Рождества до Успения связан со Святым Иерусалимом. В XIX веке памятным предметом, «раздаточным образцом», происходившим из Святого града Иерусалима и получившим широкое распространение в России, была небольшая икона Успения Божией Матери. Иконографический образец ее хранится в Иерусалиме в подворье Гефсиманской обители. Икона необычна тем, что представляет собой вырезанную по контуру плоскую фигуру с изображением Богородицы, лежащей на ложе с закрытыми глазами и сложенными на груди руками⁴⁴. Икона из Святого града, подобная описанному образцу, хранится в музейном фонде Кенозерского национального парка⁴⁵ (ил. 3). Возможно,

образ бережет память о кенозерских «ходебщиках» в Святую землю. Важная информация, дополняющая этот сюжет, была выявлена краеведом В.А. Калитиным. В братии Русского Пантелеймонова монастыря на Афоне состоял монах Косма (Константин Алексеевич Нечаев), уроженец села Кенозера⁴⁶. Исследователю удалось выявить связи крестьянского сообщества со Святой горой Афон, которая оказала исключительное влияние на становление и развитие русского монашества.

На протяжении столетий важным для русского человека представлялся не только край святой Палестины, несомненно, его притягивали и святыни родной земли. К началу XX века паломничество к Святой земле было «перекрыто странствием к собственно русским святыням». Местом притяжения для кенозерских крестьян был Соловецкий монастырь. На огромное количество «молебщиков в мае и июне» указывал в «Записке» губернатор Олонецкой губернии Г.Р. Державин⁴⁷. Меккой, куда устремлялись паломники, были также Александро-Свирский, Александро-Ошевенский и Валаамский монастыри.

Помимо дальнего паломничества в земли обетованные в религиозной жизни кенозёров значительное место занимали локальные духовные пути к монастырским святыням, расположенным на территории кенозерской земли. К «Кенозерской Фиваиде» относятся: Макарьевская Хергозерская пустынь, Кирилло-Челмогорская пустынь, Пахомиево Спасо-Преображенская Кенская пустынь и Аглимозерская пустынь. Обители, расположенные в радиусе 45-95 км от духовного центра – города Каргополя (связь с Олонецкой Духовной консисторией с XVIII в. осуществлял уездный духовный центр – Каргопольское духовное правление; в 1911 г. было учреждено Каргопольское викариатство, и Каргополье получило своего епископа) – воспринимались как единое сакральное пространство. Расположенные к северо-западу от Каргополя монастыри не были связаны ни с городом, ни с кенозерскими деревнями водными путями сообщения, что явилось причиной хорошо развитой широкой сети проселочных дорог и лесных троп⁴⁸.

Одной из форм паломнических процессий, раскрывающих «Небесный Иерусалим вовне храма» (А.М. Лидов), является Крестный ход, восходящий своими истоками к древней византийской традиции. Смысл литии состоит в том, чтобы выделить, ограничить сакральное пространство, отделить его от профанного и сконцентрировать внутри него божественную энергию. Путь по священной дороге может соотноситься с праздничными днями преподобных, устроителей кенозерских обителей. Ежегодно 24–25 июля «на праздник преподобного Макария устраивалось шествие с несением чудотворного образа преподобного Макария Унженского. Оно начиналось от города Каргополя, продолжалось до Кирилло-Челмогорского монастыря, далее до деревни Труфаново, где участники процессии поворачивали на Труфановскую дорогу до Макарьевского монастыря. У часовни во имя Честного Животворящего Креста Господня у росрани ежегодно встречались 7 крестных ходов: из Каргополя, из Александра-Ошевенского, Кирилло-

Челмогорского монастырей и других. Священник выходил с иконами навстречу, звонили колокола. На особых носилках мужчины попеременно несли большой образ Божия Матери, под которым каждый стремился пройти», – свидетельствуют очевидцы⁴⁹. В день памяти преподобного Макария устраивались ярмарки, которые «одухотворялась» самим расположением возле монастырских стен. Макарьевский монастырь имел постоянный Торжок и паломники приносили преподобному Макарию «даньку» – благодарные богомоления в виде натуральных продуктов: масло, молоко, шерсть и другое.

Важным поводом для организации литии с крестами могло стать приобретение новой иконы для монастырского храма. В литературном источнике сохранилось подробное описание священником М. Реговым Крестного хода с торжественным несением иконы преподобного Серафима Саровского из города Каргополя в Кирилло-Челмогорский монастырь в 1905 году⁵⁰. Крестный ход вспоминает очевидец события А.А. Бархатова: «В 1928 году был Крестный ход с несением иконы преп. Серафима Саровского. Архиерей плыл на лодке рекой с Лядин по Монастырскому озеру, а Крестный ход пеший шел от Пудожского тракта. Икону внесли и была служба. Помню освящение иконы, помню службу, шапку архиерея и как пели «преподобный Отче наш, Кирилле и Серафиме, моли Бога о нас»»⁵¹.

Одной из важных форм православного воспитания было ежегодное паломничество в монастыри учеников Каргопольского Духовного училища. 1911 – 1912 учебный год воспитанники училища закончили паломничеством в Кирилло-Челмогорский монастырь, о чем подробно сообщил в газетной статье преподаватель училища Г.П. Сергиевский⁵². Примечательно, что автор сделал ряд фотографий, которые запечатлели это событие и сохранили для потомков исторический облик пустыни начала XX века⁵³.

Монастырь мог стать местом притяжения паломников в связи с живущими в нем маргинальными личностями. История Кирилло-Челмогорско монастыря связана с неординарной личностью И.Т. Круганова, известного под именем «Иванушка белый балахон». В рассказах богомольцев передавались сведения о странноприимстве владельца усадьбы «Пела», более 30 лет проживавшего рядом с обителью. Иван Тихонович Круганов, уроженец Тихманьской волости Вытегорского уезда, прибыл в Челму в возрасте 18 лет. Рассказы о легендарной личности связаны с его «феноменальной быстротой и неутомимостью в ходьбе»: «он легко обгонял тройку лошадей и ему ничего не стоило сделать в сутки сотню верст». Прожив год в монастыре, И.Т. Круганов заболел, от усиленных трудов и простуды у него ослабели ноги. В течение последующих четырех лет он проживал в доме крестьянина деревни Труфаново (расположена вблизи обители) Анисима Кошелева, который ухаживал за ним, как за родным сыном. После исцеления Круганова о его жизни, полной благочестия и духовных подвигов, стало известно в Архангельске, Москве и Санкт-Петербурге. Петербургский домовладелец А.В. Михайлов из чувства благодарности за оказанные услуги выстраивает ему усадьбу

«Пела» на противоположном от обители берегу реки Челмы. Он снабжает И. Круганова денежными средствами, которые тот использует на богоугодные цели: приобретает серебряное изображение на раку преп. Кирилла Челмогорского и 62-пудовый колокол, в Георгиевскую церковь деревни Труфаново жертвует 300 рублей на приобретение нового колокола. Богомольцы, странники, нищие, посещающие обитель, получали пищу и ночлег в усадьбе «Пела». Усадьба слыла богадельней, т.к. здесь постоянно призывались до 15 человек⁵⁴. В первой четверти XX века на изломе политического строя России судьба «Пелы» была предreshена. Документы 1919 года свидетельствуют о недовольстве национализацией Кирилло-Челмогорского монастыря и усадьбы Круганова со стороны местных крестьян. Вероятно, личность Круганова была столь значительна, что крестьяне осмелились написать прошение в Каргопольский уезмотдел об изменении решения⁵⁵. Кирилло-Челмогорский монастырь стал последним пристанищем на этой земле для епископа Каргопольского Варсонофия (Василий Васильевич Вихвелин). С 1928 по 1932 год Варсонофий находился в затворе. Жил в доме крестьянина Макара Егоровича Пономарёва около Кирилло-Челмогорской пустыни. Участвовал в тайных богослужениях, в том числе и в церкви пустыни⁵⁶.

Существование локальных монастырских святынь являлось важнейшим знаком сакрализации пространства. Мир монастырских храмов создавал образ «града небесного», оставлял у человека глубокое впечатление от встречи со святым и придавал ему веру и крепость духа в испытаниях.

Крестные ходы в монастыри выполняли еще одну важную функцию: служили делу консолидации приходских сообществ. Деревни, по которым проходили богомольцы, становились центрами духовных и культурных контактов крестьян с жителями города Каргополя и сельских поселений. Институт локального паломничества, расцвет которого пришелся на XIX – первую половину XX века выполнял функцию охранителя священного времени. Несмотря на утрату важнейших компонентов, составляющих культурный слой монастырского устройства (памятники архитектуры, комплекс церковных интерьеров и др.), информационное поле, связанное с подвижническими подвигами основателей обителей, остается необычайно устойчивым. В Кенозерье зафиксирована концентрация нарративов народной агиографической прозы⁵⁷. В упраздненных в разное время и реорганизованных в приходские храмы монастырях сохраняются мощи родоначальников монастырских поселений, основанных в XIV – XV веках. «Циклические разрывы» (по определению Г.С. Лебедева) исторической памяти населения не привели к сокрушительному разрушению ментального образа монастырского наследия. Священное время сохраняет «таинственное присутствие богов», и, следовательно, оно не десакрализовано. Почитание монастырских святынь, возрожденное в конце XX века, стало основой формирования новой духовной традиции в современном обществе. Священный календарь, включающий часовой миротворный круг и широкий диапазон паломнических путей для локального сообщества, позволяет

человеку вновь находиться в совершенном мире и жить в присутствии Бога. Подтверждение этой мысли мы находим в кенозерском нарративе «Где родился, там и Иерусалим». Осмысление Иерусалима не связано с географическим пунктом, это место Христа, «пуп Земли», где можно достичь состояния святости и обрести то, что является единственно важным и существенным в бытии. «Вековая прикреплённость» жизни разных поколений к одной территории стирает временные границы между индивидуальными жизнями и объединяет людей единым Иерусалимом, образ которого и поддерживается, на наш взгляд, священным календарем Кенозерья.

Реконструкция пространственной и временной организации кенозерского богомолья позволила определить священный календарь как целостную религиозно-мифологическую систему. Для сохранения и интерпретации наследия Европейского Севера выявленный материал является ценным источником.

**Часовенный календарь Кенозерья
(Олонецкая и Петрозаводская епархия конец XIX – начало XX века)**

Часовенное посвящение	Место расположения часовни (деревня)	Название прихода	Дата празднования (по старому стилю)
Святой Василий Великий (с приложением посвящения святым мученикам Кирику и Улите)	<i>Ряпусова</i>	Кенозерский	1 января
Богоявление Господне	Горбачиха	Кенозерский	7 января
Преподобный Пахомий Кенский	Карпова	Кенозерский	7(8) января
Святой Филипп Митрополит	Кривцова	Кенозерский	2 (9 – 10) января
Поклонение веригам св. апостола Петра	<i>Роймовея</i>	Кенозерский	16 января
Святой Афанасий архиепископ Александрийский	Тарасова	Кенозерский	18 января
Преподобный Макарий Египетский	Осташевская	Почезерский	19 января
Преподобный Феодосий Тотемский	<i>Фомина</i>	Кенозерский	28 января
Трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста	Немята	Кенозерский	30 января
Преподобный Антоний Сийский	Поромское	Кенский	17 января
Святые Симеон Богоприимец и Анна Пророчица	<i>Бояринова</i>	Кенозерский	3 февраля
Святой Священномученик Власий	Медвежье	Кенозерский	11 февраля
Преподобные Зосима и Савватий Соловецкие	<i>Рослякова</i> <i>Вильно</i>	Кенозерский Лекшмозерский	17 апреля 27 сентября
Святой великомученик Георгий Победоносец	Минина <i>Важозеро</i> <i>Спицына</i> <i>Перишинская</i>	Кенозерский Ряпусовский Ряпусовский Почезерский	23 апреля 26 ноября
Святой Николай Чудотворец	Бухалова Вершинина Горбачиха Усть-Поча <i>Кузьминская</i>	Кенозерский Кенозерский Кенозерский Почезерский Почезерский	6 (9) мая 6 декабря
Святой апостол и евангелист Иоанн Богослов	Зехнова Шишкина	Кенозерский Кенозерский	8 мая 26 сентября
Живоначная Троица	<i>Коковиченская</i>	Почезерский	
Вознесение Господне	<i>Телицына</i> <i>Пехтусовская</i> Илекинская	Кенозерский Почезерский Лекшмозерский	10 мая
Сошествие св. Духа на апостолов	Глазова	Кенозерский	21 мая
Тихвинская Божия Матерь	<i>Фомина (Гора)</i> <i>Трихнова</i> Хвалинская	Кенозерский Кенозерский Лекшмозерский	26(27) июня
Святые мученики Кирик и Улита	<i>Немята</i> Филиповская	Кенозерский Почезерский	15 июля
Святой пророк Илия (с приложением посвящения св. великомученице Варваре)	<i>Мамонова</i> <i>Преснецовская</i> <i>Перилахта</i> <i>Думина</i> Свиное	Кенозерский Почезерский Кенский Хергозерский Почезерский	20 июля 4 декабря
Преподобный Макарий Унженский и Желтоводский	<i>Качикова горка</i>	Кенозерский	25 июля

Святой великомученик Пантелеймон – целитель	<i>Казариновская</i>	Лекшмозерский	27 июля
Происхождение Честных древ животворящего Креста Господня	<i>Федоровская</i>	Хергозерский	1 августа
Преображение Господне	<i>Екимова Заволочок</i>	Кенозерский Кенозерский	6 августа
Успение Пресвятой Богородицы	Тырышкина <i>Херново</i>	Кенозерский Хергозерский	15 августа
Нерукотворный образ Иисуса Христа	<i>Трихнова</i>	Кенозерский	16 августа
Святые мученики Флор и Лавр	Семенова <i>Морцихинская</i>	Кенозерский Лекшмозерский	18 августа
Владимирская Божия Матерь	<i>Илекинская</i>	Лекшмозерский	26 августа
Усекновение главы святого пророка Иоанна Предтечи	<i>Филиповская</i>	Почезерский	29 августа
Благоверный князь Александр Невский	<i>Суетин остров Климовская Ларионовская</i>	Почезерский	30 августа
Рождество Пресвятой Богородицы	Тамецкая Лахта	Кенозерский	8 сентября
Воздвижение честного и животворящего креста Господня	<i>Захарова Будыгина</i>	Кенозерский Кенозерский	14 сентября
Богоматерь – нечаянная радость	<i>Морцихинская</i>	Лекшмозерский	1 октября
Казанская Божия Матерь	Минина <i>Коковиченская</i>	Кенозерский Почезерский	22 октября
Святой великомученик Дмитрий Солунский	Городская	Кенозерский	26 октября
Святая великомученица Параскева Пятница	Тырышкина	Кенозерский	28 октября
Преподобная Анастасия	Косицына	Кенозерский	29 октября
Святые бесребреники Козьма и Дамиан	Челма	Кенозерский	1 ноября
Собор Архистратига Михаила и прочих бесплотных сил	Федосова	Кенозерский	8 ноября
Введение во Храм Пресвятой Богородицы (с приложением посвящения Рождеству св. пророка, Предтечи Крестителя Господня Иоанна)	Рыжкова	Кенозерский	21 ноября
Преподобный Диодор Юрьегорский	Тыр-Наволок <i>Глубозерская</i>	Кенозерский	23 ноября
Божией Матери «Знамение»	<i>Ожегово Кожевникова</i>	Хергозерский Кенозерский	26 ноября
Святой апостол Андрей Первозванный (с приложением посвящения св. пророку Илии)	Ведягина	Кенозерский	30 ноября
Святая великомученица Варвара	Матера	Кенозерский	4 декабря
Собор Пресвятой Богородицы	Глушева <i>Строева горка</i>	Кенозерский Почезерский	26 декабря
Часовня-крест, позднее часовня (?)	<i>Гужево Зехнова</i> Тыр-Наволок	Лекшмозерский Ряпусовский Кенозерский	

1. Предоставленная информация обобщена на основе материалов: Макаров Н.А. Церковные приходы и монастыри Кенозерья и Среднего Поонежья – Архангельск,

2007; Мелехова Г.Н. Православные часовни Русского Севера в XX веке (по полевым материалам Каргополя и Кенозерья 2000-х гг.) // Традиции и современность. 2006. № 4. С. 86-88; Национальный архив Республики Карелия. Ф. 501. Оп. 1. Д. 1/8. Л. 1-4 об.; 27-28, 41-41 об.; 48-48 об. Заручевская Е.Б. Церковно-приходская жизнь Кенозерья и Лекшмозерья конца XVIII – начала XX вв. // Там же. Ф. 25. Оп.15. Д. 54. Л. 48 об; Научный архив ФГУ НП «Кенозерский».

2. Курсивом выделены утраченные часовни.

3. Ряд часовен упраздненного Почезерского и Ряпусовского приходов не вошли в территориальные границы основанного в 1991 году Кенозерского национального парка. Жирным курсивом выделены часовни, утраченные до основания национального парка, но располагавшиеся на территории, принадлежащей сегодня парку.

4. Названия деревень указаны в соответствии с архивными документами.

5. Часовня святого пророка Илии (д. Мамонова) перевезена в Музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы».

Примечания

¹Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. С. 24.

²Лавренова О.А. Время, мерцающее в пространстве. Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / отв. ред. И.И. Митин, сост. Д.Н. Замятин. М., 2008. Вып. 5. С. 111-112.

³Кенозерские сказки, предания, былички. М., 2003. С. 103.

⁴Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 84.

⁵Здесь и далее сведения о народном месяцеслове средней России см.: Церковно-народный месяцеслов на Руси / сост. И.П. Калининский. М., 1990. С. 28-29.

⁶Ведерникова Н.М. От Егория до Покрова: скотоводческая обрядность на Кенозере // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2004. Вып. 3. С. 137.

⁷Чичеров В.И. Зимний период земледельческого календаря XVI – XIX веков. М., 1957. С. 45.

⁸Ведерникова Н.М. Фольклор как способ отражения культурного ландшафта: по материалам экспедиционных выездов 2000 – 2002 гг. // Культурный ландшафт как объект наследия / сост. Ю.А. Веденин и др. М.; СПб., 2004. С. 299.

⁹Криничная Н.А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. Петрозаводск, 2000. Т. 2. С. 78.

¹⁰Чичеров В.И. Указ. соч. С. 41.

¹¹Церковно-народный месяцеслов на Руси. С. 48.

¹²Там же. С. 44.

¹³Мелехова Г.Н. Православные часовни Русского Севера в XX веке (по полевым материалам Каргополя и Кенозерья 2000-х гг.) // Традиции и современность. 2006. № 4. С. 73.

¹⁴Кенозерские сказки, предания, былички. С. 124.

¹⁵Чичеров В.И. Указ. соч. С. 222.

¹⁶Мороз А.Б. Сакральная география Каргополя // Святые и святыни севернорусских земель. Каргополь, 2002. С. 102.

¹⁷Шайжин Н. Слава Святителя и Чудотворца Николая в Олонецком крае. Святитель Николай Чудотворец в народной поэзии Олонецкого края // Олонецкие епархиальные ведомости. 1909. № 13. С. 289–292; Бугаевский А.В. Добрый кормчий. М., 2011.

¹⁸Заручевская Е.Б. Церковно-приходская жизнь Кенозерья и Лекшмозерья конца XVIII – начала XX вв. // Национальный архив Республики Карелия (далее НАРК). Ф. 25. Оп. 20. Д. 39/444. Л. 3-4 об.

¹⁹Лосский И.О. Мир как осуществление красоты. Основы эстетики. М., 1998. С. 24.

²⁰НАРК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 38/886. Л. 246. Указанные иллюстрации см.: Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1456. Оп. 1. Д. 53. Л. 124 (ил. 1); Л. 49 (ил. 2).

²¹Программа «Паспортизация деревень», д. Мамонов остров // Научный архив ФГУ НП «Кенозерский».

²²Мелехова Г.Н. Указ. соч. С. 92.

²³Цит. по: Пылаев М.А. Западная феноменология религии. Теоретико-методологические основания и перспективы построения религиоведения как науки о святом. М., 2006. С. 44.

²⁴Программа «Паспортизация деревень», д. Качикова горка // Научный архив ФГУ НП «Кенозерский».

²⁵Никитин Г.А. Жертвоприношения в Карелии // Материалы по этнографии. СПб., 2004. Т. II: Народы Прибалтики, Северо-Запада, Среднего Поволжья и Приуралья. С. 345.

²⁶Там же.

²⁷Харузин Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии. М., 1889. С. 71.

²⁸Синяговский С.А. Кенозеро: истоки коллективной исторической памяти местного населения // Научный архив ФГУ НП «Кенозерский».

²⁹Синяговская Т.А. Традиционная кухня Кенозерья // Кенозерские чтения. Материалы 1-й Всероссийской научной конференции «Кенозерские чтения». Архангельск, 2003. С. 293.

³⁰Программа «Паспортизация деревень», д. Рыжково // Научный архив ФГУ НП «Кенозерский».

³¹Ефименко П.С. Заметки к статье Шадрина «Летние и зимние гулянья Шенкурского уезда // Труды Архангельского губернского статистического комитета за 1865 г. Архангельск, 1866. Кн. 1. С. 130.

³²Мелехова Г.Н., Носов Н.Н. Традиционный уклад Лекшмозерья. М., 1994. Ч. 2. С. 257.

³³Дмитриева С.И. Очерк этнокультурной истории Архангельского Поморья // Мировоззрение и культура севернорусского населения / отв. ред. И.В. Власова. М., 2006. С. 42.

³⁴Гурин С.П. Маргинальная антропология. Саратов, 2000. URL: [http:// www. vpodoroga. ru > disput.html](http://www.vpodoroga.ru > disput.html).

³⁵Замятин Д.Н. Феномен паломничества: географические образы и экзистенциальное пространство // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 3: Сакральная география

и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера: сб. научных статей. Архангельск, 2008. С. 42.

³⁶Кенозерские сказки, предания, былички. М., 2003. С. 103.

³⁷Шмелев И.С. Лето господне. М., 1991. С. 153.

³⁸Мардарьев И. Кирилло-Челмогорская пустынь (Впечатления богомольца) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1910. № 14. С. 320-324.

³⁹Муратова К.М. Лабиринт как перформативная икона в христианской культуре Востока и Запада // Пространственные иконы. Текстуальное и перформативное: материалы международного симпозиума. М., 2009. С. 103.

⁴⁰Памятная книжка Олонецкой губернии на 1905 год. Петрозаводск, 1905. С. 164-165.

⁴¹Цит. по: Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2007. С. 345.

⁴²Там же. С. 349.

⁴³Там же. С. 314.

⁴⁴Подробнее см.: Гнутова С.В. Гефсиманская плащаница Божией Матери и связанные с ней паломнические реликвии в России // Православный паломник. 2007. № 1(32). С. 66-78.

⁴⁵Научный архив НП «Кенозерский». № НВ – 446.

⁴⁶Калитин В.А. Сей храм на вашем попечении // Плесецкие новости. 2006. 11 февраля.

⁴⁷Эпштейн Е.М. Г.Р. Державин в Карелии. Петрозаводск, 1987.

⁴⁸Подробнее см.: Мелютин М.Н. Монастырский ландшафт Кенозерья: паломническая практика на рубеже XIX–XX вв. // Уездные города России: историко-культурные процессы и современные тенденции. Каргополь, 2009. С. 136-150.

⁴⁹Мелехова Г.Н. Православные традиции русской деревни в XX веке. URL: http://www.krotov.info/libr_min/m/melehova.html.

⁵⁰Регов М. Торжественное несение иконы пр. Серафима Саровского Чудотворца из г. Каргополя в монастырь пр. Кирилла Челмогорского // Олонецкие епархиальные ведомости 1905. № 13. С. 401-404.

⁵¹Варшавская Н.Ю. Кирилло-Челмогорский монастырь в рамках хронологических исследований. XIV–XX вв. // Научный архив ФГУ НП «Кенозерский».

⁵²Сергиевский Г.П. Паломничество учеников Каргопольского Духовного училища в Кирилло-Челмогорский монастырь // Олонецкие епархиальные ведомости. 1912. № 23. С. 405-408.

⁵³Мелютин М.Н. Указ. соч. С. 239.

⁵⁴Мардарьев И. Указ. соч. С. 320-324.

⁵⁵Государственный архив Архангельской области. Ф. 4687. Оп. 1. Д. 40. Л. 6.

⁵⁶Суворова С.В. За веру Христову. Архангельск, 2006. С. 78.

⁵⁷Мороз А.Б. Святые Русского Севера. Народная агиография. М., 2009.

ГРУППА СЕВЕРНЫХ ИКОН ИЗ ПОЧОЗЕРА

В собрании Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева (Москва) хранится группа икон из Почозера (Почезера), поступившая в 1971 году¹. Все памятники вывезены экспедицией музея, в которую входили научные сотрудники И.А. Кочетков и А.А. Салтыков. По воспоминаниям И.А. Кочеткова (научный отчет не сохранился), иконы находились в большой деревянной церкви «Происхождения честных древ животворящего Креста Господня» Почозера (сейчас д. Филипповская). Церковь в то время стояла открытая, и ее свободно посещали все желающие. Сотрудники обнаружили, что иконы были сняты со своих мест, вынуты из иконостаса, и стояли в храме около стен. И.А. Кочетков и А.А. Салтыков взяли все произведения, которые на их взгляд, представляли интерес для музея, их оказалось всего одиннадцать². Эти памятники составляли лишь небольшую часть иконописного убранства храма, который явно подвергся разорению ко времени появления в нем научной экспедиции.

Вывезенные в музей памятники можно предварительно разделить на две группы. К первой относятся образы, входившие в состав деисусного, пророческого и праздничного рядов иконостаса. Из деисуса до нас дошла только одна икона «Апостол Петр» (ил. 1).

Второй ряд, пророческий и праздничный, представлял характерную для северных памятников композицию, в которой объединены поясные изображения пророков в верхней части и праздников внизу. Сохранилось шесть икон этого чина, все они имеют на тыльной стороне зарубки в верхнем углу, обозначающие их место в иконостасе, по которым нам удалось расположить их следующим образом: слева – «Пророк Гедеон. Рождество Богоматери», «Пророк Иезекииль. Богоявление»; справа – «Пророк Иона. Вознесение», «Пророк Самуил. Троица Ветхозаветная», «Пророк Елисей. Преображение», «Пророк Малахия. Успение» (ил. 4). Все чиновые иконы написаны на толстых еловых досках (иконный щит состоит из одной большой доски) с встречными врезными шпонками, которые подтесаны топором и слабо выступают над поверхностью основы. Интересно отметить, что во всех иконах данной группы используется гипсовый грунт, по наблюдениям Т.М. Кольцовой, широко распространенный на Севере и типичный для Поонежья³. Фоны всех произведений бирюзовые, поля широкие, написанные охрой, опушь красно-коричневая, филенка по внутреннему контуру поля черная. Нимбы святых серебряные, покрытые желтым лаком, имитирующим золочение. Этот прием можно видеть как в пророческом, так и в деисусном рядах. Особенно хорошо сохранился лак на нимбе апостола Петра, в других иконах верхний красочный

слой сильно потерт. Крупные надписи, четкие и нарядные, сделаны черной краской. Лики святых написаны в одной манере, в которой видно знакомство с приемами «живоподобия» мастерской Оружейной палаты конца XVII века. Мастера используют светлый санкирь, объемы моделируются белилами, положенными по форме, морщины на лбу и на щеках усилены и резко прочерчены. Глаза крупные с характерными киноварными обводками по верхнему веку и красными точками в слезницах.

В композициях праздников художники используют традиционную для XVII века иконографию, в которую вводятся элементы живописи уже более позднего времени. Так, в «Успении» мастер пишет «шашечный» пол, в пейзажах горки изображаются в виде полихромных увалов с черными декоративными травами. В одеждах Спасителя, написанных широкими цветными линиями по светлому тону, видна имитация живописи цветными лаками по золоту, широко распространенная в иконописи конца XVII века. Отмеченные приемы, восходящие к живописи указанного периода, сохранялись в северной иконописи на протяжении длительного времени, поэтому в настоящее время до проведения реставрационных работ эти произведения уместно датировать широко в пределах первой половины XVIII века. Безусловно, после удаления записей эта датировка будет уточняться.

Все чиновые иконы имеют характерные признаки переделки и приспособления к новым условиям бытования. Так, все они опилены сверху и внизу, а также по бокам. На боковых частях (обрезах) досок имеются новые деревянные шпунты и круглые отверстия, с их помощью они соединялись в единый ряд. Это показывает, что иконы были извлечены из тяблового иконостаса и приготовлены для размещения на стенах. Образ апостола Петра, также имеющий шпунты на обрезах, соединялся либо с деисусными иконами, либо изображениями с праздников и пророков. Важно отметить, что размеры икон обоих чинов после опиления совпадают, что делает возможным предположение об установке их в едином ряду. Представляется вероятным, что эти переделки относятся ко времени ремонта храма в 1880 – 1883 годах⁴.

Вторую группу памятников составляют крупные храмовые и местные образы, которые находились или в иконостасе, или на стенах церкви. Икона «Преподобный Даниил Столпник, святители Модест и Власий, мученица Анастасия», как нам кажется, могла располагаться в местном ряду иконостаса (ил. 2). Избранные святые представлены в молении Спасителю, изображенному в верхней части ковчега. В целом подбор персонажей на иконе типичен для северных памятников: здесь представлены важные для крестьянского населения покровители домашнего скота святители Модест и Власий, они же, как и мученица, Анастасия почитались целителями. На поземе между фигурами предстоящих помещены изображения стада коров и табуна лошадей.

Особенностью данной иконы является включение в состав избранных святых преподобного Даниила Столпника. Он был менее известен, чем Симеон Столпник

старший, его единоличные образы встречаются реже, как правило, он помещался вместе со своим прославленным учителем. Подобный выбор свидетельствует об особом заказе, вызванном местным почитанием преподобного Даниила. Возможно, происхождение иконы связано с расположенным недалеко от Почозера Выго-Лексинским общежитием с Даниловым монастырем, а также с памятью об одном из его основателей – Даниле Викулове «киновиархе пустыни Выговския». Влияние старообрядцев в данном регионе было достаточно велико и устойчиво⁵. Среди почезерцев «многие были привержены старообрядчеству и особенно почитали выгорецкие и чаженские скиты. Местные раскольники указывают только на Даниловский монастырь, называя его святой обителью, отзываются с чувством благоговения»⁶.

В самой иконе присутствует ряд признаков, которые указывают на ее связь со старообрядческой культурой. Прежде всего, это запрещенные церковным начальством двуперстные сложения пальцев у Спасителя и епископа Власия, запечатленного с высоко поднятой рукой, намеренно привлекающей внимание к этому жесту, а также написание имени Иисуса Христа по древней форме «ІС ХС». Святитель Модест изображен не в митре западного образца, введенной в церковный обиход после раскола, а в старинной архиепископской шапке с меховой оторочкой, которую старообрядцы сохранили для облачений своих иерархов. Преподобного Даниила художник пишет не в традиционной позе моления, соответствующей его иконографии, а со сложенными на груди руками, воспроизводя позу для молитвы, предписанную старообрядческими учителями. Представляется вероятным, что этот образ мог быть заказан и написан как на самом Выгу, так и в Почозере выгорецкими иконописцами, работавшими по всему краю. После раскрытия иконы можно будет в полной мере судить о ее стиле и художественных особенностях, уточнить время создания, а также, возможно, она пополнит ряд произведений мастеров Выговской пустыни.

К этой же группе памятников принадлежит недавно отреставрированная большая икона «Деисус. Воскресение – Сошествие во ад. Святая Троица»⁷ (ил. 3). В ней также прослеживаются некоторые признаки старообрядческого влияния, к которым можно отнести двуперстие и древнее запрещенное официальной церковью написание монограммы Христа. В центре композиции представлен Спаситель, восседающий на престоле с раскрытой книгой в руках. По сторонам от него – архангелы, стоящие за спинкой трона, и изображенные в рост Богоматерь и Иоанн Предтеча в молении. В верхней части помещены праздники: «Воскресение – Сошествие во ад» и «Святая Троица», по углам – киноварные шестикрылые серафимы. В сцену сошествия Христа во ад введены изображения пустой гробницы с пеленами в ней и отваленного камня – земными свидетельствами воскресения Спасителя. Таким образом, в нее привносится дополнительный смысловой акцент, а вся композиция расширяется и становится более вытянутой по горизонтали, чем расположенная рядом, нарушая симметрию построения целого. Высота «Деисуса»

составляет 100 см, что соответствует размерам уже описанных чиновных икон, после того, как во время переделки их обрезали со всех сторон, приспособив к другим условиям. Возможно, на новом этапе существования эти произведения, «Деисус» и чиновные иконы составляли единый комплекс.

Особый интерес представляют два храмовых образа «Происхождения честных древ животворящего Креста Господня», созданные в 1770–1780-х годах. Оба эти произведения написаны талантливыми иконописцами, каждый из которых по своему, не повторяя другого, решили поставленную перед ними задачу соединения на одной иконной плоскости двух разных сюжетов.

Первая работа принадлежит кисти известного северного мастера Ивана Алексеева Богданова-Карбатовского, уроженца деревни Карбатовская Чекуевской волости Онежского уезда. Авторская подпись и дата создания «1778 год» были открыты во время реставрационных работ 2006 года на нижнем поле иконы⁸ (ил. 5). Иконописец использовал традиционную иконографическую схему данного сюжета: в верхней части находятся изображения трехфигурного ростового деисуса и творцов литургии, Василия Великого и Иоанна Златоуста, а внизу – целебного источника, около которого стоит ангел, утверждающий над ним крест, и двух больных, получающих исцеление. Близкая композиция использована в одной из древнейших сохранившихся икон данной иконографии из Ярославского музея⁹. Особенностью почозерского образа является помещение в правой нижней части сцен, не связанных с основным сюжетом. Художник пишет здесь образы святых мучеников, день памяти которых отмечается в тот же день, – семи братьев Маккавеев, их матери Соломонии и их учителя Елиазара. Введение дополнительных изображений, безусловно, связано с условиями заказа и местным почитанием этих святых. Позже Богданов-Карбатовский нередко обращался к этому сюжету, однако подобной композиции больше не повторял.

В полном перечне работ Богданова-Карбатовского, составленном на основании сохранившихся документов Т.М. Кольцовой, Почозеро не упоминается¹⁰. Тем ценнее для нас вновь открытый автограф известного автора и его замечательное произведение, которые позволяют расширить рамки его творческой биографии.

Икона имеет все характерные признаки живописи мастера периода его расцвета, близки не только живописные, но и технологические приемы, такие как использование доски без ковчега, сквозных врезных шпонок и гипсового грунта¹¹. Узнается письмо ликов по темному санкирю с яркой подрумянкой, работа цветными лаками, коричневыми и зелеными, по золоту на одеждах Христа, ангела и Маккавеев. Типичным для мастера является пейзаж с розовыми и голубыми далями, изображением елок и характерных «кочек», камней, обрамленных травой, на первом плане. Из произведений Богданова-Карбатовского наиболее близким почозерской иконе представляется написанное в том же 1778 году «Вознесение» из церкви Входа в Иерусалим д. Верхняя Мудьюга.

Обнаруженная надпись не совсем точно совпадает с известными автографами

Богданова-Карбатовского. В ней нет его имени или инициалов, однако характер написания некоторых букв подписи на иконе «Вознесение» в частности буквы «К» близок к нашему произведению. Важно отметить, что и эта икона, так же как и чиновные образы, подверглась позднейшим переделкам: ее боковые поля полностью обрублены топором.

Икона второго мастера с тем же сюжетом близка по времени исполнения произведению Богданова-Карбатовского и, как нам кажется, могла быть написана в связи со строительством нового храма на Почозере, возведенного в 1783 году на месте старого и с тем же посвящением¹² (ил. 6). Иконописец не повторяет полностью икону 1778 года, но, сохраняя все элементы композиции храмового образа, вносит дополнительные смысловые акценты. В верхней части он помещает изображение святителей Николая Чудотворца и Григория Богослова. Таким образом, появляется новая тема прославления трех святителей, трех вселенских учителей. Усложняется и становится более динамичной композиция в нижней части иконы. На первом плане помещается источник, по берегам которого находятся страждущие, запечатленные в экспрессивных позах. Мученики Маккавеи, Соломония и Елиазар не отделены от главного изображения, а включены в него. Мастер размещает их по обе стороны от источника среди больных, жаждущих исцеления.

Все три иконы, на наш взгляд, созданы в одно время. Каждая обладает особенностями авторской манеры, однако во всех трех присутствуют некоторые сближающие их стилистические черты. Исходя из данных предварительных исследований, можно осторожно предположить, что все три иконы связаны с мастерами из окружения Богданова-Карбатовского, который на протяжении ряда лет возглавлял артель, имел учеников, сотрудничал с другими иконописцами, чей индивидуальный почерк выявляется исследователями, и дальнейшая работа в этом направлении, возможно, позволит определить этих мастеров.

Приложение

Список икон, вывезенных экспедицией А.А. Салтыкова и И.А. Кочеткова с территории Архангельской области в 1971 году (акт № 1 от 29.08.1971 г.)

1. Александр Ошевенский.

Первая половина XIX в. Старообрядческая. Поморье.

КП 1595 72 x 56 см.

с. Чаженьга, Архангельская обл. Плесецкий район.

2. Иоанн Богослов.

Первая половина XIX в. Старообрядческая. Поморье.

КП 1596 92 x 40,5 см.

с. Почозеро, Архангельская обл. Плесецкий район.

3. Происхождение Честных Древ Животворящего Креста Господня XVIII в.

КП 1597. 83 x 62,5 см

с. Почозеро, Архангельская обл. Плесецкий район.

4. Происхождение Честных Древ Животворящего Креста Господня.

XVIII в. (1778 г.) Богданов-Карбатовский.

КП 1598. 106,2 x 82,5 см

с. Почозеро, Архангельская обл. Плесецкий район.

5. Даниил Столпник, Медост, Власий, Анастасия в молении.

XVIII в.

КП 1599. 110 x 82,5 см.

с. Почозеро, Архангельская обл. Плесецкий район.

6. Деисус, Воскресение – Сошествие во ад, Троица (Гостеприимство Авраама).

XVIII в.

КП 1600. 100 x 111 см.

с. Почозеро, Архангельская обл. Плесецкий район.

7. Апостол Петр (из Деисуса).

XVIII в.

КП 1601. 101 x 32 см.

с. Почозеро, Архангельская обл. Плесецкий район.

Пророки сверху, поясные со свитками в руках. Поля широкие. Доски у пророков и у Петра одинаковые – еловые, толстые, не тонированные. У пророков в верхних углах имеются зарубки, обозначающие их место в ряду. Боковые поля у некоторых икон обрезаны (признак вторичного использования). Доски соединялись с помощью круглых шпунтов.

8. Пророк Иезекииль – Богоявление.

XVIII в.

КП 1602. 101 x 32 см.

с. Почозеро, Архангельская обл. Плесецкий район.

9. Пророк Гедеон – Рождество Богоматери.

XVIII в.

КП 1603. 101 x 30,5 см.

с. Почозеро, Архангельская обл. Плесецкий район.

10. Пророк Елисей – Преображение.

XVIII в.

КП 1604. 101 x 37 см.

с. Почозеро, Архангельская обл. Плесецкий район.

11. Пророк Самуил – Троица.

XVIII в.

КП 1605. 101 x 39,5 см.

с. Почозеро, Архангельская обл. Плесецкий район.

12. Пророк Иона – Вознесение.

XVIII в.

КП 1606. 101,5 x 31,5 см.

с. Почозеро, Архангельская обл. Плесецкий район.

13. Пророк Малахия – Успение.

XVIII в.

КП 1607. 101 x 42 см.

с. Почозеро, Архангельская обл. Плесецкий район.

Примечания

¹Акт приема № 1 от 21.08.1971 г.

²Иконы: «Происхождение честных древ Животворящего Креста Господня», XVIII в., 83 x 62,5 см, КП 1597; «Происхождение честных древ Животворящего Креста Господня», 1778 г., Богданов-Карбатовский, 106,2 x 82,5 см, КП 1598; «Преподобный Даниил столпник, святители Модест и Власий, мученица Анастасия». XVIII в., 110 x 82,5 см, КП 1599; «Деисус, Воскресение – Сошествие во ад, Троица Ветхозаветная», XVIII в., 100 x 111 см, КП 1600; «Апостол Петр», XVIII в. 101 x 32 см, КП 1601; «Пророк Иезекииль. Божоявление» XVIII в. 101 x 32 см, КП 1602; «Пророк Геден. Рождество Богоматери», XVIII в. 101 x 30,5 см, КП 1603; «Пророк Елисей. Преображение», XVIII в. 101 x 37 см, КП 1604; «Пророк Самуил. Троица Ветхозаветная», XVIII в. 101 x 39,5 см, КП 1605; «Пророк Иона. Вознесение», XVIII в. 101,5 x 31,5 см, КП 1606; «Пророк Малахия. Успение», XVIII в. 101 x 42 см, КП 1607.

³Кольцова Т.М. Северные иконописцы. Архангельск, 1998. С. 13.

⁴Научно-проектная документация. Исторический объект: Храмовый комплекс Почозерского погоста в с. Филипповское Архангельской области. Памятник архитектуры 1783 г., 1880 – 1883 гг. ФГУ НП «Кенозерский» // Научный архив ФГУ НП «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 1. Д. 144.

⁵Кольцова Т.М. Указ. соч. С. 26.

⁶Харузин Н.И. Из материалов, собранных среди крестьян Пудоожского уезда Олонекской губернии // Олонекский сборник. 1894. Вып. 3. С. 302 – 346.

⁷Ступени мастерства. Каталог икон, реставрированных студентами Российской академии живописи, ваяния и зодчества, 1997 – 2007 годы / сост. Т.Н. Нечаева, Л.Ю. Яснова. М., 2007. С. 148-153.

⁸Там же. С. 144-147.

⁹Иконы Ярославля XIII – XVI веков. М., 2002. С. 62- 65.

¹⁰Кольцова Т.М. Указ. соч. С. 40-45; Ее же. Иконы Северного Поонежья: монография. М., 2005 С. 54-60.

¹¹Ее же. Иконы Северного Поонежья. С. 59.

¹²Научно-проектная документация. Исторический объект: Храмовый комплекс Почозерского погоста в с. Филипповское Архангельской области. Памятник архитектуры 1783 г., 1880 – 1883 гг. ФГУ НП «Кенозерский» // Научный архив ФГУ НП «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 1. Д. 144.

**КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КЕНОЗЕРЬЯ
В СОБРАНИИ АРХАНГЕЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА И НАРОДНОГО
ИСКУССТВА «МАЛЫЕ КОРЕЛЫ»
(на примере отдельных коллекций)**

Сохранение памятников истории и культуры является одной из основных функций музейной работы. При организации музея «Малые Корелы» в начале 1970-х годов принцип моделирования среды концептуально пришел на смену задаче простого формирования коллекции архитектурных памятников¹. «Моделирование жилой среды в музее под открытым небом, – по словам А.Н. Давыдова, – превосходит собственно музейные задачи экспозиции, прежде всего в том, что экспозиция должна «откликаться» на внутреннюю логику пространства сельского поселения...»². Комплексный архитектурно-этнографический подход при создании музея наложил свой отпечаток на собирательскую работу при комплектовании коллекций.

Формирование музейного собрания предметов движимого фонда началось в 1972 году. Открытие музея состоялось в июне 1973 года, когда В.А. Лапин, директор Архангельской специализированной научно-реставрационной производственной мастерской (АСНРПМ) передал 13 памятников архитектуры Архангельскому музею изобразительных искусств для организации приема посетителей³. Экспедиции и командировки в районы Архангельской области явились основной формой комплектования.

Благодаря активной систематической собирательской работе удалось за короткий период сформировать коллекции, дающие полное представление о хозяйстве, социальной структуре, характере быта и образа жизни крестьянского населения Русского Севера, при этом тематическое комплектование отошло на второй план, на наш взгляд, не совсем заслуженно. История и культура самого многочисленного крестьянского сословия показана через вещественные (основные) и изобразительные источники. Видовой состав вещественных памятников можно разделить на несколько общих групп: предметы быта и хозяйства, орудия труда, одежда, предметы культуры. Исследовательская работа по изучению (атрибуции, классификации, систематизации, интерпретации) предметов коллекций, классифицированных в хранении по материалу (в отдельных случаях по технике изготовления, способу фиксации информации, функциональному назначению), велась с первых этапов комплектования, а именно с полевых экспедиционных работ. О.В. Бычков отмечает большое значение этих работ для музеев под открытым небом, «не об-

ладающих, как правило, на начальном этапе своего становления коллекционными фондами. Сталкиваясь в повседневной работе с проблемами в организации экспедиций по выявлению, вывозу архитектурных комплексов и сбору этнографических коллекций, с сожалением приходится констатировать, что методологические и методические вопросы комплектования отстают от громадной по объему практической собирательско-исследовательской работы»⁴. К сожалению, в некоторых случаях подробная информация по истории (легенде) музейных предметов была утеряна еще до получения предмета или на начальных этапах собирательской работы. Рассматривая одну из сторон этой проблемы, музейеведы обращают особое внимание на сбор информации о приобретаемых для музея предметах⁵.

Понятие «Кенозерье» у исследователей с некоторыми оговорками рассматривается как общее наименование Кенозерья и Лекшмозерья⁶. В данной статье мы не будем ограничиваться собственно территорией Кенозерского национального парка, а возьмем более широкие территориальные рамки Плесецкого и Каргопольского районов Архангельской области, пограничных с Кенозерьем. Основными источниками послужили экспедиционные отчеты, архивные материалы и первичная учетная документация. Отчеты начального и последующих периодов формирования музейных коллекций содержат ценные сведения по некоторым историческим памятникам и районам⁷, поэтому позволим себе процитировать их более подробно в отдельных случаях.

Основной целью начального этапа работы музея являлась работа с памятниками северного деревянного зодчества на основе комплексного архитектурно-этнографического подхода. Комплектование предметов религиозного искусства, крестьянского обихода, бытовавших в этих памятниках и на территории Архангельской области, шло параллельно. Установленные в музее архитектурные памятники необходимо было наполнить предметами для создания единых экспозиционных комплексов. Примечательно, что первыми предметами движимого фонда стали иконы из Макарьевской⁸ часовни XVIII века д. Фёдоровской Плесецкого района (часовня была перевезена в музей в 1972 г.)⁹. В мае 1972 года из Архангельской научно-реставрационной мастерской поступили 23 иконы деисусного апостольского чина и местного ряда иконостаса (ил. 1, 2). Большую роль в сохранении наследия иконописной живописи Русского Севера сыграла О.Н. Вешнякова. Работая в должности старшего научного сотрудника Архангельского музея изобразительных искусств, она являлась участником многих комплексных экспедиций в районы Архангельской области. В составленном ею описании говорится: «В иконостасе деисус многофигурный. К трем главным персонажам добавлены Петр, Павел, Андрей Первозванный, Симон Зилот, Иаков Алферов, Филипп, Иоанн Богослов, Иаков Заведов, Фома и евангелист Матфей. Эти святые изображены в молитвенных позах, как Богоматерь и Иоанн Предтеча»¹⁰. Иконы «Сошествие святого духа», «Воскресение с двенадцатью клеймами из земной жизни Христа», «Зосима и Савватий Соловецкие, с видом монастыря» находились в местном ряду

иконостаса. О.Н. Вешнякова говорит о местном северном авторстве: «Деисусный чин написан северным иконописцем. Иконы отличаются некоторой наивностью, неприязнательностью, красочностью. Эти черты характерны для всего народного искусства. Иконы местного ряда написаны профессиональным иконописцем»¹¹.

В мае 1972 года в музей поступило живописное «небо» из Макарьевской часовни. «Небо» Макарьевской часовни, принадлежность его типологических особенностей непосредственно к территории Кенозерья было подробно описано исследователями¹². Т.М. Кольцова относит время его создания к концу XVIII – началу XIX века¹³. Она считает, что «отличительной особенностью "неба" из деревни Фёдоровская является отсутствие традиционного для "небесных" росписей круга серафимов». По ее мнению, живопись иконостаса и «неба» принадлежит одному автору, более того, это «редчайший образец сочетания "неба" и иконостаса в одном памятнике, созданный одним живописцем»¹⁴. Всего из часовни поступило 40 предметов иконописи. Макарьевская часовня периода бытования в д. Фёдоровской была запечатлена на рисунке художника Л.А. Ткаченко, который находится в фондах музея.

В сохранении музейных коллекций, в частности предметов иконописи, огромную роль сыграл труд научных сотрудников музея, которые, несмотря на все сложности собирательской работы, смогли найти и сберечь памятники, имеющие огромное культурно-историческое значение для нашего региона и страны в целом. Их труд, до сих пор неоцененный по достоинству, помог спасти от безвозвратной утраты культурное наследие края. Многие иконы поступали в музей в аварийном состоянии, для их спасения требовалось проведение срочных реставрационных мероприятий, которой занимались художники-реставраторы музея.

В июне 1972 года в ходе командировки О.Н. Вешняковой в Каргопольский район был исследован иконостас в церкви Макарьевской пустыни. «Примерно в 1967 году он был перевезен в д. Лекшмозеро (д. Морщихинскую. – С.С.) и складирован в местной каменной церкви. Там сейчас около 23 икон. Иконы XIX века выполнены по западным образцам. При беглом осмотре икон видимых поврежденных красочного слоя не обнаружено, но живопись покрыта толстым слоем пыли. Иконы, не представляющие большой художественной ценности, не вывезены из-за трудностей и дороговизны перевозки. В самой Макарьинной (Макарьевской. – С.С.) пустыни стоит каменная церковь, рядом с ней полностью разрушенная колокольня и два деревянных дома. Ни икон, ни каких-либо элементов убранства там не сохранилось. Со слов местных жителей, на территории Лекшмозерского с/с есть еще две часовни – в 3 км от д. Орлово и в 7 км от д. Лекшмозеро (в местечке Масельга). В этих часовнях могут быть иконы, принесенные местными жителями»¹⁵. В результате этой командировки был вывезен иконостас из Ильинской часовни д. Воробьевской Поздышевского сельсовета (Верхняя Чурьга)¹⁶. В июне 1972 года в музей поступило 16 икон апостольского чина и местного ряда иконостаса Ильинской часовни.

В 1977 году во время экспедиций Е.И. Фокина в Плесецкий район были приобретены предметы темперной живописи из д. Часовенской (5 икон от Марии Степановны Пономарёвой) и Лисицыно (3 иконы от Екатерины Егоровны Пономарёвой). Не смотря на то, что эти населенные пункты территориально не принадлежат Кенозерью, хотелось бы акцентировать внимание на этой экспедиции. Поступления из д. Часовенской интересны иконой «Сошествие во ад, с клеймами» XVII века. В 1980–1981 годах памятник прошел полную реставрацию в Межобластной специальной научно-реставрационной производственной мастерской объединения «Росреставрация». По мнению исследователей, одно из клейм «Древо Иуды» является композицией очень редкого иконографического извода¹⁷.

Коллекцию икон, поступивших из Плесецкого и Каргопольского районов Архангельской области можно условно разделить на две группы: храмовые и домовые. Домовые иконы интересны иконографией местных святых, традицией иконописания, в историко-этнографическом плане – их ролью и степенью почитаемости в крестьянской жизни. Коллекция домовых икон XIX – начала XX века, принадлежавших Анастасии Власьевне Кухтиной (1906–1984) из д. Корякино Плесецкого района, была собрана Н.Н. Чураковой в 1988 году (12 предметов). У этой коллекции была та же владелица, что и у «крестьянской старообрядческой библиотеки», находящейся в собрании Архангельского областного краеведческого музея¹⁸.

Иконы, принадлежавшие одной семье, могут служить ценным источником для исследований в области истории бытования и использования произведений религиозной живописи в крестьянской среде, для изучения уровня культуры и образования местного населения.

Иконы из пос. Самково Кенорецкого сельсовета были приобретены Е.И. Фокиным у П.И. Хабаровой в результате командировки в Плесецкий район в 1985 году (6 предметов). Е.И. Фокин сыграл заметную роль в собирательстве и сохранении музейных предметов иконописи и живописи советского периода.

Основная экспедиционная форма собирательской работы помогла в кратчайшие сроки сформировать полноценные этнографические коллекции. В 1973 году в ходе экспедиции в с. Замошье, д. Гришинскую и Наумовскую Каргопольского района среди других предметов Ю.А. Тарасовым была собрана коллекция плотницкого инструмента, а также интересная коллекция медной посуды (братыни, рукомойники, чайник, котелок), изготовленной и широко бытовавшей на Русском Севере.

Подробная информация о предметах исторического и этнографического характера сохранилась в экспедиционных отчетах при вывозе того или иного архитектурного памятника деревянного зодчества. Дом Якова Пухова был перевезен в музей в 1974 году из д. Большой Халуй Ошевенского сельсовета Каргопольского района. Научным сотрудником музея Н.Н. Власихиной собраны подробные сведения о владельцах дома, их быте и традиционных занятиях¹⁹. В музей поступила большая коллекция предметов (104 ед. хр.) быта и охоты, орудий труда: котел для приготовления пищи на костре, рукомойник, капканы, скобель, топор, пила про-

дольная, мотыга, ножницы для стрижки овец, безмен, серпы, самовары. Эта коллекция приобретает особую ценность благодаря связи с одним домом и владельцами, которая может дать информацию о нравах, обычаях, образе жизни крестьянской семьи. «Все крестьяне в деревне имеют прозвища и клички... Клички Пуховых – Медведчиковы и Лешегоны – объясняются тем, что хозяева этой избы “лесовали” (занимались охотой). В доме постоянно жили 5–6 мужчин, все они славились как хорошие охотники. Ловили медведей, лосей, зайцев. Местные жители рассказывают, что лешегоны могли по 24 часа бегать по лесу на лыжах. Бегали быстро, загоняли лосей. В одну зиму они поймали трех живых лосей. “Зверье” возили на продажу в Конево. В избе найдено множество орудий труда охотников: капканы (клепцы) для ловли зайцев, медведей, охотничий топор. На чердаке найден череп медведя»²⁰. При этом нельзя забывать о дальнейшем изучении предметов в плоскостях разных научных дисциплин – этнографии, истории, краеведения (локальной истории), искусствоведения.

Икона «Александр Ошевенский, Макарий Желтоводский и Унженский» поступила в 1974 году из этого же дома. Икона покрыта сгорбившейся темной олифой, изображения святых плохо различимы, поэтому она была записана под названием «Два святых». Из д. Гарь Ошевенского сельсовета в коллекцию «Металл» поступило 3 предмета в 1974 году (Н.Н. Власихина) и 3 предмета в 1975 году (Г.Н. Петрова, Е.Ш. Галимова). В результате последней экспедиции ее участниками записан богатый этнографический материал по интерьеру рудных изб²¹.

Экспедиция художника-реставратора темперной живописи Е.И. Фокина в Плесецкий район в 1977 году территориально затронула районы, прилегающие к Кенозерскому национальному парку. Из собранной коллекции отметим только некоторые предметы, основываясь на классификации по материалу изготовления. Из д. Коротаяево Федовского сельсовета поступила книга кириллической печати «Псалтирь» (XVIII в.). Поступления из д. Семёново от П.С. Демидовой интересны небольшой коллекцией медной посуды, в которой оказались рукомытники открытые, кофейник скандинавского типа, подсвечник. Эти вещи по своему предметному ряду в какой-то степени характеризуют смешанный крестьянский быт конца XIX – начала XX века, в традиционность которого благодаря отхожим промыслам были привнесены городские черты.

Хотелось бы остановиться на отдельных поступлениях, связанных непосредственно с территорией Кенозерья и известными культовыми памятниками парка. В 1981 году благодаря собирательской работе внештатного сотрудника В.П. Давыдовой коллекция меднолитой пластики пополнилась тремя предметами из д. Рыжково Кенозерского сельсовета (от В.И. Худякова) – складнем трехстворчатом «Деисус», иконой нагрудной «Николай Чудотворец», крестом «Распятие». В ходе этой экспедиции из д. Рыжково, Погост, Глазово, Конево поступило 28 предметов, которые были записаны в соответствующие фондовые коллекции. В 1982 году поступила подвеска для лампы из церкви д. Порженское Кенозерского сельсовета

(собиратель – А.Г. Кремлёв). В ходе этой командировки было собрано 8 предметов из д. Почы, Усть-Почы, Майлахты, Порженское. Среди них – лодка-кенозерка от А.П. Калитина из д. Усть-Почы.

Экспедиция старшего научного сотрудника В.А. Шелег в 1986 году затронула территорию Кенозерья, а именно д. Першлахту Кенорецкого сельсовета. Благодаря этому от жителей приграничных с парком д. Караник, Рудниковской, Аверкиевской Кенорецкого сельсовета Плесецкого района в музейное собрание были приобретены бытовые предметы, орудия труда и охоты, медная посуда. Учитывая предметы других фондовых коллекций, в музей поступило 59 единиц хранения.

В 2001 – 2002 годах на территории Кенозерского национального парка проходила экспедиция А.И. Ивановой с целью исследования среды бытования и интерьеров часовен этого района²².

Коллекция документов в фондах музея деревянного зодчества, исходя из количества собранных материалов, занимает вспомогательные позиции. При проведении собирательской работы, выработке концептуальной стратегии комплектования фондов больше внимания уделялось вещевым комплексам, которые благодаря своим аттрактивным свойствам необходимы для создания полноценной экспозиции. Документальные материалы играют главную роль прежде всего как исторические источники, использующиеся в процессе изучения музейных предметов и подготовительного этапа выставочной работы. О роли источниковедческой базы для этнографического музея применительно к фотографиям писал А.М. Решетов: «Давно уже общепризнано, что научное и музейное этнографическое учреждение должно накапливать необходимые для его успешной деятельности письменные и фотографические материалы, собранные во время полевых этнографических экспедиций, а также вещевые (предметные) этнографические коллекции»²³. Благодаря своей информационной наполненности документальные памятники являются важным источником, который при должной интерпретации и выявлении явной и скрытой информации поможет создать полноценную картину крестьянского быта и труда. Примером может послужить Паспортная книжка, выданная в 1914 году крестьянину Олонецкой губернии Каргопольского уезда Лекшмозерской волости д. Анфаловской Николаю Сергееву Семёнову. Сведения о семейном положении, занятиях, вере, отметки полиции по новому месту жительства, записанные в документе, могут рассказать о конкретном человеке. Сравнительная характеристика паспортных книжек крестьян одной территориальной единицы даст общее представление о жизни и занятиях крестьян, их вере, уровне образования, семейном положении и т.п. Паспортные книжки являлись видом на жительство и давали право на отлучку с постоянного места пребывания, они служат ярким примером отходничества, получившего особенно широкое распространение в конце XIX – начале XX веков.

В 1989 году в музей поступили планшеты А.В. Ополовникова с обмерами 1946 года (собиратель – А.Б. Пермиловская). «Никольская часовня XIX в. д. Горбачиха» Плесецкого района, «Часовня Кирика и Улиты у с. Почозеро» Плесецкого

района, XVIII века (ил. 3). «Ограда кладбища на погосте Почозеро Арх. обл. План.» XVIII века, «Ограда кладбища на погосте Почозеро. Главный фасад», «Ограды разные. 1 – Маломса Вологодской области. 2 – Почозеро Архангельской обл. 3 – Малый Халуй Архангельской обл. 1946 – 1986 гг.»²⁴.

Если сравнивать в количественном отношении, то предметов, потупивших с территории Лекшмозерья, отложилось в собрании музея меньше, чем с территории, охватывающей район озера Кено. Основной причиной тому является территориальная направленность экспедиций на тот или иной район Архангельской области без определенной нацеленности на Кенозерье. Обычно они захватывали какой-либо район парка в ходе экспедиции в Каргопольский или Плесецкий район. Предметы коллекции «Металл» благодаря своей видовой распространенности являются типичными, массовыми в крестьянском бытовании и употреблении в конце XIX – первой трети XX века на территории, охватывающей современную Архангельскую область. Исключения составляют образцы медной пластики – кресты, иконы, иконы-складни. В.А. Шелег отмечает, что на Каргополье не было крупных центров кузнечного ремесла, «но в каждой волости было от одной до пяти кузниц, владельцы которых занимались изготовлением сошников, топоров, кос. Кроме того, в окрестностях Каргополя были небольшие меднолитейные мастерские, изготовлявшие бляхи для конской сбруи, медные иконки, распятия и кресты»²⁵. Секретарь статистического комитета Олонецкой губернии И.И. Благовещенский в 1895 году на основе собранных сведений отмечал широкое развитие кузнечного промысла в Олонецком крае. В частности, в Кенозерской волости Каргопольского уезда «еще недавно добывали болотную руду и выплавляли железо, которым пользовались кузнецы для своих изделий. Руда добывалась крестьянами Вершининской волости Пудожского уезда... Промысел этот вытеснен дешевой привозной железой»²⁶.

Коллекция древнерусской живописи несет на себе отпечаток принадлежности к Каргополью в целом и Кенозерью в частности благодаря самобытности природного и культурного ландшафта территории Кенозерского национального парка.

Примечания

¹Давыдов А.Н. Некоторые идеи к концепции Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» // Современная скансеология: теория и практика. Архангельск, 2004.

²Там же. С. 19.

³Бострем Л.А. Из истории музея // Современная скансеология: теория и практика. Архангельск, 2004. С. 3.

⁴Бычков О.В. Вопросы комплектования региональных музеев под открытым небом // Проблемы комплектования, научного описания и атрибуции этнографических памятников. Л., 1987. С. 23.

⁵Там же. С. 27.

⁶Критский Ю.М. Кенозерье: история и культура (очерки, материалы, исследования). Архангельск, 2005. С. 11.

⁷Отчет В.П. Давыдовой о работе на Кенозере в июне – июле 1982 года. Тексты песен, былички о лешем, водяном, русалке, домовом. Информация об изготовлении лодок на кенозере. Сведения по традиционной календарной и семейной обрядности // Научный архив АГМДЗиНИ «Малые Корелы». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1144.

⁸Согласно первичным учетным документам и надписи на тыльной стороне икон – Пятницкая часовня (см.: Чуракова Н.Н. Тематико-экспозиционный план интерьера деревенской часовни // Научный архив АГМДЗиНИ «Малые Корелы». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1584. Л. 2).

⁹Северные часовни. Архангельск, 2005. С. 8.

¹⁰Вешнякова О.Н. Записка к интерьеру Пятницкой часовни из д. Федоровская Плесецкого района. XVIII в. 1975 // Научный архив АГМДЗиНИ «Малые Корелы». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1072. Л. 3.

¹¹Там же. Л. 7.

¹²Кольцова Т.М. Росписи «неба» в деревянных храмах Русского Севера. Архангельск, 1993; Чуракова Н.Н. Макарьевская часовня из с. Федоровское, Ильинская часовня с Мамонова острова Плесецкого района // Научный архив АГМДЗиНИ; «Малые Корелы». Ф. 1. Оп. 1. Д. 2347. Иванова А.И. Интерьеры северных часовен и их интерпретация в музейных условиях // Современная скансенология: теория и практика. Архангельск, 2004.

¹³Кольцова Т.М. Указ. соч. С. 74.

¹⁴Там же. С. 176.

¹⁵Научный архив АГМДЗиНИ «Малые Корелы». Экспедиционный фонд. Оп. 1. Д. 1880. Л. 1-2.

¹⁶Выражаю благодарность за консультацию по вопросу территориальных названий Каргополья Н.Э. Тормосовой.

¹⁷Архив Межобластного СНРПМ. РП № 98. Инв. № 43 – 63/23.

¹⁸Бронникова Е.П. Памятники Кенозерья в собрании Архангельского областного краеведческого музея // Культурное и природное наследие Европейского Севера. Архангельск, 2009. С. 113.

¹⁹Научный архив АГМДЗиНИ «Малые Корелы». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1878.

²⁰Там же. Л. 4-5.

²¹Научный архив АГМДЗиНИ «Малые Корелы». Экспедиционный фонд. Оп. 1. Д. 1880.

²²Научный архив АГМДЗиНИ «Малые Корелы». Ф. 1. Оп. 1. Д. 2627, 2759.

²³Решетов А.М. Фотографии в собраниях этнографического музея // Проблемы комплектования, научного описания и атрибуции этнографических памятников. Л., 1987. С. 69.

²⁴На всех планшетах стоят даты воспроизведения чертежей – 1986, 1988. Выражаю благодарность за консультацию М.И. Мильчику.

²⁵Шелег В.А. Промыслы, ремесла, торговля и пути сообщения Каргополья и Онеги во второй половине – начале вв. // Научный архив АГМДЗиНИ «Малые Корелы». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1450. Л.23.

²⁶Кустарная промышленность в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1895. С. 48.

СЕРЕБРЯНЫЙ РЕЛИКВАРНЫЙ КРЕСТ ИЗ ПАХОМИЕВА КЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Об истории и духовном наследии Спасо-Преображенского монастыря, основанного в конце XV века преподобным Пахомием Кенским в Каргопольском крае на берегу реки Кена, известно в основном из жалованных грамот и переписных книг XVI – XVIII веков, которые были опубликованы и проанализированы в работах Е.В. Барсова, архимандрита Никодима (Кононова) и К.А. Докучаева-Баскова¹. В последнее время появились новые исследования, посвященные Пахомиевой пустыни. М.Н. Мелютина на основании описи 1755 года описала алтарное убранство, характер и состав иконостасов монастырских церквей и их приделов, а также мемориальный комплекс над мощами преподобного Пахомия Кенского². Исследованию новых материалов посвящена публикация А.В. Пигина³. Архивные документы и коллекция произведений древнерусского искусства из Александро-Свирского монастыря, хранящаяся в Русском музее, позволяет пополнить новыми фактами историю этого небольшого северного монастыря.

Известно, что в 1748 году Кенская пустынь была приписана к Спасо-Каргопольскому монастырю. В это время в Кенском монастыре находились: ветхая пятиглавая Спасо-Преображенская церковь с приделом Антония Сийского; трехглавая церковь Рождества Богоматери с трапезной; теплая одноглавая церковь Николая Чудотворца с келарской и колокольной над ней; другие постройки. В 1755 году монастырское имущество описали (составлена «Выметная роспись»), а в 1764 году монастырь был окончательно упразднен⁴.

Вся ценная утварь была перевезена в Каргополь, в Спасо-Преображенский монастырь. Из Кенской пустыни были увезены 35 пядничных образов под окладами, ризы, панагии, церковные сосуды и 45 книг. Наименее ценное имущество, которое включало, помимо прочего, 49 книг, было оставлено в монастыре, преобразованном в Кенский приход и, по-видимому, почти полностью сгорело при пожаре 1800 года⁵.

Тем не менее, одну из сохранившихся печатных книг Кенского монастыря удалось обнаружить и ввести в собрание Архангельского областного краеведческого музея. Это «Апостол» 1564 года, напечатанный в Москве Иваном Федоровым⁶. А.В. Пигин установил современное местоположение еще девяти книг из монастырского собрания⁷. Пять из них хранятся в Библиотеке Российской Академии наук, а до 1917 года они входили в собрание Александро-Свирского монастыря, библиотека и архив которого после закрытия в 1922 году были вывезены в Петроград⁸. На основании текста Синодальной описи 1855 – 1856 годов можно устано-

вить, что из Пахомиевой пустыни в Свирский монастырь поступило еще несколько рукописных и старопечатных книг, по-видимому, не сохранившихся до сегодняшнего дня⁹.

Вот перечень этих книг:

– «Минея на сентябрь». 4°, полуустав, 282 листов. Имела надпись на листе 275: «Кожеозерского монастыря старая. Кожеозерской дьячок Ивашко Богданов сию mineю продал первый месяц сентябрь игумену Дионисию Кенского монастыря а подписал Ивашко своею рукою лето 7095 (1587) марта 6 дня»;

– «Поучения аввы Дорофея». Напечатаны в Киеве. Имели надпись: «Лето 7198 (1690) марта в Кенскую пустыню в дом преподобнаго Пахомия Кенского по монахе Досифее. Подписал на Москве Чудова монастыря монах иеродиакон Дамаскин»;

– «Ирмологион». Напечатан в Москве в 1673 году. Имел полистную надпись: «1684 февраля в 20 день великие государи и цари и великие князи Иоанн Алексеевич Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белья России самодержцы пожаловали сию книгу ирмологион из своей государевой верхней типографии Каргопольского уезду в Кенскую пустыню в монастырь Преображения Господня и преподобнаго Пахомия Кенского. Подписал сию книгу ирмологион верхней типографии подьячей Тимофей Патракеев»;

– «Слова Григория Назианзита». Книга напечатана в Москве в 1656 году. Вложил в Кенский монастырь в 1682 году подьячий Никифор Клечарев, который в 1691 году дополнил свой вклад «Сборником переводов Епифания Славинецкого»¹⁰.

Представляется возможным уточнить историю миграции книг из библиотеки Кенской пустыни. Они совсем недолго находились в Каргополе и в 1769 году уже были перевезены в Александро-Свирский монастырь¹¹. Этому предшествовало учреждение в 1764 году кафедры епископов Олонецких и Каргопольских с местом их пребывания в кафедральном Свято-Троицком Александро-Свирском монастыре. В эти же годы в Свирский монастырь поступает имущество и из других приписанных к нему монастырей и пустынь.

Из Пахомиевой Кенской пустыни в Троицкий Свирский монастырь был также перенесен драгоценный реликварный крест, священные вложения которого, без сомнения, делали его очень значимым для обеих обителей¹². В орнаментальном картуше на оборотной стороне креста помещена резная вкладная надпись: «ЛЕТА 7190 (1682) ГОДУ ПОСТРОЕНЪ СИИ / КР[Е](С)ТЪ В ПР[Е]Ч[И](С)ТНУЮ О/БИТЕЛЬ НИКОЛЫ ЧЮ/ДОТВОРЦА И ПАХО/МИЯ КИНЬСКАГО / ПО ВЕРЕ / ИНОКА ВА/РСУНОФИЯ».

Крест имеет традиционную восьмиконечную форму. На лицевой стороне в средокрестии представлено Распятие без орудий страстей. В верхнем перекрестии – слетающие ангелы, по сторонам – фигуры предстоящих Богоматери и Иоанна Предтечи. Изображения исполнены в технике чеканки и дополнительно проработаны резцом. Фигура Христа занимает основное пространство средокрестия.

Она исполнена в высоком рельефе, форма мягкая, правильная, но вместе с тем «безвольная» (руки без плеч и локтей, без традиционной графической проработки). Стремление мастера к натурализму выразилось в изображении капель крови, показанных мелкими насечками у ребер Христа и на ладонях.

Голгофский крест едва возвышается на общем фоне, его поверхность проработана «елочкой» геометрическим вертикальным чеканом. Основной фон заполнен мелким канфарником. Рукоять креста с лицевой стороны украшает плотный, упругий чеканный узор, составленный из переплетающихся цветочных розеток и листьев. Края обозначены рамкой из двух рядов чеканной веревочки, между которыми пущен рельефный «бегунок». Семь оконечий украшены «коробцами» со сканными бусинками. У изображений помещены именующие надписи, исполненные резцом и выделенные гладкими фонами-киотцами. Боковые стороны креста заполнены резным орнаментом.

По форме, иконографии, типу и характеру чеканки крест из Кенского монастыря близок группе новгородских памятников XVII века¹³. В пользу его новгородского происхождения свидетельствует и большое количество вложенных в него мощей и реликвий новгородских святых.

Все поле оборотной стороны креста занимают «пояснительные» или «сопроводительные» надписи, сообщающие о священных вложениях. Эти надписи представляют большой исторический и историографический интерес, вместе с тем, подобные плотному непрерываемому орнаментальному декору, они выполняют и эстетическую роль. Надписи исполнены резцом плотным и уверенным почерком по гладкому фону. Сообщения об отдельных вложениях отделены друг от друга декоративными звездочками – «паузами».

Текст начинается у бортика верхней ветви и продолжается до середины нижней ветви креста: «ДРЕВО МАСЛИЧНОЕ О(Т) ГОРЫ ЕЛЕОНСКИЯ; ЗМИРНО ИЕРОСАЛИМС/КОЕ; ЗЕМЛЯ И М/ЛЕКО ПР[ЕЧИС]ТЫЯ Б[ОГОРО](Д)[И]ЦЫ; ДРЕВО О(Т) НАРВЫ(?) ПРЕ/[ЧИ]СТЫЯ Б[ОГОРОДИ]ЦЫ ОДИГИ(Т)РИЯ О(Т) ИЕРОФЕЕВСКАГО / О(Б)РАЗА; СЛЕЗЫ О(Т) ОБРАЗА ПРЕ/[ЧИ]СТЫЯ Б[ОГОРО] (Д)[И]ЦЫ; / ЛАДОНЬ РОСЛОИ(?) ГРОБА Г[ОСПО]ДНЯ; ДРЕВО И ЛИСТВИЕ МА/СЛИЧНОЕ; МОЩИ ИВАННА ПР[Е](Д)Т[Е]ЧИ; МОЩИ ПАХОМ/ИЯ ВЕЛИКАГА; ЧАСТЬ ПОЯСА ПР[ЕПО](Д)[О]БН[А]ГО ВАРЛАМА / ФУТЫНЬСКАГО НОВГОРО(Д)ЦКАГО; ВЕЛИКОМ[У]Ч[Е]Н[И]КА ХР[И](С)Т[О]ВА ДВМИТРИЯ КО/СТЬ ГЛАВНАЯ И МИРО / ОТ ГРОБА ЕГО; МОЩИ ИВАННА АРХИЕПИСКО/ПА НОВГОРО(Д)ЦКАГО; РИЗЫ МУЧЕНИКА ИВА/ННА БЕЛОГРАДЦА; СХИМА С МОЩЕЙ / ВЗЯТА С ПЕРСТЬЮ СО ГЛАВЫ СЪ САМОЙ / ПРЕПОДОБНАГО О(Т)ЦА ЕФРЕМА АРХИМА/НДРИТА НОВОТОРЖСКАГО ЧЮДОТВОРЦА; / РИЗА АНДРЕЯ ХР[И]СТА РАДИ УРОДИВАГО ЧТО / ПОГРЕБЕНЬ НА (Ч)ЮДИНЦОВЫ УЛИЦЫ; / ВОСКЪ СОСТАВЛЕНЪ С[ВЯ] ТЫМЪ СОФРОНИЕМЪ ПАТРИАРХОМЪ ИЕРУСАЛИМСКИМЪ; МЕДЬ ДИВИИ ИВАННА ПР[Е](Д)Т[Е]ЧИ; КАМЕНЬ НА НЕМ ЖЕ СЕД/ЯЩЕ А[Н]ГГ[Е]

ЛЬ БЛАГОВЕСТВУЮЩЕ Б[ОГОРО](Д)[И]ЦЫ С[Ы]НА БОЖИЯ ВОПЛОЩЕ-
НИЕ;. РИЗА ПРЕПОДОБНАГО / ЕФРЕМА НОВОТОРЖСКАГО ЧЮДОТВОР-
ЦА; / МОЩИ С[ВЯ]Т[А]ГО МУЧЕНИКА ИСИДОРА ВЕЛИКАГО; / КРОВЬ ВЕ-
ЛИКОМУЧЕНИКА ДИМИТРИЯ СЕЛУ/НСКАГО; МОЩИ КОСТОЧКА С[ВЯ]
ТАГО МУЧЕНИКА (НИК)ИФОРА; МОЩИ ВЕЛИ/КОМУЧЕНИКА ПАНТЕ/ЛЕ-
МОНА; ВЕЛИКОМУ/ЧЕНИКА МАРДАРИЯ И / ОРЕСТА ГРОБЪ; ПЕР/СТЬ ВЕ-
ЛИКОМУЧЕНИ/КЪ ЕВСТРАТИЯ И ГЕ/ВГЕНИЯ; УЧАСТО/КЪ КАМЕНИ СИ-
НАИС/КИЯ ГОРЫ ГДЕ ПО/ЛОЖЕНО ЧЕСТНОЕ / ТЕЛО С[ВЯ]Т[Ы]Я МУЧЕ/
НИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ; / А[Н]ГГ[Е]ЛОМЪ КАМЕНЬ ЧАСТЬ ОТ ТОГО МЕ/СТА
ГДЕ БЫЛО ПЕ/РВОЕ О(Б)РЕТЕНИЕ / ЧЕСТНЫЯ ГЛАВЫ ИВА/ННА; ГРОБЪ
ИОНЫ АРХИЕПИ/СКОПА НОВГОРОДЦКАГО; / ДРЕВО О(Т) ГРОБА ПРЕПО-
ДОБН/ЫХЪ О(Т)[Е]ЦЪ ЗОСИМЫ И САВАТИЯ; / КАМЕНЬЕ ГДЕ БЫЛИ КР[ЕС]
ТЫ Г[ОСПО]Д[Е]НЬ И РАЗ/БОИЧЕСКИЙ; КОРЕНЬ ЖЕЗЛА АРОНОВА; / ДВЕ
ЧАСТИ ОБОИХЪ РИЗЪ ПРЕСВЯ/Т[Ы]Я Б[ОГОРО](Д)[И]ЦЫ ВЕРХНЕЕ И НИЖ-
НЕЕ; / КАМЕНЬ АНТОНИЯ РИМЛЯНИНА НА ЧЕ/МЪ ПРИПЛЫЛЪ В ВЕЛИ-
КИЙ НОВЪГРАДЪ; / КАМЕНЬ ВОЗГЛАВИЯ ЧЮДОТВО/РЦА АНТОНИЯ; /
ТРОСТЬ МОРСКАЯ / АНТОНИЯ ЖЕ ЧЮДОТВОРЦА».

В средокрестии с тыльной стороны помещается круглый медальон с поясным изображением святителя Николая, благословляющего правой рукой, с закрытой книгой в левой руке. Резной рисунок исполнен в один штрих с минимальными проработками формы. По сторонам от образа святителя пущены надписи: «СТЫЙ// НИКОЛАЕ// МОЩИ// СТАГО// НИ//КОЛЫ». Подобное совмещение разного и словесного изображения призвано выделить особо почитаемое вложение мощей в данный реликварный крест. Также обращает на себя внимание, что во вкладной надписи Кенский монастырь именуется «обителью Николы Чудотворца и Пахомия Киньскаго», в то время как в документах этого времени он называется: «Пахомиева Спаская пустынь Кенского монастыря» или «На Кене монастырь Спаский Пахомиева пустынь»¹⁴. Возможно, такая титулатура объясняется тем, что вклад был сделан именно в монастырскую Никольскую церковь, и поэтому помещение в напрестольный крест мощей святителя Николая выделено не только надписью, но и его изображением.

В расположении мощей в кресте соблюдена не выдержанная строго иерархия: в верхнюю часть вложены евлогии Святой Земли и мощи вселенских святых, ниже – реликвии местночтимых новгородских святых. Вселенские чудотворцы и святые места Палестины представлены частицами мощей и так называемыми «вторичными» реликвиями, обычно привозившимися из Святой Земли – это «персть», масло, воск и ладан, фрагменты камней и дерева. Новгородские святители и преподобные представлены исключительно частицами их облачений, камней и гробного дерева.

Надписи на кресте не просто перечисляют вложения, но и, зачастую, подробно описывают святыни: «МОЩИ КОСТОЧКА С[ВЯ]ТАГО МУЧЕНИКА (НИК)

ИФОРА», «ВЕЛИКОМ[У]Ч[Е]Н[И]КА ХР[И](С)Т[О]ВА ДВМИТРИЯ КО/СТЬ ГЛАВНАЯ И МИРО / ОТ ГРОБА ЕГО», «СХИМА С МОЩЕЙ / ВЗЯТА С ПЕРСТЬЮ СО ГЛАВЫ СЪ САМОЙ / ПРЕПОДОБНАГО О(Т)ЦА ЕФРЕМА АРХИМА/НДРИТА НОВОТОРЖСКАГО ЧЮДОТВОРЦА», «ВОСКЪ СОСТАВЛЕНЪ С[В]Я ТЫМЪ СОФРОНИЕМЪ ПАТРИАРХОМЪ ИЕРУСАЛИМСКИМЪ».

Отметим безусловное предпочтение местночтимых святынь и реликвий Варлаама Хутынского, архиепископа Иоанна, Ефрема Новоторжского, архиепископа Ионы, Зосимы и Савватия Соловецких, Антония Римлянина: «ЧАСТЬ ПОЯСА ПР[ЕПО](Д)[О]БН[А]ГО ВАРЛАМА / ФУТЫНЬСКАГО НОВГОРО(Д)ЦКАГО {...} МОЩИ ИВАННА АРХИЕПИСКО/ПА НОВГОРО(Д)ЦКАГО; РИЗЫ МУЧЕНИКА ИВА/ННА БЕЛОГРАДЦА; СХИМА С МОЩЕЙ / ВЗЯТА С ПЕРСТЬЮ СО ГЛАВЫ СЪ САМОЙ / ПРЕПОДОБНАГО О(Т)ЦА ЕФРЕМА АРХИМА/НДРИТА НОВОТОРЖСКАГО ЧЮДОТВОРЦА; ГРОБЪ ИОНЫ АРХИЕПИ/СКОПА НОВГОРОДЦКАГО; / ДРЕВО О(Т) ГРОБА ПРЕПОДОБН/ЫХЪ О(Т)[Е]ЦЪ ЗОСИМЫ И САВАТИЯ; КАМЕНЬ А(Н)ТОНИЯ РИМЛЯНИНА НА ЧЕМ ПРИПЛЫЛЪ В ВЕЛИКИ НОВЕГРАДЪ; КАМЕНЬ АНТОНИЯ РИМЛЯНИНА НА ЧЕ/МЪ ПРИПЛЫЛЪ В ВЕЛИКИЙ НОВЪГРАДЪ; / КАМЕНЬ ВОЗГЛАВИЯЧЮДОТВОРЦА АНТОНИЯ; / ТРОСТЬ МОРСКАЯ / АНТОНИЯ ЖЕ ЧЮДОТВОРЦА».

Не удалось обнаружить каких-либо свидетельств о новгородском юродивом Андрее, «что погребень на Юдинцовы улицы». На Чудинцевой улице Софийской стороны Новгорода стояли церкви Двенадцати апостолов «у скуделницы», Симеона Столпника и Апостола Тимофея, а в XVII веке также церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи¹⁵. Возможно, что это чтившееся погребение находилось около Предтеченской церкви, поскольку в кенский крест помещена такая реликвия, как камень с места первого усекновения главы Иоанна Предтечи¹⁶.

Исключительное по полноте собрание мощей, среди которых присутствуют очень редкие и просто уникальные святыни, позволяет сделать предположение о том, что они были уделены иноку Варсонофию не только от святынь Дома Святой Софии, но и непосредственно привезены из паломничества на Святую Землю, предпринятого, возможно, самим вкладчиком креста. В описях имущества XVIII века Софийского собора перечисляются многочисленные хранившиеся в ковчегах мощи и евлогии. С этими реликвиями удастся соотнести более половины вложений креста инока Варсонофия. Причем евлогии некоторых святых – Иоанна Предтечи, Дмитрия Солунского, Ефрема Новоторжского, Антония Римлянина – повторяются, так как, по-видимому, они были извлечены из нескольких ковчегов¹⁷. В крест также были помещены такие удивительные евлогии, как часть древа иконы Богоматери Одигитрии «Иерофеевского образа» и «слезы» от еще одной иконы «Пречистая Богородица», названные в верхних строках пояснительной надписи среди палестинских реликвий.

По богатству своих священных вложений крест 1682 года из Пахомиевой пустыни может быть сопоставлен с еще одним новгородским крестом, «построенным

по обещанию» в 1690 году приказным Софийского архиерейского дома Андреем Богдановичем Сназиным в Воздвиженский придел церкви Архангела Михаила на Торговой стороне Новгорода. Крест был создан в мастерской новгородца Григория Лопкова¹⁸.

Во вкладной надписи на кресте 1682 года не упомянуты ни правящий государь, ни патриарх либо новгородский митрополит, что подчеркивает частную инициативу его создания. Инок Варсонофий «построил» драгоценный крест на престол церкви Николая Чудотворца Пахомиевой пустыни исключительно благодаря своему усердию и вере. Крест инок Варсонофия является единственным сохранившимся произведением из драгоценной литургической утвари Спасо-Преображенского Кенского монастыря.

Примечания

¹Барсов Е.В. Преподобные обонежские пустынножители: Материалы для истории колонизации и культуры Обонежского края // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868 – 1869 год. Петрозаводск, 1869. Ч. 3. С. 3-68; Царские грамоты Кенскому монастырю // Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1902. Вып. 4. С. 44-48; Докучаев-Басков К.А. Кенский монастырь, Пахомиева пустыня // Христианское чтение. 1887. № 7-8. С. 254-298; № 9-10. С. 477-517; Никодим, архим. Олонецкий патерик. Петрозаводск, 1910. С. 4-5.

²Мелютина М.Н. Монастырский ландшафт Кенозерья: культовые комплексы церковных интерьеров (по письменным, литературным и изобразительным источникам) // Культурное и природное наследие Европейского Севера: сборник. Архангельск, 2009. С. 261-266.

³Пигин А.В. Материалы для истории Пахомиевой Кенской пустыни // Там же. С. 386-394

⁴Докучаев-Басков К.А. Указ. соч. С. 485-507.

⁵Там же.

⁶Мелютина М.Н. Указ. соч. С. 262.

⁷Пигин А.В. Указ. соч. С. 389-393.

⁸Соловьева И.Д. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь: Художественное наследие и историческая летопись. СПб., 2008. С. 299.

⁹Центальный государственный архив Санкт-Петербурга (далее ЦГА СПб.) Ф. 834. Оп. 3. Д. 2831: Главная опись Свято-Троицкого Александро-Свирского второклассного монастыря Олонецкой епархии и уезда. Л. 204, 223, 254, 269 об.

¹⁰Пигин А.В. Указ. соч. С. 391.

¹¹ЦГА СПб. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2457: Ведомости об упраздненных монастырях Олонецкой губернии. Л. 102-103 об.

¹²Напрестольный крест. 1682 г. Серебро; литье, резьба, золочение, скань. 30,3x17,5x1,8 см. ГРМ, инв. БК 2888; Соловьева И.Д. Указ. соч. С. 161, 208 (крест отмечен в описи Кенского монастыря 1755 г. наряду с еще пятью серебряными крестами); Докучаев-Басков К.А. Указ. соч. С. 494 (крест хранился в ризнице, в сундуке).

¹³Напрестольные кресты // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XVI – XVII вв. / сост. И.А. Стерлигова. М., 2008. Кат. 41,42, 47.

¹⁴Царские грамоты Кенскому монастырю. С. 44-48.

¹⁵Опись Великого Новгорода 1617 года // Памятники отечественной истории. М., 1984. Ч. I. С. 81-82; Ч. II. С. 283, 323; Великий Новгород: История и культура IX – XVII веков: энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 527, 529.

¹⁶В окрестностях Новгорода на правом берегу Волхова находился Ситецкий монастырь во имя Андрея Христа ради юродивого Цареградского, но обстоятельная надпись на кресте свидетельствует именно о местночтимом юродивом.

¹⁷Опись церковного имущества Софийского собора 1751 года, составленная Софийским протопопом Дометием Феофилактовым // Труды пятнадцатого археологического съезда в Новгороде. 1911 г. М., 1914. Т. 1. С. 132-134, 166-168.

¹⁸Стерлигова И.А. Священные вложения в новгородских напрестольных крестах XVI – XVII веков // Крест в православии: Ставрографический сборник. М., 2003. Кн. 2. С. 124-127; Напрестольные кресты. Кат. 44.

СОСТАВ БЫЛИННОЙ ТРАДИЦИИ КЕНОЗЕРА

Тема рождения героя здесь представлена контаминацией отрывков из некоей былины о Вольге Всеславьевиче и песни о Щелкане Дудентьевиче. Вероятнее всего певец отталкивался от былины «Вольга и Микула», в начале которой более или менее красочно описывается рождение Вольги, сопровождающееся буйством природных стихий, что в свою очередь вызывает страх у животных, птиц и рыб и побуждает их к бегству в дальние укрытия. Былину «Вольга и Микула» находили только в Обонежье¹ и, в частности, на соседней с Кенозером Пудогге, поэтому проще всего полагать, что знание этой былины занесено сюда из Обонежья: когда не найдено подтверждение тексту в виде независимой записи, мысль о занесении текста возникает прежде каких-либо предположений. Вместе с тем надобно признать, что текст мог быть принесен людьми, поселившимися на Кенозере. Певец, от которого записана странная контаминация, связал кончину Щелкана с рождением Вольвы (Вольги). У него получилось так, что Щелкан умер, едва слышал о рождении Вольвы. Импровизация очевидна.

Другая форма связки представлена былинной о Скимене-звере: только он, а не весь животный мир, пускается в бегство, услышав рождение богатыря². В кенозерских записях о рождении богатыря даже не упоминается, но можно думать, что ранее речь должна была идти о рождении Добрыни, поскольку текст о Скимене-звере соединен с текстом о Добрыне, собирающемся на поиски названного брата Ильи Муромца.

Именно в таком, эволюционно позднем соединении двух текстов былину находили в средней полосе России, откуда ее и перенесли на Кенозеро, где ее бытование, впрочем, ограничивалось узким семейным кругом на Суетин-острове.

Из серии о получении или утрате силы кенозёры знали более или менее твердо тексты о Святогоре, причем эволюционно ранний сюжет о тяге земной, возможно, мало их занимал. Предпочтение отдавалось текстам, в которых Илья Муромец выступает преемником и получателем силы от Святогора. Как и в других местных традициях, на Кенозере к Святогору, кроме Ильи, не допущен никто другой из богатырей и вообще кто-либо из русских людей. Фигура Ильи теснит Святогора. В одном случае Илье даже позволено заменить Святогора и, в отличие от того, с трудом, но приподнять сумочку старичка с земной тягой. Самому Святогору однажды в описании встречи с умницей-бабой, стиравшей белье, случилось заменить Добрыню. Иных новообразований, посвященных Святогору, на Кенозере не находили.

«Исцеление Ильи Муромца» собирателям попадалось только в начале редких

контаминаций. Это, вероятно, означает, что на Кенозеро этот сюжет проник именно в контаминациях.

Сюжет о самопогибели богатырей обнаружился на Кенозере всего один раз, в составе новообразования о нашествии чуди белоглазой на Ерусалим. Он передан очень скупо. Притом певица посчитала, что это не русские, а ерусалимские богатыри подколотись на копьях. Вот этой деталью убийства отмечается переключка кенозерского текста с многосоставными произведениями типа «Мамаево/Маево/Камское побоище», которые записывали в восточной части Русского Севера. Кенозерское новообразование, следовательно, ведет свое происхождение от этих многосоставных произведений. На Кенозере, очевидно, сюжет о самопогибели русских богатырей оказался неприемлемым. Кенозёры не хотели согласиться с таким представлением об исчезновении богатырей в русской среде. А собиратели не спрашивали кенозёров о том, как же перевелись богатыри на Руси.

В тематической серии о выезде героя из родного дома первое место, естественно, занимает былина «Добрыня и змея»³. Ее знали на юге Кенозера, в Зехнове и, по-видимому, в соседних деревнях. И за эти пределы ее бытование так и не вышло. Кенозерская версия соотносится с версиями этой же былины, известными по записям в Обонежье.

Поздняя волна переселенцев, шедшая с реки Онеги, принесла с собой иной сюжет о бое Добрыни. Его противником назывался таинственный летучий Невежа. Добрыня вынужден ехать на бой с ним по приказу князя Владимира. Этой отлучкой мотивировано долгое отсутствие Добрыни, в свою очередь обусловившее сватовство Алеши Поповича к его жене и другие события, более или менее традиционно описанные в былинке «Добрыня и Алеша». Вставной сюжет о Невеже не развернут на Кенозере. Так же он выглядит по независимым записям на Каргопольщине и в среднем течении реки Онеги⁴.

Только на Кенозере и притом лишь один раз в сложной контаминации мелькнул сюжет о встрече Ильи и Святогора с умницей-бабой, стиравшей белье. Сюжет несомненно относится к числу новообразований. За отсутствием каких-либо внешних подтверждений его надо считать, наверное, придуманным уже на Кенозере. В его сложении использованы элементы сюжета о бабе Горынинке, тоже встречающемся только в контаминации, которую находили в восточной части Русского Севера. Там Добрыня не выдерживает боя с бабой Горынинкой до тех пор, пока он не воспользовался советом подоспевшего Ильи Муромца. По своему прозвищу баба выказывает свое родство со змеем Горынычем, что подтверждается некоторыми версиями, близко воспроизводящими заключительную часть распространенной сказки «Бой на калиновом мосту», где змеиха-мать пытается отомстить герою за убийство ее трех сыновей. В отличие от восточной части Русского Севера, этот сюжет о бабе Горынинке на Кенозере не прижился. От него остались лишь детали в местном описании встречи русских богатырей с умницей-бабой, стиравшей белье.

Другим доказательством занесения на Кенозеро сюжета о бабе Горынинке видится сюжет о бое Добрыни с бабой Ягой. Его знали отец и сын, жители д. Заболотье, во времена Гильфердинга небольшой деревеньки в западной части Кенозера, позже совсем исчезнувшей⁵. Неизвестно, произвели ли подмену персонажа именно эти носители, пропевшие былину Гильфердингу. Однако очевидно, что подмену совершили те люди, которым такой фольклорный, но отнюдь не былинный персонаж, как баба Яга, был известен лучше, чем баба Горынинка.

Былину «Илья Муромец и Соловей-разбойник» находили в поздних контаминациях и редко записывали. В других местах живого бытования эпоса эту былину так или иначе знал едва ли не каждый житель. Так, вероятно, было и на Кенозере. А собиратели отталкивались от столь обычного знания и не стремились подтвердить его большим числом записей. Однажды П.Н. Рыбников заметил и перенесение: в его пересказе былины о Дюке Степановиче юный герой по дороге в Киев походя побивает Соловья-разбойника.

Былина «Илья Муромец и Идолище» в своем бытовании пришла на смену таким произведениям, как былина «Алеша Попович и Тугарин Змеевич»⁷ и песня «Щелкан Дудентьевич», и вытесняла их из местных репертуаров. На Кенозере ее обычно включали в разные контаминации, описывающие похождения Ильи Муромца. Кенозёры знали обе основные версии этой былины: изначальную, о встрече Ильи с Идолищем в Цариграде, и эволюционную производную, о той же встрече уже в Киеве. Обе версии попали такими на Кенозеро, их знали и по соседству. Один из кенозёров, не слишком задумываясь, описал встречу в доме самого Идолища. Он уже не знал или не понимал, что в Цариграде или в Киеве Идолище выступал как завоеватель или по меньшей мере как иноэтничный притеснитель, а Илье Муромцу была отведена роль освободителя или избавителя.

Былину «Дюк Степанович», судя по репертуару певцов, на Кенозеро принесла поздняя волна переселенцев с реки Онеги. По своим деталям повествования ее кенозерские тексты очень близки к тем, какие записывали на самой Онеге. Имеются, впрочем, незначительные отличия. Так у кенозёров Дюк пускает стрелы не наобум, а в зайца. Эта деталь явно нравилась кенозёрам. Они расширили ее употребление, перенесли в другие былины, и в зайца у них стали пускать стрелы еще Илья и Добрыня.

В тематической серии о герое и правителе загадочной остается былина «Микула Селянович и Иван Годинович». В отличие от записей в Обонежье, где Микуле неизменно противопоставлен Вольга Всеславьевич, в кенозерском тексте вместо Вольги показан Иван Годинович, которого едва ли не повсюду в местных традициях признавали непременно племянником князя Владимира. В силу общепризнанного эпического родства Иван Годинович мог бы играть первую роль не в одной былине. И в противостоянии Микуле княжеский племянник более уместен, нежели Вольга, перенесенный из былины, в которой он не знал над собой никакого правителя. Для княжеского племянника вполне естественно от дяди

пожалование городами, чего нельзя сказать о Вольге, по одноименной былине правителя самого Киева, способного на завоевание иного государства и, опять же естественно, не нуждающегося в чем-либо милостивом пожаловании. При сопоставлении обонежских записей былины «Вольга и Микула» с кенозерским текстом «Микула Селянович и Иван Годинович» настойчиво напрашивается предположение о том, что изначально не Вольга, а Иван Годинович противостоял Микуле: посчитав Вольгу более видной фигурой, кто-то из обонежан заменил им Ивана Годиновича, и это было подхвачено другими тамошними певцами, тогда как на Кенозере за Иваном Годиновичем сохранили предназначенную роль. Предположение могло бы перерасти в уверенность, если бы кенозерский текст имел подтверждение в виде хотя бы двух-трех независимых записей. Между тем, как это часто бывало и в других случаях, кенозерский текст остался единичной записью.

Только на Кенозере были записаны полнокровные варианты редкой былины «Молодость Чурилы Плёнковича». Подтверждение ее давности подкрепляется записью на нижней Оке и в более поздних местах заселения, в Пермской губернии и на Урале, что указывает на ее происхождение из средней полосы России. Эпические реалии этой былины до сих пор не раскрыты должным образом.

Сюжет «Илья Муромец и голи кабацкие» несомненно относится к числу поздних новообразований. Его знали и по соседству с Кенозером, на Каргопольщине и на Пудогe. Изначально он, по-видимому, не существовал в виде самостоятельного произведения. Певцы передавали его обычно в контаминациях, нередко в соединении с былиной «Илья Муромец и Идолище в Цариграде (Киеве)». Кенозёрам нравился этот сюжет. Они принимались прикреплять его к разным местам действия. У них, помимо Цариграда и Киева, Илья устраивал пир для голей кабацких и где-то по дороге в Чернигов, и просто в чистом поле, и «в царевом кабаке» бог весть где.

В отличие от сказителей некоторых других мест, включая Пудогу, кенозёры без охоты воспроизводили сюжет о том, за что и как Илья Муромец попал в погреб. Лишь однажды был передан на запись текст, в котором Илью оговорили не традиционные князья-бояре, а всего лишь «чумаки-целовальники», – даже поверив им, князь Владимир проявил не гнев, а деликатность и сам проводил Илью в погреб. Очевидно нежелание певца описывать эпическое событие в резком противопоставлении главного русского богатыря окружению князя и ему самому.

К былинам, описывающим отношение героя к девушке из иного мира (земли) и попыткам ее добывания, кенозёры явно утрачивали интерес. Гильфердинг убедился в бытовании на Кенозере былин «Садко» и «Михайло Потык», но не пожелал их записать. Позже собиратели уже не находили этих былин — скорее всего кенозёры с ними расстались. Очень редко на Кенозере попадались былины «Иван Годинович» и «Женитьба князя Владимира (Дунай-сват)» в отличие, например, от Поморья, где этим былинам отдавали предпочтение перед другими. По своим версиям они родственны тем, какие бытовали в Обонежье. Вместо традиционного

текста «Дунай и Настасья-королевична», обычно соединяемого с былинной «Дунай-сват», на Кенозере бытовала иная, параллельная форма «Дунай и его жена» и притом в виде самостоятельного произведения.

Из произведений, описывающих отношение героя к девушке своего мира, многие кенозёры знали былинку «Добрыня и Маринка»⁷, при этом кое-кто добавлял к тексту эпизод с подложной кроватью, позаимствованный из другой былинки – «Три поездки Ильи Муромца».

Некоторое распространение на Кенозере имела былина «Иван Гостиный сын». Ее принесла волна переселенцев с реки Онеги, а туда ее несли несомненно из средней полосы России⁸. Неизвестно, сколь полнокровным был текст, принесенный с юга, шла ли в нем речь о княжеской племяннице, которую хотел заполучить Иван Гостиный сын. Собираателям попались отрывочные тексты этой былинки.

Из числа песен этой же серии лишь однажды на Кенозере была записана былина новгородского происхождения «Хотен Блудович»⁹. Кенозёры почему-то не хотели ее помнить.

След еще какой-то новгородской былинки обнаруживается в безусловно местном новообразовании, повествующем о женитьбе Добрыни на Катерине, дочери Николы Зиновьева. Певица А.Т. Артемьева сделала это новообразование началом былинки «Добрыня и Алеша»¹⁰. Нельзя сказать, что она сама придумала новообразование, но не существует и прямых сведений о том, что новообразование создано кем-то еще. В новообразовании дочь Николы несколько раз названа Катериной, но стоило певице перейти к традиционному наказу Добрыни перед отъездом, как она традиционно же назвала жену героя Настасьей Микуличной. Певица явно знала две версии былинки «Добрыня и Алеша». Она принялась пропевать одну версию, пропела ее начало – о женитьбе Добрыни – и, быть может, незаметно для самой себя стала воспроизводить другую версию. Так, видимо, произошла у нее несостыкованность начала и последующего повествования. Важнее, однако, то, что Катерина названа дочерью Николы Зиновьева, очень редкого, но примечательного персонажа. У шальского лодочника в былинке о Василии Буслаевиче звучит:

145. Приходят князья новгородские:

Воевода Николай Зиновьевич,

Старшина Фома Родионович¹¹.

У другого пудожского сказителя А.П. Сорокина в его хрестоматийной былинке «Садко» утверждается, что Садко зазвал к себе Фому Назарьева и Луку Зиновьева, «настоятелей новгородских»¹². Зная о способности Сорокина менять детали повествования, можно думать, что он по ослышке или намеренно поменял имя Никола на имя Лука.

Кому-то из кенозёров понадобилось объяснить самому себе и слушателям, откуда у Добрыни появилась жена. Этот человек знал былинку «Добрыня и Алеша», но не знал былинку «Добрыня и Настасья», в которой рассказывалось о женитьбе Добрыни на полянице Настасье, дочери великана-пахаря Микулы. Этот человек

подыскивал для Добрыни девушку из какого-нибудь именитого рода. Его выбор пал на Николу Зиновьева, по новгородским былинам принадлежавшего к числу правителей великого города. Для этого ему нужно было знать хотя бы одну новгородскую былинку, о Садко или о Василии Буслаевиче. Между тем в репертуарах потомков переселенцев с реки Онеги новгородские былины отсутствуют. Подобно другим жителям Першлахты и Поромского, А.Т. Артемьева тоже относится к этим потомкам. Отсюда нужно заключить, что она слышала текст о женитьбе Добрыни на дочери Николы Зиновьева от какого-то знатока хотя бы одной новгородской былины, содержащей упоминание о Николе Зиновьеве. Такие знатоки на Кенозере, наверное, водились, но их было очень немного, судя по редким записям там новгородских былин.

Кенозёры, по-видимому, не хотели допускать даже мысль о том, что пусть и в прошлом, пусть только в эпических песнях девушку/женщину их этнического мира могли похищать или увозить с ее согласия какие-нибудь чужеземцы. Кто-то из людей, поселившихся на Кенозере, знал былинку «Идолище сватает племянницу князя Владимира». Былина не прижилась на Кенозере, но след от ее бытования остался в виде новообразования о трех братьях-нахвалящиках, по очереди сватающих племянницу князя Владимира. Былина-предшественник послужила для новообразования рамкой контаминации, содержащей сюжеты типа «Илья и Идолище», «Илья и Калин-царь», «Илья и его сын». За пределами Кенозера былинку «Идолище сватает племянницу князя Владимира», за одним исключением в Поморье, находили в восточной части Русского Севера¹³.

Из песен об увозе девушки (женщины) жители Першлахты и Поромского знали былинку «Царь Соломан». Они истово ее пели и охотно предлагали на запись. В других местах Кенозера былина «Царь Соломан» не получила заметного признания. В южной части Кенозера уже во второй половине XX века открылось бытование многосоставной сказки о царе Соломоне, содержащей сюжеты о его рождении, молодости, судах и только в заключительной части повествовавшей об увозе его жены. Там, очевидно, предпочитали знать сказку, а не былинку, принесенную переселенцами с реки Онеги.

У кенозёров ни разу не удалось записать былинку типа «Казарин», о спасении брата плененной девушки. Потомки переселенцев с реки Онеги предпочитали знать антитезу – историческую песню «Авдотья Рязаночка», в которой воспевалась женщина, выручившая из плена брата, а с ним и других рязанцев. Еще эту песню знали кое-где на Пинеге, что свидетельствует о родственности исходных местных традиций, перенесенных на Кенозеро и на Пинегу.

В тематической серии об отношениях героя и его жены первое место по знанию и интересу носителей занимает былина «Добрыня и Алеша»¹⁴. На Кенозере ее чаще находили не в виде самостоятельного произведения, а в соединении с другими текстами, что указывает на ее позднее эволюционное состояние там. Былинку пополняли вставками типа «Бой Добрыни с Невежей/бабой Ягой», приз-

ванными мотивировать долгую отлучку Добрыни, – вставки наблюдаются в текстах потомков переселенцев с реки Онеги. Пытаясь выстроить биографию героя, ее также соединяли с другими былинами о Добрыне, – этим приемом чаще пользовались жители южной части Кенозера. Версии этой былины не подвергались унификации.

Былину «Чурила и Катерина» знали преимущественно в восточной части Кенозера. Она была принесена, очевидно, вместе с былиной «Молодость Чурилы Плёнковича». Постепенно знание былины «Молодость Чурилы Плёнковича» угасало, тогда как интерес к былине «Чурила и Катерина» сохранялся. Ее с удовольствием пели жители Поромского. По своей версии она вполне соотносится с записями на Большом Мошенском озере, откуда вытекает Моша, правый приток Онеги в ее среднем течении.

Только А.Ф. Гильфердингу случилось однажды записать начало былины «Сорок калик со каликою». По своим деталям она содержит ту же версию, которая бытовала в восточной части Русского Севера.

Из былин об отражении вражеского нашествия немногие формы бытовали на Кенозере. Там кое-кто из жителей знал позднюю контаминацию «Туры + Василий Игнатьевич и Батыга». Она, возможно, занесена из Обонежья, где ее знали во многих местах. А на Кенозере после Гильфердинга ее бытование обнаружить не удавалось.

По сравнению с этой контаминацией некоторым предпочтением пользовалась былина типа «Илья Муромец и Калин-царь». В ранней эволюционной форме ее, правда, записали только один раз. В этой версии Илья выступает в роли юного героя, впервые дерзнувшего совершить подвиг. Его юность подчеркивается родством с неожиданно возникшим дядей Самсоном Манойловичем: старинное эпическое отношение между дядей по матери и племянником, известное и по южнославянскому эпосу, воспроизвелось в этой версии с прикреплением к Илье Муромцу. Создатели версии определенно пренебрегли сюжетом «Исцеление Ильи Муромца», а, может быть, еще и не слышали о нем. Версия создавалась где-то вдалеке от Кенозера. Ее знали и на Каргопольщине, откуда некий калика принёс ее в Заонежье и пропел известному сказителю Т.Г. Рябинину, который настолько увлекся прослушанным, что на его основе создал свой текст¹⁵.

Другие версии былины типа «Илья Муромец и Калин-царь», представляет собой ее поздние эволюционные производные. Их также находили очень редко и притом в составе контаминаций, посвященных Илье Муромцу. В самой крупной из этих контаминаций, уже не спетой, а рассказанной, слушателям была поведена даже антитеза: Илья губит силу самого князя Владимира.

Несомненно новообразованием выглядит единичный текст «Нашествие чуди белоглазой на Ерусолим». В нем нарицательные татары заменены чудью из местных преданий, а вместо Киева с неперменным правителем князем Владимиром подставлен Ерусолим с царем Соломаном.

Кенозёры знали былину «Илья Муромец и его сын», но неохотно предлагали ее на запись. Им, наверное, было не по душе признавать за Ильей Муромцем грех сыноубийства. Наряду с формой, где противником Ильи назван его родной сын, на Кенозере бытовали эволюционные производные. Их появление вызвано именно желанием снять с Ильи грех сыноубийства. В одной из эволюционных производных допущено, что Илья убивает не родного, а крестного сына. В другой производной упоминание о каком-либо родстве снято совсем, благодаря чему Илье противопоставлен просто чужеземный нахвальщик. Изначальная форма типа «Илья Муромец и его сын» и ее эволюционные производные были занесены на Кенозеро, по-видимому, в уже сложившихся текстах, перекликающихся с формами, обнаруженными в восточной части Русского Севера. Можно допустить, что они принадлежали к родственным исходным традициям.

Былину «Василий Буслаевич и новгородцы (Молодость Василия Буслаевича)» на Кенозере находили только в поздней форме, с продолжением в виде былины «Поездка Василия Буслаевича (Смерть Василия Буслаевича)»¹⁶. Ее знали очень немногие жители, по-видимому, только Трихновой Горки, деревни, которая существовала чуть севернее Кенозерского Погоста, а также Мамонова острова и Суетин-острова. В отличие от других новгородских былин, эпическая песня о Василии Буслаевиче продолжала бытовать на Кенозере и в XX веке.

В тематической серии о встречах братьев или братающихся богатырей самая замечательная – это былина «Братья Дородовичи». Два ее текста записал Гильфердинг от жителей Почозера, всего в нескольких километрах к северу от Усть-Почи, самой северной деревни на Свином озере, соединенном проливом с центральной частью Кенозера. Эта былина – подлинный эндемик. Она представляет собой параллельную форму по отношению к былине «Королевичи из Крякова», довольно известной от Ошевенска до Заонежья, и служит единственным доказательством бытования в прошлом разных форм сюжета о встрече и поединке братьев, поначалу не узнавших друг друга. Раньше, вероятно, братья звались не Дородовичами, а Бродовичами/Сбродовичами. Замене, вероятно, способствовало то обстоятельство, что одна из деревушек Почозера называлась Дородницкая, – именно в этой деревне был записан один из вариантов былины о братьях Дородовичах. Кому-то из носителей прозвище Бродовичи/Сбродовичи показалось неблагозвучным, и он поменял его, ориентируясь на название деревни и на устойчивое словосочетание «дородный добрый молодец», которое употребляли в этих краях знатоки былин. Почитание братьев Дородовичей выразилось также в том, что здесь была переделана былина «Илья Муромец и его сын»: Илье противопоставлен богатырь Алеша Дородович, после поединка герои назвались крестовыми братьями. Если предположение о замене Бродовичей Дородовичами допустимо, то исследователям досталась еще одна былина о братьях Бродовичах/Сбродовичах, нечаянно встретившихся, сразившихся и наконец узнавших друг друга. Благодаря ей становится яснее появление этих персонажей в эпосе. Братья оказываются не случай-

ными фигурами в былине «Алеша Попович и сестра Бродовичей» – они уже были знакомы слушателям. Опираясь на знание слушателей и отталкиваясь от него, им и была предложена былина «Алеша Попович и сестра Бродовичей», которую в средней полосе России помнили еще в XIX веке¹⁷. Она связывала Бродовичей с победителем Тугарина Змеевича и расширяла эпическую биографию этого именитого героя. Ее пели на Ваге, на Пинеге и в других местах восточной части Русского Севера. Ближайшим к Почозеру местом бытования былины «Алеша Попович и сестра Бродовичей» известна Кена в среднем течении, где, впрочем, братьев называли Родовичами¹⁸. И здесь было бы нетрудно добавить в начале слова слог и превратить их в Дородовичей.

Сюжет о том, как Добрыня отпрашивался у матери ехать искать названного брата Илью Муромца, в неразвернутом виде присоединялся, как об этом написано выше, к былине о Скимене-звере. В этом же виде он попал на Кенозеро. Тут, по-видимому, не решились развить сюжет, попытавшись описать поиски Добрыни и его встречу с названным братом.

Былину «Поездка Василия Буслаевича (Смерть Василия Буслаевича)» на Кенозере находили редко и, как уже упоминалось, только в контаминации с былиной «Василий Буслаевич и новгородцы (Молодость Василия Буслаевича)». В кенозерских вариантах, как и в других, не просматриваются следы еще какой-либо былины о Василии Буслаевиче.

Также в контаминации бытовала на Кенозере поздняя былина «Илья Муромец и разбойники». Она была принесена откуда-то с юга, где тоже в контаминации или в виде самостоятельного произведения ее пели в средней полосе России, в Поволжье, в казацкой среде.

Соединение «Три дороги для Ильи Муромца + Илья и разбойники» послужило первой частью для сложения былины «Три поездки Ильи Муромца», которую на Кенозере знали и охотно пели потомки переселенцев с реки Онеги.

Один из знатоков былины «Три поездки Ильи Муромца» что-то слышал о теле человека высокого роста, превратившемся в мумию в подземельях Киево-Печерской Лавры, — не без участия церковников народная молва отождествляла мумию с телом былинного Ильи Муромца. Молва докатилась и до каких-то кенозеров. Один из них потрудился блеснуть услышанным и сделал из нее краткую концовку былины «Три поездки Ильи Муромца». По нему Илья после третьей поездки презжает в Киев и тотчас, минуя, между прочим, палаты князя Владимира, направляется в пещеры, где и находит упокоение.

Источники кенозерских былин пока что не во всех случаях удается определить более или менее уверенно. Они видятся по соответствиям кенозерских былин текстам, бытовавшим в других местах.

Так Кенозеро и Обонежье, прежде всего Пудогу, роднят былины типа «Вольга Всеславьевич», «Вольга и Микула», «Добрыня и змея», «Илья Муромец и голи кабацкие», «Иван Гоудинович», «Женитьба князя Владимира (Дунай-сват)»,

«Хотен Блудович», «Добрыня и Маринка», «Добрыня и Алеша», «Туры + Василий Игнатьевич и Батыга», «Василий Буслаевич и новгородцы (Молодость Василия Буслаевича) + Поездка Василия Буслаевича (Смерть Василия Буслаевича)». Как видно, новгородские былины составляют меньшинство среди этих соответствий. Остальные былины несомненно возникали за пределами Новгородской метрополии и, разумеется, в разное время.

Среди кенозерских былин имелись произведения, также бытовавшие на Каргопольщине и в других местах южной, верховой части бассейна реки Онеги: «Бой Добрыни с Невежей», «Илья Муромец и Идолище (в Цариграде; в Киеве)», «Дюк Степанович», «Илья Муромец и голи кабацкие», «Иван Годинович», «Дунай и его жена» (найдена на Кене), «Добрыня и Маринка», «Добрыня и Алеша», «Царь Соломан», «Чурила и Катерина», «Илья, племянник Самсона Манойловича и Калинцарь», «Три поездки Ильи Муромца».

Хотя Кенозеро отделяет большое расстояние от Пинеги и более дальних мест восточной части Русского Севера, среди кенозерских былин проглядываются несколько соответствий формам тех дальних мест: «Самопогибель богатырей», «Бой Добрыни с бабой Горынинкой», «Идолище сватает племянницу князя Владимира», «Сорок калик со каликою», «Илья Муромец и его сын», «Илья Муромец и разбойники».

Уже теперь несколько большим видится перечень соответствий между кенозерскими былинами и эпическими песнями средней полосы России, Поволжья и казачьей среды. Среди кенозерских былин это: «Скимен-зверь», «Молодость Чурилы Плёнковича», «Иван Гостиный сын», «Добрыня и Алеша», «Чурила и Катерина», «Братья Дородовичи», «Добрыня отпрашивается у матери ехать искать названного брата Ильи Муромца», «Туры», «Василий Игнатьевич и Батыга», «Илья Муромец и разбойники». К ним добавляется принесенный молвой сюжет о кончине Ильи Муромца в киевских пещерах. Из средней полосы на Кенозеро принесены и некоторые другие эпические произведения, в частности, редчайшие «Авдотья Рязаночка», «Щелкан Дудентьевич» и «Добрый молодец и река Смородинка».

Совершенно очевидно, что на Кенозеро, как и в другие места севера европейской части нашей страны, эпические песни приносили из разных мест, в разное время и при различных обстоятельствах. Смешанный по происхождению состав кенозерских былин несомненен.

Так же несомненно, что по числу и разнообразию произведений и их версий сюда былины приносили больше, чем их сохраняли и передавали преемники семейных традиций на протяжении последних полутора столетий. Стихийный отбор произведений шел непрерывно, но не вел к унификации репертуаров деревень и Кенозера в целом. Процесс унификации репертуаров был перебит другим процессом — отмиранием былин в их естественном бытовании, бурно развившимся в XX веке и необратимом.

Примечания

¹Смирнов Ю.И. Былина «Вольга и Микула» в записях от Трофима Рябина // Рябинские чтения – 2007. Петрозаводск, 2007. С. 386-389.

²Добрыня Никитич и Алеша Попович (далее – ДН и АП) / изд. подгот. Ю.И. Смирнов и В.Г. Смолицкий; отв. ред. Э.В. Померанцева. М., 1974. С. 426-427, а также тексты № 75-77.

³ДН и АП, указания на варианты: с. 371-372; тексты № 1-12.

⁴ДН и АП, см. тексты № 64, 66, 67 и прим. с 422-423.

⁵ДН и АП, № 65 и прим. с. 423.

⁶ДН и АП, тексты № 35-44 и прим. с. 396- 406. Об отношениях между былинами «Алеша Попович и Тугарин Змеевич» и «Илья Муромец и Идолище»: с. 399-401.

⁷ДН и АП, ср. тексты № 12, 26-31, 34; указания на варианты: с. 390-391; № 12 и 34 – из кенозерских записей собирателей МГУ.

⁸Смирнов Ю.И. Славянские эпические традиции. М., 1974. С. 162 – 173, там же даны две кенозерские записи собирателей МГУ.

⁹Новгородские былины (далее – НБ) / изд. подгот. Ю.И. Смирнов и В.Г. Смолицкий; отв. ред. Э.В. Померанцева. М., 1978. Тексты № 54-69, прим. с. 426-442.

¹⁰Онежские былины / подбор. былин и науч. ред. Ю.М. Соколова; подгот. текс-тов, прим. и словарь В.И. Чичерова. М., 1948. № 213. С. 760-761.

¹¹НБ, № 4, с. 29, повтор с. 31. У мезенских сказителей упоминается то староста Викула, то старец Викула: см. НБ, № 24, с. 126-128; № 26, с. 140. Примечательно, что новгородские былины не знают таких высших должностей в Великом Новгороде, как посадник и тысяцкий.

¹²НБ, № 27, 28, другие тексты о Садке № 29-53, прим. с. 388-419.

¹³ДН и АП, тексты № 85-88 и прим. с. 430-431.

¹⁴ДН и АП, тексты № 13, 17, 33, 34, 58-84; указания на варианты: с. 413-415; о происхождении из средней полосы с. 415-416.

¹⁵Смирнов Ю.И. Две версии былины «Илья Муромец и Калин-царь» у Трофима Рябина // Рябинские чтения – 95. Петрозаводск, 1997. С. 37-42.

¹⁶НБ, тексты № 1-26; указания на варианты: с. 362-363.

¹⁷ДН и АП, тексты № 45-51, прим. с. 406-411.

¹⁸Светлов Я. Доклад о поездке в Олонецкую губ. летом 1892 г., читанный в заседании Отделения этнографии 23 октября 1892 г. // Архив Русского Географического Общества. Ф. Олонецкой губ. Р. 25. Оп. 1. № 37. Л. 7 об.

ЦИКЛИЗАЦИЯ БЫЛИН КЕНОЗЕРСКОЙ ЗАПИСИ

Одно из проявлений стихийной системности эпических репертуаров выражается в циклизации. Однажды приняв какого-то эпического героя за своего исключительного этнического представителя, носители традиции нередко уже не могли остановиться только на том, чтобы воспроизводить об этом герое всего лишь одно произведение. Носители традиций и сами хотели расширить свои представления об избранном герое, и их подталкивали к этому слушатели. Потребность в расширении представлений удовлетворялась двояко. Проще было в известном произведении заменить традиционного персонажа избранным героем, однако со сказителем, допустившим это перенесение, в его окружении далеко не всегда соглашались, что можно заметить по единичным фиксациям каких-либо перенесений. Гораздо труднее было создать новое произведение, естественно, с использованием накопившихся традиционных эпических средств. Когда это кому-то удавалось, новое произведение в лучшем случае долго оставалось достоянием узкого круга знатоков.

В местных репертуарах нетрудно обнаружить по меньшей мере две разные былины, посвященные одному герою. На Кенозере, в частности, бытовали: «Молодость Чурилы (Чурила и князь)» и «Чурила и Катерина (Смерть Чурилы)»; «Молодость Василия Буслаевича (Василий Буслаевич и новгородцы)» и «Поездка Василия Буслаевича (Смерть Василия Буслаевича)»; «Иван Годинович» и «Микула Селянович и Иван Годинович».

Можно, конечно, предполагать, что о каждом из этих героев когда-то знали и пели больше двух былин, но подкрепить это вполне уместное предположение пока нечем.

Двух произведений об одном герое, пожалуй, недостаточно для того, чтобы признать их циклом. Видимо, таких произведений должно быть не меньше трех, – тогда можно считать, что процесс циклизации начинался и повлиял на состав местных традиций. Циклизация несомненно начиналась с создания самостоятельных произведений, которые затем могли сводиться в многосоставные тексты (контаминации). Итак, условимся: о начале циклизации можно, наверное, говорить, когда известно, что об одном и том же герое бытовало по меньшей мере три самостоятельных произведения либо три сюжета, соединенных в одном произведении.

На Кенозере героем не менее трех произведений выступает Святогор. О нем туда было занесено три текста или три сюжета в одной связке: «Святогор и тяга земная», «Илья Муромец попадает в карман Святогора» и «Святогор примеряет

гроб и остается в нем». Эти тексты или сюжеты попарно соединялись певцами в одну былинку, при этом к ним мог добавляться какой-нибудь текст или сюжет об Илье Муромце. На Кенозере лишь однажды и в составе контаминации встретилось новообразование: рассказчик заменил Добрыню Святогором, поведав о встрече Ильи и Святогора с умницей-бабой, стиравшей белье. Во всех кенозерских случаях Святогор не изображается как самодовлеющая фигура. Певцы и рассказчики настойчиво связывали Святогора с Ильей Муромцем, что они несомненно усвоили от своих предшественников, принесших на Кенозеро тексты или сюжеты о Святогоре. Только один раз и притом в девятичастной прозаической контаминации оказались сближенными все четыре сюжета о Святогоре, три традиционных с добавлением упомянутого новообразования, однако эта контаминация в целом посвящена Илье Муромцу, выдвинутому в ней в качестве главного героя. Циклизация текстов о Святогоре, начавшаяся где-то вдали от Кенозера и представленная занесенными туда произведениями, не получила продолжения в местных условиях.

Большим вниманием, чем Святогор, на Кенозере пользовался Добрыня Никитич. О нем бытовало десять произведений и вставных сюжетов: «Добрыня и змея», «Бой Добрыни с Невежей», «Бой Добрыни с бабой Горынинкой», «Бой Добрыни с бабой Ягой», «Добрыня и Настасья», «Добрыня и Маринка», «Маринка заманивает Добрыню на подложную кровать», «Добрыня и Алеша», «Женитьба Добрыни на Катерине, дочери Николы Зиновьева», Добрыня просит у матери разрешения ехать искать названного брата Илью Муромца». Из этого набора можно было сложить по крайней мере два или три цикла не противоречащих друг другу текстов. Вполне вероятно, что такие опыты циклизации неоднократно предпринимались, однако записями Гильфердинга оказался отмечен только один опыт: певец А.Г. Гусев из д. Заболотье пропел собирателю по отдельности былины: «Добрыня и Маринка», «Добрыня и змея» и «Добрыня и Алеша» со вставкой «Бой Добрыни с бабой Ягой»¹. Причина единичности фиксации видится не в избирательности собирателя. Если он что-то не записывал, то отмечал знание певцом почему-либо не записанных текстов, и по этим его заметкам также можно судить о репертуаре того или иного кенозёра. Но и по заметкам Гильфердинга не виден еще хотя бы один кенозёр, знавший три или более былин о Добрыне. Причина тому заключалась, очевидно, не в избирательной записи собирателя. Просто к нему на запись не пожелали приехать кенозёры, предпочитавшие петь о Добрыне.

Только в 1927 году стало известно, что в Зехнове и соседних деревнях, расположенных по южному побережью Кенозера, первым эпическим героем признавался Добрыня, а именно из этих деревень никто не приезжал к Гильфердингу на запись. О Добрыне там сложили устойчивую и логичную контаминацию из трех былин: «Добрыня и змея + Добрыня и Маринка + Добрыня и Алуша»². Предпочтение Добрыне сохранялось там и в 1958–1959 годах³. Сложившуюся контаминацию можно считать и малым циклом. Между тем в других местах Кено-

зера она не была воспринята. Там обычно знали о Добрыне не более двух былин. Лишь однажды и уже в 1927 году от И.М. Калитина на Суетин-острове записали «Добрыня и Алеша» со вставкой «Бой Добрыни с Невежей» и «Добрыня просит у матери разрешения ехать искать названного брата Илью Муромца» и таким образом отметили знание трех сюжетов.

К занесенным произведениям о Добрыне кенозёры прибавили вставку «Бой Добрыни с бабой Ягой». Кто-то из кенозёров придумал «Женитьбу Добрыни на Катерине, дочери Николы Зиновьева». Этими двумя случаями новообразований о Добрыне местное творчество ограничилось.

В большинстве кенозерских деревень предпочтение отдавалось Илье Муромцу. О нем как в виде самостоятельных произведений, так и в контаминациях записями отмечено вдвое больше сюжетов, чем о Добрыне: «Илья с трудом приподнимает сумочку старичка», «Илья попадает в карман Святогора», «Святогор примеряет гроб и остается в нем», «Исцеление Ильи», «Бой Ильи с Невежей», «Илья и Соловей-разбойник», «Илья и Идолище» (четыре формы), «Илья и голи кабацкие» (пять форм), «По оговору чумаков-целовальников Илья попадает в погреб», «Идолище сватает племянницу князя Владимира», «Илья и Калин-царь», «Илья губит силу князя Владимира», «Илья и его сын» (три формы), «Встреча Ильи с богатырями, спавшими в шатре», «Илья и разбойники», «Три поездки Ильи», «Кончина Ильи в киевских пещерах».

Из этого перечня к новообразованиям, созданным кенозёрами, относятся: «Илья с трудом приподнимает сумочку старичка», «Бой Ильи с Невежей», «Встреча Ильи с богатырями, спавшими в шатре», «Кончина Ильи в киевских пещерах». Эти перенесения единичны по фиксациям и, судя по следующим сборам, не получили распространения. Певцы придумывали их из желания добавить красок к традиционному образу Ильи Муромца.

За вычетом новообразований перечень произведений об Илье Муромце, принесенных на Кенозеро, уже был достаточен для того, чтобы началась их циклизация. Уже перед Гильфердингом предстали несколько певцов, знавших не менее четырех былин или сюжетов об Илье, переданных на запись в виде самостоятельных произведений или в их связке. Это И.П. Сивцев (Поромское)⁴, И.Д. Калитина (Суетин-остров)⁵, М.И. Тряпицын (Усть-Поча)⁶, И.Г. Третьяков (Росляково)⁷ и житель Тамбичозера П.Я. Меншиков⁸. Эти певцы уже обладали способностью нарастить число произведений об Илье Муромце и выстроить из них достаточно пространную эпическую биографию героя. Вполне возможно, что попытки такой циклизации неоднократно предпринимались, но не нашлось собирателей для записи подобных текстов.

В 1927 году кое-кто из кенозёров продолжал придерживаться тех пределов знания, какие существовали в пору Гильфердинга. Так И.М. Калитин на Суетин-острове знал всего три текста об Илье⁹. А житель того же острова А.Г. Калитин знал больше и соединил в своем тексте четыре произведения об Илье, правда, при

этом он почему-то опустил некоторые части их повествования¹⁰. Иначе поступил П.С. Лоскутов из Щенника. Он создал два контаминированных текста об Илье Муромце. В один он включил сюжеты «Исцеление Ильи», «Три поездки Ильи», «Илья и Соловей-разбойник»¹¹. В другой его текст с рамочным сюжетом «Идолище сватает племянницу князя Владимира» вошли «Илья и Идолище», «Илья и Калин-царь», «Илья и нахвальщик (сын)»¹². Будь на то какой-нибудь побудительный толчок или чье-то поощрение, Лоскутов, наверное, мог бы соединить в один текст все известные ему сюжеты об Илье Муромце. Беда, однако, в том, что он не пел — по неизвестным причинам, а рассказывал. Его опыты циклизации уже выходили за пределы сказительского искусства. Они занимают промежуточное положение между эпической песней и сказкой.

То же самое следует сказать об опыте циклизации, осуществленном И.Ф. Сидоровым из д. Щанниково. В своем опыте тот пошел дальше Лоскутова. В его контаминацию вошли «Исцеление Ильи», «Встреча Ильи с Дюком Степановичем и оказанная ему помощь», «Илья губит силу князя Владимира», «Илья и Идолище в Киеве», «Илья попадает в карман Иванища-Святогора», «Три поездки Ильи», «Встреча Ильи и Святогора с умницей-бабой, стиравшей белье», «Иванище-Святогор примеряет гроб и остается в нем», «Илья с трудом приподнимает сумочку старичка»¹³. По ходу повествования Сидоров позволил себе изменять некоторые традиционные детали, даже, по-видимому, снимать традиционные части усвоенных текстов и домысливать вместо них нечто свое. К его переделкам традиционных частей относятся «Илья губит силу князя Владимира (ср. «Илья и Калин-царь»», «Встреча Ильи и Святогора с умницей-бабой, стиравше белье» (ср. «Бой Добрыни с бабой Горынинкой»), «Илья с трудом приподнял сумочку старичка» (ср. «Святогор и тяга земная»), — это составляет треть включенных в контаминацию сюжетов. Из числа всех известных контаминаций, не подвергшихся книжному влиянию, текст Сидорова оказался самым крупным. Неизвестно, знал ли рассказчик еще какие-то тексты об Илье Муромце, например, «Илья и Соловей-разбойник», «Илья и Калин-царь», «Илья и его сын (нахвальщик)», бытовавшие на Кенозере, и, если знал, то мог ли бы он включить их в свой текст.

Итак, циклизация произведений о Святогоре на Кенозере не произошла. Циклизация былин о Добрыне застыла на начальном рубеже, ограниченная тремя-четырьмя произведениями. Циклизация текстов об Илье Муромце перешла начальный предел, предпринимались попытки соединить в одном тексте целые былины или их части, тоже не более трех-четырех произведений. Но самыми заметными по записям оказались уже прозаические сводные переложения.

В пределах песенного исполнения циклы о Добрыне и Илье не получили своего завершения на Кенозере. Видимая причина кроется в том, что там не произошло слияние репертуаров, принесенных из разных мест, в общую, унифицированную традицию. Этому препятствовал процесс отмирания былин в их естественном бытовании, начавшийся, по-видимому, еще в XIX веке: преемственность передачи

прерывалась, напевы забывались, отчего былины стали не петь, а сказывать, что затем приводило к их пересказыванию, к превращению в большие или меньшие прозаические формы. Будь условия бытования благоприятными, на Кенозере вполне утвердились бы в качестве совершенно доминирующих два-три цикла об Илье Муромце. Вытеснение некоторого множества героев одним с циклизацией произведений о нем наблюдается и в других местах бытования русского эпоса. Подобные циклизации происходили и в недрах иных эпических традиций Евразии. Здесь ограничимся упоминанием лишь о циклизации произведений о Марке Кралевиче в македонской и болгарской традициях, где на протяжении нескольких последних десятилетий этот эпический герой превращался в главного, а то и в единственного из известных ранее положительных персонажей.

Более ранней, чем циклизация, выглядит совокупность былин, состоящая, как это видно, из тех же тематических серий, какие – в том или ином составе – обнаруживались повсюду. Люди, поселявшиеся на Кенозере, приходили туда с разными репертуарами и различными эволюционными качествами эпических произведений. Чем раньше поселялись люди, тем более ранними и обширными были их репертуары и более ранними эволюционные качества текстов, а при благоприятных условиях тем больше от принесенного могло что-то сберегаться долгое время. И, наоборот, чем позже приходили люди, тем более поздний и обедненный репертуар они приносили с собой. Так было всюду на Русском Севере. И Кенозеро не было исключением.

Выходцы из разных мест были носителями больших или меньших частей исходных эпических традиций, более или менее системных или уже вовсе остаточных. Системность исходных традиций могла совпадать только в тех случаях, когда эти традиции бытовали в близком соседстве, а тексты из них переносились туда приблизительно или в одно и то же время. По отношению к исходным эпическим традициям кенозерская, равно как и другие на Русском Севере, – вторичная и смешанная по составу, о чем свидетельствуют сами произведения, записанные там¹⁴.

Примечания

¹Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Изд. 4-е. Т. III. М.; Л. 1951. № 288-290.

²Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. Ю.М. Соколова; прим. и словарь В.И. Чичерова. М. 1948. № 271, 273.

³Двухчастные контаминации былин о Добрыне, записанные в 1958 – 1959 гг.: Добрыня Никитич и Алеша Попович / изд. подгот. Ю.И. Смирнов и В.Г. Смолицкий. М., 1974. № 12, 34. Даже в 2009 г. кое-кто из зехновцев припоминал отрывки из былин о Добрыне.

⁴Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом. № 219-221.

⁵Там же. № 232, 233.

⁶Там же. № 239, 240.

⁷Там же. № 265, 266.

⁸Там же. № 273, 274.

⁹Онежские былины. № 247, 248.

¹⁰Там же. № 255.

¹¹Там же. № 237.

¹²Там же. № 238.

¹³Там же. № 269.

¹⁴Систематические перечни по старым записям см.: Смирнов Ю.И. Былины Кенозера (по записям собирателей второй половины XIX в.) // Кенозерские чтения. Архангельск. 2004. С. 305-322; Его же. Былины Кенозера по записям 1927 г. // Культурное и природное наследие Европейского Севера / сост. П.С. Журавлёв, М.Н. Мелютина и др., отв. ред. Н.М. Терехихин и Е.Ф. Шатковская. Архангельск, 2009. С. 409-426.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ИКОНОГРАФИИ НЕКОТОРЫХ КЕНОЗЕРСКИХ «НЕБЕС» ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Древнерусская живопись имела ограниченный круг источников иконографии. Это были толковые или лицевые иконописные подлинники, позволявшие идентифицировать ту или иную композицию или отдельного персонажа. Толковые иконописные подлинники представляли собой описание святого в общих чертах или краткую характеристику строя композиции сюжетной иконы. Лицевые подлинники – это сборники прорисей с «эталонных» образов, которые давали представление лишь о постановке фигуры и атрибутах святого. В XVI веке Русь знакомится с европейской гравюрой, затем появляются призывы ориентироваться на эти образцы, поскольку иноземцы хоть и «маловернии, но обаче многих святых апостол и пророк на листах и на стенах тщательно воображают»¹. Иностранная живопись привлекала новизной, изящными очертаниями, благородной постановкой фигур, артистически размещенными драпировками². Север знакомился с западными гравюрами благодаря Соловецкому монастырю, в Хронографе которого (рубеж 1640-х и 1650-х гг.) есть миниатюры – копии с изображений Библии Пискагора³. К середине XVII века древнерусская живопись прошла все стадии своего развития и вступила в завершающий этап, связанный с деятельностью московской Оружейной палаты и артелей художников-монументалистов, работавших в Москве, на Ярославской земле, в Костроме.

Происходит интенсивное «обмирщение» искусства, в религиозные сюжеты вливается мощная «мирская» струя. Именно в этот период появляются первые «небеса» с росписью.

Последней третью XVII века и рубежом XVII и XVIII столетий датированы нес-колько комплексов заонежских «небес». Несмотря на факт более раннего, чем где бы то ни было, появления расписных потолков, сами образы святых заонежских «небес» и техника их исполнения всегда носили более традиционный, даже архаический характер. Карелия обладала «замкнутой крестьянской, патриархальной культурой»⁴, поэтому в XVIII и даже в XIX веке там из употребления еще не вышли древнерусские толковые иконописные подлинники. Отсюда – использование графы (перенесение контуров изображения с лицевого подлинника) как в иконах, так и в живописи «небес», применение темперы даже в самых поздних комплексах расписных потолков конца XIX века, отсутствие уникальных «небес» (по классификации Т.М. Кольцовой) с сюжетными композициями на гранях. Каргопольские и, в частности, кенозерские «небеса» в этом отношении составляют особую группу, поскольку такое разнообразие иконографических программ «не-

бес» и их источников характерно только для этого региона.

Еще в период позднего средневековья Каргополь, находящийся на пути, соединявшем Москву с Западной Европой, являлся крупнейшим культурным очагом Севера. Город приобрел значение ключевого пункта внутренней и внешней торговли, поэтому не случайно, что Иван Грозный включил его в числе других девятнадцати поселений в опричные земли. Этот край был весьма оживленным, в XVI–XVII веках. Каргополье переживало экономический и связанный с этим культурный подъем, поэтому и в XVIII–XIX веках Каргополье и Кенозеро в отличие от Заонежья не остались в стороне от новейших культурных тенденций. Это и стало причиной появления в данном регионе таких исключительных комплексов «небес», как расписные потолки часовни Трех Святителей в Немяте, Введенской часовни в Рыжково и ряда других памятников. Уникальность этих «небес» обусловлена их иконографической программой, поэтому решение вопроса об источниках иконографии росписей «небес» имеет первостепенное значение. Их идентификация позволит уточнить основные вехи развития и главные ориентиры искусства Севера в XVIII–XIX веках. Благодаря этому можно будет установить связь художников-одиночек и артелей с теми или иными художественными центрами и степень их влияния на северное искусство.

Каждый период бытования «небес» характеризуется ориентацией на различные, четко определенные группы образцов. В XVII – начале XVIII века формирование иконографических схем росписей потолков деревянных храмов происходит под воздействием стенописей каменных церквей Ярославля, Ростова, Переяславля, Костромы и Вологды. В XVI–XVII веках через Ярославль, Вологду и земли Русского Севера проходил важнейший торговый путь, соединявший Москву с Европой. Благодаря этой дороге на Север проникали передовые тенденции искусства, происходил «обмен» мастерами. Отдельные сюжеты, появлявшиеся в росписях храмов центральных земель, довольно быстро оказывались включенными в композиции «небес» (такие образы, как «Христос Архиерей», «Отечество», Саваоф, Новозаветная Троица и «Коронование Богоматери» в зеркале купола или в своде каменного храма разместились в центральных медальонах «небес»). Такое влияние художественной жизни перечисленных выше городов было возможно в условиях тесных контактов холмогорского архиерейского дома с Центральной Россией⁵.

Не последнюю роль в процессе формирования композиционного строя «небес» сыграли отдельные иконы, а также целые чины высокого русского иконостаса. Уникальным является «небо» часовни Трех Святителей в Немяте. Таковым его делают шестнадцать многофигурных композиций, занимающих нижний регистр граней. Здесь представлены Дванадцатые праздники, сюжеты страстного цикла («Снятие с креста», «Уверение Фомы», «Положение во гроб»), а также Ветхозаветная Троица. Совокупность этих икон можно трактовать как полноценный праздничный ряд высокого иконостаса. Деревянные севернорусские церкви, а тем более часовни, в большинстве случаев имели очень скромные размеры. По этой

причине иконостас обычно состоял из двух-трех рядов. Вследствие этого можно было встретить иконы, объединяющие на одной доске несколько сюжетов (многофигурные Деисусы горизонтального формата, «спаренные» изображения пророков и праздников, деисусного чина и праздников, праотцев и пророков в два яруса). Подобные сочетания довольно часто встречаются и на «небесах». В Никольской часовне в деревне Усть-Поча под фигурами архангелов расположены клейма с житием Николы, в Макарьевской часовне из деревни Федоровская на одной грани написаны по две фигуры апостолов, а в часовне, посвященной св. Параскеве Пятнице в деревне Тырышкино – по две фигуры архангелов или же архангел и евангелист на одной грани.

Поскольку столь развернутый праздничный чин, который мы видим на «небе» из часовни в деревне Нямята, не мог быть включенным в иконостас небольшой северной часовни, то его можно было разместить только на потолке. При этом в северном иконостасе зачастую в праздничном ряду находились и иконы с избранными святыми. Создатель «неба» в часовне деревни Нямята также следует этой традиции и изображает среди апостолов трех святителей, во имя которых и была освящена часовня. Праздничный ряд имел очень большое значение для северян. Нередко именно этот чин и местный ряд были крупнее Деисуса, что ослабляло композиционную роль последнего в системе иконостаса⁶.

Высокий русский иконостас было принято завершать образом Спаса Нерукотворного, а позднее – изображением «Распятия». В большинстве случаев в композициях «небес» «Распятию» отводятся от одной до пяти восточных граней.

«Небо» четверика церкви Происхождения Честных Древ Христовых в деревне Филипповская на Почозере имеет уникальную особенность – на восточной грани с композицией «Распятие» помещен не живописный, а деревянный крест. Московский собор 1666–1667 годов постановил завершать иконостасы резными крестами, чтобы прихожане «зрящее во святей церкви на распятие и страсти Спасителя нашего Иисуса Христа, исцелялись от угрызения невидимаго змия диавола»⁷. Деревянный крест, венчающий высокий русский иконостас (а скульптурные навершия иконостасов «Распятие с предстоящими» были распространены и на Севере) был «перемещен» на «небо». Вырезанные из дерева фигуры Богоматери, Иоанна Богослова, Марии Магдалины, Логина Сотника, фланкирующие «Распятие», видимо, стали причиной размещения этой композиции на «небе» на нескольких гранях (трех или пяти). При этом каждой (или двум) фигурам предстоящих отводится отдельная доска и, таким образом, сохраняется обособленность персонажей и общая расчлененность композиции «Распятие», присущая иконостасу.

В XIX веке, когда появились «небеса», определенные Т.М. Кольцовой как уникальные, число иконографических источников расширилось. Значительное количество «небес» было выполнено профессиональными художниками, использовавшими в качестве лицевых подлинников гравюры и картины на религиозные сюжеты, а также ориентировавшимися на столичные образцы стенописи. Такое

положение дел не кажется странным, если рассмотреть экономическую и художественную жизнь региона второй половины XIX века. В этот период иконописцы из Владимирской, Вологодской, а также Рязанской, Ярославской, Костромской губерний приезжали в приходы Архангельской епархии для выполнения разовых работ. Некоторые мастера оставались надолго и готовили учеников⁸. Нередким было и обучение северных иконописцев в Петербурге. Сильно сказывалось влияние столичных образцов. Оно дошло до такой степени, что XIX век повсеместно стал характеризоваться «стандартизацией монументальной живописи и утратой местных особенностей»⁹.

Однако и во второй половине XIX столетия появлялись «небеса», относящиеся к «крестьянским письмам». Памятники этой группы зачастую близки бытовым росписям (используются аналогичные орнаментальные мотивы, упрощение композиций, колорита, условная анатомия фигур). Нельзя сказать, что «крестьянские письма» были распространены только в каких-то обособленных, периферийных регионах. «Небеса» самого характерного художника этого круга – «кенозерского мастера» – были созданы приблизительно в одно время с «небесами» в часовнях деревень Рыжково и Немята, выполненными на высоком художественном уровне. Возможно, непрофессиональные мастера использовали образцы, находившиеся в зоне наибольшей доступности, т.е. иконы и «небеса» ближайших храмов. Такие случаи известны нам по «небесам» Заонежья¹⁰.

Более профессиональные живописцы уже имели в своем арсенале гравированные иконы, святцы и картины на библейские сюжеты, появившиеся на Севере еще на рубеже XVII – XVIII веков. Среди них было немало западных редакций. Они-то и послужили первыми «нетрадиционными» иконописными подлинниками.

Такие комплексы, как «небо» из Георгиевской часовни деревни Низ в с. Ошевенском и «небо» неизвестной каргопольской часовни, создавались с ориентацией на народные картинки, иллюстрирующие Библию¹¹.

Сохранилось всего несколько «небес», выполненных по образцу западных гравюр. Автор «неба» Ильинской церкви Белозерска, датированного 1690-ми годами¹², взял за образец именно такие изображения. В пользу этого говорят несвойственные древнерусскому искусству сюжеты деяний и мучений апостолов. Западноевропейские иконографические источники выбирались часто случайно, но далеко не все гравированные Библии получали популярность среди иконописцев. Успехом пользовались те издания, где количество изображений было максимальным, а фигуры были крупными и четкими. Этим объясняется такая популярность Библии Пискаatora¹³, а позже – Библий Густава Доре и Юлиуса Шнорра фон Карольсфельда (именно его иллюстрации к Священному Писанию копировал Платон Петров Булатов, расписывая потолок Никольской церкви в Ловзанге близ Каргополя) (ил. 1, 2). К тому же, северных территорий достигали в основном те издания, тираж которых был велик. Обращение иконописцев в конце XIX века к альбомам западноевропейских гравюр было вызвано отсутствием подходящих

иконописных подлинников. В самом конце XIX столетия Н.В. Покровский сетовал на отсутствие оных и был весьма обеспокоен все более частым обращением художников к подобным образцам¹⁴.

Храм Христа Спасителя в Москве, расписанный в 1860–1880-х годы представителями Академии художеств, сыграл важную роль и в севернорусской живописи последней четверти XIX века. Создатели «небес» Введенской часовни в деревне Рыжково и часовни Сошествия Святого Духа в деревне Глазово за образец взяли росписи и иконы московского собора.

«Небо» в часовне деревни Рыжково датируется концом XIX века. На его четырнадцать гранях написаны апостолы и «Распятие». Сектора, фланкирующие восточную грань с «Распятием», отведены местнотимым сюжетам – «Введению Богородицы во храм» и «Рождеству Иоанна Предтечи» (ил. 3). Художник взял за основу первой композиции икону главного иконостаса храма Христа Спасителя (автор икон Т.А. Нефф). Кенозерский вариант трактовки сюжета несколько отличается от образца, композиция которого не такая развернутая, как в часовне д. Рыжково (нет девушек, служащих в Храме, на заднем плане видна только одна колонна вместо двух) (ил. 4). Создатель «неба» в рыжковской часовне полностью изменяет колорит, предпочитая локальные синий, зеленый, красный и желтый цвета.

По мнению Т.М. Кольцовой, «небо» часовни Трех Святителей в Немяте создано тем же мастером, что и «небо» в часовне д. Рыжково¹⁵. На это указывает, в частности, схожая композиция клейма «Введения Богородицы во храм» в обоих комплексах (ил. 5). Однако в немьтинской часовне художник свободнее обращается с московским оригиналом, разворачивая фигуры, варьируя позы и архитектурный фон.

Создатель «неба» часовни Сошествия Святого Духа в деревне Глазово ориентировался уже не на иконопись, а на росписи храма Христа Спасителя. Фигуры евангелистов на скамьях с символами над ними были буквально скопированы с аналогичных московских изображений (ил. 6). Работу над росписями храма начинал Ф.А. Бруни, а заканчивал Е.С. Сорокин (ил. 7). Общий строй композиций и отдельные детали идентичны. Отличия касаются колорита и облачного фона, который в храме Христа Спасителя занимает все свободное пространство, а в часовне деревни Глазово – становится небольшим облаком, на котором представлены символы.

Какими же источниками пользовались художники при создании этих «небес»? Никаких альбомов живописи храма Христа Спасителя не существовало. Предварительные рисунки академиков живописи, их эскизы и картоны не были растиражированы. Исключением в данном ряду является альбом фотографий экстерьера и интерьера храма Христа Спасителя, выпущенный фирмой Шерер, Наболец и К^о в 1883 году. Снимки обладали прекрасным качеством. Однако количество экземпляров альбома было невелико, что практически исключало возможность

наличия такого издания у северного иконописца. Высокое мастерство авторов «небес» д. Рыжково и Глазово, знание ими живописи храма Христа Спасителя позволяет предположить, что над этими «небесами» трудились мастера, ученики академиков живописи или их ученики, знакомые с росписями московского храма. В качестве вспомогательного материала они могли использовать либо упомянутые выше фотографии, либо, что более вероятно, свои зарисовки и копии. Отсюда – различия в колористическом решении «небес».

Росписи и иконы храма Христа Спасителя послужили образцом для создателей внутреннего убранства множества храмов в России. Нам известны подобные примеры в Московской, Тверской, Тульской, Владимирской, Ярославской и других областях. В церкви Ильи Пророка села Палищи (Гусь-Хрустальный район Владимирской области) в куполе представлено «Отечество», аналогичное тому, что можно было увидеть в храме Христа Спасителя. Такой же образ написан в своде церкви Святой Анны села Чубковичи (Стародубский район Брянской области). Копии образов евангелистов Е.С. Сорокина представлены в парусах церкви Двенадцати апостолов в Туле, такие же изображения украшают стены Никольской церкви с. Новоникольского близ Ростова Великого. Композиция «Введение Богородицы во храм» Т.А. Нефа в том же иконографическом изводе встречается в праздничном ряду церкви Двенадцати апостолов в Туле и иконе из церкви Сергия Радонежского в Татищевом Погосте (Ростовский район Ярославской области) (ил. 8). Некоторые исследователи склонны считать, что провинциальные росписи, выполненные по образцу храма Христа Спасителя, представляют собой только «бледный отпечаток, в котором сходство с оригиналом едва улавливается лишь в общем построении композиции»¹⁶. Мы готовы оспорить это мнение. Во-первых, в большинстве случаев можно говорить о точных копиях (и евангелисты «неба» Святодуховской часовни в д. Глазово служат тому подтверждением). Во-вторых, скопированные композиции всегда тактично включены в оформление культовых интерьеров, согласованы с остальными образами в стилистическом и колористическом отношении, что не делает их чужеродными. Можно только удивляться тому, как художник не очень высокого уровня, расписавший «небо» глазовской часовни, создал такое гармоничное сочетание тонких оттенков голубого и белого, усилив их звучание приглушенными и согласованными между собой тонами красного, желтого и зеленого.

Идентификация лишь некоторых источников иконографии поздних каргопольских и кенозерских «небес» показала, что иконопись Русского Севера в последней четверти XIX столетия двигалась в общем русле развития религиозной живописи. Ориентация северных мастеров на иконы и росписи храма Христа Спасителя дает нам возможность предположить, что «небеса» создавали художники, напрямую или косвенно связанные с росписями известного московского собора.

Примечания

¹Михайловский Б.В., Пуришев Б.И. Очерки истории древнерусской монументальной

живописи. М.; Л., 1941. С. 93.

²Успенский А.И. Царские иконописцы и живописцы XVII века. М., 1913. С. 316.

³Тарабрин И.М. Библия Пискатора в истории русской письменности и искусства // Известия XV археологического съезда в Новгороде. М., 1911. С. 99.

⁴Кольцова Т.М. Становление и развитие художественных центров в конце XVI–XVIII веках: иконопись Архангельского края: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. URL: http://vak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/announcements/iskusstvo/15-12-2008/Koltsova_T.M.doc. С. 9.

⁵Там же. С. 20.

⁶Платонов В.Г. Иконопись Заонежья второй половины XVII века (формирование стилистических направлений и эволюция иконостасов) // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992. С. 144.

⁷Сперовский Н. Старинные русские иконостасы. СПб., 1893. С. 26.

⁸Кольцова Т.М. Северные иконописцы: Опыт библиографического словаря. Архангельск, 1998. С. 27-28, 30.

⁹Алитова Р.Ф., Никитина Т.Л. Церковные стенные росписи Ростова Великого и Ростовского уезда XVIII – начала XX века. М., 2008. С. 10.

¹⁰Создатель «неба» XIX века часовни Святителя Николая д. Мелая Губа ориентировался на более ранний комплекс – «небо» неизвестной «заонежской» часовни рубежа XVII–XVIII веков и «небо» Петропавловской часовни Волкострова второй половины XVIII века, о чем говорит заимствование отдельных элементов композиции. См.: Фролова Г.И. «Небеса» Заонежья. Иконы из собрания музея-заповедника «Кижи». Петрозаводск, 2008. С. 124.

¹¹Кольцова Т.М. Росписи «неба» в деревянных храмах Русского Севера. Архангельск, 1993. С. 87.

¹²Рыбаков А. Вологодская икона. М., 1995. С. 32.

¹³Бусева-Давыдова И.Л. Новые иконографические источники русской живописи XVII в. // Русское искусство позднего средневековья. Образ и смысл: сб. статей / под ред. А.Л. Баталова. М., 1993. С. 195-196.

¹⁴Покровский Н.В. Лицевой иконописный подлинник и его значение для современного церковного искусства // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1899.

¹⁵Кольцова Т.М. Росписи «неба» в деревянных храмах... С. 84.

¹⁶Удралова Н.В. Некоторые направления в русской монументальной храмовой живописи второй половины XIX – начала XX в. // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Столица и провинция. М., 1994. С. 207.

*А.Н. Старицын
(г. Москва)
А.В. Пигин
(г. Петрозаводск)*

К ИЗУЧЕНИЮ МОНАСТЫРСКОЙ ИСТОРИИ КЕНОЗЕРЬЯ (НАГЛИМОЗЕРСКАЯ АРТОВА ПУСТЫНЬ)

Наглимозерская (Аглимозерская)¹ Артова пустынь была основана в первой половине XVII века в Каргопольском уезде, в 60 – 65 верстах к северо-западу от Каргополя, на острове небольшого озера Наглимозеро (в юго-западной части современного Кенозерского национального парка). В 1702 году она была приписана к Спасо-Преображенскому монастырю Каргополя (Строкиной пустыни). Монашеская жизнь прекратилась здесь еще до секуляризационной реформы 1764 года, а с 1760-х годов пустынь была превращена в приходскую церковь. Монастырские здания были уничтожены в 1930 – 1931 годах.

Краткие сведения о Наглимозерской пустыни приводятся в известных указателях российских монастырей, составленных Амвросием (Орнатским), П.М. Строевым, В.В. Зверинским², в указателе монастырей Олонецкой епархии Е.В. Барсова³, а также в исследовании М.М. Богословского, посвященном земскому самоуправлению на Русском Севере в XVII веке⁴. Упоминается Наглимозерская пустынь и в новейших работах о севернорусских монастырях – но лишь в общем ряду малонаселенных и не сыгравших заметной роли в истории Севера обитателей⁵. В ходе археологических исследований на территории Кенозерского национального парка в 2003 – 2004 годах были обнаружены остатки фундамента наглимозерской монастырской церкви и сделаны ее предварительные обмеры⁶.

Наглимозерской пустыни посвящено лишь одно специальное исследование, принадлежащее перу каргопольского краеведа К.А. Докучаева-Баскова. Статья «Наглимозерская-Артова пустыня»⁷ является последней в цикле его очерков об олонецко-каргопольских монастырях, объединенных общим заглавием «Подвижники и монастыри крайнего Севера» (1885 – 1895). Достоинство и непреходящая научная ценность работ К.А. Докучаева-Баскова заключаются в том, что они написаны целиком на основе подлинных и по большей части не дошедших до нас источников. Получив дозволение разобрать архив Спасо-Преображенского каргопольского монастыря, К.А. Докучаев-Басков в один год привел его в полный порядок и сумел скопировать массу подлинных грамот XVII – XVIII веков. Истории монастырей, написанные им, по полноте сведений не имеют себе равных. Его статья, посвященная Наглимозерской пустыни, не является исключением. Редкой удачей можно считать отыскание сведений неизвестных каргопольскому самородку. В предлагаемой публикации речь пойдет преимущественно о таких архивных

находках.

В фондах РГАДА № 141 (Приказные дела старых лет) и № 159 (Приказные дела новой разборки) встречаются дела каргопольских монастырей, проходившие по ведомству Новгородского приказа. В 141-м фонде нами обнаружено только одно дело, касающееся истории Наглимозерской пустыни, а в 159-м фонде – целых четыре. Но по причине ветхости дело № 1116 «О подтверждении жалованной грамоты Наглимозерской пустыни о выдаче милостыни из таможенных и кабацких доходов города Каргополя от 1679 г.» и сборное дело № 1612 от 1682 года, содержащее в себе два комплекса документов: «Об отдаче Наглимозерской пустыни Каргопольского уезда во владение сенных покосов по реке Таланге в Колодозерской волости Олонецкого уезда» и «О закреплении за Наглимозерской пустыней Каргопольского уезда права на владение оброчным озером в том же уезде», не выдаются. Три документа 1730 – 1746 годов, освещающие некоторые стороны взаимоотношений пустыни с местными крестьянами, хранятся в Национальной библиотеке Республики Карелия (Петрозаводск). В Отделе письменных источников ГИМ сохранились рукописные материалы, которые собирал Е.В. Барсов, изучая церковную историю Олонецкого края. В фонде его имени № 450 содержится дело № 282 «Книги записные Каргопольского Спасского монастыря за 1756 г.», в котором приводится перечень грамот Наглимозерской пустыни XVII – XVIII веков. Другое дело из фонда Е.В. Барсова (№ 698 «Сведения о приходах каргопольских») включает в себе обобщающую информацию о Наглимозерской пустыни. Представим эти источники более подробно.

Хранящееся в РГАДА дело (Ф. 141. Оп. 1. Д. 59, ч. 1) по челобитной строителя Наглимозерской пустыни Тимофея было заведено в Новгородском приказе в сентябре 1653 года. Оно состоит из подлинной челобитной Тимофея с дьяческой пометой на обороте и белого варианта ответной царской грамоты с приказанием каргопольскому воеводе выдавать строителю Тимофею и последующим строителям ежегодного жалованья 10 рублей из таможенных доходов за приписью дьяка Андрея Немирова. Отсутствует черновик царской грамоты. Челобитная и грамота никогда не публиковались, но были, вероятно, известны Е.В. Барсову и, безусловно, М.М. Богословскому, которые на них ссылались⁸. Первый не цитирует документ, и неясно, какую грамоту 1653 года он имеет в виду, второй же пересказывает челобитную Тимофея с изложением его биографии и происходивших в пустыни чудес от образа Божией Матери Неопалимой Купины. При этом М.М. Богословский вместо 10 рублей царской милостыни ошибочно указывает 6 рублей⁹. Содержащиеся в челобитной биографические сведения, которые о себе приводит строитель Тимофей, позволяют представить в общих чертах его жизнь до пострижения. Тридцатилетняя служба Тимофея в архангельских стрельцах началась в самом начале XVII столетия, так как завершилась в 1630-е годы (см. далее). Как известно, первыми жителями нового города стали московские и холмогорские стрельцы. Не исключено, что родился будущий строитель Тимофей в Новых Холмогорах, как

тогда называли Архангельск, в семье стрельца в 80-х годах XVI века. Но возможно и другое предположение. Стрелецкая служба стала наследственной только в 30-х годах XVII столетия, а по сложившейся еще в годы Ливонской войны практике комплектования стрелецкого войска городские воеводы записывали в стрельцы добровольцев из окрестного населения¹⁰. Тимофей мог оказаться таким добровольцем, уроженцем Каргопольского уезда, хорошо знавшим местность, выбранную для будущего пустынного жительства. Несмотря на столь различные допущения, перепись Архангельского города 1622–1624 годов, возможно, донесла до нас его мирское имя среди 205 владельцев стрелецких дворов¹¹. Под «отъезжими заморскими службами», о которых пишет Тимофей, следует подразумевать охрану торговых судов или сопровождение официальных представителей иностранных государств. Так, в 1587 году 100 архангельских стрельцов сопровождали Джерома Горсея до острова Ягры, называемом англичанами Розовым островом, где останавливались иноземные купцы¹². В Смутное время Тимофей, исходя из его слов, был командирован из Архангельска в низовые города с небольшим отрядом, в составе которого и участвовал в сражениях «с первого приходу и до последнего». По имеющимся у нас данным, весной 1609 года архангельские стрельцы, числом 600 человек, в составе земского войска принимали участие в сражении под Ярославлем с отрядами тушинцев, возглавляемых Наумовым и Будзилом¹³. Двинский летописец добавляет, что в декабре 1613 года архангельские и холмогорские стрельцы участвовали в делах под Емецким и Холмогорским острогами, выдержав осаду и нанеся значительный урон врагу¹⁴. Упомянутый Тимофеем при описании чудес от образа Богородицы Неопалимой Купины покровский поп Иоанн, по нашему предположению, является автором Жития Кирилла Челмогорского, священником Лядинского Покровского храма¹⁵. Полное имя священника – Иван Венедиктов сын. В переписи 1648 года он значился дьячком церкви Петра и Павла Лекшмозерской или, как ее еще называли, Долгозерской волости, где и проживал до 1652 года со своей женой (имя неизвестно), сыновьями Федором (1645 года рождения) и Степаном (1647 года рождения), с матерью Ириной и братом Евминеем. Третий сын Ивана Венедиктова, с которым произошло чудо, родился после переписи в 1650 году Дьячок Иван 30 марта 1652 года был рукоположен во священники Новгородским митрополитом Никоном и переведен в Покровскую церковь села Лядины¹⁶.

Другое хранящееся в Российском государственном архиве древних актов дело (Ф. 159. Оп. 3. Д. 1611) также было заведено в Новгородском приказе. Оно состоит из челобитных строителя Наглимозерской пустыни черного попа Филарета, черного варианта ответной царской грамоты на первую челобитную и выписок из приказных дел, заведенных по ранним челобитным наглимозерского строителя Тимофея от 1649 года и 30 июня 1653 года. Отсюда видно, что существовали две грамоты 1653 года, и Е.В. Барсов мог иметь сведения о какой-то из них, но не известно, о какой именно. О грамоте 1653 года знал и К.А. Докучаев-Басков. И так как ни он, ни Е.В. Барсов не располагали данными о службе в стрельцах основа-

теля пустыни Тимофея, то становится очевидным, что им была известна июльская (6 июля) грамота, а не октябрьская (11 октября). В 1649 году Тимофей получил земли вокруг пустыни на оброк на 5 лет. В июле 1653 года он получил те же земли на 10 лет. И уже через два месяца снова обращается к царю с просьбой о ежегодной милостыни из таможенных доходов вместо руги. Тимофей напоминает, что пустынь – строение царя Михаила Федоровича, а от Алексея Михайловича были пожалованы колокола в 1653 году. На этом месте Тимофей с братией обитали уже больше 20 лет, следовательно, поселились здесь не позже 1633 года, и оставление стрелецкой службы Тимофеем и его пострижение произошло в начале 1630-х годов. В челобитной строителя Филарета 1682 года говорится о незаконных действиях крестьянина Колодозерской волости Василия Максимова. Отец Василия Максим Сысоев сын при пострижении в 1680 году дал в качестве вклада в Наглимозерскую пустынь сенные покосы по реке Хапонзе. При жизни отца, в иночестве Макария, Василий не претендовал на упомянутые земли. Но после смерти инока Макария Василий вновь завладел отцовскими сенными покосами, несмотря на то, что монахи за два года их неоднократно расчищали и значительно расширили. Жертвователи сенных покосов крестьяне Максим Сысоев и Сергей Васильев Кузнецов являются родственниками – дедом и внуком, как становится ясно из челобитной строителя Филарета от 1682 года. Сын Василия Максимова Сергей Кузнецов в отличие от своего отца решил узаконить дарственную деда.

Некоторые относящиеся к истории Наглимозерской пустыни документы XVIII века (1730, 1745 и 1746 гг.) извлечены из переплета печатной книги «Служба и Житие Николая Мирликийского» (Киев, 1680), которая хранится в Отделе редких книг Национальной библиотеки Республики Карелия¹⁷. Эти документы принадлежат тому времени, когда Наглимозерская пустынь уже не являлась самостоятельной, была приписана к Спасо-Преображенскому Каргопольскому монастырю. На рубеже 1730-х и 1740-х годов монашеская жизнь здесь вообще прекратилась¹⁸. По сведениям Д. Малинина, до создания на Наглимозере в 1760-е годы прихода в пустыни жили «беглые господские люди, и крестьяне землю пахали, а церкви стояли без службы»¹⁹. Документы 1730 и 1745 годов подтверждают эту информацию: крестьяне окрестных деревень незаконно использовали уголья Наглимозерской пустыни, пахали монастырскую землю и сеяли рожь. В 1730 году в каргопольской воеводской канцелярии крестьяне повинились в этом «преступлении» и обязались дать в Спасо-Преображенский монастырь в качестве платы «лекшмозерской рыбы сигов» 10 пудов и часть урожая. Данное крестьянами обещание впредь в монастырские «згодья никакими мерами не вступатца», несомненно, постоянно нарушалось, о чем свидетельствует другой документ. Посланный в 1745 году архимандритом Спасо-Преображенского Каргопольского монастыря Симеоном в Наглимозерскую пустынь для ее осмотра иеромонах того же монастыря Серафим обнаружил, что крестьяне распахали в разных местах земли, посекали лес, посеяли рожь. Какие меры против крестьянского самоволь-

ства приняли влас-ти Спасо-Преображенского монастыря на сей раз, из документа выяснить не удастся, поскольку окончание его утрачено. К.А. Докучаев-Басков сообщает, что в 1740-е годы иеромонах Серафим «отдал “на оброк” земли Наглимозерской пустыни крестьянину Тихманской волости... Якову Чертову, который и жил здесь до сентября 1748 г.»²⁰. Нет сомнений, что это была вынужденная мера, поскольку властям Спасо-Преображенского монастыря явно не удавалось контролировать земли «бесхозной» Наглимозерской пустыни. Определенный интерес представляет и документ 1746 года – «записка» попа соседней Лекшмозерской волости Ивана Григорьева о беспорядке, учиненном крестьянином Иваном Леонтиевым Хажиных в Наглимозерской пустыни во время трапезы на праздник «зимнего Николы». Из этого источника выясняется, что на «зимнего Николу» (6 декабря) в Наглимозерскую пустынь в XVIII веке сходились жители («богомольцы») окрестных волостей, для совершения церковной службы из Спасо-Преображенского Каргопольского монастыря приезжал иеромонах, устраивалась трапеза. Как пишет К.А. Докучаев-Басков, в XIX веке этот обычай сохранялся: «Замечательно, что ни в храмовый праздник Неопалимыя Купины (4 сентября), ни в праздник Тихвинской иконы Божия Матери (26 июня) богослужение в сем храме не отправляется. В эти дни будто бы служат в Петро-Павловском храме на Лекшмозере. Богослужение же совершается здесь только дважды в год, к коему собирается несколько народа из окрестных деревень, именно – во дни святителя Николая (9 мая и 6 декабря)»²¹. О почитании св. Николая Угодника на этой территории свидетельствует и народная святыня «Николин камень» – огромный валун, находящийся на дороге между Наглимозером и Лекшмозером²². Примечательно, что и сам документ извлечен из переплета печатной книги «Служба и Житие Николая Мирликийского», которая, вероятно, принадлежала Наглимозерской пустыни.

Самый поздний, но также весьма ценный источник – сведения о Наглимозерской пустыни, собранные по распоряжению первого епископа вновь созданной самостоятельной Олонецкой епархии Игнатия Семенова (22 мая 1828 г. – 17 октября 1842 г.). Основной целью открытия самостоятельной епархии было искоренение староверия в Олонецкой губернии. Борьба с ним стала определяющим мотивом в деятельности епископа Игнатия. Приступая к этому делу, Игнатий озаботился в первую очередь подготовкой соответствующих миссионерских кадров, для чего и была учреждена в 1829 году Олонецкая духовная семинария. Из Духовной консистории по распоряжению епископа рассылались по приходам указы, предписывающие местному духовенству собирать подробнейшие сведения о своем приходе и отсылать их в Консисторию. Такие сведения о Наглимозерской пустыни были собраны в 1833 году исполнявшим должность благочинного священником Лекшмозерского погоста Дмитрием Малининым²³. Этот документ озаглавлен «Исторические сведения об Аглимозерской пустыни Каргопольского уезда» и содержит информацию об истории пустыни, священных зданиях, священных вещах (иконах,

книгах, крестах и т.д.), праздниках и о священнослужителях. При архиепископе Аркадии Федорове (29 марта 1850 г. – 7 июля 1869 г.) подобная практика сохранилась, и в 1853 году тот же благочинный Д. Малинин собрал сведения повторно, в основном сохранив прежнюю информацию²⁴. Важным добавлением следует считать известие о закрытии прихода в 1834 году. Собранные Д. Малининым сведения о Наглимозерской пустыни, по-видимому, были известны К.А. Докучаеву-Баскову. Скорее всего, именно этот источник он неоднократно цитирует, называя его в примечаниях «записками, составленными около сороковых годов настоящего века»²⁵.

Представленные в этой статье источники подготовлены нами к публикации для московского журнала «Вестник церковной истории».

Приложения

¹В источниках встречаются два названия пустыни – «Наглимозерская» и «Аглимозерская», что, в частности, послужило причиной ошибки Амвросия (Орнатского), полагавшего, что это две разные пустыни. Местные жители считают, что исконным названием является «Аглимозеро»: «Его раньше называли Аглимозеро, дяденьки говорили: «Пошли на Аглимозеро», получилось Наглимозеро» (Каргополье: фольклорный путеводитель. Предания, легенды, рассказы, песни и присловья / под общ. ред. А.Б. Мороза. М., 2009. С. 118).

²Амвросий (Орнатский). История российской иерархии. М., 1811. Ч. 3. С. 68-69; 1813. Ч. 5. С. 135 (сведения о пустыни приведены здесь дважды: первый раз как об «Аглимозерской», второй раз как о «Наглимозерской»); Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 1004; Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1897. Ч. 3. № 1364.

³Барсов Е.В. Алфавитный указатель монастырей и пустынь, упраздненных и существующих в Олонецкой епархии, с их настоятелями // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 год. Петрозаводск, 1867. Ч. 3. С. 5, 18.

⁴Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1. С. 77-78.

⁵См.: Иванов В.И. Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI – XVII веках. СПб., 2007. С. 119, 125, 130; Кожевникова Ю.Н. Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII – начале XX в. Петрозаводск, 2009. С. 64, 70, 77 и др. См. также: Критский Ю.М., Синяговский С.А. Монастыри и пустыни Кенозерья в XIV – начале XX века // Святые и святыни северорусских земель. Каргополь, 2002. С. 121-122 (авторы этой статьи без всяких на то оснований называют Тимофея, основателя Наглимозерской пустыни, иноком Ошевенского монастыря); Мелютина М.Н. Монастырский ландшафт Кенозерья: культовые комплексы церковных интерьеров (по письменным, литературным и изобразительным источникам) // Культурное и природное наследие Европейского Севера. Архангельск, 2009. С. 259-261.

⁶См.: Абрамовский В.Н., Едовин А.Г. Новые данные о монастырях Кенозерья по архео-

логическим исследованиям 2003 – 2004 гг. // Свеча – 2005. Истоки: Религия и личность в прошлом и настоящем. Материалы международных конференций. Владимир; М., 2005. Т. 13. С. 11-12.

⁷Докучаев-Басков К.А. Наглимозерская-Артова пустыня // Христианское чтение. 1895. № 7-8. С. 131-169.

⁸Барсов Е.В. Указ. соч. С. 5; Богословский М.М. Указ. соч. С. 77-78.

⁹Там же. С. 78.

¹⁰Романов М.Ю. Стрельцы московские. М., 2004. С. 20-21, 42.

¹¹Архангельский «город» и посад по писцовой книге Мирона Андреевича Вельяминова и подъячих Божена Степанова и Онтоня Подольского. 1622 – 1624 гг. // Ясински М.Э., Овсянников О.В. Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север: проблемы и источники. СПб., 1998. Т. 2. С. 194-198.

¹²Записки о Московии XVI века сэра Джерома Горсея. СПб., 1909. С. 80.

¹³Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб., б. г. Кн. 2, т. 6 10. Стб. 875.

¹⁴Полное собрание русских летописей. Л., 1973. Т. 33. С. 171.

¹⁵Старицын А.Н. Каргопольские чудеса и повседневность XVII в. // Рябининские чтения – 2007. Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 447. А.В. Пигин атрибутирует Иоанну «Сказание о иконе Макария Желтоводского в Хергозерском монастыре» (см.: Пигин А.В. Сказание о иконе Макария Желтоводского в Хергозерском монастыре // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3, ч. 4. С. 603-605).

¹⁷Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Оп. 1, ч. 1. Д. 168. Л. 182; Ф. 236. Оп. 1. Д. 10. Л. 20-20 об.

¹⁸См.: Пигин А.В. Рукописные и старопечатные книги Государственной публичной библиотеки Карелии // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 48. С. 394.

¹⁹См.: Докучаев-Басков К.А. Указ. соч. С. 142-143.

²⁰Отдел письменных источников государственного исторического музея (далее ОПИ ГИМ). Ф. 450 (ф. Е.В. Барсова). Д. 698: Сведения о приходах карго-польских. Л. 42 об.

²¹Докучаев-Басков К.А. Указ. соч. С. 143.

²²Там же. С. 168; см.: Мелехова Г.Н., Носов В.В. Традиционный уклад Лекшмозерья. М., 1994. Ч. 2. С. 130.

²³ОПИ ГИМ. Ф. 450 (ф. Е.В. Барсова). Д. 698. Л. 42-43 об.

²⁴Там же. Л. 77-78 об.

²⁵Некоторые сведения, приводимые К.А. Докучаевым-Басковым из этих «записок», в деталях отличаются от тех, которые содержатся в документе из ОПИ ГИМ. Так, К.А. Докучаев-Басков пишет, ссылаясь на «записки», что Дмитрий Федоров был произведен пресвитером Наглимозерской пустыни в 1768 году (Докучаев-Басков К.А. Указ. соч. С. 161), в документе же из ОПИ ГИМ указана другая дата – 1760 год, и т.п. Подобные расхождения объясняются, по-видимому, разночтениями списков, описками или опечатками.

Сведения об авторах

Анциферова Анна Ивановна – начальник научно-методического и экспозиционного отдела НП «Кенозерский» (Архангельская область).

Базилевич Анатолий Михайлович – кандидат архитектуры, генеральный директор ООО «АРХИГРАД» (г. Москва).

Виерс Жером – профессор Университета Поль Сабатые, научный сотрудник лаборатории механизмов и транспорта в геологии Национального Центра научных исследований CNRS, Университет Тулузы (Франция).

Воробьёва Таисия Яркиевна – кандидат биологических наук, заведующая лабораторией пресноводных и морских экосистем Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

Галанина Ольга Владимировна – кандидат биологических наук, научный сотрудник Ботанического института РАН им. Комарова (г. Санкт-Петербург).

Гришина Ирина Евгеньевна – заместитель директора НИИ историко-теоретических проблем народного зодчества Петрозаводского государственного университета (г. Петрозаводск).

Гусева Марина Сергеевна – старший научный сотрудник НП «Кенозерский» (Архангельская область).

Дворянкин Геннадий Александрович – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник СевПИПРО (г. Архангельск).

Денисенков Виктор Петрович – кандидат географических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

Дюпре Бернар – главный научный сотрудник и директор обсерватории Миди-Пиреней, научный сотрудник лаборатории механизмов и транспорта в геологии Национального Центра научных исследований CNRS, Университет Тулузы (Франция).

Евсеева Лилия Михайловна – кандидат искусствоведения, заведующая научно-исследовательским отделом Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева» (г. Москва).

Ершов Виктор Петрович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии Карельского государственного педагогического университета (г. Петрозаводск).

Забелина Светлана Александровна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

Зеленина Яна Эрнестовна – кандидат искусствоведения, заведующая сектором по работе с музеями и издательствами Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева (г. Москва).

Иванова Анастасия Викторовна – специалист отдела развития НП «Кенозерский» (Архангельская область).

Калитин Владимир Александрович – кандидат технических наук, краевед (г. Санкт-Петербург).

Кирсанова Ольга Тимофеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Ростовского государственного экономического университета (г. Ростов-на-Дону).

Климов Сергей Иванович – научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

Клюканова Ольга Витальевна – старший научный сотрудник, хранитель Отдела древнерусского искусства Государственного Русского музея (г. Санкт-Петербург).

Колосова Юлия Сергеевна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории комплексного анализа космических и наземных данных для экологических целей Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

Косенков Александр Юрьевич – инженер НИИ историко-теоретических проблем народного зодчества Петрозаводского государственного университета (г. Петрозаводск).

Линник Юрий Владимирович – доктор философских наук, старший научный сотрудник НП «Водлозерский» (г. Петрозаводск).

Луцковская Елена Федоровна – главный хранитель Северодвинского городского краеведческого музея (г. Северодвинск).

Лютикова Наталья Павловна – старший научный сотрудник Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» (г. Архангельск).

Мальцев Никандр Викторович – заведующий отделом скульптуры Государственного Русского музея (г. Санкт-Петербург).

Мелютин Марина Николаевна – заместитель директора по научной работе НП «Кенозерский» (Архангельская область).

Мильчик Михаил Исаевич – кандидат искусствоведения, заместитель генерального директора НИИ «Спецпроектреставрация» (г. Санкт-Петербург).

Михайлова Любовь Петровна – кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка Карельского государственного педагогического университета (г. Петрозаводск).

Морева Ольга Юрьевна – научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

Нашокина Мария Владимировна – доктор искусствоведения, главный научный сотрудник НИИ теории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук (г. Москва).

Нечаева Татьяна Никитична – заведующая научно-фондовым отделом Цен-

трального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева (г. Москва).

Орлов Андрей Васильевич – научный сотрудник НИИ историко-теоретических проблем народного зодчества Петрозаводского государственного университета (г. Петрозаводск).

Пермиловская Анна Борисовна – кандидат культурологи, старший научный сотрудник Института экологических проблем УрО РАН (г. Архангельск).

Пигин Александр Валерьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Петрозаводского государственного университета (г. Петрозаводск).

Подболоцкая Марина Владимировна – кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры зоологии и методики обучения биологии Северного (Арктического) федерального университета (г. Архангельск).

Покровский Олег Сергеевич – кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск), сотрудник лаборатории механизмов и транспорта в геологии Национального Центра научных исследований CNRS, Университет Тулузы (Франция).

Полковникова Ирина Ивановна – старший научный сотрудник Государственного музея истории Санкт-Петербурга (филиал Шлиссельбургская крепость «Орешек») (Ленинградская область).

Пономарёва-Рунова Ольга Николаевна – преподаватель немецкого и английского языков МОУ «Гимназия № 3» (г. Мурманск).

Смагин Виктор Алексеевич – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Ботанического института РАН им. Комарова (г. Санкт-Петербург).

Смирнов Юрий Иванович – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН (г. Москва).

Собко Елена Иосифовна – научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

Согрина Светлана Александровна – старший научный сотрудник Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» (г. Архангельск).

Соколова Светлана Евгеньевна – аспирант Института экологических проблем лаборатории комплексного анализа космических и наземных данных для экологических целей Севера УрО РАН (г. Архангельск).

Соловьёва Ирина Дмитриевна – кандидат искусствоведения, заведующая отделом древнерусского искусства Государственного Русского музея (г. Санкт-Петербург).

Спажева Ирина Юрьевна – выпускница Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

Старицын Александр Николаевич – библиограф Института информации по общественным наукам РАН (г. Москва).

Тормосова Наталья Ильбрусовна – заведующая научно-исследовательским отделом Каргопольского государственного историко-архитектурного и художественного музея (г. Каргополь).

Трапезникова Ольга Николаевна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института геоэкологии РАН (г. Москва).

Трошина Татьяна Игоревна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы Северного (Арктического) федерального университета (г. Архангельск).

Усачёва Ольга Владимировна – младший научный сотрудник лаборатории комплексного анализа космических и наземных данных для экологических целей Института экологических проблем УрО РАН (г. Архангельск).

Цыганов Андрей Иванович – кандидат технических наук, старший инженер ООО «АРХИГРАД» (г. Москва).

Чупаков Артем Васильевич – младший научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

Шварцман Юрий Григорьевич – доктор геолого-минералогических наук, профессор кафедры географии и геоэкологии Северного (Арктического) федерального университета (г. Архангельск), заведующий лабораторией комплексного анализа космических и наземных данных для экологических целей Института экологических проблем УрО РАН (г. Архангельск).

Широкова Людмила Сергеевна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

Шорина Наталья Валерьевна – кандидат химических наук, старший научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем Института экологических проблем Севера УрО РАН (г. Архангельск).

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Иллюстрации к статье Луцковской Е.Ф.

*Ил. 1. Амбурские. Моленная и колокольня.
Фото Л.Ф. Добрынина, 1967 г.
Северодвинский городской краеведческий музей*

*Ил. 2. «Дорога» на Амбурские. Этнографическая
экспедиция сотрудников музея. 2010 г.
Фото С.П. Луцковского*

*Ил. 3. Пётрозерское кладбище. Замеры крестов.
Этнографическая экспедиция. 2005 г.
Фото С.П. Луцковского*

Иллюстрации к статье Мальцева Н.В.

Ил. 1. Валек (деталь). 1798 г.
Мастер
Афанасий Корельский.
Летний берег Белого моря

Ил. 4. Прялка (деталь). 1879 г.
Мастер Егор Бронников.
Архангельская губ., Архангельский уезд,
Яренская волость, д. Лопшеньга

Ил. 2. Рубель. XVIII в. Архангельская губ., Мезенский уезд, Долгощельская волость, с. Долгощелье. Валек. Середина XIX в. Архангельская губ., Мезенский уезд, Койдемская волость, с. Койда

Ил. 3. Прялка. XIX в.
Архангельская губ.,
Архангельский уезд,
Яренская волость,
д. Лопшеньга

*Ил. 5. Детская игрушка «конь». XIX в.
Архангельская губ., Архангельский уезд,
Яренская волость, д. Лошеньга*

*Ил. 6. Кукла «панка». XIX в.
Архангельская губ., Архангельский уезд,
Яренская волость, д. Лошеньга*

*Ил. 7. Прялка. XIX в.
Архангельская губ.,
Онежский уезд,
Пурнемская волость,
д. Пурнема*

*Ил. 8. Лопасть прялки.
1822 г.
Архангельская губ.,
Онежский уезд,
д. Пурнема*

Иллюстрации к статье Мильчика М.И.

Ил. 1. Нижнеозеро в системе селений и дорог Онежского полуострова. Карта-схема

Ил. 2. Нижнеозеро. План волости с указанием точек восприятия погоста. А (с юго-запада) – с горы Сиверухи; Б (с северо-запада) – с левого берега Средней Нижмы. Реконструкция Ю.С. Ушакова на основе шагомерной съемки 1969 г.

Ил. 3. Вид на погост с запада – с левого берега Средней Нижмы. Фото М.И. Мильчика, 1967 г.

*Ил. 4. Вид с севера-запада на застройку
правого берега Средней Нижмы и погост.
Фото М.И. Мильчика, 1967 г.*

*Ил. 5. Никольская церковь (1661 г.)
и Церковь Уверения апостола Фомы (1871 г.).
Вид с северо-запада.
Фото Н.И. Розова, 1960-е г.*

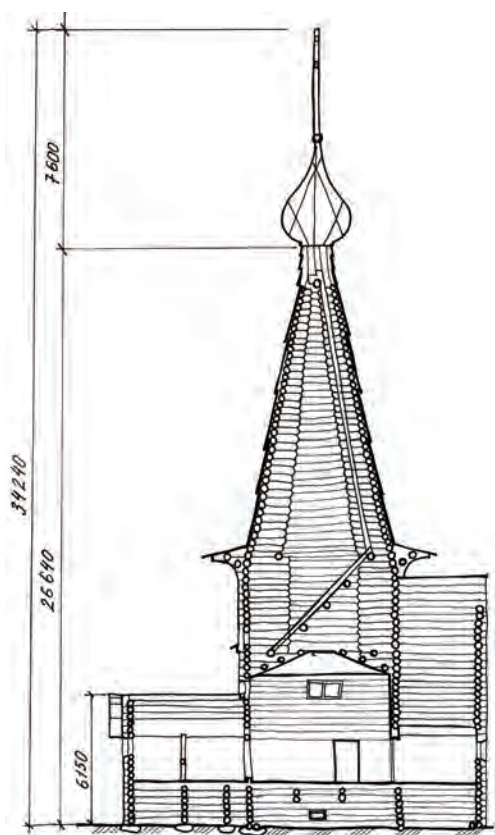
*Ил. 6. Никольская церковь (1661 г.)
и колокольня (1766 г.).
Вид с северо-востока.
Фото В.В. Сулова, 1886 г.*

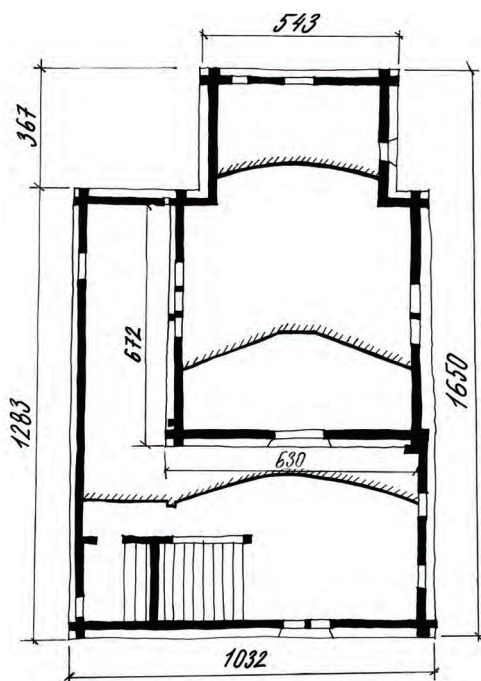
*Ил. 7. Никольская церковь.
Вид с северо-запада.
Фото М.И. Мильчика, 1967 г.*

Ил. 8. Вид на погост и застройку обоих берегов Средней Нижмы. Реконструкция Ю.С. Ушакова

Ил. 9а

Ил. 9б

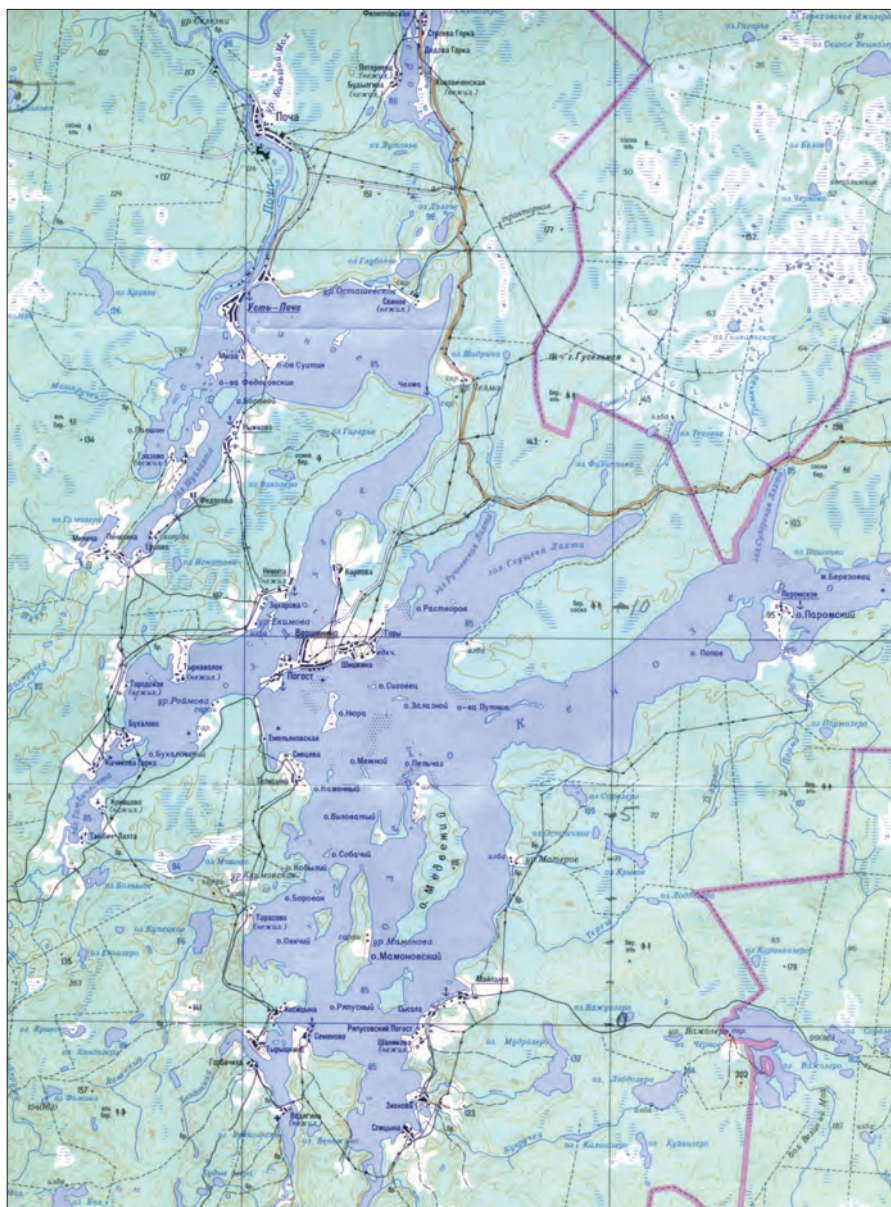
Ил. 9а, 9б. Никольская церковь.
План на отметке + 1.50
и разрез по линии запад – восток.
По обмерам И.Б. Пуришева и М.И. Мильчика

Иллюстрации к статье Пермиловской А.Б

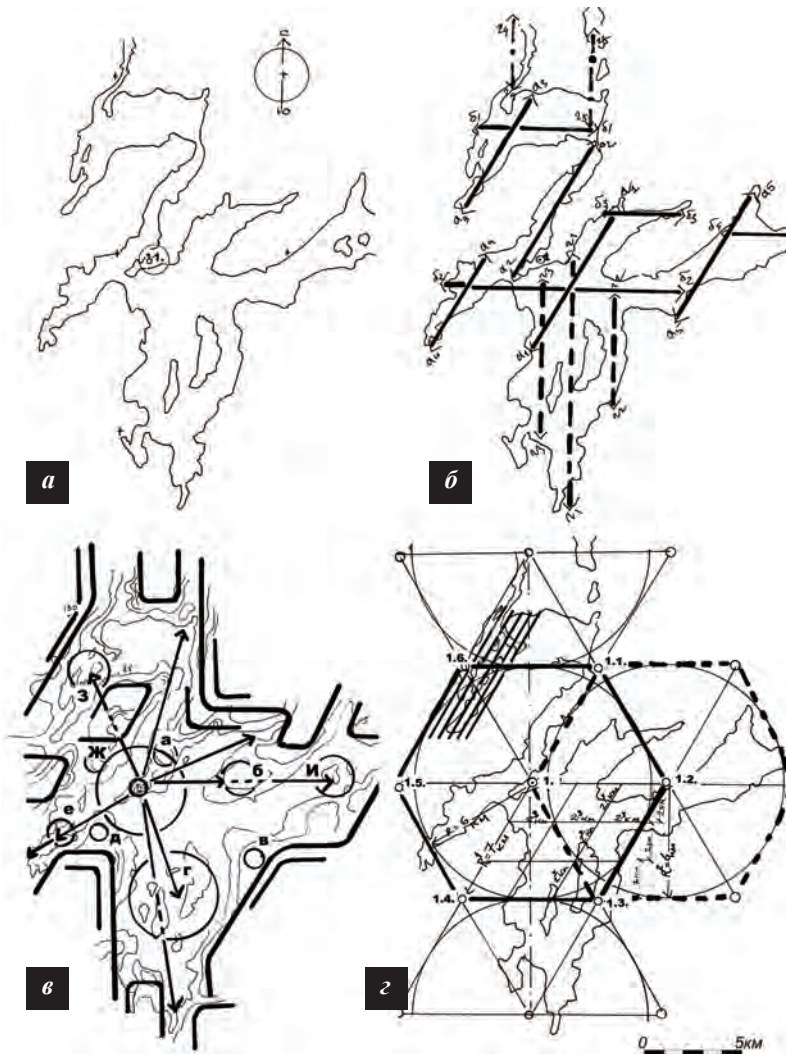

*Панорама деревни Кимжа.
Фото А.Б. Пермиловской*

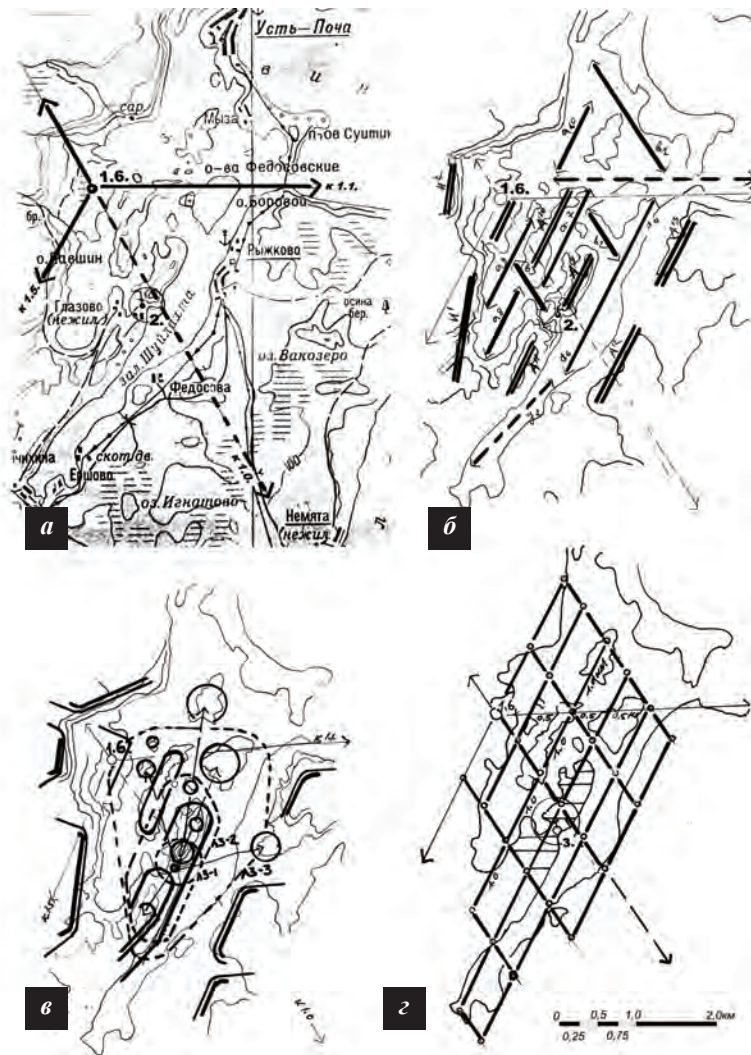
Иллюстрации к статье Базилевича А.М

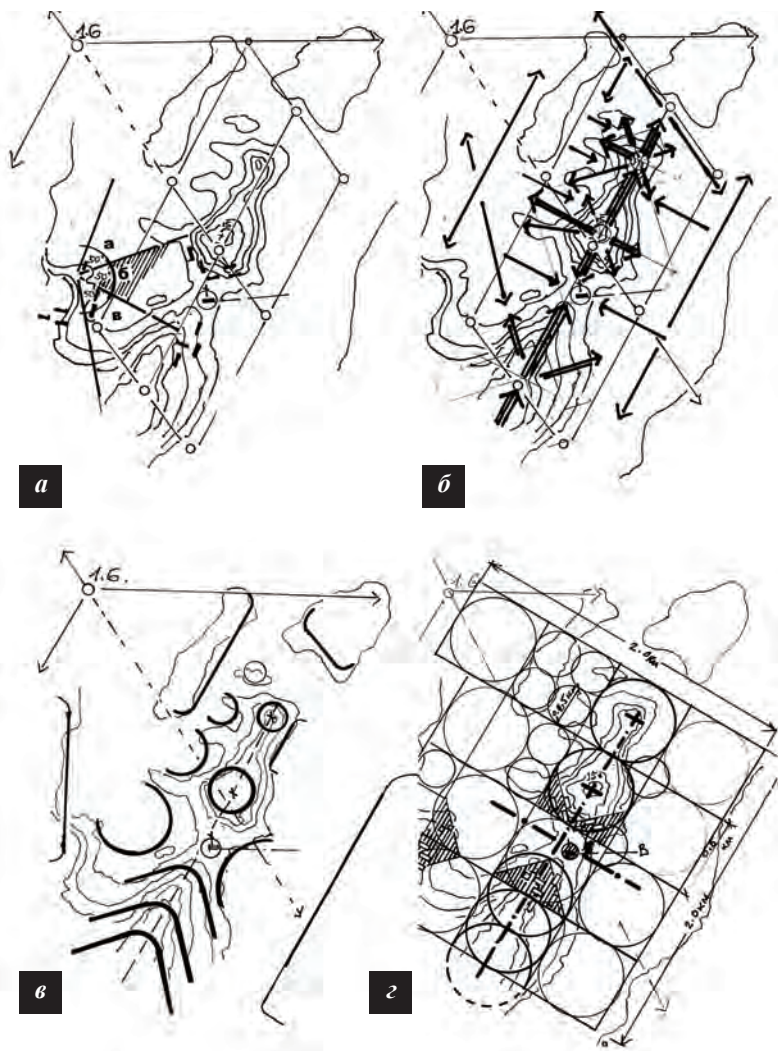
*Ил. 1. Кенезерье. Архангельская область.
Топографическая карта (фрагмент). Масштаб 1:100000*

Ил. 2. Модулирование территории

Ил. 3. Модулирование ландшафтных зон

Ил. 4. Модулирование участка

Условные обозначения:

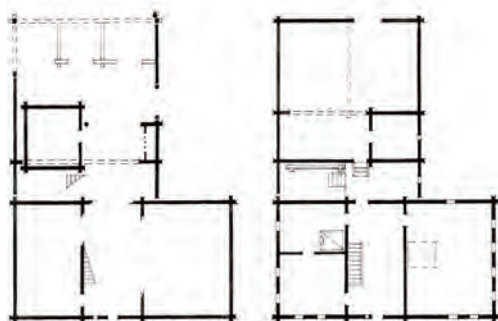
- ~ граница акватории
- ← основные направления форм рельефа
- ←← второстепенные направления форм рельефа
- главные оси природного пространства
- акцент природного пространства
- граница ландшафтных зон
- ▨ застроенные участки деревни

- ⊙ часовня
- ⊗ Мт – генеральный модуль территории – $R=6/7$ км
- ◇ Мл – модуль ландшафтной зоны – $0,5 \times 1,0$ км
- ⊠ Мум – модуль участка местности – $R=0,25$ км

Иллюстрации к статье Гришиной И.Е.

Ил. 1а. Дом Вахрамеевых, общий вид, д. Карпова

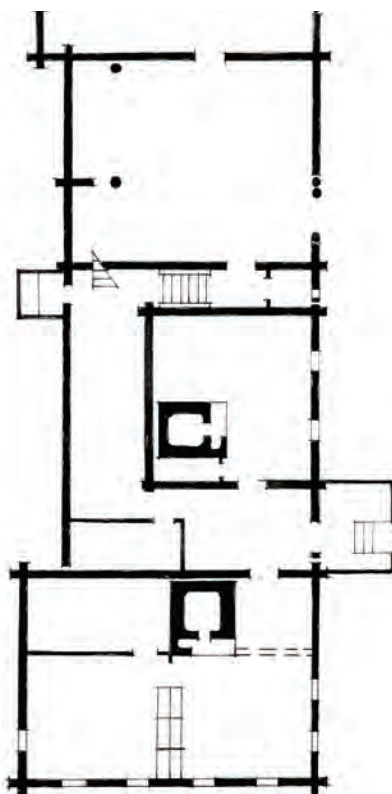
Ил. 1б. Дом Вахрамеевых, планы, д. Карпова

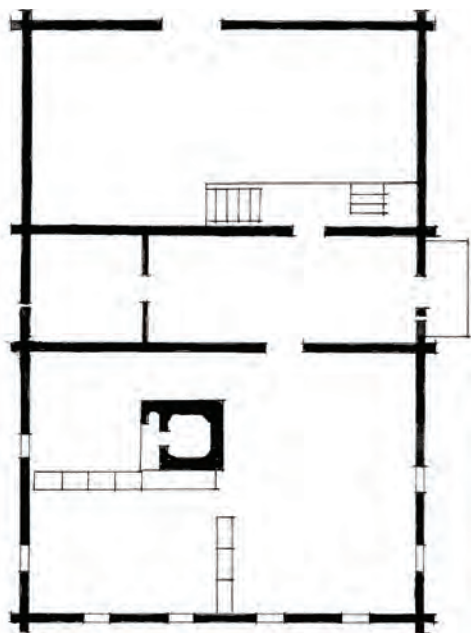
Ил. 2. Хозяйственные части домов-комплексов с «сараем на столбах», д. Спицина

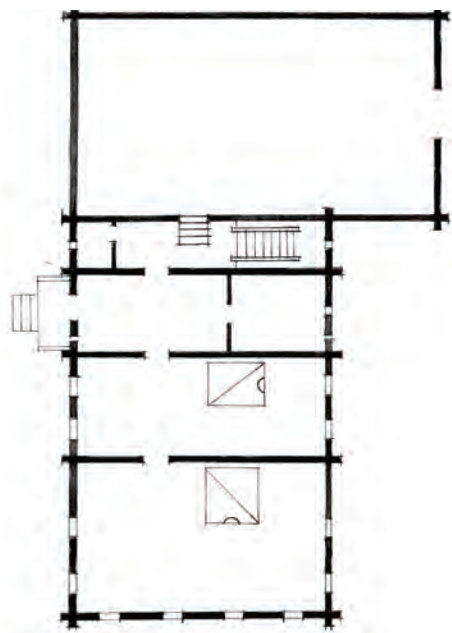
Ил. 3. Хозяйственные части домов-комплексов с «сараем на углах», д. Минино

Ил. 4. Дома с «боковыми» жилыми помещениями, план дома, д. Спицина, 1915 г.

Ил. 5а. Результаты развития избы четырех-стенка, изба с обратной боковой постановкой печи в доме А.А. Семеновой (дом 1928 г., перепланировка избы 1964 г.), д. Зихново

Ил. 5б. Результаты развития избы четырех-стенка, жилая часть в виде пятистенка с поперечным перерубом в доме А. А. Глебовой, д. Карпова, 1934 г.

Ил. 6. Кронштейн с мотивом «валик, вписанный в выкружку», д. Шишкино

Ил. 7. Дом, д. Филипповская

*Ил. 8. Остатки волютного наличника,
д. Ведагино*

*Ил. 9а. Черная баня с с потолочной дымницей,
д. Спицина*

*Ил. 9б. Черная баня со стеновым дымоволоком,
д. Семеново*

Ил. 10. Амбар, д. Семеново

Ил. 11. Амбар, д. Минино

*Ил. 12. Амбар, д. Минино.
Сводчатый бревенчатый накат покрытия*

Иллюстрации к статье Ивановой А.В

*Ил. 1. Церковь преп. Александра Свирского
на Хижгоре. Интерьер придела.
Фото С. Никольского, 1984 г.*

*Ил. 2. Часовня Введения Богородицы во Храм
в д. Рыжково с утраченной главкой.
Фото Н.А. Быковской, 1972 г.*

*Ил. 3. Церковь Петра и Павла в д. Морщихинской.
Трапезная, приспособленная под зернохранилище.
Фото П.И. Шармина, 1984 г.*

*Ил. 4. Церковь преп. Александра Свирского
на Хижгоре. Интерьер алтаря.
Фото С. Никольского, 1984 г.*

Иллюстрации к статье Калитина В.А.

Ил. 1. А.Ф. Гильфердинг

Ил. 2. В.Ф. Гильфердинг. ЦГИА

*Ил. 3. Надгробие А.Ф. Гильфердинга.
Новодевичье кладбище (г. Санкт-Петербург)*

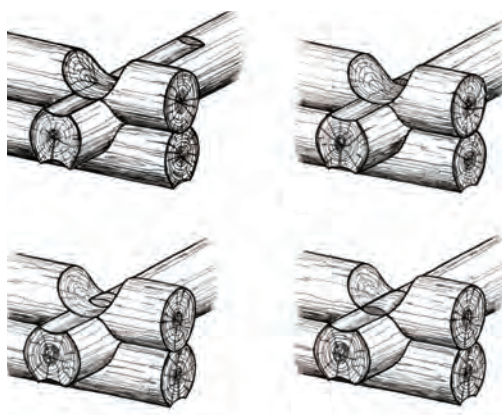

*Ил. 4. Дом М.И. Шишкина в д. Шишкино,
где останавливался А.Ф. Гильфердинг*

Иллюстрации к статье Косенкова А.Ю.

Ил. 1. Припазовка бревен в срубе: а – нижняя, б – двойная. Фото А.Ю. Косенкова

Ил. 2. Разновидности «разнопазы» в зависимости от длины верхнего продольного паза

Ил. 3. Треугольный продольный паз на руинированной постройке в д. Карпово Плесецкого района Архангельской области

Ил. 4. Устройство «засека» на бревнах Успенской часовни конца XVII века в д. Васильево на острове Кижь. Фото А.Ю. Косенкова

Ил. 5. Геометризованный треугольный валик в основании чаши на срубе хлева в д. Илекинская Каргопольского района Архангельской области

Ил. 6. Покрытие хлева в виде сплошного наката из бревен с боковой припазовкой в д. Морщихинской Каргопольского района Архангельской области

Ил. 7. Лежимозерье. Берестяные хомуты. Фото А.Ю. Косенкова

Иллюстрации к статье Полковником И.И.

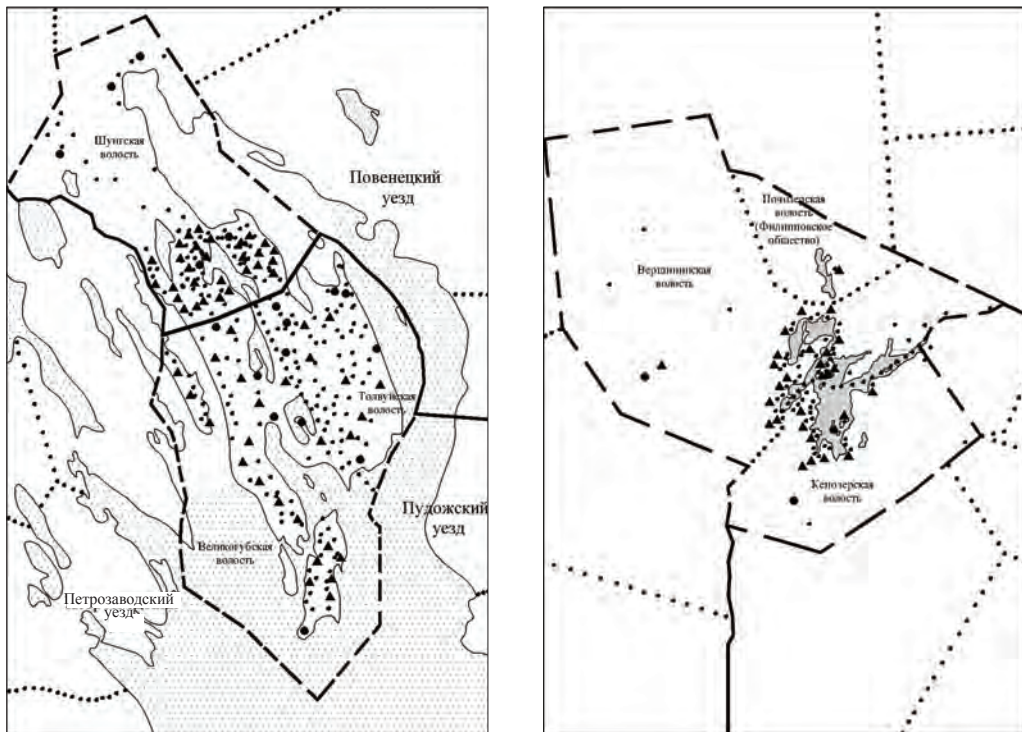

*Ил. 1. Набережная Обводного канала.
Участок от улицы Боровой
до Воронежской улицы принадлежал
М.Г. Ильиной.
Санкт-Петербург. 2010 г.*

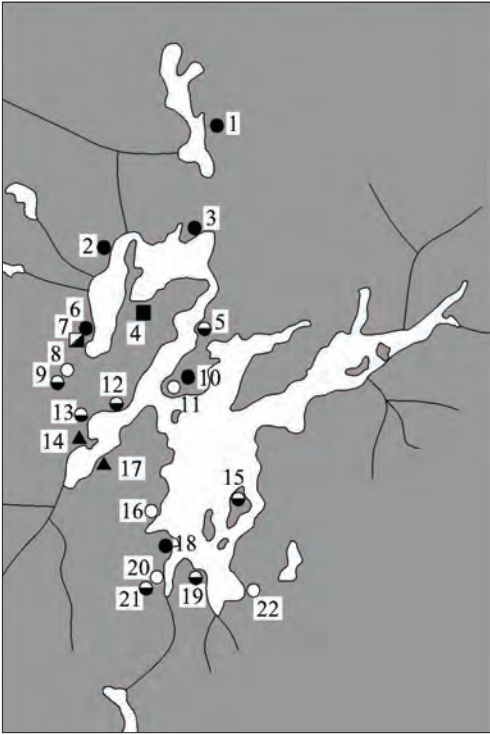

*Ил. 2. Подворье Кирилло-Челмогорского
монастыря. Санкт-Петербург. 2010 г.*

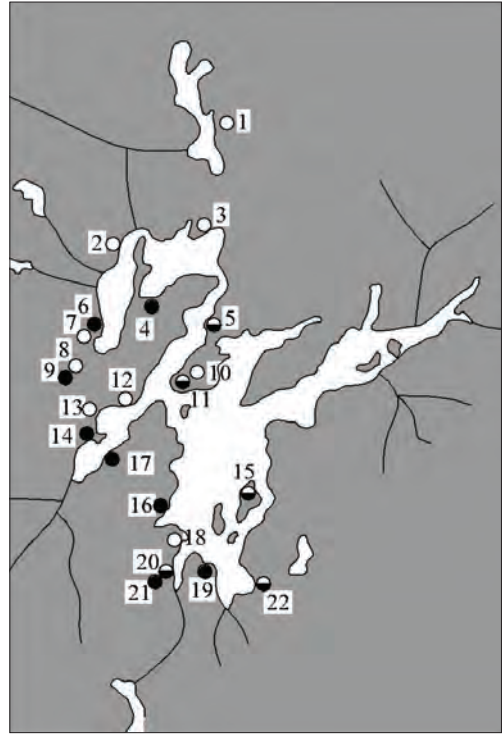
Иллюстрации к статье Орлова А.В.

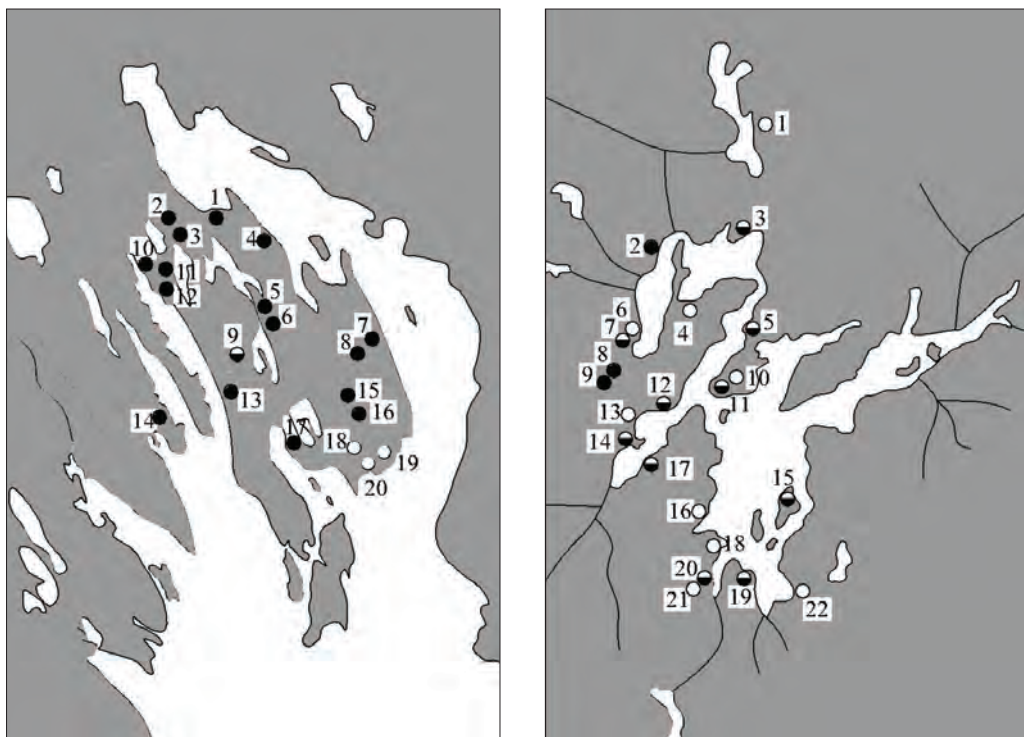
Ил. 1. Поселения, в которых: • – нет культурных построек, ◉ – есть церкви, ▲ – есть часовня.
••• – границы волостей Олонецкой губернии, — — границы уездов Олонецкой области,
— — границы историко-культурных зон

Ил. 2. Полученные датировки по отношению к официальным:
 ▲ – совпадающие
 ■ – хронологические расширенные
 □ – хронологические зауженные
 ○ – архаичные
 ● – наиболее архаичные
 ○ – более поздние

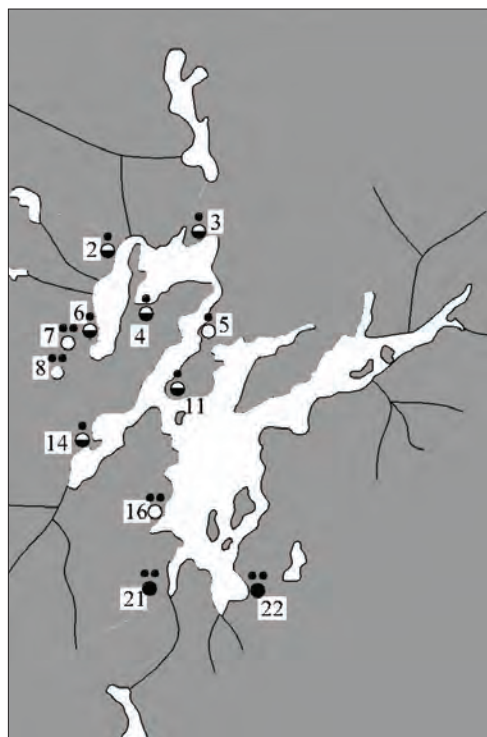
Ил. 3. Время построек часовен в Кенозерье:
 ○ – XVIII век
 ○ – XVIII – XIX век
 ● – XIX век

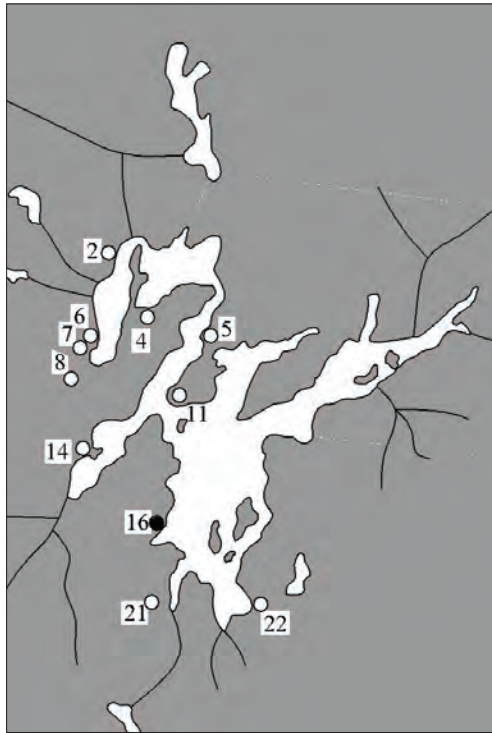
Ил. 4. Локализация часовен по камерности в Заонежье (слева) и Кенозерье (справа):
 ○ – однокамерная часовня
 ● – двухкамерная часовня

*Ил. 5. Высота часовен в Заонежье (слева) и Кенозерье (справа):
 ○ – равновысокие часовни
 ● – часовни с повышенным кафоликоном*

Ил. 7. Типологические особенности колоколен в Заонежье (слева) и Кенозерье (справа):
 ○ – основание четверик
 ○ – основание шестерик
 ● – основание восьмерик
 ● – одинарные столбы яруса звона
 ●● – двойные столбы яруса звона

Ил. 6. Время надстройки колоколен в Кенозерье:
○ – XIX – XX век
● – XX век

Иллюстрации к статье Соколовой С.Е.

Ил. 1. *Lymnaea intermedia* Lamarck, 1822

Ил. 2. *Lymnaea glutinosa* (Mueller, 1774)

Ил. 3. *Anisus vortex* (Linnaeus, 1758)

Ил. 4. *Bithynia tentaculata* (Linnaeus, 1758)

Ил. 5. *Cincinna depressa* (C. Pfeiffer, 1828)

Иллюстрации к статье Анциферовой А.И.

Ил. 1. Труженицы тыла, д. Вершино, 9 мая 2008 г.

Ил. 2. На лесозаготовках, конец 1940-х гг. Семейный архив Я.М. Баева

*Ил. 3. Полевые работы в колхозе «Красный воин»,
д. Спицыно.
Семейный архив И.Е. Спицына*

*Ил. 4. Эвакуированные из г. Ленинграда
Шишкина Мария Михайловна
с сыном Владимиром, д. Шишкино, 17.08.1941 г.
Семейный архив О.А. Шишкиной*

*Ил. 5. Шевницыны Надежда Ефимовна
и Петр Иванович – участник
Великой Отечественной войны,
д. Орлово, 1946 – 1947 гг.*

*Ил. 6. Детство, опаленное войной:
Владимир Сергеевич Губин с племянниками,
д. Вершиино, 1947 г.
Семейный архив А.В. Губина*

Иллюстрации к статье Евсеевой Л.М.

Ил. 1. «Спас в силах. Преполовение. Беседа Христа с самаритянкой». На записи 1867 г. Из иконостаса Преображенской церкви с. Коровино

Ил. 2. «Богоматерь». На записи 1867 г. «Архангел Михаил». Из иконостаса Преображенской церкви с. Коровино

*Ил. 3. «Богоматерь». На записи 1867 г.
«Архангел Михаил». XVI в.*

*Ил. 5. «Преображение». На записи 1867 г.
«Распятие». XVI в.*

*Ил. 4а. «Неизвестный
свяtitель». На записи 1867 г.
«Рождество Христово».
XVI в.*

*Ил. 4б. «Неизвестный свяtitель».
На записи 1867 год.
Фрагмент живописи XVI в.
«Рождество Христово».*

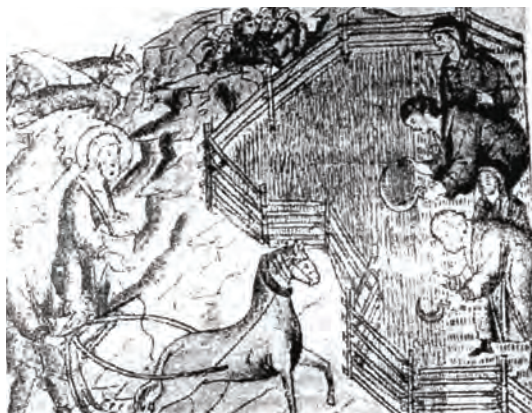
*Ил. 6. «Апостол Филипп».
На записи 1867 г.
«Апостол Петр». XVI в.*

Иконы из иконостаса Преображенской церкви села Коровино.

Иллюстрации к статье Ершова В.П.

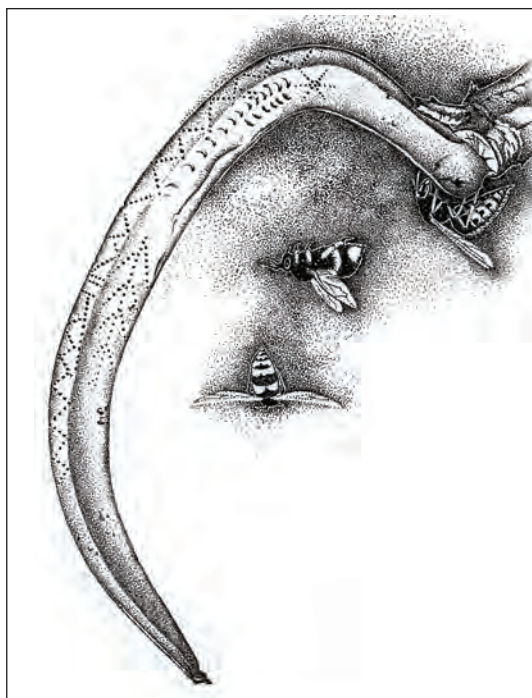
Ил. 1. Список иконы Пророк Захария

Ил. 2. Изображение крестьян с серпами. ГИМ

Ил. 3. Орнаментированный серп-урак (г. Самарканд)

Ил. 4. Серп. Архангельская область, Плесецкий район, Кенозерский с/с

Иллюстрации к статье Зелениной Я.Э.

Ил. 1. Икона «Собор Карельских святых». 1876 г. Мастерская В. М. Пешехонова в Санкт-Петербурге. Домовая церковь Церковного управления Финляндской Православной Церкви

Ил. 2. Икона «Собор Карельских святых». 1876 г. Мастерская Валаамского монастыря. Музей Православной Церкви в Куопио

Ил. 3. Музей Православной Церкви в Куопио

Иллюстрации к статье Мелютина М.Н.

*Ил. 1. Ильинская часовня в деревне Перилахта.
Фото Б.М. и Ю.М. Соколовых. 1927 г. РГАЛИ*

*Ил. 2. Престольный праздник в часовне
Тихвинской Божией Матери
в д. Горы (Вершинино).
Фото Б.М. и Ю.М. Соколовых. 1927 г. РГАЛИ*

Ил. 3. Икона «Успение Богоматери». Конец XIX – начало XX в. ФГУ НП «Кенозерский»

Иллюстрации к статье Нечаевой Т.Н.

Ил. 1. Св. апостол Петр (из Деусы).
XVIII в.

Ил. 2. Св. Даниил Столпник, св. Медост, св. Власий,
св. Анастасия в молении. XVIII в.

Ил. 3. Деус, Воскресение – Сошествие во ад,
Троица (Гостеприимство Авраама). XVIII в.

Ил. 4. Пророческий и праздничный чин. XVIII в.

*Ил. 5. Происхождение Честных Древ Животворящего Креста Господня. 1778 г.
(Худ. Богданов-Карбатовский)*

Ил. 6. Происхождение Честных Древ Животворящего Креста Господня. XVIII в.

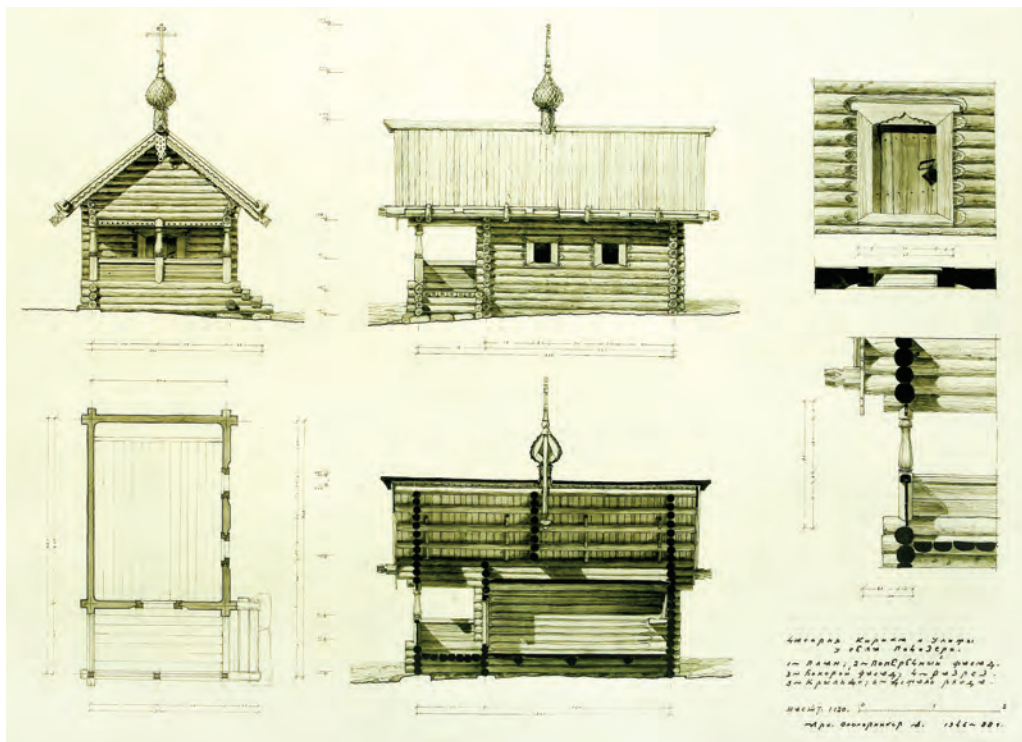
Иллюстрации к статье Согриной С.А.

*Ил. 1. Икона. Апостол Иаков.
Конец XVIII – начало XIX в.
Из Макарьевской часовни
д. Фёдоровской Плесецкого района
Архангельской области.
КП-1 АГМДЗиНИ «Малые Корелы»*

*Ил. 2. Икона «Зосима и Савватий Соловецкие,
с видом монастыря». Начало XIX в.
Из Макарьевской часовни д. Фёдоровской
Плесецкого района Архангельской области.
КП-27 АГМДЗиНИ «Малые Корелы»*

*Ил. 3. Часовня Кирика и Иулитты, с. Почозеро Плесецкого района Архангельской области.
Обмерный чертеж А.В. Ополоникова.
1946 – 1988 гг. КП-27 АГМДЗиНИ «Малые Корелы»*

Фото к статье Соловьевой И.Д.

*Ил. 1. Напрестольный крест.
Фрагмент. 1682 г. ГРМ*

*Ил. 2. Напрестольный крест.
Лицевая сторона. 1682 г. ГРМ*

*Ил. 3. Напрестольный крест.
Оборотная сторона. 1682 г. ГРМ*

Ил. 4. Напрестольный крест. Фрагмент. 1682 г. ГРМ

Фото к статье Спажевой И.Ю.

Ил. 1. Расписной потолок XIX в. Ильинская часовня, д. Калитинка Каргопольского района Архангельской области

Ил. 2. «Небо». Вторая половина XIX в. Никольская церковь, д. Ловзанга Каргопольского района Архангельской области. Фото Т.М. Кольцовой

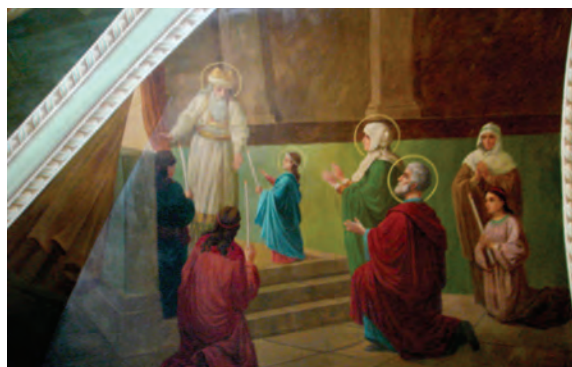
Ил. 3. «Небо». Последняя четверть XIX в. Введенская часовня, д. Рыжково Плесецкого района Архангельской области. Фото Н. Кулебякина

Ил. 7. Сорокин Е.С. Евангелист Иоанн. Роспись пилона храма Христа Спасителя в Москве (воссоздали Артемьев А.В., Веркман Л.Я., Оскольский А.М., Трушков М.А.)

*Ил. 4. Нестеренко В.И.
«Введение во храм
Пресвятой Богородицы».
Эскиз иконы Богородичного цикла
храма Христа Спасителя в Москве*

*Ил. 8. «Ведение Богородицы во храм».
Роспись Всехсвятского собора, г. Тула*

*Ил. 6. «Небо». Последняя четверть XIX в.
Часовня Сошествия Святого Духа, д. Глазово
Плесецкого района Архангельской области.
Фото Н. Кулебякина*

*Ил. 5. «Небо». Радиальная грань
«Апостол Варфоломей»,
«Введение Богородицы во храм».
Конец XIX в. Часовня Трех святителей,
д. Нямта Плесецкого района
Архангельской области.
Фото Н. Кулебякина*

СОДЕРЖАНИЕ

Междисциплинарный подход в исследовании этнокультурного ландшафта Русского Севера: этапы, концепции, методы

<i>Лютикова Н.П.</i> Часовни и кресты на Русском Севере (по письменным источникам).....	4
<i>Луцковская Е.Ф.</i> Из опыта проведения экспедиций Северодвинского музея в бывший Амбурский старообрядческий скит.....	23
<i>Мальцев Н.В.</i> Народное искусство Северного Поморья.....	32
<i>Мильчик М.И.</i> Нижмозеро: роль архитектурно-градостроительного компонента в формировании культурного ландшафта волости.....	45
<i>Нацоккина М.В.</i> Русский пейзаж в современных реалиях.....	50
<i>Пермиловская А.Б.</i> Методика изучения этнокультурных ландшафтов Русского Севера.....	59
<i>Трапезникова О.Н.</i> Пространственная организация и локализация традиционных агроландшафтов Русского Севера.....	69
<i>Трошина Т.И.</i> Природно-климатический фактор организации социальной жизни (на материалах Русского Севера).....	78
<i>Шварцман Ю.Г.</i> Современные геодинамические процессы на заповедных территориях Архангельского региона.....	93

Историко-культурные и природные процессы формирования этнокультурного ландшафта Кенозерья: история и современные тенденции

<i>Воробьева Т.Я., Широкова Л.С., Климов С.И., Морева О.Ю., Забелина С.А., Собко Е.И., Шорина Н.В., Чупаков А.В., Покровский О.С.</i> Современное экологическое состояние озер южной части Кенозерского национального парка.....	104
<i>Базилевич А.М.</i> Модулирование природного пространства Кенозерья.....	115
<i>Гришина И.Е.</i> Архитектура жилых и хозяйственных построек Кенозерья (по материалам полевых исследований 2008 – 2009 гг.).....	121

<i>Дворянкин Г.А.</i> Экологическая характеристика рыбной части сообщества Кенозерского национального парка и биология основных промысловых видов рыб.....	131
<i>Иванова А.В.</i> Устные рассказы о разрушении кенозерских святынь: к вопросу об указателе сюжетобразующих мотивов.....	148
<i>Калитин В.А.</i> Новые биографические данные А.Ф. Гильфердинга, обнаруженные в архивах и библиотеках.....	160
<i>Курсанова О.Т.</i> Дерево как прообраз человека в мифологическом сознании.....	177
<i>Колосова Ю.С., Подболоцкая М.В.</i> Насекомые-опылители в этнокультурных ландшафтах Кенозерского национального парка.....	185
<i>Косенков А.Ю.</i> Традиционные срубные конструкции в Кенозерье и Лекшмозерье.....	191
<i>Линник Ю.В.</i> Озеро Кено: морфология и семиотика.....	196
<i>Линник Ю.В.</i> Кенозерье – Водлозерье: унисон и контрапункт.....	202
<i>Михайлова Л.П., Пономарёва-Рунова О.Н.</i> Живое и исчезающее Кенозерское слово.....	208
<i>Орлов А.В.</i> Типологические исследования часовен: Кенозерье и Зонежье.....	214
<i>Покровский О.С., Виерс Ж., Дюпре Б., Широкова Л.С., Климов С.И., Морева О.Ю., Забелина С.А., Воробьёва Т.Я.</i> Эволюция состава растворенных макро- и микрокомпонентов и органического углерода в озере Вильно водосборного бассейна Белого моря: связь с экологотрофическими группами бактериопланктона.....	222
<i>Полковникова И.И.</i> Связи Санкт-Петербурга и Кенозерья в начале XX века.....	231
<i>Соколова С.Е.</i> Брюхоногие моллюски озер Кенозеро и Долгое.....	236
<i>Смагин В.А., Галанина О.В., Денисенков В.П.</i> Евтрофные болота окрестностей Гужовской мельницы и история развития их растительности.....	241
<i>Тормосова Н.И.</i> Лекшмозерская и Кенозерская волости: история административно-территориального устройства во второй половине XVIII – начале XIX века.....	254
<i>Усачёва О.В.</i> Двустворчатые моллюски озера Кенозеро как неотъемлимый компонент природного ландшафта Кенозерского национального парка.....	262

<i>Цыганов А.И.</i> Геофизические исследования подземного пространства памятников архитектуры Кенозерья.....	270
--	-----

Памятники культуры как часть культурного ландшафта

<i>Анциферова А.И.</i> Кенозерье в годы Великой Отечественной войны в исторической памяти населения.....	274
<i>Евсеева Л.М.</i> Иконы и иконостасы храмов Пахомиева Кенского монастыря	282
<i>Ершов В.П.</i> Серп из Кенозерья (к проблеме орнамента на серпах).....	297
<i>Зеленина Я.Э.</i> Уникальные иконы Собора карельских святых из Финляндии.....	305
<i>Калитин В.А., Гусева М.С.</i> История Почезерского прихода в XIX – XX веках (по архивным и полевым материалам).....	313
<i>Мелютина М.Н.</i> Священный календарь Кенозерья.....	322
<i>Нечаева Т.Н.</i> Группа северных икон из Почозера.....	342
<i>Согрина С.А.</i> Культурно-исторические памятники Кенозерья в собрании Архангельского государственного музея деревянного зодчества народного искусства «Малые Корелы» (на примере отдельных коллекций).....	349
<i>Соловьёва И.Д., Клюканова О.В.</i> Серебряный реликварный крест из Пахомиева Кенского монастыря.....	357
<i>Смирнов Ю.И.</i> Состав былинной традиции Кенозера.....	364
<i>Смирнов Ю.И.</i> Циклизация былин кенозерской записи.....	375
<i>Спажева И.Ю.</i> К вопросу об источниках иконографии некоторых кенозерских «небес» последней четверти XIX века.....	381
<i>Старицын А.Н., Пигин А.В.</i> К изучению монастырской истории Кенозерья (Наглимозерская Артова пустынь).....	388
Сведения об авторах.....	395
Иллюстрации.....	399

Научное издание

КЕНОЗЕРСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2009

**Этнокультурный ландшафт Кенозерья:
междисциплинарное исследование на пересечении
естественных и гуманитарных наук**

*Сборник материалов
IV Всероссийской научно-практической конференции*

Составитель **Мелютина** Марина Николаевна

Фото на обложке Ю.Е. Ломакова
Дизайн обложки А.В. Мартыновой

Редактор И.М. Кудрявина
Оригинал-макет А.П. Подболоцкой

Подписано в печать 29.07.2011. Формат 165*225. Бумага писчая.
Усл. печ. л. 37,2. Уч.-изд. л. 33,8. Тираж 300 экз. Заказ № 476.

Типография ЗАО «Партнер НП»
164500, г. Северодвинск, пр. Беломорский, 48
тел.: (8184) 55-08-48